

Небольшое предуведомление читателю

С момента издания книги в декабре 2005 года прошло 4 года. За это время значительно разрослась аудитория сайта fasciology.narod.ru, опубликованы новые статьи и книги по фасцинологии, развивающие идеи, изложенные в этой первой в мире книге по проблемам fascinации. Начинает складываться и оформляться новое научное направление в познании человека и общества. Можно сказать теперь уже с полной уверенностью, что монография «Фасцинология» явилась началом не только новой фундаментальной науки, но и нового научного направления, которое в неполной мере, но все же достаточно отражено в предложенной автором схеме.

Из рецензии на книгу «Фасцинология»:

Говорить и писать об этой книге непросто. Во-первых, всякое по-настоящему новое непривычно, ломает стереотипы, а потому воспринимается с осторожностью и некоторыми опасливыми ожиданиями. Во-вторых, сама идея и проблематика, представленная в книге, просится под известную формулу, что если бы этой книги не было, то ее следовало бы выдумать (и написать!) <...> все десять глав книги свидетельствуют о чрезвычайной актуальности (исследовательской и практической) изучаемого феномена, а также о том, что многие аспекты его, отмеченные в литературе и представленные автором, почему-то незаслуженно игнорировались и продолжают недооцениваться. Все поведенческие науки... неизбежно содержат в себе фасцинативный компонент. И несомненная заслуга В. Соковнина состоит в том, что он увидел и представил в едином тексте насущную необходимость целостного видения человеческого поведения через призму фасцинологии. <...> Перспективы этой науки мне видятся значительно шире <...>. Они связаны не только с теми аспектами, которые отметил автор, но и с кардинальным пересмотром человеческой сущности и многих теорий и концептов, претендующих на раскрытие ее. Без методологического и эвристического потенциала фасцинологии картина не может быть полной. А потому – творческий пересмотр теорий человеческого поведения в контексте фасцинологии неизбежен.

Б. Ушаков,

профессор кафедры управления персоналом
Северо-Западной академии Государственной службы (г. Санкт-Петербург)

Посвящаю
дочери Дашеньке

В. Соковнин

ФАСЦИНОЛОГИЯ
FASCINOLOGY

В. Соковнин

ФАСЦИНОЛОГИЯ FASCINOLOGY

Пролегомены к науке
о чарующей, доминантной и устрашающей
коммуникации животных и человека

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2005

ББК \ С550.1
С 592

Соковнин В.М.

С 592 Фасцинология: Прологомены к науке о чарующей, доминантной и устрашающей коммуникации животных и человека. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 400 с.: с ил.

ISBN 5-7825-1447-9

В книге представлены результаты первого в мире комплексного исследования феномена фасцинации, предпринятого известным российским ученым В. Соковниным, заложены основы новой науки, созданной автором в 2002 г. и названной им “фасцинология” – науки о чарующей, доминантной и устрашающей сигнализации и коммуникации животных и человека.

С этой книги по сути начинается фасцинология как новая фундаментальная наука и как новое направление в исследованиях природы человека и общества.

Книга может быть полезной для философов, психологов, этологов, политологов, этнологов, педагогов, искусствоведов и всех, кто интересуется законами и тайнами биологической и социальной коммуникации

ББК С550.1

ISBN 5-7825-1447-9

© Соковнин В. М., 2005

© Издательство Уральского
университета, 2005

Оглавление

Ю. Кнорзов. Об изучении фасцинации	8
Введение. К семантике термина “фасцинология”	9
Глава I. Фасцинация, информация, жизнь	
Фасцинация и информация – составляющие биологической и социальной коммуникации	12
Фасцинация и информация равноценны и дополнительные	16
Тревожно-сладостное восприятие мира	21
От соматической озабоченности к психосоматическому наслаждению	25
По эту и по ту сторону удовольствия.....	28
Сексуальная фасцинация и оргазм	30
Ожирение как дань вкусовой фацииции	32
Сигнальная фасцинация отшибает волю и разум	33
Первые сладкие ощущения – самые опасные	35
Фасцинация при опасности, страхах, ужасах, обиде	38
Польза страха	41
Волнующая приятность страха	42
Сигналы утешения и наведения ужаса	44
Фасцинация взгляда в упор	45
Фасцинация доминантных сигналов подавления и обиды	46
Гипотеза о механизмах мгновенного распознавания агрессии и обиды	48
Сигналы фацииции	51
Фасцинация и стресс	56
Стрессовая встряска полезна	57
Фасцинация и аффекты	60
Мажорные эмоции	61
Аффекты при фацииции страсти и азарта	63
Эмоции-встряски	64
Синяк под глазом как яркая фасцина	66
Регрессивные реакции и эмоции при шоковой фацииции опасности и обиды	67
Фасцинация и суггестия	68
Фасцинация, суггестия и готовность верить	72
Глава II. Механизмы фацииции	
Функции фацииции	75
Важнейшие характеристики фасцинативного сигнала	77
Слова и фразы, выражающие фасцинаторные аффекты	81
Признаки фасцинаторного действия	83
Функциональные черты и механизмы фацииции	85
Критерии чарующей фацииции	87
Критерии утешающей фацииции	90
Афасцинация	91
Антифасцинация	93
Контрфасцинация	97
Двухуровневая фацииция и относительность красоты и любви	97
Вытесняющая и замещающая фацииция	99
Нейрофизиология и биохимия фацииции	101
Структуры мозга, участвующие в эмоциях	105
О роли доминанты А. Ухтомского в механизмах фацииции	107
Несколько замечаний о феномене стирания	108
Физиология подкрепления и фацииция	110
40 % вечно активных нейронов и проблема фацииции	116
Глава III. Фасцинация тела	
Тело – это судьба	118

Тело вида и вид тела	119
Фасцинация породы и породистости	122
Социальное тело	125
Демонстрационное тело (тело на показ).....	126
Закон актуального демонстрирования тела и внешнего облика и фасцинация	127
Homo demonstrativus	142
Мастерство и артистизм показа	142
Для чего человеку вздумалось деформировать свое тело?.....	146
МЫ и ОНИ	147
Красота тела объективная и наделенная	151
Фасцинация красоты тела	153
Женская грудь – сексуальная фасцина № 1	155
Тонкая талия – женская сексуальная фасцина № 2	157
Телесные тонкости как дополнительные вторичные сигналы	158
Фасцинативное тело как рыночный товар	159
Фасцинация в лице, мимике, жестах, позах	162
Коммуникативное демонстрирование – это и есть жизнь лица	164
Улыбка и смех	166
Слезы	168
Усмешка	169
Мимико-кинестический язык сексуального обольщения	169
Поза	171
Жестовая фасцинация	171
Фасцинативная кинесика и кинестические искусства	172
Тактильная фасцинация	174
Зуд как сигнал соматического неблагополучия	177
Груминг и оргазм как социализаторские фасцинации	179
Речеголосовая фасцинация	181
Фасцинация вкуса	186
Фасцинация запахов	188
Фасцинация цвета	197
Глава IV. Философия фасцинации	
Жизнь как высшая фасцинация	200
Настроение – базовая фасцинация жизни	202
Плохое настроение как антифасцинация	203
Фасцинация и энтропия	205
Скука как энтропия психики	207
Оптимизм и радость как фасцинативные сигналы	209
Фасцинация как способ выхода из скуки	213
Экстремальная фасцинация	218
Сексуально-половая экстремальность	226
Экстремальная фасцинация новизны	229
Фасцинация и трансгрессия любопытства	233
Фасцинация тайны и секрета	234
Фасцинация игры	240
Шок в искусстве как фасцинативный прием	243
В погоне за экстримом	246
Глава V. Фасцинация Природы	
Сигналы-Образы Природы и фасцинация	248
У каждого своя Фудзияма	254
Фасцинация культурного ландшафта и архитектуры	256
Глава VI. Фасциноэкология	
Сенсорная настройка и депривация в городской среде	259
Фасцинирующие формы в конструировании городской среды	265

Игровые элементы городской среды	267
Антифасцинативные курьезы градостроительного воображения	268
Мир образов-картинок и картинная городская среда	269
Переплетение сенсорной и структурной депривации в крупном городе	271
Принципы фасцино-экологической оптимизации городской среды	272
Глава VII. Семантическая фасцинация	
Определение семантической фасциации	276
Фасцинация Дьявола и бесовщины	278
Фасцинация Идеи	291
Фасцинация автора и лидера Идеи	294
Национальная Идея	297
Оглушающие безумные Идеи Идеи творческих безумцев	302
Идеи-глупости, Идеи-заблуждения, Идеи-гипотезы	304
Сверхценные идеи и энергия заблуждения	309
Идея-опора	311
Магическая притягательность мистических Идеи	313
Идеи-провокации	315
Фасцинация метафоры	318
Красота и сила цитаты	320
Юмор	322
Дезфасцинация	324
Сенсация и семантическая дезфасцинация	326
Глава VIII. Фасцинация и субфасцинация	
Определение субфасциации	329
Крепкое слово	332
Субфасцинация и антифасцинация	333
Эпатаж, экстравагантность	334
Глава IX. Массовая фасцинация	
Категория “массовая фасцинация”	337
Фасцинация массовых праздников	339
Роль сексуальных оргий в единении рода	340
Общее ироническо-насмешливое веселье	341
Игра-зрелище	342
Фасцинация массовых зрелищ	344
Древнегреческий театр как форма массовой фасциации	346
Колизей как символ массовой фасциации и нескучного места	347
Фасцинация массовых ритуальных жертвоприношений	348
Казнь как массовый экстремальный спектакль	350
Страдающее тело как центральный сигнал-Образ в спектакле казни	352
Телевидение и массовая фасцинация зрелищ	354
Особенности массовой субфасциации	356
Опасности для человеческой цивилизации, заложенные в массовой субфасциации	360
Несколько слов о терминологии	361
Глава X. Перспективы развития фасцинологии	
Политическая фасцинология	362
Включенность-исключенность и фасцинация зависти	363
Зависть и престиж. Фасцинация зависти	365
Фасцинативные сигналы престижа	367
Фасцинация политического поступка и политическая репутация	369
Черный пиар. Черная психика. Шизофренизация электората	370
Педагогическая фасцинология	375
К проблеме этнической фасциации	380
Заключение	382
Литература	384

Ю. Кнорозов. Об изучении фасцинации

Осенью 1961 г., а именно с 23 по 27 сентября, в городе Горьком под эгидой Горьковского госуниверситета им. Лобачевского и Горьковского Дома ученых происходило организованное историко-филологическим факультетом названного университета и группой прикладной лингвистики и машинного перевода Горьковского физико-технического института “Научное совещание, посвященное применению математических методов в изучении языка художественных произведений”. Пятое заседание открылось докладом Ю. Кнорозова (Ленинград) на тему “Об изучении фасцинации”.

Под фасцинацией докладчик понимает такое действие сигнала, при котором ранее принятая информация полностью или частично стирается. В частности, таким фасцинирующим воздействием обладает ритм. Как известно, мозг вырабатывает антирезонансную защиту, поэтому интересно проследить, по каким линиям идет преодоление этой антирезонансной защиты. Докладчик обсудил следующие возможности: а) действуют три ряда раздражителей, например равномерное повторение ударных и безударных слогов, повторение рифм, повторение строфических форм; б) поэт сознательно отходит от заданной метрической схемы; в) применяются замедления и ускорения. Далее докладчик обращается к историческому развитию фасцинации, намечая следующие этапы: 1) раздельная подача фасцинирующих и информирующих сигналов; 2) повторение фасцинации в каждом сигнале; 3) единицы фасцинирующего ряда не совпадают с единицами сигнального ряда. Эту мысль докладчик иллюстрировал на примере развития инструментальной музыки, пения и поэзии из первобытного синкретизма. В конце доклада Ю. В. Кнорозов остановился на том, что он называет “семантической фасцинацией”. Он считает, что неясность, многозначность описания действует как сильнейшее фасцинирующее средство. Искусство собственно и начинается с семантической фасцинации, с того момента, когда человек сделал великое открытие возможности выдумки. В качестве средства семантической фасцинации выступают выдуманные события и мнимые личности.

(Вопросы языкознания. 1962, № 1, с. 163)

Краткая биографическая справка

Родился Юрий Валентинович Кнорозов 19 ноября 1922 г. под Харьковом.

История дешифровки древних систем письма теперь вписывается между двумя именами – француза Жана Шампольона, раскрывшего тайну египетских иероглифов, и Юрия Кнорозова. Это признано во всем мире. Диссертацию с расшифровкой письменности индейцев майя “Сообщение о делах в Юкатане Диего де Ланды как этноисторический источник” представил к защите в 1955 г. Защита 29 марта 1955 г. уже на следующий день превратилась в легенду. Результатом стало присвоение звания не кандидата, а сразу доктора исторических наук.

В 1975 г. Ю. Кнорозову за выдающиеся научные открытия была присвоена Государственная премия.

Круг научных интересов Ю. Кнорозова был удивительно широк – от дешифровки древних систем письма, лингвистики и семиотики до заселения Америки, археоастрономии, шаманизма, эволюции мозга, общей теории сигнализации. Он щедро раздавал научные идеи в надежде, что кто-нибудь завершит их разработку. Гипотеза о фасцинации – в этом ряду.

В 1995 г. в посольстве Мексики в Москве ему был вручен серебряный орден Ацтекского Орла.

Его не стало 30 марта 1999 г., незадолго до выхода в свет в Мексике трехтомного издания под названием “Дешифровка, Каталог и Словарь Шкарет Юрия Кнорозова”. Он умер в тот момент, когда гватемальское правительство собиралось пригласить его посетить страну и вручить крупнейшую награду страны – в знак признания его исключительных заслуг перед народом Гватемалы.

Нельзя требовать от нашего очерка ничего другого, кроме некоторых взглядов, наводящих на размышления. Другие углубят ту борозду, которую мы провели на поверхности до сих пор еще очень мало исследованной почвы

Г. Лебон

Введение

К семантике термина «фасцинология»

В речевом обиходе древних римлян имели широкое хождение слова *fascino* (зачаровывать, околдовывать; портить глазом, наговором, сглазить) и *fascinum* (колдовство, чары; дурной глаз).

Известный амулет в форме фаллоса также восходит к древним римлянам и их божеству плодородия Приапу, другое имя которого – Фасцинус. Римляне использовали фаллический символ для защиты от дурного глаза и он был всюду: и на воротах в Рим, и в каждом доме, он висел в качестве охранного амулетика даже на шеях римских детей. Поэтому сглаз иногда называют «зачарованностью» – «фасцинацией». Во многих странах сохранился суеверный обычай показывать для защиты от сглаза фигу (модифицированный символ древнего фаллического символа). Существует легенда, что, когда инквизиторы принудили Галилея отказаться от своей идеи гелиоцентризма Вселенной, он держал в кармане фигу.

От древних римлян слова «фасцина» и «фасцинация» вошли в обиход почти всех европейских народов и постепенно семантика их изменялась от амулетно-колдовского содержания в сторону феноменов очарования и очаровывания как таковых, хотя магический смысловой оттенок сохранился.

Эдуард Фукс, автор всемирно известной «Истории эротики», изданной в Германии в 1909 г., следуя европейской традиции, использовал слово «фасцинация» для обозначения неотразимого воздействия сексуально-чарующих деталей во внешнем облике дам и кавалеров Европы эпох Ренессанса и абсолютизма. В частности, он описывал технику массового применения в галантном веке такого фасцинативного сигнала, как мушка (503, с. 332–336). Но техника мушки опирается на природное, естественное очарование маленькой черной родинки на лице, шее или груди. Женщины во все времена понимали сексапильное значение этой детали. Рассказывают, как Мэрилин Монро замахала руками на известного косметолога, предложившего избавиться ее от знаменитой родинки на щеке: «Что вы! Это же самая сексуальная часть моего тела!»

З. Фрейд термином «фасцинация» обозначал, как было принято в психиатрии его времени, «влюбленность в ее высших выражениях», то есть почти наркотическую «влюбленную зависимость» (487).

В современном английском языке есть несколько слов с корнем *fascin*: *fascinate*

– 1) очаровывать, пленять 2) зачаровывать взглядом; *fascinating* – обворожительный, очаровательный, пленительный; *fascination* – чарование, обаяние; прелесть; *fascinator* – чародей. В западной прессе имеет широкое хождение словосочетание *public fascination*.

Ю. Кнорозов предложил называть фасцинацией специально настроенный “шум в анализаторе, который помешал бы выполнять другие команды и создал бы тем самым благоприятные условия для восприятия именно данной информации” (399). А в докладе “Об изучении фасцинации” (в 1961 г.), он определил фасцинацию как “такое действие сигнала, при котором ранее принятая информация полностью или частично стирается” (см. с. 8). Как свидетельствует А. Войсунский (86, с.118), Ю. Кнорозов обратился к термину “фасцинация” под влиянием французских психиатров XIX столетия. Французские психиатры действительно широко использовали фасцинативный гипноз, он пришел к ним от португальского аббата Хосе Кустодио Фариа (1756–1819), начавшего использовать в своей практике метод фасцинации с 1813 г. А сам Фариа заимствовал этот метод из практики индийских факиров. Он описал его в своей книге “О причине ясного сна, или Исследование природы человека, написанное аббатом Фариа, брамином, доктором теологии” (1819 г.). В основном он использовал два вида фасцинативной суггестии: либо в течение долгого времени, не мигая, смотрел в глаза сидящего или лежащего перед ним пациента и несколько раз методично повторял приказ заснуть (“Спите”) – и пациент погружался в сон, либо, наоборот, неожиданно подходил к испытуемому и резко, повелительно произносил приказ (“Спите!”) – и тот мгновенно засыпал. В обоих случаях Х.К. Фариа пристально смотрел на пациента (это и есть ядро метода фасцинации). Эти приемы с тех пор широко используются гипнологами всех стран.

Нельзя обойти вниманием и историческую практику использования фасцинации европейскими колдунами и алхимиками XIV–XV вв. А испанец, достопочтенный маркиз Энрико де Вильена, драматург, поэт и чернокнижник, в начале XV века впервые (но, кажется, без продолжения) применил термин “*fascinologia*” (“*Llibre d’ullprendre o fascinologia*”). О маркизе ходили фантастические легенды. Он, якобы, после особых заклинаний заставлял разрезать себя на куски и заключать в бутылку, чтобы получить бессмертие; он умел становиться невидимым... И вообще, – он отдал свою душу дьяволу! Одним словом, ему приписывали все уловки чародейства и колдовства. Пусть значение термина “*fascinologia*” было наполнено у Энрико де Вильены магическо-колдовским содержанием, обозначением “науки о способах защиты от дурного глаза”, слово было записано и означало “*logia*”, то есть учение, а это очень важно для продолжения традиции.

Таким образом, предлагая назвать фасцинологией науку о чарующей, доминантной и устрашающей сигнализации животных и человека, о фасцинах и фасцинации в процессах коммуникации, я опираюсь на многовековую традицию использования слова “*фасцинация*” (*fascino, fascinate*) в языковой практике европейских народов, восходящей к древнеримской речи, на применение введенного в научный оборот Ю. Кнорозовым термина “*фасцинация*”, а также на письменно зафиксированный в начале XV столетия Энрико де Вильеной термин “*fascinologia*”.

Феномен фасцинации принято рассматривать в соотношении с феноменом ин-

формации. Хочется напомнить, что и слово “информация” также достаточно широко использовалось веками, не привлекая к себе особого внимания. Журден у Мольера был страшно удивлен, узнав, что всю жизнь говорил прозой. До 1948 г. люди ежедневно передавали друг другу информацию, не зная этого. Открыли им глаза К. Шеннон и Н. Винер, создав теорию информации и кибернетику. С тех пор начался бурный рост исследований феномена информации, и в настоящее время невозможно даже точно подсчитать количество научных учреждений в мире (академий, факультетов, кафедр, прикладных НИИ и лабораторий), занятых изучением информации и разработками информационных технологий. Их – тысячи, в них трудятся десятки тысяч научных сотрудников и инженеров. Человечество срослось с наукой об информации.

Наступил черед фасцинации. Ежедневно люди на протяжении сотен тысяч лет ошеломляли друг друга символами очарования, музыкой и чарующим пением, внушающими ужас страшными жестами и зычными угрожающими окриками, устраивали веселые праздники и карнавалы, и не знали, что всюю используют фасцинацию.

Думаю, что XXI век – это век аналогичного развития науки (наук) о фасцинации и срастания человечества с познанием этого удивительного феномена, актуальнейшего для жизни каждого человека.

ГЛАВА I. ФАСЦИНАЦИЯ, ИНФОРМАЦИЯ, ЖИЗНЬ

Фасцинация и информация – составляющие биологической и социальной коммуникации

Исследователей, обративших свои взоры к фасцинации как особому коммуникативному явлению, до сих пор совсем не много, да и те, по сути, ограничились своим интересом констатацией факта ее особого назначения как “спутника информации”, средства для повышения эффективности речи и передачи сообщений, или “позывных”. Скорее всего это произошло потому, что исследователи выступили главным образом в качестве лингвистов и психолингвистов. В более широком аспекте внимание явлению фасцинации уделяли и уделяют практики: стилисты, модельеры, ювелиры, рекламисты, психотерапевты, психиатры и политехнологи. Их разработки показали, что феномен фасцинации настолько необъятно широк в его использовании во всех сферах человеческой жизни, что психолингвистический аспект фасцинации отнюдь не единственный и, по всей очевидности, не исключительный, и отнюдь не самый важный. А сведение фасцинации с легкой руки Ю. Шрейдера к “позывным”, “которые несут сообщение и которые заставляют адресата настроиться на прием” (466, с. 61), далеко недостаточно, на мой взгляд, для понимания ее природы, экзистенциального предназначения и техники. А. Войскунский, процитировав это, по его мнению, “меткое выражение”, продолжил мысль Ю. Шрейдера: “Ведь в конечном счете фасцинация служит установлению коммуникативного контакта” (86, с. 121). М. Арапов свой замечательно содержательный раздел “Метаморфозы слогана” в книге “Современная риторика” начинает подзаголовком “Фасцинация, спутник информации”. Уделяя значительное внимание применению фасцинации в рекламе, он тем не менее сводит фасцинацию к роли “служанки” у госпожи информации. Традиция сказала и здесь, хотя развитие рекламной практики, особенно телевизионной, а также уличной световой, щитовой и настенной рекламы убедительнейшим образом доказывает, что современная реклама все более и более выдвигает на первый план именно фасцинативные образы-сигналы и приемы, отключающие критическое сознание и проникающие в подсознательные мотивационные структуры человека. В рекламе, производство которой прекрасно обеспечено технически и технологически, властвует фасцинация, а не информация, поскольку ее основная цель – побудить человека к приобретению товара, а не разъяснить его ценность и пользу. Особенно ярко это проявляется в современной видеорекламе на телевидении, которая почти исключительно строится на сюжетных видеопарадоксах и ярких визуальных метафорах, часто красочно-эротического исполнения. Некоторые рекламные видеоклипы уже начинают смотреть как минифильмы!

Применение фасцинации в смехо-, цвето-, арома- и музыкотерапии (57; 75; 125; 163; 407; 470) как видах *фасцилотерапии* (термин мой) также раскрывает всю полифоничность и силу воздействия ее на человеческую психику без функции “по-

зывных” или с незначительным ее включением. Более того, в этих видах психотерапии информационная коммуникация сводится к минимуму, открывая простор для воздействий фасциативных, пробуждающих позитивное воображение и калейдоскоп улаждающих и суггестивно умиротворяющих чувствований и эмоций. Ландшафтотерапию трудно отнести к информационным воздействиям. Японский сад в первую очередь доминантно фасциативен, а только потом еще и символически-информационен.

Следует принять во внимание и отмеченные Ю. Кнорозовым такие виды фасцинации без информации, как музыка и орнамент (399). Чарующие мелодии совершенно не осознаются, а только чувствуются-переживаются, это подметил еще Л. Толстой, оценивая магическое действие цыганских песен. Некоторые мужские певческие голоса, как давно зафиксировано в психологии, вызывают у меломанок оргазм. Вряд ли в пароксизмах оргазма есть место для информации...

Р. Докинз в дополнении к главе “Тенная машина” во втором издании (1989 г.) своей популярнейшей книги “Эгоистичный ген” делает следующее уточнение в своих взглядах на биокоммуникацию: “Меня теперь не удовлетворяет то, как я изложил проблему коммуникации, или передачу информации, у животных. Мы с Джоном Кребсом в двух статьях настаиваем на том, что большая часть используемых животными сигналов лучше считать не информативными и не вводящими в заблуждение, но **манипулятивными** (выделено мной – В. С.) ...Песня соловья не несет в себе никакой информации, даже обманчивой. Это красноречие, которое убеждает, гипнотизирует, очаровывает” (134).

Опираясь на практические разработки, а также на огромный материал, собранный этологами о фасциативной сигнализации и фасциативном поведении животных, я предлагаю определять фасцинацию более широко – **как способность внешней формы, демонстрационного коммуникативного сигнала или даже природного явления-Образа (закат или восход солнца, северное сияние, причудливые антропоморфные формы скал и т. д.) приковывать внимание, вызывать волнующий интерес, удивление, радость, восхищение, восторг, очарование, экстаз, шок, испуг, ужас. У человека это приводит к сужению сознания, к отключению какое-либо логико-вербальное объяснения, интеллектуального аргументирования и тем более оценочной критики.** После фасциативного эффекта, который почти всегда соединяется с аффекторными реакциями, возможны рационализирующие комментарии, но, как правило, они бледны и совершенно бесполезны, потому что реакция уже последовала, ошеломляющее пленение, колдовство очарования или ужас от смертельной угрозы уже произошли. “Словами этого не описать”, – говорят в таких случаях. Или – “слов не найти”. Фасцинация осуществляет такое воздействие, которое выходит за пределы ясного сознания и речевой эксплицитности. Так влюбляются с первого взгляда. Так гипнотически внемлют замечательному оратору. Так упоенно слушают чарующие мелодии и пение. Так молитвенно поднимают взор к великолепию горных снежных вершин, устремленных в небо. Так восхищаются любимым человеком. Но... так же и цепенеют от страха, испытывают эмоциональный шок с “мурашками по коже” и “волосами дыбом”, сжимаются в комок от ужаса в ситуациях угрозы для здоровья и жизни.

Фасцинирующее чарующее воздействие влечет или включает в себя удовольствие и наслаждение, а фасцинация опасности и прогноза боли соединены с состояниями острого стресса и страха. Текут слюнки, захлестывает волна сексуального возбуждения, кружит голову эйфория и экстаз от запредельного восторга. Или охватывает ужас, цепенеют мышцы, мерзнет спина, встают дыбом волосы. Все это результат воздействия фасцинации.

Люди осознали особую силу фасцинирующей коммуникации еще в древности. Социальное общение первобытных людей и древних цивилизаций пронизывают многочисленные сигналы-фасцины во всех сферах отношений: от бытовых и межполовых до государственно-политических. Об одной такой фасцине я уже упомянул во введении – это амулет в виде фаллоса в Древнем Риме, призванный отпугивать злую силу и глаза. Фаллическая фасцинация вообще крайне показательна и интересна для исследования, поскольку пронизывает сексуальное и магическое общение людей с древности до сегодняшнего дня и, по-видимому, может рассматриваться как базальная человеческая фасцинация. Другая сфера использования фасцинации – власть и социальная иерархия. Высшая государственная и религиозная власть всегда оформляла себя целым арсеналом фасцинирующих средств: блистательные короны, жезлы, мантии, расшитые золотом и драгоценными камнями одеяния, троны, шатры, опахала, торжественные гимны и песнопения, парады, салюты и т.д., и т.п. Весь этот строго продуманный арсенал в соединении со столь же выверенными ритуалами приводил поданных не только в эстетический восторг, граничащий с экстазом, но и в трепет почтения перед столь великолепной высшей (божественной) силой. Создавался общий восторженный и почтительный настрой, который невыразим словами и несет в себе сложный комплексно-фасцинирующий смысл, действующий напрямую на глубинные эмоциональные пласты психики, минуя какие-либо разъяснения.

Еще раньше, до появления царской власти, публичная фасцинация (*public fascination*) была имманентно вплетена в общинно-племенные обряды и ритуалы: пляски и заклинания шаманов и колдунов, приводящие племя в состояние гипнотического транса, анималистические амулеты и знаки охраны от злых сил, общинные театрализованные ритуалы-празднества, специализированные знаки внутриплеменной иерархии, убранство и ритуалы воинов, жертвоприношения, обряды инициации и т.д.

Практическое применение и осознание значения фасцинации шло параллельно. Так, огромный вклад в развитие практического использования фасцинации внесли софисты и риторы. Со времен древних греков риторические приемы ораторской и публичной речи стали аксиомой для любого специалиста коммуникативных профессий (политика, педагога, менеджера по персоналу, телеведущего, шоумена, психотерапевта). Гениальные фасцинирующие речевые воздействия похожи на древних шаманов, которые еще до риториков знали и использовали основные фасцинирующие приемы речевого воздействия: смену ритма речи, богатейшие голосовые модуляции, диссонансы, семантические паузы, нагнетающий ритм речевых повторов, драматизацию и др. Риторы добавили речевую интригу, ритм шуток и занимательных историй, оживляющих внимание притч, анекдотов, повторов ключевых

фраз. Без риторических приемов все ораторы и лекторы были бы обречены на участь антифасциативного (в плане лекционной речи, разумеется) Гегеля, к концу лекций которого в аудитории оставался только один студент – правда, это был Шеллинг! К слову сказать, абсолютно невежественных в плане построения лекционной коммуникации доцентов и профессоров в университетах земного шара хватает до сих пор: почитая собственную персону за выдающийся ум и знания, они не утруждают себя фасциативной коммуникативной техникой и усыпляют студентов монотонной (то есть антифасциативной!) речью и сопутствующим ей столь же монотонным серьезным выражением лица и маятниковыми (опять же усыпляющими!) проходами перед аудиторией туда-сюда. Заснуть на таких лекциях – святое психозащитное средство!

В 60-е г. XX в. когнитивная психология и психолингвистика обогатили практику социальной коммуникации знанием о роли фасциации в речи, показав, как с ее помощью увеличивать “семантически значимую информацию” (термин Н. Винера), то есть ту информацию, которая необходима принимающей системе для выбора точного решения. Это безусловно положительное влияние психолингвистики и когнитивной психологии нашло свое применение в построении речевых воздействий на телевидении, в кино и особенно в товарной и политической рекламе. Но одновременно, как при всякой акцентуации, оно, по-видимому, несколько успокоило исследователей и увело их от внимания к иным видам и способам фасциативных коммуникативных форм. Поэтому определение фасциации в “Психологическом словаре” получилось у его автора А. Брудного сугубо психолингвистическим: “Фасциация (от англ. *fascination* – очарование) – **специально организованное вербальное (словесное) воздействие**, предназначенное для уменьшения потерь семантически значимой информации при восприятии сообщения реципиентами, за счет чего повышается возможность ее воздействия на их поведение. Формы Ф. могут быть различными. В зависимости от акустической организации интенсивность Ф. может варьировать от минимальной (монотонная дикторская речь) до максимальной (специально интонированная речь, декламация, пение). Важным фактором Ф. выступает ритмическая организация сообщения. Существует также семантическая Ф., когда **текст сообщения** (везде выделено мной – В. С.) при определенных условиях оказывается жизненно значимым для реципиентов, вызывая резкое изменение их поведения (например, семантическая Ф. проявилась в “феномене 30 октября 1938 года”, когда радиоинсценировка “Борьбы миров” Г. Уэллса вызвала в США массовую панику, охватившую свыше миллиона человек. Аналогичный эффект эта радиопостановка вызвала в Эквадоре 15 лет спустя). Эффектом семантической Ф. обладают также слухи” (354). Понятно, что в таком определении фасциации нет места ни чарующей родинке на лице Мэрилин Монро, ни блистательно-петушиному гусарскому мундиру, вводившему девиц XIX столетия в гипнотический транс влюбленности, ни, тем более, соловьиному свисту, обольщающим феромонам насекомых или хвосту павлина. Внимание ярко театральной стороне коммуникации уделили, пожалуй, только этологи и этнографы, – правда, под своим профессиональным углом зрения. Этологи возобновили интерес, высказанный еще Ч. Дарвином (и это прекрасно выразил К. Лоренц) – почему и зачем в процессе естествен-

ного отбора и изменчивости видов образовались поразительные по красоте и броскости яркие узорчатые окрашивания чешуи у многих рыб, разноцветные оперения и залиvistые трели у птиц и прочие явно демонстрационные сигналы, казалось бы вредные для вида, так как подвергали их носителей повышенной опасности от хищников. Анализ показал, что очень часто эти фасцинативные проявления в биологическом поведении есть не что иное, как повелительно-эффективные сигналы предупреждения о занятости территории и одновременно регулирования агрессии, сведения ее к демонстрационно-ритуализованным формам, гораздо менее опасным для выживания вида.

Фасцинация и информация равноценны и дополнительные

Примем за гипотезу, что биологическая и социальная коммуникация включает в себя как передачу информации, так и фасцинативные повелевающие и суггестирующие воздействия. Оба процесса являются разными по структуре и качеству, но дополнительными, в значении принципа дополненности Н. Бора (55, с. 204-212; 212), как частица и квант в существовании электрона, **обеспечивающими оптимальное осуществление коммуникации в живом мире.** Передача информации является основой управляющих решений, тогда как фасцинация избыточно экспрессивна и непосредственно побуждает к тем или иным действиям и поступкам, часто полностью минуя порог критики и осмысления – последнее если и приходит, то потом, “после того, как”. Таким образом, фасцинация так же, как и информация, является процессом, снижающим энтропию системы и создающим организующие, управляющие негэнтропийные воздействия, очень эффективно преодолевающие степень неопределенности. Только реализуется фасцинативное организующее воздействие по-другому – через посредство “чарующих” и “ужасающих” сигналов-эффектов. Так воздействуют на людей театральные и праздничные зрелища, любимые мелодии и песни, многие этнические и религиозные фасцины-символы. Так воздействуют сексуальные фасцины, заложенные самой природой в коммуникативное взаимодействие полов. Опытная кокетка интуитивно знает, как пленительными пассажами тела лишить разума зрелого мужа семейства, уводя его в омут чарующих воображение наслаждений. Л. Толстой замечательно показал этот фасцинативный чарующе-провоцирующий процесс в “Крейцеровой сонате” и особенно в “Отце Сергии”.

Таково воздействие всего яркого, необычного, не требующего никаких разъяснений, понятного и возбуждающего интерес и волнение мгновенно и часто – безрассудно. Именно потому, что информация и фасцинация хоть и дополнительные и помогают друг другу, но по содержанию и формам реализации различны, и потому могут осуществляться раздельно. Трудно представить себе речевое поведение человека без таких фасцинативных элементов общения, как особые усиливающие эффект сказанного словечки, зачастую сленговые («мочить в сортире») или эффектные интонационные модуляции: от шепота до гомерического хохота. Есть, разумеется, гении речевого искусства, как Иракий Андроников, но и обычные люди эту сторону речи никогда не забывают. Сталинские статьи и особенно выступления, несмотря на кажущуюся словарно-стилистическую примитивность, обладали мощным воздействием

на публику. При минимуме лексических средств (что было важно, учитывая ограниченный словарь большинства его аудитории), он создавал максимум простых, но ярких, запоминающихся образов-метафор. Гениальный психотерапевт М. Эриксон использовал принцип захвата внимания пациента, щедро сдабривая свои рассказы вопросами, юмором, вставками и каламбурами и вызывая с их помощью удивление, потрясение, смятение, так необходимые в психотерапии.

Тем не менее встречаются совершенно невероятные, казусные случаи речевого поведения, начисто лишённого фасцинации (феномен фасцинативной глухоты или дебильности). Что из этого следует, донесла до нас историческая мифология, описывающая упомянутые мной выше лекции великого Гегеля. На его лекции стремилась вся молодая мыслящая Европа. Открытие лекционного курса знаменовалось аудиторией до 100 студентов самых разных университетов. Гегель входил в аудиторию хмурым (первая антифасцинация), молча проходил к кафедре, не глядя на студентов (вторая антифасцинация), разворачивал свои манускрипты и начинал тихо, чуть ли не шепотом (третья антифасцинация), монотонно (четвертая антифасцинация) долдонить свои “темные” тексты (пятая антифасцинация) – “темна водица” характеризовал не без иронии гегелевские тексты ехидный В. Ленин. Вполне вероятно история пошла бы несколько другим путем, будь Гегель фасцинативным оратором: число гегельянцев и неогегельянцев увеличилось бы вдесятеро и, быть может, зажженные живым фасцинативным очарованием Гегеля пассионарные революционеры совершили бы победоносную революцию в Германии значительно раньше Октябрьской...

Отсутствие фасцинации характерно для чиновничьих инструкций и сухого канцелярского языка официальных документов, что, вообще говоря, совершенно корректно для коммуникации подобного типа. Сухих, монотонных лекторов, конечно же, не так много, но они есть во всех учебных заведениях и своим примером доказывают существование передачи информации без какого бы то ни было участия фасцинации. Более того, именно потому, что живое человеческое общение без фасцинации почти не осуществляется, такое речевое поведение можно назвать антифасцинативным, разрушающим эффективную коммуникативную связь.

Если информация подключается к знанию и пониманию, то фасцинация развертывает свое действие на другом поле психики – на поле интенсивных эмоций, обострения внимания, удивления, чувствах удовольствия и радости, ужаса и испуга.

Информация и фасцинация “работают” чаще всего сообща, помогая друг другу, а точнее, помогая человеку ориентироваться в сложном окружающем и внутреннем мире и управлять им. Простой пример этого симбиоза – маяк. Известно, что чем дольше и драматичнее плавание, тем желаннее и радостнее увидеть мигание маяка, несущего в себе и информацию (близость суши), и фасцинацию (спасение). Восторженная радость охватывает даже морских волков. Не раз и не два были в истории мореплавания случаи, когда заблудившимся в океане морякам мерещился маяк (аналог – видение оазиса заблудившимся в пустыне). Принцип подобных видений-миражей понятен: что страстно ожидается, то и видится.

Но в других случаях фасцинация может вызывать бурную радость, которая вовсе не сопутствует, а имманентно слита с самим сигналом как пусковая программа радости. Салют, фейерверк, иллюминации придуманы исключительно для массового вос-

торга. Люди собираются толпами, чтобы поглазеть и испытать радость. Особенно рады, если салют в следующий раз новый, неожиданный, оригинальный. Новизна и оригинальность, также являясь fasciniрующими факторами, только увеличивают восхищение.

Этнографы, описывая племенные обычаи и ритуалы, почти всегда фиксировали внимание и на таких формах социального поведения, как “театрализованные” общественные ритуалы, раскраска и украшение тел, использование самых разных амулетов и магических знаков, сексуально-возбуждающие сигнальные тонкости в межполовом общении (до разного рода генитальных изобретений), колоритные речевые формулы заклинаний и даже этнические интонационные приемы (так, у некоторых народов Полинезии мужчина, чтобы выглядеть мужественно-воинственным и сильным, обязан говорить почти криком, подпуская в голос как можно более свирепые интонации).

Другими словами, этологи и этнографы, собирая “базу данных” особых демонстрационных форм поведения, всегда ярких, заметных, привлекающих внимание и очень часто действующих в буквальном смысле слова гипнотически, неявным образом создавали базу для биологической и социальной fascинологии, так как воочию показывали, что эффективная коммуникация в животном и человеческом мире попросту невозможна без fascин и fascинации, а речевая и околоречевая (паралингвистическая) fascинация является всего лишь частью огромного, разветвленного на тысячи ветвей, системно переплетенного fascинативного процесса, значение которого еще не совсем понято и понятно, но уже ясно одно – этот процесс является процессом оптимизации коммуникативных взаимодействий, а это способствует выживанию и продолжению вида. Для животных это закон явный, не требующий особой аргументации (без fascинативных демонстрационных форм поведения они просто вымерли бы). Но и для человеческого общества этот закон также безусловен, и, быть может, со всей отчетливостью это доказывает множество сексуальных сигналов-fascин, – от тысячелетиями культивируемых грубовато-тактильных до утонченно-эротических, – оказывающих могучее, если не определяющее, воздействие на складывание любовных отношений между мужчиной и женщиной, а без этих отношений, как это ни банально звучит, нет ни общества, ни его продолжения. Сексуальная fascинация – базовая и самая могучая, поскольку заложена эволюцией в само продолжение жизни. Писатель Валентин Катаев очень метко сказал, что “любовь начинается с удивления”. Удивить же может только сигнал, не понимаемый умом, но четко регистрируемый психикой и подсознанием как “удивительный” (отключать критику и разум – особое и чуть ли не важнейшее свойство fascинации!). “Любовь с первого взгляда”, о тайне которой люди спорят уже много веков, исключительно fascинативна, или по-другому можно сказать так: провоцируется некоей суммой fascинативных сигналов, исходящих от “объекта любви” и воздействующих мгновенно и чарующе: мастью, запахом (fascinативность запаховых предпочтений уже давно открыта психобиологами), “породистостью” и пропорциями тела, особыми fascинативными чертами лица (к биологическим основаниям чувства красоты, симпатичности особого типа лица психологи уже подобрались), цветом и блеском глаз, кинетическими повадками (кокетливое вскидывание головы и откидывание волос, осо-

бые сексуальные позы и кинемы), мелодикой и тембром голоса и т. д. При этом бесполезно что-либо объяснять и доказывать. Да, невеста, конечно, стервозна, но как божественно очаровательна, как кокетливо-обворожительна, как сводит с ума. А вот эта добродетельна и с замечательной душой. Но почему рядом с ней так скучно... Не является ли этот довольно частый факт отношений между мужчинами и женщинами доказательством самостоятельного и могучего по действию существования фасцинации без информации? Или помимо информации. Или рядом с информацией...

Далее, множество этнических фасцин (кинемы приветствий, племенной идентификации, ритмические ритуальные танцы, обрядовые песни, гимны, национальная символика) вызывают симпатию мгновенно, без какого-либо “смыслового анализа сообщения”, в буквальном смысле слова автоматически. Ф. Достоевский писал жене, как на него волнующе действовало одно только звучание неожиданно услышанной русской речи на немецком курорте, где он лечился и долго не слышал русского говора. Примеры прямого фасцинативного воздействия можно множить и множить.

Даже приведенный беглый обзор фасцинативных сигналов и сфер их действия показывает, насколько фасцинация самостоятельна в коммуникативной реализации, фундаментальна и экзистенциальна для всего живого, в том числе и в гораздо большем значении для человека. Но в целом, подчеркну это еще раз, экспликация фасцинации и информации слита, образуя дополнительное единство, а не разрозненное осуществление или избегание пересечений. Напротив, именно пересечения, узлы, двустороннее слияние, комбинаторика и создают ту высокую эффективность информационно-фасцинативного воздействия, которая так необходима коммуникации как способу организации жизни. Именно из этой эволюционной необходимости родились и информация, и фасцинация.

Фасцинация не знает аргументов кроме единственного – приказа действовать. Она императивна и категорична, при этом чаще всего мгновенно-повелительна – без секунды на обдумывание.

Парадокс буриданова осла корректен с точки зрения теории информации и эпистемиологии, но теряет смысл с точки зрения теории фасцинации, поскольку для голодного осла стог сена – столь могучий фасцинативный сигнал, что он ринется к любому “не раздумывая”. Как ни покажется грубой аналогия, но жизнь свидетельствует, что для сексуально оголодавшего или возбужденного алкоголем мужчины фасцинацией является далеко не самая привлекательная особа женского пола. Целеустремленность в подобных ситуациях поразительна по страстности, как и иллюзорна по семантике. Еще древние римляне любили рассказывать притчу о вечно пьяном муже и его безобразной жене. “Гораций, как ты можешь жить с такой уродливой женщиной?” – спрашивали друзья. “Она все прекраснее с каждым бокалом вина”, – поучал их Гораций.

Информация имманентно связана с логикой и аргументацией. Она требует осмысления, часто долгого и мучительного. Информационный язык – это язык логической аргументации и телеграфного сообщения. Фасцинативный язык – язык аффектов, язык в большей степени глубинно эмоциональный, часто даже регрессивный, почти инстинктивно-животный (в ярости или истерии это особенно отчетливо проявляется).

Речь и интонация – вот один из замечательных узлов информации и фасцинации. При этом давно замечено, что пока общение осуществляется бесконфликтно и размеренно, партнеры обращают внимание главным образом на логику, смысл и ход аргументов, но стоит войти в жаркую дискуссию, перерастающую в перебранку, тут же происходит регрессия и все внимание обращено уже на интонации, а аргументы и смыслы отбрасываются в сторону. Этим прекрасно пользуются провокаторы конфликтов и умелые спорщики в политических диспутах.

На мой взгляд, соединение информации и фасцинации экзистенциально для человеческого сознания и мышления уже с момента появления человека. С течением времени оно все усиливалось. Это объединение имплицитно включено Л. Леви-Брюлем в понятие “пралогического мышления”, которое он относил к характерологической особенности сознания первобытного человека (226; 227). Пралогическое мышление – это мышление, соединяющее логику информации и мистику образно-семантической фасцинации. Все люди проходят пралогическую стадию в формировании и развитии сознания, как проходят стадию эйдетической памяти. Но многие остаются на пралогической ступени, не переходя к строго логической, из-за невежества, часто из-за этнической индоктринации, вбивающей в сознание мистические клише и мифы. Сознание современного человека продолжает оставаться во многом мифическо-мистическим и магическим. Иначе невозможно объяснить общечеловеческое тотальное верование в разного рода мистические и оккультные клише: сглаз, порчу, астрологические прогнозы, гадание, колдовство и прочие магическо-мистические феномены. И это не просто внешняя, ритуализованная обычаем вера, а глубинное подсознательное состояние психики, закрепленное генетикой в лимбической нейросистеме. Это мистическое “легковерие” достаточно пластично уживается, равнорасполагаясь в сознании с естественнонаучным знанием и фигурами логики. В этом отношении показательны примеры тех замечательных ученых-естествоиспытателей (!), которые были мистически религиозны. Физик мадам Кюри занималась столоверчением. Ученый и изобретатель Эдисон пытался сконструировать аппарат, посредством которого можно было бы общаться с умершими. И это совсем не единичные примеры мистического сознания ученых.

Каковы же эволюционные истоки этого всеобщего коммуникативного феномена, названного Ю. Кнорозовым фасцинацией? Для чего фасцинация возникла, когда возникла и почему занимает место столь же имманентно-изначальное в поведении всего живого, как и информация? Без ответа на эти вопросы фасцинация выглядит забавой, ухищрением в руках коготки или щеголя – и только. Правда, тут же приходит на ум трель соловья, развернутый хвост павлина-самца, “танцы” журавлей. Или вопль “Пожар!”, мгновенно отшибающий память и бросающий в панику спасения. Напомню читателю случай из биографии Ф. Шаляпина. Среди артистов как-то разгорелся спор на тему “Что такое искусство?”. Шаляпин незаметно удалился в соседнюю комнату. Через какое-то время внезапно распахнулась дверь, он стоял на пороге смертельно бледный, с взъерошенными волосами, дрожащими губами, и с полными ужаса глазами сдавленно прохрипел: “Пожар!” Поднялась паника... Шаляпин вдруг рассмеялся: “Теперь вам понятно, что такое искусство?” Ф. Шаляпин продемонстрировал эксперимент влияния не только искусства, но и устранивающей фасцинации. Замечательный эксперимент!

Фасцинация то чарует, то бросает в состояние дрожи, зачеркивая все, что было в психике до воздействия фасцинативного сигнала, отключая ясное сознание иногда в буквальном смысле до беспамятства, образуя мощнейшую нейрофизиологическую доминанту (по А. Ухтомскому). “Память отшибло”, “опьянел”, “где я?!” – говорят в таких ситуациях, при этом сами ситуации фасцинативного воздействия могут быть и сладко-волнующими, как при манящих позывных кокотки, и ужасающе-шокирующими, как при пожаре. Поэтому психологи, давая советы как себя вести в ситуациях насилия, если это случилось в жилых кварталах, рекомендуют кричать не “Помогите!”, что кроме интонации, только информационно, а “Пожар!”, на что обязательно кто-то да выглянет или прибежит.

Всеохватность феномена фасцинации наводит на мысль, что эволюция изобрела фасцинацию очень давно и навечно, как и информацию, соединив их сложными узлами-переплетениями на благо оптимального управления поведением всего живого.

Тревожно-сладостное восприятие мира

Жизнь любого живого существа начинается с тревог и удовольствий. Только что родившийся теленок антилопы в африканских саваннах еле-еле стоит на ногах, падает, весь трепещет. Ему ужасно трудно сконцентрировать силы и движения. Он мучается. Но рядом мать. Он тянется к ней. Она его уже вылизала и еще добавляет касаний своего шершавого языка, стимулируя его телесную активность. Эти первые в жизни тактильные ощущения привязывают теленка к матери и жизни. Вот наконец он дотягивается до соска. О, этот сладостный вкус молока! А запах материнского тела и вымени? Все это так приятно. Эти удовольствия чаруют, наполняют трепещущее маленькое тельце энергией жизни. Тревожно-сладостное восприятие мира началось, разделяя его на комфорт и дискомфорт, удовольствия и неудовольствия, радости и страдания. По нарастающей. Первые минуты жизни могут стать для теленка и последними – где-то рядом бродят гиены, гепарды и львы, – и значит, надо затаиться.

Конечно же, процесс вживления в мир невозможен для живого существа вне восприятия. Агнозия сенсорики – это неминуемая смерть. Сенсорная агнозия делает живое существо трагическим. Даже казалось бы достаточно безобидный дальтонизм может обернуться бедой (а этим нарушением цветового зрения страдает 8% мужчин и 0,5% женщин). В 1875 г. в Швеции произошло крушение поезда, погибло много людей. Все недоумевали, как мог машинист повести поезд на красный свет. Машинисту, который остался жив (а ведь мог и погибнуть), показали мотки цветных ниток и установили, что он не различает цвета. Образ-Мир для дальтоника иной, чем для не дальтоника.

А. Р. Лурия пишет в “Основах нейрофизиологии”: “Известно, что человек, лишенный обычного притока информации — что имеет место в редких случаях выключения всех воспринимающих органов, — впадает в сон, из которого его может вывести только поступление какой-либо информации. Известно, что нормальный человек тяжело переносит ограничение контактов с внешним миром и, как это наблюдал Хэбб, достаточно поместить испытуемых в условия резкого ограничения притока возбуждений (“сенсорной депривации”), чтобы у них возникли психические нарушения, гал-

люцинации, в какой-то мере компенсирующие это ограничение. В аппаратах ретикулярной формации имеются специальные механизмы, обеспечивающие тоническую форму активации, источником которой является главным образом приток возбуждений из органов чувств... Человек живет в условиях постоянно меняющейся среды, и это требует обостренного состояния бодрствования. Обострением бодрствования сопровождается всякое изменение в окружающих условиях, появление любого (как неожиданного, так и ожидаемого) события. Такая мобилизация организма лежит в основе особого вида активности, которую И. Павлов называл ориентировочным рефлексом и которая является основой познавательной деятельности” (257, с. 94).

Нейрофизиолог К. Прибрам рассматривает взаимодействие организма с окружающей его средой как активное восприятие, в ходе которого мир предстает живому существу в виде совокупности Образов-сигналов-впечатлений (К. Прибрам пишет термин “Образ” с заглавной буквы, подчеркивая его значимость и полифункциональность. Вслед за Прибрамом я сохраняю такое написание термина), при этом “одной из самых поразительных особенностей Образов является их богатство” (350, с. 355). Совершенно естественно, что самым “богатым Образом” для восприятия является сам Мир в его дифференцированной целостности: выделить нечто можно только в структуре единства, но не в хаосе. Этим единством и является Мир, Вселенная, Космос. И у каждого организма Космос свой. Для только что появившейся на свет антилопы это саванна, мать, молоко, дурманящие запахи, трудность устоять на ногах, почти полная беспомощность.

Человек воспринимает окружающую его среду как голографическое пространство, ограниченное прямоугольником с размытыми краями, фиксируемыми боковым зрением. Динамизм восприятия дает возможность передвигать эту рамку и тем самым видеть панораму. Одновременно зрение вычленяет любую часть и даже деталь этой панорамы с возможностью пристального разглядывания. Это и есть внимание, активность восприятия. Деталь может быть столь значимой, что вся остальная часть картины уходит в подсознание, в то время как на детали восприятие становится супердоминантным. Так высматривает добычу охотник. Так видит мир художник, выделяя в панораме ту часть, которая становится содержанием его Образа-пейзажа и создания фасцинирующих Образов природной среды.

Мир как Образ всегда в чем-то нов благодаря непрекращающимся в нем ни на миг изменениям: “переживания “интересов”, мотивов (потребностей) и эмоций (аффектов) являются результатом состояний, возникающих, когда организм сталкивается с новизной – новизной, которая создается вследствие того, что непрерывно меняющийся “мир внутри нас” приходит в соприкосновение со всегда изменяющимся “миром вне нас” (350). С появлением нового живого организма возникает двухполюсная структура: на одном полюсе Космос-организм (тело плюс психика), на другом – богатая целостная среда-Космос. Сравнение организма с Космосом достаточно тривиально после признания таких выдающихся физиков, как А. Эйнштейн и С. Хокинг: оба не раз высказывались в том духе, что человек и мозг представляют собой наиболее сложные объекты для науки, даже более сложные, чем Вселенная.

Оба Космоса – открытые системы. Организм открыт миру через посредство своей сенсорики, устроенной по принципу дифференцировки, расчленения мира на от-

дельные Образы (тактильные, акустические, ароматические, визуальные, магнитные, вкусовые и др.) и мгновенного соединения в целостные Образы-картины. Открытость сенсорики, как показали исследования последних десятилетий, из которых самыми, быть может, впечатляющими являются результаты исследований в области механизмов актуального зрения, предполагает активность восприятия. Именно активное взаимодействие с взаимным влиянием друг на друга организма и среды только и может создать адекватный Образ. Организм и среда существуют в неразрывной сцепке, в которой организм, как более зависимая сторона, вынужден быть оптимально активным, делающим выбор. Активная сенсорика и есть система первичного выбора организма. Поэтому глаз не фотографирует, а ищет, выбирает, сцепляет, действуя в спайке с соответствующими нейроструктурами мозга. “Глаз не видит ничего. Лишь весь организм с его визуальной активностью может видеть с помощью своего органа – глаза”, – отмечает К. Твардовский (425). Это подтверждают в своих исследованиях Р. Каплан (170), Дж. Гибсон (101), Р. Грегори (107) и др. Аналогично функционируют и остальные органы чувств.

К. Прибрам формулирует этот принцип так: “когда организм воспринимает что-либо, он формирует внутренний Образ своего окружения”. Образ в понимании К. Прибрама является “целостным и голографическим. Однако когда мы в действительности смотрим на окружающий мир или слушаем его, мы избираем тот или иной аспект, мы каким-то образом концентрируем внимание, выбираем, ограничиваем наше поле зрения, особенно если мы активно заняты рассматриванием, слушанием и т. д.” (350, с. 239) Организм отражает дуновение ветерка, тучи на небе, капли дождя, пробуждающий к жизни восход солнца, прохладу и тепло, но именно как части единого целого-Космоса, приобретающие значение для организма в силу его собственной адаптационной активности. Первые же капли дождя побуждают воробьев прятаться под днища легковых автомобилей – излюбленное их место в городах. То, что не имеет значения, не попадает в активность восприятия и как бы выпадает из картины мира. Напротив, то что имеет важное значение для жизни организма, не просто фиксируется, а тщательно выбирается, шлифуется и оценивается по уровням и степеням ценности. Поэтому любой организм имеет заложенные в себе от рождения, накопленные видовым опытом программы восприятия с арсеналом базовых образов мира, которые помогают избирательному восприятию. В частности, основой для формирования у мужских особей млекопитающих восприятия самки своего биологического вида является врожденная реакция полового возбуждения на так называемые “ключевые раздражители”, половые релизеры. У млекопитающих неприматов, так же как и у насекомых и рыб, они представлены запахами специализированных выделений – половых феромонов. У приматов, включая человека, “ключевые раздражители” для мужских особей представлены внешним видом половых органов самок. Социобиологи выявили довольно широкий перечень врожденных стимулов-образов у человека. В частности, “предпочтение ребенком вкуса сахара в сочетании с активным неприятным соли и горького; врожденное различие четырех основных цветов (синего, зеленого, желтого, красного); распознавание фонем, лежащее в основе последующего формирования речи; предпочтение ребенком спокойного выражения лица, проявляющееся уже в первые десять минут жизни; реакция страха перед незнакомцем; пред-

расположенность к страху против таких опасностей, как высота, бегущая вода, змеи (545; 67, с. 16–18). К врожденным Образам восприятия у человека этологи относят также некоторые эстетические гармонические Образы природы: формы, сложенные по принципу “золотого сечения”, линии-изгибы, ритмы-орнаменты и др.

Р. Хайнд считает, что отбор актуальных раздражителей “является составной частью любого поведения животного. В каждый данный момент органы чувств бомбардируются самыми разными формами физической энергии. На эту гамму раздражений животные реагируют избирательно: некоторые изменения энергии влияют на его поведение, другие – нет. Таким образом, очевидно, происходит своего рода отбор среди тех изменений энергии, которые воздействуют на животное. Кроме того, поскольку разные раздражения влияют на разные типы поведения, для каждого типа поведения, по-видимому, должен существовать оптимальный раздражитель или комплекс раздражителей; так, черви *Tubifex* служат раздражителем, побуждающим самца колюшки к еде, зеленые водоросли побуждают его к строительству, другой самец – к драке, а самка – к ухаживанию” (513, с. 67).

Опираясь на врожденную сигнально-Образную базу, каждый организм дальше “работает” по ее наполнению сам, увеличивая ее и шлифуя. Игра львенка с встретившимся на его дороге ежом очень быстро закрепляет образ ежа как колючего объекта. Теперь в сигнально-Образном банке подрастающего льва есть новый Образ мира, включающий опасного ежа. Следует сразу отметить, что сенсорика в сочленении с мозгом снабжена поразительным свойством формировать значимые Образы мгновенно, с первой пробы. Птице нет надобности пробовать на вкус еще раз боковую коровку, если она по ошибке ее решила проглотить, она на всю оставшуюся жизнь запоминает ужасно обжигающее ощущение от этой “противной ярко красной в черных крапинках” движущейся по зеленому листку живой точки.

К. Прибрам высказывает также принципиально важное положение о том, что богатство образов мира “нельзя обнаружить сразу, его нужно выявлять постепенно, признак за признаком. Выделяется то цвет, то форма, то структура воспринимаемых объектов. Однако это ограничение процесса внимания не ослабляет непосредственность и калейдоскопическую природу образа – пожалуй, и то и другое возрастает при надлежащем внимании. В результате прошлого опыта внутри организма формируется набор установок, нервных моделей событий, пережитых в прошлом. До недавнего времени такой термин, как “установка”, или “ожидание”, не имел достаточного числа неопровержимых неврологических подтверждений. Это положение радикально изменилось после классических опытов Е. Н. Соколова. Он показал, что всякий раз, когда изменяется конфигурация стимула, повторно воздействующего на сенсорный вход, по какому-либо из его параметров, происходит растормаживание и возникает ориентировочная реакция”. Мир как бы узнается заново, с включением в него той “новизны”, которая запечатлена дифференцирующим-соединяющим восприятием. При этом “основа” остается нетронутой, восприятие “добавляет к ней еще один новый узор – еще одну нить” (350, с.226).

Наконец, в процесс восприятия “богатого Мира-Образа” включается завершающий этап – оценивание по принципу наибольшего значения для существования организма: весь механизм восприятия активно участвует в образовании значения и “мы

опознаем то, что ощущаем как значительное, почти в тот же момент, когда воспринимаем это посредством своих органов чувств”, а значимость сигналов зависит от механизма, который привлекает к ним внимание, от подкрепления и альтернатив”, то есть “ценность поведения определяют подкрепляющие агенты, благодаря им корректируется поведение” (350, с. 345-346). Подкрепляющие агенты – это как раз и есть получаемые организмом удовольствия и неудовольствия.

Р. Хайнд пишет, что в своей книге “Прогулки по миру животных и миру людей” фон Икскуль описал, как оплодотворенная самка клеща заползает на куст и устраивается в таком месте, откуда она может упасть прямо на спину пробегающему зверю. Она может месяцами оставаться на ветке, не реагируя на звуки, запахи и другие изменения вокруг до тех пор, пока не уловит специфический раздражитель, действующий как сигнал отцепиться от ветки. Этот раздражитель — запах масляной кислоты, продукта выделения кожных желез млекопитающих, который служит предупреждением о появлении “кровавого блюда”. Из сотен раздражителей, на которые клещ мог бы отреагировать, он выбирает лишь этот единственный, “словно лакомка, выковыривающий изюминки из пирога” (513, с. 67).

Из сказанного логично сделать вывод, что в живом организме, активно воспринимающем Мир, выстраивается иерархия сигналов-Образов, в которой центральное место принадлежит особо значимым сигналам-Образам, как врожденным, так и сформированным самой особью. И чем сильнее, богаче, актуальнее для выживания подкрепляющий агент, тем крепче и значимее сигнал-Образ о нем. Самые мощные подкрепляющие агенты – удовольствие от ощущения жизни, от пищи и от продолжения рода. Совершенно естественно, что Образы “родной Вселенной” (саванна, лес, вода и т. д.), необходимой для нормального метаболизма и выбора полового объекта для продолжения рода, являются суперзначимыми и сигналы о них распознаются сверхточно, мгновенно и страстно как у амебы, так и у человека.

От соматической озабоченности к психосоматическому наслаждению

Любое удовлетворение инстинктивной потребности доставляет удовольствие, тогда как любая помеха на этом пути вызывает неудовольствие
К. Ясперс

Среди всей совокупности оценочной сенсорики ощущения удовольствия занимают место главного двигателя жизни. Вместе с тем удовольствие существует, перемежаясь с ощущением неудовольствия. По мнению К. Лоренца, они как бы подкрепляют друг друга и часто путь к ощущению удовольствий лежит через преграды неудовольствий. Тем сильнее и могущественнее становится притягательная сила удовольствий (246).

С отмеченной точки зрения сенсорика предстает перед нами как **первичная оценочная система организма**, отражающая соматический комфорт и дискомфорт, соматический уют и блаженство или соматическое страдание и муку. Здесь и закладываются

ся истоки и механизмы фaszинации как особой сигнальной системы, функцией которой является мгновенная настройка особи на достижение наслаждающегося или спасительного подкрепления.

Все живое обеспечено таким гомеостазом с внешней и внутренней средами, чтобы достигалось соматическое комфортно-уютное состояние. Чуть не сказал “ощущение счастья”. Но словосочетание “удовольствие от жизни” было бы, мне кажется, вполне уместным. Жить – значит испытывать общее соматическое удовольствие, стремиться к нему. Состояния удовлетворенности и покоя очень непродолжительны (мир постоянно изменяется!) и ценятся любым живым существом как блаженство и уют (блаженство сытого кота на коленях любящей хозяйки). Можно сказать, что в этом беспокойном мире покой и уют – мечта всего живого. И, стало быть, высшая фaszинация. Отсюда прилипание организма к уюту и уютному месту, тяготение к нему и защита его от посягательства. Территория. Дом. Родные места. Любимая постель. Собака на сене ищет удобное положение. Уютное местечко есть у каждого человека...

Но в изменяющемся мире жизнь включает в себя неизбежные постоянно новые беспокойства и неудобства самого разного свойства. Организм постоянно обеспокоен. И с этой точки зрения сенсорика – это драма: восприятие солнечного света и налетевшей “не вовремя” грозы приводит живое существо в радостное или паническое настроение, включает настрой на блаженство или мобилизацию всех сил на спасение. Первый драматург, сценарист и режиссер настроения и настроения – среда обитания. Но второй, не менее важный и судьбоносный – само живое существо с его сенсорикой, психикой, энергетикой и поведенческим опытом (общевидовым и приобретенным).

Среди огромного числа сенсорных воздействий одни оцениваются организмом как приятные, другие отменяются, оцениваются как дискомфортные или опасные для жизни. Перцепция, оцененная как приятное ощущение, запоминается вместе с удовольствием и Образом того, что вызвало приятность. Образуется нейропсихическая цепочка: воздействие, ощущение, удовольствие, запоминание. Стимул становится сигналом удовольствия. К. Прибрам так описывает складывание фaszинативного сигнала-Образа у обезьяны: “Когда я начал проводить опыты на обезьянах, я обычно применял в качестве подкрепления правильного выбора, ведущего к решению проблемы, очищенный арахис. При подготовке к серии опытов приходилось тратить много времени на очистку орехов. Внезапно я понял, что нет оснований считать, что обезьяны не смогут сами чистить орехи, и действительно, оказалось, что они справляются с этим, не задерживая процедуры эксперимента. Меня интересовала выработка дифференцировок, и я понял, что обучение правильно реагировать на скорлупу ореха было в некотором смысле выработкой более примитивной формы дифференцировки, что **скорлупа являлась постоянным индикатором, знаком лакомства, имевшегося внутри** (выделено мной. – В.С.), совершенно таким же, как знак «плюс», нарисованный на крышке коробки, в которой находился земляной орех” (350, с. 340). Вид полюбившейся пищи сразу запоминается и служит сигналом-стимулом. Первая же встреча с шоколадом формирует у большинства детей фaszинативную связку “*вид шоколада – удовольствие*”. Закономерность проста: чем слаще пища, тем радостнее воспринимается ее Образ.

Таким образом, подкрепленное удовольствием ощущение делает Образ объекта, сулящего удовольствие, фaszинативным сигналом, а реакция на такой сигнал представ-

ляет собой фасцинацию – мгновенное очарование, оглушающую тягу, страстное волнение и вожделение. Таков, по-видимому, общий механизм формирования услаждающе-чарующей фасциации. Цепочка образуется часто с первого раза, с акта пробы (поэтому люди и соблазняют друг друга – “А ты попробуй”). Первые пробы эволюционно целесообразны: особь должна научиться удовлетворению-удовольствию, чем скорее, тем лучше. Освоение мира ребенком – это постоянные пробы-открытия, ошеломляюще-опасные или, напротив, оглушающе-приятные. Художник В. Кандинский пишет: “Только привычные предметы действуют на средневпечатлительного человека совершенно поверхностно. Но, если мы видим их впервые, то они сразу производят на нас глубокое впечатление: так переживает мир ребенок, для которого каждый предмет является новым. Он видит свет, который привлекает его, хочет схватить его, обжигает пальцы и начинает бояться огня и уважать его. Затем он узнает, что свет, кроме враждебной стороны, имеет и дружескую, что свет прогоняет темноту, удлиняет день, что он может греть, варить и являться веселым зрелищем” (167, 41-42).

Но таков же путь опасных ощущений и создаваемых ими сигналов. Достаточно один раз обжечься, попробовать ядовитую бабочку или божью коровку, чтобы птица запомнила их вид и окраску, чтобы никогда в жизни не покуситься на пробу вторично. Вид хищного оскала опасного зверя закладывается в генетическую память вида и дети человека инстинктивно пугаются этого сигнала-Образа даже на картинке, в форме маски или игровой имитационной мимики взрослого. К. Саган замечательно показал истоки страшных человеческих снов и пугающих образов в книге “Драконы Эдема”(380): миллионы лет страха приматов от встреч с пожирающими их “драконами” содержатся в виде устрашающих образов-фасцин в человеческой памяти. Фасцинация – это то, что очень сладостно или очень страшно. Ребенку не надо объяснять на языке, как страшен леопард, он содрогается от страха при виде хищного оскала маски, как будто это реальный леопард выпрыгнул из зарослей. Сладкое и горько-страшное запоминается сразу и надолго, чаще – навсегда. Так образуется видовая и индивидуальная система фасцинативных сигналов-образов. Вся система фасцинативных действий при смертельной опасности у животных и человека апеллирует напрямую к эмоции страха и действиям избегания или защиты, минуя сколько-нибудь “трезвое осознание”. “Фасцины страха”, как, по-видимому, и все “экстремальные фасцины” по действию во многом аналогичны “фасцинам наслаждения”. Поэтому и в мозге структуры “отражения удовольствий”, открытые Дж. Олдзом (319), соседствуют со структурами “отражения неприятностей” (см. об этом подробнее ниже, в разделе “Нейрофизиология фасциации”).

Понятно, почему на первые ощущения необходима особенно острая и точная память, та память, которая получила название эйдетической (“эйдетизм”, от греч. *eidos* – образ, вид), – это картинный характер памяти, преимущественно на зрительные впечатления, позволяющий удерживать и воспроизводить чрезвычайно живой образ воспринятого ранее предмета, по своей наглядности и детальности почти не уступающий образу восприятия. Первобытному человеку и ребенку такая память помогает освоить мир сигналов-Образов, связанных как с удовольствиями бытия, так и таящимися тут же рядом смертельными опасностями. Перцептивное исследование-познание Мира требует такой точнейшей образной памяти. Эйдетизм у детей близок к импринтингу. Стойко запоминается и воспроизводится все вызывающее удовольствия и сладкие ощу-

щения. Врезается в эмоциональную память, соединяясь с эйдетическими Образами и картинами. Этнограф Б. Малиновский отмечал у наблюдаемых им аборигенов выдающуюся память на детали местности, дороги и перемещения животных (265). Только у отдельных людей в зрелом возрасте сохраняется эйдетическая память детства. У взрослых структуры и механизмы эйдетической образности проявляют себя, по-видимому, в галлюцинациях и снах, создавая Образы-фантомы. Эйдетической памятью славятся живописцы. Один из художников XVIII в., Джошуа Рейнолдс, работая с натурщицами, поступал следующим образом. На первом сеансе он усаживал натурщицу в кресло и в течение 30–40 минут набрасывал ее портрет. Больше ему натурщица не требовалась. Его память и воображение были таковы, что он ставил кресло на прежнее место, располагался около мольберта, вызывал в памяти образ натурщицы, и ему казалось, будто она действительно сидит перед ним. Если кто-нибудь из посетителей студии случайно оказывался между пустым креслом и художником, он обращался с просьбой “отойти в сторону, чтобы не заслонять фигуру натурщицы”.

К столь необходимой каждому образной памяти состоящей из представлений, образов (зрительных, слуховых, осязательных, обонятельных, вкусовых), в том числе эйдетической, добавляется эмоциональная память, сохраняющая ощущения, чувства, эмоциональную окраску событий и определяющая способность пережить их вновь. Эмоциональная память характерна формированием почти мгновенных следов в нейроструктурах, порой с первого раза, и не требует многократного повторения. Это эволюционно объяснимо пользой для выживания запоминания приятного-неприятного: для птицы, как я уже отметил, одного раза обжигającego ротовую полость ощущения достаточно, чтобы уже никогда в жизни не клевать божью коровку.

Таким образом, чем сильнее, богаче, актуальнее для выживания подкрепляющий агент, то есть удовольствие или неудовольствие, тем крепче и значимее сигнал-Образ о нем. Самые мощные подкрепляющие агенты – удовольствия от пищи и продолжения рода. Совершенно естественно, что Образы пищи и объекта для продолжения рода являются суперзначимыми, и сигналы о них распознаются сверхточно, мгновенно и страстно.

Слова не способны передать фасцинации ощущений, поэтому власть и язык оценочный-оценок и гораздо полнее, и точнее любых слов. Из-за ощущений теряют разум, ощущения очень часто не только кружат голову, но становятся базой перерастания в сложные осознанные чувства. Это касается почти любых пристрастий и ярче всего проявляется в сладострастной любви. Особое, ни с чем не сравнимое, желаемое к повторению ощущение становится ощущением-фетишем, как у сладострастника Карамазова-старшего к Грушеньке в “Братьях Карамазовых”, открывшего в ней особый этакий изгиб...

По эту и по ту сторону удовольствия

Как формируется и обеспечивается иерархия удовольствий жизни?

По эту сторону удовольствия располагается жаждащая удовлетворения потребность. По ту сторону – образовавшаяся связь с фасциновым сигналом-Образом, который включает цепочку от желания до наслаждения. Или спасения от внезапной опасности. Потребность вопиет: “Дай!” Подкрепление – “Возьми, насладись и

успокойся!”. Но через некоторое время потребность вновь вопиет: “Хочу еще!”

Жажда доводит до безумия (в Беслане бросались пить воду с пола, смешанную с кровью). Упоение, счастье от нескольких глотков холодной воды при изнуряющей жаре знакомо всем. Потягивание, радостные восклицания, звуки, похожие на мычание, – вот первичные, физиологические реакции на удовлетворение жажды. Что может быть красноречивее для подтверждения идеи удовольствия при удовлетворении насущных, заложенных природой в живой организм потребностей? Потребность до ее удовлетворения – это страдание, доходящее до мук. Удовлетворенная потребность – это физиологически выраженная радость организма о продолжении жизни, это эмоциональная оптимистическая экспрессия бытия. Потягивание после сна, испускание выделений, фанфары радости от удовольствия, полученного при сладостном удовлетворении первичных потребностей наблюдаются у всех животных: радостный рев (рык, трели, стоны), визги, хлопанье-топанье конечностями, взбрыкивание...

Первичные удовольствия оптимистичны и радостны. Вызывает кровь и энергия. Сытые дети резвятся. Это вовсе не сексуально, это радость жизни, быющая клочком жизненная энергия. При виде матери голодный жеребенок мчится к ней, взбрыкивает и радостно ржет: вид матери – фасцина, сигнализирующая о предстоящем удовольствии. От сытной пищи потягиваются кошки, собаки, львы... Возможно, даже инфузории и амебы.

Фасцинация – это закрепленная в центрах удовольствия и наказания доминантная оценка улаждающего и устрашающего качества ощущений. Ощущения, вызывающие мгновенные и стойкие доминанты удовольствия и счастья, запоминаются и сливаются с сигналом о них в единый фасцинативный Образ. Скорлупа арахиса мгновенно побуждает обезьяну выпрашивать орешки у экспериментатора.

Что улаждает в первую очередь? Конечно же, то, что в первую очередь необходимо организму. Углеводы. Значит сахар. Значит сладкое. Слово “улада” как нельзя лучше передает эту сцепку потребности-удовлетворения-наслаждения в единый улаждающий Образ. Не исключено, что ощущение сладкого (вкус сладкого) становится фасцинативным сигналом для самого мозга, работающего на “углеводном топливе”, и он приказывает человеку “полюбить сладкое” и легко позволяет аддикцию к сладостям даже в ущерб мышечной массе организма и вероятности заболеваний от избытка сахара в крови

Гурманы и сибариты – профессионалы сладостных и комфортных ощущений. В определенном смысле все живое гурманно – ищет “сладенького” и “вкусенького”. По-видимому, у всех травоядных и хищников имеются любимые блюда. На “гурманных” пристрастиях некоторые живые виды паразитируют, приручая и развращая своих жертв, превращая их в послушных рабов. Один такой поразительный пример приводит Р. Докинз: “Нередко гусеницы буквально переполнены всевозможными приспособлениями, с помощью которых они управляют своими защитниками. Гусеница бабочки *Thisbe irenea* призывает к себе муравьев, издавая звуки с помощью имеющегося у нее на голове особого органа; а на заднем конце тела у нее расположена пара вытягивающихся трубочек, через которые выделяется соблазнительный нектар. Кроме того, на “плечах” у гусеницы имеется еще одна пара трубочек, выбрасывающих секрет с гораздо более хитроумным действием. Этот, по-видимому несъедобный,

секрет представляет собой летучее вещество, оказывающее резко выраженное воздействие на поведение муравьев. Под его влиянием муравей подсакивает вверх, широко раскрывая челюсти; он становится гораздо более агрессивным, чем обычно, готовым нападать, кусать и жалить любой движущийся объект, за исключением, что знаменательно, гусеницы, приведшей его в такое состояние. Кроме того, муравей, попавший под влияние гусеницы, снабжающей его дурманом, в конце концов впадает в состояние, называемое “байндинг”, и становится неразлучным со своей гусеницей на протяжении многих дней. Таким образом, гусеница, подобно тле, использует муравьев как телохранителей; однако она идет при этом дальше: если тли полагаются на нормальную агрессивность муравьев по отношению к хищникам, то гусеница снабжает муравьев веществом, повышающим их агрессивность, а кроме того, она, по-видимому, потихоньку подсовывает им еще что-то, дополнительно привязывающее их к ней” (134).

Преграды на пути к “вкусненькому” и “сладенькому” представляют собой неизбежные составляющие драматургии суровой жизни. Они также являются и разжигателями страсти, как те сравнения, от которых сладость только усиливается и укрепляется. Все живое лишено изнеженной жизни и каждое удовольствие не только высоко ценится, но и часто трудно завоевывается. Только человек сумел сломать эту вечную и эволюционно необходимую диалектику страстей, дополнительную взаимозависимость «горького-сладкого». Это мало учитывается в современной педагогике воспитания личности. Прimitивные народы создавали школу воспитания с перепадами аскетизма и гедонизма. Это прекрасно аргументирует выдающийся этолог К. Лоренц (246, гл. 5).

Сексуальная фасцинация и оргазм

Одну из высших ступенек в пирамиде психофизиологических удовольствий, наряду с оптимистическим восприятием родного Образа-Мира, подкрепляющих волю к жизни и радостное настроение от жизни, занимает сексуальный физиологический оргазм.

Пожалуй, наиболее откровенное обоснование эволюционной необходимости и значимости оргазма дал в свое время В. Райх, исследовавший физиологию и биоэнергетику этого феномена. Не случайно Фрейд при всем его скептицизме по отношению к своему ученику, неизменно ссылался на его работы о соматических характеристиках сексуального влечения и оргазма. В. Райх раньше других пришел к выводу, который сейчас стал хрестоматийным: половое влечение есть не что иное, как моторное воспоминание об уже пережитом удовольствии оргазма, а удовольствие оргазма отличается от других соматических удовольствий тем, что не только не вызывает привычки и затухания, а требует постоянного повторения, часто все более и более желанного и страстного (362).

Сигналы-Образы об оргазме являются самыми сильными по эффекту и аффектации, они могут служить лучшей иллюстрацией для понимания природы фасцинации.

Э. Берн собрал целую коллекцию – свыше 600 вариантов самоописаний женского оргазма (именно вариантов, а не писем). Известный американский сексолог А. Кин-

зи привел пример уникального оргазма: одна 32-летняя женщина отмечала во время оргазма полную потерю всех сенсорных способностей – она слепла, глухла, теряла обоняние и переставала чувствовать прикосновение.

Вот как описывают свои оргазмические переживания молодые немки (описания взяты из книги И. С. Кона “Мужская и женская сексуальность”): “Оргазм начинается у меня с чувства жара, идущего от ступней ног. Наступает сильное, до дрожи, возбуждение, потом полное отключение от всех мыслей. В голове такое чувство, будто все отодвинулось вдаль. Все концентрируется на половом органе, откуда неопишуемое чувство переносится с низа живота на все тело и оканчивается большой слабостью”; “Мне вдруг становится очень жарко, хочется кричать (большей частью я так и делаю), потом хочется крепко держать своего партнера и никогда больше его не отпускать. На мгновение все становится нереальным, но каким-то счастливым”; “Я не могу это описать, это невозможно передать словами. Просто свобода и счастье”. Правда, как замечает И. С. Кон, “надо признать, что физиология женского оргазма все еще изучена недостаточно, мы многого здесь не знаем”. Но многие сексологи отмечают, что особенно сладострастное, запредельное наслаждение человек получает в психоэмоциональном оргазме, чаще всего при взаимной любви и сильной влюбленности. Именно поэтому все и мечтают о любви, не удовлетворяясь удовольствием физиологического оргазма. Каждый знает или подозревает о существовании более высокого и захватывающего наслаждения, которое возможно только в любви. Не потому ли о любви мечтают даже проститутки, имевшие тысячи мужчин и необозримое биологическое разнообразие?

С. Гроф характеризует психоэмоциональный оргазм как “значительное сужение поля сознания обоих партнеров. На этом фоне возникает эмоциональный подъем по типу экстатического состояния с возникновением ярко окрашенных фантазий и даже с нарушениями восприятия (ощущение полета, невесомости, каких-либо изменений своего тела и пр.). Ведущей эмоцией в это время является переживание счастья, радости, освобождения” (111). Я всегда кричу “Хочу жить!!!” – говорит одна из информанток, описывая свои ощущения от оргазма. Крик ее произволен, как стон.

Столь сильный, быть может самый сильный из всех существующих, “подкрепляющий агент” совершенно закономерно обеспечивается самыми мощными, повелительно-безотказными сигналами-Образами. При этом базовыми, системообразующими фасциативными сигналами-Образами являются Образы самца и самки своего биологического вида. Эксперименты это сигнальное воздействие прекрасно подтверждают. Одно только присутствие самца воздействует на самок столь стимулирующе, что у них происходит стремительное настраивание организма на спаривание. Точно так же появление самки в вольере самцов мгновенно возбуждает в них половую функцию. Я хочу подчеркнуть, что речь в данном случае идет не о привлекательности или непривлекательности сексуального объекта, а только о его сигнале-Образе как самца или самки. Вывод очевиден: первичным и самым мощным фасциативным сигналом в межполовом взаимодействии разделенных по половому признаку видов являются Образы самца-самки. В литературе не раз описывалось необузданно-дикое поведение заключенных-мужчин при одном только виде женщин через окно или перегород-

ку. Можно сделать заключение, что сигналы сексуальной привлекательности являются вторичными по отношению к сигналу-Образу тела. Не отсюда ли и появилась на свет поговорка “Полюбишь и козла”: сначала самец-самка, потом уже ритуалы и спектакли ухаживания и выбора партнера.

Ожирение как дань вкусовой fascinации

Предпочтение ребенком вкуса сахара в сочетании с активным неприятием соли и горького, как я отметил выше, относится к врожденным сигналам-Образам. Сахар – это углеводы, энергетика организма, нормальное функционирование мозга. Это также стимуляция выделения эндорфинов, значит, выпрыскивание в организм оптимизма и радости. Сладкое нужно всем или почти всем. Р. Докинз так описывает зависимость от сладкого муравьев, которые для лакомства сладким держат при себе тлей: “Тли – в частности, зеленая яблоневая тля и другие виды – высоко специализированы к высасыванию сока у растений. Они очень эффективно выкачивают соки из растительных тканей, но не переваривают их до конца. В результате тли выделяют жидкость, из которой питательные вещества экстрагированы лишь частично. Капельки богатой сахарами “медвяной росы”, или пади, выделяются на заднем конце тела с высокой скоростью: иногда за один час тля выделяет больше пади, чем весит сама. Обычно медвяная роса падает на землю... Но муравьи некоторых видов перехватывают росу, как только она выходит из тела насекомого.” (134).

Еще один важный аспект пристрастия к сладкому. Наш организм может вырабатывать вещество серотонин, гормон хорошего настроения, только из углеводов. Метаболизм мозга нуждается в серотонине, чтобы поддерживать наше психическое благополучие. Поскольку именно сладости поставляют быстроусвояемые углеводы, нас так и тянет на сладенькое. Жадный до сладостей мозг не желает испытывать недостатка в серотонине. К. Бессер-Зигмунд пишет, что организм можно нанести сильнейшую травму, если начать “лечить” избыточный вес голодом или диетами, а большая же часть диет исключает возможность получения этого важного для мозга вещества (44).

К. Лоренц тягу человека к вкусовым удовольствиям характеризует как врожденный поведенческий паттерн: “Жизнь человека была тогда суровой и опасной. Охотник и пожиратель мяса, он полностью зависел от случайной добычи, почти всегда был голоден и никогда не был уверен в своем пропитании; дитя тропиков, он постепенно углублялся в умеренные широты, где климат заставлял его тяжело страдать; а крупным хищникам того времени он мог противопоставить лишь свое примитивное оружие, не дававшее ему никакого превосходства, так что жизнь его проходила в состоянии напряженной бдительности и страха. При таких условиях многое, что теперь воспринимается как “порок” или по меньшей мере вызывает презрение, было вполне правильной и даже жизненно необходимой стратегией выживания. Обжорство было добродетелью; в самом деле, если уж удалось поймать в ловушку крупного зверя, то разумнее всего было набить себе желудок, насколько можно” (246). Как отметил Р. Докинз, ограничителей для наслаждений и услад эволюция не придумала. Не могла же она предугадать, что человек достигнет пищевого изобилия и витрины супермаркетов будут, как магнитом, притягивать всевозможными яствами и в первую очередь сладостями.

Зато эволюция придумала нейрофизиологический механизм для радости от еды – все те же эндорфины и серотонин. Насыщение, особенно если пища вкусная, сопровождается выделением эндорфинов, которые выдают “зеленый свет” радости в центр подкрепления (“центр удовольствия”). Есть люди, которые испытывают от еды наслаждение, сравнимое с оргазмом, а некоторые даже ставят еду на первое место, отодвигая на второе оргазм. Китайцы с древних времен возводили еду в философию жизни и в разряд высших человеческих радостей, и в этом можно видеть мудрость: связь наслаждения и оптимистического восприятия жизни несомненна и, следовательно, обязана присутствовать в философии жизни.

В 2004 году кондитерская промышленность порадовала любителей шоколада сообщением о том, что в скором времени на прилавках появится новый его сорт, для которого самым подходящим местом реализации станут прилавки секс-шопов. Дело в том, что этот шоколад обещает не только радовать своими вкусовыми и поднимающими настроение качествами, но и вызывать у сладкоежек настоящий оргазм. Своим возбуждающим качеством он будет обязан насыщенностью фенилэтиламином – веществом, которое образуется в организме во время секса. Так еда и сексуальные удовольствия объединяются индустрией в единую нейрогормональную цепочку.

Подчеркну еще раз: ограничителей для наслаждений эволюция не придумала. **Человек попал в ловушку зависимости от ощущений удовольствия и фасцинации сигналов-Образов о предвкушении наслаждений.**

Сигнальная фасцинация отшибает волю и разум

Стоит появиться рыбакам с богатым уловом, как все племя, забыв обо всем на свете, бросается навстречу, радостно крича и пританцовывая. Такова одна из картин жизни многих прибрежных примитивных племен, живущих рыболовством..

Сигнальная фасцинация действует на психику столь мощно, что сужает сознание, как это отметил С. Гроф относительно психоэмоционального оргазма, или вовсе отключает волю, разум и критику – за ненадобностью в той сфере поведения, где она царствует. Возможно в буквальном смысле слова с-ума-сшествие. Еще один показательный пример из Р. Докинза: “Мой любимый персонаж в книге Уилсона “Сообщества насекомых” – это *Monomorium santschii*. У этого вида в процессе эволюции каста рабочих совершенно исчезла. Рабочие особи вида-хозяина выполняют все, что требуется их паразитам, вплоть до самой ужасной задачи. Повинуясь матке захватчиков-паразитов, они **совершают акт убийства собственной матери** (выделено мной. – В. С.). Узурпаторше даже не приходится пускать в ход свои челюсти. Она воздействует на нервную систему. Как она это делает, остается тайной. Быть может, она использует какой-то химический стимулятор, поскольку нервная система муравьев вообще очень чувствительна к подобным веществам. Если ее оружие действительно имеет химическую природу, то это самое коварное вещество из всех известных науке. Подумайте только, что оно делает! Оно затопляет головной мозг рабочего муравья, подчиняет себе его мышцы, отвлекает его от прочно заложенных в него обязанностей и обращает его против собственной матери. Для муравьев матереубийство является результатом особого **генетического упомощения** (выделено мной. – В. С.), и вещество, способное тол-

кнуть их на это, должно обладать мощнейшим действием.” (134). Тут, как говорится, ни прибавить, ни убавить. “Разум помутило или затмило” – говорят люди в подобных случаях. Фасцинация неудержима, как цунами. Л. Толстой так описывает грехопадение отца Сергия, соблазненного дочкой купца: “Дочь была белокурая, чрезвычайно белая, бледная, полная, чрезвычайно кроткая девушка, с испуганным детским лицом и очень развитыми женскими формами... Отец Сергей сам ужаснулся на себя, как он осмотрел ее тело. Она прошла, а он чувствовал себя ужаленным. По лицу ее он увидал, что она чувственна... Он встал и вошел в келью. Она сидела на табурете, дожидаясь его

Он отдал ей свою правую руку.

– Как тебя звать? – спросил он, дрожа всем телом и чувствуя, что он побежден, что похоть ушла уже из-под руководства.

Она взяла руку и поцеловала ее, а потом одной рукой обвила его за пояс и прижимала к себе.

... На рассвете он вышел на крыльцо. “Неужели все это было?” (438).

В “Дьяволе” Л. Толстой вновь повторяет тему неодолимости похотливого вождения: Евгений так воспален внезапной страстью к крестьянке Степаниде, что собственная жена Лиза, которую он продолжает любить, “особенно показалась ему бледной, желтой и длинной, слабой”.

Один из законов разрастания фасцинации – образование наваждения. Психика как бы сходит с ума, пуская в ход разжигающие азарт сны, фантазии, муки страсти и томительное ожидания встречи с фасцинацией (любимым, казино, наркотиком). Ф. М. Достоевский описал эти состояния в романе “Игрок”. Он сам лично их пережил, впад в игорную аддикцию. Не будь вытесняющей фасцинации, какой является творчество, Федор Михайлович кончил бы плохо. Спасла более мощная фасцинация – наслаждение “выдумкой”.

Как я отметил, Р. Докинз отсутствие защиты от разрастания тяги к наслаждению назвал загадкой эволюции. Возможно, разгадка заключается в следующем. Услаждающий объект, о котором просигналила фасцинация, столь необходим виду (половой объект, сахар, мясо и проч.), что это выше любых тормозов. Вот они, эти тормоза-фильтры, и отключаются. А поскольку эволюция в своих естественных средовых условиях не могла предоставить избытия объектов вождения, то она не могла создать и барьеров-ограничителей их потребления. Только по нарастающей: центр удовольствия сильнее, и, главное, он ненасытен. Перейдя порог, уже трудно, а порой и невозможно остановиться: так становятся наркоманами. Это показали и знаменитые эксперименты на крысах, проведенные Дж. Олдзом в 1953 году (об этих экспериментах подробнее см. в разделе “Нейрофизиология фасцинации”): научившись нажимать рычажок и тем самым включать электрический разряд, стимулирующий “центр удовольствия”, крыса не хотела уже больше ничего, кроме как получать эти сладостные разряды. По сути, аналогичен механизм образования зависимостей у человека. На азартных игроках, играющих даже на жизнь, это особенно хорошо прослеживается.

Р. Докинз высказывает по этому поводу следующее мнение: “Один из способов, позволяющих генам решать проблему предсказаний при достаточной непредсказуемости условий среды, состоит в том, чтобы снабдить машину выживания способно-

стью к обучению. Соответствующая программа может носить форму следующих инструкций: “Вот перечень ощущений, определяемых как вознаграждение: сладкий вкус во рту, оргазм, комфортная температура, вид улыбающегося ребенка. И вот перечень неприятных ощущений: разного рода боль, тошнота, чувство голода, плачущий ребенок. Если вы совершили какой-то поступок, за которым последовала одна из этих неприятностей, не делайте этого больше, но зато повторяйте все те действия, за которыми последовали вознаграждения”. Преимущество такого рода программирования состоит в том, что оно сильно сокращает число подробных правил, которые пришлось бы включать в первоначальную программу; кроме того, оно позволяет справляться с изменениями среды, которые невозможно предсказать во всех подробностях. Вместе с тем необходимость в некоторых предсказаниях не снимается. В нашем примере гены предсказывают, что сладкий вкус и оргазм это “хорошо” в том смысле, что потребление сахара и копуляция, вероятно, будут способствовать выживанию генов. Однако при этом не предусматриваются такие возможности, как потребление сахарина и мастурбация; не учитывается также опасность чрезмерного потребления сахара, количество которого в нашей среде противоестественно велико” (134).

То, что побуждает к достижению сладостных удовольствий, сильнее разума и рационального контроля. Так, вид шприца бросает наркомана в оргазмическую дрожь, и он не может думать ни о чем, кроме дозы. Фасцинирующий сигнал – это дурманящий, гипнотизирующий, магнетизирующий, оглушающий сигнал.

Первые сладкие ощущения – самые опасные

Освоение жизни через богатство сладких ощущений у человека приобретает опасность формирования разного рода искаженных зависимостей, в первую очередь вкусовых и сексуальных. Вкусовые ведут к ожирению, сексуальные – к формированию разного рода перверсий, в частности сексуального фетишизма в громадном многообразии его форм (сексопатологи насчитывают более тысячи форм фетишизма). Это происходит в силу достаточно легкого у человека образования сладостно-фасцинирующих ассоциативных связей и закрепления их в эмоциональной памяти. И самые опасные для перерастания в аддикции – первые оргазмические удовольствия, протекающие как потрясение, сладостный обжигающий шок. К. Ясперс пишет в “Общей психопатологии”: “Извращения возникают в связи с первыми переживаниями; их удовлетворение сохраняет связь с однажды пережитыми формой и объектом” (541).

Всем известны и понятны чарующая оглушительность первого поцелуя и первые тактильных ласк. Но эти ощущения могут быть испытаны в самых неожиданных сочетаниях с другими ощущениями и сигналами-Образами, как это и происходит часто в самом раннем возрасте. “Опасности предварительного наслаждения” – так З. Фрейд назвал одну из глав своих “Очерков по психологии сексуальности”, отметив “повышенную цепкость или способность к фиксации ранних впечатлений сексуальной жизни, которыми необходимо дополнить у будущих невротиков и у перверзных фактические данные, потому что такие же преждевременные сексуальные проявления не могут у других лиц запечатлеться так глубоко, чтобы навязчиво требовать повторения и преуказывать сексуальному влечению его пути на всю жизнь. Объяснение этой цепкости

кроется отчасти, может быть, в другом психическом моменте, от которого мы не можем отказаться для объяснения причин неврозов, а именно в перевесе в душевной жизни значения воспоминаний в сравнении со свежими впечатлениями”. Очень симптоматично высказанное при этом признание Фрейда: “Значение всех ранних сексуальных проявлений увеличивается благодаря **психическому фактору неизвестного происхождения** (выделено мной. – В. С.), который пока можно изобразить, разумеется, только временно, как психологический феномен” (486).

Эту “цепкость фактора неизвестного происхождения” теперь можно назвать – это **сексуальная фасцинация**, закрепляемая в центре удовольствия. Первые сладостные сексуальные ощущения обладают часто шокирующей новизной и запоминаемостью, а значит, и повышенной фасцинацией.

Приведу несколько клинических описаний перверсий, сформированных первыми сексуальными впечатлениями (из классического труда Рихарда фон Крафт-Эбинга “Половая психопатия”).

И. Г., 26 лет, явился в 1883 г. с жалобой на сильную неврастению и ипохондрию. Однажды он был случайным свидетелем того, как служанка его матери, во время мытья окон, разбила стекло и сильно порезала себе руку. В то время как он помогал ей остановить кровотечение, его охватило неудержимое желание высосать вытекающую из раны кровь; он удовлетворил это желание, причем испытал сильнейшее эротическое возбуждение, дошедшее до полного оргазма и семяизвержения. С этого времени он стал всячески искать случая доставить себе возможность созерцания, а то и вкусового ощущения вытекающей свежей женской крови, предпочтительно крови молодых девушек. Он не останавливался ни перед какими жертвами, ни перед какими денежными затратами, лишь бы добиться своей цели. Вначале к его услугам была названная молодая горничная, которая, согласно его желанию, позволяла наносить себе уколы в палец иглой и даже ланцетом. Мать, однако, узнала об этом и отказала служанке. Тогда он обратился к продажным женщинам, долженствовавшим заменить ему молодую девушку, что, правда не без большого труда, удавалось довольно часто. Нервное страдание заставляло его посетить многие курорты... Он пользовался водолечением, лечением электричеством и укрепляющей терапией, но без особенного успеха. Стоило больному выйти из-под врачебного надзора, и он снова становился жертвой своей старой страсти и не щадил ни труда, ни денег, чтобы удовлетворить половую похоть указанным ненормальным способом.

Ц., 28 лет, с невропатической наследственностью, невропатической конституции, утверждает, что уже на 11-м году имел поллюцию. В это время он был высечен матерью, сечение в тот момент причинило только боль, но впоследствии в воспоминании оно сочеталось с сладострастным ощущением. Под влиянием последнего чувства он все чаще воспроизводил этот факт в своей памяти и при этом сам себе наносил удары по ягодицам. Около 13 лет он почувствовал склонность к изящному дамскому башмачку с высоким подъемом. Помещая такой башмачок меж бедер, он достигал извержения семени. Постепенно для этой цели ему достаточно было одной мысли об этом. К мысли о башмачке вскоре присоединилось еще мазохистское представление, дававшее ему значительно большее удовлетворение. Он представлял себе, что лежит у ног красивой молодой дамы и что она топчет его своими прелестными баш-

мачками. При этом представлении у него возникало извержение семени.

Другой пациент свидетельствует, что, когда ему было 10 лет, развратная воспитательница, крепко прижав его к своему телу, заставила ввести палец себе во влагалище. Поднеся случайно после этого палец к носу, он ощутил запах, доставивший ему большое удовольствие. Под влиянием безнравственного проступка, на который его склонила эта женщина, у него стали появляться окрашенные сладострастным ощущением представления, будто бы он, закованный, зажатый между бедрами женщины, должен был спать под ее ягодицами и пить ее мочу. На 19-м году он отказался окончательно от надежды побороть свое половое извращение. Когда однажды женщина помочилась ему в рот, он испытал самое большое наслаждение. После того он совершил половой акт с этой женщиной. С этого времени с удивительной периодичностью через каждые 4 недели он испытывал неудержимое влечение повторить описанную ситуацию (210).

В сексопатологической литературе я встретил описание уникального в своем роде случая, когда двенадцатилетний мальчик, которого в леске, куда он забежал, изнасиловали два солдата, на следующий же день (!) добровольно пришел туда же для повторения первого опыта, а потом стал обслуживать анально и орально целый гарнизон солдат, испытывая от этого наслаждение, ставшее аддикцией.

А вот пример из признаний читательниц “СПИД-ИНФО”: “Несколько лет назад моя бывшая подруга пристрастила меня, тогда 16-летнюю, к занятию, которое, как я теперь понимаю, называется мастурбацией. Сидели поздно вечером у меня дома, и она предложила мне “показать”, а я согласилась “попробовать”. Прошло четыре года, я уже вступала в интимные отношения с ребятами, но это занятие бросить не могу – оргазм получаю только так”.

Широко распространено в среде педофилов растление девочек через угощение конфетами (сладенького так хочется!) с переходом к тактильным ласкам. Быть может, значительно большее количество женщин имеет в своей биографии опыт именно такого “нежно-ласкающего” растления, чем сексуального насилия (а сексуальному насилию, по социологическим данным, подвергается от 50 до 60% женщин). Если о насилии многие из них умалчивают, то о таком приятном, хотя и несколько пугающем, опыте тем более. На легкость растления малолетних и формирование сексуальных перверсий и указывал З. Фрейд, связывая это с оглушающим действием первых сексуально окрашенных или сладостно-сексуальных удовольствий. Герой В. Набокова Гумберт в “Лолите” обречен на сексуальное пристрастие к девочкам-подросткам, так как еще в детстве испытал безумную страсть к двенадцатилетней девочке, создавшую в его “сексуальном мозге” через посредство сексуального фантазирования доминанту на “нимфетку”. Лолита и стала ею.

Но растлевающие фасцинаторные ощущения могут появиться не только в годы детства. Даже взрослую девушку-студентку можно “развить” до маниакальности, как это показал Д. Рид в повести “Дочь профессора” (369). В “Докторе Живаго” подобное растлевающее влияние испытала на себе шестнадцатилетняя Лара (331, с. 30–50)

Опасность фасциации заключается в том, что любое яркое, волнующее удовлетворение базовых потребностей организма мгновенно связывается в стойкую цепочку “потребность – удовлетворение – удовольствие – сигнал”. В этой цепочке сигналом может

стать и вид предмета удовлетворения (как описал К. Прибрам, макакам не надо каким-то способом втолковывать, что такое арахис, они узнают его по скорлупе сразу после первой же чарующей вкусовой пробы), и сопутствующие удовольствию явления (звуки, запахи, образ ситуации, эмоциональное состояние страха и т. п.). Так, потребности в искусственном наркотике у человека нет, но есть у подростков волнение ожидания по описаниям приятелей “чего-то такого”. И приятные ощущения, полученные от первого же употребления, делают наркотик fascinaцией-потребностью, разжигают желание, переводя его на уровень страстного, неодолимого вожделения. Вид наркотика, шприц, видеоизображение наркоманов, наркоманный сленг – все, что пробуждает воображение о наслаждении, становится для наркомана fascinatивным сигналом.

Таким образом, можно сделать заключение, что тот “цепкий психический фактор неизвестного происхождения”, о котором говорил З. Фрейд при анализе истоков сексуальных перверсий, есть не что иное, как мощная наслаждающе-шокирующая fascинация, формирующая психофизиологические доминанты, пробивающая все нравственные и психологические преграды и создающая цепкие зависимости, часто неодолимые на всю жизнь. Такова сила услаждающей fascинации.

Фасцинация при опасности, страхах, ужасах, обиде

Но не менее силен и другой вид fascинации – устрашающей, вырастающей из сенсорики оценочных суждений об опасностях и муках взаимодействия с миром.

Если высшей fascинацией удовольствия для живого существа является радость жизни, то высшей fascинацией неудовольствия совершенно естественно будет страх смерти. Поэтому все, что сигнализирует о смерти, возбуждает беспокойство и панику. Телесный дискомфорт, выражающийся в зуде, тянущих и острых болях, неприятных соматических пароксизмах, часто сигнализирует об опасности для жизни, о предстоящей смерти. Сигналы о такого рода возможном или наступившем развитии событий также обладают повышенным значением и наделены качеством fascинации. Они пугают, волнуют, потрясают. И мобилизуют, так как их восприятие бросает организм в состояние острого, часто панического стресса. Не обратить внимание на сигналы об опасности – значит подвергнуться возможному прекращению существования. Высшая fascинация, которой является, как я отметил выше, неистребимая тяга к жизни и переживание высшего удовольствия от жизни, не может позволить себе такой халатности. Поэтому все живые существа соматически-сенсорно нацелены на активное восприятие всего опасного. Более того, как справедливо, на мой взгляд, отмечает П. В. Симонов, сигналы и эмоции опасности запоминаются в целом прочнее и скорее, чем сигналы удовольствий, поскольку имеют более высокое значение для сохранения жизни. К тому же надо учесть и то, что если удовольствие и хочется, и можно повторить для закрепления, то опасное неудовольствие повторить вряд ли кому-то захочется, да и повторение может оказаться катастрофичным. Так что лучше всего его сразу и навсегда запомнить, чтобы оптимально избегать в будущем. Как это делают все животные при первой же неприятной встрече с божьей коровкой, которую избегают трогать даже тарантулы.

К. Лоренц так описывает почти мгновенное образование fascinatивного сигнала-

ла, которое он наблюдал у попугая: “Амазонский попугай по кличке Попаголло не боялся ничего и никого, за исключением трубочиста. Птицы вообще склонны опасаться всего, что находится выше их, – это связано с врожденным страхом перед пернатыми хищниками, пикирующими на свою жертву сверху. Когда черный человек, зловещий уже благодаря своему темному одеянию, появился на каменной трубе, вырисовываясь во весь рост на фоне голубого неба, Попаголло впал в панику и с громкими воплями улетел так далеко, что мы стали опасаться, найдет ли он обратную дорогу. Месяц спустя, когда трубочист снова появился у нас, попугай сидел на флюгере и ссорился с галками за право на это место. Внезапно он на моих глазах совершенно преобразился, – прижав перья, стал длинным и тонким и с тревогой начал вглядываться в деревенскую улицу. Затем он взлетел и помчался прочь, вновь и вновь издавая хриплый пронзительный крик: “Трубочист идет, трубочист идет!” В следующее мгновение открылась калитка, и черный человек вошел во двор” (247).

В противостоянии опасностям животные часто образуют охранительные сигнальные симбиозы самого изощренного характера: потенциальные жертвы помогают друг другу спасать свои жизни от хищников. Хищники это давно поняли и не скрывают досады от этой взаимопомощи. Иногда даже останавливают охоту, поняв, что обнаружены. К. Лоренц отмечает, что когда лисицу сопровождает по лесу кричащая сойка, когда вслед за кобчиком летит целая стая предупреждающе щебечущих трясогузок – охота у них бывает основательно подпорчена. Мелкие обезьяны, завидев хищника, взмывают на верхушки деревьев и устраивают такую предупреждающую всех звуковую сигнализацию, что остальные животные могут быть им только благодарны. Предупреждающий крик сойки или свист сурка – предостерегающие сигналы, которые понимают все животные.

Вообще говоря, сигнал об опасности и страх трудно разграничивать, как и любую мотивацию-стимул и эмоцию. Они слиты и представляют собой две стороны одной медали. Для того чтобы испытывать страх, нужен объект, вызывающий страх, а в организме должны быть заложены сигналы-Образы (по К. Прибраму) об этом “страшном” объекте. Такие базовые врожденные сигналы-Образы есть у всех животных, в том числе и у человека. Я уже сказал выше о системе врожденных Образов-предпочтений восприятия мира человеком и в этой системе отметил страхи на змей, на воду, на высоту. В то же время страха, скажем, на электрическую розетку или ружье у младенца нет. Это говорит о том, что в геноме человека заложены “древние”, унаследованные от эволюционных предков страхи. К. Саган замечательно представил этот процесс образования врожденных Образов страха в книге “Драконы Эдема”.

О мистическом страхе змей у индейцев рассказывает путешественник Э. Пеппиг: “Индейцы Майнаса и теперь твердо уверены в том, что большой боа может заморозить охотника, и тот якобы не может сдвинуться с места, пока кто-нибудь не подспеет и не рассеет выдыхаемой змеей струи воздуха, вернув волю замороженному. Многие склонны считать, что маленьких зверей змеи действительно околдовывают. Я сам был свидетелем такого случая... Большая змея в каких-нибудь четверть часа расправилась с засыпавшей на месте лягушкой, которая не могла спастись бегством и в конце концов... словно в отчаянии, прыгнула навстречу змее, что и решило ее участь” (336, с. 160).

К этому ряду врожденных fascinations страха следует отнести мистический страх

перед разинутой пастью хищников-кошачьих, которых в первобытные времена водилось в изобилии: саблезубые тигры, пантеры, ягуары. Наибольшую опасность представляли всегда хищники, которые поджидают жертву, притаившись в кустах или густой траве и нападают внезапно. Тот же Э. Пеппиг назвал одну из глав своей книги “Ягуар – гроза индейцев”. Речь идет в ней об индейцах Перу, живших в конце XIX века в Майнасе, а также и в других, более густо заселенных приандийских областях. В ряде районов от нападений ягуаров ежегодно гибло несколько человек. Среди индейцев были даже смельчаки, ходившие на ягуара в одиночку со специальным особо прочным копьем и ножом. Не все с такой схватки возвращались. Хищник наводил ужас. Индейцы уверяли Пеппига, что обезьяны при виде ягуара теряют всю свою подвижность: дрожа и жалобно воя, они дают себя схватить (336, с. 172). Возможно это миф, но как он показателен! Точно так же, как миф (или правда?) о загнипнотизированном стальным взором удава кролике, ползущем в его пасть. Не ползли ли и первобытные люди, парализованные ужасом, в пасть огромных драконов?

Остальные устрашающие сигналы-Образы, как и при восприятии удовольствий, животное, в том числе и человек, накапливает в процессе сенсорно-психического освоения мира. И здесь опять по той же модели, что и с “приятностями” разного рода, которые могут образовать любые аномалии и перверсии, возможно формирование индивидуализированных ужасов и фобий, в зависимости от того, что потрясло в детстве или было сопутствующим, зацепленным Образом при переживании какого-либо страха. Так в психике складывается то, что в психологии и психиатрии зовется фобиями. Объектов, которые вызывают фобии, сотни, и всем им даны названия. Например, агрофобия – страх открытых пространств, акарофобия – страх кожного зуда, дендрофобия – страх деревьев, зоофобия – навязчивый страх боязни животных, чаще определенного типа, кенофобия – страх пустых комнат, кацерофобия – навязчивый страх заболевания злокачественным новообразованием, клайстофобия – навязчивый страх закрытых помещений, замкнутого пространства, маниофобия – навязчивый страх психического расстройства, некрофобия – навязчивый страх трупов и похоронных принадлежностей, неофобия – навязчивый страх нового (смены работы, окружающей обстановки и т.д.), никтофобия – навязчивый страх темноты, рипофобия – боязнь грязи и нечистот, эклуофобия – страх темноты. Каждая фобия у конкретного человека имеет свою историю, но истоки любой из них лежат в нейрофизиологии готовности к встрече с опасностью и (соответственно) со стрессом и переживанием страха. Каждая фобия имеет свой пусковой сигнал-фасцину. Наступление темноты приводит к панике эклуобобоба. В обществах, в которых вся жизнь пронизана магией, существуют сигналы-фасцины, вызывающие ужас и почти неминуемую смерть. К таким сигналам относится, в частности, магическая кость колдуна у аборигенов Австралии (аналог ее есть почти у всех примитивных народов).

К природно-климатическим страхам добавляются неисчислимые социальные страхи, то есть боязнь, исходящая от людей и социальных структур. Там, где процветает воровство, у некоторых людей развивается клептофобия – навязчивый страх воров. В бюрократизированных государствах с коррумпированными правоохранительными органами растет число людей, которые боятся чиновников, очередей, милиционеров и т. д. Встреча со строгим служителем порядка в милицейской форме где-нибудь в

безлюдном месте у некоторых граждан России вызывает панический ужас до непроизвольного мочеиспускания – такова фасцинация фобического сигнала-Образа! Почти как в случае, описанном Губерманом: “Она была певицей в молодости, и послевоенные годы застали ее в одном крупном областном театре большого южного города. К тому же муж ее тогдашний был в этом театре главным режиссером, так что в доме их собирались все творческие и прочие заметные люди города. И в один прекрасный день певицу вызвали к наиглавнейшему чекисту области. Он предложил ей сесть, спросил о творческих успехах и без перехода предложил раз в месяц сообщать о разговорах в их доме. Время было не такое, чтобы можно было просто отказаться, это понимали они оба. Она ссылалась на свою плохую память – он напомнил ей, что многочисленные арии она ведь исполняет наизусть – не так ли? Она пыталась что-то лепетать про свою умственную слабость – он ей сухо возразил, что их интересует не истолкование бесед, а голое их содержание. Деваться было некуда, и неоткуда обрести спасение. Она взглянула на чекиста, умоляюще шепнула: “Извините, я сейчас” – и побежала к двери кабинета. Но, не добежав даже до края огромного ковра, остановилась, виновато глядя на него. По ворсистому роскошному ковру вокруг ее прелестных ног расплзлось мокрое пятно.

– Идите, – брезгливо сказал большой чекист, – мне с вами все понятно”.

Рассказывают легенды о том, что под стальным взглядом Вождя падали в обморок генералы и министры, а некоторые даже мочеиспускались. Такова мощь устрашающей фасцинации. Какой уж тут разум поможет!

Полезность страха

Эволюционно система страхов любому живому виду абсолютно необходима, она формирует готовность противостоять любым опасностям, и без нее вид был бы обречен на вымирание. Как отмечается во многих исследованиях, страх, во-первых, мобилизует силы человека для активной деятельности, что зачастую бывает необходимо в критических ситуациях. Это происходит за счет выделения адреналина в кровь, что приводит к лучшему снабжению мышц кислородом и питательными веществами. Побледнение кожных покровов и холодок “под ложечкой” при испуге относятся к побочным эффектам – кровь, необходимая в минуту опасности мышцам, отливает от кожи и желудка. Во-вторых, страх способствует лучшему запоминанию опасных или неприятных событий. И хорошо, когда этот опыт необходим для жизни, но часто бывает, что иллюзия страха мешает адекватно реагировать на жизненные ситуации. Длительное сохранение в памяти событий, вызвавших когда-то страх, может значительно осложнять жизнь человеку. Третье важное значение страха – возможность действовать в условиях недостатка информации, когда ее не хватает для принятия решения. И вот здесь стратегию поведения диктует страх (473).

Таким образом, можно сделать вывод, что страх – это благо. Это благо обеспечивается в организме отнюдь не корой больших полушарий и сознанием, а древнейшими структурами, объединенными в категорию “эмоциональный мозг”, и главной составляющей этого мозга, ответственной за принятие решений и приказ, как действовать, является, как показали нейрофизиологические эксперименты, проведенные в последние

годы, амигдала. При встрече организма с опасностью амигдала реагирует на нее минуя разум и мгновенно, в течение миллисекунд отдает приказ к действию: затаяться, мимикрировать, вопить, бежать или бросаться на опасность в отчаянном рисковом натиске, как это делает загнанное в угол животное. Механизм таков: амигдала мгновенно посылает приказ в гипоталамус, где тут же запускается механизм вброса в организм стрессовых гормонов. Эти гормоны подавляют функционирование пищеварительной и иммунной системы и направляют ресурсы организма на борьбу с опасностью или на бегство от нее. В результате этого сердечный ритм учащается, легкие вентилируются интенсивнее, а в мышцах активнее расщепляется глюкоза, и тем самым образуется больше энергии. Стрессовые гормоны влияют и на мозг, вызывая состояние настороженности, а также усиливая способность к запоминанию. Амигдала как бы приказывает всему мозгу: “Хорошенько запомни ситуацию со всеми ее нюансами и сигналами!” Так закрепляется в памяти сигнал-Образ об опасности.

Волнующая приятность страха

Но благо это удивительно еще и тем, что живые организмы не только ждут его, как напасти, но они часто его... ищут и находят в нем удовольствие. Это, кстати сказать, подтверждается теми безумцами рода человеческого, которые не представляют своей жизни без смертельного риска и сверхэкстремальных, жутких эмоций. Чего стоит только прыжок с задержкой раскрытия парашюта или погружение в невероятные подземные лабиринты. Или “упоение в бою”. Я встречал ветерана Великой Отечественной, который с упоением рассказывал о войне и всегда заканчивал свои рассказы возгласом: “Эх, повоевать бы еще!” Ему “упоение в бою” страшно нравилось.

Но нечто подобное имеет в своем арсенале почти каждый живой вид. У многих пернатых особым удалством являются рискованные пируэты перед хищными птицами. Известен феномен демонстрационных прыжков газели Томпсона перед вышедшими на охоту львами, как бы означающих “Ну-ка выбери меня, выбери меня!”

Между чувствами боли и наслаждения есть безусловная связь, заложенная в нейроструктурах мозга. Почти все люди получают удовольствие того или иного свойства от боли или страдания. Участок мозга под названием *nucleus accumbens*, активность которого возрастает в тот период, когда человек испытывает удовольствие, ведет себя аналогичным образом, когда человек чувствует боль. По мнению Дэвида Борсука (David Borsook), это доказывает наличие безусловной связи между чувствами боли и наслаждения. Мозг человека испытывает страдание (или боль) трех типов – физическое, эмоциональное либо страдание, связанное с ощущением нависшей угрозы. Проводившиеся ранее исследования показали, что эти три вида страдания связаны с активностью различных участков мозга. Д. Борсук в 2001 г. обнаружил локализацию области мозга, связанную с ощущением страдания эмоционального типа и продемонстрировал, что эта же область ответственна за чувство удовольствия, вызываемое потреблением пищи, азартными играми, а также психостимуляторами.

Пересекающиеся волнения и их нейроструктуры взаимодействуют таким образом, что доминирует наиболее сильное волнение, но то, которое оттеснено, не исчезает полностью и может закрепиться как сопутствующий фон или реакция. Так при испуге или

сильном эмоциональном конфликтном напряжении у человека может возникнуть спонтанный оргазм или поллюция. Известно, что эрекция с эякуляцией возникает у повешенных. Очевидно, удушение самцов львами сопровождается у жертв поллюцией, и львы вылизывают извергнутое семя. Должно быть, оно является для них лакомством.

Факты пересечения нейроструктур и эмоций наслаждения-боли могут служить объяснением волнующей притягательности эмоций страха, в частности в детском возрасте. Дети любят эмоциональную драматургию игр в ужасающие рожи и страшилки, испуги и погони.

Ужасающие маски у примитивных племен, а также широкое распространение маскарадных масок драконов, тигров, разного рода страшилищ истоками своими, по-видимому, имеют это же волнующее пересечение. Такой класс фасциативных сигналов-Образов, как вытарашенные в ярости глаза (или вариант – хищно мерцающие, фосфоресцирующие яркими точками) и оскал пасти с демонстрированием страшных клыков, вошел в подсознание первобытного человека из безжалостной природы – из “тесного” и драматичного соприкосновения со своими вечными агрессивными врагами. Страх и восхищение, ужас и внимательное наблюдение за источником возможной боли и смерти соседствуют в восприятии и эмоциях.

Кроме этого, у человека страх соседствует с восхищением, вызываемым, по-видимому, желанием походить на победителя, быть таким же дерзким, сильным и внезапным. Отсюда и идет врожденная тяга к играм с нападениями из засады с оскаленным ртом, которые так любят ребятишки на протяжении тысячелетий. Отсюда же обрастание человеческой культуры символами-Образами этих опасных для человека зверей, жертвами которых люди были также на протяжении сотен тысяч лет. Два ряда психологических явлений сыграли и продолжают играть роль в этой поэтизации и обожествлении дракона, змеи, ягуара, леопарда, льва и тигра: животный страх перед могуществом неумолимой силы и одновременно жажда быть под защитой такого могущественного существа – хотя бы в воображении. Этот феномен преклонения перед физической мощью заложен в поведение всех социабильных животных, достаточно вспомнить шимпанзе, которые буквально льнут к вожакам и доминантам. Но так же и у человека: дети, женщины и слабовольные мужчины льнут к сильным мужчинам-лидерам, повелителям – им так хочется хотя бы их коснуться, обретя от них чуточку уверенности и спокойствия. Поэтому так удивительно фасциативны – до слез! – поощрительные жесты и покровительственные фразы повелителей. Ну, а рукопожатие или касание плеча и щеки, исполненное вождем, забрасывает влюбленных в него на небеса восторга и блаженства! Иногда это показывают в кинохрониках. Умилительное зрелище.

Ужас, заложенный в человеке как драматическое, демонстрационное чувство, скачивается во всем человеческом поведении, врываясь даже в язык такими фразами, как “ужасно нравится”, “страшно красиво” и т. п. Ужас присутствует в человеческой коммуникации как игра и зрелище. Такова мотивационная природа появления киножанра фильмов-ужасов. М. Эпштейн справедливо отметил, что современный мир “дорос” до погружения в эстетизацию ужаса, в некую зависимость видеть как можно более ужасное на телеэкране, причем не вымышленное, а самое что ни на есть реальное, “вживую”, как та же атака террористов на небоскребы Нью-Йорка 11 сентября

2001 г. Ужас превращается во всемирное зрелище, в цинично эстетизированный аспект цивилизации (529).

Итак, фaszинация сигналов страха-опасности еще более стремительна (и понятно почему), чем фaszинация наслаждения: услаждение часто разливается волной и подготавливается хоть и быстро, но все же с некоторым торможением (тут часто вмешивается нравственное сознание, хотя в конечном счете оно чаще всего проигрывает), тогда как сигнал опасности обязан прошибать любые преграды и мобилизовать организм мгновенно, в миллисекунды, иначе будет поздно. Хотя и в этом эволюция не обошлась без курьезов. Так, увлеченные любовным возбуждением и турнирными состязаниями, многие стадные млекопитающие и птицы забывают обо всем на свете и к ним в этот момент можно подкрасться очень близко. Фaszинация борьбы за получение наслаждения в подобных случаях превышает порог настороженности на возможную гибель.

Сигналы устрашения и наведения ужаса

Демонстрационные сигналы устрашения и наведения ужаса в природе распространены очень широко и замечательно выполняют роль помощи выживанию. К. Лоренц пишет о такого рода сигнализации: “У некоторых птиц и рыб специально для этой цели развилась яркая “аposeматическая”, или предупреждающая, окраска, которую хищник может легко заметить и ассоциировать с теми неприятностями, какие он имел, встречаясь с данным видом. Ядовитые, противные на вкус или как-либо иначе защищенные животные самых различных групп поразительно часто “выбирают” для предупредительного сигнала сочетания одних и тех же цветов – красного, белого и черного. И чрезвычайно примечательны два вида, которые – кроме “ядовитой” агрессивности – не имеют ничего общего ни друг с другом, ни с упомянутыми ядовитыми животными, а именно – утка-пеганка и рыбка суматранский усач. О пеганках давно известно, что они люто травят хищников; их яркое оперение настолько угнетает лис, что они могут безнаказанно высидывать утят в лисьих норах, в присутствии хозяев. Суматранских усачей я купил специально, чтобы узнать, зачем эти рыбки окрашены так ядовито; они тотчас же ответили на этот вопрос, затеяв в большом общем аквариуме такую травлю крупного окуня, что мне пришлось спасти хищного великана от этих безобидных с виду малюток”, и далее: ...посмотрите в отделе насекомых, сколько видов бабочек имеет на крыльях снизу маскировочную окраску, а на крыльях сверху – четкий “глазчатый” рисунок. Если маскировка не помогла и враг обнаружил сидящую на стволе дерева со сложенными крыльями бабочку, она распахивает крылья. И птица на столь нужный для бабочки, чтобы улететь, миг парализована испугом” (245, с. 42).

Известно, что во времена сражений лицом к лицу соперники, прежде чем вступить в бой, наводили друг на друга ужас с помощью самых разных средств: оглушающих звуков барабанов, боевых труб и фанфар, боевых кличей, выставлением магических устрашающих знаков и амулетов и, разумеется, подавляющего волю боевого одеяния. Так, древние римляне использовали в боевом снаряжении воинов красный цвет, который в массовом его представлении создавал подавляющее визуальное воздействие на врага.

Для устрашения в военных схватках в ход шли любые средства, в том числе и такие магические, которые у современного цивилизованного человека могут вызвать разве что улыбку, тогда как в прежние времена к ним относились с подобающей серьезностью. И средства эти были весьма экспрессивно-фасцинирующие, впечатляющие. Так, для устрашения и унижения врага практиковалась демонстрация раскрытых женских гениталий, которая “всюду считается вызывающим и оскорбительным жестом и используется как ритуальное проклятие (индийские хиджры) или как средство запугивания врагов. В России такой обычай был зафиксирован в начале XVII века голландским путешественником Исааком Массой: под Кромами, в стане Самозванца “на гору часто выходила потаскуха в чем мать родила, которая пела поносные песни о московских воеводах и много другого, о чем непристойно рассказывать” (см.: 201, с. 22). Самозванцу, однако, этот прием не помог, и участь его известна.

Фасцинация взгляда в упор

Одним из самых распространенных угрожающих сигналов, который трудно выдерживать без содрогания и фрустрации, является столь нелюбимый большинством животных, в том числе и человеком, пристальный вызывающий взгляд в упор. Чаще всего взгляд в упор приводят в качестве примера агрессивности и отмечают его безусловно биологическую природу. Это действительно так.

Для поддержания порядка в группе доминирующие павианы и гориллы время от времени бросают пристальные ледяные взгляды на самок, детенышей и подчиненных самцов. Когда две незнакомые гориллы неожиданно сталкиваются лицом к лицу, вначале они издают рев, отступают, а затем резко сближаются, наклонив вперед головы. Остановившись перед самым соприкосновением, они начинают пристально смотреть друг другу в глаза, пока один из них не отступит. Вот как описывает красочную драматургию взгляда в упор Джордж Б. Шаллер, наблюдавший горилл в полевых условиях: “18 апреля встретились группы VII и XI. Верхолаз сидел сторбившись, упершись взглядом в землю, и, казалось, был погружен в глубокое раздумье. Остальные члены группы теснились вокруг него. Самец с серебристой спиной из группы XI сидел на корточках под деревом в каких-нибудь двадцати футах от Верхолаза. Пятнадцать животных его стада разбрелись по зарослям. Самец был очень возбужден и устроил целое представление; он негромко ухал, все убыстряя темп и силу звука, пока звук не слился в сплошное грозное рычание; он бил себя в грудь, вертелся во все стороны, влезал на бревно и с шумом обрушивался с него на землю. В заключение он шлепнул по земле ладонью. Верхолаз быстрым шагом стоя подошел к нему, и они усталились друг на друга. Их лица были не более чем на фут один от другого. Эти лесные великаны, каждый из которых был равен по силе нескольким мужчинам, улаживали какие-то свои спорные вопросы не дракой... Секунд двадцать или тридцать они угрожающе смотрели друг на друга, но ни один не хотел сдаваться. Потом они разошлись. Верхолаз вернулся на свое место. В последующие несколько минут он дважды таким же образом пытался одержать победу, но это ему не удавалось.

Верхолаз сделал последнюю попытку одержать победу в этой войне нервов. Он подбросил в воздух пригоршню сорванной травы, встал, выпрямившись во весь рост,

как бы демонстрируя свою мощь, потом вдруг подбежал к противнику и, приблизив к нему свое лицо почти вплотную, на расстояние дюйма, пристально на него уставился. Но противник был столь же упрям, сколь и возбудим, – блеф Верхолаза не произвел желаемого впечатления... Сделав последнюю попытку установить свое превосходство, Верхолаз начал есть, самки и подростки присоединились к нему... Верхолаз еще раз направился к вспльчивому самцу и некоторое время глядел на него в упор, но, впрочем, без особой агрессивности, потом повернулся и быстро пошел прочь, а за ним и вся группа. Обезьяны прошли под деревом, на котором я сидел, и, хотя отлично знали о моем присутствии, полностью меня игнорировали – сегодня происходили более интересные события” (454, с.186-187).

Большинство этносов запрещает взгляд в упор и считает его верхом невоспитанности, а то и откровенного хамства. У многих примитивных народов такой взгляд считается злой силой и “дурным глазом”. Любят смотреть в упор лидеры, начальники и криминальные авторитеты. Это доставляет им удовольствие – “ломать взглядом”. Не любят такого взгляда “блатные” на допросах у следователя, он бросает их в истерику. Пристальный взгляд в упор черных пронизательных глаз имеет магнетическое свойство и им широко пользуются гипнотизеры и цыганки.

Фасцинация доминантных сигналов подавления и обиды

– Шесть лет тому назад я получил пощечину, и враг мой еще жив.
А. Пушкин. “Выстрел”

Всегда повышено внимание человека к посягательству на его личность. Инстинкт безопасности снабжает живое существо сверхнадежной системой определения возможной опасности. Об опасности животное узнает по едва заметным признакам настроя тела другого существа на агрессию. Собака бросается на человека, приготовившегося к агрессии в ее адрес. Газель Томпсона мгновенно считывает готовность львов к охоте. Человек в диспутах в первую очередь отслеживает мимику, позы, жесты и интонации, а не словесный код. Обидное и угрожающее свободе и достоинству ударяет, взвинчивает психику. Именно поэтому обидные жесты, демонстрационные позы и мимика столь экспрессивно-картинно оформлены и так сильно действуют. В древности при осаде городов на стены и оборонительные валы поднимались женщины и, задирая подол, демонстрировали врагам свои прелести, что выполняло сразу две сигнальные функции: унизить врага и отогнать злую силу. Показанный сопернику или агрессору кулак из той же категории жестов, так как является модификацией гораздо более эффектного и понятного в древности демонстрирования эрегированного пениса (жест, уходящий своими корнями к приматам).

Древний жест *Digitus impudicus*, или *fuck you* (“бесстыдный палец”), – тоже из этой палитры унизительно-фаллических символов и представляет собой образный сигнал, почти равнозначный показу пениса. Восходит он к древним римлянам с их

квазифаллической коммуникацией. Действие подобных жестов оглушительно, поскольку они обладают фасциновым свойством унижения и бьют в центр опасности, вызывая инстинктивно агрессивную защитную реакцию. Некоторые люди от такой обиды впадают в ярость, переходят на регрессивный эмоциональный уровень реагирования. Так частенько бывает с водителями автомобилей, “любящих” этот жест. В Аргентине за этот жест оштрафовали пилота – на кругленькую сумму. В Германии за такой жест на дорогах положен крупный штраф.

Главное в доминантной и устрашающей коммуникации с точки зрения теории фасцинации это создание у каждого живого вида некоего суперэффективного и эффективного комплекса мимико-жестовых сигналов, которые не могут прочитываться иначе, как в той семантике, которая в них заложена избыточным, фасциновым способом: на картинно показанный кулак, подкрепленный агрессивным оскалом, невозможно отреагировать иначе, как, во-первых, четко зафиксировав его, а, во-вторых, тут же избрав ответ – стремглав бежать, покорно пригнуться или броситься с кулаками. Выбор невелик и императивен. Показанный вожаком павианов эрегированный пенис образумливает сразу все распоясавшееся стадо – от детенышей до взрослых самцов-субдоминантов.

Чем выше нервно-психическая организация живого вида, тем доминантнее для его особей становится все, что их подавляет и унижает, тем тоньше функционируют сенсорно-психологические системы улавливания малейших сигналов-Образов о давлении и унижении. В человеческом обществе функционирует тонко отработанная тысячелетиями система знаков, сигналов и сложных форм статусного поведения, направленная на статусное подавление, провоцирование обиды и зависти. К ней, в частности, относятся сигналы престижа и статусного благополучия. На это обратил внимание еще Ф. Ницше, сказавший: “Престиж и привилегии – это унижение” (подробнее о зависти и престиже см. на с. 365–369).

Обида – удар по личности, по ее самолюбию и самоуважению, и у человека такой удар часто воспринимается сильнее физической боли. Стрессы и депрессии от нанесенной обиды представляют собой очень распространенную симптоматику многих заболеваний. Ожидание обиды может перерасти в фобию. Каждый человек в большей или меньшей степени носит в себе готовность к встрече с обидой, прогнозирует ее и остро наблюдает за окружающими, ловя малейшее проявление агрессивности в свой адрес. Он готов к встрече с обидой точно так же, как к встрече с физической опасностью.

Реакция на нанесенную обиду почти всегда регрессивна, выливается в мгновенные защитные реакции, часто экспрессивные, но не менее часто упрятываемые внутрь. В последнем случае драматургия реакции на обиду разыгрывается на уровне аутокоммуникации и аутофасцинации: в рефлексии, снах, фантазировании расправы с обидчиком, молитвах и разного рода внутренних проклятиях. Об опасности такого рода внутреннего настроения личности знали уже в древности. Некоторые племена имели в своей практике специальные обряды коллективной критики и высказывания обид друг другу, даже вождям, что приводило к всеобщему умиротворению и снятию стрессового напряжения. Возможно, поэтому христианство учит подставить обидчику и другую щеку.

Пощечина является, можно сказать, символом обиды. Регрессия на нее бывает парадоксальной и патологичной. В. Савчук приводит как пример такую реакцию: “В

одной из информационных программ Петербургского телевидения был показан сюжет о довольно интеллигентного вида мужчине, который, получив пощечину на коммунальной кухне, вернулся в свою комнату, взял утюг и, подойдя сзади к обидчику, нанес ему смертельный удар. Характерен его ответ корреспонденту: “А как еще иначе я могу отстоять свою честь?” (378).

Особенно тонкое распознавание обидных сигналов оттренировано системой доминирование–подчинение. Чем ниже в структуре иерархии находится особь, тем необходимее ей улавливать малейшее движение доминанта и как можно скорее избегать нежелательного контакта или продемонстрировать покорность, не разжигая его агрессии. При этом защитная реакция включает подавление собственной обиженной агрессивности, что вызывает стрессы и фрустрацию. Те, кто находится на самом дне иерархии, – этологи назвали их “подонками” – фрустрацию и стресс испытывают ежедневно и ежеминутно. Их жизнь превращается в ад, поэтому “подонки” чаще болеют, впадают в панические истерики и долго не живут. Для них подавляющей фасцинацией служит сам вид доминанта, высокая энергетика его тела, уверенность движений, особый запах лидера, создаваемый оптимально высоким содержанием в организме норадrenalина и серотонина, этих гормонов храбрости и уверенности, которых у всех “слабаков” недостает, а у “подонков” пребывает в постоянном катастрофическом дефиците, отчего у них развивается апатия и слезливость.

Фасциновыми сигналами психологической опасности являются не только ярко и экспрессивно выраженные в мимике, жестах и позах разного рода “обидности”, но и тонкие, едва уловимые сигналы, как “улыбка авгура”. Поэтому-то люди более тщательно следят за интонациями, мимикой и жестами, а не за смыслами речи.

Гипотеза о механизмах мгновенного распознавания агрессии и обиды

Многообразие влияния психоэмоциональных обид на нашу жизнь таково, что, можно сказать, это одна из основных сфер пристального защитного внимания, сопровождающего человека всю жизнь.

Рискну выдвинуть следующую гипотезу о механизме тонкого улавливания человеком фасциации обиды. Ее позволяет высказать открытие в начале 90-х годов так называемых “зеркальных нейронов” в головном мозге, сделанное итальянскими учеными Галлезе, Риццолатти и другими из Пармского университета. Как показали их эксперименты, эти нейронные структуры всегда на чеку и обеспечивают явления имитации. Открыты были зеркальные нейроны в экспериментах на мартышках. Животным вживляли электроды в одной определенной зоне обезьяньего мозга – зоне Ф5. Показывая мартышкам, что они должны сделать, экспериментаторы неожиданно обнаружили, что нейроны зоны Ф5 выстреливают так, как если бы обезьяны сами выполняли те действия, которые у них на глазах производил человек. Если же предметы, с которыми это действие нужно было совершить, просто лежали на земле, нейроны Ф5 оставались пассивны. Иначе говоря, они реагировали только на показ, причем реагировали, как зеркало, – мысленно повторяя наблюдаемое действие. Тот факт,

что зеркальные нейроны именно “повторяли” наблюдаемое действие, а не просто возбуждались при его наблюдении, подтвердился, когда экспериментаторы поощряли обезьян проделать то же действие своими руками. Оказалось, что при этом возбуждаются в точности те же нейроны, что при показе, и характер выстреливания сигналов тоже такой же. С другой стороны, зеркальные нейроны оказались весьма избирательными. Каждая их группа реагировала на какое-то определенное действие (и не реагировала даже на чуть-чуть отличные), причем реагировала строго определенным образом. Все это усиливало впечатление, что зеркальные нейроны – именно зеркальны: с их помощью мозг обезьян как бы постигал мозг экспериментатора в его внешних проявлениях, в физических действиях.

Примерно то же происходит, видимо, в мозге собаки: она бросается на человека, когда он еще только задумал сделать угрожающее движение. Этот феномен обычно объясняют тем, что собака видит те, едва заметные, самим человеком еще даже неосознаваемые изменения в стойке корпуса, положении рук и ног и т. п., которые мозг уже приказал телу произвести для подготовки к самому угрожающему движению. Но как она знает, что эти микроскопические изменения действительно возвещают угрозу? Возможно, и здесь собачьи нейроны, мысленно воспроизводя увиденные неприятные движения человека, создают в теле собаки напряжения, свойственные ей, когда она нападает сама. Иными словами, мозг собаки “читает” мозг человека” (77). Этот феномен прогнозного узнавания намерений людей по едва уловимым признакам в их поведении удивлял у собак и опытейшего этолога К. Лоренца (247). Тогда зеркальные нейроны еще не были открыты.

Очевидно, зеркальные нейроны и их структуры являются нейрофизиологической базой феноменов имитации, имеющих такое огромное значение в биологической эволюции. Их нейромеханизмы долгое время оставались загадкой. Открытие зеркальных нейронов раскрывает тайны имитационных процессов во взаимодействии живых существ в самом широком плане. Получается, что “чтение” другого происходит с помощью своеобразной имитации: мы, подсознательно с помощью зеркальных нейронов имитируя малейшие нюансы мимики лица и пластики тела, воспроизводим соответствующие просканированным сигналам эмоциональные и даже умственные операции в воспринимаемом объекте (животном, человеке) и мгновенно оцениваем их как “опасные”, “дружественные” или “нейтральные” и соответствующим образом реагируем: настораживаемся, готовимся к отпору или улыбаемся, проявляя симпатию. Дефицит зеркальных нейронов или поломки в их механизмах разрушают адекватное оценивание-реагирование в общении с окружающими, создает, по-видимому, угнетенность и даже уход во внутренний мир с разрубанием связей с внешним.

Давно известно, что люди, наблюдающие игры или соревнования, наряду с проявлением эмоций также совершают имитационные движения, как бы повторяя или прогнозируя движения боксера, футболиста или теннисиста. Некоторые даже устают от этого, будто сами бегали или поднимали тяжести. Применение магнитно-резонансной томографии помогло увидеть, что при такого рода скрытой имитации происходит в мозге. Оказалось, что у людей, как и у маргышек, имеются зеркальные нейроны, причем сосредоточены они в области Брока, ответственной за распознава-

ние речи. Если предположить, что хорошо обеспеченные зеркальными нейронами имитационные действия наших далеких предков дали толчок развитию жестово-мимической коммуникации, то из этого логично вытекает и последующее развитие из нее звукоподражательной, а затем и собственно звуко-речевой сигнализации. Другими словами, зеркальные нейроны – это коммуникационно-оценочные структуры, обеспечивающие пристальное внимание к коммуникативному поведению окружающих и понимание их эмоционально-психологических намерений. Таким образом, зеркальная имитация лежит в основе биологической коммуникации от импринтинга до высших форм направленного воздействия.

Еще один аспект функционирования зеркальных нейронов – возможность и способность через посредство механизмов сканирования-имитирования переходить к душевному пониманию, сочувствию, эмпатии. Мир опасен, и значит необходимо его точно сканировать и распознавать малейшие поползновения к опасным воздействиям. Но мир может быть и бывает дружелюбен, симпатичен. Эту его сторону тоже выгодно быстро и точно распознавать. Во всяком случае при общении матери и детеныша, груминговой группы внутри стада уж точно необходимо. Но если процесс работы зеркальных нейронов поврежден, индивид теряет эту способность, а вместе с ней и способность к сочувствию чужим бедам – ведь он их не узнает, не имитирует. Возможно, именно по причине искажений в структурах нейрозеркальности возникает такое расстройство психики, как аутизм. У людей, страдающих этим отклонением, по всей видимости, имеется дефицит зеркальных нейронов, поэтому они замыкаются в себе, мало мотивируясь на контакты с другими людьми, даже близкими.

В рассматриваемом мною аспекте фасцинации психологически угрожающего поведения становится понятной изощренно-утонченная наблюдательность людей в сфере прогноза агрессивно-обидных намерений окружающих. Зеркальные нейроны всегда начеку, сканируя и имитируя малейшие проявления чужой психики, они распознают не только уже спланированные, но даже зарождающиеся угрозы. Прав Гегель, когда отмечал поразительное свойство людей подмечать в поведении других малейшие отклонения от нравственности, нисколько не отражая их в самих себе. По принципу “в чужом глазу соринка видна, а в своем и бревно не заметишь”. Соринку в чужой психике очень полезно видеть, это закон социально-коммуникативной адаптации. Иначе человек стал бы абсолютно беззащитен от психологических посягательств. Благодаря зеркальным нейроструктурам фасцинативной становится и тонко-язвительная, едва-едва проявленная усмешка, и “улыбка авгура”, и тем более посуровевший взгляд доминанта. Возможно, по причине присущей человеку тонкой фиксации душевных движений, у многих этносов и культур складывался обычай непроницаемости лица и тела, как у индейцев Америки или самураев Японии: попробуй угадать, что такой “непроницаемый” думает на самом деле. Ценилась у многих этносов невозмутимость вождей и царей. Это добавляло им непредсказуемости, ужаса и подавляющей силы. Слабые подданные это ценили и уважали. Стиль “важной непроницаемости” и до сих пор в чести у многих доминантов. К сожалению (или к счастью?), за непроницаемыми стенами этого стиля часто скрывается вакуум.

Коммуникативный опыт тонкого распознавания психики других людей, своеобразного “чтения душ”, существует у каждого человека. Он есть у каждого живого существа. Без такого опыта оптимальная адаптация невозможна.

Сигналы фасцинации

Разброс фасцинативных феноменов огромен, они включены абсолютно во все формы жизни во всех ее проявлениях от самых примитивных инстинктивных до творческо-интеллектуальных. Фасцинацией может стать даже само поведение в определенных его формах, приобретающих качества фасцинативного сигнала-ритуала, как знаменитые “танцы” журавлей.

При классификации фасцинативных сигналов можно выделить три их основные вида: телесно-вещные (тело, вещь, объект или его составляющая часть, признак), символические (специальный звук, жест, символ) и ритуализованные Образы-действия (демонстрационные полеты, ритуалы уходаживания, парады и т.п.). В любом случае фасцинативный сигнал соотнесен либо с личным или коллективным удовольствием (чаще – прогнозом удовольствия, предчувствием-предвосхищением его), либо со страхом и ужасом (опасностью для жизни и личности). Фасцинативные сигналы опасности (для обеспечения безопасности), сексуального очаровывания и выбора (для оптимального обеспечения слияния лучших мужских и женских гамет) и дистантной регуляции поведения в стаينو/стадной структуре представляют собой основу всей фасцинативной системы коммуникации. Они филогенетически и были, очевидно, самыми древними фасцинативными средствами и, естественно, обеспечены самими древними нейрофизиологическими структурами. Неудивительно поэтому, что и в человеческом поведении фасцинативные сигналы действуют очень часто напрямую на спинномозговые структуры, структуры ствола и среднего мозга, на древний так называемый “эмоциональный мозг”, минуя аналитические и оценочные структуры коры больших полушарий. В частности, сексуальное возбуждение и сексуальный выбор в огромной степени провоцируются и образуются помимо неокортекса. То, что называют “роковая страсть”, лишний раз доказывает существование таких древних эмоционально-фасцинационных архитектур в нервной системе человека. И с этим в своем сексуальном опыте сталкивается каждый человек, попадая в ловушку биологических влечений, побеждающих призывы разума. Обычные оправдания в этих случаях стереотипны: “Это было выше моих сил” или “Ничего не мог с собой поделать”.

Точно так же минуют сознание сигналы и реакции опасности для жизни. В этой сфере властвуют, как я уже отметил при анализе фасцинации страхов, древнейшие структуры мозга – амигдала и гипоталамус.

Фасцинативные сигналы вещно-телесного оформления, включая функциональные соматические проявления (улыбка, смех и т.п.), я предлагаю называть фасцинами. **Фасцина – это сигнал или вещный образ, вызывающий мгновенный и мощный эмоциональный отклик и переживание вплоть до леденящего ужаса или эмоционального экстаза. Это может быть: вид воды при жажде, родинка или мушка на лице, лебединая женская шея, завиток волос, походка (“как лебедь плывет”), жемчужина на золотой цепочке, тонкая женская талия, зеленые волнующие глаза,**

стройные ноги, залиvistый задорный смех, сексуально волнующий блеск глаз, гипнотический взгляд, сексуально-кокетливое подмигивание, мелодичный чарующий тембр голоса, любимая мелодия, зажигательный ритмический танец, завораживающий орнамент, салют и фейерверк, но также и сигнал смертельной угрозы, любые экстремальные сигналы, бросающие в жар или холод, – одним словом, все, что мгновенно приковывает внимание и мобилизует организм и психику, вызывает чарующее удивление или страх, напрямую сигнализирует о наслаждении или опасности, обещает или мгновенно вызывает чувственный и психологический комфорт и удовольствие или дискомфорт и страх.

Если в качестве примеров я часто привожу действие фасцинации в сексуальной сфере, то тому есть две веские причины. Первая – процедурная и коммуникативная: такие примеры у любого вызовут понятные, а может, и яркие ассоциации, так как в сфере сексуальности все и мастера (чуть не сказал “профессионалы”), и жертвы, а это поможет пониманию содержания фасцинологии. Дарвин вовсе не из простодушия заметил, имея в виду, по всей вероятности, мужчин, что “даже в зрелом возрасте, встречая объект, чем-либо напоминающий женскую грудь... мы ощущаем удовольствие, которое, похоже, влияет на все наши чувства...”. Образ женской груди обладает всеми признаками стимулирующего и мотивирующего сигнала-Образа.

Вторая причина имманентна для сексуальных взаимодействий. Все живое пронизано тремя базовыми экзистенциальными необходимостями: продолжения рода (воспроизводства бытия вида), сохранения жизни тела (безопасности) и гомеостаза структуры (вида, популяции, стада, семьи). Все три вида детерминант выживания одинаково важны. И, значит, в этих ипостасях жизни и обязаны были развиваться суггестивно-фасцинативные средства взаимодействия особей как наиболее эффективные и адаптационно целесообразные. Сексуальная фасцинация – одна из трех базовых, первичных видов фасцинации.

Сигналы об опасности и наслаждении

Сигналы о возможной опасности и возможном наслаждении наделены качеством фасцинации. Они действуют мгновенно, мощно, повелительно. Уже вид стада зебр возбуждает радость у проголодавшихся львов и мобилизует их стремление к удовлетворению голода – к охоте. Учув запах падали за десятки километров от нее, грифы радостно кричат и летят к добыче. Запах, источаемый половыми железами самки насекомого, мгновенно настраивает самца, находящегося от нее на расстоянии иногда многих километров, лететь к ней на свадебное торжество. Без сигналов о возможном удовлетворении потребности не было бы настройки организма на страстное устремление к овладению объектом удовлетворения. Сигнал вызывает вожделение, волнение, страсть, волю, действие. Такой сигнал чарует, волнует, приказывает, поведляет. Это и есть фасцинация, то есть эффектный (действующий даже на километры!) сигнал плюс адекватное, имманентное для данного сигнала действие.

Мощь и влияние на поведение фасцинативных сигналов столь неодолима, что их используют биологи, создавая лжесигналы для последующего уничтожения опасных микробов, бактерий, насекомых, птиц, грызунов (461).

Сигналы призыва, привлечения и переключения внимания

Плач и слезы ребенка для родителей и близких – буквально режущий сердце сигнал. Как и жалобные призывные крики детенышей почти у всех животных. Исследователи из университета Базеля (Швейцария) давали слушать бездетным и наделенным потомством взрослым записи детского смеха и детского плача, исследуя активность их мозга с помощью функционального магнитного резонанса. Мозг родителей активнее реагировал на плач, чем на смех. Особенно активизировалась опять же амигдала, которая в первую очередь участвует в восприятии опасностей и экстремальных эмоций. А вот бездетные взрослые активнее реагировали на детский смех, он доставлял им удовольствие.

В социально-психологической литературе описывается такой случай находчивого применения переключения эмоциональной энергии толпы. В 1938 году на трибунах парижского национального велодрома по окончании соревнования возник небольшой пожар. Сотрудникам удалось быстро локализовать огонь, но паника уже разрасталась и десять тысяч зрителей поспешно двинулись к единственному выходу. Ситуация грозила стать смертельно опасной. По счастливой случайности в толпе оказались двое психологов, которые сориентировались и стали громко скандировать: “Ne-pousse-pas!” (не-пус-па – не-тол-кай). Ритм подхватили окружающие, он волной прошел по толпе. Через несколько минут тысячи людей дружно скандировали эту фразу: страх и суега сменились общим задором, паника погасла, так и не вспыхнув, и все благополучно покинули трибуны.

Сигналы-экстримеры

Многие экстремальные сигналы, используемые человеком для мгновенного переключения или концентрации внимания на чем-то важном и ответственном, произошли, по-видимому, от биологических сигналов опасности. Прежде всего это звуковые сигналы горна, сигнальной трубы или барабана. Они широко использовались почти всеми народами перед началом сражения. Позже их стали дополнять еще и музыкой. Грохот боевых барабанов, пронизывающие до костей звуки боевых труб и рогов объединяли войско, настраивали боевой дух воинов, добавляя им решительности, уверенности и агрессивности.

Другой пример экстремальной, даже рискованной сигнализации описывает Р. Докинз: “Многие птицы, гнездящиеся на земле, заметив приближающегося хищника, например лису, начинают “отводить” его от гнезда. Родительская особь отходит от гнезда, прихрамывая и приподняв одно крыло, как если бы оно было сломано. Хищник, почуяв легкую добычу, уходит от гнезда с птенцами. В конце концов птица перестает притворяться и взлетает вверх как раз вовремя, чтобы избежать лисьих челюстей. Она, вероятно, спасла жизнь своих птенцов, но рисковала при этом сама” (134).

Разбойничий свист также относится к распространенным сигналам-экстримерам, выполняя различную роль, но всегда также и роль включателя-переключателя внимания. Я был свидетелем использования свиста пионервожатой в пионерском отряде с

расшалившимися мальчишками. Надо сказать, что пионервожатая была, что называется, сорвиголова и выучилась еще в подростковом возрасте так свистеть, что ей завидовали отпетые хулиганы, для которых мастерство свиста было, можно сказать, “маркой качества”. Ее внезапный гневный свист произвел ошеломляющее действие: гвалт мгновенно стих и мальчишки уставились на девушку глазами, в которых смешались испуг и восхищение. Дальше ей оставалось делать с ними все, что ей хотелось. Другой похожий пример я увидел в каком-то кинофильме, из которого запомнил только этот эпизод: компания друзей на стадионе увлеченно смотрела футбольный матч (это был, кажется, американский футбол), а одна из девушек должна была по сюжету сообщить им нечто важное и призвать к каким-то действиям, она прыгала перед друзьями, кричала, размахивала руками – ноль внимания. Тогда она рванула на себе кофточку, обнажив великолепно сияющую грудь. Уставившись на нее, все мгновенно забыли о футболе. Внимание было завоевано.

Это напоминает характерный матросский и блатной жест эпохи революции, вошедший во многие советские фильмы, где изображались анархисты. Матрос, который не мог никак привлечь внимание товарищей или доказать свою правоту, резким движением рвал на груди тельняшку и выкрикивал крепкие ругательства. Помогало. Жест этот из арсенала истерических, тем не менее в конфликтных ситуациях широко применялся в блатных и приблатненных (хулиганствующих) группах, а также на революционном флоте. Выражение “рвать на себе рубаху” давно вошло в фольклорные фразеологизмы.

Само собой разумеется, что к разряду сигналов-экстримеров относятся все сигналы тревоги и опасности, и потому они всегда пронзительны, побудительны и, главное, избыточно-навязчивы, как сигналы воздушной тревоги или гудки “скорой помощи”.

Все названные сигналы объединяет их фасцинация: они мгновенно выключают любые другие раздражители-стимулы, концентрируя внимание только на сигнале-экстримере. Нейрофизиологически они в наиболее точной и законченной форме приводят в движение нейроструктуры отключения, переключения и концентрирования внимания на безусловно актуальном в данный миг действию. И уж, конечно же, при восприятии подобных сигналов не до анализа и сомнений, они императивны и властно-суггестивны.

Сигналы–сексуальные призывы

Призыв самца или самки к спариванию эволюция для максимального достижения результата обставила сверхизбыточностью. От сигналов-призывов к спариванию в буквальном смысле слова никуда не скроешься и никуда не денешься: они властны и деспотичны, как приказы сатрапа. Животные, можно сказать, являются рабами сексуальной фасцинации и исполняют ее повеления беспрекословно и в точности. При этом существенно то, что такие сигналы действуют на самые древние, отшлифованные миллиардами лет эволюции нейрофизиологические структуры вождения и оргазма.

Известна могучая власть феромонов в мире насекомых, рептилий и млекопитающих, побуждающая самцов лететь на призывы-запахи за десятки километров в поис-

ке выпустившей сигнал-феромон самки. Эволюционные сексуальные сценарии порою столь замысловаты, что диву даешься. Вот каков сценарий у северо-западных подвзочных змей. С пробуждением весны змеи выползают из расщелин скал, где они полгода провели в зимней спячке. Несмотря на то, что все это время ничего не ели, они не расползаются на поиски пищи, а остаются поблизости от своих зимних укрытий, поджидая самок. Самки вылезают на поверхность поодиночке или маленькими группами, поэтому одновременно их гораздо меньше, чем ожидающихся самцов, порой в соотношении 1:5000. Выползая, самка испускает феромон, запах которого сигнализирует о ее готовности к спариванию. Самец ловит молекулы феромона, дрожащим раздвоенным языком и доставляет их к каналу, ведущему в якобсонов орган, что вызывает у него сексуальный отклик. Очень быстро самка оказывается в центре живого клубка из сотен пытающихся спариться с ней самцов. Однако это удается только одному из них. И как только соитие произошло, победитель выделяет особый секрет, который “запечатывает” самку, предохраняя ее от соперников. В тот же момент самка прекращает испускать специфический запах, и остальные самцы отправляются на поиски других партнерш. Огромное преобладание самцов гарантирует, что каждая самка будет оплодотворена сразу после выхода из зимнего убежища и детеныши появятся на свет до наступления зимних холодов.

Даже у человека, получившего от той же эволюции структуры рационального анализа и эстетического чувства, эти древние сверхизбыточные формы стимулирования совершают свое властное воздействие независимо от сознания или подчиняя себе сознание, как происходит при страстной любви. То, что называли похотью и сладострастием, властвует и определяет сексуальное поведение человека настолько, что требуется топор и чудовищная боль, чтобы хоть как-то совладать с этими биологическими стимулами. Лев Толстой вложил топор в руку отца Сергия, рассудок которого помутился от одного вида эротичной разведенной богачки и красавицы Маковкиной (438, с. 360), а Василий Шукшин – в руку тракториста Сергея Безменова, которому коварно изменила со студентом роскошно-сексуальная жена Кларнетка (467, с. 316). И тот и другой рубанули себе топором по пальцам: отец Сергей отрубил один, указательный, как пометил Толстой, а Петя – два, получив от односельчан прозвище “Беспальный”.

Читатель сам может дополнить перечень сигналов подобного свойства, некоторые из которых могут быть изобретены отдельной профессиональной группой людей или иметь этническую, отлаженную многовековой практикой, природу: полная женщина для мужчин многих африканских и арабских народов и 90-60-90 у европейцев с точки зрения теории фасцинации однопорядковые явления – это фасцины-Образы, вызывающие в мужчине сексуальный трепет и любование. Точно так же у австралийских аборигенов особо пылкое вожелание вызывают женщины с грудью, свисающей до пояса, а у бушменов и готтентотов – соплеменницы с оттянутыми на 15-20 см малыми половыми губами, образующими так называемый “готтентотский фаргук”. Есть этнические сексуальные фасцины и еще более экзотического исполнения, приводившие первооткрывателей-европейцев в шок (описывать их я не буду, чтобы не вызвать шок у читателей). Все они объединены одним свойством – надежно и экстремально возбуждать сексуальные эмоции и образуют класс сексуальных сигналов-фасцин.

Фасцинация и стресс

Фасциаторное воздействие как воздействие яркое, волнующее, часто экстремальное всегда сопровождается стрессом. При этом оно вызывает аффективные и аффектированные эмоции и переживания, доминантные страстные состояния радости, восторженности, умиления, эйфории, экстаза или шока, страха и ужаса. Фасциаторная коммуникативная драматургия – сильная, экспрессивная драматургия. Рассматриваемая в этом аспекте фасцинология предстает как наука о сигналах-стимулах, вызывающих стрессы и аффекты.

Фасцинация – всегда стресс, но в первую очередь и чаще – эустресс, то есть стресс мажорных и позитивных эмоций радости, восторженности, вдохновения, энтузиазма. Широкая публика со времени открытия Г. Селье феномена стресса привыкла ассоциировать этот термин с негативными воздействиями и реакциями. Огромная литература о стрессах и борьбе со стрессами в основном рассматривает именно этот аспект стресса, то есть стресс, переходящий в форму дистресса, поскольку он действительно представляет собой детерминанту фрустрационных и депрессивных состояний. Может сложиться впечатление, что стрессология изучает исключительно негативные стрессы. Книга С. Сукиасяна так и названа “Стрессология – наука о страдании” (419).

Необходимо и желательно существенное уточнение. Организм испытывает физиологический и психологический стресс постоянно, даже во время сна, то есть стресс происходит в результате любого взаимодействия индивида с окружающим миром. И наряду со страдательными, угнетающими психику стрессами есть также стрессы оптимистические, стрессы радости, вдохновения, экстаза. Диагор в Древней Греции умер от радости, узнав о победе своих сыновей на Олимпийских играх. Рассказывают, что один ученый-нейрофизиолог умер от счастья, узнав, что операция у его смертельно больной жены закончилась успешно и она выздоровеет. Смерть от радостных аффектов – своеобразный символ другого стресса, который назван Г. Селье эустрессом, в отличие от страдательных стрессов – дистрессов, которые при передозировке, конечно же, приводят к смертельному исходу во много крат чаще в силу своей разрушительной природы. Я бы определил стрессологию как науку о страдании и мобилизации оптимизма. О том, как бесподобно наслаждение человека, падающего в свободном падении с нераскрытым парашютом и рискующего жизнью, можно только догадываться, но оно, безусловно, стрессовой природы, как и наслаждения вообще всех так называемых экстремалов, этих норадреналиновых наркоманов всех народов и времен. Таким образом, стресс эволюционно прежде всего полезен и необходим как мобилизующая организм реакция на стрессовые воздействия внешней и внутренней среды. Создатель теории стресса Г. Селье именно так и определял стресс, используя термин “стресс” для обозначения общих изменений в человеческом организме в ответ на любые воздействия извне. Любая ситуация, будь то посещение оперы, первый поцелуй, партия в шахматы, спортивная победа, способна вызвать стресс. Однако это не причиняет никакого вреда организму, напротив, стимулирует его. Столкнувшись со стрессом, человеческий организм мобилизует свои защитные силы. Он реагирует расширением зрачков, учащением сердцебиения и дыхания, напряже-

нием мышц и, как следствие, повышением сахара в крови, повышением артериального давления, выбросом в кровь адреналина, этого основного гормона тревоги и страха. Все это мобилизует организм, все его органы и психические функции. Опытные психологи и врачи советуют не бежать от стрессов в постельку (хотя иногда это, безусловно, необходимо – отлежаться от чрезмерного стрессового удара), а не бояться их и жить с ними в согласии: наполнять свою жизнь разнообразными приятными событиями и преодолением не очень приятных трудностей и забот. Умеренная драматургия страстей абсолютно необходима для душевного и физического здоровья, тогда как страх перед стрессами и стремление к тепличному существованию неизбежно приводят к недомоганиям и серьезным болезням.

Жизнь в обнимку с улаждающей и умеренно пугающей fascinaцией с необходимостью включает в себя эустрессы и немножко дистрессов. Можно сказать, что стрессогенная fascинация всегда несколько агрессивна своей высокой энергетикой повелительности и оглушающим эффектом. Мужчина увидел сексапильную женщину и сконцентрировался, мобилизовался. Бессознательно он расправил плечи, сузил зрачки, поправил волосы и галстук. Он готов к достижению, он нацелен на победу. Или... заранее сдался, с сожалением провожая женщину глазами и вздыхая “эх... вот бы...”. Осадок упущенной возможности и проигрыша еще долго будет держать его подсознание в приятно-неприятном стрессе. И другой аспект: сама fascина, возбуждавшая в мужчине эту стрессовую гамму эмоций и реакций, содержит стихийную агрессивность, нацеленность на сексуальное возбуждение в силу своей fascinatorной биологии (а вдруг она при всем при том еще и 90-60-90). У мужчины, попавшего в окружение очаровательных, демонстрирующих свою сексапильность молодых женщин, независимо от его разума и сдержанности голова идет кругом. Таковы нейрофизиологические реакции его мужского организма и с этим ничего не поделаешь. Он становится жертвой fascинативной атаки: приятно волнующей и одновременно стрессово-агрессивной. Ну, а если кто-то из этого “малинника” запустит в действие fascинацию кокетства – и именно в его адрес! – пиши пропало. Такова агрессивность fascинации. Стресс в подобной ситуации неизбежен. И он может быть сразу двояким: эустрессом и стрессом. И даже дистрессом, когда очарование сменяется глубоким сожалением и сознанием фатальной неудачи. Так бывает при неразделенной любви и при затянувшейся неопределенности в любовных отношениях. Встреча была оглушающей, но подкрепления все нет и нет. Или еще хуже – сразу получен недвусмысленный сигнал о неосуществимости желания, возбужденного fascиной. Неразделенная любовь может привести даже к суициду – значит жертва ее “сгорела” в стрессе. Сексуальная fascинация опасна.

Но в сходное состояние попадает и страстный коллекционер, когда уходит с аукциона, не сумев приобрести желанную картину или раритет.

Стрессовая встряска полезна

Итак, стресс укрепляет и украшает человека. Испытывая крепкие эмоциональные встряски, организм не только мобилизуется, он еще и проходит психоэмоциональный и

в определенной мере мировоззренческий тренинг, понимание, что жизнь не устлана розами и неудачи необходимо встречать во всеоружии, а не опускать плечи. У Василия Аксенова есть небольшая повесть под названием “Затоваренная бочкотара”, изданная в самом начале его творчества. В ней изображен довольно забавный любовный треугольник: замечательно сексапильная молоденькая учительница географии Ирина Селезнева, тело которой источает флюиды соблазна, моряк-черноморец, штурмовой десантник Глеб Шустиков, который своими мышцами и детской наивностью сразу очаровал учительницу, и семиклассник Боря Курочкин с маленькой атлетической фигурой, уже не по годам нагловатый и уверенный, что “училка в него втрескалась”. Училку сексуальный мальчик действительно возбуждал, но появился взрослый тренированный моряк. И вот учительнице и моряку надо ехать в райцентр, подросток идет вслед за училкой к машине и ... оглушенно цепенеет, увидев у машины великолепного соперника-победителя Глеба Шустикова, на которого училка бросила восхищенный взгляд и одарила призывной улыбкой. “Жизнь впервые таким образом хлопнула удивительного семиклассника пыльным мешком по голове”, – заключает мизансцену Василий Аксенов (8, с. 40). Шоковая фасцинация *а-ля* “пыльный мешок по голове”, вызывающая оглушающий стресс, – замечательно продуктивная педагогика! Некоторые известные педагоги, в том числе Макаренко с его методикой “перевоспитания взрывом”, применяли ее в своей практике весьма успешно. Боязнь использовать в воспитательных целях “пыльный мешок по мозгам” приводит к появлению инфантильных нарциссов и маменькиных сынков. Педагогика “поглаживания”, опирающаяся на труды Э. Берна (41), не исключает, а предполагает подключение к ней педагогики встрясок. Главное, чтобы применяемые в педагогических целях “встряски” были бы не садистско-унизительными и несправедливо-придирчивыми, как часто бывает в неумной практике части учителей и воспитателей детсадов. Еще Аристотель две с лишним тысячи лет назад писал в “Никомаховой этике” (15): “Любой может рассердиться – это легко. Но быть рассерженным на человека, заслужившего это, в правильной степени, в правильное время, во имя правильной цели и правильным способом – это нелегко”. Это уже искусство общения, а для педагога – мастерство.

Встряски нужны, они являются законом жизни для всех живых существ на планете. Фасциаторно-стрессовая драматургия жизни – это активная вовлеченность в жизнь, а значит, и совершение ошибок, муки разочарований, досадные проигрыши. Как мудро сказал герой-тренер в одном из фильмов о боксе: “Всегда выигрывать нельзя. Так не бывает”.

Стрессово-волнующая вовлеченность прекрасно используется в психотерапии, в частности в методиках психодрамы (182). Театральный режиссер Питер Брук, наблюдая психодраму в психолечебнице, высказал убеждение, что вот таким вовлеченно-насыщенным должен быть настоящий современный театр. Он пишет: “Подлинным примером потребности в театре мне представляется вечер психодрамы в сумасшедшем доме ... В определенные дни для некоторых его обитателей происходит событие, нечто необычное, чего они ждут с нетерпением, — вечер драмы. Когда они входят в комнату, где состоится вечер, они уже знают: что бы здесь ни случилось, это будет непохоже на то, что происходит во дворе, в саду, в комнате, где стоит телеви-

зор. Все садятся в круг. Поначалу участники вечера бывают подозрительны, враждебны, неконтактны. Врач, отвечающий за вечер, берет инициативу в свои руки и предлагает пациентам называть темы. Вносятся предложения, их обсуждают, и постепенно выявляются темы, интересующие многих, темы, которые в буквальном смысле становятся точками их соприкосновения. Разговор мучительно развивается вокруг них, и доктор сразу же переходит к их драматизации. Каждый в кругу получает свою роль, но это вовсе не значит, что он начинает играть. Некоторые действительно выходят вперед как протагонисты, тогда как другие предпочитают оставаться на месте и наблюдать, либо отождествляя себя с героем, либо следя за его действиями одновременно критически и отрешенно. Конфликт продолжает развиваться. Это настоящая драма, поскольку люди здесь будут действительно говорить о вопросах, волнующих их и всех присутствующих в той единственной форме, в какой эти проблемы оживают. Они могут смеяться. Могут плакать. Могут вообще не реагировать. Но за всем тем, что происходит в кругу этих так называемых умалишенных, скрыта очень простая, очень здоровая основа. Все они искренне хотят, чтобы им помогли избавиться от недуга, даже если и не знают, откуда придет помощь и какую форму она примет... Спустя два часа после начала вечера отношения между присутствующими несколько видоизменяются вследствие того, что они все оказались втянутыми в происходящее. В результате возникает известное некоторое ощущение раскрепощенности, зарождаются контакты между людьми, казавшимися заколоченными наглухо. Когда они покидают комнату, они уже не те, какими были, когда входили в нее. Если даже то, что произошло, оказалось болезненно неприятным, возбуждены они в той же степени, как если бы умирали там от веселья. Ни пессимизм, ни оптимизм сами по себе ничего не значат: просто некоторые участники на какое-то время оказываются вернувшимися к жизни. Если же по выходе из комнаты все это улетучится, это тоже не имеет значения. Однажды вкусив такое состояние, они непременно захотят снова туда вернуться. Вечер драмы покажется им оазисом в пустыне их жизни.

Вот так я понимаю театр, который необходим: театр, в котором актер и зритель отличаются друг от друга только функционально, а не по существу” (64, с. 203).

На мой взгляд, педагог-профессионал, как и психолог в психодраме, обязан быть искусным драматургом детских страстей и фасцинативных ожиданий, не только возносящих на вершины радости, но и низвергающих к подножию огнедышащего вулкана порицаний. Естественно, с существенным древнегреческим добавлением – “все в меру”. Но именно “всё”. Как в жизни. Ведь школа, и прежде всего класс, – это маленький театр, непрерывающаяся ни на один день, перманентная психодрама, в которой педагогу отведена роль полноценного участника-лидера, и, следовательно, как всякий подлинный лидер педагог обязан владеть драматургической фасцинацией и средствами сильных, значит стрессовых, эмоций и чувств. Неэмоциональная или внеэмоциональная школьная жизнь и педагогика порождают серость и уныние – главных врагов образования и воспитания. Фасцинация, наряду с прочим, драматургическое средство живого, полноценного общения, и потому педагогическое мастерство психодрамы с применением фасцинации делает жизнь класса интересной, педагогику поучительной, а усвоение знаний продуктивным.

Фасцинация и аффекты

П. Фресс отмечает: “Что касается возможностей субъекта, то при прочих равных условиях все, что вызывает сильную мотивацию или, точнее, избыточную мотивацию, является причиной эмоциональных реакций” (493, с.138). Мотив – это то, что побуждает человека к активному действию (или бездействию как антидействию). Фасцинация всегда детерминирует избыточную мотивацию и потому вызывает сильные эмоции-аффекты, сопровождающие соматическую и психическую активность. Аффекты усиливают переживания, создают бурные эмоции (51). Можно сказать, что аффекты представляют собой реакции на доминантные мотивации, и такие мотивации очень часто стимулируются как раз сигналами фасцинации, открывающими настезь окна организма для удовольствий, наслаждений, испугов и ужасов.

Демонстрационная интенсивность фасцинативного сигнала столь сильна, что не отреагировать на нее просто невозможно, а стоящие за такими сигналами стимулы столь желанны или опасны, что неизбежно вызывают эмоциональный взрыв, то есть аффект. Брюшко самца колюшки, которое он демонстрирует другому самцу, приблизившемуся к границам его территории, наливается яркой краснотой, демонстрируя крайнюю угрозу, и противник в панике бросается наутек. При сексуальном возбуждении лицо самца у некоторых видов обезьян также принимает интенсивную красную окраску, что делает самца привлекательнее и возбуждает самок к спариванию. Красный цвет эволюция использует очень широко как фасцинацию для побуждения к аффлекторным реакциям. Порою интенсивность красного цвета в сочетании с другими фасцинациями, такими как ритмика и запах, погружают сексуального партнера или жертву в состояние транса.

У человека в арсенале фасцинативных воздействий имеется множество сигналов-образов мгновенного провоцирования сильных, неконтролируемых эмоций. К таким сигналам относятся, в частности, все “обидные” образы как тот же “fuck you”.

Три класса эмоций связаны с фасцинацией неразрывно, почти во всех своих проявлениях: эмоции возвышенно-романтические (“пиковые”, по А. Маслоу); эмоции экстремальных состояний (эмоции азарта, страха); эмоции регрессии (агрессивные, истерические и т. д.). Все эти эмоции по-своему являются страстными и потому часто прорываются в демонстрационно-экспрессивные формы проявления (возбужденный смех, бурная кинесика радости, объятия, поцелуи) или, если речь идет об опасной фасцинации, в ярко агрессивные позы, агрессивную мимику, угрожающие или панические возгласы и т.п.

Нейрофизиологическое возбуждение ретикулярной формации является базой возникновения любой эмоции, тем более аффектированной, и в зависимости от мотивации ведет организм и психику либо к душевному подъему, либо к фрустрации, угнетенности. Таким образом, аффекты при фасцинации можно разделить на два больших класса в зависимости от содержания фасцинации: улаждающе-чарующие или устрашающе-шокирующие. И еще один смешанный, где аффекты соседствуют или сменяют друг друга. Я имею в виду аффекты при экстремальной фасцинации азарта и страстного влечения.

Мажорные эмоции

Сладостные (предчувствие, предвкушение – “слюнки потекли” от запаха вкусной пищи, увлажнение вагины у девушки при поцелуях), страстные (азарт), сладострастные (сексуальный оргазм) реагирования не могут быть эмоционально нейтральными, наоборот, они сопровождаются всплеском интенсивных мажорных эмоций.

Очень содержательным в рассматриваемом аспекте представляется мне исследование о так называемых “пиковых переживаниях”, которое в свое время провел А. Маслоу (274). Он задавал респондентам вопрос: “Я бы хотел, чтобы вы подумали о самом чудесном переживании или переживаниях в вашей жизни; самые счастливые моменты, моменты экстаза, восторга, причиной которых послужили, скажем, влюбленность, услышанная музыка, неожиданно “потрясающая” вас книга или картина, великие мгновения творчества. Прежде всего перечислите их. А затем попытайтесь рассказать мне, что вы чувствуете в эти “пиковые” моменты, чем ваши чувства отличаются от всего, что вы испытываете в другие моменты, в какой мере вы становитесь другим человеком?”. Личные беседы с примерно 80 респондентами и письменные ответы 190 студентов колледжа выявили крайне интересную картину эмоциональных реакций в фасцинирующих ситуациях. Суммируя наиболее типичные ответы, А. Маслоу получил следующую карту пиковых эмоций.

1. Когда речь идет об эмоциональных состояниях респондентов, занятых бытийным познанием, все внимание познающего сосредоточено исключительно на воспринимаемом объекте, принимая формы “абсолютного внимания”, замороженности или полной поглощенности. Объект познания словно изолируется от всего остального, воспринимающий его индивид забывает о существовании окружающего мира, и объект, на какое-то мгновение, становится равнозначен всему Бытию. Кроме того, конкретное и целостное восприятие объекта подразумевает, что он воспринимается с любовью.

2. Отличительной чертой всех случаев характерного пикового переживания была дезориентация во времени и пространстве. В эти моменты человек субъективно находится вне времени и пространства. Поэт или художник в порыве творчества забывает об окружающем его мире, и время для него останавливается. Когда он выходит из этого состояния, он не может понять, сколько прошло времени. Зачастую он, словно выходя из полубормочного состояния, вынужден приложить усилия, чтобы понять, где он находится.

3. Очень часто эмоции на пиковое переживание имеют особый привкус удивления, благоговения, почтения, смирения и подчинения величию переживания. Иногда к ним примешивается испуг (хотя и приятный) от невыносимой интенсивности ощущений. Респонденты говорили об этом так: “это слишком для меня”; “это больше, чем я могу вынести”; “это слишком прекрасно”. Ощущение может обладать такой остротой, что может вызвать слезы, смех или то и другое и, как это ни парадоксально, может иметь что-то общее с болью. Впрочем, это желанная боль, которую зачастую называют “сладостной”. Типично такое описание: “Это слишком прекрасно. Я не знаю, как я смогу это выдержать. Я могу сейчас умереть, и это будет прекрасно”.

4. В рассказах о любовных и эстетических пиковых переживаниях одна частичка мира воспринимается так, будто на какое-то мгновение она и составляет весь мир.

5. Почти всегда в пиковых переживаниях появляется полная, хотя и дрящящая какое-то мгновение, утрата контроля и оборонительной позиции и освобождение от страхов, тревоги, скованности, нерешительности и сдерживающих начал. На какое-то время исчезает или отступает страх утраты единства, страх пойти на поводу у инстинктов, страх смерти и безумия, страх предаться безудержному наслаждению. Поскольку страх искажает восприятие, то его отсутствие означает большую открытость восприятия. Такое восприятие можно считать чистым удовлетворением, чистым самовыражением, чистым восторгом или наслаждением.

6. Во время различных пиковых переживаний человек обретает единство, индивидуальность, уверенность в своем Я, даже восторг от самого себя: “Вот я какой!” (274, с. 102–134). Здесь вполне уместно вспомнить знаменитое восклицание Пушкина, поставившего точку в конце рукописи “Бориса Годунова”: “Ай да Пушкин, ай да сукин сын!”

Воссозданная А. Маслоу со слов респондентов картина внутренних состояний человека в моменты восприятия им всего любимого, ярко прекрасного, волнующего до глубины души может быть объединена словами: “потрясение”, “приподнятость”, “восторженность”, “блаженство”. Совершенно естественно, что многие респонденты затруднялись подыскать слова для точного описания своих эмоций и чувств, настолько они были уникальны и сладостны.

Нечто подобное происходит с мистиками, когда их просят поделиться мистическим эмоциональным опытом. Высшим самовыражением мистических душевных состояний является транс, медитация, экстаз. Все мистики согласно свидетельствуют, что те эмоции и образы, которые они переживают в состоянии экстаза, совершенно неопишутемы. На человеческом языке нет слов, которые могли бы дать хотя бы приблизительное понятие о них. Человеку, – говорят мистики, – не пережившему этого состояния, так же трудно судить о нем, как слепому – о цветах и формах, которых он никогда не видал, или глухому о симфонии Баха. Это просто невообразимо прекрасно (289).

Экстаз и катарсис давно известны человечеству и используются в мистических и эзотерических практиках как важнейшие средства транса, очищения души от “суеты сует” и просветления. Экстаз (от греч. *extasis* – восхищение) – термин, зафиксированный еще в античной литературе для обозначения особого состояния сознания, в котором теряются границы между внешним и внутренним. Это состояние сопровождается чувством восторженности, опьянения, отрешенности от действительности, игнорированием реальных внешних ощущений. По динамике процесса экстаз находится близко к сфере сексуальных наслаждений. В сознании всплывают картины и образы, обычно ему недоступные. Может сопровождаться как позитивными эмоциями (счастье, блаженство), так и негативными (страх, ужас). Физическая активность может редуцироваться до состояния оцепенения или возрастать до неистовства. Для мистиков это ключевое понятие индивидуального развития человека. Экстаз символизирует то, что человек является лишь своеобразным сосудом, который наполняется космическим содержанием. Техники достижения экстаза различны и часто носят искусственно-принудительный характер, как, например, пляски сектантов-хлыстовцев или пляски Средневековья в праздники святого Витта. Но экстаз может возникнуть и спонтанно, бесконтрольно, как фаза в любом восторженном или болезненном аффектор-

ном процессе: творческом вдохновении, сексуальном психоэмоциональном оргазме, зажигательном ритмическом танце с нагнетанием ритма, восприятию пения любимого певца или певицы, созерцанию великолепия ландшафта, долгожданной победы, и т. д. Лев Толстой экстазы называл “счастливым безумием”. Достоевский вспоминал, что к нему в ссылку как-то приехал товарищ. Всю ночь (это было под Пасху) они горячо спорили о вопросах литературы, искусства, а главное, религии. Достоевский пришел в состояние религиозного экстаза. “Я реально постиг Бога и проникнулся им”, – писал он об этом дне своей жизни.

По-видимому, именно потому, что экстаз можно рассматривать как пиковую точку в развитии эмоционального процесса в человеке, логично, на мой взгляд, предположить и аффекторные экстатические всплески в аутофасцинации больных аутизмом и шизофренией. Эпилептические формы экстаза давно зафиксированы в психиатрии, как и экстаз при приеме психоделиков и алкогольном опьянении.

Со времен Древней Греции известно также такое аффекторное состояние как катарсис. Платон дал показательный пример эмоционального катарсиса в диалоге “Федр” (341), описывая ритуальное сумасшествие корибантов. Он отмечал значительные лечебно-целительные возможности дикого танца под звуки флейт и барабанов, доходящего до иступления и завершающегося состоянием глубокой релаксации и покоя. Предполагают, что сам Платон был посвящен в Элевсинские мистерии, так что его описание, по-видимому, основано на собственном опыте.

Аффекты при фасцинации страсти и азарта

Еще один класс аффектов дает экстремальная фасцинация страсти и азарта. В этой сфере действия фасцинации эмоциональность, можно сказать, тоже зашкаливает, как при экстазе, но несколько в другую сторону – в бездны психологической зависимости.

Еще Аристотель писал: “То, в силу чего мы совершаем тот или иной поступок, есть стремление; стремление же бывает трех видов: страстное желание, порыв, хотение”. В психологии страсть понимается как сильное, стойкое, всеохватывающее чувство, доминирующее над другими побуждениями человека и приводящее к сосредоточению на предмете страсти всех его устремлений и сил. Там, где страсть, там рядом по общему мнению, распространенному с древних времен и подкрепляемому искусствами, пороки, неодолимые влечения и даже преступления. Страсть можно определить как доминантное вожделение, требующее удовлетворения и разрядки. Можно сказать, что страстные люди не могут не играть в страсти.

В состоянии страсти и азарта человек не видит ничего, кроме фасцинированной цели, он неудержим в ее достижении. Возможно, в этом и заключается эволюционное предназначение этих эмоциональных состояний и их детерминация могучих вожделений любви, фанатизма, власти. В любой борьбе за обладание чем бы то ни было, в любом соревновании и турнире страстность и азартность необходимы как стимуляторы энергии и предельной мобилизации сил и возможностей живого существа. Прогрыш выбрасывает его на низшие ступеньки возможностей существования, иерархии, обладания жизненно важными ресурсами. Ради победы стоит впасть в состоя-

ние, помогающее победить. Подлинные лидеры и вожаки всегда страстны, будь то святые, как М. Лютер, или разбойники, как Стенька Разин. Страстность входит в базис харизмы, стастные люди притягивают этой стороной харизматичности, их любят. Еще проще говоря, с ними не заскучаешь, а этого-то чаще всего и надо людям. Таким образом, можно заключить, что страстный человек, человек, охваченный страстным порывом, сам является фасцинативным сигналом-Образом, вызывающим радость и душевный подъем.

Но в страстных и тем более азартно-страстных состояниях заложена и крайняя опасность перехода в зависимость. Сладость победы и полученных в ее результате наслаждений замыкает нейрофизиологическую и гормонально-химическую цепочку в организме, стойко фиксируя ее в эмоциональной памяти. Хочется повторить, еще и еще раз испытать все прелести предельного волнения и восторга, наслаждения и успешности. Так формируется аддикция азарта, так рождаются азартные игроки, у которых начинают руки дрожать от нетерпения при виде карт. Ресурсом наслаждения им часто служит уже сам азарт как таковой, сам процесс, а не результат. Такая особенность прослеживается у многих лудоманов казино и игровых автоматов. Играть для них важнее, чем выигрывать. Таковы же многие донжуаны: для них становится важным соблазнить, а не обладать. Это удивительно красочно описал С. Кьеркегор в повести “Дневник соблазнителя” (217). Черт подери, но ведь девушки донжуанов любят! И вокруг игроков всегда увиваются восторженные зрители. Правда, пока они в ударе и выигрывают...

Эмоции-встряски

Человеку хочется немножко бояться и испытывать страх – это создает увлекательную, волнующую драматургию чувств и эмоций. Страх потерять любимого формирует ревность, но как только оказывается, что ревность безосновательна, возникает эйфория радости обладания, очень часто завершающаяся сексуальным возбуждением и мощным оргазмом. Милые бранятся – только тешатся. Страх пробуждает экстремальные состояния волнения, жути, выход из которых столь же экстремален: бурная радость, эйфория, экстаз. Радость – это воля к жизни.

“Почти все, кто прыгает впервые, – свидетельствуют Ю. Гагарин и В. Лебедев в книге “Психология и космос”, – отмечают, что, когда стоишь в дверцах или на крыле самолета, очень тягостно смотреть на землю. Обычно говорят в таких случаях: “захватывает дух”, “ударяет в голову”, “сжимает сердце”... Перед первым прыжком парашютиста раздирают противоречивые чувства: он хочет прыгнуть – и не может”. (92, с. 138-139). Страх голову кружит, говорят в народе.

Страх встряхивает, пугает, но одновременно и удивляет, содержит в себе некую долю любопытства. Так дети и животные после испуга и спасения от опасности выглядывают из укрытия, чтобы увидеть, как выглядит этот страшный зверь, который так напугал. Своеобразное исследовательское любопытство, подглядывание-изучение. Этолог В. Дольник дал совершенно точное, как мне представляется, объяснение притягательной любви к хищникам. Он пишет: “Для животных их хищник – это тот, кто в конце концов окончит их дни. Но пусть лучше он подождет. Он страшен – это

понятно. Но отвратителен ли он? Оказывается, он завораживающе прекрасен. Таким его заставляет видеть программа: увидев хищника издалека, с безопасного расстояния, или сидя в безопасном месте – не будь равнодушен, внимательно наблюдай его, все его движения, все его повадки; готовься к той встрече с ним, которая может стать последней, если ты недостаточно изучил врага. Эта программа есть у очень многих животных. И для нас наши бывшие пожиратели – крупные кошачьи – одни из самых ловких, грациозных, привлекательных для наблюдения животных” (135). Этот инстинкт страха-любопытства филогенетически заложен и в человеке, поэтому-то дети так любят “бояться хищных рож” и визжать от страха при играх-нападениях из-за угла, сопровождаемых хищным рычанием. “Усиливая эти “хищные признаки” в облике животных, – продолжает В. Дольник, – художники-иллюстраторы и мультипликаторы создают потрясающие по воздействию образы кровожадных хищников. Зачем? Чтобы дети пугались. Зачем же пугать их? Да потому, что это им нужно, они этого сами хотят – страшных волков, тигров-людоедов, чудовищ, страшных мест в сказках” (135).

Таким образом, можно сделать вывод, что fascinative сигналы об опасности пугая, вызывая страх, одновременно включают и механизмы познавательно-любопытствующих рефлексов. Страх и легкое удовольствие как бы переплетаются в мозгу в волнующую, встряхивающую картину. На этой нейропсихологической базе и произрастают рискованные удалы и сорвиголовы.

Другое дело ужас. Если страх всегда волнует, как бывает несколько приятна боль, то ужас омертвляет и бросает в оцепенение. Такая реакция на ужас была подмечена человечеством достаточно давно. Уже в древнегреческой мифологии хорошо известна легенда о трех сестрах Горгонах, от одного жуткого вида которых все живое превращалось в камень. Персей сумел обезглавить самую безобразную из них Медузу Горгону только спящую, глядя в медный щит на ее отражение. “Судя по всему, – пишет Д. В. Ольшанский, анализируя соотношение феноменов “страх” и “ужас”, – в мифе о Горгонах отражено базовое свойство ужаса: всякий, кто смотрел на Горгону, “каменел” – то есть фактически он впадал в оцепенение. Всякий, кто смотрит на нечто ужасное, впадает в состояние особого “столбняка”, цепенеет. Психологи затрудняются в объяснении механизма “столбняка” или оцепенения. Возможно, что такая реакция унаследована людьми от животных предков, которые замирали, притворяясь мертвыми, чтобы не стать добычей хищника. И сегодня есть хищники, которые нападают только на движущуюся добычу” (320, с. 86). У целого ряда животных, от низших до высших, наблюдается этот особый феномен “оцепенения”, или явления так называемой мнимой смерти. Чаще всего он развивается при внезапной опасности. Во всем животном мире, до человека включительно, есть общий тормозной рефлекс, развивающийся при условиях внезапных раздражений, поражающих мимико-соматическую сферу. Хотя этот рефлекс приводит в отдельных случаях к гибели индивида, в общем, однако, он является защитным и полезным. Жучок, принимая неподвижное положение, становится менее заметным как цель для хищников. И. Акимускин так описывает прием прусса, попавшего в сети каракурта: “... эта добыча отлично знает, с кем имеет дело и что сопротивление тут бесполезно. Но хитрость иногда помогает. Поэтому прусс, влипнув в скверную историю – в тенета каракурта, прикидывается мертвым (мертвецов паук не ест). Сложит ножки и замрет – паук подбежит, пощупает комедианта и уйдет назад в

логово. Тогда прусс несколькими сильными прыжками, бывает, и выскочит на свободу. Если не выскочит, то пропал: паука второй раз не проведешь. И первое притворство не многих каракуртов обманывает. Обычно долго сидят они около мнимого трупа и ждут, не шевельнется ли он. Чуть шевельнется – и, считайте, актер сыграл (вернее, не сыграл) свою последнюю роль” (9, с. 122-123).

История психиатрии содержит много примеров использования страхов и ужасов для психотерапевтического исцеления. Так, в Древней Индии применяли нападение специально обученного слона, который останавливался прямо перед больным, вызывая в нем шок, вытесняющий из больной психики все болезненно там застрявшее. В других случаях пациента помещали в яму с кобрами, у которых вырвали жала. Или устраивали неожиданное падение в воду, когда пациент переходил мост со специально оборудованным механизмом. Для важных людей организовывали ложный суд, приговаривавший их к смерти. Казнь почти приводилась в исполнение, и лишь в последний момент возвещалось о помиловании. “Психика содержит такие целительные и трансформирующие механизмы, возможности которых по своей величине не поддаются описанию ни одной традиционной теорией психотерапии”, – отмечает С. Гроф (111). Розыгрыш-встряску с организацией убийств, якобы совершенных ночью Луцием, и лжесуда над ним с приговором к смертной казни великолепно описал Апулей в “Метаморфозах” (14, с. 130-140).

Синяк под глазом как яркая фасцина

Драматургия эмоций-встрясок может принимать презабавные формы социально-психологических этнических паттернов. Так, путешествующих по Руси и изучающих нравы ее населения поражал широко, всенационально распространенный обычай битья жен. Уже после свадьбы полагалось суженую хорошенько отдубасить. Только после этого она, сияя счастьем и не скрывая синяков, рассказывала, как муж ее любит. Отсюда и пошла поговорка “Не бьет – не любит”. Не бьет, значит вроде как ты ему безразлична, он даже внимания на тебя не обращает. Этому феномену есть неожиданное подтверждение в поведении подростков из неблагополучных семей, давно зафиксированное в психологии девиантности. Частенько они ведут себя так, будто специально “зарабатывают на бока”. И как только отец или мать в сердцах отшлепают, ребенок успокаивается в полученном таким способом подтверждении, что он родителям небезразличен. Но есть дети и из вполне благополучных, здоровых семей, которые тоже любят, когда им полусушня-полусерьезно дают легкие затрецины. Нисколько не обижаются, а, напротив, становятся резвее. Но в данном случае речь идет только о стимулирующих, легких затрецинах и шлепках. А о русских женах былых времен есть свидетельство одного этнографа, который зафиксировал случай удивительный: влюбленные поженились, муж в жене души не чаял, на руках носил, а она через некоторое время затосковала, стала чахнуть. Соседи начали коситься – что-то не так. А она не могла же подсказать мужу, чтобы он ее побил. Битье-то должно быть искренним, агрессивным, а не понарошку. Лечение пришло от мужиков-односельчан, которые счастливого мужа просветили. Скрепя сердце, он исполнил обычай, жена продемонстрировала синяки и расцвела. Кстати сказать, когда Льва Толстого жена доводила своими подглядываниями и истериками до белого каления, мужики из Ясной

Поляны советовали: “А вы ее, Лев Николаевич, вожжей, вожжей. Как шелковая станет”. В русских деревнях еще и в XX веке ребята знали – “бабу надо бить”. И вырастали с этим сигналом-Образом. “Бабы” были согласны. Так сигналом-фасциной может стать даже синяк под глазом как знак услаждающей болевой встряски...

Напомню: а на страже стрессовых опасностей стоит древняя, как жизнь, созданная эволюцией за миллионы лет до появления коры больших полушарий, разума и педагогики, миниатюрная и властная амигдала, приказывая всему мозгу хорошенько запомнить очередной удар “пыльным мешком по голове”, чтобы не повторить ошибку, ведь любая ошибка может стать в жизни роковой...

Регрессивные реакции и эмоции при шоковой фасцинации опасности и обиды

И у животных, и у человека все так называемые пугающие и обижающие сигналы врожденного и приобретенного индивидуальным опытом наполнения прекрасно сложены в копилке эмоциональной памяти. Попугаю было достаточно одного раза испытать страх перед трубочистом, чтобы навсегда запомнить этот сигнал-Образ и панически кричать при появлении трубочиста “Трубочист идет!”.

Такие обидно-фасцинативные сигналы человеческих конфликтов как фи́га, презрительно высунутый язык, презрительная усмешка, задранный женщиной подол с унижающей демонстрацией зада (с добавлением обидных словечек вроде “поцелуй меня в зад”), угрожающий кулак, не говоря уже о множестве нацеленных на обиду слов и ругательств унижающе-генитального содержания, вызывают мгновенно аффекторные агрессивные или подавленные реакции. Они перебрасывают психику на более низкие эмоционально-моторные этажи реагирования, иногда вплоть до помутненного, почти животного выражения, завязанные на “эмоциональном мозге”. В ход идут гнев, ярость, ненависть, презрение и соответствующие этим рефлекторным чувствам жестово-мимические и голосовые экспрессии. Фасцинативный обидный сигнал захлестывает подкорку, выключает аналитические зоны, создает доминанты защиты, которые включают два типа регрессивного поведения: агрессию (ярость, демонстрация готовности броситься на обидчика и т.п.) или избегание (плаксивость, кинемы покорности, уход из зоны конфликта и т.п.).

По Ф. Е. Василюку, следствием угнетающих влияний может быть и довольно часто бывает регрессия, которая понимается либо как обращение к поведенческим моделям, доминировавшим в более ранние периоды жизни индивида, либо как примитивизация поведения (74). Регрессия характеризуется тем, что при ее реализации происходит возврат к более примитивным формам поведения и мышления, которые были свойственны для более ранней стадии онтогенетического развития. Поэтому когда сравнивают регрессивные реакции обиженного и перешедшего на регрессивный эмоциональный круг человека с животными, то аналогия недалека от истины. Порою человек забывает все на свете, в том числе и о нормах приличия, и превращается в брызжущее слюной, изрыгающее ругательства, демонстрирующее мимику и жесты несимпатичное существо, от которого его самого в нормальном состоянии корбило бы. Человек становится почти или вовсе неуправляемым. А поскольку в подобном взвинченно-регрессивном состоянии мобилизуется двигательная мотори-

ка, то он становится и опасным. П. Жане подчеркивал, что активированные в регрессии тенденции всегда обладают большим энергетическим зарядом и склонны к прекращению действия только при полной разрядке, при аффективной реакции “исчезают вопросы приличия или благопристойности, а также многие другие социальные проблемы” и “способом разрешения вопроса является его ликвидация”. В такие минуты летят тарелки, утюги, хватаются за подвернувшийся под руку нож или топор. Л. Толстой в гневе бросал в жену сапогом, а Ф. Достоевский бросился душить Анну Григорьевну, неудачно пошутившую насчет заигрывания с ней молодых мужчин (139, с.142-143, 300-301). Одним словом, в регрессии человеку один шаг и до преступления. А также до истерики, помутненности сознания, обморока и безумия. А если обидчик силен и могуществен? Тогда может произойти парадоксальная регрессия, выражающаяся в слезах, стенаниях, причитаниях, в ступоре чувств и даже оцепенении. Тоже регрессия, только со знаком покорного спасения. Состояние крайне опасное в двух аспектах. С одной стороны, поскольку нет моторной разрядки, страсти загоняются внутрь и разъедают личность в сфере аутофасцинации (ведь там, в аутофасцинации, в снах и фантазировании, обидчик получает все сполна и в самом “красочном” виде!), приводят к депрессивным процессам, с другой, многократно усиливают затаенную ненависть, которая всегда на чеку и при удобном случае выплескивается на обидчика стократной агрессией. Этологи давно зафиксировали особую кровожадность “подонков”, способных к изуверским издевательствам над “поверженным львом”.

Удивительны находки древних народов и некоторых примитивных племен, умевших преодолевать регрессивность психики. Я имею в виду обычаи и ритуалы коллективной критики и самокритики, публичного осмеяния и высказывания самых затаенных обид, то, что В. Тэрнер назвал ритуалами коммунитас и лиминальности (430). Вот как это происходит у племени апо во время исполняемого ежегодно ритуала “очищения”: “Во время этой церемонии можно безнаказанно высмеивать и оскорблять всякого, не исключая вождя и главного жреца. Этот обычай приветствуется и поддерживается теми, кто правит племенем. Главный жрец Те Кеса объяснил исследователю, что такое стихийное освобождение от чувства ненависти, зависти и антипатии, которое носит в себе человек, оборачивается пользой. Без этого “может заболеть душа”. После праздника страсти остывают, люди становятся послушнее, спокойнее и чувствуют себя свободней. В результате вождь и жрец выигрывают даже в том случае, если во время ритуала их осыпали проклятиями, так как проще править людьми, которые не таят злых мыслей и чувств по отношению к своим повелителям” (130, с. 158).

Фасцинация и суггестия

...Суггестия как таковая, в своем чистом виде, должна была некогда иметь автоматический, неодолимый... “роковой” характер.

Б. Поринев

Суггестивно все контактно-привлекательное: уже доброжелательное касание руки, поощряющий толчок рукой в плечо, все одобрительно-восторженные и ласковые жес-

ты. А также гимны, хоровое пение, заклинания, ритмы, строевой групповой шаг, групповые речитативы и восклицания и т. д.

Пылкая интенсивность сигналов-фасцин часто подавляет и суггестирует вплоть до состояний транса. Этот феномен широко наблюдается в поведении насекомых, которые умеют гипнотизировать, погружать в оцепенение и транс как сексуальных партнеров (чаще самец самку, когда она гораздо крупнее и агрессивно-опасна для самца), так и жертв. Легенда о фасцинирующе-гипнотизирующем взгляде удава не лишена оснований.

Фасцинирует, погружая в гипноз, особый взгляд гипнотизера в так называемом фасцинативном гипнозе.

В суггестивно-фасцинаторном дискурсе показательно широкое применение в животном и растительном мире для целей фасцинации красного цвета. Кроме того, что он интенсивен и заметен на большом расстоянии, этот цвет, по-видимому, обладает повышенно возбуждающими, подавляющими и суггестивными свойствами. Брюшко у самца рыбы колюшки наливаются интенсивным красным цветом для отпугивания соперника, приблизившегося к его территории, а также и для привлечения самки. Этологи открыли, что интенсивность красного у колюшки меняется в различных коммуникативных ситуациях, при этом в турнирных схватках самцов у проигравшего интенсивность окраски падает почти до бурой, тогда как у победителя приобретает ярко-красный оттенок, подавляющий соперника, он становится еще энергичнее и агрессивнее (245).

Суггестия – базовое, первичное социальное воздействие одной особи на другую (или одной группы особей на другую группу). Фасцинация обеспечивает реализацию суггестии, будучи включена в ее психолого-физиологические механизмы в качестве пусковых сигналов и средства разрушения барьеров невнимания, недоверия, сомнения, неуверенности, аналитической критики и т.д. Фасцинация повелительно-навязчиво приказывает, а повеление и приказ заложены в основы суггестии.

Чувство “мы”, столь необходимое для группового сплочения и выживания первобытных людей, могло формироваться только суггестивно-фасцинативными средствами коммуникации, которые, на мой взгляд, предшествовали членораздельной понятийной речи и из которых произросла вербальная информационная коммуникация. Суггестию, по мнению М. Г. Ярошевского, следует относить к “социальной “археологии”, снижающей в человеке индивидуально-личностное начало” и стимулирующей начало “стадное” (538). Поведение толпы и человека в толпе, прекрасно и убедительно проанализированное Г. Лебоном и З. Фрейдом, доказывает, что оно является “нормой” поведения “коллективного человека”, будь то стихийная толпа или четко структурированный и организованный коллектив, как армейские подразделения. В первобытном обществе суггестия массы, толпы, коллектива была единственным способом существования племени. Ритуалы, танцы и праздники в первобытном обществе придумывались, если так можно выразиться, для коллектива-толпы. Другими словами, формы коммуникации в первобытном сообществе были массово-фасцинативны, чтобы выполнять функции массового внушения как средства к сплочению и единению рода. Первобытный человек как человек толпы был экстрасуггестивным существом.

При всем развитии у современного человека механизмов контрсуггестии, критического противостояния влияниям он остается во многом не менее суггестивен, чем

первобытный предок. Иначе как можно объяснить повальное увлечение астрологией и мистикой, массовую веру в магию, продолжающийся из века в век расцвет многочисленных мистических и тоталитарных религиозных сект, а в последние десятилетия массовое увлечение наркотиками всех мастей и оттенков. В природе всех названных явлений лежит фaszинация, суггестия и суггестивная индоктринация. Внутренне-имманентным механизмом этой роковой неодолимости и является фaszинация

Преобладание фaszинативных воздействий над информационными в праистории человечества детерминировано, по-видимому, тем, что посредством фaszинации гораздо легче добиваться желанных и целесообразных реакций и действий, так как фaszинативный сигнал бьет напрямую в деятельно-эмоциональную сферу психики, мгновенно выводя воспринимающего из состояния неопределенности и информационного дефицита. Этому способствует и избыточность фaszинативных сигналов, достигаемая их яркостью, эффектностью, настойчивостью (повторением и ритмом). Фaszинация не оставляет равнодушным, вызывает к немедленной реакции, проникая в центры удовольствия или страха, возбуждая серотонино-эндорфино-адреналиновую систему организма. Таким образом, и передача информации, снабженная порциями фaszинации, также была с точки зрения организации поведения гораздо более эффективной и достигающей цели. Во всяком случае, огромный период исторического развития человечества с информационным дефицитом и голодом (недостаточность достоверных знаний о природе и обществе) был, по-видимому, заполнен эффективно организующей фaszинативной коммуникацией: она преобладала над информационной.

Б. Поршнев, который обошел своим вниманием феномен фaszинации, высказал гипотезу о генезисе коммуникации у прачеловека, в которой фaszинация могла бы занять центральное место. Согласно Б. Поршневу, “слово” возникло как инструмент “приказа”, от выполнения которого невозможно было уклониться. Этому, по его мнению, соответствуют и данные лингвистики о наибольшей древности среди частей речи именно глагола, а из существительных – имен собственных (возникших как знаки запрещения трогать, прикасаться). Одна особь “принуждала” другую к выполнению чего-то противоречащего (противоположного) сигналам, подсказанным ее сенсорной сферой: в противном случае в возникновении этого механизма не было бы никакого биологического смысла. “Слово”, которое было “в начале”, являлось носителем принуждения, а не смысла, не обозначения. А чтобы принуждать, слово должно было обладать качеством суггестии-фaszинации, как слово “спать” в устах гипнотизера, использующего фaszинативный гипноз. Оно должно было обладать, по мнению Б. Поршнева, “роковым” действием (347, с. 422–435, 443–445). Кажется, Б. Поршнев привел в качестве примера “рокового” воздействия оглушающее влияние на мужчин женского сексуального кокетства, которое исключительно фaszинативно и иным быть попросту не может.

Фaszинаторная интенсивность сигналов вообще является, по-видимому, одним из существенных коммуникативных фaszторов подавления и суггестии. Так, суперсуггестивен вожаk стада или стаи. Подростки-самцы у обезьян следят исключительно за вожаком, буквально впитывают в себя все его повадки и сигналы, имитируя их. Известен феномен “следования за вожаком”, при котором стадо может последовать за вожаком хоть в пропасть. Его используют многие восточные народы. Так, часто стадо овец

ведет на бойню старый опытный козел, имитирующий вожака, которого и держат для этой роли. Сезонные перелеты птиц начинает всегда опытный вожак стаи.

К этому следует добавить результаты открытий “лидерского” суггестирующего действия на соматическую энергетику и запах животных гормонов норадреналина и серотонина. Животные распознают потенциального лидера по исходящему от него “запаху” гормона агрессии – норадреналина. У тех, чье сердце, как образно говорят в народе, уходит в пятки при малейшем намеке на опасность, происходит выброс в кровь другого гормона – адреналина. Его называют гормоном страха и тревоги. Как и в мире животных, робкий человек в момент опасности также выделяет адреналин, а смелый и решительный – норадреналин.

Оптимальное содержание в организме другого гормона – серотонина, гормона двигательной энергетики, уверенности, оптимистического настроения и радости, формирует тот вид животного, который воспринимается другими животными как доминантный, лидерский, и ему добровольно уступают высокую ступень в иерархии. Это было проведено в эксперименте на обезьянах верветках: когда низкостатусному животному при помощи флуоксетина (“Prozac”) вводили высокую концентрацию серотонина, оно как по мановению волшебной палочки перемещалось на высокостатусную ступень, иногда до положения “альфа-доминанта”, причем эту ступень ему отдавали добровольно. Исчезновение высокой концентрации серотонина вновь возвращало его на исходную позицию. Дж. и Л. Палмер пишут по этому поводу: “Доминирующие животные источают ауру спокойной самоуверенности, самоконтроля и целеустремленности. А подчиненные выглядят беспокойными, легко возбудимыми; на их поведение внешние стимулы влияют больше, чем внутренняя целеустремленность. Кроме этого подчиненные проявляют импульсивность (в том числе вспышки агрессии). Более высокий уровень серотонина (а значит – и двигательной активности) у доминирующих особей дает им преимущества в получении ресурсов. У подчиненных снижение уровня серотонина адаптивно, так как уменьшение двигательной активности позволяет беречь энергию в связи с ограниченным доступом к еде. Более того, это торможение способствует снижению частоты потенциальных конфликтов с “вышестоящими” особями. И наконец, низкий уровень сопровождается состоянием повышенной бдительности, что позволяет подчиненным отслеживать поведение потенциально опасных сородичей высокого ранга” (328).

Поскольку содержание серотонина обусловлено естественно-биологическими факторами и у каждого животного оно индивидуально, происходит их статусное структурирование часто без какой-либо особой агрессивности. Животные с низким содержанием серотонина выглядят не столь энергичными, даже несколько вялыми, они уступают лидеру в его желаниях и как бы берегут свои нервы и шкуру, что эволюционно опять же и целесообразно, и полезно для всей иерархии, разве что только мучительно для “подонков”. Узнавание статуса происходит не только по соматической энергетике, отражаемой во внешнем виде животного, но и по его особому запаху. Можно сказать, что лидеры, вожаки, доминанты прекрасно, даже надменно выглядят да к тому же еще и возбуждающе привлекательно пахнут. Это как раз и становится сигналом фaszинации и одновременно суггестии. В этом же, как мне кажется, и содержится один из секретов феномена харизмы вожаков не только у животных, но и у людей. В человеческом обще-

нии добавляется еще фaszинация мощи интеллекта, духа, целеустремленности, которые усиливают соматическую и нейропсихическую фaszинацию, проявляя ее в особом чарующе-повелевающем голосовом тембре, блеске глаз, уверенной осанке, суггестивном взгляде и оригинальной индивидуализации жестов.

Голосой тембр, воспринимаемый правым полушарием, где расположен центр распознавания эмоций и тембральных составляющих голоса, обладает огромными суггестивными возможностями. Есть буквально чарующие тембральные окраски голоса, как бархатный баритон у мужчин или грудное меццо-сопрано у женщин.

Громадна суггестирующая роль секс-идолов эстрады, создаваемых актерами популярных образов из кинофильмов и телесериалов. Они порою буквально с ума сводят молодежную суггестно-ориентированную психику. После фильма “Бабетта идет на войну” миллионы девушек имитировали прическу Брижитт Бардо, которая сыграла великолепно озорную и сексапильную Бабетту. После оглушительного успеха Мерилин Монро точно так же миллионы женщин превратились в “латиновых блондинок”, даже и не подозревая, что сама Мерилин от природы была шатенкой.

Суггестирующая сила популярных образов кино и телесериалов столь велика, что не только дети, но даже взрослые поклонники актеров-исполнителей довольно часто просят дать медицинские советы, скажем, артиста, исполняющего роль врача, обращаются за помощью к артисту-детективу или пишут негодующие письма в адрес артистки, играющей отрицательных “стерв” в мыльных операх. Р. Харрис, анализируя суггестивные свойства средств массовой коммуникации, приходит к справедливому выводу о том, что в их деятельности содержится множество примеров эмоциональной инфекции (*emotional contagion*), посредством которой мы начинаем неосознанно подражать в своей речи и поведении полюбившимся персонажам, как реально существующим, так и вымышленным. Более того, для современности стало характерным, что “объекты подражания намного чаще берутся из телепередач, чем из реальной жизни” (514).

Современная телереклама замечательно эксплуатирует для повышения суггестивности образы популярных актеров и телеведущих, делая фaszинативные вставки с их участием в рекламу зубной пасты, часов, лекарств, средств для похудения и т.п. Когда замечательно фaszинативный Вахтанг Кикабидзе в рекламном клипе показывает целебный циркониевый браслет на своей красивой руке, так и хочется занять такой же. Фaszинация – еще более страшная сила, чем красота!

Фaszинация, суггестия и готовность верить

Суггестивное влияние особенно эффективно с людьми, у которых в подсознании имеется включение “готовности верить”, а таких людей, по мнению Бергсона, большинство. На готовности верить существует театр, кино, телевидение, литература, все ораторские жанры. Весь секрет “готовности верить” заключается, на мой взгляд, во всеобщей негласной коммуникативной конвенции “верить сказанному и показанному”, которая заложена в основу человеческой коммуникации и имеет своим филогенетическим предшественником коммуникативную релизерную коммуникацию животных, в которой без “веры в правду” никогда ниче-

го не осуществлялось бы. Ну как может не поверить призывному сигналу самки тот же светлячок?! Все его надежды оставить потомство от себя и только от себя (великий закон эгоистичного гена!) держится, можно сказать, только на этой “вере в правдивость сигнала самки”. Он не может не верить. Он не имеет права не верить. И он летит на сигнал, по пути все сильнее возбуждаясь от предчувствия встречи и наслаждения. Я. Д. Киришенблат приводит такой пример потрясающей “целеустремленности” самцов, летающих на правдивый призыв-сигнал самки: “Энтомологам хорошо известно, что туда, где из куколок выводятся самки бабочек определенного вида, прилетает сравнительно большое количество самцов того же вида, даже если он редок в данной местности. Описан случай, когда за одну ночь возле единственной самки большого ночного павлиньего глаза (*Saturnia pyri*) было собрано 125 самцов, которые после закрытия окна пробирались в комнату через дымоход старой печки” (184, с. 15).

На этой изначальной коммуникативной “вере в правду” можно прекрасно паразитировать, что и делают мошенники в животном мире и человеческом обществе. Р. Докинз приводит такой пример изоэренной обманной стратегии, при которой верящего просто-напросто съедают: “Светляки (принадлежащие к отряду жуков) привлекают брачных партнеров световыми вспышками. У каждого вида есть свой особый рисунок последовательности коротких и более продолжительных вспышек, обеспечивающий узнавание особей своего вида и тем самым предотвращающий пагубную гибридизацию. Подобно тому, как моряки выматривают световые сигналы определенного типа, исходящие от нужного им маяка, так и светляки ищут закодированное в световых вспышках послание особей своего вида. Самки, принадлежащие к роду *Photuris*, “обнаружили”, что они могут заманивать самцов рода *Photinus*, имитируя световые сигналы, специфичные для *Photinus*. Заманив таким обманным путем самца *Photinus*, самка *Photuris* съедает его” (134). На фaszинаторной сигнальной мимикрии основаны многие изобретения-приемы “подсадных приманок” у рыбаков и охотников. Используются аналогичные приемы и для уничтожения разного рода сельскохозяйственных вредителей. Фармакологи ищут эффективные фaszинации для отпугивания или уничтожения инфицирующих болезни вирусов и бактерий.

Готовность верить, казалось бы, настолько опасна, что выгоднее никому не верить. Но представим себе это всеобщее коммуникативное неверие в правдивость содержания сигналов, и в первую очередь чарующих, сулящих наслаждения и удовольствия. Легко сделать заключение, что вся коммуникация полетела бы в тартарары и остались бы блуждающие в пространствах планеты обреченные на гибель животные-одиночки. Верить все же эволюционно надежнее и целесообразнее. Для этого и изобретена коммуникация как способ тактильного и дистантного взаимодействия дискретно организованных живых существ (подробнее об этом в разделе “Закон актуального демонстрирования тела и внешнего облика”). Нейроструктуры имитации, нейрозеркальности обеспечивают эмоциональное подключение к чужой соматике и психике, а, значит, подкрепляют негласную коммуникативную конвенцию о понимании и вере.

Совет психологов жертвам потенциального насилия гласит “пытайтесь заговорить с насильником, вызвать его на диалог”. Совет очень верен именно в силу заложенного в человеческой коммуникации феномена отклика-веры. Разговорить человека – значит проложить путь к его суггестии, сделать первый шаг к возможному взаимопониманию, симпатии и...

манипулированию. Криминалистическая практика знает немало случаев предотвращения насилия находчивыми девушками, сумевшими разговорить насильников.

Другое дело, повторюсь, что это великое свойство нейрофизиологии и психики “верить” может быть обращено также и во зло. Это с все большим размахом происходит в современном обществе, придумавшем растлевающие, самоубийственные технологии манипулирования сознанием, приводящие к массовой шизофренизации “верящего” населения. А искусством “заговаривания” с последующим “отъемом денег без насилия”, рекомендованным великим манипулятором Остапом Бендером, прекрасно владеют цыганки, профессиональные мошенники и донжуаны.

ГЛАВА II. МЕХАНИЗМЫ ФАСЦИНАЦИИ

Функции фасцинации

Проведенный анализ дает, как мне кажется, основания для выделения функций, важнейших характеристик и механизмов фасцинации.

Р. Докинз определил коммуникацию как лучший и эффективный способ адаптации организмов – “генных машин выживания” к надежному продолжению жизни. В “Эгоистичном гене” он пишет: “Можно говорить о коммуникации одной машины выживания с другой, когда первая оказывает влияние на поведение второй или на состояние ее нервной системы. Это не такое определение, которое мне хотелось бы сохранить на долгое время, но оно вполне пригодно для наших нынешних целей. Под “влиянием” я имею в виду прямое каузальное влияние. Примеров коммуникации предостаточно: пение птиц, лягушек и сверчков; виляние хвостом и вздыбливание шерсти у собак; “улыбка” у шимпанзе; жесты и язык у человека. Многие действия машин выживания способствуют благополучию их генов косвенно, через воздействие на поведение других машин выживания. Животные затрачивают много усилий, чтобы сделать эту коммуникацию эффективной. Пение птиц очаровывает и озадачивает людей на протяжении многих поколений. Я уже говорил о еще более затейливой и таинственной песне горбатого кита, с ее широчайшим диапазоном, охватывающим все частоты – от инфразвукового грохотания до сверхзвукового писка, включая область частот, воспринимаемых человеком. Медведки поют, сидя в норке, которой они придают форму раструба или мегафона, усиливающего громкость почти до трубной. Пчелы танцуют в темноте улья, сообщая таким образом другим пчелам точные сведения о направлении, в котором следует лететь за кормом, и о расстоянии до него – искусство коммуникации, с которым может соперничать только человеческая речь” (134).

Фасцинация, как я предлагаю ее понимать, изобретена эволюцией для оптимизации коммуникации в тех ситуациях, когда требовалось неукоснительное исполнение программ к выживанию и продолжению рода. Филогенетически первой и важнейшей функцией фасцинации, которая, собственно, и вызвала ее появление как феномена, является поэтому **функция эффективного управления поведением живых существ в условиях неопределенности и абсолютной настоятельности избыточно мотивированного поведенческого выбора**. Так действуют все “ключевые сигналы-стимуляторы” (релизеры) у животных, а они не могли бы реализоваться без фасцинации. Эти сигналы повелевают, приказывают, причем требуют и детерминируют неукоснительное исполнение в рамках генетической видовой программы. Так и только так, уклонение или существенное искажение требуемой реакции равносильно смертному приговору (часто в буквальном смысле, еще чаще – как неизбежный итог отторжения, изгнания, выключения из коммуникации). Фосфоресцирующее призывное мигание самки светлячка не может быть проигнорировано нормальным светлячком-самцом. Вид сексапильной женской фигуры с дозволенным современной культурой эротическим оголением не может не вызвать в организме мужчины соответствующего физиологического отклика (что, как предупреждают психофизиологи,

становится опасным для здоровья мужчин предпозилового и пожилого возраста).

Образно-сигнальное клише-повеление и побуждение к выполнению действий, которые приведут к удовольствию (все равно – реалистическому или мнимому) или уберегут от опасности (все равно реалистической или иллюзорной) – вот ядро фасцинаторной коммуникации. Фасцинация – это приказ, суггестивное повеление к действию.

Как я отметил выше, Б. Ф. Поршнев высказал оригинальную гипотезу о суггестивно-приказной роли праязыка и контрсуггестивной роли членораздельной речи. Первобытные люди не объясняли друг другу что к чему, что и почему. Они в этом еще не нуждались. Зато остро необходимы были сигналы призыва к действию и подавления ненужной инициативы. В первую очередь это необходимо было, как в любых социальных иерархиях, тем, кто властвовал, был доминантом. А объяснять, излагать доводы и аргументы – это уже контрсуггестия, позднее изобретение рода человеческого, противостоящее суггестии. Она-то и связана, по мнению Б. Поршнева, с развитием членораздельной понятийной речи. Речь – максимальная контрсуггестия и минимальная суггестия. Взгляд этот спорен, но оригинален и интересен. Во всяком случае представляется бесспорным тот факт, что аргументация, и тем более критическая, гасит суггестию и фасцинацию. В самом начале истории царствовала коммуникация средствами суггестивно-фасцинаторного воздействия. Она была уже значительно богаче биологической, но еще не речевой, а образно-сигнальной. Человеку страшно – он кричит. Испытывает восторг – тоже кричит, но по-другому. И тот и другой крик все воспринимают точно и реагируют на него столь же точно. Добавьте к крику объясняющие слова, и, вполне вероятно, его воздействующая фасцинирующая сила мгновенно улетучится.

Следующая функция фасцинации – **мобилизующая на активное действие**. В этом аспекте фасцинация – это возбуждающий стимул, мощная мотивация на достижение удовольствия. В крайних и наиболее адекватных формах эта функция проявляется в любви и наркомании. Можно сказать, что это функция провоцируемой страстности поведения при достижении ожидаемых, прогнозируемых, ставших привычкой удовольствий и вызываемых ими эмоций, а также оптимального спасения от прогнозируемых или уже реально подступивших опасностей.

В этом отношении фасцинацию можно представить себе как выстрел стартового пистолета, приводящего в максимальное напряжение-действие весь потенциал организма. Как эффектно описал К. Лоренц, влюбленный гусак – это нечто совершенно иное, чем вчера еще этот же самый гусак, но еще не влюбленный: “Со мной случилось, что я буквально не узнавал хорошо знакомого гусака, если он успевал “влюбиться” со вчера на сегодня. Мышечный тонус повышен, в результате возникает энергичная, напряженная осанка, меняющая обычный контур птицы; каждое движение производится с избыточной мощностью; взлет, на который в другом состоянии решиться трудно, влюбленному гусаку удается так, словно он не гусь, а колибри; крошечные расстояния, которые каждый разумный гусь прошел бы пешком, он пролетает, чтобы шумно, с триумфальным криком обрушиться возле своей обожаемой” (245, с.257–258.) Выстрел – это сигнал-Образ-фасцина: полубившаяся гусыня для гусака, кокетливо призывной сигнал обаятельной женщины для мужчины, предупредительный сигнал взлетевших и прокричавших птиц о приближении леопарда для павианов.

И, наконец, еще одна функция, сугубо социальная и социализаторская, – **пробуждать мажорные чувства единения и единства**. Именно преимущественно мажорные, но никак не минорные.

Социально-коммуникативен и фасцинативен уже импринтинг у животных. В основе импринтинга лежит память на первичную фасцинацию, которая впечатывается в память на всю жизнь. Все, что впервые, что является новым, особенно неожиданно новым, волнует и запечатлевается в эйдетической памяти. Эволюционно это крайне полезно и потому надделено сильной положительной эмоцией. Импринтинг формирует чувствование родства и переживание родного. Поэтому так прекрасно все то, что запечатлелось в первые мгновения жизни хоть гусенка, хоть человеческого ребенка, даже если оно и безобразно. Это может быть все что угодно, даже волнующий гнилостный запах!

У человека социальная фасцинация приобретает массовые ритуальные и праздничные формы. Удовольствия и наслаждения праздника – одни из самых фасцинативных человеческих удовольствий. Я бы назвал эту функцию фасциации – фасциацией коммунитас. Она абсолютно характерна для первобытного общества и это можно видеть в образе жизни всех примитивных племен, слитых в своем бытии с формами массовой фасциации: красочными трансовыми ритуалами, хоровыми песнопениями и танцами, коллективными обрядами и т.д. Древние греки и римляне требовали зрелищ и любили праздники. Современное общество настолько усложнило и разнообразило эту социализаторскую функцию фасциации, что погоня за ее услаждающим потреблением становится своеобразной коммуникативной наркоманией: люди уже не могут жить без разного рода массовых шоу, карнавалов, шумных массовых увеселений, фейерверков, зрелищ, фестивалей. Им без всего этого просто-напросто... скучно жить.

Без фасциации нет праздника и веселья. Фасцинация в этой своей ипостаси – убийца скуки.

Важнейшие характеристики фасцинативного сигнала

Не в игрушки же играть появляется на свет живая особь! И если она использует фасцинацию и фасцинативные сигналы, то это включено в ее жизненные актуализации, направленные на удовлетворение потребностей. Демонстрационная сигнальная фасцинация наилучшим образом обеспечивает любой живой особи оптимальность коммуникативных контактов и взаимодействий. А чтобы фасцинативные сигналы действительно достигали цели, они эволюционно надделены определенными качествами. Вот эти качества:

1. Яркость, красочность, заметность.

На эту сторону демонстрационных ключевых сигналов обращают внимание все без исключения этологи, начиная с Ч. Дарвина. Потребности эффективной коммуникации приводят к такому вычленению признаков телесности и ее функций, как считает Н. Тинберген, которые делают все, чтобы “сигнал стал более заметным и легче распознавался” (432). Р. Шовен в связи с этим отмечает, что “сигнал гипертрофируется настолько, что начинает привлекать внимание хищников. Обычно сигналы атаки и дружеского сближения резко различаются, не позволяя возникнуть путанице.

Они сильно различаются также у разных видов, хотя в отдельных поведенческих актах может наблюдаться большое сходство (так, многие птицы, гнездящиеся на земле, “волочат крыло” перед преследователем)” (462, с. 40).

У многих животных, особенно у птиц подобная красочная экипировка доходит до такой степени изощренности, что граничит с жертвенностью. К. Лоренц в связи с таким развитием сигнализации пишет: “Если мы обнаруживаем у самцов преувеличенное развитие пестрых перьев, причудливых форм и т.п., то можно сразу же заподозрить, что самцы уже не сражаются, а последнее слово в супружеском выборе принадлежит самке и у кандидата в супруги нет ни малейшей возможности “обжаловать приговор”. В качестве примера можно привести райскую птицу, турухтана, утку-мандаринку и фазана-аргуса. Самка аргуса реагирует на громадные крылья петуха, украшенные великолепным узором из глазчатых пятен, которые он, токуя, разворачивает перед ее глазами. Эти крылья велики настолько, что петух уже почти не может летать; но чем они больше — тем сильнее возбуждается курица. Число потомков, которые появляются у петуха за определенный срок, находится в прямой зависимости от длины его перьев” (245, с. 59).

2. Экспрессия и высокая энергетика.

Фасцинирующий сигнал не бывает и не может быть вялым, тщедушно-невзрачным. Его предназначение — обратить на себя внимание, вызвать ответную реакцию. Значит, кроме своей “картинности”, он добавляет в демонстрирование еще и энергию преодоления. Это могут быть зычные (трубный зов оленя, рык льва) или высокого тона звуки (заливистые птичьи трели), энергичные прыжки, пируэты, позы, интенсивные запахи, прошибающие пространства, яркие световые вспышки и разряды. Все они объединяются качеством высокой энергетикой. И. Седлецкий, наблюдая преднерестовое поведение цихлид, так описывает ритуал ухаживания самца за самкой: “... чернополосые цихлазомы могли очень часто повторять акты в следующей последовательности: боковая демонстрация тела партнеру, подрагивание головой, дрожание тела и импровизированные удары хвостовым плавником. В переводе на человеческий язык это означает: “Посмотри, как я хорош и силен” (386). Но особенно впечатляет длящийся по многу дней подряд гон африканских степных козлов, энергетические затраты у которых столь велики, что добившись сексуального результата, они, истощенные и изможденные до крайней степени, падают и умирают. Но во имя продолжения рода!

3. Избыточность.

По всем параметрам фасцинирующий сигнал обязан быть избыточно экипирован, чтобы достигаемость его была стопроцентной и никакой иной. Избыточность значит чрезмерность, сверхобеспеченность. В яркости окраски и свечения, в энергетике и экспрессии, в том, что я назвал бы навязчивостью, проявляемой в ритмических повторениях, бесконечном продуцировании, пока демонстратор не добьется контакта.

4. Гармония.

Фасцинирующие сигналы почти всегда представляют собой маленькие симфонии, конструкции из нескольких составляющих: пластики тела, звучания, ароматизированная. Все эти составляющие, с одной стороны, позволяют достигать видовой сигнальной дифференциации, что очень важно для сосуществования близких видов, с другой

стороны, создают дополнительную надежность и избыточность. Но чтобы эта дополнительность стала действительно сигнально-продуктивной, не какофоничной и хаотичной, эволюция придумала сигнальную гармонию, то есть такое сочленение элементов, которые образуют стройную симфоническую конструкцию. Это особенно хорошо прослеживается в цветовой и звуковой гармоничности у птиц и летающих насекомых. Сигнализация у некоторых видов достигает уровня художественных композиций, как в танцах журавлей или демонстрационных полетах ястребиных и голубей. Демонстрационные композиции, созданные эволюцией, у некоторых видов поразительны. Так, птичка из семейства шалашниковых (*Ptilonorhynchidae*), обитающая в Австралии и Новой Гвинее, строит “дом свиданий”. Самец создает удивительный по красоте шалашик. И, главное, это не гнездо, где поселится его избранница, а исключительно место свидания, демонстрация своей искусности перед возможной партнершей. И не одной. Шалашник, в зависимости от вида, выбирает себе определенный материал для строительства. Это могут быть и ветви, и хитро сплетенные травинки. И даже косточки. Пятнистый шалашник собирает небольшие выбеленные кости мелких животных! Большинство шалашников как истинные эстеты и ценители прекрасного понимают, что даму привлечет не форма и архитектурные изыски, даже не размер (иногда “дома” достигают трех метров в высоту), а декор. Самец тащит в “дом” всякие диковинки: ягоды, цветы, ракушки и яркие перья украшают вход и внутреннее убранство шалаша. А если рядом живут люди, то в дело пойдут и бусы, пуговицы, монеты, очки, драгоценности – все, что плохо лежало и привлекло внимание птицы, охваченной творческим порывом. Шалашники любят работать с цветом. Атласный шалашник из Австралии отдает предпочтение голубому. В дело идет все голубое: жуки, перья, цветы, бутылочное стекло, пробки, лоскутки. Он даже может раскрасить свой “дом свиданий” в голубой цвет. Для этого понадобятся синие ягоды и волокнистый стебель, которым шалашник орудует как кистью. Работа закончена. Самец сидит на пороге и ждет свою незнакомку. А вот и она (ее привлекает только тот цвет, который использует самец ее вида). Но для начала она посмотрит представление, устроенное в ее честь, и подумает, все ли ее устраивает. А самец танцует, поет, подражая голосам других птиц, кошки или человека. Самке понравилось, она входит в шалаш и покоряется соблазнителью. А потом улетает устраивать свою жизнь самостоятельно. А наш художник-строитель остается, ждет следующую незнакомку... В таких случаях говорят – “как в кино”. А это фaszинативная сигнализация конкретного живого вида.

О человеке и говорить не приходится: почти вся фaszинаторная сигнализация у человека формировалась с древнейших времен по законам красоты и гармонии, высшим творением которых является музыка, этот вид абсолютной фaszинации по мнению Ю. Кнорозова (399). Знаки-татуировки, казалось бы, выполняют у этносов, их практикующих, сугубо социально-иерархическую функцию и вовсе не требуют особой эстетизации. Но у тех же полинезийцев и японцев они достигли такого виртуозного исполнения, что стали особым искусством, поражающим воображение. Правда, все же не все сигналы создавались людьми по принципу эстетических канонов. Превращение голов в почти квадратные коробки или уродование женских ног у древних китайцев как-то не поднимается перо записать в разряд изящных искусств. А ведь

это были самые что ни на есть Образы-фасцины! Как и выбитые или подпиленные задние зубы или вытянутые с помощью насадки колец женские шеи – до 40 см!

5. Индивидуализация.

Поскольку сигнализируют друг другу не виды, а особи, с их индивидуальными интересами и запросами, то, чтобы быть услышанными, увиденными, распознанными и выделенными из ряда организмов-аналогов, они индивидуализируют свои сигналы, тем самым усиливая и подчеркивая свою телесно-функциональную природную индивидуальность. Это особенно рельефно проявляет себя у певчих птиц с их индивидуализацией мелодии и индивидуальным росчерком-подписью в конце. К. Лоренц пишет, что у многих птиц “по пению можно очень точно определить, насколько силен поющий, – возможно, даже и возраст его, – иными словами, насколько он опасен для слушающего его пришельца. У многих птиц, акустически маркирующих свои владения, обращают на себя внимание значительные индивидуальные различия издаваемых ими звуков. Многие исследователи считают, что у таких видов может иметь значение персональная визитная карточка. Если Хейнрот переводит крик петуха словами “Здесь петух”, то Боймер – наилучший знаток кур – слышит в этом крике гораздо более точное сообщение: “Здесь петух Балтазар!” (245, с. 51). Индивидуальным росчерком заканчивает свои трели зяблик.

6. Повелительность, императивность.

Фасцинаторный сигнал – это приказ к действию, особенно при опасности для жизни. Некогда рассуждать, сомневаться, надо действовать так, как уже закреплено в древних мозговых структурах, отшлифованных эволюцией. Так руководит организмом “эмоциональный мозг”. Сознание подключается чуть позже, если этот организм – человек. Даже, казалось бы, такие мягкие и альтернативные формы сигнализации как ритуальные ухаживания у птиц (те же танцы), при более пристальном взгляде проявляют свою повелительную энергетику, навязывание. У многих видов пресмыкающихся и млекопитающих фасцинация ухаживания носит довольно агрессивный характер побуждения: удары, покусывание, прижимания, ограничение движений и т. п. В ритуальных турнирах самцов у змей идет самая настоящая повелительная силовая борьба. Без кровопролития.

Настройка полов к сексуальному контакту бывает довольно замысловатой. Наличия тела и пола недостаточно. Необходима еще готовность тела и психики к сексуальному контакту и коитусу. У рыб самка или самец настраивают партнера, если он еще не созрел до сексуальной контактности: демонстрируют агрессивность, нападают, толкают в бок или даже покусывают. Эта агрессивно-театральная задиристость является своеобразным спектраклем возбуждения страсти. Самцы млекопитающих (зебр, антилоп и др.) часто трогают самок копытами или рогами. Подобная показательная демонстрационная агрессивность, иногда почти насилие, одновременно и повелевает, и возбуждает. В ухаживании юношей и девушек всегда в ходу заигрывания: толчки, шипки, шуточное обнимание и т. п. Из сексологии и сексопатологии известно, что есть достаточно много женщин, которые любят, чтобы мужчины во время сексуального “разогрева” применяли к ним некоторое насилие, иногда до чувства боли. Без этого у них невозможен оргазм.

Фасцинаторные сигналы опасности и угрозы всегда императивны и другими не могут быть.

7. Театральность, ритуализм.

Очень часто фасцинация развернута во времени и пространстве, долговременна. Таким проявляет себя, в частности, так называемый гон у многих козлиных. Но можно привести в качестве образца также те же танцевальные сигналы, долгие демонстрационные полеты, демонстрационное строительство у некоторых видов птиц самцами гнезд и домиков, предьявляемых самкам для выбора самого искусного самца, красование хвостами у райских птиц и павлинов. Все такого рода сигналы приобретают форму яркого и экспрессивного ритуала, почти театра. В этом особенно хорошо можно убедиться, наблюдая танцы японских журавлей. Журавли эти, прежде чем начать танцевать, издают протяжные и приятные звуки, затем кланяются друг другу, хлопают крыльями и начинают прохаживаться, с каждой минутой убыстряя темп. И вдруг замирают один против другого. А потом снова мчатся, то замедляя, то убыстряя темп. Время от времени они подсакаивают, иногда высоко – до двух метров. Во время одного из прыжков они почти прижимаются друг к другу, медленно планируя, опускаются на землю. После этого танец обычно прекращается. Но может возобновиться. И опять партнеры кружат, подсакаивают, неожиданно замирают, устремив клювы вверх. Снова кружат, подбирают по пути какие-нибудь щепочки или прутики и высоко подбрасывают их. При этом каждое движение птиц исполнено изящества и грации. Танцуют журавли, как правило, парами. Но может быть танец и коллективным, и полуколлективным – танцующая пара заражает других птиц, и они, наблюдая за танцующими, делают несколько па или тоже пускаются “в пляс”. Ф. Достоевский не без ехидства и сожаления называл танцы людей, имея в виду балы, животным ритуалом для спаривания. Доля истины в этом, безусловно, есть, если рассматривать танцы не только как форму социального общения, но и как возбуждающе-сексуальную фасцинацию. Иначе бы праздничных и досуговых танцев во всех их разновидностях не было бы.

Слова и фразы, выражающие фасцинаторные аффекты

К. Лоренц высказал следующее мнение о пользе наук прислушиваться к речи: “Наш естественно возникший язык выражает глубокие психологические связи с чуткостью, столь же заслуживающей доверия, как интуиция ученого, наблюдающего животных, и мы можем принять – пока в виде рабочей гипотезы, – что каждому из этих слов, обозначающих душевные состояния и установки человека, соответствует реальная стимулирующая система; для начала не важно, в какой мере тот или иной стимул черпает свою силу из филогенетических или культурных источников. Мы можем допустить, что каждый из этих стимулов является звеном упорядоченной, гармонически работающей системы и в этом качестве необходим”, и еще: “вспоминается старая мудрость, которую так часто подчеркивал Фрейд, что именно обиходная речь обладает надежным и верным чутьем к глубочайшим психологическим взаимосвязям” (245, с.272). Советовал прислушиваться к обыденному языку и М. Хайдеггер, отмечая, что никакая наука не угонится за естественным языком в улавливании нюансов реальных явлений жизни.

Я попытался собрать в некий “гlossарий” те слова и фразы русскоговорящих, которые сопровождают эффекты фасцинации. Вот они:

С ума сойти!
Ужасно нравится!
Страшно понравилось! Хочу еще! (соединение в одной фразе “страха” и “удовольствия” очень симптоматично для характеристики фиксации)
Дико нравится.
Я потрясен!
Загляденье.
Шок!
Как магнитом тянет, спасу нет.
Шик!
Обмерло все внутри.
Умереть можно.
Сердце замерло.
Память отшибло.
Встал как вкопанный.
Обомлел (а)
Оторопел.
Остолбенел.
Оцепенел.
Онемел.
Мороз по коже.
Мурашки по спине.
Сердце остановилось.
Сердце похолодело.
Сердце замерло.
Дыхание перехватило.
Дух перехватило.
В жар бросило.
Свет клином сошелся.
Как молнией поразило.
Поразила в самое сердце.
В голове загудело.
В голове помутилось.
В глазах помутилось.
Коленки подкосились.
Гул в голове.
Гвоздем в голове засело.
Искры из глаз.
Голова закружилась.
Волосы дыбом встали.
Увидел и все сразу забыл.
Околдовал – двинуться не могу.
Загипнотизировал.
Дар речи потерял.
Увидел и обалдел.

Последний ум отшибло.
Кровь в голову ударила.
Как током ударило.
Стрелой пронзило.
Дьявольски хороша!
Язык онемел.
Язык отнялся.
Бальзам на душу.
Сладкий голос.
До чертиков приятно.
Сногшибательно!
Первый раз такое вижу.
Несравненно!
Невероятно!
Даже не верится, что такое может быть.
Я теряю сознание, я умираю!
Не могу отказаться – это выше моих сил!
Ослепительно хороша.
Фантастика!
Дух захватило.
Убийственная красота.
Ошалел.
Обалдел.
Я цепенею!
Не налюбуюсь!
Смотрит как зачарованный.
Еще раз увидеть и умереть.
Слюнки текут.
Пальчики оближешь.
Во рту тает.
Как во сне.

Глаз не оторвать (физик академик Л. Ландау этими словами обозначал в своей замечательной классификации самых восхитительных женщин)

Фразеологический словарь фасцинации ждет своего В. Даля – на всех языках. Он, конечно же, будет значительно более широк, чем представленный мной.

Признаки фасцинаторного действия

Поскольку сигналы фасцинации направлены на активное повелевающее действие и ожидание ответной реакции, логично рассмотреть те признаки, в которые выливаются фасцинаторные воздействия у их адресатов. Я выделяю следующие важнейшие признаки, часть из которых могут рассматриваться как симптомы.

1. **Волнение** (взволнованность): в улаждающе-чарующей фасцинации – восторженное, а в устрашающе-шокирующей – паническое. Волнение в зависимости от ак-

туализованного вида поведения, сигнала, потребности и прогнозируемого наслаждения перерастает в соответствующие аффекты – от легких форм романтической эйфории до экстаза или от легкого испуга до цепящего ужаса.

2. **Оглушенность.** Гул в голове, спутанность сознания – до паники, до погружения в транс, до полугипнотического состояния. И всегда погружение в суггестивное состояние. Этим пользуются гипнотизеры в технике внезапного погружения в гипноз при рауш-гипнозе.

3. **Шок**, ступор, оцепенение при ужасе.

4. **Сброс критичности.** При воздействии фасцинации включается, можно сказать, на полную мощь древняя лимбическая система, “эмоциональный мозг”, а также вброс гормонов тревоги, волнения, радости (норадреналин, адреналин, эндорфины, дофамин и др.); организм захлестывает волна аффектов, что неизбежно подавляет, а иногда и полностью отключает высшие корковые функции, связанные с логическим мышлением и смысловой критичностью. Эта функция мозга “сбрасывается” с активности, тормозится. Поэтому человек при переживании бурного восторга или паники совершенно порою обезумевает, теряя ясное сознание. Этот комплекс эмоциональных, нейрофизиологических и гормональных состояний создает тот феномен, который получил наименование “суженное сознание”. В суженном, то есть неполном, зашоренном, искаженном сознании, конечно же, нет места ни логике, ни адекватной критике.

Волнение, эмоция и стресс составляют внутреннюю сторону процесса фасцинации. Сигнал почти мгновенно сливается с реакцией, с нейрофизиологическим и гормональным субстратом. Вид красавицы, да не дай бог хотя бы где-то обнаженной чуть-чуть, в тот же миг производит вброс в организме мужчины адреналина и тестостерона. Выпрямляется стан, выдвигается грудь, дыхание становится глубоким и порывистым, глаза начинают блестеть, а во взволнованном голосе слышится сексуальный тембр. Налицо то, что называют психофизиологической реакцией. Как подчеркивает Р. Хайнд, эмоция-реакция и эмоция-мотив-стимул слиты и почти неразличимы (513). Весь спектр реакций (эмоций и психофизиологических состояний), связанных с действием очаровывающей или фрустрирующей фасцинации, можно представить в следующем перечне:

Концентрация внимания.

Удивление.

Любопытство.

Острый интерес.

Радость.

Восхищение.

Восторг.

Экстаз.

Транс.

Шок.

Физиологическое удовольствие.

Физиологическое наслаждение.

Блаженство.

Эйфория.

Испуг.

Страх.

Ужас.

Ступор.

Паника.

Обморок.

Отключение сознания (при оргазме у некоторых особо чувственных женщин, при шокирующем испуге).

Галлюцинации.

Озарение.

Просветление.

Функциональные черты и механизмы фасцинации

Во всех приведенных примерах коммуникативных воздействий информация отходит на задний план или даже почти полностью отсутствует, а на первый план выступает фасцинация. Приводимые примеры, – а подобных примеров можно привести множество, в том числе и из человеческого поведения, – как нельзя лучше раскрывают два базовых качества фасцинации: а) очаровывание, обольщение, вплоть до гипнотическо-одурманивающих форм и эмоционального экстаза; б) наведение испуга, страха и ужаса, вплоть до состояний шока и оцепенения.

В обеих своих качествах-ипостасях фасцинация вызывает следующие психофизиологические процессы в организме и психике.

1. **Мгновенная концентрация внимания**, быстрое формирование доминанты внимания, а также интереса, удивления и любопытства.

В этом отношении очень показательна реакция на новизну и неожиданность. Любой резкий сигнал в этом смысле фасциативен, так как неожидан, разрывает обычную и привычную структуру ситуации, течение событий и тревожит. Неожиданный громкий стук, хлопок, свист и т. п. вызывают мгновенную реакцию в виде переключения внимания, настораживания или даже испуга, а значит, адреналиново-стрессовый настрой организма.

Но гораздо более глубокое, до потрясения, воздействие оказывает фасциативный сигнал в его чистом, функциональном качестве как сигнал очарования или утращения.

2. **Мгновенное или стремительное стирание** предшествующих психических состояний, всего того (информационного, эмоционального, психоэнергетического), что содержалось в психике и нейроструктурах до воздействия фасциативного сигнала. На эту особенность фасцинации, как я уже отметил, обратил внимание Ю. Кнорозов. Это как раз то действие, которое обозначают словами “память отшибло” или “ум потерял”. Это стирающее, как ластиком, действие тесно связано с концентрацией внимания и уводит нас в самые глубинные лимбические механизмы фасцинации, так как приводит в движение структуры образования мощного очага возбуждения с одновременным стремительным гашением или отключением всех иных

возбуждений. Как сказал Б. Поршнева, в физиологии высшей нервной деятельности существует закон обратной индукции возбуждения и торможения, т. е. очаг возбуждения в коре мозга необходимо окружается “валом” торможения” вокруг очага возбуждения образуется как бы заглушающий все защитный каркас (347, с. 245–248, 261). Встреча с фасцинацией заканчивается на некоторое время плачевно для мышления и памяти: мышление спутывается или отключается, человек превращается, образно говоря, в возбужденного импрессиониста, которому о том, “что было до того”, потом приходится вспоминать, а бывает и так, что все вылетает из памяти надолго, чуть ли не навсегда. Зато фасциативный сигнал запоминается надолго, часто на всю жизнь. Даже мимолетная, случайная встреча с фасцинацией! И в первую очередь, как я уже отмечал выше, это касается сигналов об опасности и вероятном ущербе здоровью и жизни. Если информация действует постепенно и как бы складывается в поленицу, напластовываясь на уже имеющийся у человека информационный банк знаний и сведений, увеличивая его, но ничего не выбрасывая, то фасцинация действует как молния и все перечеркивает. Именно так – отшибает, оглушает, выхватывает, покоряет, повелевает.

Как происходит сам нейрофизиологический процесс стирания, пока можно только догадываться. Но факт остается фактом (и ждет разгадки) – отшибает, перечеркивает, стирает (Подробнее о стирании в разделе “Нейрофизиология фасцинации”).

3. Повелительная отсылка психики к удовольствию или страху, которые возникают мгновенно с восприятием фасциативного сигнала (радость от фейерверка, страх от вида яростного лица и агрессивного жеста) или сразу за восприятием (слюнки у ребенка при виде шоколадки, оторопь от вербальных сигналов на угрожающем матерном языке). Можно сказать, что фасциативный знак или действие сигнализируют об актуальном удовольствии или опасности, а это и захватывает психику целиком, отбрасывая в сторону все несущественное в момент воздействия сигнала о грядущем актуальном наслаждении или реальной (или показавшейся реальной) угрозе для здоровья и жизни.

К. Прибрам, анализируя результаты знаменитого эксперимента Дж. Олдза на крысах, делает такое заключение: “...я рассматриваю самораздражение мозга как **мгновенное изменение системы регуляции, как такую коррекцию базальных гомеостатических механизмов, в результате которой организм, ощущая временный голод, жажду и т. п., затем быстро испытывает мгновенное насыщение только для того, чтобы повторить цикл еще раз** (выделено мной. - В. С.)” (350, с. 205).

Соблазн наслаждений велик. Но его не было бы без фасцин и фасцинации, которые сцеплены семантически с потребностями и удовольствиями от их удовлетворения, а также со страхами от опасностей и невзгод. Фасцины запускают глубинные чувственно-эмоциональные структуры и механизмы соблазна, прочно соединяя каждую живую субстанцию с миром и другими субстанциями в животрепещущую и животворную магическую связь – образно сигнальную связь фасцины, вожделения и наслаждения или фасцины, опасности и страха.

Фасцины и фасцинация – пусковые эмоциональные заряды жизни, ее взрыватели. Получив фасциативный сигнал, живое существо возбуждается и настраивается на получение наслаждения, удовольствия, комфорта (так действует большинство вку-

совых и сексуально-коммуникативных фасцин), оно начинает вожделеть и жаждать, у него “слюнки текут”, и потому оно испытывает удовольствие и от самих фасцин: красивую женщину можно вожделеть, такова биологическая природа фасцинации ее тела и половых признаков, но им можно и эстетически любоваться как выдающимся образцом телесной красоты. Есть любители женской конторсии, которые маниакально пристрастились к виду фантастической гибкости обнаженного женского тела, но одни ходят на спектакль, чтобы получить оргазм (фетишисты конторсии), тогда как другие идут восхититься искусством конторсии. Это же можно отнести и к поведению вкусовых гурманов: одни смакуют, другие жрут.

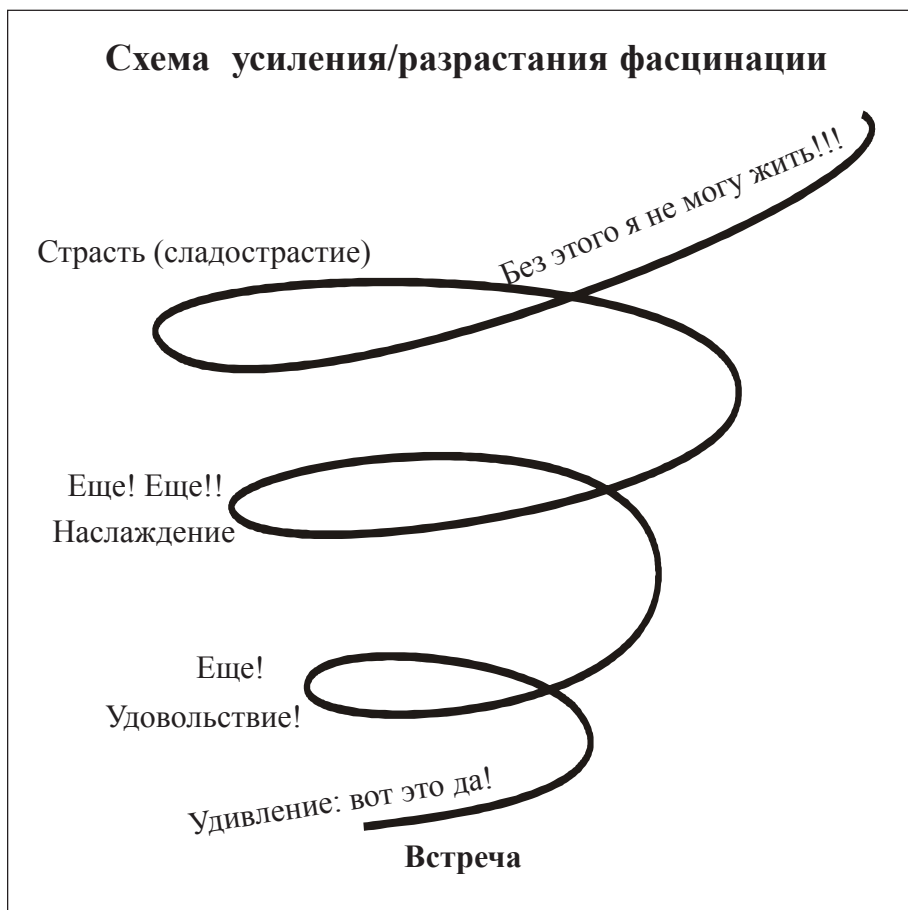
4. **Мгновенный выбор поведенческой реакции** на актуальный фасцинативный сигнал-Образ с отбрасыванием в сторону альтернатив (по К. Прибраму). В этом отношении особенно показательны реакции на врожденные фасцинативные сигналы-релизеры у животных: власть их неумолима и выбор поведенческой реакции часто однозначен, автоматичен. Но чем более сложен биологический вид, тем появляется большая степень свободы выбора и некоторая вариабильность реакций. Это наблюдала Дж. Гудолл у шимпанзе в полевых условиях. Одна самка, постарше, буквально липла к самцам и устраивала очередь к своим гениталиям в дни набухания половых подушек. Другая в этом состоянии выбирала полюбившегося партнера и они уединялись в чаще, появляясь в стаде вновь только после окончания срока высокого полового возбуждения (114). Мессалина и Пенелопа. Вместе с тем – и это здесь необходимо отметить – и та, и другая обезьяны не могли бы даже помыслить, если бы обладали мышлением, чтобы противиться предназначенной природой фасцинации сексуального возбуждения и удовольствия. Фасцинация – часто действует как рок.

Критерии чарующей фасцинации

Кроме глубинных нейрофизиологических и гормональных детерминант волнения, радостного настроения, эмоциональной приподнятости и максимальной психосоматической энергетики, есть еще очень важная психологическая детерминанта этих проявлений. Это то удивительное, страшно субъективное, оптимистическое и ничем не победимое повеление ума и сердца, которое обозначается простым и всем понятным словом “нравится”. Почему ты ешь так много шоколада? – спрашивают ребенка. Он отвечает: “Нравится!” Почему ты ходишь на эти сусальные концерты “Ласкового мая”? – спрашивают шестнадцатилетнюю девушку, плачущую под песни этой группы. Сердито вскидывает ясные глаза: “Нравится!!” “Ну что ты нашел в этой стрижке под дикобраза?” – спрашивают экстравагантного юношу. Отвечает небрежно: “Да нравится мне!” И ничего не надо объяснять и доказывать, к тому же часто и не объяснишь, настолько в голове все смутно. Кроме одного совершенно точного и родного – “Нравится и все!”

“Нравится! Хочется повторить еще и еще!! Жить без этого не могу!!!” – вот он, абсолютный критерий фасцинации! По свидетельству А. Войскунского, именно к такому пониманию критерия фасцинации пришел и Ю. Кнорозов. Отвечая на вопрос о критерии фасцинативности, он отметил “желание и готовность адресата получить сообщение повторно” (87, с. 122). Повторить зачем? Потому, что понравив-

лось, затем, чтобы еще раз испытать ощущение удовольствия и эмоции радости. При этом следует еще раз акцентировать внимание на том, что аффект “нравится” имеет тенденцию к разрастанию и усилению. Так возникают фасцинаторные зависимости, а это, по сути, все человеческие зависимости от неодолимой любви к шоколаду и кофе до сексуальной влюбленности и химической наркомании. Схематически такое развитие “нравится” можно представить следующим образом:

Вот они, критерии: а) удовольствие, б) хочется повторить, в) “ужасно нравится!”

Итак, нравится – хоть тресни! Иногда оно звучит с нажимом и противопоставлением: “А мне нравится!” И декларирующий свою фасцинацию глубоко прав – ведь это его организм вибрирует от удовольствия. Я вспомнил приключившийся со мной забавный случай в поезде где-то в 1987 или 88-м году. На железнодорожной станции в купе впорхнула очень миловидная разговорчивая девушка лет восемнадцати. Выглядела она столь женственно, что вызвала во мне вполне понятное воодушевление.

Разговорились, нудное покачивание вагона уже не раздражало, игривость общения забавляла. И весь этот радостный ажур разлетелся в один миг от пустяка. Поездная бригада включила музыку, и из динамика полились песенки популярного в те годы “Ласкового мая”. Я поморщился. А девушка прикрыла глаза и закачалась в ритм мелодии. Что ж, разница поколений, сказал я себе, и отвлекся чтением какой-то книжицы, которую взял с собой в дорогу. Но вот в репродукторе послышалось совсем другое, я мгновенно узнал любимого Моцарта. Зазвучала увертюра к “Фигаро”. Девушка раздраженно вскочила и, кинув на ходу: “Ну завели нудятину”, – вышла из купе. Я ее уже не любил...

На вкус и на цвет товарища нет. Такова фасцинация, когда она принимает личностные формы. Критерий остается незыблемым и единственным – “Нравится!”. Часто люди живут рядом, но пребывают в разных фасцинативных мирах, время от времени обнаруживая, какие они разные. Созвучие фасцинативных миров неимоверно сближает, различие – разведиляет до враждебности. Таковы, в частности, фанатизмы разного рода.

А попробуйте измерьте само наслаждение от “нравится”. Оно переживается, и оно есть единственный критерий дарящей радость фасцинации. Наслаждение от “Ласкового мая” и от увертюры Моцарта, чем они отличается друг от друга? Ответ на этот риторический вопрос вряд ли возможен, поскольку переживание удовольствия уникально и невыразимо словами. Эпитеты тут не помогут, поскольку вербальное мастерство не коррелируется с эмоциональным языком. Потому что “нравится!”. И хочется испытать (увидеть, услышать, ошутить) еще и еще раз. И все.

Быть может именно потому, что критерий “нравится” предельно субъективен и неизмеряем, он так презираем эстетам во все времена и оттеснен ими в низкие сферы неразвитого художественного вкуса, пошлости и кича. Особенно доставалось всегда народно-мещанской кич-культуре с ее слониками, выстроенными в ритмически уменьшающийся ряд, и пепельницами в форме женской груди. Досталось и художникам-примитивистам, пока их не простили и не причислили к классикам. И эстеты правы: с точки зрения рафинированной художественности “нравится” совершенно наивно и несерьезно. Но ведь они оценивают не фасцинацию, а красоту и художественность, а это принципиально разные дискурсы, хотя у них и есть пересечения: классическая скульптура древних греков была и прекрасна, и фасцинативна одновременно, то есть вызывала и высокие эстетические чувства, и нравилась как образы, вызывающие удовольствие от созерцания вполне земных фасцин. Один древний грек додумался даже совершить половой акт с прекрасной скульптурой Афродиты, за что поплатился изгнанием из полиса. В этом ряду особенно примечателен всенародный культ Афродиты Каллипиги в Древней Греции и Риме с ее прекрасными упругими ягодицами. Не без удовольствия, соединенного с мурашками по коже, я позволю себе вторгнуться в строго охраняемую докторами искусствоведения сферу высокой эстетики, высказав крамольную мысль: все великие художники, воплощая свои гениальные замыслы, думали о том, чтобы результат их творения понравился заказчику и публике (от этого, кстати сказать, зависело и их материальное благополучие!). Противоречие между будоражающей воображение художественной Идеей и капризами публики почти все художники переживали тяжело. На этом пути были и жертвы, и победители. Даже помертные, как Ван Гог и Гоген. Тот же процесс характерен и для фасцинативнейшего

из искусств – музыки во всех ее жанрах, кроме, быть может, этническо-танцевального с его прихлопами-притопами, уходящего корнями в далекие тысячелетия первобытного синкретизма и накрепко спаянного с этнической психикой на глубинном нейрофизиологическом ритмо-мелодическом уровне. Я хочу сказать, что критерий “нравится”, поскольку он спаян с fascinацией, с неизбежностью дает о себе знать и в сфере красоты и прекрасного, пусть и имплицитно, поскольку ни красоты, ни прекрасного, вообще-то говоря, не существует без fascinации. Более того, красота возбуждает всех нас именно потому, что является fascinативным сигналом-стимулом.

Критерий “нравится!” при всей своей демократической привлекательности и доступности таит в себе – благодаря именно этим качествам! – большую опасность профанации и опошления, так как всех делает экспертами, знатоками и нигилистами. То, что мне нравится, каким бы оно ни было нелепым в глазах других, очень легко рационализируется (в фрейдовском смысле) известной поговоркой “на вкус и на цвет товарища нет”. Только “прожив” увлечение, “суженное сознание” очарования, открываются глаза и приходит трезвость. “*Пошло* – это то, что пошло в народ”, – не без сарказма записал Пушкин в своей записной книжке. В самом деле, то, что нравится, нередко нравится как иллюзия, а не объективная красота и может быть пошловато-сусальным. Значительная часть кича всегда вульгарна, хотя и представляет собой по-вальное увлечение и вызывает восторг в массах. Но для того и существует высокая эстетика, чтобы создавать образцы fascinации, которые своим очарованием вытесняют (отгесняют) fascinацию пошлости по все тому же мудрому принципу “лучшее – враг хорошего”. **Не запрет на примитив, а создание образа, вытесняющего из сознания примитив**, – вот единственная возможная критика в сфере культурологической fascinации. Это взаимодействие, по-видимому, вечно для эстетического человеческого развития. Дискуссии о мещанстве и вредности культов массовой культуры тому подтверждение. И именно поэтому так значительна роль эстетов, элитного художественного вкуса и аристократии художественной fascinации, в которую входят творцы, – классики и современники, – а также образцы fascinации тела и поведения, такие, как Мэрилин Монро.

Итак: “Нравится! До чертиков приятно! Хочется повторить!”

Критерий удовольствия является для чарующей fascinации основным – вне удовольствия сигнал не может приобретать качество fascinации (я сейчас отвлекаюсь от второй сферы fascinации – сигнализации опасности), поскольку в нейроструктурах и гормональной системе не образуются цепочки эмоций радости и вожделений. Не образуется и яркого желания повторить. При этом удовольствие может быть как слитым с сигналом (так происходит в сфере действия тактильной fascinации: нежное касание любимого бросает в жар, поцелуй приводит в движение гормональную систему и центр удовольствия), так и отсроченным, содержащимся в fascinативном сигнале как замысел, предвосхищение и предвкушение (воздушный поцелуй, страстный кокетливый взгляд, призывное звучание горна “к обеду!” для проголодавшихся ребят в летних спортивно-оздоровительных лагерях).

Критерии устрашающей fascinации

Критерий устрашающей fascinации противоположен по эмоциональной семан-

тике и накалу: “Избавь меня Бог от повторения!”, если воспринят сигнал тревоги и опасности, возбуждающий в мозгу паническое предчувствие боли и смерти. А также “Никогда больше! Отвратительно! Держись подальше (так птицы облетают стороной ядовитых бабочек и божьих коровок). Лучше не связываться! Только не со мной!” Даже переживание страха-иллюзии, имитирование устрашающих фасцин в играх детей предполагает только отстранение от реальной опасности и проживание ее “как в кино”. Или в игровой форме, как это прекрасно получается у детей. Только в игре! Но в реальности – “Избави Боже!”. Жизнь-то ценнее, чем риск повтора.

Несколько иная картина при любви к так называемой экстремальной фасцинации. Об этом подробнее в разделе “Экстремальная фасцинация”.

Афасцинация

Афасцинация – это отсутствие фасцинации, невыделенность, энтропия коммуникации.

Бытийный мир, за исключением явных фасцинаций, таких как эффектные образы природы, сигналы оптимальной сексуальности, телесной красоты, праздников и музыки во многом афасцинативен. Он серый, часто – скучный.

Следовательно, афасцинативно все, что в данных условиях оставляет социум или отдельного индивида (когда речь идет об индивидуализированной фасцинации) равнодушным. Все серое скучно. Но оно еще и опасно. Для зрения, в частности, опасны серые плоскости, особенно такие масштабные, как стены огромных зданий или асфальтовые дорожные покрытия. Цветной асфальт почему-то не придумали. Хотя, конечно, во всех смыслах приятнее и полезнее тротуары из дорожных плиток мягкой расцветки. Только прочных, не трескающихся уже через месяц-два.

Закон для разведчика и оперативного работника спецслужб – быть незаметным, слитым с массой. Так же вели себя дворяне после революции 1917 г. в России – стать незаметным, атомом, молекулой в броуновском движении масс. Никакого эксклюзива. Боже упаси, если не хочешь стать предметом внимания какого-нибудь яростного и ретивого большевика или доносчика! И. Бунин, П. Сорокин, М. Осоргин, С. Эйзенштейн и другие в один голос, вспоминая о тех годах, пишут, что все тогда бросились переодеваться под серую массу, чтобы не выделяться из нее ни на йоту. Стать серым и незаметным превратилось в прием выживания. О стремлении заключенных не выделяться, слиться с серой массой говорят и бывшие узники немецких концлагерей психологи В. Франкл и Б. Беттельхейн (46). В. Франкл вспоминает об этом так: “Так же, как овцы жмутся к середине стада, так и каждый из нас старался попасть в середину нашего стада. Это давало больше шансов избежать ударов охранников, идущих по обеим сторонам, впереди и сзади нашей колонны. Дополнительным преимуществом находящегося в середине была защита от холодного ветра. Таким образом, стремление буквально погрузиться в толпу было попыткой спасти свою кожу. Это делалось автоматически. Но в других случаях это было вполне сознательным усилием с нашей стороны, соответствующим одному из самых императивных законов самосохранения в лагере: не быть выделяющимся. Мы всегда старались избегать привлечения к себе внимания эсэсовцев”. (493, с. 201)

И, напротив, как только времена меняются и люди освобождаются от тоталитарного контроля с его опасностями для жизни, они стремятся выделяться и стать эксклюзивными, они передеваются в фасцинативные одежды, даже если те и экстравагантны до почти “ню”.

Афасцинацией может стать и то, что еще вчера было суперфасцинативным, когда вступают в действие механизмы привыкания, усталости, насыщения. Это то, что зовется “набило оскомину”. Таков закон ухода из сферы восторженности любимых мелодий, модных платьев и причесок. Мир моды – это смена фасцинации на афасцинацию с последующим возвратом к нефасцинации в стиле ретро.

Чиновник во все века – это прежде всего мундир. И, как следствие этого, футиляр. Инструкции не позволяют, отговаривается он, когда его упрекают в сухости и неэмоциональности. И это в самом деле так: инструкция требует четкого, а главное, бесстрастного исполнения.

Но не только это делает чиновника ходячим футиляром. Не менее трагично для него то, что нельзя: а) высовываться, б) выглядеть хоть в каком-то отношении лучше Начальника. Эта внутренняя дисциплина “дозволенных границ” делает талантливого человека, если только он попал по какой-то причине в чиновничий класс, трагической личностью, рано или поздно обращающейся к зеленому змию как утешителю и психотерапевту. Для других, то есть лишенных каких-либо талантов, кроме более или менее добротных способностей, чиновничий класс – дом родной. И уж особенно привольно в этом классе чувствуют себя “наушники”, прихлебалы, лизоблюды и льстецы. Они-то как правило и становятся свитой Начальника. Для них быть ярким и неординарным все равно что петлю на шею накинуть. Зато согнувшись выполнить со всей старательностью поручение Начальника, или замордовать в волоките гражданина – это и есть для них “класс” и “опыт”. Андрей Платонов в “Граде Градове” нашел великолепную формулу для понимания психологии чиновника. Опытный бюрократ говорит молодому: “Запомни, волокита – это лучший способ прояснения истины”.

Потому чиновник скучен и сер, а сфера чиновничества, обращенная к гражданам страны, антипатична и не вызывает ничего, кроме апатии или содрогания при мысли, что туда надо идти и чего-то “просить”. “Присутственные места” всегда на Руси были пугающими местами.

И тут мы натываемся на парадокс. Чиновничья сфера как часть общества, наделенная “полномочиями” государственной власти, скучна, невыразительна и жалка в своих потугах “выглядеть” (единственное в этом смысле, на что она способна, это натянуть мундир и поскорее повесить очередного императора на стену в своем кабинете). А сама власть как властвование – фасцинативна, и даже может внушать трепет и восторг. Например, власть Деспота, обладающего чертами Дьявола и Бога одновременно.

Чиновник, старающийся изо всех сил быть ярким, притягательным, – белая ворона в чиновничье-бюрократической среде, но никак не правило. В веселье и веселости чиновник, как правило, поднимается разве что до уровня внутриведомственного капустика. Но ему это... “нравится!”

Скучно, скукота, скукотища – вот слова, фиксирующие афасцинацию, отсутствие фасцинации, монотонность, серость, одинаковость, нудятину. Серые стены коридоров в рабочих и студенческих общежитиях СССР сводили с ума не одно поколение.

Серая часть человечества изобрела две великие трансгрессивные выдумки, чтобы вырваться из трясины безликости в мир социальной фасцинации (известности, сверкания, восхищения): плагиат и имитацию. Восхищаясь фасцинацией личности и красоты, оригинальности и чарующей неповторимости, серость ей часто мстит исподтишка, стараясь принизить и уравнять с собой. Это особо отметил еще А. Пушкин, и его тяга многих людей принижать, опускать выдающиеся умы до своего среднестатистического этажа глубоко возмущала. “Нет, – писал он, – они не такие, они лучше, умнее, выше!” Что означает эта сердитая филиппика поэта? Регрессию гениального ума?

Ж. Батай в эссе “Красота” совершенно справедливо отметил: “Чем прекраснее красота, тем сильнее она оскверняется”. К этому можно добавить, что не только оскверняется, но бывает и физически уничтожается: серость довольно часто не может вынести сияния фасцинации и впадает в агрессивную психопатию. Фасцинация требует охраны.

Антифасцинация

Жизнь отнюдь не прекрасна.
Уродство преобладает.
Ж. Ренар

Другое дело антифасцинация. Это такие Образы-сигналы, которые, как и фасцинация, тоже не оставляют равнодушными, но вызывают отвращение, брезгливость или разрушают фасцинацию, как громкое сморкание оратора, до этого прекрасно говорившего и державшего себя перед аудиторией весьма эффектно (трудно поверить, но я был однажды свидетелем такого “ораторского мастерства”). В таких случаях говорят про себя “Какая гадость!”, и... очарование улетучивается.

Под антифасцинацией я предлагаю понимать все те признаки, свойства и действия, которые активно разрушают коммуникацию (нецензуризм, диковатая и вульгарная жестикация и мимика, плохая, трудно распознаваемая дикция, сиплый шепот вместо необходимой громкости звучания голоса, нечленораздельное мычание, антиэстетические формы коммуникативных объектов и т. д.), **а также отключение фасцинации там, где она совершенно необходима** (в лекциях, в публичном обращении высоких государственных лиц к населению, на предвыборных митингах и т. п.). Отсутствие фасцинации тоже может быть антифасцинацией (вспомним пример лекций Гегеля).

Нечистоты. Грязь. Вонь. Гнилостный запах изо рта или носа. Или запах чеснока. Дурной запах прыщавой кожи. Запах потных ног и носков, пропотевшей обуви и одежды. Михаил Жванецкий замечательно сострил: история цивилизации – это история борьбы с вонью. Э. Фукс пишет в “Истории эротики”: “Чрезмерное употребление духов и румян в XVIII веке имело, правда, еще и другие побудительные причины. Главная и важнейшая состояла в желании заглушить неприятные испарения, исходившие тогда решительно от всех и каждого... Век эlegantности был в то же время и веком отвратительной нечистоплотности. Внешний блеск и чарующий аромат были во всех отношениях не более как замазкой. Люди совершенно разучились рационально умываться. Людовик XIV довольствовался тем, что по утрам слегка обрызгивал

руки и лицо одеколоном – этим ограничивался весь процесс умывания. Зато от него и воняло на десять шагов так нестерпимо, что могло стошнить, как ему однажды в минуту раздражения заявила г-жа Монтеспан.

Так как огромные прически требовали нескольких часов работы, то женщины перестали каждый день подвергаться процедуре причесывания и даже знатные дамы причесывались только раз в неделю или в две. Большинство же женщин среднего и мелкого мещанства, как достоверно известно, причесывались только раз в месяц.

Неудивительно поэтому, что волосы женщин кишели насекомыми и отдавали запахом испортившейся помады. Ко всему этому присоединялся еще нехороший запах изо рта, так как уход за зубами был тогда совсем неизвестен, и у большинства зубы были плохие или гнилые.

Поэт с отвращением описывал одну современницу:

Ну, что в вас истинного, детище обмана:
Вставные челюсти или беззубый рот?!
О ваших локонах златых парик ваш врет,
А о румянце щек — дешевые румяна.
Набор густых белил — надежная охрана.
Но если невзначай их кто-нибудь сотрет,
Тотчас откроется — скажу вам наперед —
Густая сеть морщин!..
С великим ужасом я думаю о том,
Кто вашей красотой фальшивую прельстится!” (503, с. 550-551)

Дик Рафси, чистокровный австралийский абориген, описывает такой элемент в обряде инициации: после продолжительной половой оргии, когда все мужчины, принимавшие участие в обряде, обменялись женами, они “моются в большой бадье из коры, наполненной питьевой водой, которую потом выпивают, полагая, что она делает их сильными” (366, с. 56). Этнограф К. Рид, описывая манеру общения жителей селения Хумелевеки на Новой Гвинее, посчитал необходимым поведать читателю такие бытовые детали их повседневной жизни: мои гости непрерывно сплевывали. Я впервые соприкоснулся с грязью и нечистоплотностью, составляющими неотъемлемую часть первобытного образа жизни, и, когда я заметил, как женщина, утерев рукой нос ребенку, вытерла испачканную руку о свое голое бедро, оставив на нем густую желтую слизь, я не мог предположить, что эти люди когда-нибудь покажутся мне привлекательными”; но скоро он привык “к полному отсутствию у гахуку каких бы то ни было норм личной гигиены: к коросте грязи на их коже, любовно умашенной прогорклым свиным салом, и к виду женщин, украшающих волосы лентой из окровавленного желудка животного... .

А вот какие наставления юношеству Европы о “поведение при естественных побуждениях” давал в 1653 г. великий педагог Ян Амос Коменский: “Если смеешься, так пусть это будет именно смех, и притом умеренный, а не громкий хохот. (Смеяться в ответ на все, что говорят и делают, есть свойство глупых (легкомысленных) людей, ни от чего не смеяться – простоватых. Держись и здесь золотой середины.)

Если тебя одолевает слюна, то плюнь, но только в сторону, чтобы не оплевать кого-нибудь. (Часто плевать – неприлично, глотать слюну – похоже на животное)

Если тебя одолевают сопли, то высморкайся, только не рукавом и не шапкой, но платком или двумя пальцами (опять-таки отвернувшись), так чтобы не замарать пальцев; сопли разотри ногой, чтобы не возбуждать ничьей брезгливости.

Пускать от себя ветры – постыдно, остерегись.

Громко дышать и храпеть свойственно скорее медведям, чем людям” (199, с. 225).

Похоже некоторый прогресс в приличиях все же наблюдается. К тому же уместно вспомнить, что Петр I с трудом, но все же отучил бояр заваливаться в постель в грязных сапогах.

Чистота всегда оценивалась у большинства этносов планеты очень высоко, а чистая кожа и волосы были признаком телесной красоты, ухоженности и особыми притягательными фасцинами. Оценивались они так: “бархатная кожа”, “волосы, как шелк”. Грязь и неумытость отвращали. Как и кривые зубы, сумбурная аффектированная жестикуляция, скрипучий тембр голоса. Если тенор может довести своей суперфасцинацией до оргазма, то на противоположном конце фонетико-голосовой градации полагаются шипяще-трескуче-металлические голоса с невнятной дикцией, превращающие членораздельную речь в почти нечленораздельную, что может привести слушателя в состояние стресса от трудности распознавания речи.

Опасна вычурность и вульгарность в одежде и манерах. Крайне неприятны в общении навязчиво липнущие, фонтанирующие истерические холерики. Впрочем, как и каменно-монументальные, коммуникативно-неподвижные особи, оставляющие тягостное ожидание реакции там, где она уже давным-давно должна согласно ритмике общения последовать. Эти задержки отреагирования приводят к мучительности общения и вызывают желание сбежать подальше и уже никогда не пересекаться с таким человеком.

Антифасцинация может проявить свое разрушительное свойство даже в речевой манере, в речевом стиле. Одних останавливают: “Ну что ты строчишь как пулемет, ничего не разобрать”, другому бросают с досадой: “Тебя не дослушаешь – в час по чайной ложке”. И то, и другое крайне неудобно для общения.

Многие люди личностной антифасциативностью разрушают собственное общение и имидж, создавая самим себе огромные трудности в жизни. А еще чаще другим людям, так как о своей “яркой” антифасциативности и не догадываются и потому ее весьма навязчиво демонстрируют. Сигналами антифасциативности становится все, что используется или присутствует в коммуникации и имидже, но вызывает отторжение, омерзение, брезгливость, отвращение. Одежда не к месту (в футболке и кроссовках в оперный театр). Дикий или блуждающий взгляд, вызывающий неприязнь и опаску. Мутный или стеклянный взгляд наркомана. Похотливые, скабрзные лица сексуально озабоченных мужчин и женщин. Истеричность в голосе и жестах. Отрыжка и почесывание интимных мест на виду у всех. Загаженные нечистотами дворы, жуткие граффити на стенах и ограждениях, скабрзные надписи на лестничных клетках и в лифтах – все это антифасциативность, наносящая психологические травмы.

Преодоление антифасциативности и фасциативности – единственный путь в мир фасциативности личности и социума.

Вполне закономерно повышенное внимание к фасцинации внешности в элитных группах общества – иначе бы они и не могли приобрести значения элитности. Все, что увеличивает, усиливает фасцинацию имиджа, с древних времен включается в арсенал сигнально-фасцинативного оформления облика первых лиц в обществе и государстве.

Бурное развитие в последние десятилетия технологий коррекции тела и внешнего облика, их доступность производят своеобразную революцию в коммуникативной фасцинации. Это прекрасно прослеживается на коррекции зубов и улыбки. Кривые зубы становились для многих людей источником депрессии и неудобств уже из-за того, что люди стеснялись их демонстрировать при смехе и улыбке. Следовательно, они были постоянно зажаты, контролировали себя, недоулыбались, а смеясь, прикрывали рот рукой. А ведь роскошная искренняя улыбка и открытый смех являются суперфасцинацией, вызывают симпатию и любование. Теперь с этим, в принципе, нет особых проблем и каждый может стать оптимально улыбочивым. Параллельно этому индустрия зубопротезирования как бы мимоходом сняла проблему так называемых “фикс” и демонстрирования золота в зубах. Металлические зубы ушли в прошлое и как коммуникативный знак особого значения, как это было у блатных, цыган и продавцов, уже почти не используются. Население цивилизованных стран перешло к фасцинации белоснежных ровных зубов и полноценных улыбок. Жемчужные зубы элиты напрочь убили тягу к золотым и платиновым коронкам. Налицо фасцинаторный прогресс!

Таким образом, устранение антифасцинативности во внешнем облике – а это очень важно для эффективной коммуникации! – становится во многом технической проблемой благодаря развитию индустрии коррекции тела и внешнего облика. Уродство еще преобладает, но его становится все меньше и меньше. Зато на первый план выступают проблемы психологической антифасцинации, проблема психического уродства.

Среди психологически опасной антифасцинации самое, пожалуй, “почетное” место, принадлежит в России хаму. Писатель Сергей Довлатов был убежден, что не две беды у России – дураки и дороги, – а три: еще и хамы. О хамстве он оставил такие строки: “Рассказывают, что писатель Владимир Набоков, годами читая лекции в Корнельском университете юным американским славистам, бился в попытках объяснить им “своими словами” суть непереводаемых русских понятий – “интеллигенция”, “пошлость”, “мещанство” и “хамство”. Говорят, с “интеллигенцией”, “пошлостью” и “мещанством” он в конце концов справился, а вот растолковать, что означает слово “хамство”, так и не смог”. И далее: “Десять лет я живу в Америке, причем не просто в Америке, а в безумном, дивном, ужасающем Нью-Йорке, и все поражаюсь отсутствию хамства. Все, что угодно, может произойти здесь с вами, а хамства все-таки нет. Не скажу, что я соскучился по нему, но все же задумываюсь – почему это так: грубые люди при всем американском национальном, я бы сказал, добродушии попадают, наглые и нахальные – тоже, особенно, извините, в русских районах, но хамства, вот такого настоящего, самопоенного, заведомо безнаказанного, – в Нью-Йорке практически нет. Здесь вас могут ограбить, но дверь перед вашей физиономией не хлопнут, а это немаловажно”. Хам – это особое живое сквернословящее и скабресное существо, почти разумное, некое антифасцинативное чудовище, прекрасно устроившее свою жизнь среди людей, как бесцеремонная гусеница среди трупяг-муравьев.

Вот где еще непаханая целина для продвижения фасцинации.

Контрфасцинация

Контрфасцинация – это сопротивление, отторжение фасцинации. Ленин, слушая Аппassionату Бетховена, восхищался: “Нечеловеческая музыка!” Очень ему нравились сонаты Бетховена. Но он тут же спохватывался и добавлял в том духе, что негоже революционеру расслабляться. От фасцинации музыки он защищал себя тем, что – не слушал ее. Значит, одно из правил сопротивления фасцинаторному влиянию – избегать встреч с фасцинацией. Ограничивать себя на какое-то время всегда полезно. На время подготовки к охоте у примитивных племен мужчины отгораживаются от плотских утех.

Еще один способ – создать щит, фильтр, заглушку.

Есть способ потруднее – перебивание более мощной фасцинацией как чарующей, так и устрашающей. Кнут – контрфасцинация блуду, шлюх в былые времена били плетью на площадях. В ситуациях паники (а паника всегда фасцинативна, поскольку, будучи спровоцирована фасцинативным сигналом, включает также его усиление механизмами эмоциональной индукции) хорошо действуют мат, выстрел, удар кулаком. Педагогика Макаренко во многих своих приемах включала “эффект перебивания”. В избирательных кампаниях на зомбирующий черный пиар обычно отвечают еще более черным пиаром.

Даже на всякую суперфасцинацию найдется своя контрфасцинация. Кокотки подкладывали в былые времена вату в лифчики, теперь для них изобретены специальные увеличивающие бюстгалтеры – на любой псевдоразмер. Супермакияж всегда делал свое контрфасцинативное дело, если соперница была физически красивее. На броский лозунг следует изобрести более эффектный лозунг. Борьба Образов-фасцин – главная форма контрфасцинативной рекламной борьбы. Можно сказать, что везде, где проявляет себя коммуникативная фасцинация неизбежно возникают активные тенденции к ее уничтожению или перебиванию. Совершается борьба-соревнование Образов-фасцин.

Фасцинация безусловна еще и тем, что она неумолима к менее эффективной фасцинации: на конкурсах красоты проигравшие часто плачут. Рынок фасцинации жесток, так как цена – восхищение. Побеждает сильнейший. Чьи ягоды Каллипиг красивее, решал в Древней Греции весь город. Такова конкуренция в моде, в шоу-бизнесе, между глянцевыми журналами, на конкурсах красоты, в экстремальном азартном спорте (“Формула-1”), везде, где фасцинация на острие внимания, интереса, восхищения. Проигравший мгновенно уходит в тень победителя.

Двухуровневая фасцинация и относительность красоты и любви

При анализе феномена фасцинации необходимо учитывать такой сугубо человеческий процесс семантического характера, каким является “наделение”: к объекту или действию сознание человека добавляет несуществующие объективно, но существующие в воображении признаки и свойства. Так создавались когда-то первобытные мифы о тотемах, образы-фантомы более поздней мифологии (кентавры, русалки, вурдалаки и сам Дьявол), образы этнических легендарных героев (Гильгамеш,

Манас, Витязь в тигровой шкуре, Илья Муромец). Так действует сознание при восторженном или уstraшенном состоянии: симпатичное наделяется удвоенной порцией признаков симпатии, а страшное и безобразное – признаками стократного увеличения брезгливости или ужасности. Особенно это проявляет себя в сказках. Но и в реальной жизни тоже. Так к базовой естественно-природной фaszинации добавляется изобретенная, вымышленная, фантомная фaszинация второго плана, или вторичная фaszинация. Этот феномен наделения вторичной фaszинативностью особенно ярко проявляет себя в выработке эталонов красоты тела и в наделении восхитительными признаками возлюбленных.

Любовь – это, наряду с прочим, наделение избранника чертами исключительной фaszинации. Исчезновение любви приводит к разрушению фaszинативного образа и человек становится не только безразличным, но иногда и вызывающим неприязнь. Как только наделение выключено, фaszинативная картина рассыпается на осколки, как разбитое зеркало.

В. Дольник пишет по поводу ослепляющего эффекта влюбленности: “Выбор потенциального партнера закрепляется в мозгу образованием доминанты, обращенной только на эту особь. Доминанта преувеличивает в субъективном восприятии привлекательные качества избранника и преуменьшает его недостатки. Доминанта необходима, чтобы выбранная особь стала не одной из нескольких возможных, а единственной возможной. Без ослепляющего действия доминанты животное колебалось бы в выборе, поскольку оно далеко не всегда может встретить партнера, отвечающего идеальной модели. Человек называет эту доминанту влюбленностью, и ее ослепляющее действие хорошо известно, особенно когда мы наблюдаем его не на себе” (136). Любовь – это создание Образа-фантома любимого человека способом семантического наделения. А окончание любви – это разрушение наделения и спадание фaszинации пелены-фантома с глаз. Ленскому дает вдохновение Ольга, он приписывает ей черты, которыми наделил ее сам. На самом деле она мила, очаровательна, но не более того. Внутренне примитивная, она казалась Ленскому очаровательной. Он боготворил в ней то, что ему хотелось видеть, то есть “невинной прелести полна (в глазах родителей), она цвела, как ландыш потаенный, не знаемый в траве глухой ни мотыльками, ни пчелой”, который “он любил, как в наши лета уже не любят”, как “одна безумная душа поэта еще любить осуждена”.

Феномен фaszинативного наделения интересен еще и тем, что способен превращать или, точнее, трансформировать “уродливое в прекрасное”. Так, телесные аномалии могут стать при определенных субкультурных условиях и применении наделения фaszинацией. Уродцы при царских дворах всех континентов вызывали восторг как экзотические образы. В древнем Китае, где конфуцианство призывало “к сдержанной простоте во всем, что касалось внешнего облика человека”, широкое влияние имел также даосизм, который нигилистически отрицал красоту внешности и культивировал физические аномалии и эпатажность поведения, вплоть до практикования публичной обнаженности. Мир даосского трактата “Чжуынцзы” – это мир уродов, монстров, карликов и чудовищ. “Внешняя ущербность служила для даосов признаком внутреннего совершенства” (32, с. 165).

Нос Сирано де Бержерака не помешал ему быть блистательным дуэлянтом и донжуаном. Как и горб принцу Савойскому.

Любой фетишизм – это фасцинаторное наделение, создание вторичной фасцинации и фантома. Известен сексуальный фетишизм на партнеров-уродов и инвалидов, на карликов и карлиц (есть и такие счастливые браки). Я встречал мужчину, который мечтал жениться на лилипутке.

Таким образом, можно сделать заключение, что все бытийное содержит в себе источник потенциального преобразования в фасцинативный Образ-сигнал. Для этого у человека существуют механизмы воображения-фантомирования и наделения фасцинативными смыслами.

Одним из искусственных механизмов фантомирования и наделения является наркотическое отравление: алкоголем, наркотиками, галлюциногенами.

Насколько меняется сигнализация со знака фасцинации на знак антифасцинации и наоборот, прекрасно иллюстрирует использование в качестве коммуникативного средства такого отвратительного насекомого, как блоха. Э. Фукс описывает это с подробностями истинного исследователя нравов эпохи галантного века. Блоха была, можно сказать, у французов той эпохи домашним и даже вполне привлекательным животным, хотя Геббельс почти два века спустя уверял, что блоха домашним животным никак быть не может. Французы с блохой дружили. Во-первых, блохи их одолевали, а во-вторых, дамы использовали укусы (чаще притворялись) блохи как повод запищать перед кавалером и дать ему возможность залезть в сокровенное местечко и отыскать насекомое у нее на груди. “Укусы блохи... эта неприятность лучше всякой другой дает повод к пикантным ситуациям, так как тот, к которому обращаются за помощью, обязан поймать злого мучителя, а это, как известно, не так легко, поэтому, описывая такие сцены, поэты не ограничиваются несколькими строками, а списывают целые страницы”, – пишет Э. Фукс (503, с. 345). А когда блистательная франтиха Мария Антуанетта в начале лета 1775 года однажды отыскала ткань уникального блестящего каштанового цвета и появилась в новом платье, король воскликнул “О, цвет блохи!”, цвет тут же стал модным и вся Франция срочно бросилась шить одеяния цвета блохи. Фукс пишет: “На другой же день все придворные дамы оделись соответственно, а вскоре и во всех модных магазинах появились ткани названного модного цвета, в самых разных его оттенках” (503, с. 229). Цвет этот проник чуть позже в Россию, и Печорин с удовольствием усмотрел, что ботиночек, обтягивающий изящную лодыжку княжны Мэри, – цвета *couleur puce* (цвета блохи).

Вытесняющая и замещающая фасцинация

Близка по эффекту к контрфасцинации вытесняющая и замещающая фасцинация. Но внутренние процессы ее другие. Если контрфасцинация убивает или отторгает кратковременную фасцинацию, то вытесняющая фасцинация приводит к смене стойкой, долговременной фасцинаторной доминанты. Редкий, но практически возможный случай, когда наркоман увлекается творчеством настолько, что ему становится ненужным наркотическое удовольствие, он упивается теперь наслаждениями и муками творчества, посмеиваясь над былыми удовольствиями химической природы..

Лучший вид вытеснения – найти лучшее увлечение, ибо лучшее – враг хорошего. Ларошфуко советовал брошенным влюбленным быстро заводить новую любовь. В

народе отставленным парням советуют на время подружиться с проститутками. Клиническим клином вышибают – таков один из механизмов вытесняющей и замещающей фасцинации. Не надежный, но иногда эффективный. Более того, в парадоксальной вытесняюще-замещающей фасцинации в качестве эффективного средства возможна и антифасцинация.

Метод парадоксальной вытесняющей фасцинации, который я в настоящее время разрабатываю для избавления людей от чрезмерной пищевой фасцинации и лишнего веса, был применен мной совершенно интуитивно в 1987 г. к одному знакомому-психиатру, который настолько страстно увлекся вторгшимся тогда в образованные умы нейролингвистическим программированием (НЛП), что я не без печали констатировал начавшееся у него явное “сужение сознания” похожее на паранойю. Во мне он всегда имел внимательного и заинтересованного собеседника, поэтому фанатично начал внедрять в меня НЛП. Я же был настолько защищен от фасцинации НЛП, что меня хватило только на то, чтобы пробежать принесенные им рукописи (тогда еще не было книг) галопом и на этом успокоиться. Но уже тогда, еще не зная фасцинологии, я знал: а) в паранойальном увлечении с человеком необходимо общаться осторожно и бережно, ни в коем случае не доказывая ему неистинность предмета заблуждения – только врагом станешь; б) можно преодолеть “энергию заблуждения” каким-нибудь парадоксальным ключом. Еще раз обращу внимание читателя на то, что я не был и профессионалом-психиатром, решил попробовать вытащить приятеля из могучих лап НЛП исключительно дилетантским способом, вспомнив пример излечения от шизофрении, который привел в свое время Гегель: в доме скорби один больной ходил все время в слезах и стонал, что ему отрубили голову и он не знает, как же теперь ему жить (при этом он осторожно “держал” голову в руках), на что другой больной гневно крикнул: “Если у тебя нет головы, то как же ты говоришь!”, после чего плачущий замолчал, остановился как вкопанный, а на другой день был абсолютно здоров (подобного рода случаев история психиатрии знает множество, много подобного рода исцелений привел К. Юнг). Я прикинул, какой бы увлекающий крючок применить, и не придумал ничего другого, кроме теории относительности Эйнштейна, о которой как бы мимоходом завел речь с приятелем, что никак-де не пойму, почему эта теория – истина. Он, как вполне образованный человек, начал сначала вяло, а потом все жарче объяснять мне ее величие, а я, для виду сопротивляясь, ринулся ему доказывать, что теория относительности, как и все на свете теории, есть не что иное как очень стройная гипотеза. Он не почувствовал подвоха, а я был столь для него убедителен (насколько мог с моими далеко не блестящими познаниями в физике), что он в конце концов признал, что теорию относительности необходимо признать отлично выстроенной гипотезой. Тогда я внезапно повернул разговор на его родное пристрастие и несколько небрежно произнес: “НЛП – тоже всего лишь гипотеза”. Он что-то залепетал и быстро ушел. Через неделю это был снова жизнерадостный нормальный, – если к кому-то из людей можно применить термин “нормальный”, – человек. О НЛП мы больше не говорили и врагом я не стал.

Прием парадоксальной вытесняюще-замещающей фасцинации совершенно превосходно можно использовать родителям в управлении поведением малышей. Не

убеждать и тем более не кричать на увлекшегося чем-нибудь и даже “застрявшего” ребенка, а быстро найти и обрушить на него другую фасцинацию. Детская психика в этом отношении настолько динамична и пластична, что реакция замещения следует почти мгновенно.

Нейрофизиология и биохимия фасцинации

Немного истории

Открытие безусловных и условных рефлексов, особенно открытие И. П. Павловым так называемого “ориентировочного рефлекса”, рефлекса на воздействие актуальных новых или обновленных для организма раздражителей, вызывающих любопытство и познавательную реакцию, приоткрыло занавес над действием фасцинативных сигналов как повышено побуждающих раздражителей: они вызывали и безусловную и условно-рефлекторную активность животного.

В 1923 г. объяснение неспецифическим, часто парадоксальным рефлекторным реакциям дал А. А. Ухтомский, выдвинувший гипотезу о доминанте. Когда в мозге возникает очаг возбуждения на актуальный раздражитель, он автоматически подавляет работу других центров. Более того, он постоянно усиливается, растет, а энергию подавленных им центров забирает на свой счет. Но именно так и действуют все сигналы интенсивного удовольствия и неудовольствия – вызывают мощное возбуждение и отбрасывают все, не касающееся напрямую фасцинаторного влияния. Мозг с очагом возбуждения замыкает организм на переживание только той нацеленности, какую спровоцировал сигнал-фасцина. Так, у мужчин и женщин возникает зацкленность-влюбленность, а организму наркомана подавай дозу – больше его ничего не волнует. Гипотеза о доминанте и теория об ориентировочном рефлексе давали понимание детерминант аффекторных реакций, но не проникали в нейрофизиологические механизмы того, что позднее было открыто и названо “системой подкрепления”

В 1953 г. экспериментальные нейрофизиологические техники вживленных электродов привели к эпохальному открытию в головном мозге центров наслаждения и наказания, которое сделал Дж. Олдз, а затем развили П. Милнер, К. Прибрам, Х. Дельгадо и многие другие нейрофизиологи.

Зрелищно эффектными были эксперименты-демонстрации Х. Дельгадо по дистанционному (с помощью радиопередатчика и вживленных в центры удовольствия и ярости электродов) управлению поведением животных: взбешенный электростимуляцией бык бросался на экспериментатора, но по другому сигналу замирал как вкопанный в полуметре от него и удовлетворенно опускал голову к траве.

Нейрофизиолог У. Пенфилд обнаружил, что электростимуляция определенных центров мозга заставляет испытуемых вновь пережить прошлое. Участники экспериментов во всех подробностях вспоминали и переживали вновь давно минувшие эмоциональные впечатления, даже забытые песни.

Можно сказать, что экспериментальные техники вживленных электродов в сочетании с хирургическими техниками удаления тех или иных участков мозговой ткани

привели к пониманию функциональной структуры мозга, ее поражающей воображение динамичности, пластичности и сложности. Они нащупали механизмы стимуляции и порождения эмоционально окрашенных состояний удовольствия и неудовольствия, радости и наказания.

Добавило представлений о сложности и функциональной дифференциации открытие церебральной асимметрии мозга, дифференциации функций по полушариям: оказалось, что каждая из половин мозга выполняет свои специфические жизненно важные функции. Так, правая половина в основном позволяет нам воспринимать эмоции, формировать богатые картинные образы, наслаждаться мелодиями, распознавать речевые интонации и тембровую окраску голоса. Было открыто, что речь и праворукость контролируются левым полушарием, тогда как восприятие формы и пространства – правым. Если разъединить полушария мозга, каждое будет функционировать независимо и информация от одного полушария не сможет поступать в другое. Такую операцию – перерезку мозолистого тела, соединяющего большие полушария, – производят, чтобы облегчить симптомы некоторых расстройств, прежде всего тяжелой эпилепсии. Но в дальнейшем больные с расщепленным на две половины мозгом испытывают трудности в обучении новым видам деятельности, требующим участия обеих сторон тела. Кроме того, поскольку центр речи находится в левом полушарии, они неспособны, например, назвать то, что находится в левой части их поля зрения или что они взяли не глядя в левую руку. Очень важным открытием для понимания некоторых механизмов фасцинации стало доказательство того, что восприятие эмоциональных сигналов находится в основном под контролем правого полушария. Правосторонние корковые разрушения делают невозможным понимание эмоционального настроения собеседника, нарушают распознавание лицевой экспрессии эмоций. Разрушение в правом полушарии сопровождается потерей способности выразить или передать свое переживание интонацией голоса. По-видимому, правое полушарие в большей степени связано с негативными эмоциями. При ослабленной функции левого полушария больные беспокойны, пессимистически настроены, часто плачут, тогда как при снижении активности правого полушария возникает беспричинная эйфория, индифферентное настроение или частый смех. Это подтвердили и исследования, когда полушария поочередно временно “выключали”. Эмоциональные состояния благодушия, безответственности, беспечности, возникающие под влиянием алкоголя, связывают с его преимущественным воздействием на правое полушарие мозга. Распознавание мимики в большей степени связано с функцией правого полушария. Оно ухудшается после его поражения. Повреждение височной доли, особенно справа, нарушает опознавание эмоциональной интонации речи. При “выключении” левого полушария, независимо от характера эмоции улучшается распознавание эмоциональной окраски голоса.

И все названное – это только небольшая часть получаемой дисфункциональности при разделении мозга. Мозг – удивительно пластичная система, но все же только тогда в полной мере действующая, когда представляет собой нерасчлененное единство.

Экспериментальные исследования лимбической системы и открытия дифференцировки функций амигдалы, гипоталамуса, гиппокампа и других ее частей привели к созданию теории так называемого “эмоционального мозга”, гораздо более древнего и властного, чем кора больших полушарий. Возникло и развилось понимание огромной важности в регуляции поведения именно лимбической системой мозга, часто

действующей независимо от сознания, особенно при мощных, вызывающих аффекты фасциаторных воздействиях, отсылающих к наслаждениям и страхам. Единая лимбическая система выполняет интегративную функцию и играет важную роль в формировании эмоций. Гипоталамус – это основной орган мозга, регулирующий поведение. Разные его части отвечают за еду, питье, температуру тела, агрессию и сексуальные реакции. Часть нейронов гипоталамуса участвует в функционировании подкрепления.

В развитие взглядов на сложность и системность эмоциональной регуляции поведения живого организма огромный вклад внесло открытие нейрогормонов, в первую очередь таких системно регулирующих управление всем организмом, как серотонин, дофамин, эндорфин, адреналин, норадреналин и др. Тело предстало перед познающим его тайны человечеством как своеобразная и сложнейшая по функциональности “химическая фабрика” с сотнями гормонов: амфетаминов, моноаминов и т. д.

Моноаминами называются три важных нейромедиатора, входящих в одну аминокислотную группу – норадреналин, дофамин и серотонин, – которые регулируют настроение и эмоциональные дисфункции. Согласно новейшим теориям, клиническая депрессия возникает из-за изменения уровня моноаминов, в особенности норадреналина и серотонина. Это подтверждается еще и тем обстоятельством, что наркотики, уничтожающие моноамины, вызывают депрессию.

Замечательным открытием, сравнимым с открытием “центра наслаждения”, проясняющим природу и механизмы ощущений и чувств наслаждения, эйфории, радости, явилось открытие в начале 1970-х годов естественного опиата организма, названного эндорфином и часто обозначаемым в широкой научно-популярной литературе и прессе как “гормон радости”, поскольку его повышенное продуцирование вызывает опийное переживание эффектов радости и оптимизма. Эндорфинная система человека представляет собой один из высших уровней управления. Эндорфины как бы “командуют” всеми другими нейрогормонами. Кроме того, эндорфины регулируют формирование эмоций и регулируют, если так можно выразиться, спектр восприятия информации. Нейрогормоны, синтезируемые клетками подкорковых ядер головного мозга, воздействуют на все элементы нервной системы. Они модулируют деятельность всех систем управления: от эмоций и мышления до работы сердца и иммунитета. Естественным опийным действием эндорфина является счастье влюбленности и всех связанных с этим состоянием наслаждений.

Искусственные опиаты действуют аналогично естественному опиату-эндорфину и потому также вызывают приподнятое настроение и радость и вызывают зависимость. Правда, разрушая при этом природную биологическую эндорфинную систему, что в конечном счете и вызывает болезнь и деградацию личности наркомана.

К середине 80-х г. XX в. количество открытых нейромедиаторов составило уже более 100, каждый получил свое название. Особо заслуживают внимания кроме эндорфина еще дофамин, серотонин, катехоламины – адреналин, норадреналин, ацетилхолин.

Адреналин один из самых мощных гормонов, провоцирующий нас подчас идти на риск, чтобы только испытать его пьянящее действие. Адреналин – это один из двух гормонов стресса, вырабатываемых надпочечниками. В состоянии покоя его выделяется совсем немного, но стоит только подвергнуться стрессу (умственному или физическо-

му), испытать боль, попасть в опасную ситуацию, как следует резкий всплеск его уровня. У адреналина есть брат-антипод – норадреналин. Если адреналин – это гормон страха, то норадреналин можно назвать гормоном ярости, так как он вызывает приступ агрессии, повышает мускульную силу. Это гормон воинственности и смелости.

Очень важен гормон дофамин. Он также вырабатывается во время стресса, обеспечивая ощущение кайфа, куража, риска в ситуациях опасности. Одной из сторон его действия является повышение сексуального влечения, и самый высокий из “нормальных” уровней содержания дофамина ученые наблюдают у подростков. Так что есть доля истины в том, что молодежь думает лишь о любви.

Открытие дофамина, серотонинергических и дофаминергических систем дает понимание седативного удовлетворения с развитием ощущения неги.

Очень важным для эмоционального состояния человека является гормон серотонин (5-окситриптамин), который представляет собой одним из физиологически активных биогенных аминов в организме животных и человека, руководит изменением настроения человека, и любые нарушения серотонинового обмена приводят к различным психическим проявлениям, таким, как депрессия или тревога. Серотонин регулирует сон, аппетит, эмоции и восприятие боли. Кроме того, нарушения серотонинового обмена могут служить причиной обжорства, внезапных вспышек ярости и прочих неприятностей. Последние исследования показывают, что пониженный уровень серотонина в головном мозге тесно связан с депрессией, агрессивным поведением и склонностью к совершению необдуманных поступков. Север с его полярными ночами опасен для жизни человека тем, что снижает выработку в организме серотонина, а это вызывает сонливость, минорные настроения, психологическую утомляемость и даже суицидные состояния.

Уже предпринятый мной конспективный обзор показывает, насколько важна, сложна и еще далеко не познана нейрофизиологическая и биохимическая система организма, от функционирования которой зависит вся эмоционально насыщенная человеческая жизнь.

“Сложность мозга настолько поразительна, - замечает невролог Дейвид Фелтен, – что неизвестно, сможем ли мы вообще когда-нибудь постичь его строение”. Нейробиолог Джеймс Бауэр признает: “Всё же мы не знаем, что это за машина – мозг”. Невролог Ричард Томпсон соглашается: “По сравнению с тем, что известно сейчас, нам предстоит узнать еще очень многое”. Профессор Сузан Гринфилд говорит: “Человеческий мозг загадывает нам самую трудную загадку: как масса ткани с консистенцией сырого яйца способна отвечать за наш “разум”, наши мысли, личность, память, чувства и даже за само сознание?” Действительно, человеческое тело и мозг – самые сложные системы для познания, быть может более сложные, чем Вселенная.

Надежды на новый всплеск революционных открытий в области исследования нейрофизиологических механизмов психики, в том числе механизмов фазциации, дает создание уникальной техники наблюдения за деятельностью мозга, какой является магнитно-резонансная томография. С ее помощью открытия в названной мной сфере растут год от года буквально как снежный ком. Пока они в какой-то мере калейдоскопичны, но уже проглядывает, пробивает себе дорогу и некоторая система.

Техники исследования методом вживления электродов и электростимуляции ухо-

дят в прошлое. Создание ядерно-магнитного резонанса и компьютерного томографа, позволило более тонко, щадяще и системно видеть изменения в мозге человека под влиянием самых различных стимулов. Магнитно-резонансная томография основана на свойстве атомов водорода в разных химических соединениях по-разному реагировать на магнитное поле. П. Лоутербер (Paul Lauterbur) и П. Мэнсфилд (Peter Mansfield) в начале 70-х годов XX в. разработали методы преобразования этой “реакции” в двухмерное изображение, анализируя электромагнитное излучение ядер водорода. Этот метод позволяет неинвазивно исследовать внутренние органы человека и, в отличие от рентгеновских лучей, используемых в обычной компьютерной томографии, абсолютно безвреден для человека. В 2003 г. Лоутербер и Мэнсфилд получили за свое открытие Нобелевскую премию.

В университете штата Иллинойс в Чикаго введен в строй самый мощный в мире магнитно-резонансный томограф для исследований человеческого мозга. Центральным элементом установки является магнит, дающий поле мощностью 9,4 тесла. Это примерно в сто тысяч раз выше земного магнитного поля и втрое больше, чем на лучших прежних установках. Обычные томографы в клиниках создают магнитное поле 1,5 тесла. Этого достаточно лишь для наблюдения за молекулами воды, что позволяет отслеживать только анатомические изменения мозга. Новый томограф позволяет наблюдать распределение в тканях натрия, фосфора, углерода, азота и кислорода. С его помощью можно изучать не только строение, но и метаболизм мозга. Магнитное поле мощностью в 9,4 тесл позволит заглянуть в мозг человека в то время, когда он занят мыслительным процессом. Теперь экспериментаторы получают ключ, с помощью которого можно проникнуть в глубинные секреты работы мозга. Именно такого уровня инструментарий необходим для исследования фацинаторных процессов в мозге.

Структуры мозга, участвующие в эмоциях

Но уже накопленный, пусть и калейдоскопический экспериментальный материал дает возможность выстроить достаточно убедительную структуру и вскрыть механизмы действия фацинации.

Испытываемые наслаждения от вкусной еды, любви, наркоманной дозы при магнитно-резонансном сканировании мозга дают почти одинаковую картину возбуждения-торможения и гормонального обеспечения. Во всех случаях возбуждается центр удовольствия. Происходит вброс эндорфинов, серотонина и дофамина. Любые удовольствия (от еды и восприятия музыки до оргазма) замыкаются на двух взаимосвязанных между собой системах: лимбической системе с центром наслаждения как органом подкрепления и гормональной системе серотонино-эндорфино-дофаминного ряда.

Фацинаторный сигнал может быть в нескольких формах: от телесно-вещного образа (тело, вещь,) до символического (звуковой сигнал, жест). В любом случае он соотносится либо с удовольствием (чаще – прогнозом удовольствия, предчувствием-предвосхищением его), либо со страхом и ужасом (опасностью для жизни). Поэтому прежде всего необходимо, на мой взгляд, отметить имманентную включенность фацинации в нейрофизиологическую и психофизиологическую системы эмоциональ-

ной детерминации, образование доминантного очага возбуждения и действия системы подкрепления (вознаграждения и наказания).

Наиболее важные из мозговых структур, имеющих отношение к эмоциям, в совокупности называют лимбической системой. Система эта известна также как “животный мозг”, поскольку ее части и функции, по-видимому, в основе своей сходны у всех млекопитающих. Лимбическая система находится выше ствола мозга, но ниже коры. Ряд структур ствола и некоторые части коры тоже участвуют в порождении эмоций. Все они связаны друг с другом нервными путями.

Лимбическая система включает несколько связанных друг с другом образований. К ней относятся некоторые ядра передней области таламуса, а также расположенный ниже небольшой, но важный участок мозга – гипоталамус. Нейроны, специфически влияющие на активность вегетативной нервной системы (и тем самым – на ритм сердца, дыхания и т. д.), по-видимому, сосредоточены в определенных областях гипоталамуса, а именно эти области контролируют большинство физиологических изменений, сопровождающих сильные эмоции. Глубоко в боковой части среднего мозга лежит амигдала (миндалина), клеточное скопление, величиной с орех. Эксперименты на животных показывают, что амигдала ответственна за агрессивное поведение или реакцию страха. По соседству с миндалиной находится гиппокамп. Повреждение его приводит к нарушению памяти – к неспособности запоминать новую информацию. Гиппокамп и другие структуры лимбической системы окружает поясная извилина. Около нее расположен свод – система волокон, идущих в обоих направлениях; он соединяет гиппокамп с гипоталамусом.

Еще одна структура – перегородка – получает входные сигналы через свод от гиппокампа и посылает выходные сигналы в гипоталамус. Нервные сигналы, поступающие от всех органов чувств, направляясь по нервным путям ствола мозга в кору, проходят через одну или несколько лимбических структур. Сигналы, исходящие от коры тоже проходят через эти структуры.

Важную роль в эмоциях играет ретикулярная формация – структура внутри моста и ствола головного мозга. Она получает сенсорные сигналы по различным путям и действует как своего рода фильтр, пропуская только ту информацию, которая является новой или необычной. Волокна от нейронов ретикулярной системы идут в различные области коры больших полушарий, некоторые – через таламус. Нейроны ретикулярной формации – “неспецифические”, т. е. могут реагировать на многие виды стимулов. Эти нейроны передают сигналы от глаз, кожи, внутренних органов, а также других органов и структур лимбической системе и коре. Медиаторами специализированных нейронов ретикулярной формации являются норадреналин, дофамин, которые участвуют в эмоциональных реакциях. Многочисленные клинические наблюдения, а также исследования на животных показали, что в проявлении эмоций ведущую роль играют структуры круга Пайпетца. Американский нейроанатом Пайпетц (1937) описал цепочку взаимосвязанных нервных структур в составе лимбической системы. Эти структуры обеспечивают возникновение и протекание эмоций. Он обратил особое внимание на существование многочисленных связей между структурами лимбической системы и гипоталамусом. Повреждение одной из структур этого “круга” приводит к глубоким изменениям в эмоциональной сфере психики (468, с. 46).

Эмоциональный круг Пайпетца (схема)

О роли доминанты А. Ухтомского в механизмах фасцинации

Фасцинация – это приказная доминанта, ее навязанное организму и личности включение-провоцирование. Доминанта при воздействии фасциции образуется в мозгу мгновенно, помимо или почти помимо сознания (более того, сознание подключается очень часто для рационализации-оправдания доминанты): так действуют, как уже показано выше на многочисленных примерах, многие сексуальные фасцины и фасцинативные приемы обольщения, а также сигналы об угрозе безопасности.

Доминанта (от лат. *dominans* — господствующий) — временно господствующая рефлекторная система, обуславливающая работу нервных центров в данный момент и тем самым придающая поведению определенную направленность. Господствующий очаг возбуждения, доминанта суммирует и накапливает импульсы, текущие в центральную нервную систему, одновременно подавляя активность других центров. Считая доминанту особым органом, А. Ухтомский утвердил понимание органа как функциональной системы.

По мнению Б. Поршнева, А. Ухтомский нашел удивительно глубокое и простое физиологическое построение. “Мозговой очаг единственной степени свободы, открывающейся в данный момент, сам и тормозит все остальные степени свободы, так

как оттягивает на себя от соответствующих центров направляющееся к ним нервное возбуждение. Вот почему все поступающие раздражения, которые должны были бы вызывать одновременно множество всяческих рефлексов, не взрывают организм, а содействуют эффекту одной рефлекторной дуги, в данный момент господствующей, доминирующей, т. е. экспроприрующей все прочие возможные ... Доминантная группа нервных центров (в большинстве случаев неправильно говорить об одном центре: выражения “центр” или “очаг доминанты” служат лишь условным сокращением для обозначения “конstellации” взаимосвязанных в данный момент систем на всех этапах – корковом, подкорковом, в автономной и симпатической нервной организации, в механизме гуморальной регуляции) характеризуется: 1) высокой возбудимостью, 2) способностью стойко удерживать свое возбуждение, 3) суммировать в себе возбуждение от вновь и вновь приходящих нервных импульсов. А. А. Ухтомский придавал большое значение четвертому признаку – инертности этих свойств в доминирующей группе нервных центров: доминанта “настаивает на своем”. Доминанта – явление более или менее длительное, поэтому школа А. А. Ухтомского в быстро переходящих рефлексах не усматривает состояния доминанты. Но доминанта всегда временна. Ее купирует либо полное завершение биологического акта, либо прекращение по другим причинам ее подкрепления адекватным раздражителем, либо подавляющая ее конкуренция со стороны подготовившейся (или подготовленной экспериментатором) более мощной группы центров. <...> В качестве наиболее наглядных примеров доминанты физиологи обычно указывают на такие сложные рефлексы, которые от начала до завершения требуют известного промежутка времени. Таковы дефекация, мочеиспускание, еда, родовый акт, половой акт. Пока совершается такой цепной рефлекс, животное как бы приковано им, оно слабо реагирует или вовсе не реагирует обычными рефлексами на изменения внешней обстановки”(347, с. 231–232). Погруженное в доминанту животное не реагирует ни на что, кроме того, что усиливает доминанту

Доминанту по А. Ухтомскому я предложил бы рассматривать как создаваемый всей нервно-гормональной системой организма временный системно-функциональный орган внутри мозга, некий функциональный пластичный “мини-мозг”, мгновенно формируемый под определенную, вызвавшую стойкое возбуждение задачу. Такие возбуждения как раз и создаются воздействием фасцинации.

Несколько замечаний к проблеме стирания

То “стирание” прошлого под воздействием фасцинации, о котором я уже говорил как о самом существенном ее воздействии, с точки зрения теории доминанты может как раз рассматриваться как отодвигание в сторону и подавление всех иных возбуждений, не только слабых, но и сильных, одновременно с мгновенным созданием новой, спровоцированной фасцинацией доминанты. Амигдала реагирует на сигнал опасности в течение миллисекунд. В это же мгновение подавляется в мозгу любое иное нейронное возбуждение и организм концентрируется исключительно на выход из опасности и спасение.

Аналог фасцинаторного стирания обнаруживается в механизмах памяти. Сенсорная память тоже мгновенна и образуется в течение миллисекунд с момента сенсорного воздействия, и следы ее держатся в активном виде несколько сот миллисекунд. Затем про-

исходит анализ сигналов, их оценка и в дальнейшем либо забывание, либо направление на дальнейшую обработку. При этом процесс забывания начинается сразу же после поступления информации. Исследования показывают, что если испытуемому в течение 50 миллисекунд предъявить 16 букв, а затем попросить назвать эти буквы, то сразу после предъявления он вспоминает около 70% увиденного. Через 150 миллисекунд – объем запомненной информации равен 25-35%, а через 250 миллисекунд – уже вся информация из сенсорной памяти теряется. Известно, что наряду с таким пассивным угасанием информации существует и процесс ее активного стирания в результате поступления новых сигналов. Переход информации из весьма нестойкой сенсорной памяти в более стойкую может совершаться двумя путями. Первый путь – словесное кодирование сенсорных сигналов – это свойственно взрослым людям. Второй путь – несловесная обработка сигналов. Механизм такой обработки пока неизвестен. По-видимому, этот путь служит для запоминания информации, которую сложно выразить словами, и используется, как правило, маленькими детьми и животными. Или более широко – всеми людьми под воздействием фасцинаторных аффектов, в первую очередь негативных (через амигдалу).

К. Юнг обратил внимание на то, что амнезия присуща в незначительной степени любому человеку в его нормальности и забывание – нормальный процесс, при котором отдельные осознаваемые идеи теряют свою специфическую энергию из-за отвлечения внимания. Когда мы переключаем интерес на что-то, мы тем самым оставляем в тени те вещи, о которых думали ранее. Этого нельзя избежать, поскольку сознание может удерживать одновременно ясными лишь несколько образов, причем эта ясность подвержена колебаниям. А. де Экзюпери говорил: “Сознание способно быть занятым одновременно только одной идеей или мыслью”, и только отдельным людям, как то было присуще Ю. Цезарю, свойственно заниматься одинаково продуктивно сразу тремя делами: читать, слушать и писать.

К. Юнг пишет: “Для нас является нормальным и необходимым “забывать” именно таким образом, чтобы освободить место для новых впечатлений и идей в нашем разуме. Если бы это было не так, то все, что мы испытываем, оставалось бы над порогом осознания и привело бы к невообразимому беспорядку рассудка. Это явление сегодня настолько известно, что большинство людей, мало-мальски знающих психологию, считают его само собой разумеющимся”. Если в обычном процессе жизни человек плавно переключается с одного занятия на другое, стирание происходит также плавно, неконфликтно, всегда можно вернуть недавно отброшенное, вспомнить, восстановить в памяти. При фасцинации совершается стремительное стирание и стойкое забывание, поскольку стремителен процесс эмоционального воздействия на мозг и переключения с одного на другое. Очевидно, стремительность переключения и формирования очага новой доминанты и опрокидывает память в стремительное стирание и освобождение ее ресурсов для новых впечатлений, образуемых мгновенно созданным доминантным “мини-мозгом”.

Забывание – гигиена мозга, процесс его бесперебойного функционирования. Фасцинация специфична тем, что ускоряет забывание до мгновенности, представляет собой повелительный и беспрекословный приказ мгновенно забыть, вычеркнуть из внимания все, что предшествовало фасцинативному сигналу.

Забывание при переключении интереса к чему-либо – это по существу аналог действия фасцинации. Возможно произвольное и непроизвольное переключение. Произ-

вольное – при растущем интересе, произвольное – при приказе-фасцинации. Переключение интереса или, быть может точнее, обретение интереса к чему-либо, есть одновременно утеря интереса ко всему, имеющему место до этого. Следовательно, уже смена интереса, переключение внимания соединено с некоторой долей фасцинации – фасцинации интереса. Отличие этой зародышевой или минимальной фасцинации от исключительной, сигнальной заключается, по-видимому, в степени интенсивности и повелительности: фасцинативный сигнал-стимул мгновенно захватывает внимание и интерес и мгновенно же стирает все пребывавшее в психике или сознании до этого мгновения: “как обухом по голове!” или “молнией пронзило”. Очевидно, фасцинативность является базовым состоянием психики и содержится в ее пластичности, в ее быстрой функциональной нейрофизиологической переключаемости с одного на другое, в том числе и способами мгновенного переключения.

Таким образом, я прихожу к выводу, что **фасцинация, наряду с прочим, действует как мгновенная временная амнезия на прошлое, не связанное с фасцинативным сигналом и действием, как оглушение, перебрасывающее психику из данного состояния в новое, неожиданное состояние, диктуемое программой фасцинативного сигнала.**

Физиология подкрепления и фасцинация

Дж. Олдз в 1953 г. по сути открыл одно из главных звеньев в нейрофизиологическом базисе фасцинации. Поэтому на этом открытии следует остановиться подробнее.

Вот какое описание открытия Дж. Олдза дает К. Прибрам в своей замечательно глубокой книге “Языки мозга”: “Двое исследователей Университета Мак-Гилла, Дж. Олдс и П. Милнер, готовились провести электрическую стимуляцию ретикулярной формации ствола мозга крыс во время обучения этих животных решению задач. С помощью стереотаксического прибора исследователи вживили электроды в те зоны мозга крыс, которые, по их мнению, были наиболее подходящими для опыта. В предварительных опытах, изучая поведение крыс, исследователи заметили, что при включении электрического импульса крыса всякий раз убегает в определенное место. Это озадачило и заинтересовало исследователей. После многократного наблюдения такого эффекта им захотелось автоматизировать методику с тем, чтобы на досуге подробно изучить это “принудительное повторение”. Они изменили ситуацию таким образом, что крыса могла обнаружить педаль в углу, нажатие на которую включало импульс тока, раздражающего мозг. Крыса быстро научилась находить педаль и нажимать на нее. Таким образом появилась на свет методика самораздражения мозга” (350, с. 293).

А вот как то же самое описывает сам Дж. Олдз: “В 1953 г., применяя метод раздражения посредством вживленных электродов, которому меня обучил А. Милнер в лаборатории Хебба в Университете Мак-Гилла, я обнаружил, что крыса, раздражаемая в области передней комиссуры, стремится к повторному раздражению.

Не будучи твердо уверенным в достоверности полученных результатов, я пытался в дальнейшем проделать тот же опыт на других крысах. Вначале я применял грубый психологический тест. Я наносил раздражение, когда крыса шла к углу стола, и затем наблюдал, вернется ли животное за повторным раздражением. Такой прием давал крайне

неудовлетворительную количественную оценку. Для количественного исследования я выбрал камеру Скиннера, в которой животному предоставлялась возможность наносить самораздражение. С помощью этой камеры и упрощенного держателя электродов, позволяющего быстро осуществлять вживление крысам электродов, я решил исследовать распределение тех точек, в которых животное раздражает свой мозг.

Начав опыты с передней комиссуры, я исследовал затем область вокруг нее. Неожиданным результатом этого начального исследования было то, что стремление к самораздражению, по-видимому, возникало при локализации электродов в любой из исследованных точек. Таким образом, я обнаружил вблизи срединной сагиттальной плоскости систему, которая имеет форму креста, распространяясь вверх, вниз, впереди и сзади от передней комиссуры. При локализации электродов в любой точке этой системы животные наносят самораздражение” (319, с. 200).

Дифференцируя точки и зоны раздражения, Олдз установил феномен продолжительности и неутомимости крысы в стремлении получать раздражение: “Применив вместо лабиринта беговую дорожку, мы обнаружили, что животное за электрическим раздражением бежит гораздо быстрее, чем за пищей. В общем виде можно сказать, что побуждение к электрическому самораздражению в некоторых случаях по крайней мере вдвое сильнее, чем побуждение к пище после суточного голодания.

Таким образом, средняя частота самораздражения составляет около 5 000 в час. При этом электрод располагался в заднем отделе гипоталамуса. Видно, что одинаковая частота самораздражений поддерживается в течение всего часа на протяжении всех 15 дней. Такая частота в действительности отмечается в течение нескольких месяцев, т. е. на протяжении всего периода исследования.

Если животные с электродами, вживленными в гипоталамус, бегают в течение суток, то они продолжают самораздражение до тех пор, пока позволяет их физиологическая выносливость” (319, с. 204). Олдз также отмечает, что крысы не только быстро учатся нажимать на рычажок и посылать разряды в мозг, – но они помнят подкрепляющий эффект удовольствия настолько, что утром бегут не к пище, хотя голодны, а к рычажку: “Мне хочется подчеркнуть, что уже в течение первых 4 дней обнаруживается ... что животные, получающие электрическое раздражение, тратят на первый пробег в первый день в среднем 100 сек, на второй день 50 сек, на третий день 30 сек и на четвертый день 12 сек. Это показывает, что утром животное может начинать пробег сразу же для удовлетворения собственного желания, не испытывая еще электрического раздражения. Животное быстро бежит через сложный лабиринт, чтобы получить в виде подкрепления лишь электрическое раздражение, причем бежит так же быстро, если не быстрее, как за подкреплением пищей. Применив вместо лабиринта беговую дорожку, мы обнаружили, что животное за электрическим раздражением бежит гораздо быстрее, чем за пищей” (319, с. 209).

В результате долгих экспериментов по выявлению локализации зон подкрепления и избегания Олдз пришел к выводу, что мозг состоит из “трех типов клеток: 1) клеток, к возбуждению которых организм стремится, 2) клеток, возбуждения которых организм избегает, и 3) клеток, возбуждения которых организм не добивается, но и не избегает.

Клетки третьего типа наиболее многочисленны, составляя, возможно, 60% всех

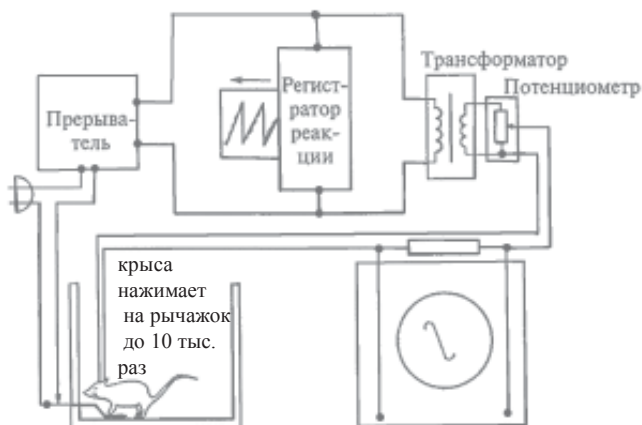
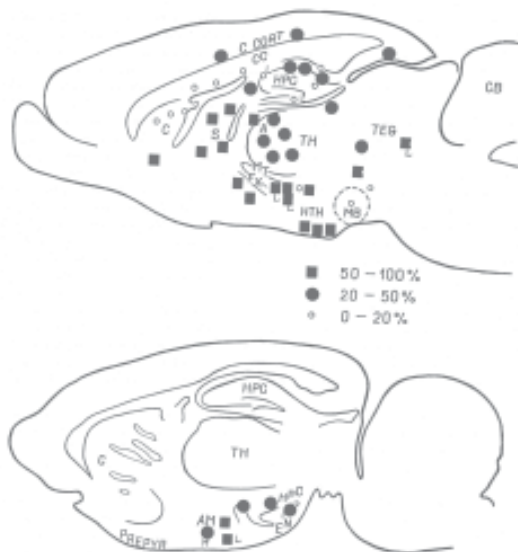

Схема опыта Дж. Олдза по самораздражению мозга

Медиальный (верхняя схема) и латеральный (нижняя) сагиттальные срезы мозга крысы, показывающие локализацию центров положительного подкрепления в опытах с самораздражением. Квадратиками и кружками обозначен процент двигательных реакций (нажатия на педаль) в течение 6-часового эксперимента.

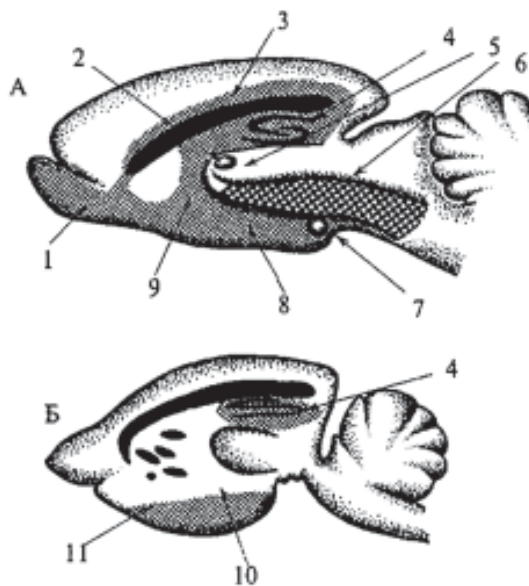
А — передний таламус; АМ — амигдала; С — хвостатое ядро; СВ — мозжечок; СС — мозолистое тело; С CORГ — цингулярная кора; Е — энториальная кора, FX — свод; НРС — гиппокамп; НТН — гипоталамус; МВ — мамиллярное тело; МТ — мамилоталамический тракт; PREPYR — препириформная кора; S — перегородка; TEG — тегментум; ТН — таламус.

Медиальный срез (верхний) сделан вблизи средней линии, латеральный (нижний) — на 2—3 мм в сторону от нее. Буквы М (медиально) и L— (латерально) около других обозначений указывают на то, что структура находится примерно на 2 мм медиальнее или латеральнее по отношению к представленному срезу (Olds, 1961). — (Схема взята из: К. Прибрам. Языки мозга.)

клеток мозга крысы. Они, по-видимому, мотивационно нейтральны. **Клетки позитивного, или подкрепляющего, типа, вероятно, составляют в мозге крысы 35%. Отрицательную обратную связь обеспечивают только клетки третьего, или наказывающего, типа. Они-то и являются уменьшающими побуждение клетками и составляют только около 5% клеток мозга крысы** (выделено мной. – В.С.). Дельгадо, Роберте и Миллер установили, что животные избегают раздражения именно в этих 5% клеток мозга” (319, с. 200-201)

Как отмечает П. Милнер, соавтор открытия Дж. Олдза, “хотя опыты по самораздражению чаще всего ставились на крысах, самораздражение наблюдали и у многих других видов. Кроме уже упоминавшихся кошек, обезьян и песчанок, самораздражение наблюдали у собак, голубей, дельфинов, коз, золотых рыбок и человека. Пожалуй, видов, у которых серьезные попытки вызвать самораздражение оказались бы совершенно безуспешными, не существует” (287, с. 474).

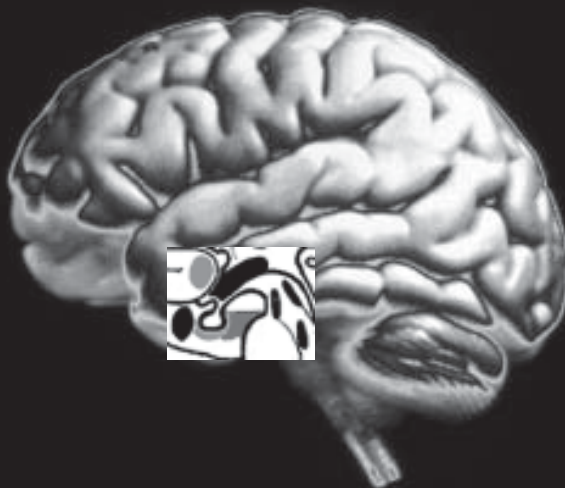
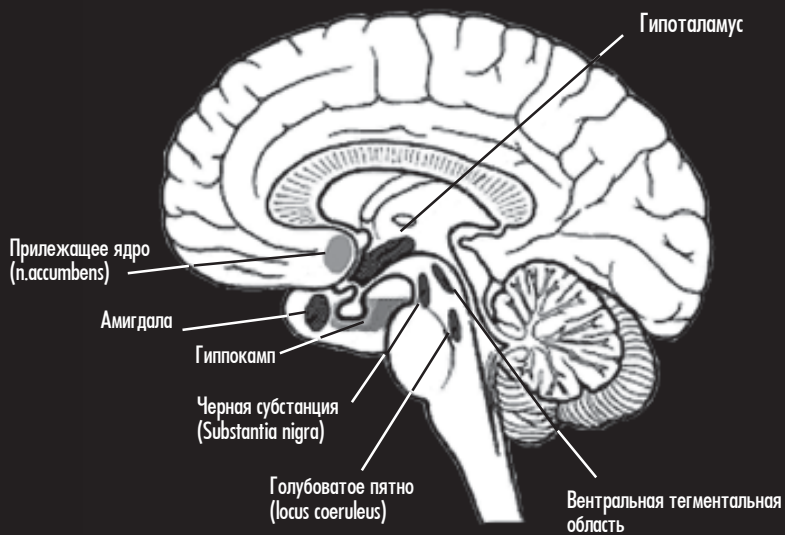
Аналогичные области были найдены в мозге человека. Если подопытные крысы реагируют на получаемое “счастье” бесконечным, до изнеможения нажатием на рычажок экспериментальной электроцепи, то люди, испытывавшие электростимуляцию “цен-

Области “вознаграждения” (простая штриховка) и “наказания” (двойная штриховка) в мозге крысы (по Дж. Олдзу, 1958)

Сагиттальные срезы: А – медиальнее; Б – латеральнее; 1 – обонятельная луковица; 2 – передняя комиссура; 3 – поясная извилина; 4 – гиппокамп; 5 – покрывка среднего мозга; 6 – таламус; 7 – мамиллярные тела; 8 – гипоталамус; 9 – перегородка; 10 – миндалина (амидагла); 11 – грушевидная доля. (Схема взята из: В. В.Шульговский. Основы нейрофизиологии.)

Система “подкрепления/вознаграждения” у человека

тра удовольствия” описали свои ощущения словами, метафорами, образами. Их описания тождественны тому, что испытывает в жизни каждый человек в минуты эмоционального подъема, радости, вдохновения и сладостных ощущений. Испытуемые, которым стимулировали эту и близкие к ней области мозга, рассказывали, что переживали вспышки необыкновенного чувства радости и счастья по интенсивности превосходящие оргазм, чувство небывалой душевной легкости, при которой все боли и заботы исчезали из сознания. При отсутствии достаточного возбуждения “системы удовлетворения” у человека формируется ощущение дискомфорта разной силы, от переживаний одиночества, тоски до сильнейшей душевной боли, которая может доходить до невозможности продолжать существование. Напротив, при активизации “системы удовлетворения” выше среднего возникают ощущение счастья и радости, достигающие до высших переживаний блаженства. При нормальной работе этой системы (в обычном состоянии), человек испытывает ощущение уравновешенности и душевного комфорта.

Система подкрепления, открытая Дж. Олдзом с помощью электростимулятора поставила вопрос о естественных стимуляторах “центра удовольствия”, заложенных природой в живые организмы. В организме животного и человека должны быть какие-то аналоги посылаемых в “центр удовольствия” электрических разрядов, вызывающих ощущения удовольствия. В настоящее время можно говорить о том, что многие из таких аналогов (химических веществ и гормонов) открыты и что они завязаны в сложную динамическую систему управления эмоциональным поведением живых существ.

Непосредственное раздражение вызывает реакцию подкрепления и разжигает желание. Но то же самое может делать и сигнал-Образ о прогнозируемом наслаждении. К. Прибрам показал это на арахисе, который давал обезьянам как подкрепляющий стимул. В следующем же опыте обезьяны, увидев арахис, опознали его по скорлупе. Значит, скорлупа мгновенно закрепились с их памяти как сигнал-Образ вкуснятины-орешка и вызвала реакцию выпрашивания. Так дети, увидев шоколадку, выпрашивают ее у родителей. Чем значимее сигнал, то есть чем значимее подкрепляющий акт, то наслаждение, которое он сулит, сигнализируя об объекте удовлетворения потребности и наслаждении от удовлетворения, тем стремительнее, масштабнее и повелительнее реакция на сигнал. Можно утверждать, что фасцинирующие сигналы всегда имеют такие реакции системы подкрепления.

Кроме системы подкрепления, на сигнал реагирует вся лимбическая система, создавая доминанту на действие сигнала и Образ прогнозируемого наслаждения. Доминанта образует подавление всех иных более слабых по значению и раздражению сигналов, создает кожух или замок. Так, по-видимому, осуществляется мгновенное стирание всех других раздражителей и значений, создаются оглушенность и эйфория или оглушенность и страх. И временная или достаточно стойкая амнезия. Происходит отключение критичности сознания и подключение несколько позже суженного сознания для уже **когнитивного подкрепления** доминанты. Инерция же доминанты прикрепляет сигнал и наслаждение к лимбической системе и эмоциональной памяти и закрепляет страсть к повторению воздействия. Так **образуется стойкая нейрогормональная цепочка “сигнал–возбуждение–удовлетворение–наслаждение–подкрепление–желание повторения”**, которая и завязывается на фасцинирующем сигнале и процессе фасцинации.

40% вечно активных нейронов и проблема фасцинации

Особо я хотел бы выделить ту часть открытия Дж. Олдза, на которую почти не обращают внимания психофизиологи и психологи. Я имею в виду те 40% вечно активных нейронов (35% – “подкрепления удовольствия” плюс 5% – “наказания”), которые сам Дж. Олдз выделял специально.

Бездеятельность этих 40 % нейронов – это летаргический сон и скука. Действуя, они только совершенствуют и укрепляют свой потенциал. Дж. Олдз специально подчеркнул: “В нашей работе было найдено, что **животные стремятся к повторению раздражения, наносимого приблизительно в 35% клеток мозга. Я подчеркиваю эту степень распространенности подкрепляющего эффекта, чтобы показать, что, хотя “побуждающее” электрическое раздражение может иногда не вызывать возбуждения к самораздражению, все-таки, если мыслить в понятиях клеточного возбуждения или покоя, имеются гораздо большие и более многочисленные клеточные группы, возбуждения которых организм добивается, чем клеточные группы, к состоянию покоя которых он стремится.** (выделено мной. – В. С.) ... зоны с эффектом подкрепления занимают гораздо большую часть всей массы мозга, чем зоны с наказывающим эффектом. Таким образом, нельзя рассматривать мозг как систему, стремящуюся уменьшить собственное возбуждение, так как значительная его часть проявляет тенденцию к увеличению своего возбуждения” (там же, с. 203).

Далее Олдз делает предположение о том, что опыт электростимуляции мог бы стать основой для поиска фармакологических средств коррекции деятельности мозга: “Если изученные системы головного мозга представляют собой системы подкрепления или удовольствия, то, по-видимому, некоторые нарушения поведения можно будет исправлять, если мы сможем избирательно влиять на эти центры с помощью фармакологических препаратов. Мы могли бы влиять на одну из побуждающе-подкрепляющих систем, не действуя на другую, или влиять на высшие корковые системы без воздействия на низшие гипоталамические системы” (там же, с. 226). И еще одно важное предположение, которое в последние годы находит подтверждение в наркологических исследованиях: “Весьма вероятно также, что в системах подкрепления существует несколько подсистем, по разному чувствительных к различным химическим воздействиям, так что в конце концов мы сможем с помощью фармакологических средств управлять системами подкрепления в тех случаях, когда нарушения поведения обусловлены недостатком или избытком побуждающих влияний” (там же).

В целом в механизмах действия фасцинации еще очень многое остается за пределами достоверного знания, но особенно неясно, каким образом нейрофизиологически мгновенно создается новая доминанта внимания и интереса, какие функциональные нейронные и иные связи при этом в мозге образуются, каким образом они сцепляются с центрами удовольствия и наказания, как именно, какими механизмами подавляются любые иные возбуждения, как создается то, что Б. Поршневу назвал “кожухом” над доминантой. Возможно, это происходит за счет процесса разрушения, интерференции, то есть защиты, мощным нейронным резонансом фасцинативного сигнала, отключающего все имеющиеся и зарождающиеся очаги внимания. Резкий стук в дверь или неожиданный звонок мгновенно глушит действующие в данный момент нейроцепочки внимания. Но

если это внимание, как говорится, зашкаливает, как бывает у человека, увлеченного решением какой-нибудь творческой задачи, то интерферентный фильтр крепко защищает от нового сигнала и тот буквально продирается сквозь него, как бывает, когда звонок длится долго и в конце концов все же достигает восприятия ушедшего в свои миры творца. Другими словами, фасцинативный сигнал легко или достаточно легко разрушает обыденность или легкое фасцинаторное возбуждение (дискуссию, игру в шашки, музицирование и т. п.), но часто не способен пробить защитный барьер уже наличествующей в мозге сильной, захватывающей фасцинации: хоть гром греми, хоть из пушки стреляй! Факты такой выключенности для восприятия новой фасцинации свидетельствуют о существовании по крайней мере двух нейро- и психофизиологических механизмов: избирательной актуализации фасцинации и формирования “нейрофизиологического замка” (“кожуха”) для ее защиты. Новая фасцинация должна обладать сверхактуальностью и сверхизбыточной сигнальностью, чтобы выдернуть из прежней фасцинации и включить новую доминантность. Эта гипотеза открывает, как мне кажется, путь к пониманию так называемого стойкого зацкливания индивида или группы индивидов в любых формах его проявления – от увлеченности-любви до паранойи сверхценной идеи, идеологического и религиозного фанатизма. В последних случаях в образовании “замка” включен, по-видимому, еще и так называемый эмоциональный резонанс, если речь идет о групповой фасцинации.

Можно предположить, что поиск путей и средств борьбы с любыми фанатичными и экстремистскими общностями неизбежно будет включать разработку технологий переключения (вытеснения, замещения) актуализированной фанатичной фасцинации на другую и разрушение “нейрофизиологического замка”, создаваемого у adeptов подобных сообществ технологиями индоктринации. Сходная схема возможна и в сфере борьбы с наркоманией, поскольку мир наркомана – это мир чарующей аутофасцинации, создаваемой биохимическими веществами – аналогами естественных биохимических стимуляторов «радующей» эндорфино-серотонино-дофаминовой системы организма.

ГЛАВА III. ФАСЦИНАЦИЯ ТЕЛА

Кто другой на этом свете
знает, что такое “тело”?

Ж.-Л. Нанси

Тело – это судьба

По мнению Ж. Бодрийяра, которое я целиком разделяю, в современной цивилизации нарастает интерес к телу и “тело, веками вытесняемое, утвердилось как ценность”. Это в особенности характерно для западной цивилизации. Человечество вновь, как во времена Гомера и Перикла, вступает в стадию культа тела, здоровья и красоты. На фоне ожирения и увеличивающегося числа болезней. Таков парадокс современности.

М. Хайдеггер, подвергая критике аргументацию Ф. Ницше об основополагающем для человека инстинкте “воли к власти”, касается и той ее части, где Ницше включает в свою аргументацию власть тела. Он рушит совершенно верные, на мой взгляд, постулаты Ницше, которые сегодня звучат как нельзя более современно и убедительно. Так, Ницше выдвигает тезис, согласно которому при понимании человеческих устремлений, в том числе и “воли к власти”, необходимо исходить не из субъективности абстрактного Я, а из конкретики тела и телесных влечений. Хайдеггер цитирует Ницше: “Вера в тело фундаментальнее, чем вера в душу”, и еще: “Феномен тела есть более богатый, отчетливый, осязаемый феномен, методически подлежащий выдвижению на первое место, без какого-либо предрешения его последнего смысла”, “существенно: исходить из тела и пользоваться им как путеводной нитью” (510, с. 302-303).

Труды Ж.-Л. Нанси (301), М. Мерло-Понти (283; 284), Ж. Бодрийяра (52; 54) и др. (343; 442; 525), посвященные проблеме тела, в этом смысле продолжают традицию Ф. Ницше. Тело всегда исключительно, его фасцинация властна, чтобы можно было позволить игнорировать его в философии жизни человека и общества. Можно сказать так: тело – повелитель, а не картинка или вместилище духовных и мыслительных функций. Мыслит и духовно живет все тело – вот философская и научная идея, которая в последнее десятилетие становится все более воспринимаемой как адекватность феномену человека. И если Леонардо да Винчи советовал исходить из мудрости тела и кожи, а Поль Валери считал, что “нужно мыслить кожей”, то это как раз тот путь, на который ступила современная нейрофизиология, биохимия, психофизиология и философия. Не Я использует тело для жизни, а тело использует Я. Другими словами, тело – это судьба, как показал М. Осоргин в повести “Сивцев вражек”, создав образ “совершеннейшего инвалида-обрубка” Стольникова (323).

Я перехожу к теории трех тел и идее тела как базового фасцинативного сигнала-Образа.

Основная идея в разрабатываемой мною в рамках соматетики теории трех тел заключается в следующем: от рождения (и даже до зачатия) и до смерти человек живет сразу в трех телесных ипостасях: биологической, социальной и коммуникативной или, сказать по-другому, его единый телесный экзистенциал содержит биологи-

ческое, социальное и коммуникативное тело. Последние два пронизаны фасциаторной демонстрационностью, эффектно-запоминающимся показом тела.

Биологическое тело – это тело вида-индивида, как оно дано природой, оно живет и ощущает, получает первичные базовые удовольствия и множество заложенных в среде и себе самом неприятностей и болей. Его можно усладить и истязать.

Социальное тело имманентно соединено с социумной маркировкой и сочленено с общевидовой психикой, а у человека – с социальным и групповым сознанием. Религия решает, быть ее верующим обрезанными и в каком возрасте или оставаться необрезанными. Партия решает, будут ли ее члены иметь на плече татуировку гранаты “лимонка” или кольцо в правом ухе. Как решит социальная группа, такую социальную метку и получают ее адепты. Часто на всю оставшуюся жизнь.

Коммуникативное тело живет полифункциональной демонстрационной жизнью в процессах коммуникации. Его функция – оптимально осуществить социальную, сексуальную, межвозрастную, профессиональную и любую другую коммуникацию. Это тело должно уметь петь, плясать, кувыряться, гримасничать, становиться в позу, кланяться или высокомерно надувать щеки, кривить лицо в улыбке или издавать неприличные звуки с целью эпатажа.

Все три телесные ипостаси существуют в единстве, образуя многообразную комбинаторику. С этой точки зрения все они представлены миру и все на него коммуникативно действуют. Но по-разному.

Тело вида и вид тела

Первым в ряду воздействий на мир стоит, само собой разумеется, биологическое тело, которое наделено базовой фасцинацией особого определяющего значения для жизни. Живая особь появляется в мир не в виде абстрактного существа, а, напротив, самого что ни на есть конкретного: она либо лев, либо антилопа гну, либо самец, либо самка, либо наделена геномом и энергетикой лидера, либо представляет собой вялого “подонка”. Каждому отмерено природой свое.

Гегель особо отмечал, что самое конкретное и есть самое абстрактное. В теле особи действительно заключена его судьба. И сама особь влияет на мир в первую очередь как тело – своим видом, данностью своей выразительности, своими действиями. В презентации миру и выборе, который предпочтут сделать другие особи, участвует прежде всего и в первую очередь формат тела. Сначала особь получает тело своего биологического вида, затем презентует миру свой вид тела. Все заинтересованно наблюдают – кто это? Маленького лебедя в сказке Андерсена “Гадкий утенок” подробно разглядывал весь двор, то есть целый мир, в который он вошел своим телцем. И все решили, что он – “гадкий”.

В древней Спарте отец был обязан нести родившегося ребенка в совет старейшин, задача которого состояла в том, чтобы тщательно осмотреть дитя, определить его физическое и психическое состояние и вынести вердикт: жить ему или умереть.

Тело – это судьба. Уродливый, но могущественный сатрап видит изумительной красоты девушку. Он влюбляется в нее, делает своей наложницей вопреки ее желанию, зная, что она его никогда не полюбит. Две драмы, заложенные в их судьбы их телами. Трагедии подобного содержания многочисленны во все века. Не так давно

отшумела в России еще одна криминальная трагедия: он – бандит-авторитет, она – красавица, призер конкурса красоты. Она не желает быть его возлюбленной. В отместку он нанимает отморозков, которые выплескивают ей в лицо соляную кислоту, перечеркивая ее красоту. Я уже говорил об этой опасности быть фасциновым, ссылаясь на Ж. Батая, сказавшего, что красоту стремятся осквернить.

“Мое тело выдают замуж”, – сказала мне одна прелестная мусульманка в Кыргызстане. В начале 90-х годов прошлого уже столетия в Киргизии подняли головы солидные, как правило толстобрюхие, мужчины, захотевшие возродить институт многоженства. Много очаровательных девушек-кыргызок страшно забеспокоились, а часть из них от греха подалше уехали на Запад.

Вид тела пола необходимо, как мне кажется, рассматривать как базовый сигнал коммуникации, наделенный первичной фасцинацией. Эксперименты на животных показали мощное влияние их друг на друга исключительно телесным экзистенциалом. Уже только присутствие тел своего вида – мощный стимул-сигнал к жизни и к неодолимому сексуальному сближению. Вид и запах тела для большинства животных является основным регулятором как полового поведения, так и поведения вообще. Когда самки находятся рядом с самцами, даже если они при этом лишены возможности спариваться, они быстрее становятся способными к размножению, чем полностью изолированные самки. Это наблюдается у мышей, крыс, кроликов, обезьян. А если самец начинает ухаживать за самкой, еще не готовой к спариванию, то ухаживание ускоряет созревание половых желез, как наблюдается у голубей или других птиц, изолированных в клетках. У норок присутствие и прикосновения самца в такой степени ускоряют половое созревание самок, что звероводы, занимающиеся разведением норок, обычно специально подсаживают к молодой самке активного самца. По-видимому, для полового созревания бывает достаточно одного лишь присутствия самца, как, к примеру, у свиней (462, с. 41).

У самцов в присутствии самок тотчас происходит выброс гормона тестостерона, который стимулирует стремление завоевывать самок, а в случае необходимости – демонстрировать свою агрессивность. То же самое происходит и с мужчинами. Магнитно-резонансное сканирование мозга мужчин показало, что одно только созерцание женского красивого лица и фигуры, даже на фотографии, вызывает реакцию удовольствия, что проявляет себя в образовании возбуждения удовольствия в тех же нейрофизиологических структурах мозга, которые реагируют на пищу или наркотики.

Сексуальная фасцинация вида тела противоположного пола у человека с неумолимостью рока прорывается в сны, грезы, фантазии, галлюцинаторные наваждения. Как это происходит, поставили на себе своеобразный “естественный эксперимент” (с подробным описанием результатов в своих посланиях и трактатах!) монахи и особенно отшельники – святые Иероним, Антоний и др. Испытания святого Антония представляют собой возведенный в символ зов телесной похоти с галлюцинациями женских тел. Блаженный Августин свидетельствует по своему опыту, что возбуждение появляется “в ту пору, когда его никто не просит” (50). Испытания отца Сергия у Л. Толстого закончились в этом смысле плачевно: зов плоти победил.

Не все отшельники, однако, противились зову основного инстинкта. Забавный пример тому записал в своих дневниках Л. Толстой. К нему пришли крестьяне-ходоки из Пермской губернии за советом, что им делать с обезумевшими женами, которые

по одной и даже группами ходят в лес на скалу к отшельнику “на случку”. По словам мужиков, битье не помогало. Известно, что соблазн плоти столь велик, что длительное сексуальное одиночество выдерживают очень немногие и неверность в разлуке является вечной темой романов, бытовых рассказов и анекдотов.

Такова диктатура базовой, первичной фасцинации, заключенной в гендерном теле: в теле самки и самца. Тело волнует, возбуждает, притягивает как магнитом. И понятно, почему первичная фасцинация тела обязана быть столь властно-неодолимой, даже если игнорировать аспект привлекательности-непривлекательности объекта зова, – природа требует неукоснительного стремления к репродукции рода. Тела притягивают друг к другу инстинкт продолжения жизни, а сигнализируют они друг другу об этой необходимости своим внешним видом.

Таким образом, уже тело само по себе, как оно сотворено природой, тело вида – мощный фасцинативный сигнал. Л. Толстой в “Крейцеровой сонате” с сарказмом подчеркивает телесную диктатуру пола: женщины “знают очень хорошо, что самая возвышенная, поэтическая, как мы ее называем, любовь зависит не от нравственных достоинств, а от физической близости. . . наш брат все врет о высоких чувствах – ему нужно только тело. . . Кокетка знает это сознательно, но всякая невинная девушка знает это бессознательно, как знают это животные. От этого эти джерси мерзкие, эти нашлапки на зады, эти голые плечи, руки, почти груди. Женщины, особенно прошедшие мужскую школу, очень хорошо знают, что разговоры о высоких предметах – разговорами, а что нужно мужчине тело и все то, что выставляет его в самом заманчивом свете” (438, с. 195).

А. Пиз в книге “Язык жестов” ссылается на исследование А. Шефлена “Квазиухаживания в психотерапии”, которое показало, что “когда человек входит в компанию людей противоположного пола, в нем происходят определенные психологические изменения. Он заметил, что мышечный тонус этого человека повышается: он как бы готовится к возможному сексуальному контакту; мешки под глазами и на лице исчезают, человек выпрямляется, грудь прогибается вперед, живот автоматически вытягивается, все тело вытягивается и он кажется моложе. Идеальным местом для наблюдения этих изменений является пляж, когда женщина и мужчина приближаются друг к другу с какого-то определенного расстояния. Изменения происходят в тот момент, когда они подходят настолько близко друг к другу, чтобы встретиться глазами, и продолжают до тех пор, пока они не проходят мимо друг друга, после этого возвращается их прежняя поза” (339, с.136 –138).

Исследование реакций гормональной системы и мозга современным тонким инструментарием магнитно-резонансной томографии убедительно показали, что уже в процессе активного разговора с совершенно посторонней представительницей противоположного пола достаточно обменяться несколькими словами или взглядами, как в организме мужчины возрастает количество тестостерона, иногда весьма резко. Увеличение количества гормонов помогает мужчинам стать более настойчивыми и уверенными в себе, чтобы добиться расположения понравившейся женщины. Эксперимент, подтвердивший сказанное, остроумен и прост. Принимавшие участие в исследовании мужчины в возрасте от 18 до 36 лет не знали истинных целей эксперимента. Им сказали, что они участвуют в исследованиях, направленных на изучение химического состава слюны. Молодые люди не знали также, пока не увидели, что в

лаборатории находились молодые ассистентки, которым было поручено поболтать с мужчинами пять минут. Этим пяти минут хватило, чтобы уровень тестостерона поднялся на 30%. Причем уровень тестостерона был настолько выше, насколько активно собеседники демонстрировали интерес к ассистенткам. Мужчины просто хотели произвести хорошее впечатление.

Картина меняется в сторону драматургизации тогда, когда у самца и самки есть выбор. В силу вступают дополнительные сигналы-фасцины, которыми наделено каждое конкретное тело, а также ритуализованное обрамление, в котором приобретает значение все: и энергетика, и тон, и оригинальность произвольных двигательных реакций, и, естественно, возраст и опытность. Все это идет в ход для обольщения и получения во владение лучшего тела. Все эти дополнительные сигналы обольщения можно назвать вторичной фасцинацией. Такое деление помогает понять природу того, что называют “относительность красоты”.

Фасцинация породы и породистости

Несколько изменив ракурс анализа, можно утверждать, что первичная телесная фасцинация – это фасцинация породы и породистости. Самцы демонстрируют здоровье и производящую половую силу, самки – здоровье и фертильность. Биологическая породистость лежит в основе усиления фасциаторного действия тел самца и самки друг на друга. При прочих равных условиях выбор делается в пользу породистости, то есть оптимальной природной выразительности тела вида. Самец и самка предстают друг перед другом как образцы-Образы вида и стимулируют внимание друг к другу оптимумом физических и репрезентационных качеств.

По сути, в этом и заключена разгадка так называемой “объективности красоты тела” у человека. Красиво то, что представляет собой лучший образец человеческой породы, что наделено качеством породистости. Печорин рассматривал княжну Мэри как породистую лошадь, чем вызвал негодование Грушницкого (233. с. 363), который, тем не менее сам именно в породистость Мэри как женщины-самки и влюбился.

Поиск канонов красоты, по существу, как раз и вывел на проблему породы как основы оптимального воспроизводства рода. Закономерность эта распространяется на внешний вид и людей, и животных. Так, эксперименты по определению максимума телесной привлекательности у женщин выявили те пропорции тела, которые мужчины особенно предпочитают и ищут. Проф. Мэннинг из университета Ланкашира вывел оптимальное соотношение между женской талией и ягодицами: объем талии, поделенный на объем бедер, должен давать коэффициент 0,7 ($OT:OB=0,7$). Когда применили полученный показатель к звездам шоу-бизнеса, то оказалось, что идеальной талией и бедрами обладает Кэйли Миноуг: ее индекс – 0,702. На втором месте в этом своеобразном рейтинге стоит бразильская топ-модель Жизеле Бюндхен. У нее талия – 61 см, объем бедер – 86 см, коэффициент 0,708. На третьем месте – модель Кэти Прайс с индексом 0,68. Формула Мэннинга подходит для женщин любых габаритов, только бы выдерживался коэффициент 0,7, даже если дама с объемом талии 80 см, а бедер – 114. И это вполне объяснимо, поскольку это пропорции максималь-

ной женской фертильности, лучшей возможности к зачатию, вынашиванию, рождению и кормлению ребенка. У мужчин реакция на эти пропорции носит врожденный, обусловленный репродуктивной fascinaцией характер, заложенный в геноме. “Нравится!”, потому что так угодно природе. А то, что “нравится”, то и красиво.

Тело вида – это всегда “завершенная незавершенность”, заданная функциональная структура, постоянно находящаяся в процессе дозавершения в двух аспектах. Во-первых, с точки зрения развития вида в вечно меняющейся среде обитания, диктующей каждой особи популяции в процессе ее выживания совершенствование, оптимальную адаптацию, чтобы передать результаты ее потомству. Во-вторых, сама особь есть в известном смысле постоянная реакция, своеобразный центр взаимодействия с окружающим миром и, следовательно, реактивно-меняющейся субстанцией, другими словами, незавершенной, стремящейся ко все новой и новой завершенности. Это та незавершенность, которая обеспечена системно-структурной избыточностью, дающей потенцию к мутациям, к поиску и закреплению оптимальных адаптаций, к коррекции. В процессе незавершенной завершенности происходит, по-видимому, появление так называемых “телесных идеалов” вида, которые следует рассматривать как идеалы исключительно в контексте времени, то есть “на данный отрезок развития популяции”. Ибо то, что сегодня оказывается идеальным, завтра может превратиться в ходе естественного отбора в атавизм, а то и в тормоз. Таким образом, тело есть ни на секунду не прекращающийся процесс изменения своей субстанции как “тела – носителя жизни вида”. Тело – это агент вида, трепещущий реализатор его бытия, продолжающегося во времени, тело – это драма живого существа, окруженного опасностями разрушения и гибели.

Так появляются совершенствующие телесный вид мутации. И в этом же направлении действует естественно-искусственный отбор по усилению или по крайней мере не ухудшению породы, чем особенно во все времена были обеспокоены элиты общества. Для царей устраивали смотрины невест с тщательной экспертизой тела кандидаток в царицы. Все сильные мира сего стремились обеспечить породистость фамилии. Об этом весьма строго заботятся и некоторые немногочисленные этносы, защищая и укрепляя свой генофонд. Тела спартанцев служили образцом породистости для всей Эллады.

Шопенгауэр прозорливо заметил, что телесная красота есть символ рода в силу оптимальности ее носителя для продолжения рода. Именно поэтому и существует сексуальная тяга к телесной красоте как породистости. Демонстрациями породистости женских тел можно рассматривать ставшие столь популярными конкурсы красоты. Не потому ли на деревенских вечеринках-смотринах девушки не сидели, а “крутились” стоя, выставляя всю себя напоказ.

Еще в древности человек выделил особые признаки в теле и его состояниях, которые создавали понятие красоты тела и сексуальности как качеств, способствующих половому возбуждению и выбору партнера для любовного сексуального предпочтения. Красивые выигрывали в сражении за обладание половым партнером, особенно это касалось женщин, так как им уготована была пассивная роль и выбор исходил от мужчин. Красота женщины и была ее активностью, ее влиянием, ее победой. Так становились царицами, любовницами сильных мира сего, завоевывали более высо-

кое положение в обществе. Гетеры в Древней Греции почитались и имели большую свободу (вторая жена Перикла красавица и умница Аспазия, с которой побаивался состязаться в диспутах сам Сократ, была гетерой), наложницы китайских императоров иногда достигали статуса жены и императрицы исключительно благодаря своей красоте, женственности и искусству нравиться мужчине, в гаремы султанов и шахов попадали самые красивые и сексуально искусные женщины (существовало даже особое искусство отбора женщин в гаремы, предусматривающее “проверку” устройства гениталий и мышечных умений в технике секса).

Символом тела нации можно по праву назвать тело спартанца. Нет в истории человечества более яркого примера и опыта заботы о теле своего рода, проявляющегося в телах соотечественников, сыновей и дочерей, составляющих единый народ, чем Древняя Спарта. Культ здорового и красивого тела, столь характерный для Древней Греции вообще, в Спарте был возведен в принцип государственной политики, и не случайно спартанские мужчины и женщины были красивейшими в Элладе, а воины-спартанцы вошли в легенды. В одной из песен той поры есть слова: “Здоровье – благо высшее для смертных, Второе – быть красивого сложенья”. Тело каждого спартанца было на строгом учете от рождения до смертного часа. Отец, получивший от совета старейшин вердикт своему ребенку “не жить”, обязан был нести ребенка к скале, с которой сбрасывали рожденного под несчастливой звездой: младенец переставал существовать только потому, что мог нанести урон здоровому и красивому телу соцуума своим несовершенством, выявленным при строгой экспертизе старейшин. Суров закон, но это закон, и спартанцы строго соблюдали его многие века. Не будем судить с высоты нашего гуманизма и морали – таковы были нравы. Но вспомним, что именно триста спартанцев во главе с царем Леонидом спасли Элладу от персидской несметной армии, остановив ее ровно настолько, чтобы греки собрали силы для отпора. Суровые обычаи приносили плоды.

Тело родившегося, оставленного жить, с этого момента принадлежало государству и включалось в строго продуманную систему физического и нравственного совершенствования. Так, кормилицы младенцев не пеленали, чтобы дать свободу телу, приучали их ко всякой пище, отучали от страха перед темнотой и одиночеством, от капризов и плача. С семилетнего возраста мальчиков подвергали суровому воспитанию в особых школах-гимназиях под руководством назначенных государством воспитателей – педономов. Педоном, наблюдая за играми детей, подзадоривал их, провоцировал драки. Взрослые не боялись, что дети покалечат друг друга – “слабакам” не было места среди воинов-спартанцев. Воспитание девочек-спартанок мало чем отличалось от воспитания мальчиков. Спарта возвела заботу о телесной породе в политику и эта политика много столетий приносила ошутимые плоды побед и лидерства в Элладе.

Не так давно на одном из откровенных телешоу весьма ухоженная и, я бы сказал, породистая дама с почти циничной искренностью жаловалась всему свету, что никак не может найти мужа, которым должен, по ее замыслу, стать очень породистый самец, чтобы она могла родить породистых детей. В этом заключался

смысл ее жизни. И с определенной точки зрения она права, поскольку стремление к породе, как я показал выше, есть биологическое, эволюционное начало межполовой коммуникации и репродукции лучших генов, оно имплицитно содержится в сексуальной психике каждого человека. И поэтому совершенно понятно стремление части женщин “зачать ребеночка” от Шварцнеггера или Сталоне, а то и от кого-нибудь из нобелевских лауреатов, сперма которых хранится в национальных и межнациональных банках спермы.

Социальное тело

Уже у животных тело вида всегда имеет еще и особую какую-нибудь метку в теле и его запахе, инвариантные знаки вида для узнавания особями друг друга. Иногда близкие виды птиц и насекомых различаются друг от друга по дополнительному пятнышку, полоске, цветовому нюансу. Этого бывает вполне достаточно, чтобы не происходило межвидового перемешивания. Так, расцветка крылышек и количество точек на крыльях божьих коровок могут быть различными – это видовой признак божьих коровок (а их известно около 3 500 видов!).

В ряду таких групповых меток особое место принадлежит так называемому семейному запаху. Озерные выдры периодически устраивают купание в яме с экскрементами и мочой всех членов семьи, что придает им всем замечательно fascinating общий запах, который ни с каким другим не спутаешь. К. Лоренц провел такой эксперимент: забирал крысу из стаи и помещал ее в другое место, где сохранялись запахи другой крысиной семьи. Через некоторое время он возвращал крысу обратно в свою стаю. Соплеменники яростно набрасывались на бедное животное и убивали его. Можно сказать, что крыса потеряла социальную метку в своем теле и потому стала чужой.

В человеческом обществе социальное изменение биологического тела начинается еще до рождения. Тысячи лет в патриархальных социумах ждали появления на свет мальчиков, использовали для этого самые невероятные ритуалы и снадобья. Родившихся девочек у некоторых этносов ждала печальная участь – их умерщвляли. После рождения тело включалось в разного рода деформирование и нанесение специальных меток: обрезание, нанесение рубцов, татуировок и т. п. Тело становилось социально помеченным, его делали своеобразным живым паспортом. Именно социальные метки обеспечивали единение, эффект группы.

Р. Шовен отмечает стимулирующее влияние группы уже у животных. Любое животное реагирует на приближение сородичей, изменяя не только характер своего поведения, но и физиологию: рост, аппетит, время вступления в диапаузу и т. д. Очень часто эффект группы сказывается даже в том случае, когда на ограниченном пространстве находятся *isrego* две особи. Более того, этот “критерий двух особей” – один из лучших тестов для выявления эффекта группы – открыли его у саранчи, тараканов, кузнечиков, тлей (461, с. 90), гусениц (походного шелкопряда и прочих), у пчел, муравьев, ос, палочников, мышей и т. д. Сплошь и рядом две особи одного вида вызывают друг у друга сильнейшее ускорение роста. Основа воздействия – чувственная, и нередко его можно устранить или даже придать ему обратную направленность, ампутируя различные органы чувств (461, с. 100). Пчелы, муравьи и термиты

не могут жить в изоляции, они погибают, не прожив и нескольких дней (там же, с. 126). Так, он особенно отчетливо проявляется у морских птиц, живущих огромными скоплениями: у них обнаружена стимуляция половой активности, вызванная, несомненно, жизнью в группе. “У самцов и самок чаек одни только брачные демонстрации ускоряют наступление момента спаривания и откладывания яиц. В больших колониях откладка яиц начинается раньше, чем в малочисленных, а в центре колонии раньше, чем на периферии. У крохалей (*Mergus cucullatus*) брачные демонстрации стимулируют самку только в том случае, если их выполняют по меньшей мере два самца одновременно, одиночный самец успеха не добьется” (462, с. 139, 150).

Эффект группы у людей особенно значим в небольших социальных группах и субкультурах. Там, к маркировке тела проявляют повышенное внимание и придумывают самые замысловатые метки. Часто эти метки служат еще и демонстрационным поведению, их наносят на видные места тела “чтобы все видели”. Социальное тело сливается с демонстрационным.

Демонстрационное тело (тело на показ)

Жан-Люк Нанси один из разделов своего труда “Corpus» назвал “По(ре)ау-каз”. Он акцентирует внимание на таком аспекте телесности, как “показ тела” (я называю этот феномен “демонстрирование тела”) и пишет: “Тело есть быть-показанным бытия... так выставляются в показе все эстетики, чье тело есть прерывистая, множественная, нарастающая сборка. Так выставляются в показе его члены – фаллические и цефалические; его части – клетки, мембраны, ткани, наросты, паразиты; его покровы, пот, его черты, оттенки, весь его местный колорит (нам никогда не покончить с расизмом, пока мы будем противопоставлять ему родовое братство людей, вместо того чтобы вернуть ему, только уже позитивное, переподтвержденное, рассредоточенные наших рас и отличительных черт – черных, желтых, белых, курчавых, курносых, губастых, округлых, волосатых, жирных, покорных, изумленных, сиплых, хилых, с выступающими челюстями, горбатыми носами, сморщенных, надушенных...). Повсюду – от тела к телу, места к месту, от мест, где находятся тела, к зонам и точкам единого тела, – повсюду происходит прихотливая разборка того, что могло стать допущением какого-то тела. Повсюду распад, который не ограничивается чистой и не выказанной самостью (смертью), но распространяет, до последней стадии разложения, – да, даже вплоть до нее – невиданную материальную свободу, какой бы невыносимой та ни была, свободу, не оставляющую места ни одному континууму оттенков, отблесков, тонов, линий, но являющуюся, напротив, рассеянным, бесконечно повторяющимся взламыванием любого изначального соединения/раздвоения клеток, посредством чего рождается “тело”.

Все тела выступают частью этого взлома, этого отхода тел, происходящего во всех телах, а материальная свобода – материя как свобода – не есть ни свобода жеста, ни тем более свобода действия, ни свобода двух оттенков слюды, миллионов различных ракушек или же бесконечного распространения *principium individuationis* - так, что сами индивиды не перестают индивидуироваться, постоянно становясь все более

отличными от самих себя, а значит – все более схожими и взаимозаменяемыми, при этом, однако, смешиваясь с субстанциями лишь тогда, когда субстанция – по-прежнему не подпирающая ни себя, ни что-либо другое – выставлена напоказ здесь: в мире (и миру)” (301, с. 24).

Тело, таким образом, по Нанси, одновременно и бытие во всем богатстве его членов и функций, и показ миру, и восприятие показа другими телами-субстанциями.

О показе тела как неотъемлемом атрибуте его бытия говорит и М. Хайдеггер: “Всякое сущее – представляющее; представляющее постольку, поскольку к бытию сущего принадлежит *nisus*, тяга к выступлению, тяга, которая, повелевая выходом (явлением), определяет то, как предъясняется это сущее.

Сущность жизни немыслима без желания роста, возрастания. Сохранение жизни всегда служит возрастанию. Если жизнь ограничивается самосохранением, она деградирует. Так, к примеру, обеспечение жизненного пространства никогда не бывает целью живого — это всегда только средство возрастания, средство возвышения жизни. И наоборот, возросшая жизнь в свою очередь возвышает, усиливает потребность в расширении пространства. Однако возрастание невозможно, если не обеспечен основной состав, его постоянство, если он не сохранен как способный к возрастанию. Поэтому живое — это всегда соединенное двумя основополагающими тяготениями возрастания и сохранения “сложное образование жизни”. Ценности, будучи точками зрения, направляют смотрение во взгляде-на - во взгляде на “сложные образования”. Смотрение – это всякий раз смотрение такого-то жизненного взгляда, и им пронизано всякое живое существо” (511, с. 183-185). Выход в коммуникацию для живого неизбежен этим, справедливо отмеченным М. Хайдеггером имманентным для него стремлением к возрастанию своей сущности. Стремления некоего числа живых существ в возрастанию порождают сексуальную коммуникацию, соединение в сообществе и воспитание потомства. В этих процессах особое место как инструмент реализации занимает демонстрационная коммуникация и особенно фасцинативно-демонстрационная, использующая избыточно яркие, возбуждающие и повелевающие сигналы.

Демонстрационное тело – это экипированное по полной, избыточно надежной и красочно-эффективной программе коммуникативное тело, то есть тело, живущее коммуникацией, общением. Поэтому всегда осуществляется и **настройка тела на показ**, даже у животных. Человек же в этом стремлении выказывает замечательную искусность и мастерство.

Закон актуального демонстрирования тела и внешнего облика и фасцинация

Гипотеза

Все живое следует всеобщему закону, который кратко можно сформулировать так: фасцинативное коммуникативно-демонстрационное поведение, наряду с коммуникативно-информационным, является фундаментальной функцией живых субстанций от растений и вирусов до человека. Актуальное демонстрирование тела и внешнего об-

лика, информация и fascinация – вот тот комплекс, который позволяет живым системам осуществлять гомеостазные взаимодействия, принимать “управленческие решения” и реализовывать “управленческие воздействия”. Без этого коммуникативно-аттракционного комплекса невозможна жизнь, естественный отбор, любые социальные и социальные сообщества.

Эта гипотеза о законе актуального фасцинативного демонстрирования тела и внешнего облика кажется мне все более корректной.

К. Лоренц в книге “Агрессия. Так называемое зло” пишет: “Когда я... начал изучать в аквариуме красочных рыб с коралловых рифов, меня влекла не только эстетическая радость от их чарующей красоты - влекло и “чутье” на интересные биологические проблемы. Прежде всего напрашивался вопрос: для чего же все-таки эти рыбы такие яркие?” (245, с. 22). Похожий вопрос задал и я самому себе, когда углубился в проблему коммуникативно-демонстрационных проявлений тела и внешнего облика у животных и человека. Фактический материал о демонстрировании тела и внешнего облика огромен, а в человеческом обществе он еще и подкрепляется поведением буквально каждого человека, озабоченного тем “хорошо ли он выглядит?”, почти повседневным прихорашиванием и старательным подчеркиванием лучших своих телесных сторон и особенностей внешности. У людей демонстрирование тела и внешнего облика столь разнообразно и полифонично, что только одно перечисление и описание его форм заняло бы не одну книгу. И попытки описания и классификации демонстрационного поведения человека уже предпринимались не раз.

Уже одно только распространившееся в последнее время как эпидемия стремление людей выглядеть “экслюзивно” и затрачиваемые на это порою фантастические и дорогостоящие усилия наталкивает на мысль о существовании некоего всеобщего закона биологической и социальной жизни, касающегося коммуникативно-телесной демонстрационности. Думается, совсем не случайно в свое время Гейяр де Шарден выделил “симпатию-антипатию”, “стремление привлекать” как базовые характеристики живого, усиливающиеся в своем значении для социальной жизни по мере усложнения живой материи в сторону разума и в современной цивилизации уже приобретающие роль более важную, чем экономические отношения (426, с. 230-233). Встает вопрос не столь простой, как может показаться на первый взгляд: для чего в процессе биологической и социальной эволюции возникли и заняли столь важное место в поведении животных и человека именно демонстрационные поведенческие формы?

Частично ответ получен этологами, и особенно велика в этом заслуга Н. Тинбергена и К. Лоренца: “...многие (но далеко не все!) демонстрационные формы у животных служат в первую очередь узнаванию соперника и ритуализации борьбы, чтобы снизить риски нанесения ран или гибели от прямой агрессии... яркие плакатные расцветки и вызываемые ими избирательные боевые реакции приводят к тому, что каждая рыба каждого вида выдерживает определенную дистанцию лишь по отношению к своим сородичам, которые являются ее конкурентами, так как им нужна та же самая пища. В этом и состоит совсем простой ответ на часто и много обсуждавшийся вопрос о функции расцветки коралловых рыб”. Так повелел его величество Закон Естественного Отбора: “Какая видосохраняющая функция вызвала их появление?... Как раз о великолепной боевой раскраске коралловых рыб мы знаем уже вполне твердо,

какую особую роль она выполняет: она вызывает у сородича – и только у него – яростный порыв к защите своего участка, если он находится на собственной территории, и устрашающе предупреждает его о боевой готовности хозяина, если он вторгся в чужие владения. Как расцветка коралловой рыбы, так и песня соловья служат для того, чтобы издали предупредить своих сородичей – ибо обращаются только к ним, – что дешный участок уже нашел себе крепкого и воинственного хозяина” (245, с. 34).

Но если выйти за рамки агрессивного поведения, то уже простое наблюдение показывает существование демонстрационных форм еще в одной сфере, архиважной по значению для выживания и сохранения вида, какой является воспроизводство популяции и все, что с этим связано.

Так что вопрос “зачем?” актуален. Если К. Лоренц в поиске объяснения яркой окраски коралловых рыб и ритуализованных форм борьбы между соперничающими особями пошел путем индукции, то я вынужден был избрать иной путь – логический. Сознавая, что письменное изложение и аргументация всегда страдают неизбежными упрощениями, а то и субъективистской сбивчивостью, я все же осмелюсь воспроизвести логику поиска ответа.

Дискретная множественность живого

Начну с аксиомы, которая, окажись она ложной, рушит все здание логического построения. Эта аксиома кажется мне неопровержимой опытной и теоретической базой, зафиксированной человеческим разумом: все живое имеет дискретно-дисперсную природу, то есть существует как пространственно-временные “отдельности” или “самости”, резко отграниченные от среды и взаимодействующие с изменчивой средой посредством обмена веществ (метаболизма), поддерживая свою выживаемость и стабильность механизмами внутриорганизменного гомеостаза.

Что такое дискретность и дисперсность? Термин “дискретность” в рассматриваемом контексте можно понимать как “отдельность”, “единичность”. Дисперсность же, по В. И. Вернадскому, это “резкая отграниченность от окружающей среды, в которой они представляют как бы самостоятельные всегда движущиеся резко обособленные от окружающего геометрические тела”, размеры которых колеблются от 10^{-6} см до 10^3 см (81, с. 272). Другими словами, это четкое пространственное ограничение организма внешней оболочкой, это телесность живой субстанции, это то, что можно назвать “особь”, “индивидуум” (разумеется, только в организменно-телесном смысле). Если “собственно жизнь начинается с клетки”, с этой “естественной крупинки жизни”, то уже этот уровень организации живой материи обнаруживает и дискретность, и дисперсность, или, как проще сказал Пьер Тейяр де Шарден, “гранулярную жизнь” (426, с. 73, 82). Уже первая клетка с необходимостью закона окружает себя мембраной, отгораживается и значит становится *corpus*, телом. Мембрана и завершила формирование клеточных структур (там же, с. 80).

Из дискретности-дисперсности с необходимостью вытекает **второй экзистенциал всего живого - множественность дискретных организмов**. Давно открыта закономерная прогрессия: чем мельче организм, тем больше порядок его множественности. Клетка может существовать и воспроизводиться, как справедливо отметил Тей-

яр де Шарден, только в рамках порядка “мириады”, по принципу “малость по размерам и множество по числу”, тогда как существование китов или слонов ограничивается порядком “тысячи”. Для нашего рассуждения эти порядки несущественны, главное – это факт существования дискретных организмов через способ их воспроизводимой множественности. В самом деле, один-единственный дискретный организм, возникни он на Земле, был бы ограничен во времени существования затуханием метаболизма. Необходимо надежное, непрекращающееся воспроизводство “единичностей”. Только тогда можно говорить об их существовании во времени, об их эволюции. Р. Докинз в связи с этим пишет: “Отдельный организм кажется достаточно дискретным, пока он живет, но, боже, как недолго это длится! Каждый индивидуум уникален. Эволюция невозможна, если все, чем вы располагаете, – выбор между организмами, каждый из которых имеется лишь в одном экземпляре” (134). Из этого следует очередной вывод: дискретность должна воспроизводиться как изменчивое, адаптирующееся, инвариантное тождество, как некая воспроизводящаяся матрица. Другими словами, дискретные организмы в рамках множества должны быть тождественными, похожими друг на друга, это обеспечивает их воспроизводство во времени. Изменчивость же необходима для адаптации к изменяющейся среде, но это – изменчивость отдельных функций и органов в пределах стабильного множественного тождества. Стремящееся к выживанию и стабильности “множество дискретностей” получило в биологии названия “живой вид” и “популяция”.

Таким образом, упрощая полученную модель живого, можно сказать, что все живые субстанции дискретно-дисперсны, существуют как множества (виды), и это обеспечивает им индивидуально-видовое выживание и продолжение существования длительное время, во всяком случае до тех пор, пока не произойдут какие-либо катастрофические для вида изменения во внешней среде.

Если сказанное выше справедливо, возникает вопрос огромнейшей важности: как же вынуждено существовать “дискретное множество”, чтобы воспроизводиться как тождественность и адаптирующаяся стабильность? Другими словами, встает вопрос о связях и взаимодействиях живых дискретностей, волей возникновения жизни и естественного отбора поставленных в условия существования среди себе подобных и среди других “дискретных множеств”: нейтральных, дружественных и враждебных.

Феномен узнавания

Тейяр де Шарден постулировал, что существование живых единиц (“гранул”) в рамках симбиоза множества неизбежно приводит в движение связи между ними, коммуникацию. Это справедливо. Повернем тем не менее проблему несколько иначе: сосуществование в рамках множества ставит перед дискретной живой единицей вопрос о ее признании равной другим единицам. Разумеется, речь может идти только о взаимном признании. Осуществление “акта признания” требует какого-то “введения”, вступительного акта и механизма, и этим механизмом не может быть никакой другой как узнавание: только узнав другую дискретность как тождественную себе, можно ее признать за таковую и наделить некими общими, а быть может, еще и особыми “правами”, как, к примеру, право на доминирование. И первое из этих “прав” – право на существование вместе, среди “своих”, то есть “таких же единиц”. Эффект группы может существовать только на базе узнавания.

И тут логично прийти к тому, что можно, на мой взгляд, назвать всеобщим законом существования живых субстанций. Я имею в виду активное демонстрирование себя для узнавания и признания: “единица”, чтобы ее “узнали”, – а потом и “признали”! – обязана себя каким-то способом “презентовать” перед другими “единицами”. Что имеет она в своем безраздельном владении, что можно было бы “показать”, и показать активно, направленно, то есть демонстрационно? Разумеется, ее телесность, ее corpus. Так тело становится не только объектом органического существования, но и средством активно-направленной коммуникации, воздействия на иных, чем сама “единичная дискретность”, существ. Эта логическая модель, есть, безусловно, некое упрощение. На самом деле существование живого сразу, субстанционально оформлялось не только как “организм”, но и как “коммуникационный, демонстрирующий себя организм”. Особь, не умеющая себя адекватно продемонстрировать, а значит добиться узнавания, обречена на смерть. Это наблюдается на всех этапах живой жизни, и примеров тому не счесть.

Говоря о теле, следует иметь в виду не только внешнюю оболочку организма, но также его функции и выделения, которые могут приобретать и приобретают сигнальные свойства: различные звучания, запахи экскрементов и выделений гормональных желез, выбросы, электрические разряды, фосфоресцирующее свечение и т.д. Все названное в самых разных сочетаниях приобретает у различных живых видов функции опознавательных сигналов. У эволюционно близких видов (особенно у цветов, насекомых и птиц) в ход идут в буквальном смысле слова нюансы телесно-функциональных признаков: дополнительное пятнышко в раскраске, лишняя полоска, чуть-чуть иное очертание тела, тембр звучания, “голосовой ключ” или, как у зяблика, особая мелодия песни с индивидуальным “росчерком” в ее конце (513, с. 481). Подобная нюансировка в демонстрировании тела, внешнего облика и телесно-функциональных проявлений служит не только узнаванию-опознаванию, но и одновременно отторжению от близких видов, не позволяя смешиваться с ними, так как они пахнут, выглядят, звучат не так, как “свои”.

Феномен признания и слияние в единую множественность

Следующее звено взаимодействия мы уже назвали – это “признание”. Если первый этап взаимодействия пройден без сучка и задоринки, следует очередной этап – “дискретная единица” должна быть признана за “свою” другой “дискретной единицей” и всем множеством (колонией, стадом, стайей, семьей). Узнанная, но непризнанная особь так же обречена на смерть изгнания или прямого физического уничтожения, как это бывает у крыс, когда они встречают соплеменницу без их “родного” стайного запаха в приведенном выше эксперименте К. Лоренца. Так часто происходит с отбившейся от стада зеброй или антилопой, когда она находит свое стадо вновь: изменившаяся за время ее отсутствия иерархия стада может ее не принять. Но чаще происходит радостное возвращение с узнаванием и признанием (но непременно с паузами на узнавание и признание, в которые отсутствовавшая особь с нетерпением ждет решения своей участи). То же наблюдается и у многих хищников, ведущих семейно-стаинный образ жизни.

Получается следующий сценарный план поведения “дискретных единиц в рам-

ках множества”: осуществляется демонстрация себя для узнавания, и этим заняты все “единицы” ежедневно, а часто ежемгновенно; параллельно этому происходит узнавание ими друг друга и признание, для чего служат сигналы “признания-одобрения”. Это “коммуникативное дружелюбие” совершенно необходимо не только для сосуществования в множестве, но и для поддержания активного тонуса множества, для атмосферы надежности и стабильности его существования. Узнавание и признание, таким образом, создают сплоченность, дискретное монолитное единство, “радость”, “душевный комфорт” от такой монолитности. “Признание” друг друга и “комфорт от признания” существуют, дополняя друг друга, как основа социального развития. Для высших животных, особенно ведущих социальный образ существования, нет нужды доказывать эту “радостную эмоциональность” их “единства” – она является неотъемлемой частью их бытия и становится ежедневным ритуалом обнюхивания, обливания и другой контактности. Так что демонстрационные формы поведения являются формами необходимыми, цементирующими дискретное множество, без которых существование всего живого невысказуемо.

Быть замеченным (функция выделенности), быть узнаваемым (функция адресной демонстрационной экспрессии), – это шаги к тому, чтобы быть признанным за своего, такого же, с непременно подтверждением одного. Животное демонстрирует себя и ждет сигнала, что оно узнано и признано своим. Только после этого оно успокаивается и начинает новую адресную демонстрационную порцию – за обладание, за контакт. Но без узнавания и признания эта более актуальная стадия поведения невозможна.

Говоря о феномене признания, я имею в виду не то, что обычно подразумевается под этим словом в человеческом общении, то есть не признание превосходства, заслуг, авторитетности и т. п. Хотя, как мы увидим ниже, это тоже присутствует в высших формах взаимодействия животных, особенно в социально-иерархических. Под признанием я имею в виду акт приобщения к своему дискретному множеству, к своей популяции. Узнаваемый, но непризнанный, означает отвергнутый. В сказке о гадком утенке великолепно показано, какие страдания выпадают на долю отвергнутого. В детском и юношеском возрасте одна из главных проблем общения – чтобы тебя не просто узнавали, но чтобы считали своим, принимали в компанию. Отвергнутость – мучение юного существа во все времена, ради признания подростки порой идут на все, даже на преступления, на любую девиантность в поведении, вплоть до наркотиков, ранних половых связей, курения и употребления алкоголя. И феномен непризнания столь же страшен своими последствиями для самых простейших животных, как и для человека.

Не потому ли малыши и подростки кучкуются, любят сидеть потеснее, чувствуя, как сливаются в массу, они прячутся в тесных каморках, залезают под кровати и всегда группой, со сверстниками. Это дает им особое ощущение единства, сплоченности, какого-то необъяснимого восторга от скученности. Скорее всего это филогенетический инстинкт, идущий от многомиллионной эволюции узнавания-признания, тот же биологическо-социальный эффект группы. Блок сделал ироническую заметку в дневнике: “Как только надену кепи и зайду в трамвай, так хочется потолкаться”. Потолкаться – это самое, быть может, младенческо-юное состояние живого, демонстрирующее сплоченность, принадлежность к роду-племени, дающее эффект защищен-

ности и продолжения во времени, какого-то заложенного в геноме биологического комфорта. Тоска по скученности всегда будет присутствовать в человеческом поведении, каким бы ни стал человек комфортным и обособленным. В. Тэрнер такого рода солидарные акты массового единения, когда теряются сословные, имущественные и любые другие социальные различия и на первый план выступает именно единение, солидарность, ощущение “мы”, назвал “коммунитас”, предположив, что это всеобщее качество человеческого рода, без которого он (как и без социальной иерархии) в принципе невозможен (430).

Нечто аналогичное комфорту от слияния “дискретных единиц” можно увидеть уже на уровне одноклеточных существ. Известно, что предпосылкой к появлению многоклеточных форм жизни стали колониальные одноклеточные организмы. Их дочерние клетки после воспроизведения не отделяются от материнской и существуют в непосредственном соприкосновении. Являясь, как и все одноклеточные, главным образом принимающей стороной в информационных взаимодействиях, они способны вступать только в самые примитивные виды взаимного обмена информацией, связанные, например, с информацией о физическом их контакте. Внешняя информация из среды принимается и реализуется каждым членом колонии самостоятельно. Их совместная деятельность ограничивается самим фактором создания единого тела, которое по своим физическим параметрам имеет более высокую живучесть, чем составляющие его элементы. В этом плане интересен пример поведения амёб, которые, не являясь колониальными организмами, тем не менее способны на создание временных колоний. В голодном состоянии они выпускают вещество (одна из составляющих ДНК), которое воспринимается другими как сигнал, заставляющий их сблизиться и группироваться. Образуется единая слизь (некое подобие колониального организма). Эта слизь может перемещаться в пространстве под воздействием внешней среды на значительно большие расстояния, чем отдельные амёбы. При этом сами амёбы не тратят свою энергию на передвижение и потому дольше живут в условиях ее дефицита. Достигая питательной среды, слизь распадается на отдельные амёбы, и они опять действуют как самостоятельные “самости”.

Первый факт взаимодействия, давно отмеченный исследователями поведения животных, это групповая упорядоченность поведения стадных животных во времени и пространстве, то есть одновременное занятие животными поисками пищи, питанием, отдыхом. Такое “запрограммированное” массовое поведение имеет место уже у самых низших живых существ и осуществляется, по-видимому, благодаря подаче и обмену заразительных сигналов типа “делай это вместе со мной”, “делай, как я”. Дж. П. Скотт (J. P. Scott) ввел понятие “алломиметическое поведение”, которое обозначает совместную активность членов одной группы, взаимно влияющих и побуждающих друг друга заниматься каким-либо одним видом деятельности в данное время. Такое побуждение носит “заразительный характер”, создает общее настроение группы (547). Это прекрасно видно на примере стадного поведения животных саванны в Африке. Зебры, антилопы, буйволы пасутся, отдыхают, идут на водопой и даже срываются в поход за сотни километров в одно время. Это как нельзя лучше характеризует стадность, показывает, что стадо не есть некое хаотическое соединение единиц, а упорядоченное, системное соединение особей, настроенных на одну волну – на единство поведения. Роль главного сигнала, возбуждающего к однообразному по-

ведению является, как правило, поведение вожака. Это он увлекает всех животных сообщества к той или иной форме совместного поведения. Как это делается у самых низших, проявляющих такую же совместность во времени и пространстве, к примеру саранчи, микробов еще предстоит узнать, но можно предположить, что механизм тот же – либо жесткая программа, заложенная в нервной системе каждой особи, либо “заразительность”, побуждаемая одной или несколькими особями, либо то и другое в совокупности. Важно отметить, что такое массовое одновременное и однотипное поведение не только факт биологического существования, но и коммуникативный факт, то есть воздействие одной друг на друга, наблюдение ими друг друга, выполнение определенных действий “как все”, создание некоей первичной сплоченности и упорядоченности в рамках дискретного множества. Отсюда, по-видимому, и начинается развитие форм коммуникации и прежде всего телесно-демонстрационной, внешне-поведенческой, в основе которой лежит выполнение особых сигнальных телодвижений и восприятие “чужого” телесного облика как некоего Образа-побудителя к собственной деятельности. Это основа фасциаторного механизма заражения и подражания.

Таким образом, уже отмеченный выше факт говорит о том, что осуществить взаимодействие, реализовать его – задача, которую должен был решить естественный отбор и развитие живого. И первое, что необходимо было преодолеть, это узнавание и признание живым живого, своим своего. Прежде чем подражать и быть зараженным для какого-то действия, нужно было узнать и признать другого животного за своего, за такого же.

Сигналы “коммуниас” являются, по-видимому, одними из самых базовых фасциаций живых существ, ведущих социальный и социальный образ жизни, а среди них особое место принадлежит тактильным “сигналам-поглаживаниям”. Такие сигналы сцепляют в единство муравьиные и пчелиные сообщества: муравьи и пчелы трутся друг о друга, облизывают, касаются усиками и т.д. У китов во время брачных игр самец и самка дотрагиваются друг друга своими плавниками, поглаживают друг друга, переплетают хвосты, плавают вместе, выпрыгивают из воды одновременно. Многие стадные животные трутся друг о друга, сбиваются в кучки, спят сбившись в клубок. Почти у всех животных детеныши буквально прилипают к матери, у некоторых этот контакт длится по несколько лет, как у обезьян. У шимпанзе касание друг друга, даже чуть-чуть, кончиками пальцев, придает животным уверенность, хорошее эмоциональное расположение. У примитивных племен скученность – норма: общие хижины, клубы, ритуалы, касание друг друга является тоже этикетным правилом и необходимостью поддержания психологического комфорта, ощущения единства и защищенности, демонстрация общего дружелюбия. Во все века влюбленные трутся друг о друга, обнимаются, целуются, гладят, поминутно трогают друг друга. В меньшей степени, но по существу та же кинетика у людей, которые выражают друг другу симпатию: прикоснуться к руке, к плечу, похлопать по плечу, обняться. Приветствия у многих народов не ограничиваются приветливым взглядом и каким-нибудь дистантным знаком (кивок головы, поднятая рука и т. д.), но включает в себя ритуальное прикосновение к какой-нибудь части тела (к плечу, рукопожатие, к груди, к кончику носа) или объятие, как это принято у мусульман, а некоторые этносы идут дальше – щупая при приветствии половые органы друг у друга или обнимая за бедра.

Признание, конечно же, более сложный процесс и требует уже еще большей демонстрационной активности. Мы бы сказали, что если узнавание требует избыточности демонстрирования, то признание требует уже определенной доли очарования, каких-то более детальных форм демонстрирования, не только подтверждающих и облегчающих узнавание, но и вызывающих “чувство симпатии”. Должно было появиться в процессе естественного отбора нечто очаровывающее, завораживающее, нормативно обязывающее к признанию. Так, по-видимому, появились определенные демонстрационные позы, раскраски, идентифицирующие пахучие вещества и звуковые сигналы и прочие сигнально-знаковые ухищрения, уникальные и оригинальные для каждого множества. Так процесс взаимодействия дискретных особей закреплялся в надежно функционирующую систему, которая способствовала и выживанию, и размножению.

В полном виде картина представляется следующей: выделение в пространстве – демонстрирование тела для узнавания своими – специфическое демонстрирование специально выделенных участков тела и его функций для признания. Демонстрирование становилось не просто одной из форм жизнедеятельности живого существа, оно превращалось в своеобразный театр, в драматургию жизни. И опять побеждали самые лучшие, самые способные и активные “демонстранты”. Это биологическое по своей природе и в то же время обслуживающее “совместность” бытия, демонстрирование тела и внешнего облика стало законом существования всего живого и в еще более сложном и разветвленном виде вошло в человеческое социально-коммуникабельное поведение. Более того, оно послужило одним из важнейших факторов cementирования социальности и появления речевых форм взаимодействия. Речь не могла появиться из ничего, она появилась на основе многоканального и разнообразного знакового демонстрирования, в первую очередь телесно-жестовой природы.

Актуализация поведения.

Актуализованное демонстрирование тела

Возникает вопрос: есть ли необходимость демонстрирования себя живым субстанциям за порогом узнавания и признания? И если это тоже необходимо, то для чего и какими способами это реализуется?

Очевидно, что чем сложнее тело (вид), тем в большее количество связей со средой оно завязано, тем оно полифункциональнее: каждая потребность диктует свои связи и свои способы удовлетворения. Это означает, наряду с прочим, что каждая потребность требует особой настройки живого существа, всего его организма и отдельных его частей и функций. Так, дефицит питательных для организма веществ через систему гомеостаза выводит на первый план потребность в пище, приводит в действие гормональную систему, вызывая ощущение голода, что, в свою очередь, провоцирует страстное эмоциональное желание удовлетворить голод, снять страдания голода, и животное побуждается к стремлению и действиям, направленным на поиск объекта питания. Весь этот сложный механизм и можно назвать актуализацией живой особи на пищу. Понятно, что таким образом актуализованный организм гасит все другие возможные актуализации, отключает их как мешающие, несущественные

в данный момент В знаменитом эксперименте по самораздражению Дж. Олдз отметил: “У 16 животных мы исследовали “голодные” и “андрогенные” эффекты при одночасовом самораздражении (1 в, 60—80 ца). Мы обнаружили, что животные с сильной положительной реакцией на голод проявляют отрицательную реакцию на андрогены. Иначе говоря, если голод повышает частоту самораздражения, то андрогены понижают ее, а если андрогены повышают, то голод понижает. Для нас наиболее важное значение этих исследований заключается в получении веского доказательства в пользу структурной дифференциации между пищевой и андрогенной системами подкрепления без применения гистологического метода. Если какой-либо элемент положительно реагирует на голод, то он не отвечает на андрогены, и наоборот. Таким образом, по крайней мере на микроанатомическом уровне, должна быть дифференциация элементов по их чувствительности к голоду и содержанию андрогенов” (319, с. 226). Налицо конфликт актуализаций. В реальной среде жизнь иногда приводит животных к столкновению и переплетению актуализаций. Зебры и антилопы, пройдя тысячи верст к берегам Нила, встречают не только благодатную воду, но и полчища поджидающих их крокодилов. Актуализация организма на удовлетворение жажды и продолжение гона толкает их к воде. Инстинкт избегания опасности сдерживает – в воде их поджидает возможная смерть. Но и обезвоженный организм тоже смерть! Побеждает неутолимое страдание от жажды. Но в ситуациях, в которых подобного смертельного переплетения актуализаций нет, побеждает та, которая в данный момент сильнее: синицы никогда не переключаются на межполовой контакт, если голодны и заняты пищей.

Таким образом, актуализация поведения живого существа – это настройка всего его организма на удовлетворение определенных жизненных потребностей. Запуск актуализации происходит через средство желания, вождления, которые в свою очередь, детерминируются действием гормональных систем, проявляющих потребности организма. Спиноза в своем учении об аффектах, пожалуй, первым выстроил цепочку побуждения тела к деятельности – от желания, как базового аффекта, до удовлетворения разнообразных потребностей, вплоть до творческого познания.

Базовыми актуализациями являются прежде всего актуализации на питье и пищу, на сексуального партнера, на безопасность и защиту, на единение с себе подобными (последнее прекрасно подтверждается “эффектом группы”) и взаимодействие с особями других “полезных” видов.

Каждый вид актуализации включает свою систему перцепции и реакций, в том числе настройку тела на определенные типы сигналов. Некоторые сигналы и настройки тела по форме могут быть теми же, что и в других ситуациях, но их содержательное значение меняется (но, как правило, сигнал все же приобретает некоторые отличительные нюансы). Так, красное брюшко колюшки может служить сигналом для агрессии при защите самцом территории, и оно же служит для привлечения самки. “Поза подставления” у многих обезьян может быть использована и как сигнал для спаривания, и как сигнал уступки в конфликте, и как демонстрация покорности.

Необходимость динамического взаимодействия, ежеминутно, ежечасно и ежедневно разворачивающаяся как жизненная драма каждого конкретного животного, побуждает к защитным реакциям, к сотрудничеству или к соперничеству. В зависимости от того, какая потребность выступает на передний план и в каких условиях оказывается при этом живая особь. Я предлагаю эту конкретную настройку особи на

удовлетворение той или иной потребности, мобилизацию организма на достижение предмета потребности назвать ситуативной, избирательной актуализацией. Я имею в виду в первую очередь то обстоятельство, что даже простейшие организмы полиморфны или, быть может точнее, полифоничны в силу обладания не одной, а несколькими потребностями, из которых важнейшие, безусловно, это потребность в пище и питье (в некоторой сумме органических и неорганических веществ для продолжения жизни), потребность в безопасности, в защите своего тела и потребность в размножении, в производстве потомства. Понятно, что пребывая под властью потребности в пище, особь не может одновременно мобилизоваться на поиск партнера для воспроизводства потомства. Каждой потребности соответствует особая настройка организма, включение в оптимальное действие целой системы химических и гормональных процессов и соответствующих им чувствований, вплоть до настройки систем восприятия среды (не случайна в этом отношении удачная метафора, что во время брачного тока глухарь ничего не слышит и его можно брать голыми руками). Актуализация на конкретную потребность – важнейшее эволюционное достижение живого, позволившее усложнять и совершенствовать живую систему, дифференцировать ее поведение и тем самым оптимальнее достигать удовлетворения потребностей, развивать и отлаживать инструменты адаптации и выживания. Живое становилось многообразнее, богаче функционально, продуктивнее в смысле адаптации и естественного отбора.

Актуализации поведения не бывает без того, чтобы она не была выражена в теле животного. Изменения телесности – вот что происходит с особью в рамках той или иной актуализации. Более того, животное демонстрирует себя и свою актуализацию, и это является экзистенциальным фактом, способом существования-выживания живой особи. Из закона избирательной актуализации поведения вытекает как необходимость закон актуального адресного демонстрирования тела и внешнего облика особи.

Этологи не смогли найти объяснения такому факту. Антилопы Южной Африки пасутся часто неподалеку от семейства львов, не обращая внимания на их перемещения, игры, зевки, но как только лев встал для охоты, антилопы тут же встают в стойку опасности и подают сигнал. При этом “чтобы антилопы обратились в бегство, льву вовсе недостаточно просто подняться. Здесь важны какие-то особенности в поведении льва, которые наблюдатель не может четко описать, но которые безошибочно указывают антилопам, что лев вышел на охоту”. Как антилопа узнала, что лев актуализируется для охоты? Вполне возможно – по особому настрою тела льва, по его энергетике, вызванной его избирательной актуализацией, настроем организма, тела на охоту. В этом как раз и может проявить себя в полной мере функция зеркальных нейронов, умеющих тонко имитировать поведение других существ и узнавать их намерения по тончайшим нюансам во внешнем облике в момент той или иной актуализации. Этолог не замечает различий в теле льва, антилопа, для которой состояние льва – вопрос жизни или смерти, чувствует, отмечает изменение и приходит в состояние своей избирательной актуализации сохранения жизни, тогда как секунду назад пребывала в актуализации питания (462, с. 363).

Быть может самым ярким феноменом демонстрирования тела и внешнего облика является сигнальное поведение животных в брачный период. Актуализация на поиск полового партнера, строительства гнезда, ухаживания, спаривания сопровождается у

множества живых существ демонстрированием поз, раскраски, танцев и ритуалов. Демонстрирование сигналов для узнавания и признания недостаточно. Необходим целый дополнительный арсенал демонстрационных форм поведения и сигналов. Способы обнаружения и привлечения брачного партнера в животном мире просто неисчислимы (462, с. 50). Неисчислимы способы и формы актуального демонстрирования тела и внешнего облика и у человека.

Конкуренция, выбор, демонстрирование

Все актуализации поведения животного реализуются не только во взаимодействии с окружающей средой, но также во взаимодействии с соплеменниками и особями других живых видов. А это означает, наряду с прочим, столкновение интересов и влечений, конкуренцию, борьбу, соперничество. Закон естественного отбора суров и неумолим – продолжает существование рода сильнейший, лучший, наиболее приспособленный. Он диктует актуализацию соперничества, конкуренции, выбора лучшего.

Так, эволюционные функции демонстрирования тела и внешнего облика направлены на выбор лучшего сексуального партнера, более оптимального для видового развития и продолжения рода, а также на выбор оптимального для сообщества лидера, вожака, собственного места в иерархии. Самка у множества видов живых существ выбирает самца по его демонстрационному имиджу и поведению. Но и самец у многих видов предпочитает очень часто очаровывать своими демонстрациями ту самку, которая имеет лучшие признаки, демонстрируемые в ее внешнем облике: энергетику движений, симметричность, чарующий биологический запах и т. д. – все это, как правило, коррелировано у самки лучшей породистости и действует на самца как фасцина. Такая самка демонстрирует свою лучшую репродуктивность. Так через демонстрирование тела осуществляется в природе сексуального общения и ухаживания выбор оптимального, лучшего партнера.

Этот механизм сохраняется и в человеческом общении, в первую очередь сексуальном. Прихорашивание, кокетство и другие формы демонстрационного поведения нацелены на то, чтобы привлечь внимание, сигнализировать о своей исключительности или, во всяком случае, значительности и привлекательности в соревновании за привлечение партнера. Взаимный выбор – вот основа основ сексуального общения, влюбленности и любви. Без демонстрационного поведения выбор исключался бы и отношения сводились бы к упрощенно-случайным контактам, без поиска, тревожности, напряжения и стремления стать и показать себя лучшим, исключительным. Естественно, что в таком варианте отношений снижались бы возможности образования оптимальных биологических пар, дающих оптимальное потомство и, следовательно, вклад в генофонд этноса, создающий основу его совершенствования, укрепления, лучшей адаптации. Я уже не говорю о той драматургии и энергии жизни, потеря которых в данном варианте снижала бы биологическую потенцию этноса, что также умаляло бы его адаптационно-репродуктивную функцию. Энергия ухаживания, выбора и любви – это энергия повышения биологических возможностей человека к выживанию. И без демонстрирования и выбора ее не существовало бы. Одним словом, демонстрирование – базовая биологическая функция живых существ, создающая возможности актив-

ного влияния на выбор лучшего варианта сексуальных и социальных соединений особей. Выбор – это восприятие и активное отношение к демонстрационному поведению других особей, это включение всех особей в рынок тел, в процесс репродукции.

С точки зрения неотвратимости демонстрационного поведения можно вновь подтвердить то, о чем я говорил выше: дискретность живого, как неизбежная форма организменной эволюции, предполагает наличие некоего множества особей, каждая из которых вынуждена предлагать себя для использования, чтобы быть включенной в жизнь, в ее продолжение, в иерархию сообщества особей. А предложить себя особь не может иначе, как демонстрируя себя, показывая себя и непременно с оптимально возможной для себя стороны. Это – своеобразное выставление себя как товара на рынке. С той лишь разницей, что это зазывание активно еще и тем, что особь сама тоже совершает сравнение других особей с точки зрения их нужности, привлекательности для нее, то есть сама особь тоже осуществляет выбор. Таким образом, жизнь сообществ особей представляет собой постоянный, перманентный процесс взаимного влияния-выбора, демонстрирования ради выбора. На этом фундаменте и происходит соединение в пары, семьи, сообщества, происходит движение жизни, ее репродукция в формах рода, племени, этноса.

Выбор – фундаментальное качество психики живого, как и вплетенное в него или сопровождаемое им демонстрационное поведение. “И быть, и казаться” – вот могучая диалектика отношений дискретно-организменного живого от амебы до человека. При этом человек демонстрирует наиболее развитые, многообразные и разносторонние формы демонстрационности во всех сферах социальной жизни и в первую очередь сексуальной и иерархической. Показать себя во всем блеске, чтобы тебя выбрали и чтобы у тебя самого появилась возможность оптимально широкого выбора, – вот закон живого. Именно необходимость выбора порождает такой феномен, как демонстрационное соперничество, соревнование. У многих животных и птиц такое соревнование-соперничество принимает форму сложных красочных ритуалов, подношений “подарка” и т. д. Не будь необходимости выбора, не было бы и необходимости демонстрировать свое тело и внешний облик, свои сексуальные и лидерские потенциалы.

Но выбор – это проблема значительно более широкая, чем только психофизиологическая. Он наблюдается уже на субклеточном уровне (а клетка – это тоже дискретная единица живого), и в частности в процессе отбора лучших мужских клеток для оплодотворения женских в “борьбе за лучшую сперму”. Так, удивительный пример женского отбора на субклеточном уровне представлен в наблюдениях за икринками рыб зоологов Института океанографии французского города Виллфранш-сюр-Мер. Они увидели, как несколько сперматозоидов проникали в икринку, образуя мужские протоядра в цитоплазме. Затем женское протоядро обходило каждого из них и возвращалось к выбранному, лучшему. С ним-то оно и сливалось.

Конкурентное взаимодействие – это демонстрирование доминирования и превосходства для устрашения и подавления. Таким образом получается диалектическая картина развития адресного демонстрирования, которая повторяет и проявляет такую же деалектичность самой сущности бытия дискретных множеств живых существ: с одной стороны, биологический эгоизм требует победы в конкурентной борьбе за обладание предметами удовлетворения потребностей (в пище, питье, половом парт-

нере), с другой стороны, необходимость выживания и продолжения рода требует совместности, солидарности, сотрудничества. Адресное демонстрационное обслуживание и тот, и другой процессы. Поэтому оно включает в себя и формы очаровывания-признания, и формы устрашения-подавления-доминирования. Это и есть уже достаточно полный демонстрационный коммуникативный театр.

И все-таки еще не полный.

Необходимо учесть и такой особый фактор взаимодействия живых особей, как взаимодействие их с “чужими”, “не своими”. Понятно, что именно этот фактор усиливает необходимость развития механизмов облегченно-надежного узнавания-признания “своих”. В то же время “чужой” тоже взывал к взаимодействию, причем к разному. Тот “чужой”, который был опасен, должен был быть тоже узнан и по возможности подвергнут такому воздействию, которое бы его по крайней мере отпугнуло. Так у живых существ развивается “отпугивающее демонстрационное”: угрожающие позы, увеличение размеров тела, выбрасывание отпугивающих пахучих веществ, продуцирование угрожающих звуков и т.п. Вновь театр – театр устрашающий масок.

А наряду с этим развивается и “хамелеонное демонстрационное”: разного рода маскировка, слияние с местностью, прикидывание неживым или существом другого вида и т. п. Опять театр, и тоже вполне серьезный.

Оптимальность демонстрационных форм и фасцинация

Таким образом, можно выделить три направления в развитии форм и способов адресного демонстрационного животными своего тела, внешнего облика и выполнения дополнительных сигнальных действий в виде запахов, звуков, пугающих или ядовитых жидкостно-капельных выбросов (струй, порций, капиллярных облачков).

Первое направление – это “очаровывающее”, привлекающее, “заботливое” демонстрационное, служащее соединению, сотрудничеству, солидарному существованию.

Второе направление – устрашающее демонстрационное, наведение ужаса, служащее защите, нападению, подавлению, доминированию

Третье направление – “хамелеонное” демонстрационное, притворство, мимикрия, служащее избеганию, уходу от опасности или хитрому неожиданному нападению.

Функция привлечения выливается в такие формы, как очаровывание, вызывание доверия и симпатии, обольщение, привлекающая мимикрия. Отпугивание служит обеспечению безопасности и выливается в формы избегания опасного контакта, предупреждения об опасности, защиты от “врагов”, реализации иерархических связей внутри “единой множественности”. Отпугивание выражается в “наведении страха”, активном отторжении, демонстрации злобы, гнева и истерии, отпугивающей мимикрии. В экзистенциальном плане отпугивание лежит в основе экзистенциала Агрессии, а привлечение – экзистенциала Заботы (альтруизма). Забота и Агрессия образуют единство социально-иерархического поведения всего живого, обеспечивая его выживание и размножение.

Актуализация требует от животного оснастки намерений, особого адекватного сигнального кода. Не информация (или не в первую очередь информация), а именно фасцинация является филогенетически изначальной формой самоутверждения “са-

мости” и активного воздействия дискретных живых субстанций друг на друга. Необходимо так привлечь, призвать, напугать, направить, чтобы не было “разночтений” и неадекватных реакций. Это означает, что чарующий или пугающий сигнал должен быть избыточно эффективным, не проходящим мимо, достигающим цели в “десятку”, и только в “десятку”. Такой сигнал может быть только фасциативным, мгновенно привлекающим внимание, бьющим в “центры удовольствия или страха”. В другом контексте, но очень точно Майя Плисецкая выразила этот закон фасциации словами (в одной из телевизионных передач): “В начале было не Слово. В начале был Жест”. Неизбежно и неумолимо, силой Закона актуализованное поведение живых существ стало облекаться в фасциативные формы, живые субстанции стали страстно пахнуть, ярко светиться и звучать, а также вибрировать, “надуваться”, выплескивать различные суспензии, создавать вихри, извергать струи и электрические разряды и т.д., и т.д. Но этого мало. Каждый такой сигнал мог быть эффективным только тогда, когда он обладал сверхнадежностью, абсолютной проникаемостью в воспринимающие системы адресатов, способностью проникать сквозь все “фильтры”. Так сигналы были дополнены такими формами фасциации, как высочайшая энергетика, повторы, ритмы, диссонансы, усилители. Развитие фасциативной сигнализации у многих живых существ достигало порога опасности для выживания вида – только бы сигнал “стал более заметным и легче распознавался” (462, с. 40). Отсюда эти причудливые яркие окраски у множества видов растений, рыб, птиц, насекомых. Так, “успех при размножении наиболее нарядно “одетых” самцов послужил причиной возникновения почти абсурдных украшений у самцов” (261, с. 134)

В качестве избыточного неопровержимого воздействия фасциация стала, с одной стороны, драматическим средством коммуникации, снижающим энтропию социальных и социальных организаций (чего стоит только экстравагантные и сенсационные фасциации в человеческом обществе!), а с другой – оптимальным “управленческо-организационным” средством (достаточно проследить экспрессивные формы управленческой фасциации вожаков во всех социальных структурах, как у животных, так и у человека).

Логичен вывод о том, что закон актуального демонстрирования тела и внешнего облика в животном и человеческом мире был бы невозможен как закон без фасциации. Именно фасциация наполнила актуальное поведение такими демонстрационными формами и сигналами, которые позволили живым субстанциям добиваться своего – выбирать, соперничать, наслаждаться единением, достигать успеха и стабильного продолжения рода. То есть – Жизни.

Вся актуальность этого закона включает в себя и театральность совместного существования живого, ее коммуникативную драматургичность. Живые существа очень серьезно играют в некий театр, обнаруживая выдающиеся актерские способности. Этот театр предполагает не перевоплощение, а вполне серьезно исполняемое воплощение самого себя в оптимально возможных демонстрационных формах, которых требует сама жизнь, само существование, выживание, продолжение себя во времени и пространстве, сам эгоизм жизни тела.

Таким образом, закон актуального демонстрирования тела и внешнего облика можно, на мой взгляд, назвать одним из важнейших этологических законов биологичес-

кого и социального поведения. Любой биологический вид, наряду с прочим, это и вид *demonstrativus*. В еще большей степени это феноменологично для человека, в необъятных масштабах проявляющего себя от рождения до смерти как *homo demonstrativus*.

Homo demonstrativus

В наибольшей мере стремление к эффектному, сношибательному показу своей уникальной телесности проявляется у человека в публичной коммуникации, в разного рода публичных презентациях и общественно-групповых “тусовках”, оптимальными видами которых являются конкурсы тел и “Бродвей”. Выход на люди всегда был волнующим праздником демонстрационного подиума. Во все времена для этого служили места публичного общения, места, где можно потереться друг о друга, выступать, посмеяться, покричать, обменяться бессмысленностями, увидеть друг друга, и – продемонстрировать свои прелести. После этих массовых топтаний и прогулок приходит облегчение, даже желание отъединиться, уйти в сторону, уединиться. До следующего позыва, томления, жажды попасть в кучу и потереться. Видимо это чувство, тяга и лежит в основе появления в каждом населенном пункте планеты у всех народов от древности до наших дней мест публичного топтания. Это и Елисейские Поля в Париже, и Гайд-парк в Лондоне, и Невский проспект в Петербурге, и ул. Горького в Москве конца 50-х–начала 60-х гг. XX века, куда слетались покрасоваться со всей Москвы и Подмосковья “стиляги”. Но это и площади Древнего Рима и Афин, и главная улица любой деревни, и маленькая площадь у ратуши любого европейского старого городка. “Брод” – это символ человеческого публичного демонстрирования тел.

Другим местом подобного рода были всегда балы и танцплощадки парков. Там высматривали “нужное тело”, там завязывались знакомства, перерастающие в любовные связи и браки. Молодой Л. Толстой ненавидел балы, но вынужден был их посещать. А где бы он сыскал себе невесту? Так и признавался он в своих дневниках.

Со своим коммуникативным телом мы живем, что называется, в обнимку, выдумывая, что бы этакое еще предпринять, чтобы выглядеть “на все сто”, оно нам снится в самых разных вариантах и вариациях. Бум пластической эстетической хирургии – это стопроцентная дань коммуникативному телу. Люди бросились подправлять природу для коммуникативного эффекта. И ничто уже не сможет остановить их на этом пути к искусственному эстетическому совершенствованию, даже нередкие уродования и даже смертельные случаи. Демонстрационность красоты тела требует жертв!

Мастерство и артистизм показа

Жизнь человека начинается с ярчайшего фасцинативного демонстрирования появления на свет Божий из чрева матери – крика. Этот требовательный, чарующий крик, трансформируясь в плач или окрик, сопровождает потом растущего человека все детство. Человеческие матери, как и самки животных, мгновенно узнают своего ребенка по его плачу, при этом плач производит в матери не только умиленное узнавание, но и тотчас мобилизует ее на защиту, опеку, кормление, ласку (вылизывание).

Умирая, многие заботятся о том, как они будут выглядеть в гробу и на церемонии похорон. И организуют свой “послесмертный имидж”, часто с такой тщательностью, какой не устаивали себя при жизни. Создание имиджей покойникам замечательно описал Ивлин Во в повести “Незабвенная” (85).

Прихорашивание для публичного показа – это первая по происхождению реклама, реклама самого себя в борьбе за успех, за место в иерархии сексуальных и социальных соперников. Реклама как вид деятельности начинается с приукрашивания своего внешнего облика. А тот предок, который умел это делать лучше других, является и первым профессионалом по рекламе и имиджмейкингу. Он был и первым франтом в истории франтовства.

В среде офицеров прусской армии времен Бисмарка особым шиком считались шрамы на лице. Офицеры сражались на дуэлях, приобретая шрамы. Услугами пластических хирургов не пользовались, так как каждый шрам должен был иметь свою славную и достоверную биографию, которую можно было с успехом рассказать в обществе. Не устоял от моды и молодой Бисмарк, тоже украсив себя шрамами от дуэлей.

Не вдаваясь в подробности, отмечу здесь только еще одну и важнейшую особенность человеческой демонстрационности: все ее формы пронизывает поиск и фиксация фасцинативных знаков и действий, будь то умопомрачительная прическа Марии-Антуанетты, родинка на щечке Мерилин Монро или кольцо в черепе какого-нибудь современного экстремала.

Для некоторых типов людей, как для истериков, подчеркнутая, иногда вычурная и манерная демонстрационность составляет часть их натуры. Психиатр Н. Канторович считает, что “все люди немного истеричны или способны к истеричным реакциям. Большим истерией не без основания приписывают некоторые особенности поведения, или так называемые истерические черты характера (168). Это прежде всего стремление обратить на себя внимание, вызвать сочувствие, удивление, “казаться больше, чем есть”, как отмечает К. Ясперс.

Демонстрируется буквально все, что может принимать знаково-коммуникативные формы. Получается двуликий Янус. С одной стороны демонстрирование является законом, неотъемлемой составляющей любого продуктивного взаимодействия и воздействия людей друг на друга, то есть деятельностью, включаемой в такое взаимодействие, в более широкую актуализованную деятельность (как составляющая часть). С другой стороны, это продуцирование демонстрационных форм как таковых, показ ради показа. Так, плясать, танцевать можно в составе ритуала, а можно плясать просто в удовольствие, для настроения, даже наедине с собой, для самого себя. Пляска при этом может быть идентичной. Такое демонстрирование уже отделено от деятельности, которую обслуживает, и становится самостоятельной деятельностью. Так порождается искусство демонстрирования и демонстрационные искусства и техники, искусства мимики, телодвижений, выразительного жеста.

Можно демонстрировать агрессию в ситуации сохранения жизни или соперничества, а можно демонстрировать просто силу как силу, как качество. Так показывают бицепсы или поднимают на виду у всех тяжести. Можно двигать бедрами для привлечения мужчин, как это делают проститутки на панели, а можно совершать точно такие же сексуальные движения в стриптизе, несколько не заботясь о привлечении

кого бы то ни было из мужчин, а создавая эротический образ. В этом и видит ценность стриптиза Ж. Бодрийяр. Можно включить все приемы кокетства для привлечения конкретного мужчины и то же самое изобразить в спектакле. Так, по сути, и зародились демонстрационные искусства и в первую очередь актерские, основанные на игре тела, лица, пластики. Таким образом, каждый человек является демонстратором вдвойне или двух сортов: включенным в жизнь, в конкретные отношения и взаимодействия, где добивается совершенно конкретных жизненных целей, и как актер показа, демонстратор сцены. При этом под сценой следует понимать не только театральную сцену, но и друзей, родных, свое окружение. Так действует франт, выходящий на Бродвей. Так выступает ребенок, выступающий перед собравшейся компанией родных. Так выступает скomorох или деревенский весельчак, как только появляется публика, или школьник перед своими одноклассниками, пародирующий учителя.

Жизнь и спектакль сливаются.

“А что такое женщина, если не видимость? – спрашивает Ж. Бодрийяр и заключает, – Именно как видимость женское поражает глубину мужского” (52, с. 39). В самом деле, одно из искусств женщины, которое она усваивает с детства и которому учат матери и тетки, это именно маскарад, наведение ретуши и раскраски, создание образа сексуальной неотразимости, скрывание несовершенств внешности любыми способами. Женщина с детства проходит ежедневный тренинг артистизма и создает из себя образ, а из связи с мужчинами – спектакль, театр, игру. Встречая женщину, мужчина встречает не только телесный факт, но и некий Образ-фантом.

Человек способен стать демонстратором даже перед лицом смерти, под топором палача. Людовик XVI, взойдя на эшафот и увидев после темницы первого живого человека, с которым мог перекинуться словом, спросил у палача: “Братец, а что слышно об экспедиции Лаперуза?” За несколько минут до смерти он еще интересовался географическими открытиями. Или демонстрировал свою философию жизни? Поведение политика и философа Томаса Мора на эшафоте выглядит как мизансцена из спектакля, балагурство. “Помоги мне подняться на эшафот, а уж спуститься я постараюсь сам”, “Позволь мне убрать бороду с плахи – она ведь не совершила никакого преступления”, – небрежно беседует он с палачом. Эшафот в ту эпоху был настолько театром, что, кажется, все потенциальные жертвы заранее заготавливали для казни запоминающиеся позы и фразы.

Но вот религия, вера. Карл Меннингер пишет: “Характерные признаки эксгибиционистских наклонностей просматриваются в истории молодого христианина, осужденного за веру на казнь без пыток. Выслушав приговор, явно разочарованный юноша заявил: “Вы обещали, что подвергнете меня долгим и мучительным истязаниям, после чего я приму смерть от меча. Заклинаю вас всем святым – сделайте это и вы увидите, во что ценит христианин свою жизнь, когда его вера подвергается испытанию”. Правитель распорядился исполнить желание приговоренного, и мученик горячо поблагодарил его за продление своих страданий” (281). Как правило, мучения предполагают наличие зрительской аудитории и несколько эпатажной показной демонстрационности жертвы. Такова одна из сторон публичных казней, которую отмечали многие их летописцы.

Я знал 19-летнюю девушку-нарцисса, которой мешал упиваться красотой ее лоб, на котором, как ей казалось, проступали продольные морщинки. Она боролась с ними

придуманном ею самой способом: на ночь заклеивала натянутую кожу лба широкими лентами лейкопластыря, которые снимала утром. Это помогало ей верить в неотразимость своей красоты. Теперь ей уже за тридцать, но она еще упорнее наклеивает лейкопластырь. Ю. Визбор описал нечто подобное в одной из повестей: “Она с яростью исследователя и фанатика отмечала крохотные следы времени на своем лице, на своем теле. Ее приводила в ярость сама мысль о том, что когда-то пройдет красота, легкость, свежесть” (83, с. 200).

Гоголь в повести “Невский проспект” с видимым ироничным удовольствием обращает внимание читателя на усы как предмет франтовства в Петербурге его поры: “Здесь (на Невском проспекте. – *В.С.*) вы встретите усы чудные, никаким пером, никакой кистью неизобразимые; усы, которым посвящена лучшая половина жизни, – предмет долгих бдений во время дня и ночи, усы, на которые излились восхитительнейшие духи и ароматы и которых умастили все драгоценнейшие и редчайшие сорта помад, усы, которые заворачиваются на ночь тонкою веленовою бумагою, усы, к которым дышит самая трогательная привязанность посессоров и которым завидуют проходящие” (105, с.10). И еще Гоголь сообщает читателю, что на Невском можно видеть также “бакенбарды единственные, пропущенные с необыкновенным и изумительным искусством под галстух, бакенбарды бархатные, атласные, черные, как соболь или уголь, но, увы, принадлежащие только одной иностранной коллегии. Служащим в других департаментах провидение отказало в черных бакенбардах, они должны, к величайшей неприятности своей, носить рыжие” (там же).

Казалось бы, чего проще: хочешь носить бороду – носи, не нравится или дискомфортно (зудит, мешает и т. п.) – состриги. Ан нет! Борода – весьма заметный признак, к тому же меняющийся со временем. Понятно, что человек не мог пройти мимо такой телесной особенности и подчинил ее социальной маркировке. Каждый народ на свой лад. Но, кажется, ни один не оставил волосы на голове без внимания и строгого нормирования. И в этот простой природно-естественный процесс вмешался человеческий социальный разум, создавший у каждого народа нормы и техники ношения усов и бород, их форм, видов и подвидов. Волосной покров на лице и черепе приобрел все признаки социального знака со сложной семантической нюансировкой и эстетическим оформлением, предполагающим особое брадобрейское искусство, ставшее для многих людей профессией, приносящей неплохой заработок и дающей вполне приличный статус в социальной иерархии.

“Мужчина без усов что женщина с усами”, – шутил А. Чехов. В Ассирии и Персии мужчины, собираясь на свидание, красили свои бороды в рыжий цвет.

В дневнике Ж. Ренара есть остроумная запись: “Глядя на его бороду, можно было представить себе, какой бы он был уродливый без бороды”. В истинности этого предположения Ж. Ренара я не раз убеждался, встречая брадолюбцев вдруг без бороды, оставленной ими по каким-либо серьезным причинам. К примеру, один весьма благообразный при бородке журналист был призван на военные сборы, где его лишили столь импозантной детали внешнего облика. Лучше бы его не видеть, настолько безбородость разрушала его замечательный облик журналиста-интеллектуала: лицо стало кругленьким, женственным, особенно если учесть маленький безвольный подбородок. Я даже вывел формулу: большинство мужчин, не расстающихся с бородами и бородками, имеют такой недостаток в конфигурации лица, как небольшой, а иногда и

вовсе смазанный подбородок. Борода такое лицо удлиняет, придает ему гармоничные пропорции, а щетина – мужественность. Так из мужчины женственно-подросткового типа он превращается в истинно маскулинного бородача-красавца.

Итак, демонстрируется в поведении человека абсолютно все, даже и сами поведенческие сценарии становятся символами: по-разному представляют себя другим людям политики, спортсмены, музыканты, молодые и старики, мужчины и женщины, папуасы и русские.

Тема социально-коммуникативной фасцинаторной демонстрационности человека необъятна и не поместилась бы и на тысяче страниц. Актуализация социальности, объединения людей в замкнутое единство и защиты этого единства вызывает особые формы настройки внешнего облика и в первую очередь тела членов сообщества. Это, пожалуй, исторически один из первых способов специальной организации внешнего облика под задачу единения, солидарности, выделенности и отличия от других, которые “не мы”, хуже, вообще не люди. А среди форм такой целевой сигнальной организации внешнего облика особое место занимает “настройка тела”, доходящая до самых замысловатых и изощренных способов “исправления тела”, одни из которых, как обрезание крайней плоти, удается объяснить, другие же остаются за гранью понимания и являются, по-видимому, данью воображения и эксперимента первобытных “социальных изобретателей”. К таким сложно объяснимым способам относится прежде всего нанесение телам социума разного рода увечий.

Для чего человеку вздумалось деформировать свое тело

Можно выделить по крайней мере три знаковых элемента, демонстрирующих некую социальную общность или группу, объединенную сознательно выстроенной философией “мы – особенные” (будет ли это эндогамный первобытный род или сообщество выпускников Гарвардского университета). Первый из них – гордая осанка, поза гордости, то есть выпяченная грудь, гордо вскинутая голова и несколько высокомерный, а то и презрительный взгляд. Вторая – особое одеяние, раскраска, организация тела и внешности. Третье – особый знак группы. Это может быть какой-нибудь совсем маленький значок, а может и огромный знак в виде особого головного убора или вещи. Все вместе и образует знаковый комплекс “мы”, тщательно культивируемый, оберегаемый и закрепляемый в символическую фасцинативную традицию. Так создались национальные символы, национальная одежда и самой разной причудливости организация внешнего облика отдельных социальных групп (особенно это видно на примере индийских каст), но и ненавязчивая, тайная символика принадлежности к тайным орденам, обществам и группам типа масонских лож. Знак “мы” – это величайшая выдумка объединяемого в социальные группы человечества.

На заре человеческого рода не было иного способа коммуникативных воздействий как тела и голоса. Из голоса выросли речь, пение, музыка. Тело дало такую невероятную палитру коммуникативной организации и настройки, что этнографы и антропологи поражаются до сих пор тем поразительным выдумкам, которые изобрел человеческий ум и воображение. Коммуникативное демонстрирование тела и внешнего облика, и в первую очередь фасцинативными знаками и символами, началось с возник-

новения человека и, совершенствуясь, продолжается до сих пор и будет продолжаться вечно. Таковы детерминации закона актуального демонстрирования тела и внешнего облика.

Для демонстрационно-коммуникативных целей человек не жалел не то что волосы на голове, он готов был все тело изуродовать. Искусственные деформации – поразительная фасцинаторная выдумка человечества.

Животное относится к своему телу настолько целесообразно, что нет даже смысла говорить о каких-либо манипуляциях над природой тела как данности, как экзистенции: оно его чистит, моет, отряхивает, выщипывает, приводя в оптимальное состояние. Если животному этого не удастся, оно проиграло в борьбе за существование. Тут не до выдумок.

Но не таков человек, это удивительное существо, которому эволюция вложила в мозг возможность выдумки. Приобретая такой великий инструмент адаптации, каким является сознание, человек получил воображение и возможность вмешиваться даже в природу собственной телесности, активно изменяя ее, притом отнюдь не всегда в лучшую сторону. Манипуляции, каким подвергается человеческое тело, поражают воображение. Но для чего все же эти выдумки-изобретения, всегда яркие, убедительные, а часто и шокирующе-изощренные? Для упражнений в художественности?

МЫ и ОНИ

МЫ и ОНИ – древнее и вечное сравнение людей друг с другом, доходящее часто до злости и вражды. Я и ТЫ – это уже МЫ. Я и несколько других Я – тем более МЫ, если только всех объединяет что-то общее, близкое, душевное. МЫ – это два друга, приятельская компания, семья, трудовая бригада, спортивная команда, этническая группа, религиозная конфессия, страна... Каждый человек на планете живет, будучи включен в разнообразные МЫ, одни из которых сопутствуют ему всю жизнь (нация, религиозная группа, страна и т. д.), другие могут со временем и возрастом меняться (дружеская компания, трудовой коллектив, населенный пункт).

При всей простоте деления на Я, МЫ и ОНИ категории эти относятся к серьезнейшим философским и социально-психологическим, так как в них заключены многие глубинные закономерности человеческого бытия (345, с.103–111). В том числе и бытия целенаправленных манипуляций над человеческим телом, вплоть до искусственных деформаций и уродования.

МЫ – значит настоящие и лучшие

Так уж получается у людей в силу их субъективизма, что МЫ осознается, переживается, чувствуется ими как самое лучшее. Иначе было бы трудно жить, терялись бы душевные силы на преодоление комплекса неполноценности. Людей, которые не любили бы себя, очень немного, людей, которые не любили бы свое МЫ, и вовсе почти нет. Человек, даже если “упрямая статистика” говорит, что его МЫ не столь сильно и красиво, чем другое МЫ, всегда находит утешительные оправдания, а вслед за ними и аргументы своей “особливости”. Во времена суровой первобытной жизни такая психология была единственным способом выживания племени. Нужна была исклю-

чительная связка друг с другом, крепкое содружество и сознание коллективной силы, чтобы противостоять не только суровой природе, но и другим племенам. “Другие”, то есть ОНИ, были сильны, хитры и враждебны. Но МЫ – лучше! Мы – настоящие люди! А они – ненастоящие, хуже нас. Через подобное противопоставление прошли все народы земного шара. Проходят еще и сейчас. Даже в начале XX века, то есть будучи в какой-то степени “оцивилизованными”, аборигены Австралии “несмотря на то, что члены одного племени состоят в дружбе и, возможно, даже в браке с членами другого племени, первые склонны гордиться своим несходством с последними и даже приписывать им вымышленные пороки” (524, с.46).

К. Лоренц пришел к выводу, что “каждая достаточно четко выделенная культурная группа стремится и в самом деле рассматривать себя как замкнутый в себе вид – настолько, что членов других сравнимых сообществ не считают полноценными, людьми. В очень многих туземных языках собственное племя обозначается попросту словом “человек”. Тем самым лишение жизни члена соседнего племени не рассматривается как настоящее убийство! Это следствие образования псевдовидов в высшей степени опасно, поскольку оно в значительной мере снимает торможение, мешающее убить своего собрата по виду, между тем как внутривидовая агрессивность, вызываемая собратьями по виду и никем другим, продолжает действовать. По отношению к “врагам” испытывают ненависть, какую могут вызвать лишь другие люди, но не вызывает и злейший хищный зверь, и в них можно спокойно стрелять, потому что они ведь не настоящие люди. Само собой разумеется, что испытанная техника всех поджигателей войны поддерживает такое мнение.” (246).

Но как отличить МЫ от ОНИ, если природа сделала всех такими похожими? Вот тут и пришли на выручку выдумка и воображение. Люди стали изобретать “знаки отличия”. Или, если перевернуть угол зрения, – “знаки общности”. МЫ – это те, у кого нет двух передних зубов. И зубы у всех членов племени выбивали. Или МЫ – это имеющие три шрама на спине вдоль позвоночника. Оттянутые губы, вытянутые чуть не до плеча мочки ушей и даже отрезанные пальцы ног, как у индейцев племени “ва-эй-винс” (в переводе: “или они уходят, или они приходят?”) – чтобы враждебные племена никогда не могли узнать, в каком направлении ушли МЫ.

Одно только перечисление придуманных людьми знаков отличия МЫ от ОНИ заняло бы не одну сотню страниц. Самые распространенные, встречавшиеся повсюду у разных племен и народов: подпиливание передних зубов, чтобы они приняли форму частокола, нанесение шрамов на разные части тела, вплоть до детородных органов, вытягивание губ и ушей, пробивание носов и вставление в них колец и разного рода “штырей”, деформация формы черепа, ну, и самое известное, перешедшее в современную жизнь, – обрезание, татуировка и пирсинг.

Первой приходит на память, конечно же, манипуляция над телом в виде обрезания, или циркумцизии (*circumcisio* - круговой разрез). Обрезание и до настоящего времени отличает МЫ иудеев, мусульман и представителей некоторых других религиозных воззрений. Но истоки этого обряда уходят далеко вглубь тысячелетий. Обрезание практиковалось в Древнем Египте. В Каирском музее можно увидеть статую фараона с обрезанной крайней плотью. .

В выдумках манипуляций над телом люди заходили и заходят очень далеко. Так, у некоторых племен мальчик, прошедший обряд посвящения в мужчины, лишившись

своей крайней плоти, должен был ее тут же и съесть. А в Судане в момент обрезания подростку выбивают зуб, только после этого мальчик считается мужчиной. И отличается (разумеется, в лучшую сторону!) от всяких там ОНИ. А наиболее эксцентричные обычаи деформирования черепа практиковали перуанские индейцы, жившие в XIX в. на берегах реки Мараон. При помощи дощечек они уплощали переднюю, заднюю части, лоб и боковые стороны черепа. В результате этого получались квадратные головы.

Я внутри МЫ

Другой пласт отличий, требовавших своего обозначения, касался внутриплеменной структуры. Паспортов и прочих документов, к которым привыкли мы (помните Булгаковского Шарикова, справедливо убежденного, что без “бумаги” человек не может существовать?), не было, но были выдуманы иные “паспорта” – опять те же метки и деформации на теле. В этом отношении замечателен пример татуировки у полинезийских племен. В течение всей жизни тело мужчин и женщин было “бумагой”, на которую наносились письма-знаки: о племени, возрасте, статусе внутри племени, о героических поступках, брачном статусе и т.д. Неудивительно, что расписанные тела полинезийцев так поразили моряков, открывших Полинезию, что они привезли эту практику в Европу, и она была в большой почете не только среди матросов, но и королевских особ. Вот она, фасцинация! Отличие татуировки полинезийцев от современного модного тату-увлечения состоит в том, что на теле полинезийца каждый тату-штрих был на своем месте и что-то точно обозначал для читающих этот “паспорт” соплеменников.

У других народов статусные, межполовые, профессиональные, кастовые отличия отмечались чем угодно, но всегда точным и ярким фасцинативным знаком.

“Красота” искусственных деформаций

Теперь понятно, почему человек с той или иной деформацией тела считается у данного конкретного МЫ красивым. Древний Китай придумал для женщины деформированную ступню 7–10 см. Не будем вдаваться в истоки такой выдумки, но коль уж она внедрена была в социальное бытие китайцев, ступня 7–10 см стала эталоном женского совершенства. Методом “наделения” вторичная фасцинация преобразила образ ступни и лодыжки в некое подобие, которое стало доминантой в образе китаянки. Точно так же, как удлиняемые с помощью колец шеи у женщин некоторых африканских и восточно-азиатских племен до 30–40 см. В других африканских странах, как и в некоторых племенах индейцев из джунглей бассейна Амазонки, женщины с помощью деревянных дисков растягивают нижние и верхние губы до 25 см длиной. Тоже вторичная наделенная фасцинация.

Сюда следует отнести и красоту крупных габаритов женского тела у многих африканских и восточных народов. Не потому красивы женщины этих социумов, что их вес доведен до 120–130 кг (иначе никто замуж не возьмет!), а только потому, что их полнота была когда-то выдумана как отличительный признак-знак (скорее всего из-за полуголодного существования этих племен), стала восприниматься любовно,

как родной символ МЫ. Именно любование МЫ создает ощущение красоты, а не объективные качества крупногабаритности тела. И, кстати сказать, откармливание девушек, которые от природы вовсе не “крупногабаритные”, ведь тоже есть не что иное, как искусственная деформация тела.

Женщинам в истории выдумывания знаков МЫ особенно “повезло” (возможно, потому, что “выдумщиками” были мужчины): тут и искусственное ожирение, и деформации стопы и шеи, и такие жуткие, совершенно противоестественные операции, как обрезание клитора и половых губ, продельвание дырок в половых губах для разного рода сохраняющих девственность замков. В некоторых районах Тропической Африки у девочек большие половые губы даже зашивали. Согласно статистике, еще и сейчас ежегодно миллионы девочек в 26 африканских странах (то есть в большей части стран этого континента) подвергаются операциям обрезания клитора и малых половых губ. Более того, этой операции подвергаются девочки и девушки иммигрантов, родившихся во Франции, Англии или США. Такова неумолимая власть этнической фасцинации.

Уродование тел для фасцинации социального статуса

Особый род деформации телесности представляют уродования ради статуса. Так, у некоторых народов высокий социальный статус вождя, жреца, “министра” требовал непременно деформирования черепа или высверливания в нем отверстий. Наиболее широко была распространена циркулярная деформация, при которой голова перетягивается повязкой по окружности и получает благодаря этому вытянутую кверху и кзади форму. Для усиления действия повязки на лоб и на затылок накладываются иногда дощечки, что приводило к резкому уплощению лба и затылка. Надо сказать, что деформирование черепов у некоторых древних племен приобрело “общенациональные” масштабы, как у сарматских народов.

Довольно многочисленный отряд прислужников гаремов привел к созданию особого типа людей – евнухов. Их “производили” методом полной кастрации, так как неполный евнух (с удаленными яичниками и сохраненным penisом) испытывал сексуальное желание (таких евнухов создавали в Древнем Риме на утеху патрицианкам, боявшимся забеременеть). Властители инков для отличия “носили” золотые зубы, что сродни воровской фиксе начала-середины XX в. – она ведь тоже “знак отличия” блатного МЫ от не блатных ОНИ.

Живые игрушки или уродование тел

Это еще один вид человеческой фантазии в сфере искусственного “конструирования тел”. Но уже из области “досуга”, а не социальной стратификации. Хотя жертвы такого уродования тотчас становились тоже особой социальной группой со своими ужасными телесными метками.

Я имею в виду индустрию производства уродов. Долгие века при дворах королей и султанов заводили разного рода уродов, вплоть до таких, как “петухи” – уродцы со специально “сконструированными” петушиными голосами, функцией которых было

будить царский двор рано утром.

Приведем в качестве примера одно из подобного рода “производств”, изобретенных в Китае. Китайцы наладили систему заказа карликов с предварительным заданием нужной величины и формы, своеобразное “моделирование по живому”. Дети в возрасте двух-трех лет помещались в специальные фарфоровые вазы соответствующего размера и формы, открытые с обоих концов так, чтобы выступала только голова ребенка и стопы. На протяжении дня вазу держали вертикально, а на ночь клали на бок, чтобы дети могли спать. Долгие годы несчастный рос внутрь вместо того, чтобы тянуться вверх, и полости вазы заполнялись сжатым телом и выкрученными костями. Когда не оставалось сомнения, что тело ребенка достигло требуемой формы, вазу разбивали, и получался готовый причудливый карлик.

Спектакль продолжается

За тысячи лет своего социального существования человечество изобрело такое множество меток-деформаций тела, что вряд ли можно изобрести что-нибудь новое. Казалось бы, пора остановиться и отказаться от деформаций, поскольку нет ничего прекраснее здорового, чистого, не изуродованного тела. Тем не менее “вариации на тему” продолжают. Так, в 1995 г. в Книгу рекордов Гиннесса был внесен некий заключенный немецкой тюрьмы, покрывший татуировкой 99% поверхности своего тела, включая губы и веки...

И главной побудительной причиной становятся уже не социальные требования отличия МЫ от ОНИ, а стремление выделиться, обратить на себя внимание, стать суперэкстравагантным – до вызывания у окружающих шока. Молодежь погрузилась в фанатизацию тату и пирсинга, которые стали элементом молодежных субкультур и моды. Но это уже несколько другая социально-психологическая тема. Хотя и здесь налицо формирование социального и демонстрационного тела как надстройки над биологическим.

Красота тела объективная и наделенная

Жан-Люк Нанси в “Сорпус” делает остроумную вставку: “К своему величайшему удивлению, Казик обнаружил, что был обречен всю жизнь подволакивать левую ногу, что один его глаз различал формы и цвета лишь с огромным трудом, а по мере того как он старел, на его спине и руках появлялось все больше и больше мерзких коричневых пятен, и что вдобавок у него стали выпадать волосы и зубы. Он наблюдал за этими изменениями, словно читая чью-то чужую историю, но печаль и боль нарастали в нем, мучая его: печаль, связанная с физическим упадком, боль – с одиночеством. Его левая икра быстро покрылась голубыми разбухшими венами – он наклонялся и смотрел на них, как смотрят на карту неизвестной местности. Его глаза начинали слезиться, стоило ему приблизиться к только что скошенной траве, вишни вызывали у него понос, прогулки по лужайкам зоопарка – зуд, а его правое веко одиноко подергивалось в минуты большого волнения; это были лишь пустяки, но мало-помалу они отравляли ему жизнь. (...) Он обнаружил, что в большинстве случаев когда кто-то

говорит: “таков мой жребий”, на самом деле он думает о груди мяса, которую таскает с собой. Не кто иной, как Ахарон Маркус, аптекарь, высказал предположение, что после многих тысяч лет существования на этой земле человек остался, возможно, единственным живым созданием, по-прежнему столь плохо приспособленным к своему телу, за которое ему часто бывает стыдно. А порой, заметил аптекарь, говорят, что человек наивно ожидает следующего этапа эволюции, когда его тело и он сам разделятся и станут двумя различными созданиями (301).

Чтобы не было стыдно, существует красота тела, о которой мечтают все, но имеют немногие. Но те, кто ею обладают, становятся главными фасцинаторами социума.

Наделение

В обществе горбатых стройный
юноша считался бы уродом.

О. де Бальзак

Как я уже отметил в разделе “Механизмы фасцинации”, при анализе феномена фасцинации необходимо учитывать феномен наделения: к объекту или действию сознание человека добавляет несуществующие объективно, но существующие в воображении признаки и свойства. Так создавались когда-то первобытные мифы о темах, Образы-фантомы более поздней мифологии (кентавры, русалки, вурдалаки и сам Дьявол), Образы этнических легендарных героев (Гильгамеш, Манас, Витязь в тигровой шкуре, Илья Муромец). Так действует сознание при восторженном или устрашенном состоянии: симпатичное наделяется удвоенной порцией признаков симпатии, а страшное и безобразное – признаками стократного увеличения брезгливости или ужасности. Особенно это проявляет себя в сказках. Но и в реальной жизни тоже. Так к базовой естественно-природной фасцинации добавляется изобретенная, вымышленная, фантомная фасцинация второго плана или вторичная фасцинация.

Тело и его пластика потенциально фасцинативны, поскольку в человеческой психике всегда имеется механизм “наделения” – сугубо человеческий инструмент актуализации. Базовая фасцинация и фасцинативный сигнал-Образ – это тело, каким оно дано природой. Этим оно и ценно. Вторичная фасцинация – это наделение первичной фасцины признаками увлеченности или этнического совершенства. Получается двухярусная фасцинативная конструкция: биологическое тело-фасцина соединяется с социально-демонстрационными фасцинациями тела, создаваемыми этносом и соответствующей культурой. Отсюда и возникает парадокс относительности телесной красоты. Когда две фасцинации одинаковы по семантике, то красиво тело 90-60-90. Но если этнос считает красивым тело 120-100-120, тогда девочку этого этноса (или принятию в этнос), родившуюся с потенциалом 90-60-90 следует откармливать, чтобы наделить ее семантикой этнической “красивости”. Существуют изолированные культурные группы, в которых источники питания скудные или, в лучшем случае, непостоянны. Здесь предпочитают массивных женщин и в целом игнорируют коэффициент соотношения талии и бедер 0,7, который соотнесен с 90-60-90. Предпочтения в фигуре, подобно другим врожденным предрасположенностям, модифицируются у

определенных групп людей механизмами наделения. И в условиях голода показатель 0,7 свидетельствует о большей фертильности, чем, предположим, 0,9, но вес в данном случае биологически важнее. Если голод является постоянной угрозой, предпочтение всегда будет отдаваться самым полным женщинам репродуктивного возраста. Когда умеренное количество еды доступно постоянно и нет угрозы голода, при оценке женской фигуры наряду с весом тела начинает учитываться 0,7. Если у этноса нет проблем с питанием, то наиболее надежным внешним признаком фертильности является соотношение 0,7. Безусловно, для проверки этой гипотезы необходимо провести более масштабные кросс-культурные исследования и разделить возникшие в ходе эволюции предпосылки, онтогенетические факторы и индивидуальный культурный опыт.

Таким образом, фасцинация – это еще и наделение, создание фантомов. Причем процесс наделения в современную эпоху развития фасциаторной индустрии приобретает неожиданную форму прямого физического наделения. Я имею в виду в первую очередь ту удивительную трансформацию лица и тела, которую подчас проделывает пластическая хирургия, превращающая людей в красавцев либо в неузнаваемых новых лиц, как это иногда необходимо преступникам для ухода от наказания. Девушка, выправляющая горбинку носа, наделяет себя новым Образом лица, иногда столь существенно иным, что все раскрывают рты от изумления. Индустрия коррекции тела и культ эстетики тела в современном обществе изменяют парадигму совершенствования тела и внешнего облика с биологии на технологии.

Фасцинация красоты тела

Здравый смысл совершенно
неуместен в поклонении красоте.

О. Уайльд

Красота тела возбуждает восхищение и зависть, вожделение и страх, она притягивает и всегда немножко пугает.

Красота всегда распознаваема, она бросается в глаза, ослепляет и завораживает, от нее ни уклониться, ни спрятаться, ее невозможно забыть – своим ослепительным Образом она стоит перед глазами даже тогда, когда недоступна для восприятия, как фасцинация она врезается в память, в ее самые глубинные, биофизиологические пласты. Достаточно один раз увидеть красивое тело, чтобы оно впаялось в память на всю жизнь. Таково ее испепеляющее влияние на человека. Быть может, поэтому красота является объектом посягательства, вожделения, желания иметь ее во владении и собственности, и даже жажды мести и надругательства. Еще раз хочу привести очень точную метафору Ж. Батая, что чем прекраснее красота, тем сильнее она оскверняется. На красивых женщин и мужчин устраивают покушения, их выкрадывают и держат в плену, их вынуждают к сожигательству и разного рода рабству. Особенно, конечно же, достается красивым девушкам, за ними идет в буквальном смысле непрекращающаяся охота: их завлекают в жены, в проституцию, в порно- и рекламный бизнес, в разного рода прибыльные шоу типа конкурсов красоты. Лишь немногие предприятия по эксплуатации телесной красоты имеют чистую репутацию. Большинство из них в той или иной мере эксплуатируют красоту тела с целью выгоды и наживы

или недобросовестного “пользования”. И не так много красавиц, которые могли бы сказать о себе, что они свободны от посягательств, ибо всем приходится так или иначе отстаивать свою красоту, а то и в буквальном смысле сражаться за право быть свободным и независимым красивым человеком. Красота всегда, во все века нуждалась в охране именно потому, что она является предметом атаки слишком многих глаз и вожделений, у нее слишком много желающих полакомиться и овладеть ее прелестями. В этом заключается в известном смысле социально-трагический аспект красоты тела, его высокой fascinации.

Это тем более справедливо, что красота имманентно содержит в себе повышенную сексуальную энергетику, гормональную волнующую силу и просто все то, что запечатлено в слове “породистость”. Другими словами, в телесной красоте скрыта великая сила природы, ее символ высшей репродуктивности и сопряженных с ней удовольствий. Потому – то сила воздействия красоты безгранична, а очарование ее не подвластно никаким сопротивлениям воли и разума – красота прошибает все барьеры, захватывая самое биологическое нутро человека, отключая разум и критику, ослабляя волю – таково ее всевластие. И в этом же смысле можно сказать – и это во многом справедливо! – что если красота и нуждается в защите от посягательств, то во многом сама же и провоцирует собой эти посягательства. Ведь не случайно от красоты сходят с ума. Красивым более чем кому-либо нужна осторожность, так как их тело – мощнейший fascinативный сигнал, включающий психофизиологические механизмы сексуального возбуждения и отключающий трезвость разума.

Красота тела – это телесный идеал и образец. В красоте тела природа путем наследования и мутации создает оптимальные генетические варианты, породу, которая скорее даст следующий виток совершенства генома и соматической организации.

Есть еще одна сфера посягательств на красоту тела или точнее узконаправленное ее использование. Я имею в виду так называемый секс-шпионаж. Совсем не случайно соблазнительные девушки становились во все времена грозным оружием в руках разведок. В том числе и стойкого КГБ. В СССР была создана одна из самых мощных в мире спецслужб, которая готовила женщин-шпионов, владевших приемами обольщения мужчин. Бывшая шпионка в одной из книг об истории сексшпионажа рассказала, как в КГБ вербовали симпатичных студенток в секретные секс-агенты: “К концу тренировок мы становились циничными, искушенными, готовыми по приказу лечь в постель с любым мужчиной и сделать его самым счастливым человеком на свете”.

Одной из первых русских красавиц, прославившихся на этом поприще, считают княгиню Доротею Ливен, родную сестру знаменитого шефа жандармов Александра Бенкендорфа. Она была фрейлиной великой княгини Марии Федоровны, которая стала женой Павла I. Вышла она замуж за военного министра графа Христофора Ливена и находилась в близких отношениях с царствующей семьей. Ее муж в 1809 г. – посол в Берлине, а в 1812 г. – в Лондоне. Там и начала свою разведывательную карьеру Доротея. Жизнь ее напоминает увлекательнейший авантюрный роман, ибо когда красивая женщина раздевается, самый стойкий мужчина рассказывает все. С десяток лет княгиня была любовницей Клеменса Меттерниха, министра иностранных дел и фактического главы австрийского правительства. И все это время министр иностранных дел русского императорского двора получал от Доротеи ценнейшую информацию.

Секретный канал Ливен–Меттерних – как правило, зашифрованные послания, вложенные в четыре конверта, – контролировал не только министр, но и сам царь Александр, обсуждавший с графиней вопросы внешней политики и лично инструктировавший ее. Затем по поручению государя пришлось забыть Меттерниха и завести новый роман – с министром иностранных дел Англии Джорджем Каннингом, ключевой фигурой на политической арене начала XIX столетия. Роман затянулся на десятилетие. А “лебединой песней” Доротеи был Франсуа Гизо – премьер-министр Франции.

Другое целевое использование красивых женских тел – презентации сильных мира сего. Аппетитных девушек (как правило, очаровательных старших пионервожатых) “подставляли” для встреч комиссий и секретарей вышестоящих комитетов ВЛКСМ районные комитеты. Очень любили высокие комсомольские функционеры ездить в “ревизорские” командировки! Практика сексуального использования функционерок сохранилась до сегодняшнего дня. Об этом информировали социологов члены молодежных организаций, в частности, в Петербурге (472)

Наконец, и проституция существует, и может существовать только благодаря телесной привлекательности. До тех пор, пока путаны будут телесно красивы или даже только выделяться в лучшую сторону из массы телесно посредственных женщин, которых Л. Ландау в своей “классификации женщин” зачислял в разряд “лучше не смотреть”, тяга к известному использованию их стройных тел останется неискоренимой.

Так тело, будучи сексуальной fascinaцией и средством плотских fascinatивных утех (тактильная fascинация), превращается в ходовой товар и предмет вожделения широкого спектра: от сексуальных извращений до романтической любви.

Очень поэтично представлено описание флорентийской красотки XVI в. в одном из тогдашних трактатов: три вещи у нее должны быть белыми (зубы, кожа, руки), три – черными (глаза, брови, ресницы), три – длинными (ноги, ресницы, волосы), три – широкими (бедрa, грудь, лоб), три – узкими (талиа, губы, запястья), три – полными (руки, икры, ягодицы), три – изогнутыми (талиа, нос, ресницы), три – округлыми (грудь, шея, подбородок) и три – маленькими (ступни, кисти, уши). Звучит очень современно.

Женская грудь – сексуальная fascина № 1

Задолго до Фрейда Ч. Дарвин дал женской груди весьма сексуальное определение, сказав, что даже в зрелом возрасте, встречая объект, чем-либо напоминающий женскую грудь... мы ощущаем удовольствие, которое, похоже, влияет на все наши чувства. Бунин писал о груди Оли Мещерской (в рассказе “Легкое дыхание”): “в четырнадцать лет... уже хорошо обрисовывались груди и все те формы, очарование которых еще никогда не выразило человеческое слово”. Женская грудь – базовый сигнал-fascина человечества. Сразу всплывает ассоциация с кормящей Мадонной на полотнах великих мастеров живописи. Только после этого память включает и другие ассоциации.

Акт сосания груди, прижимания к ней под защиту и теплоту сохраняется в подсознании на всю жизнь. Но дело не только в этом. Грудь матери (другого Я для Я ребенка) – это первичный соблазн, некое значимое значащее, которое ему еще пред-

стоит осмыслить, но которое уже пленило его и вошло в его подсознание. З. Фрейд неявно, а Ж. Лапланш в работе “Роковое влечение” эксплицитно показали, что фатальная асимметричная связь “взрослый–ребенок” по сути своей представляет собой первичное, а потом и вторичное соблазнение, в котором первичные знаки соблазна остаются в подсознании на всю жизнь как символы сексуальности. Среди них первое место и принадлежит материнской (женской!) груди. С возрастом постепенно семантика материнства отодвигается при восприятии груди, уступая место ее эротической фиксации, но полностью никогда не вытесняется. Что и выразил так точно Дарвин в приведенном выше высказывании.

Заслуживает внимания как фасцирующий сигнал особого демонстрирования “высокая грудь”, так ценящаяся в европейской цивилизации. Чаще всего она представляет собой не биологическое качество, а отработанное дыхательное, но поставленное на “службу” эротике. И.В. Молдовану, исследовавший культурологические модели регуляции функции дыхания, отметил, ссылаясь на Lum, что “из существующих вариантов дыхания (грудное, брюшное, сочетанное) мужчины и женщины Запада обучаются с самого раннего детства избыточно дышать грудью, недостаточно используя брюшной тип дыхания. У мужчин это связано с занятиями физкультурой в школе и с армейской службой, которая во всем способствует закреплению навыка грудного варианта дыхания. В последующем выпячивание груди вперед – формирование инспираторного положения грудной клетки – становится не только делом привычки, но и приобретает определенное символическое значение, а именно – является символом мужественности, одновременно формируя некий многозначный контекст и ассоциации как с позой гвардейца, так и с образом сердитой обезьяны. Женский вариант грудного дыхания носит иной культуральный смысл. Преувеличенное грудное дыхание служит нескольким целям. Это и привлечение внимания к груди для сексуального успеха, это и одновременно эквивалент фрагмента сексуального поведения с соответствующим вегетативным сопровождением, это и следование определенным клише и стереотипам голливудского образа “полногрудой блондинки”, это и символ эмоциональной активации и возбуждения в отличие от спокойного брюшного дыхания” (292). Наблюдать взволнованную “высокую грудь” – особое очарование, этим мастерством пользовались женщины галантного века. Какие поразительные бьющие по мужскому воображению приемы можно проделывать с грудью как фасциной, замечательно описал Э. Фукс в “Истории эротике”, собравший огромный фактический материал эротического коммуникативного поведения (503; 504; 505).

Женская грудь – всегда Образ-фасцина. Но по-разному. Так, у аборигенов Австралии наиболее красивой считается грудь вовсе не упругая и высокая, а свисающая до пояса. В подобных случаях вступает в силу феномен надления, о котором я сказал выше.

Тонкая талия – женская сексуальная фасцина № 2

Среди женщин нормального роста самой тонкой талией (33 см) в XX в. обладали француженка Эмиль Мари Бушан (1881–1939) и Этель Грейнджер из Великобритании (1905–1982). Людмила Гурченко почти всю жизнь, по ее признанию, имела талию 48 см. У секс-идола эпохи Мерилин Монро талия была побольше – 62 см., но

при пропорциях 162-95-62-95 и поразительно эротичной пластике. Именно этот уникальный “комплект” и позволил ей стать идеалом женственности: у нее было всего ровно столько, сколько надо. Коэффициент 0,7 – это о ее теле.

Для талии очень важно дополнение, которое и делает ее талией, – подчеркивание ее гармоничной пропорцией бедер.

Не один раз Шехерезада в “Тысяче и одной ночи” останавливает взгляд на этой части женского тела. Влюбленный царевич Ардешир посмотрел на возлюбленную и увидел, что “она издает стоны, от которых расплавится камень, и плачет слезами, подобными дождю, и он потонул от любви в море бедствий” и произнес стихи, в которых есть и такие строки:

Твой стан — точно ветвь, когда гнется она.

Коль северный ветер ее закачает.

.....

Твой стан изнурен отягчающим задом —

Ведь тяжек он так, а твой стан легковесен...

Очень метко сказано – “тяжек”! Если “суховат” или “плосковат”, талия терялась бы, не подкрепленная чарующим контрастом. У Мэрилин Монро и здесь был идеал.

О талии и стройности можно говорить и в аспекте биологической репродукции. Прослежено, что содержание двух гормонов, которые очень важны для деторождения, существенно выше у стройных женщин с большой грудью. У них вероятность забеременеть в течение менструального цикла может быть в два-три раза выше. Утверждение, что некоторые идеалы красоты являются формами адаптации, которые позволяют как мужчинам, так и женщинам выбирать себе партнеров, которые плодотворны, здоровы и наверняка будут хорошими родителями, стало уже аксиоматичным. Стройные, пышногрудые женщины значительно более репродуктивны, так замыслила природа, создавая лучшие образцы тел. Тонкая талия – еще одно убедительное доказательство, что понятия о красоте в определенной степени развились в результате эволюции. Именно поэтому грудь и талия – главные женские сексуальные фасцины, от которых мужчины становятся несколько не в себе.

Телесные тонкости как дополнительные вторичные сигналы

Сначала тело, потом подробности. Часто именно подробности вносят в красоту тела то очарование, которое особенно fascinatивно. Я бы сказал о таких “подробностях”, что они становятся отдельными эффектными сигналами-фасцинами.

К таким безусловно усиливающим красоту лица относится родинка. И мушка как неслучайная имитация родинки. Более высокая привлекательность лица с родинкой кажется бесспорной, и признана почти всеми. Для таких красивейших женщин XX века, как Мэрилин Монро и Синди Кроуфорд, родинка стала талисманом и залогом успеха. Многих сводит с ума родинка Натали Орейро.

Возникает вопрос: благодаря чему родинка очаровывает или, точнее, что такое

скрыто в ней, что делает лицо каким-то другим, необычным, оригинальным? Дело в том, что маленькая черная или темнокоричневая точка на лице обладает свойством привлекать внимание, останавливать на ней взгляд, надолго запоминаться. А все это и есть свойство фасцинации, чарующего действия. Такая маленькая точка отвечает и замечательному принципу фасцинации – принципу асимметричной симметрии. Если симметрия несет с собой порядок и облегчение, то асимметрия, наоборот, порождает некоторую напряженность, преодолевает однообразие симметричности легким ее разрушением, которое не может не остановить взгляд. Легкая асимметрия придает лицу неповторимую индивидуальность, вносит в его структуру некоторую маленькую драму, создает в лице легкий неожиданный диссонанс. Это то “чуть-чуть”, та асимметричная штучка, деталь, которые вносят веками все опытные модельеры и стилисты в одежду и внешний облик человека, создавая шарм, эксклюзив, магию. Родинка и придает лицу чарующую неожиданность.

Я провел незамысловатый эксперимент, предьявляя мужчинам лица красивых женщин в паре: одно и то же лицо с родинкой и без родинки. В этом помогла мне программа PhotoShop. Предьявлял я в названном сочетании лица актрис Кери Руссо и Натали Орейро. 95 % мужчин, принявших участие в эксперименте (всего их было 40), выбирали “как более для них привлекательное” лица с родинкой. Точно как в жизни – лица с родинкой “ценятся” выше. Видимо, поэтому Мерилин Монро свою родинку на щеке считала самой сексуальной частью тела...

Неудивительно, что родинку в свое время стали имитировать и родилось такое явление в моде как мушка – “пластырь красоты”, как ее назвали модницы еще в XVII в. “Женская энциклопедия” 1715 г. гласит: “Мушками называются маленькие или большие пластыри из черной тафты, бархата, шелка или кожи в виде различных фигур, которые женщины наклеивают на лицо или грудь, чтобы кожа выглядела белее и привлекательнее”. В ход шли бархатная бумага, краска, карандаш, сурьма. Особую пикантность придавали мушки, приклеенные на щеке или над верхней губкой. Им даже придумывали названия. Мушка, скрывающая прыщик, называлась “венерин цветок”, большая мушка, приклеенная у правого глаза, – “тиран”, крошечная на подбородке – “люблю, да не вижу”, нарисованная на щеке означала согласие, а под носом – “прощай”. Дама, приклеившая черную звезду на лоб, тем самым заявляла: “Я недоступна”. Возле той, что с мушкой у виска, всегда роились кавалеры: ее мушка означала готовность к страстным приключениям. Наклеивать более трех мушек сразу считалось неприличным: это вносило неразбериху в строго установленную систему сигналов. Ничего не надо было объяснять, все обозначалось ярко фасциновым языком мушки.

В Россию мушки влетели вместе с вернувшимся из путешествия в Европу Петром I. Начался настоящий мушечный бум. Женщины быстро поняли, что мушки могут быть применены не только для того, чтобы подчеркнуть мраморную белизну лица. Стали использовать специальный “язык” мушек, который досконально растолковывался в опубликованном в виде книжицы “Реестре о цветах и о мушках”.

Екатерина II описала в своих воспоминаниях случай на балу, на который она появилась без мушек. Поскольку она ухитрилась всех поразить своим простеньким, но оригинальным нарядом, императрица Елизавета подобрела, подозвала ее к себе и,

увидев, что на ней нет ни одной мушки, удивленно произнесла: “Отчего нет мушек?!”, – достала коробочку с мушками и самолично наклеила несколько штук нелюбимой невестке (503, с. 429).

Фасцинативной подробностью в теле могут быть ямочки на плечах у женщины. Великая очаровательная редкость, воспетая в женских образах Бальзака и Флобера. Или неизменно возбуждающие мужчин роскошные рыже-золотистые волосы, веками бывшие в моде у древних народов и в Средние века, за сексуальность которых сожгли много женщин на кострах инквизиции. А ведь рыжеволосым был и Иисус Христос. Чтобы в этом убедиться, достаточно внимательнее рассмотреть картины великих живописцев. Фасцинацией-подробностью могут быть и зеленые с желтыми крапинками глаза, которые теми же инквизиторами были объявлены дьявольскими отметинами.

А вот останавливающие взор подробности другого рода. Самая большая грудь Европы принадлежит Еве Феррари – 6 кг весу при 130-60-90. Путь к такому достижению лежал у нее через 18 пластических операций! Но россиянка из Иркутска Варвара Неволяшко, никаких операций не делавшая, при той же талии и бедрах имеет 140–60–90... Конечно же, не обратить внимание на такое чудо невозможно.

Книга рекордов Гиннесса дает полное и постоянно пополняющееся представление о “подробностях” человеческих тел, фасцинативных своей необычностью и возможностями.

Фасцинативное тело как рыночный товар

На теле или телом зарабатывают состояния, а не только на хлеб с маслом.

Потребность человека в человеке проявляет себя в самых разных формах: от аффилиации, почти панической боязни одиночества, до примитивного груминга и удовлетворения сексуальных перверсий. На этом невероятно широком поле телесно-функциональной социальности можно выделить сферу, в которой человеческое тело выступает как эксплицитно фиксированный товар, объект и предмет рыночной оценки и продажи. Потребность другого человека в желанном или специализированном теле делает его рыночной стоимостью. Это прекрасно видно на проституции: стоимость проститутки во все времена определялась привлекательностью ее тела, его гигиеническим состоянием и эстетикой. По этим критериям проститутки подразделяются на “подвиды” до сих пор: от так называемых подзаборных шлюх до элитных гейш.

Другим примером товарности является тело актрис, балерин, артистов стриптизшоу, исполнителей (мужчин и женщин) цирковых номеров в акробатике, конторсии, воздушной гимнастике. Во всех названных видах тело становится главным или очень существенным профессиональным инструментом, нуждающимся в каждодневном тщательнейшем уходе и тренинге. Это закон этих профессий. Потеря качества тела ведет к сходу с дистанции. Как у спортсменов, у которых тело тоже профессиональный инструмент.

Цирковой артист Френк Виллард (США) долгие годы демонстрировал такой необычный номер. На манеж выходил человек среднего роста. А затем прямо на глазах ошеломленной публики его рост начинал быстро увеличиваться. За несколько минут

Виллард становился выше на целых 20 сантиметров! Чтобы понять это удивительное явление, ученые сделали рентгеновские снимки артиста во время исполнения номера. И вот что установили. Формой позвоночника управляют две противоположно работающие группы мышц: одни стараются его согнуть, другие – выпрямить. В зависимости от того, какие мышцы в данный момент сильнее напряжены, позвоночник либо сгибается, либо распрямляется. Мастерство Вилларда состояло в том, что при появлении на арене он максимально напрягал “сгибающие” мышцы, то есть “складывал” позвоночник, уменьшая тем самым свой рост. В процессе же выполнения номера артист постепенно расслаблял сгибающие мышцы и максимально напрягал “распрямляющие”, выпрямляя позвоночник. Благодаря этому трюку он умудрялся “вырастать” за несколько минут на целую голову. И неплохо на этом телесном и шокирующем трюке зарабатывал (308).

В рыночной телесной репрезентации есть одна очень важная особенность, в большей степени позитивная, чем негативная. Именно рыночная оценка и определение стоимости приводит к тому, во-первых, что тело совершенствуется и шлифуется, чтобы наверняка быть проданным (и это требует большого, а иногда и самоотверженного труда), а с другой – и это, быть может, еще более важно – общество и особенно престижные, формирующие вкус социальные группы вырабатывают маркированные эталоны, идеальные образцы рыночной телесности. И эти образцы создаются в соответствии с законами фасцинации, а не только некоего физического предпочтения. Вернее сказать, даже физические характеристики образца, такие, как 90-60-90, вырабатываются имплицитно, с учетом все тех же принципов фасциативности, чарующей привлекательности. Не случайно интуитивно, но и вполне определенно стали разводить понятия “сексуальность” и ”сексапильность” (sexappeal), а специалисты модельного бизнеса среди сонма кандидатов и кандидатов выскивают фасциативные образцы, называя это “индивидуальностью”, “шармом”, “магнетизмом” и т. д. И после отбора профессиональная шлифовка опять же производится по этим же характеристикам.

Сексапильность – это и есть фасцинация сексуальности в теле, эротичное тело, то есть желанное, вызывающее эротическое любование. Сексапильность как товар – это фасциативно организованная и оформленная сексуальность. Сексапильность – это все то, что привлекает и волнует представителей противоположного пола, от внешности и походки до жестов и поз, от тембра голоса до улыбки и блеска в глазах. Сексапильность – это внутренне демонстрационное состояние, эротическая фантазия, воплощаемая в демонстрационном поведении. В данном отношении мужчина выбирает женщину на уровне подсознания, на уровне животных инстинктов. Выдающийся пример – опять Мерилин Монро.

Особенно значительную и впечатляющую практику отбора образцов человеческого тела с учетом фасцинации дала киноиндустрия. Найти “лицо необщего выражения”, фигуру с чарующей пластикой – задача всех без исключения фотомастеров и кинорежиссеров. И именно их отбор тел и лиц, результатом которого являются звезды модельного рынка и кино, формирует социальные идеалы телесности эпохи. Андрея Тарковского как-то упрекнули, что он выбирает на заглавные роли зарубежных актрис. На это мастер ответил очень точно: “Я не виноват, что у нас нет лиц”. В

самом деле, красоток – хоть отбавляй, а лиц – раз, два и обчелся. Тому, конечно, есть причины, которые и приводили к удивительной для западных критиков не востребо-ванности в советском кинематографе гениальной Н. Самойловой. “Лица необщее выражение” возможно только у незаурядной личности, а с такой личностью работать трудно. Отсюда неизбежное отступление в сферу податливой и безропотной красоты, штампа куколок-кинокрасоток. Впрочем, мужских тел и лиц в кино это касается в не меньшей степени.

Голливуд находится на острие успеха, наряду с прочим, еще и потому, что там отбор лиц и тел давно поставлен на основу высокопрофессионального их поиска по всему миру. Мерилин Монро при всей трудности продвижения на Олимп популярности могла появиться только в Голливуде.

Именно законы фасцинации непременно производят отбор лучшего на рынке тел: все привлекательно-общее, сусальное, кукольное, тем более афасциативно-серое отбрасывается в необозримый океан горя, разбитых сердец и даже судеб, а на вершины обожания и популярности выносятся только те, кто обладает природно-потенциальной фасцинацией, отшлифованной трудом и вкусом автора и его учителей (творцов, тренеров, имиджмейкеров, стилистов и т. д.): возле каждого выдающегося тела всегда есть не только восторженные обожатели, но и мастера, “отсекающие все лишнее” и создающие фасциативный Образ. Этот Образ затем выстреливает в массовое восприятие современников, формируя у них Образ-Идеал-Идол и секс-символы, собирая толпы фанатов. Так, легендарную походку Мерилин Монро поставил Чарли Чаплин-младший, Генри Розенфельд и Билл Травилла научили ее одеваться и создали знакомый каждому внешний облик “платиновой блондинки”. А ее третий муж, известный драматург Артур Миллер, сделал все остальное...

Дженнифер Лопез, как и другие знаменитые актрисы и модели, имеет персонального тренера, который разработал для нее специальные упражнения для упругих и красивых ягодиц. Актриса продает свой талант. Но... вместе с роскошными, застрахованными на 100 млн долларов США ягодицами. И разумно поступает, так как еще Пушкин говорил, что вдохновенье не продается, но можно рукопись продать. А если она в роскошном переплете – и подавно! Таковы законы рынка и продаж.

А если таланта нет? Тогда можно продавать “ягодицы отдельно”. Тоже товар, и достаточно ходовой. Но уже на другом рынке. По свидетельству журналистов, исследовавших тонкости рынка секс-услуг, мужчины-красавчики 22–30 лет, оказывающие сексуальные услуги самого разнообразного свойства, зарабатывают в Москве столь прилично, что могут себе позволить самую широкую жизнь с престижными автомобилями, круизами, ресторанами и т. п. аксессуарами роскошной жизни. Основными клиентами являются богатые деловые женщины 40–45 лет, которые имеют возможность купить их как самый необходимый им товар для целевого употребления.

И все же в сфере сексуальной телесной “товаризации” преобладают женские тела. Р. Докинз не без иронии отметил как определенного смысла парадокс, что если у большинства живых видов красочные сигналы и ритуалы сексуального привлечения демонстрируют самцы, то у людей произошла инверсия и демонстрационная программа перешла к женщине. Женщины в большей степени, чем мужчины, используют свое тело и как демонстрационную фасцинацию, и как эффектный фасциативный товар.

Фасцинация в лице, мимике, жестах, позах

Лицо – это сценарий и летопись жизни.

А. Шопенгауэр говорил о человеческом лице: “Скорее всего человеческое лицо есть иероглиф, который не только допускает дешифрирование, но и готовая азбука для которого имеется в нас самих. Лицо человека говорит даже больше и более интересные вещи, чем его уста, ибо оно представляет компендиум всего того, что он когда-либо скажет, будучи монограммой всех мыслей и стремлений этого человека. Уста высказывают опять-таки только мысль человека, лицо – мысль природы. Поэтому всякий заслуживает того, чтобы его внимательно рассматривали, но не всякий стоит того, чтобы с ним разговаривать... Попадают даже такие люди, на лице которых отпечатана такая наивная пошлость и низость образа мыслей и такая животная ограниченность рассудка, что просто удивляешься, как они рискуют выходить с такою физиономиею и не надевают маски. Бывают даже лица, от простого лицезрения которых чувствуешь себя оскверненным” (463, с. 178–179) И. Бунин вспоминал о таких лицах революционных студентов после 1917 г., называя их лицами-лицами-сфинктерами (68, с. 143).

С точки зрения теории фасцинации вполне корректно деление лиц на фасциативные (красивые, добрые, доброжелательные, симпатичные, очаровательные), афасциативные (серые, невыразительные, вялые), антифасциативные (угрюмые, унылые, похотливые, циничные, злобные).

Фасциативные лица не обязательно красивы с точки зрения физических канонов симметрии и пропорций (красота, мы уже знаем, в значительной степени социально-фасциативное, наделенное качеством), но они всегда притягивают и вызывают безотчетную симпатию. Чем? Фасцинацией.

Можно говорить и о “позе лица” как составном элементе общей коммуникативной позы человека. Поза лица – маска или доминантное выражение, специально манифестируемое или ставшее автоматизмом, как маска презрения у мизантропов и высокомерия у спесивцев. Так мы мгновенно распознаем в лице гонор, спесь, невротизм, психопатию, манию величия, высокомерие, мизантропию, ехидство, презрение к окружающим. На лице доброго душой оптимиста-жизнелюба светится готовность помочь ближнему, оказать услугу любому, кто в этом нуждается, чем оно неизменно и притягивает всех.

Угрюмые желчные лица отпугивают. Даже обезьяны, как показали наблюдения Дж. Гудолл, сторонятся своих раздражительных агрессивно-гневливых сородичей, стараясь не вступать с ними в контакт. В конечном счете это приводит к тому, что неуживчивые члены стада живут на его периферии.

Физиогномика вряд ли может стать корректной наукой. И тем не менее из ее арсеналов человечество черпает интерес к чтению лиц и характеров, учится думать о человеке через восприятие его лица, а это уже стоит того, чтобы стать хоть чуточку физиогномистом. Сохранилась легенда о поразительной способности проникать в суть человека по его лицу у Ив. Бунина. Однажды на палубе фешенебельного парохода Бунин, Л. Андреев и М. Горький сидели за столиком, неподалеку сел вызвавший интерес у всех троих мужчина, и они стали гадать, кто бы это мог быть (писательс-

кий интерес). Точнее всех оказался прогноз Бунина, который определил, что это скорее всего какой-нибудь большой мошенник. Подозвали официанта, и тот подтвердил, что мужчина – знаменитый международный вор.

Если проводить классификацию лиц по типам, то можно выделить лица:

Истерические.

Меланхолические.

Лица ипоходриков с гримасой тоски и грусти.

Романтические и сентиментальные.

Лица идиотов.

Злые, агрессивные лица экстремистов.

Вызывающе-высокомерные лица полубразованных нигилистов и нигилиствующих интеллектуалов.

Мертво-безразличные лица пофигистов.

Спесивые.

Лица блаженных и блаженные лица.

Безвольные и волевые, злодейские и ангельские лица.

Серые бездушные лица чиновников.

Иронические лица юмористов с постоянно искривленными губами.

Величественно-монументальные лица власть предержащих.

Веселые лица насмешников и весельчаков.

Тупые.

Похабные.

Аристократические.

Чистые.

Порочные.

Породистые.

Энергичные.

Вялые.

Одухотворенные.

Животные.

Лица клоунов и клоунские лица.

Жуткое впечатление произвело похотливое лицо Карамазова-старшего, великолепно сыгранное Пырьевым в фильме “Братья Карамазовы”. Совершенно случайно я был однажды свидетелем того, как известный всем в городе полудиот в автобусе буквально впился похотливыми глазами в сидящую напротив его молодую женщину и занимался при этом мастурбацией засунутой в карман брюк рукой. Изо рта текла слюна. Лицо его было столь отвратительно в животной похотливости, что лицо Карамазова-старшего выглядело в сравнении с этой выступившей на лице животностью аристократичным. Женщина на следующей же остановке выскочила из автобуса.

Миллионы раз повторяясь, опыт распознавания состояния и нюансов чужого лица приводит к весьма точной и всесторонней диагностике лиц каждым человеком. К этому добавляется опыт общения с искусством и телевидением: кино, телефильмы и телеинтервью дают дополнительный опыт, очень актуальный с точки зрения тренированности взгляда. Но вместе с тем следует иметь в виду и то, что этот же самый опыт ведет к искажениям, к созданию фантомных, виртуальных ассоциаций. Особен-

но хорошо это прослеживается на восприятии и оценивании лиц как умных. Проведенное мной исследование этого феномена показало, что у многих образ умного лица складывается под влиянием образов искусства (402). При этом такой образ, как Гамлет, описывается как имеющий умное лицо, а умное лицо описывается “как у Гамлета” – аскетическое, с большим лбом, принадлежащее человеку стройному. Тараторкин, Смоктуновский, Высоцкий и другие актеры, в самом деле, соответствуют таким ассоциациям, они и влияют на складывание у современников именно таких ассоциаций. Вместе с тем в оригинале, то есть у Шекспира, Гамлет – тучен и одышлив. Он не воин, поэтому рад, как ребенок, когда в поединке с Лаэртием наносит тому царапину. Страдания Гамлета – это страдания культурного, философски образованного человека, далекого от воинских аристократических доблестей, нелепого, с точки зрения аристократов, умеющих держать в руках шпагу.

Широкое общение последних лет посредством того же кино и телевидения показало, что умным может быть всякое лицо. Черчилль обладал круглым и полным лицом, но это было лицо человека выдающегося ума. В практике общения люди умеют отличать умное лицо любого “формата”, поэтому ассоциации с Гамлетом кажутся сейчас скорее данью романтическому веку и искусству, когда умный мятежный герой автоматически наделялся чертами демонизма и аскетизма.

Коммуникативное демонстрирование – это и есть жизнь лица

Анатомия лица содержит около двух тысяч мышц, которыми руководит не только дирижер-мозг, но и состояния тела (к примеру, острая боль тут же отражается на лице, как и какое-нибудь “сладостное” ощущение).

Особенно эффективны в общении и потому опасны при необдуманном применении те жесты и мимические изображения, которые наделены смыслом презрения и агрессии или симпатии и любви. Это своеобразные жесты-метафоры. И те и другие действуют именно как сигналы фaszинации, воспринимаются мгновенно и вызывают автоматическую реакцию, порою бурную – вплоть до аффектации (гнева, ярости, шока и даже эпилептического припадка у эпилептиков или истерики у истериков). Как показывают исследования кинесики человека, наибольший вклад в картину невербальных проявлений агрессивного поведения вносят элементы мимического (элементы области глаз и рта) канала коммуникации (более 50% всех маркеров). Это пристальный взгляд, угроза бровями (чаще у мужчин), полуоскал, оскал, угроза губами, жевание (чаще у женщин, предпочитающих использовать вербальный аппарат в репертуаре агрессивного поведения). На долю кинесических маркеров (движения головы, корпуса, таза, ног) приходится 28% всех элементов агрессивного поведения. Это угроза расставлением ног (не демонстрируемая женщинами, которые чаще демонстрируют агрессивные движения головой), резкий выпад тазом, угроза поднятием плеч, резким выпадом корпуса, напряжения тонуса мышц туловища (преобладают у мужчин). Жестовые элементы (широкие и резкие движения руками) представлены в 20% маркеров.

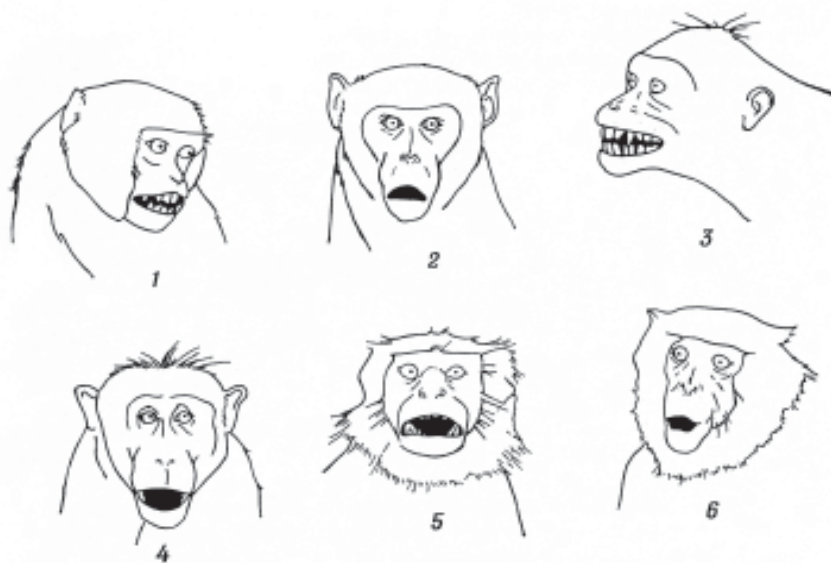
Э. Берн отмечает, что “подвижность человеческого лица – это не строго контро-

лируемый процесс. В основе его лежит простейший биологический факт, имеющий огромное значение. Нервная система человека сконструирована так, что визуальное воздействие движения лицевых мускулов гораздо сильнее, чем кинетическое. Например, маленькие мускулы вокруг рта могут сдвинуться только на пару миллиметров, причем сам человек порой этого даже не заметит, однако окружающие могут воспринять такое выражение рта как какой-то определенный знак” (41, с.317) Как я уже отмечал, этому искусству тонкого чтения мимики служат, по-видимому, зеркальные нейроны.

Эволюционные задачи мимико-жестовой фасцинации – максимально эффективный приказ (призыв к коллективному действию, обольщение, суггестия) и максимально-эффективное доминирование (подчинение, обида, унижение). Особенно картинно и эффективно этим снабжены альфа-самцы в иерархиях доминирования. Так, вожак-доминант у павианов руководит своей стаей в основном двумя способами: угрожающе-ледяным упорным взглядом и демонстрированием эрегированного пениса. И попробуй не подчинишься!

Эволюция создала для эффективной сигнализации два основных класса фасциативных мимико-жестов: доминантные (включая сюда и “обижающие”) и обольщающие (главным образом в сфере сексуального контактирования, для достижения успеха при спаривании, и при взаимодействии с детенышами).

Развитие мышления, абстрактного воображения (выдумки) и речи привело к тому,

Мимика у обезьян

1, 3 — гримаса и угроза с раскрытым ртом у *Macaca rhesus*; 2 — гримаса с раскрытым ртом у *Macaca leonina*; 4, 5, 6 — гримаса и угроза с раскрытым ртом у лангура. При гримасах зубы всегда обнажены (по Марлеру, 1945).

что биолого-эмоциональная мимика и жестикуляция приобрели громадную семантическую надстройку. Парадоксы чисто человеческого жестикулирования теперь широко известны всем. Напомню только два примера противоположных смыслов у идентичных жестов разных этносов. Если у многих народов знак согласия в жестовом выражении обозначается кивком головы сверху вниз, то у болгар – из стороны в сторону в горизонтальном исполнении, то есть как у других этносов знак несогласия. Эта разница и является результатом и примером наделения смыслом и касается не только кинемы согласие-несогласие, но и многих других в их этнической семантике.

Улыбка и смех

Но есть еще тот жанр мимических фасцинативных сигналов, который в законченном виде свойствен исключительно человеку. Это улыбка и смех. Правда, надо отметить, что у высших животных смех, во всяком случае его зачатки, уже есть в арсенале коммуникации. Обезьяны смеются от щекотки. Коты жмурят глаза и мурлычут, когда их гладят, должно быть улыбаются.

Человек научился смеяться, еще будучи обезьяной. Так, наблюдения за поведением детенышей бонобо, вида, известного также как карликовый шимпанзе, показали, что в ответ на щекотку они смеются так же, как дети, только используют более высокие звуковые частоты. При этом смех у детенышей обезьян сопровождается мимикой, свойственной обычным малышам. Все это наводит на мысль о том, что смех появился еще у приматов, то есть задолго до человека.

Взгляд на смех как на универсальный способ выражения положительного настроения в радостной ситуации помогает, по мнению исследователей, понять, почему он присутствует у детей, родившихся слепыми и глухими. Возможность смеяться, как и говорить, по мнению экспертов по изучению приматов, явилась прямым следствием прямохождения, разделив темп дыхания и движения.

Обаятельная улыбка – вот великий секрет фасцинации, разгадываемый художниками, фотографами и кинорежиссерами. Помогают им в этом великие актеры, дарящие человечеству эту фасцинацию. Д. Палмер и Л. Палмер (328) приводят такую гипотезу появления смеха и улыбки как способов коммуникации. Смех и улыбка, по видимому, происходят от заискивающих знаков, используемых в иерархических взаимоотношениях. Когда шимпанзе сравнительно низкого ранга выражает подчинение по отношению к шимпанзе более высокого ранга, он использует мимику, напоминающую улыбающегося/смеющегося человека. Без сомнения, улыбка и смех продолжают использоваться при заискивании и у человека. В наблюдении за врачами больниц было выявлено, что молодые доктора чаще улыбаются своим начальникам и чаще смеются над их шутками, чем наоборот. По мере роста равноправия в обществе улыбка и смех стали в большей степени иметь отношение к установлению социальных связей, нежели к заискиванию, хотя оба процесса тесно связаны.

Малыши начинают улыбаться вскоре после рождения вследствие спонтанной активности центральной нервной системы. Эта улыбка рефлекторна и часто появляется, когда младенец спит. Вероятно, данный рефлекс – приобретенная адаптивная ре-

акция, повышающая привлекательность ребенка для матери в ближайшие после рождения часы. На второй неделе после рождения дети часто вяло улыбаются после еды. В возрасте одного месяца улыбки младенца становятся более частыми и возникают в ответ на сигналы извне. Адекватными внешними событиями обычно являются “социальные” знаки со стороны человека, который больше всего заботится о ребенке. К концу второго месяца дети улыбаются всем знакомым людям, но больше всего тем, кто заботится о них. В четыре месяца малыши обычно громко смеются, особенно если взрослые щекочут их или возятся с ними. К седьмому месяцу жизни дети часто смеются, когда ситуация поворачивается неожиданным образом. Смеясь над неожиданным, ребенок демонстрирует, что он знал, чего следовало ожидать, указывая на прогресс в своем когнитивном развитии. Смех в таких ситуациях не только усиливает связь “родитель–ребенок”, но и дает родителю информацию о возросшей компетентности ребенка.

Смех и улыбка – фaszинативные, чарующие сигналы особого назначения. Их функция демонстрировать доброжелательность, неагрессивность и оптимизм. Они являются сигналами-призывами к сопереживанию радости, доброй иронии, восторга. Смех и улыбка – это высшая форма жизни лица, его оптимистический театр, его очарование. Даже злодей если не становится добрее, то хотя бы выглядит человечнее, когда улыбается.

Смех и улыбка психически нормального человека всегда выражают смысл. Бессмысленный смех, блуждающая идиотская улыбка неприятны, похожи на гримасы, это и есть симптомы душевной аномалии. Воспринимать это больно.

Есть ли информация в смехе и улыбке влюбленного, друга, единомышленника? Всегда предостаточно! И каждый из нас умеет ее считать и понимать. Но все же главное в смехе и улыбке не информация, а фaszинация, то есть чарующий сигнал о настроении, эмоции, чувстве, о том, что непередаваемо словами, что действует колдовски, вызывая прилив сил, воодушевление, ответный оптимистичный настрой. Смеющееся и улыбающееся лицо – это образ, я бы осмелился сказать даже “художественный образ”, поскольку все люди не только творят эти знаки, но и с детства учатся красиво улыбаться и задорно смеяться. Другое дело, что не у всех это прекрасно получается, но стремятся к максимуму все. И мастерству улыбки и смеха можно учиться. У прошедших актерские тренинги это получается. У некоторых – гениально. С них-то все остальные и берут пример, ловят секрет, имитируют, учатся.

Смех и улыбка уничтожают агрессию, делают людей добрее и сочувственнее друг к другу. Смеющиеся нации добрее и радостнее, чем те, которые не смеются или разучились просто, открыто и искренне улыбаться. Смех и улыбка – это сигналы-фaszинны со-участия, со-трудничества, солидарности, приглашение “быть с нами”, “быть другом”, признание, что ты свой. Уберите из обращения нации улыбку и смех, и вы получите холодное, черствое, отвратительное сообщество крайне чужих друг другу, подозрительных, злобных и скучных существ. Патологических существ. После революции 1917 г. люди перестали улыбаться и смеяться. Это длилось так долго, что советских туристов на Западе узнавали по суровым лицам. Коммунисты настолько отучили Россию искренне и открыто улыбаться, что чиновничий класс до сих пор

сидит за столами в своих кабинетах-крепостях с озлобленно-сердитыми каменными, никакими лицами. Неживыми лицами, в глазах которых неотвязно высвечивается постоянная, ставшая второй натурой “презумпция виновности”. Как и у многих судей и прокуроров, которых учили на юридических факультетах гуманной “презумпции невиновности”, а российская практика внедрила в их сознание и подсознание противоположную модель: “ты изначально виновен и попробуй докажи, что не виновен!” Именно поэтому речь чиновников и судей начинена интонациями подозрения, грубости и хамовитости. Россия все еще не научилась доброжелательной улыбке.

Улыбка может обезоруживать, сводить с ума, вызывать симпатию, завораживать. Это и есть ее фасцинативное действие. Но особенно фасцинативен смех. Каждый не раз попадал в ситуации заразительного смеха, когда кто-то так искренне, а главное заразительно смеется, в сущности, над каким-нибудь пустяком, что вызывает волну безудержного хохота у всех. Такой смех перечеркивает, стирает из сознания все, чем оно было занято или даже доминантно отягощено до смеха.

Это свойство стирать озабоченность и вызывать прилив оптимизма лежит в основе лечения смехом любых стойких депрессивных состояний. Смехотерапия завоевала свое место в сфере психотерапии.

Слезы

Слезы, сопровождающие бурное веселье, одно из проявлений автономной деятельности парасимпатической нервной системы. Мозг во время такого приступа выпускает бразды правления и не выполняет своих руководящих функций. Вот почему, поплавав, мы испытываем сладкое изнеможение и своего рода очищение. Периодически предпринимаются попытки построить систему лечения, основанную исключительно на этом эффекте...

“Бог дал женщине слезы”, – говорил Достоевский. И был глубоко прав, так как со слезами в плаче, вызванном негативными или даже радостными эмоциями, выходят стрессовые вещества, горькая отравка организма. Слезы снимают напряженность, освобождают психику от стрессового перенапряжения. Интересную гипотезу слез выдвинул Роберт Александер (США). Уже 30 лет он пытается убедить пациентов, что обычная простуда со всеми ее симптомами – лишь результат невыплаканных слез. Слез, не нашедших естественного выхода через нормальный механизм проявления чувств. Плачьте, когда вам хочется, – и будете здоровы. Или смейтесь – разница несущественна. Каждый волен выбирать то, что ему больше по вкусу и по характеру. Выплакать или высмеять свои проблемы – в сущности не так уж важно, главное – не держать эмоции в себе.

Чем больше вы плачете, тем дольше проживете, утверждает Уильям Фрей. По его мнению, слабый пол опережает сильный по продолжительности жизни именно потому, что мужчины, как известно, не плачут, а у женщин чуть что – глаза на мокром месте. Фрей подверг химическому анализу слезы добровольцев и обнаружил в них токсичное вещество – по сути дела яд, который выводится из организма со слезной жидкостью. Или остается в нем и отравляет вас изнутри, если не привыкли давать волю слезам.

У. Нокер не без иронии подметил еще одно полезное применение слез: “Нет ничего невозможного для женщины, которая может расплакаться в нужный момент перед нужным мужчиной”.

Усмешка (фасцинация отношения)

Едва заметное искривление губ. И ни единого слова. Вы точно поняли – это в ваш адрес. Так, чуть-чуть, уголками рта. И прикрытые глаза... Всю жизнь потом гвоздем будет торчать в памяти эта язвительная усмешка.

Возможно, именно поэтому у некоторых народов было верхом неприличия выражать на лице эмоции. Боялись – вдруг проскользнет усмешка и испортит настроение. Дипломатам и самураям полагается иметь каменные лица.

Усмешка недалеко от насмешки. Они – близнецы-сестры. Грань между ними тонкая и расплывчатая. В усмешке всегда грезится насмешка, то есть самая сокрушительная критика, придуманная человеком, критика, которую не выдерживают самые стальные люди и народы. Усмешка в соединении с насмешкой – самое бронейное оружие против любой психики. Кажется, они действуют даже на идиотов, лишенных чувства юмора.

Великий денди Браммелл, как свидетельствуют предания, редко высказывал мнения, он выражал их уголками рта, легкой усмешкой, которая имела тысячу оттенков, которую ловило светское общество и понимало с лету. Легкое искривление рта, и некто разодетый в пух и прах был навеки повержен и вычеркнут из обращения (24; 267). И ни одного слова, ни одной реплики. Впрочем, в иных случаях и ситуациях в ход шли и реплики, остроты, каламбуры. Тоже не слабое оружие. Но с усмешкой не могла тягаться по убийственной силе ни одна выдумка человеческой язвительности. Даже мат. Разве только эпиграмма. Которая, быть может, потому и была, как правило, анонимной...

Страшна, как молния, усмешка красивой женщины по адресу новоиспеченного донжуана, проявившего явные намерения “приколоться”. Множество импотентов рождены женской язвительной усмешкой с добавлением соответствующих словечек из народного похабного арсенала, как правило хорошо подобранных и потому тоже убийственных.

В арсенале человеческой мимики усмешке отведено особое место уничтожающе фасцинативного сигнала. О чем угодно: от легкой иронии до язвительного презрения.

Бывает еще ухмылка. Но это скорее глупая троюродная сестра усмешки. Ухмыляются люди откровенно недалекие и невежественные. Ухмыляются студенты. Ужасно смотреть, когда студенческая ухмылка блуждает на лице уже зрелого человека, сигнализируя о задержке в развитии и стойкой инфантильности ума.

Мимико-кинестический язык сексуального обольщения

На другом полюсе мимико-жестовой фасцинации совершенствуется демонстративность великолепия (гусарство) и галантность. У псовых давно отмечено, что самка подпустит только самца ненасильника, а галантного, умелого ухажера. То же на-

блюдается у многих пернатых и кошачьих. И, разумеется, у людей.

Мимико-жестовый сигнал обольщения может выполнять свою роль только тогда, когда он фасцинативен. И здесь придумывать почти ничего не надо, разве что шлифовать, так как все уже давным-давно придумала природа и эволюция для избыточно надежного осуществления сексуального контакта для продолжения рода. Более того, кинесика кокетства, как считает П. Ломброзо, является врожденным качеством для женского поведения – прихорашиваются и кокетничают маленькие девочки, заключенные в тюрьмах, старушки и даже женщины в психоневрологических больницах (243). Вот два-три примера подобной кинесики.

Слегка приоткрытый рот и влажные губы. Подсознательная цель этого жеста – символизировать область женских гениталий. Губы могут смачиваться слюной или косметикой. И то и другое придает женщине несколько сексуально призывающий облик. Часто используется для усиления эффекта губная помада. Когда женщина сексуально возбуждается, ее губы, грудь и гениталии становятся больше и краснеют, так как кровь приливает к ним. Губную помаду женщины применяют уже тысячелетия, это инверсия-имитация покрасневших гениталий первобытных женщин, как утверждают этологи. Но, кажется, в этой сфере кокетства начались некоторые перемены. Возможно, под влиянием оценки этологами роли губной помады как аналога покрасневших гениталий у приматов мода на нее в Европе резко пошла на убыль.

Кокетливые взгляды искоса выполняют роль своеобразного “крючка”. Женщина чуть прикрывает глаза и задерживает взгляд на мужчине немного дольше, для того, чтобы он заметил, а затем быстро смотрит на него открытыми глазами. Этот взгляд дает дразнящее чувство и не оставляет равнодушным ни одного мужчину.

Другой класс жестово-мимической фасцинации обслуживает отношения симпатии и доверительного общения. Особенно характерен он для сексуального сближающего потенциальных партнеров поведения, образуя эффектный и яркий язык кокетства у женщин и провоцирующего сексуального возбуждения у мужчин.

Одним из широко рекламируемых видов сексуального обольщения, применяемых самками приматов и кошачьих, является так называемая “презентация”, при которой самка свой зад располагает перед возможным партнером-самцом. Самец может отвечать мануальным или оральным обследованием наружных половых органов презентировавшей самки, вслед за которым обычно следует коитус. От этой неотразимой биолого-сексуальной фасцинации телодвижений исходит нечто невероятно магическое, роковое. Женщины этот язык усваивают, что называется, с пеленок, прибавляя к нему еще более демонстрационное средство, называемое в народе “вертит бедрами”. Есть великие этому мастерицы, особенно среди тех народов, которые культивируют “танец живота” или самбу. Это человеческое женское, почти животное, но крайне фасцинативное кокетство действует неотразимо уже миллионы лет. Как замечательно это может получаться, показали в фильмах “В джазе только девушки” и “Брак по-итальянски” обворожительно женственные в этих образах Мэрилин Монро и Софи Лорен. В мягком, невызывающем виде эта кинема выглядит как легкое ритмичное покачивание бедрами в походке и применяется всеми сексапильными женщинами.

Поза

Особую, во многом театральную, форму демонстрирования представляет собой поза. По сути, человека нет вне позы. Кто не знает позу Наполеона. Она стала клише даже для больных манией величия. Русские современники запомнили позу Петра Чаадаева: на светских раутах он гордо стоял в стороне от всех, опершись на колонну в зале и углубившись в свои философские думы. Таким он и запомнился.

Вполне возможно провести классификацию социальных, профессиональных и сексуальных поз. Позы аристократки и проститутки столь противоположны по исполнению и смыслу, что в американские школы подготовки элитных проституток стали приглашать аристократок для наведения великосветского лоска: именно такие путаны в ходу у щедрых арабских шейхов, посещающих Америку и Европу.

История зафиксировала позы даже перед лицом смерти. Особенно прославились этим патриции и императоры Рима, а также лорды-англичане на эшафотах перед казнью.

Есть и этнические позы. Элегантность и непринужденность француза и сухая сдержанность джентльмена-англичанина вошли в общественное сознание современной цивилизации как национальные штампы поз-манер.

Внутреннее интеллектуально-психологическое наполнение личности непременно проявляет себя в позе. Циник, мизантроп, интеллигент с манией величия, донжуан, чиновник-“государственник” – все они проявят себя не только выражением лица, типичной для их внутреннего Я мимикой, но также и постановкой тела, особенно поворотом головы. Высокомерие параноидального интеллигента непременно выразит себя в горделиво-презрительной осанке, а в “концептуальном” донжуане за версту будет виден образ жеребца перед случкой.

Жестовая фасцинация

Некоторые жесты, на первый взгляд являющиеся эмблемами, в реальности оказываются поведенческими универсалиями. К их числу можно отнести угрозу, выражаемую поднятым вверх указательным пальцем. И. Эйбл-Эйбесфельд отметил, что такой жест встречается не только в европейских культурах, но также у айпо (папуасов Новой Гвинеи), у янамаи (индейцев Венесуэлы), у австралийских аборигенов племен пинтуби и гиджингали. Этот агрессивный жест можно рассматривать как культурную замену прямой фаллической демонстрации (521).

Знак одобрения, о’кей, казалось бы является общечеловеческим жестом. Однако же сложить большой и указательный пальцы в кольцо считается оскорблением во многих латиноамериканских странах. Однажды Ричард Никсон, будучи вице-президентом, поприветствовал граждан страны к югу от США, дважды повторив этот жест. Латиноамериканцам это очень не понравилось.

Почти весь мир использует фасцинирующий жест, в котором указательный и средний пальцы правой руки подняты и изображают букву “V”. По преданию, более 650 лет назад французы покалечили английских стрелков, которых они взяли в плен в бою, отрезав им средние и указательные пальцы. После битв при Азенкуре и Креси,

где французы потерпели сокрушительное поражение, торжествующие англичане злорадствовали над своими французскими пленниками, подняв руки ладонями к себе и вытянув вверх два пальца, целые и невредимые. Вот вам пример исключительно выразительной замены слов жестами.

В последние годы в молодежной среде России широко распространился специфичный жест восторга, сопровождающийся возгласом “yes!” Этот жест несколько вульгарен и представляет собой резкое движение рукой, согнутой в локте, и поднятой вертикально вверх; при этом кисть, сжатая в кулак, оказывается на уровне головы и потом опускается до уровня груди или пояса.

Смысл, придаваемый жестам, охватывает образы и эмоции от самых интимно-положительных до самых публично-оскорбительных. Я уже приводил пример жеста, бросающего людей в ярость, – fuck you (“бесстыдный палец”). Перечислять жесты, их семантику и этнические смыслы можно бесконечно. Здесь же я привел лишь несколько примеров, чтобы показать, насколько фaszинативный жест удобен для эффективной коммуникации, насколько он выразителен и экспрессивен как средство воздействия и насколько мощна его фaszинация. Можно сказать и так: жест как средство коммуникации может быть только исключительно фaszинативным, в этом его предназначение, иначе он не жест, а некое произвольное движение вроде чесания носа или затылка при волнении.

Фaszинативная кинесика и кинесические искусства

Концентрированная, отшлифованная, экспрессивная фaszинативная кинесика стала еще в древние времена особым жанром искусства. Особо талантливые имитаторы кинесики стали мимами и клоунами, создав искусство сценической имитации.

Корчить рожи, кривляться, передразнивать, пародировать движения тела и мимики свойственно не только детям, но и взрослым. Это, так сказать, театрализованная эмоциональная составляющая кинесической жизни человека. Выросла она, по всей видимости, из способности животных, в первую очередь детенышей, к имитации, что эволюционно вполне объяснимо – имитация помогает оптимальнее осваивать и усваивать необходимые поведенческие паттерны. Зеркальные нейроны, очевидно, обеспечивают эффективность и точность имитирования. Сознание и воображение позволили отделить функцию имитации от ее природного предназначения и превратить в особый поведенческий пласт, который затем стал жанром кинесических искусств. Так оформилась кинесика сценического пародирования, передразнивания-шутовства, шаржа и карикатуры. Профессия кривляния стала популярнейшей, так как вызывала веселье, радость и смех. Она стала неизменной составляющей этнических праздников и массовых увеселений. Появились мимы, пантомимы, шуты, паяцы, клоуны.

Мим – вид народной комедии у древних греков и римлян. Греческие мимы - сицилийского происхождения; в Сицилии они сопровождали сельские праздники или игры и сущность их заключалась в карикатурном изображении каких-либо явлений или лиц. В V в. мимам придали более художественную форму, сделав из них сцены современных нравов, иногда серьезные, иногда карикатурные.

Римские мимы развились также из народных импровизаций. У римлян ранний народный мим представлял собой подражание животным звукам, передразнивания лиц и различных смешных положений. Мим всегда рассчитан был на возбуждение смеха зрителей, и поэтому содержание его было карикатурно и не без скабрёзного элемента. Обыкновенно сюжетами служили прелюбодеяния, мошенничества и обманы всякого рода или неожиданные катастрофы. Сюжеты мима, требовавшие представления различных непристойностей и соединения их с выразительными танцами, должны были содействовать потере чувства человеческого достоинства у актеров и полнейшей потере стыдливости у танцовщиц; последние (*inimae*) часто в римской литературе выставляются прелестницами, доводящими до разорения мужчин и юношей.

Пантомима – театральное представление, в котором мысль, чувство и страсть, вместо голоса, выражаются движениями тела и жестами. В древней пантомиме мимика лица актера не принимала участия, так как актеры выходили на сцену в масках; различные оттенки роли поэтому сводились исключительно к выразительным движениям тела, что привело пантомимов к необходимости выражать многообразие душевных движений условными знаками, которые зрителям были хорошо известны. Частного быта римская пантомима не касалась. Леда, Даная, Европа, Ганимед, Адонис, Марс, Венера, Геркулес, Эдип, вакханки – вот сюжеты пантомимы. Пышная обстановка отвела пантомиме первенствующее место на римской сцене; успеху римских пантомим немало способствовал и их чувственный, развратный характер. В пантомиме все возбуждало в зрителях животную чувственность, некоторые писатели приписывали господство разврата в Риме в период империи именно влиянию пантомимы. Вернее, однако, было бы сказать, что пантомима была только отражением римской жизни. Сюжеты пантомимы всегда касаются чувственной любви; для возбуждения чувственности актеры прибегают к самым грубым средствам и бесстыдным жестам. Соблазн пантомимы еще увеличивается с III в. до н.э. участием в них женщин (*phantomimae*), появлявшихся перед публикой совершенно нагими, в неприличных позах. В пантомиме на римской сцене появлялись даже простые гетеры, так что названия “гетера” и “танцовщица” были однозначны. Любовь к пантомиме перешла и на исполнителей; любимые пантомимы шествовали по улице как триумфаторы, сопровождаемые огромной толпой. Заводить с пантомимами знакомство считали для себя за честь и удовольствие даже сенаторы; пантомимы были любимцами римских дам; им покровительствовал Август, Калигула не скрывал своей привязанности к пантомиму Мнестеру, которому публично оказывал самые неприличные знаки внимания; Нерон и сам выступал в пантомиме.

Позднейшие христианские императоры снисходительно смотрели на представления пантомимы, в которых цинизм рос с каждым поколением. При Юстиниане особо отличалась эротическим бесстыдством сама императрица Феодора.

С начала XVI в. в Европе начинается завоевывать популярность преемник древних мимов – клоун (*clown*), арлекин английской сцены, родственный Полишинелю, немецкому *Hanswursty* и испанскому Грациозо. У Шекспира клоун-шут уже одно из весьма семантически значимых, неизменно вызывающих симпатии зрителей действующих лиц (см.: Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь).

Современная эстрада буквально насыщена пародийными жанрами, которые всегда сопровождаются весьма экспрессивной пантомимой. Современные зрители любят пантомиму несколько не меньше древних греков и римлян. Природа этой любви, очевидно, заложена в способности любого человека к кинесической имитации, а понимание обеспечивают структуры зеркальных нейронов.

Тактильная fascinация

Чем больше будут говорить при помощи
кожи – одежды чувства, тем больше
будут приобретать мудрости.

Леонардо да Винчи.

Предсказания (фрагмент 1001)

Самое глубокое в Человеке – это его кожа.

П. Валери

Ж.-Л. Нанси пишет о тактильности тела: “Согрус осязания: слегка касаться, задевать, сжимать, погружать, сдавливать, поглаживать, царапать, потирать, ласкать, ощупывать, осязать, разминать, растирать, обнимать, стягивать, ударять, щипать, кусать, сосать, смачивать, держать, отпускать, облизывать, трясти, смотреть, слушать, нюхать, пробовать, избегать, целовать, качивать, качаться, носить, весить...” (301). Наверняка это не полный перечень тех ощущений, которые человек получает от тактильной сенсорики. Но и он впечатляет.

М. Эпштейн справедливо отмечает, что “в иерархии пяти чувств осязание обычно ставится на последнее место, как самое грубое и низменное, тогда как высшие места отводятся зрению и слуху... Иерархизм в толковании чувств – одно из проявлений того, что Хайдеггер назвал метафизическим креном европейской цивилизации и что в контексте наших рассуждений можно назвать знакоцентризмом, семиоцентризмом. Предпочтение отдается тем чувствам, которые предполагают удаленность субъекта от объекта восприятия и возможность или необходимость их знакового опосредования. Все знаковые системы, в рамках которых развивалось западное представление о разумности и духовности, – и прежде всего речь, язык, – связаны исключительно со зрительным и слуховым восприятием (только в случае поражения этих органов чувств, как их несовершенная замена, используется осязание). В силу отчужденности органов зрения и слуха от объектов восприятия между ними возникает поле замещение и отсылки, в котором и возникают знаки – видимые частицы или звуковые волны материи, которые служат для представления отсутствующих, “идеальных” объектов – идей, понятий, значений. Именно посредством зрения и слуха и развивается сфера идеального, которая провозглашает свою иерархию чувств, – в ней зрение и слух размещаются, естественно, на верхних ступенях, как самые верные слуги идеального и его посредники в связях с материальным миром”. М. Эпштейн вполне обоснованно предлагает вывести осязание с отведенного ему места на задворках сенсорики и выделить знание об осязании в отдельную науку хаптику.

Такие умы, как Леонардо да Винчи и Поль Валери, отводили коже и осязанию

чуть ли не приоритетную роль в перцепции человека.

Тактильные рецепторы бывают нескольких видов: одни из них очень чувствительны и возбуждаются при деформации кожи всего на 0,1 мкм, другие возбуждаются лишь при значительном давлении. В среднем на 1 кв. см приходится около 25 тактильных рецепторов, однако на коже лица, пальцев, на языке их гораздо больше. Кроме того, к прикосновениям чувствительны волоски, покрывающие 95% нашего тела, поскольку у основания волосков находятся тактильные рецепторы. Им мы обязаны особенным удовольствием от “поглаживания по головке”. Тактильный анализатор человека столь чувствителен, что способен ощущать касание паутинки или ворсинки, легкого дуновения воздуха. Можно без преувеличения сказать, что человек осязает мир всей поверхностью тела, точнее – всем телом. И более того: почти все базовые и самые сладостные удовольствия – это наслаждения осязания в сочленении с вкусовыми. Выходит, что гедонистическая жизнь человека находится полностью во власти тактильности.

Усилил это значение тактильности в свое время З. Фрейд, который пришел к заключению, что все тело обладает свойством эрогенности, сексуально-оргастического удовольствия. В “Очерках по психологии сексуальности” он пишет: “Зона заднего прохода, подобно зоне губ, по своему положению подходит к тому, чтобы стать местом присоединения сексуальности к другим функциям тела. Посредством психоанализа можно с удивлением узнать, каким превращениям в нормальных случаях подвергаются исходящие из этой зоны сексуальные возбуждения и как часто у этой зоны остается на всю жизнь значительная доля генитальной раздражимости. Наблюдения заставляют приписывать свойство эрогенности всем частям тела и внутренним органам. При исследовании эрогенных зон мы уже нашли, что эти места кожи обнаруживают только своего рода раздражимость, которая в известной степени свойственна всей поверхности кожи. Мы не станем поэтому удивляться, когда узнаем, что некоторым видам общей раздражимости кожи нужно приписать очень ясное эрогенное действие. Среди них особенно подчеркиваем прежде всего температурные раздражения... Благодаря анатомическому положению, раздражению выделениями, мытью и вытиранию при гигиеническом уходе и благодаря определенным случайным возбуждениям (вроде вползания кишечных паразитов у девочек), ощущения удовольствия, которые способны давать эти части тела, неизбежно обращают на себя внимание ребенка уже в младенческом возрасте и будят потребность в их повторении. Действие, устраняющее раздражение и дающее удовлетворение, состоит в трущем прикосновении рукой или несомненно рефлекторном давлении сжатыми вместе бедрами. Последний прием применяется чаще всего девочками. У мальчика предпочтение, оказываемое руке, указывает уже на то, какое значительное добавление у мужской половой деятельности принесет в будущем влечение к овладению” (486).

Я намеренно привел просторную цитату из Фрейда, чтобы показать те стороны тактильности, о которых часто из стыдливости или по неосведомленности не говорят, но которые, как со всей серьезностью указывал Фрейд, а потом В. Райх и другие исследователи сексуальности, играют огромную роль в формировании первоначального сексуального опыта индивидов. Если принять, что все тело эрогенно, причем замысловато эрогенно (одна дама, по описанию К. Роледера, сексуально возбуждалась, когда любимый попугай клевал ее в лоб), следует признать не только низмен-

ную или “скотскую”, как считал Аристотель (15), цену тактильности, но и ее высокую ценность как главного фасциаторного механизма радости жизни через посредство получаемых тактильных удовольствий. Более того, и аспект “скотскости” как раз вытекает из этой высокой фасциации. В основе и высочайше сладостных, и скотски мерзостных ощущений лежит тактильная сенсорика, и от этого никуда не уйти ни в жизни, ни в исследовании этих сторон жизни.

Возможна и такая точка зрения на тактильную эрогенность человеческого тела, которая представлена одним из современных идеологов христианской православной церкви, говорящим о демонических, дьявольских искушениях плоти и возбуждении ими в человеке похоти. По его мнению, используя метод сенсорного воздействия, “направленными энергетическими импульсами возбуждают оргиастические центры удовольствия, охватывающие таламус, гипоталамус, лимбическую систему, ретикулярную формацию ствола и кору головного мозга... Подвергаясь такому воздействию, человек чувствует возбуждающее жжение, шекотание и другие специфические сексуальные ощущения в области генитальных органов, являющихся периферическими образованиями рефлекторной дуги. Подобные длительные демонические воздействия на указанные центры делают из людей сексуальных маньяков”. Весьма впечатляющий и “научно обоснованный” аргумент в пользу неодолимости дьявольского искушения в человеке. Почти как у Льва Толстого в “Крейцеровой сонате”, “Отце Сергии” и “Дьяволе”.

Ж. Леле в “Трактате о ласках” подчеркивает, что осязанию в процессе чувственной репрезентации принадлежит базовая роль, “под влиянием адреналина в считанные секунды сосуды способны расширяться и столь же молниеносно сжиматься, что, собственно, и происходит с организмом в волнующие моменты”, что “ощущения разделяют нашу психику и внешний мир или, с равным успехом можно сказать соединяют нас с ним”, что сложность изучения сенсорных ощущений “видна, в частности, из того, какие слова мы используем для их описания. Для тактильных ощущений мы используем двойной словарь – частью физический (поверхность твердая, неровная, мягкая, упругая, жесткая, шершавая, мятая, пластичная, гладкая, кусачая, шероховатая), частью “объектный” (поверхность жирная, маслянистая, чешуйчатая, узловатая, пористая, ворсистая, бархатистая, бугристая, шерстистая, ноздреватая, кожистая, пушистая, ребристая, губчатая)” (230). В любом случае, идет ли речь о приятных ощущениях или о боли, в осязании выступает на первый план особая их захваченность, волнующая сила и вовлечение в их переживание всего организма. Вряд ли можно назвать какие-то иные более мощные ощущения наслаждения и боли. Все выявляется в коже. Тактильные сигналы как сигналы коммуникации – самые фасциативные, от них невозможно ни уклониться, ни отмахнуться, ни забыть их. Они действительно привязывают к жизни в самом широком смысле ее понимания, от наслаждения легким дуновением ветерка до оргазма.

Ю. Кнорозов выделяет в особый ряд сигналы, слитые с их содержанием (399). Вполне вероятно, что он имел в виду в первую очередь именно тактильные сигналы, поскольку они в своем коммуникативном качестве часто носят фасциативный характер, соединяя в себе сразу и сигнализацию, и ощущение удовольствия или неудовольствия: страстный поцелуй или пощечина как нельзя лучше иллюстрируют эту

слитность (а также: тактильность партнеров в сексуально-телесном контакте, тактильные ласки, одобрительные и поощрительные, равно как и предостерегающие и осуждающие шлепки, толчки, кинемы телесного насилия и т. п.).

Взгляд на тактильные ощущения как на базовую сенсорную субстанцию организма в последние годы приобретает все больше сторонников. К ним, в частности относится такой серьезный исследователь эмоциональной жизни человека, как К. Изард. В книге “Эмоции человека” он приводит данные других исследователей о фундаментальной роли ощущений прикосновения и касания, в том числе Монтегью (Montague), который показал, что “у большинства млекопитающих, за исключением высших человекообразных обезьян и человека, матери стимулируют кожу своих новорожденных детенышей, вылизывая их. Такая стимуляция кожи новорожденного животного важна для выживания, потому что у некоторых видов мочеполовая система не функционирует при отсутствии кожной стимуляции. Исследования, проведенные на животных, показывают, что вылизывание, поглаживание и ласка ведут к улучшению здоровья растущих животных. Монтегью пришел к выводу, что существует эволюционная последовательность от вылизывания у низших млекопитающих, вычесывания зубами у низших приматов, почесывания пальцами у обезьян и высших человекообразных к поглаживанию у человека. Монтегью считает, что эволюционная перспектива показывает важность для ребенка кожной стимуляции. Он пишет: “Мы совершенно обоснованно называем ее фундаментальной и существенной частью аффекта и важным элементом в здоровом развитии каждого организма” (156, с. 79).

Хорошо известным межкультурным феноменом является особая тонкость реагирования человека на прикосновение к лицу как нежного, так и враждебного. Особая важность кожи лица основана на анатомии мозга. В сенсорном гомункулусе (схеме, показывающей количество коркового вещества, отнесенного к различным частям тела) зона лица, включая рот и язык, занимает непропорционально большую часть коры. Анализ речи также доказывает важность кожи и ощущения прикосновения. Такие выражения, как “трения”, “толстокожий”, “почувствуй это на своей шкуре”, обычно связаны с эмоциями. Э. Берн справедливо, на мой взгляд, вознес “поглаживание” (41, с. 109) на высоту базового психологического механизма общения и воспитания. Поглаживание вдоль шерсти, но не против. Разницу в ощущениях можно проверить на своей кошке. На собаке экспериментировать не рекомендую.

Зуд как сигнал соматического неблагополучия

Одним из широчайше распространенных, если не всеобщих, неприятных ощущений для живых организмов планеты является зуд. Зуд – это почти боль, что-то вроде предболи. Он столь неприятен, что животные порою от зуда сатанеют, впадают в бешенство. Как и человек. Диапазон ощущений зуда огромен: от легкого щекотания до нестерпимого обжигания, как при прикосновении крапивы.

Зуд распространяется при посредстве тех же рецепторов и по тем же проводящим путям, что и боль. Зуд и есть легкая боль с доминантой напряжения и соматического дискомфорта, иногда и примесью удовольствия.

Причин возникновения зуда достаточно много. Этому, в частности, способству-

ет генетическая предрасположенность. Так, у 10% людей наблюдается дермография (реакция побледнения и последующего покраснения кожи, как от удара бичом) в том месте, где до этого была проведена линия каким-либо твердым предметом. У таких людей с большой вероятностью образуется порочный круг: зуд – расчесы – усиление зуда – усиление расчесов. Причиной возникновения зуда может стать нарушение снабжения кожи водой и, как следствие, сухая, шелушащаяся кожа (ксероз) или влажная, мацерированная кожа. Зуд может быть вызван и первичными заболеваниями кожи. Например, чесоткой, педикулезом, а также аллергическим контактным дерматитом, атопическим дерматитом, крапивницей, буллезным пемфигоидом. Можно перечислить целый ряд кожных аллергенов, которые наиболее часто воздействуют на пациентов хосписа. Это кремы, мыло и другие субстанции, содержащие пахучие вещества, препараты неомидина, спирт (может входить в состав противозудных средств и салфеток для протирания кожи), ланолин (полученный из шерсти овцы), резина (покрытие матрасов и подушек).

Зуд может быть следствием и нервных факторов, так называемый нервный зуд. Постоянное и непреодолимое желание чесаться при абсолютно чистых кожных покровах – это реакция нервных волокон на гормоны, вырабатываемые организмом в стрессовый период.

Природа ищет и находит самые разные, порой замысловатые способы избавления от зуда, вызываемого главным образом бактериями и насекомыми. Один из них – образование симбиозов с животными-чистильщиками, санитарями зуда.

Р. Докинз пишет о тактильных симбиозах у животных: “Известно примерно 50 видов мелких рыб и креветок, питающихся паразитами, которых они снимают с поверхности тела более крупных рыб и других животных. Крупной рыбе выгодно, что ее очищают от паразитов, а чистильщики обеспечивают себя таким образом обильной пищей, т. е. между ними существует симбиоз. Во многих случаях крупная рыба открывает рот и разрешает чистильщикам заплывать в ротовую полость, чтобы почистить ей зубы, после чего они выплывают наружу через жаберные щели, очищая также и их. Можно было бы предположить, что крупная рыба дождется, пока ее всю не очистят от паразитов, а затем жадно проглотит чистильщика. Однако она обычно отпускает его целым и невредимым. Это можно считать явным проявлением альтруизма, поскольку во многих случаях чистильщик имеет такие же размеры, как обычные жертвы крупной рыбы.

Чистильщикам свойственны особая полосатая окраска и своеобразные танцевальные движения, служащие их опознавательными признаками. Крупные рыбы обычно не поедают мелких рыбешек, которые обладают такими характерными полосками и приближаются к ней, выполняя соответствующий танец. Напротив, они впадают в состояние, напоминающее транс, предоставляя чистильщикам свободный доступ не только к своей наружной поверхности, но и пропуская их в ротовую полость.

Взаимоотношения между чистильщиками и их клиентами бывают главным образом дружескими и стабильными. Деятельность чистильщиков играет важную роль в повседневной жизни сообщества кораллового рифа. Каждый из них имеет собственную территорию, и иногда можно наблюдать крупных рыб, которые “стоят к ним в очереди”, как люди к парикмахеру. Вероятно, эта приверженность к определенному

месту сделала возможной в данном случае эволюцию отлаженного реципрокного альтруизма. Польза, извлекаемая крупной рыбой из возможности многократно возвращаться в одну и ту же “парикмахерскую”, вместо того чтобы всякий раз искать новую, должна перевешивать потери, возникающие из-за того, что она не съедает чистильщиков” (134).

Груминг и оргазм как социализаторские фасцинации

Но, как подсказывает Р. Докинз, бывает и такой зуд, который может вызвать даже сексуальное возбуждение, что заложено в такое народное средство, каким является порошок из шпанской мушки: “По крайней мере одно вещество, считающееся средством, вызывающим половое возбуждение, шпанская мушка, оказывает свое действие, вызывая зуд”, поскольку бактерии это умеют делать прекрасно (134). Э. Фукс в “Истории эротики” пишет, что шпанскими мушками особенно широко пользовались дамы и кавалеры утонченно-развратного галантного века. Средство “примешивали в каплях к кушаньям или – еще чаще – принимали в виде конфет. Несмотря на огромную опасность, это средство было весьма в ходу... Шпанскими мушками в особенности пользовались те мужчины, которые чрезмерными наслаждениями преждевременно ослабили свой организм”. Не брезговала мушками и знаменитая мадам де Помпадур, когда стала, по ее собственному признанию, холодна, как ледышка (503, с. 554). От такого зуда прямая дорога к возбуждению гениталий и эрекции, что и требуется тем, кто ищет для сексуальных удовольствий любые пути. Но такого рода зуд как бы подсказывает мысль также и о позитивном его назначении и развитии. Я бы усилил эту мысль: не будь бактерий и вызываемого ими зуда, не было бы и груминга, взаимодружеского почесывания и выискивания в шерсти паразитов, не появились бы груминг-симпатии, и ... не возникло бы общество. В основе социализаторского инстинкта роль зуда и груминга огромна. А зуд в своей щекотящей ветви развития перерос в оргазм, который, как все кажется давно согласны, представляет собой мощнейший социализаторский стимул. Кстати, древние римляне так и определяли оргазм – как особый вид ощущений щекотания. Другими словами, зуд, трансформируясь в оргазм и стимулируя груминг-симпатии, способствовал созданию человеческого общества.

К грумингу в социогенезе добавилась еще тактильная скученность с ее ощущениями слитности группы. Не оттого ли дети так любят создавать жмушщиеся друг к другу кучки, устраивать “кучу-малу”? Существует гипотеза, согласно которой в эпоху оледенения пралюди вынуждены были греться, сбиваясь в кучки, и это стимулировало у них развитие социальной контактности и гиперсексуальности (развитие эрогенных зон возможно только в парном взаимодействии и с индивидуальной избирательностью), что и дало толчок к развитию социальности, коммуникабельности и сознания (388). Легкий приятный зуд, выход из зуда посредством груминга в кожный блаженный комфорт, вызывающая смех и оптимизм щекотка, тактильные приятные касания и ласки, оргазм – вот одна из основ генезиса социализации.

Р. Докинз пишет: “Представим себе некий вид птиц, на котором паразитирует особенно вредный клещ, служащий переносчиком какой-то опасной болезни. Этих клещей следует удалять, причем как можно быстрее. Обычно каждая птица сама обира-

ет с себя клещей, когда чистит перья. Однако одна часть тела недоступна ее клюву – макушка головы. Всякий человек быстро решит эту проблему. Хотя сам он, вероятно, и не сможет снять клеща с собственной головы, ему достаточно попросить об этом приятеля. Впоследствии он может отплатить этому приятелю тем же. Взаимные услуги такого рода действительно очень часто встречаются как у птиц, так и у млекопитающих. Интуитивно здесь все ясно. Всякий, кто способен к осознанному предвидению, может понять, что договориться о взаимном чесании спины вполне разумно... Между прочим мой гипотетический пример о том, что отсутствие груминга опасно для животных, вполне правдоподобен. У мышей, содержащихся в изоляции, развиваются неприятные язвы на тех частях головы, до которых они не могут добраться. При групповом содержании мышей таких поражений не возникает, так как животные вылизывают друг другу головы”. И подкрепляет этот вывод данными других исследователей: “В своих наблюдениях Ченей и Сейфарс обнаружили, что самые прочные альянсы заключаются между особями, между которыми чаще всего был груминг. При изучении коалиций и альянсов у приматов (кроме людей) было показано наличие хороших способностей к пониманию своих обязанностей и, в особенности, взаимных обязанностей. В частности, шимпанзе обладают развитыми навыками по выявлению обманщика. Например, “Б” потратил много времени на груминг зверя “В”; затем “Б” вступил в конфронтацию с “А” и позвал на помощь “В”. Если “В” игнорировал зов, “Б” сильно волнуется и выражает свой гнев. Такой тип взаимодействия среди групп шимпанзе наблюдался неоднократно” (134).

Чарли Спенс (Оксфордский университет) отмечает такой распространенный факт поведения: “Если понаблюдать за обезьянами или крысами, то можно увидеть, что практически все свободное от добывания пищи время они расчесывают, поглаживают, покусывают и тормозят друг друга, так что, скорее всего, наши предки делали то же самое” (134).

Но для оргазма и груминга нужен Другой, нужен и сигнал-Образ носителя касания. Это особенно проявляет себя в феномене щекотки: самому себя до щекотки не удавалось довести еще ни одному человеку. Это факт. Механизм человеческого тела и особенно нервной системы устроен так, что он не реагирует на любые собственные попытки щекотания, зато мало кому удастся избежать смеха, если его щекочет кто-то другой (если только он не враг). Кто-то пошутил, что за разгадку механизма щекотки положена Нобелевская премия. Думаю, что это была бы заслуженная премия.

Диада “мать–дитя” у обезьян занята грумингом постоянно. Груминг у обезьян перерос в касания-ласки. Симпатизирующие обезьяны целуют друг друга.

Щекотка благодаря своей суперфасцинации может стать такой же зависимостью как наркотик. Р. Докинз, описывая симбиоз муравьев и тлей, подчеркнул такую деталь: “Муравьи “доют” тлей, поглаживая задние части их тела своими усиками и лапками. В ответ на это тли в некоторых случаях, по-видимому, задерживают выделение своих капелек до тех пор, пока какой-нибудь муравей не погладит их <...> Пристрастие муравьев и тлей друг к другу таково, что они не расстаются ради запредельного удовольствия” (134).

Императрица Елизавета Петровна любила щекотание ступней для успокоения и

сна, щекотание продолжалось иногда часами, и при императрице служили мастерицы щекотания. Историки уверяют, что императрица Екатерина II особенно сильный оргазм получала от щекотания ступней и хлопанья по ягодицам. Для доставления ей такого удовольствия существовали специальные искусные служанки. Любопытно, были ли при этом занятия мужчины и что они делали...

Игра в щекотку у влюбленных входит у многих пар в арсенал любовных игр. Особенно предрасположены к таким забавам женщины с их более тонкой кожей чувственностью.

Как известно, педагогика формирования личности в детском возрасте предполагает всемерное и гармоничное развитие детской сенсорики, всяческое устранение дефицита сенсорных ощущений. Младенцы и дети любят щекотку. В университете Майами “Тиффани Филд” педиатрическое отделение уже несколько лет проводит “щекоточные процедуры”. Ежедневно новорожденные проходят по три пятиминутных сеанса, во время которых их в прямом смысле слова щекочут. Происходит не только активизация сенсорных реакций, но и стимуляция деятельности головного мозга.

Игра в щекотку с визгами от смеха – осязаемый знак любви для каждого ребенка.

Осязание тела в любви – высшая фасцинация. Ее особенность, как я уже отметил, слияние сигнала и подкрепления. Еще раз приведу пример поцелуя: лаская поцелуями любимого или ребенка, мы посылаем тактильный сигнал любви, но в это же самое время испытывается и тактильное (а при сексуальном поцелуе еще часто и вкусовое) удовольствие. Индивидуальные тактильные фасцины – особое устройство вагины, оргиастические спазмы, акустика оргазма, запах, эротический сленг. Древние учили девочек не только искусству ласки, но и глубинным техникам осязания плоти, что почти утрачено в современной цивилизованной сексуальности и проявляет себя стихийно лишь у особо одаренных от природы женщин, интуитивно осваивающих искусство сексуально-мышечно-кожного наслаждения. Располагающийся на самой вершине пирамиды наслаждений, оргазм исключительно тактилен и без участия тактильной сенсорики невозможен. Природа снабдила половой акт избыточной и сладостной тактильностью, от приятности легких касаний кожи до оргазмических пароксизмов. И везде необходимо касание, трение, давление. И – партнер. Партнер становится фасцинативным сигналом тактильного наслаждения, сладострастия. Замороженность тактильным наслаждением доходит до аддикции, при которой женщина или мужчина не могут жить без такого-то конкретного особо тактильно-сладострастного партнера, сходят по нему с ума, идут на любые жертвы и уступки, привязываются к нему намертво, до наваждения.

Речеголосовая фасцинация

Весьма впечатляющий образ влияния голоса на человеческие эмоции нарисовал К. С. Станиславский в книге “Моя жизнь в искусстве”, рассказывая о теноре Ф. Таманьо: “Таманьо вышел в костюме Отелло, со своей огромной фигурой могучего сложения и сразу оглушил всеокрушающей нотой. Толпа инстинктивно, как один

человек, откинулась назад, словно защищаясь от контузии. Вторая нога – еще сильней, третья, четвертая – еще и еще, и, когда, точно огонь из кратера, на слове “масульма-а-а-не” вылетела последняя нога, публика на несколько минут потеряла сознание. Мы все вскочили. Знакомые искали друг друга, незнакомые обращались к незнакомым с одним и тем же вопросом: “Вы слышали? Что это такое?” Оркестр остановился, на сцене смущение. Но вдруг, опомнившись, толпа ринулась к сцене и заревела от восторга, требуя “биса” (416, с. 53–54).

При чарующем голосе все вокруг замирает и смолкает, погружаясь в наслаждение. Известный польский сексолог профессор Збигнев Лев-Старович наблюдал 32-летнюю женщину, которая достигала оргазма, когда слушала дуэт из оперетты Кальмана “Королева чардаша”. Исследования показали, что на многих людей наиболее возбуждающе действуют оперы Вагнера и оперетты Оффенбаха, а на женщин — высокие голоса лирических теноров, например Лемешева. Но и баритональный бас Хворостовского производит на некоторых меломанок оргазмический эффект.

Забавный факт своей сексуальной жизни с юмором поведала одна из участниц моего семинара “Секреты общения”. В отпуск муж отпустил ее одну, так как был крайне занят. И у нее сработало клише, что все заводят на отдыхе любовника, почему бы и ей не попробовать. Любовник оказался меломаном и включил диск с замечательным певцом Фредди Меркьюри. Проказница испытала такой непередаваемо мощный оргазм, какого никогда не получала с мужем. Из отпуска она вернулась с диском Меркьюри и поставила его, несколько удивив мужа. И снова испытала тот же оргазм, даже лучше. С тех пор свои сексуальные утехы она получает в сопровождении ставшего любимым голоса.

Роскошный бас Ю. Левитана любила вся страна, он стал составной частицей эпохи. Великая Отечественная война ассоциируется у многих в том числе с информационными сообщениями, произносимыми его голосом.

Но есть голоса отвратительнейшие, которых не слышали бы уши.

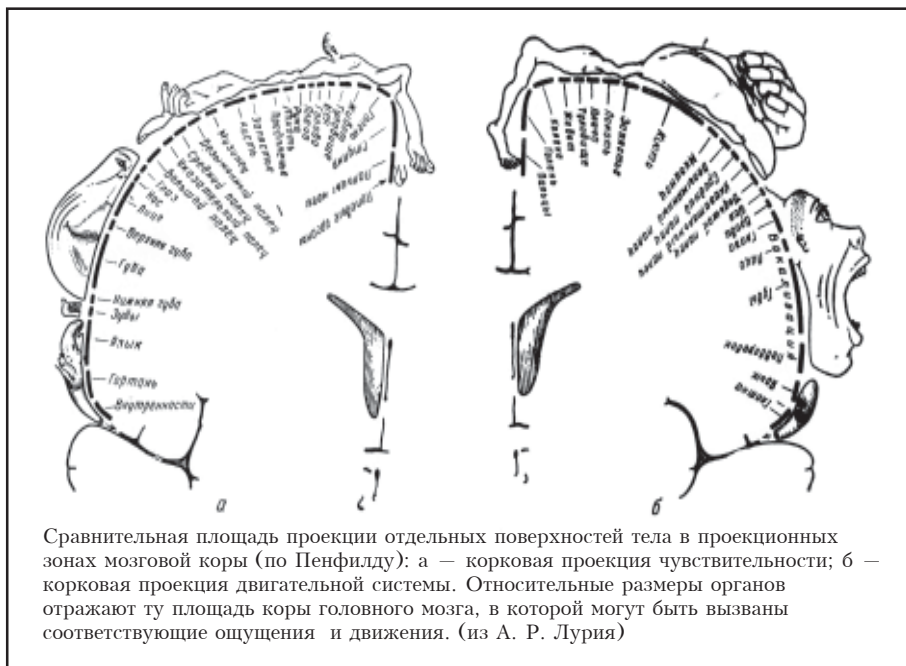
От голоса зависит владение интонационной стороной речи, что исключительно важно для эффективности процессов общения людей. Человеческий голос является серией частотных, временных и интенсивностных модуляций. Имеет значение высота голосового звучания, энергия речевого звука, его сила, тонкости модуляции, голосовые переливы, возможности продуцирования звуковых контрастов и диссонансов, и т. д. Но все эти голосовые характеристики существуют главным образом и в первую очередь для создания интонации, эмоционально-звуковой инструментировки речи, призванной управлять эмоциональными смыслами коммуникации. Вне голосовой интонации речь становится телеграфной, сухой и, главное, не способной передавать субъективное отношение и эмоциональный смысл сообщения. Даже простая фраза “Я с вами не согласен” вызывает бурю эмоций, если произнесена в язвительном или высокомерном эмоциональном ключе. А если при этом искривлены в усмешке губы, считай, что приобрел врага. Отсюда сдержанность в коммуникативной практике многих народов и дипломатов или абсолютная непроницаемость самурая.

Интонация – это мелодика речи. Как и музыка, интонация слита не с информацией, а с фасцинацией, она и есть фасцинация. Ее функция – привлекать, очаровывать,

шокировать, пугать, ужасать. Поэтому так важен даже сам голос, его физические характеристики, которые, сливаясь с интонационными, и образуют fascinaцию речи. Об особенно приятных голосах говорят “чарующий” или “певучий” голос.

Освоение ребенком человеческой речи начинается с овладения интонационной артикуляцией. Исследуя развитие речевой интонации у детей первых двух лет жизни, Р. Тонкова-Ямпольская выясняла такие основные особенности детского онтогенеза речи: процесс становления речи у детей начинается с формирования интонаций; со второго месяца жизни появляются интонации спокойного гуления, а с третьего месяца – интонация радости. На шестом месяце интонация радости дифференцируется на радостные восклицания и звуки удовольствия. С седьмого месяца появляется интонация просьбы, а с начала восьмого месяца жизни – еще и интонация вопроса (437).

Исследования коммуникативного влияния интонационных и тембральных характеристик речи показали, что приятность-неприятность голоса в сильной степени зависит от качества вибрато при произнесении гласных. Вибрато представляет собой пульсацию высоты, интенсивности и тембра, которая воспринимается слухом не как

пульсация, а как тембровая окраска звука. Средняя частота колебаний, образующих вибрато, равна приблизительно 6–7 колебаний в секунду, их амплитуда – полутону. Если амплитуда колебаний нерегулярна или очень велика, то слушатель отмечает неприятное “качание голоса”. Оно обычно оценивается негативно и характеризуется

как старческий или “стертый” голос. Изменение вибрато (по частоте амплитуды колебаний) может быть использовано и преднамеренно для передачи сильного волнения или ужаса. Высотные пульсации в вибрато также могут спровоцировать вполне определенную оценку. Высокий тональный уровень оценивается как выразитель положительных эмоций, пониженный – отрицательных. Характерным признаком отрицательных эмоций и является зашумленность голоса. Высокий тон обычно служит средством выражения вежливости, низкий – грубости.

Л.В. Златоустовой на уровне акустического анализа удалось установить, что во фразах, выражающих положительные эмоции, повышается положение второй форманты (центральной, определяющей тембр звука), увеличивается суммарная энергия гласных, большую энергию имеют третья и четвертая форманты. Отрицательные эмоции, напротив, понижают положение второй форманты, сужают ширину формантных полос и приводят к падению энергии третьей и четвертой формант (154).

Эмоционально-оценочные характеристики речи напрямую зависят от тембральных характеристик гласных. Это выявили нейрофизиологические исследования: левое полушарие занято восприятием согласных, характеризующихся максимальным отличием от гласных, а правое (тембровоспринимающее) полушарие участвует в рецепции гласных и некоторых звуков речи, промежуточных между гласными и согласными. Блокирование правополушарной деятельности лишает человека эмоционального восприятия речи (155).

А. Р. Лурия обнаружил в ходе экспериментов, что слуховыми рецепторами фиксируются такие микроощущения, объем которых не попадает в поле ясного сознания. Поэтому их учет проводится позднее в подсознании. Именно они оказывают самое сильное влияние на восприятие. Суть подтекста состоит в том, что с помощью определенной (в том числе и тембральной) информации в сознании слушателя оживляются такие смысловые связи, которые уже были в его прежнем опыте.

Голос – это тонкое орудие, с помощью которого можно добиться очень многого. Так, в следственной практике применения метода суггестивных вопросов громадное значение имеет тон, которым задается вопрос подследственному: наиболее суггестивный вопрос, поставленный робким, неуверенным голосом, утрачивает всякое суггестивное значение; самый безобидный вопрос, заданный настойчивым тоном, сопровождаемый строгим взглядом и повторяемый с постепенным повышением голоса, может обратиться в нравственную пытку, которая вынудит к любому желанному ответу.

Характеристики голоса и речи

Симптомы плохой речи:

Вам не хватает дыхания, когда вы произносите длинный монолог.

В процессе общения вас просят повторить только что сказанные вами слова.

У вас устают горло после непродолжительного разговора.

Собственный голос вам самому не нравится.

Вы побаиваетесь выступать публично.

Вы замечаете, что в общении у ваших партнеров начинает ослабевать внимание, глаза блуждают по сторонам (они устают от монотонности вашей речи).

Характеристики хорошего голоса Характеристики плохого голоса

Интонационно богатый.
Приятный.
Вибрирующий.
Спокойный.
Хорошо модулированный.
Низкого тембра.
Доверительный.
Теплый.
Мелодичный.
Заботливый.
Уверенный.
Дружелюбный.
Выразительный.
Энергичный.
Естественный.
Наполненный.
Глубокий.
Звучный.
Доброжелательный.

Резкий.
Скрипучий.
Хриплый.
Гнусавый.
Пронзительный.
Плаксивый.
С одышкой.
Дрожащий.
Робкий.
Отрывистый.
Слишком громкий.
Слишком тихий.
Бесцветный.
Помпезный.
Саркастический.
Неуверенный.
Монотонный.
Телеграфный.
Напряженный.

Счастлив тот, кого природа наделила голосом, от которого окружающие независимо от пола и возраста тут же с симпатией тянутся к человеку. Остается только не растерять этот подарок судьбы. Другое дело, если человек по тем или иным причинам имеет неприятный голос или даже бесцветный, афасциативный. Совет в таком случае может быть только один – труд по выправлению, коррекции голоса. Многие выдающиеся актеры уделяли постановке голоса необыкновенно много сил. Звездой Голливуда с пронзительным визгливым голосом стать просто невозможно. У признанных секс-символов различных эпох необыкновенно приятные и выделяющиеся голоса: шепот с придыханием Мерилин Монро, нежный голос Мишель Пфайфер, глубокий, волнующий у Эдит Пиаф, глуховатый, с хрипотцой у Марлен Дитрих, низкий обволакивающий у Ричарда Чемберлена. Известен выдающийся пример голосового тренинга. Древнегреческий оратор Демосфен, который от природы ничем не отличался, своим трудом добился такого владения голосом, что им заслушивалась вся Греция. Один из приемов, который использовал Демосфен, уникален: он брал в рот мелкие камешки и с ними произносил монологи. Помогло замечательно и артикуляция стала изумительно четкой. Другой пример труда над голосом и публичным выступлением – Дейл Карнеги, который, по его признанию, находил в поле стог сена, взбирался на него и что есть силы кричал выдуманные тут же импровизированные речи. Стал великолепным оратором.

С. Эйзенштейн приводит в качестве примера мастерского владения интонационными характеристиками речи рассказ одного из участников гастрольной поездки артистов Малого театра во главе с О. О. Садовской (из ст. С. Дурьлина “Художники живого слова” в газ. “Сов. искусство”, № 20 (186) от 29 апреля 1934 г.): “Труппе пришлось долго ждать поезда на глухой станции. Все приуныли. Садовская рассмешила всех тем, что на двадцать шесть совершенно отличных манер произносила одну и ту же фразу: “А фамилия ее оказалась Шушанчикова”. Каждый раз из-за фразы выступало новое лицо, с новым социальным паспортом: то купец первой гильдии, то купец второй гильдии, то третьей (разная социальная “степень”, при одной и той же краске, с разной густотой и смелостью расцвечивала слово); купцов сменили приказные, приказных – свахи: высококупеческая, среднекупеческая, мещанская, дворянская; свах – приживалки: генеральская, помещицья, средней руки, купеческая; приживалок – нянюшки; нянюшек – бабы и т. д., и т. д. Фраза становилась собранием социальных характеристик и психологических портретов множества разнообразных лиц” (522, т. 4, с. 232).

Мастерское владение голосовой фасцинацией создает очарование личности, придает ей отчетливо выраженную индивидуальность и стоит того, чтобы не только “ставить” голос, но и постоянно совершенствовать тембрально-интонационные его характеристики. Одним из старых испытанных методов такого совершенствования всегда были упражнения в пении и декламации стихов. К сожалению, такая практика почти исчезла из педагогики. Безусловно полезной представляется забота о своих голосовых характеристиках у всех публично-коммуникативных профессий, в том числе политиков, менеджеров, педагогов. У актерских профессий подобные тренинги являются с незапамятных времен частью обретения профессионального мастерства.

Наслаждение от звучания голоса является одним из базовых очарований человечества. Голос в его интонационных составляющих имеет магические характеристики и может довести до самого высочайшего воодушевления. Такова его фасцинация.

“Давайте я поставлю вам голос!” – умоляюще просила одного видного российского политика эпохи Ельцина симпатизирующая ему специалистка по вокалу. Его речь с фальцетами в самом деле оставляла желать лучшего, его голос и манера витьевато говорить были антифасциативными, пожалуй, для всей России. Не случайно же даже его сторонница захотела ему помочь. Обращение было в узком кругу, я ее поддержал. Политик отшутился. Скоро его “ушли”. Недавно я видел его интервью на телевидении. Все те же угнетающие слух фальцеты!

Фасцинация вкуса

Вкусно, вкуснятина... Никакой информации, сплошная стопроцентная фасцинация – “Вкусно! Нравится!!”

Первыми сладостными впечатлениями от мира почти у всех живых существ являются вкусовые, а для всех млекопитающих абсолютный закон: запах и вкус молока доминируют в реакциях младенцев. Удовольствие от пищи и насыщения – базовое удовольствие для живых особей, и оно с непреложностью закона обязано иметь фасциаторное обрамление в виде чарующих, порой дурманящих сигналов о пище: за-

паха, вида и вкуса. Причем вид пищи, доставляющей особо сладостное удовольствие, вид деликатеса, улады животные усваивают как фасцинацию-сигнал-Образ моментально, с первой пробы, как это произошло с обезьянами в эксперименте Прибрама – вид арахиса для них стал знаком “вкуснятины”.

Л. Ашкенази пишет о вкусовой сенсорике у человека: “Сигнал от вкусовых рецепторов используется организмом двояко. Во-первых, бессознательно – например, для управления желудочной секрецией, причем как ее количеством, так и составом, то есть вкус еды – это не только сигнал, что пора переваривать пищу, но и заказ на состав желудочного сока. Во-вторых, вкус используется осознанно – для получения удовольствия от еды. На явлениях контраста вкусов, их компенсации и следов жидется все здание гастрономии, которое имеет ту физиологическую ценность, что хороший, приятный вкус пищи способствует ее перевариванию, усиливая выделение пищеварительных соков и вызывая настроение, столь благоприятное для нормального течения всех телесных процессов в организме.

Связь вкусовых и обонятельных ощущений очевидна. Уменьшить влияние обонятельных ощущений на вкусовые можно, зажав плотно нос и воздерживаясь во время дегустации от дыхательных движений. При этом вкус многих веществ совершенно меняется: например, лук становится сладким и по вкусу трудно отличимым от сладкого яблока. Фрукты, вина, варенье – все они обладают сладким, кислым или кисло-сладким вкусом. Между тем разнообразие ощущений, вызываемых ими, огромно. Это определяется не их вкусовыми, а обонятельными свойствами” (21).

Не так давно физиологи обнаружили ген ощущения сладкого. Специалисты изучали линии мышей с разной чувствительностью к сахару. Им удалось идентифицировать ген, кодирующий вкусовой рецептор. На аналогичном участке хромосомы человека обнаружен такой же ген. Предположительно, ген “сладкой” сенсорики играет роль и в развитии ожирения. Пристрастие человека к сладкому эволюционно объяснимо, я уже об этом писал выше. Но разрастание пристрастия к сладкому и перерастание его в аддикцию грозит ожирением. Сладости – бич цивилизации.

С точки зрения теории фасцинации сигнал о сладком и удовольствие от сладкого – еще одна чистая фасцинация. Как музыка. Музыка сладких ощущений. Как показала практика *homo sapiens* – опаснейшая музыка, похожая по влиянию на усыпляюще-успокаивающее пение сирен. Только вместо сна – ожирение...

У некоторых народов детей отучают от груди, намазывая соски матери какой-нибудь противной горечью. Стрессовое отвержение от фасцинации сладкого.

Наслаждения от пищи и питья в Древнем Китае ставили выше сексуальных. По видимому, можно говорить о существовании наций-гурманов.

Сладко. Очень сладко! Безумно сладко!! Слюнки текут. Гурманы с древних времен до сегодняшних дней упиваются сладкими пищевыми ощущениями (и не только сладкими) как обязательным атрибутом утонченных наслаждений жизни. Вполне допускаю, что они правы. С одной только поправкой: вот бы это не приводило к всеобщему ожирению. В США и Канаде уже до 60% населения имеет значительно увеличенный вес тела. Не последнюю роль в этом играет фасцинирующая рекламная атака пищевой индустрии сладостей.

Фасцинация запахов

“Мамины сиськи вкусно пахнут” –
сказала 3 января 2005 г.
2,5-летняя девочка,
которой посвящена эта книга

Еще одним видом чистой волнующей фасцинации, кроме музыки и “вкуснятины”, является мир запахов.

Женщины, которым в роддоме приносят чужих младенцев, по запаху определяют подмену. А новорожденные, не видя и не слыша матери, по запаху отличают ее от любого другого человека.

Чаше мы обращаем внимание на значение запахов в человеческой жизни, когда в нос ударяет вонь. Вонь антифасциативна, но эффектна даже в большей степени, чем приятные запахи. Если вы хотите испортить кому-то настроение, подпустите какой-нибудь неприятный запах, остальное сделают рецепторы обоняния в носу и обонятельный центр в головном мозге. Э. Фукс собрал уникальный фактический материал о том, как дурно пахли короли и придворные XVII–XVIII вв. и какое огромное количество парфюмерии они употребляли в борьбе с дурными запахами. Низкий уровень санитарии делал средневековые города источниками зловонных запахов улиц: по ним текли ручейками нечистоты. Ужасен запах грязных потных носков. Скученность неприятна быть может, в первую очередь букетом дурных запахов пота, сексуальных выделений, кожной нечистоплотности. Ценность гигиены в городах особенно велика.

Весь мир покупает любимые духи и одеколоны, чтобы обворожительно пахнуть, люди любят нюхать цветы и детей. О запахах пишут поэты, и не случайно слово “вдохновение” в нескольких языках происходит от “вдоха” (inspiration), а художественную прозорливость называют чутьем.

Дети воспринимают неприятный запах, морщатся и произносят “Фу!”. Деление запахов на дурные и приятные, по-видимому, присуще человеку от природы, а многие запахи являются врожденными, как запах матери и материнского молока для млекопитающих. Обонятельная память весьма полезна в борьбе за существование тем, что мгновенно восстанавливает позабытый, но отложенный на полках эмоциональной памяти опыт наслаждений и опасностей. Одни запахи отпугивают, сигнализируя о токсинах, болезни, присутствии чужого или занятой территории, другие магически притягивают, как, например, запахи родной стаи или сексуального побуждения. Запах, предвосхищающий у животных спаривание, – возбуждающий сигнал о том, что будет “сладко!”

Интересен факт большого единодушия в разделении запахов на приятные и неприятные у разных этносов, гораздо большего, чем при различении красивого и некрасивого. Ладан, фимиам пахнут приятно на чей угодно вкус. А на острове Майотт неподалеку от Мадагаскара молодые люди перед обрядом инициации вдыхают дым особого курения: в горшочке тлеют морские водоросли, лимонные корочки, кокосовое масло и семена местных растений. Этнографам-европейцам запах понравился...

Все это приводит к мысли о семиотике природных запахов – о фиксированном значении-Образе того или иного аромата. Действительно, существуют запахи с опре-

деленными свойствами, одинаковыми для всех людей, – своего рода модуляторы душевного состояния. Есть даже запахи, повышающие бдительность (этим словом физиологи называют стимулированное пристальное внимание, не ослабевающее со временем), как запах мяты. В американских вооруженных силах мятная жвачка включена в рацион солдат, и жевать ее не возбраняется даже часовым.

Запах появляется в силу существования у человека особых микроорганизмов, которые перерабатывают пот в жиры. Истинный же наш запах вырабатывают особые железы, которые расположены под мышками, вокруг сосков, на голове, около глаз, вокруг ануса и на лобке. Запах каждого человека индивидуален, как отпечатки пальцев. Причем неповторим не только качественный и количественный состав секрета – неповторима еще и бактериальная флора.

Недавно услышал реплику одной миловидной женщины о большом начальнике: “Я с ним рядом могу находиться не больше минуты – от него же несет как от козла”. А на одном из официальных приемов нечаянно услышал волнующий шепот женщины, прикикнувшей на секунду к мужчине: “Ах, как вы хорошо пахнете!”

Вспоминаю забавный рассказ одной из участниц проводимого мной семинара “Секреты общения”. Она поделилась секретом своей подруги, к которой любовник приходил всегда со своим полотенцем и мылом. Жена ее любовника была наделена столь чувствительным нюхом, что мгновенно определяла по запаху тела, лица и рук мужа, что он был с какой-то женщиной и какими духами та пользуется. И всегда попадала в точку. Мужу ничего не оставалось, как брать с собой все пахнущее по-семейному.

Запахи у животных

Для большинства животных запах является основным регулятором как полового поведения, так и поведения вообще. Животные живут в мире запахов почти в такой же степени, как человек в мире визуальных сигналов-Образов. Они постоянно заняты вынюхиванием и обнюхиванием, особенно всего незнакомого, нового, неожиданного.

Запах занятой территории – азбучный пример такого рода взаимоотношений в животном мире. Широко распространен и семейный (племенной) запах. Озерные выдры регулярно собирают экскременты в общую яму и вымазываются в них, чтобы обрести единый семейный запах. Они сладко пахнут друг для друга и пугающе воняют для всех других. Крысы одной стаи обладают общим запахом, который подавляет агрессивность между ними.

К. Лоренц пишет о роли запаха у кошек: “У бродячих кошек, живущих на открытой местности, “несколько особей могут использовать одну и ту же охотничью зону без каких-либо столкновений. При этом охота регулируется строгим расписанием, точь-в-точь как пользование общей прачечной у домохозяек нашего Института в Зеевизене. Дополнительной гарантией против нежелательных встреч являются пахучие метки, которые эти животные – кошки, не домохозяйки – оставляют обычно через правильные промежутки времени, где бы они ни были. Эти метки действуют, как блок-сигнал на железной дороге, который аналогичным образом служит для того, чтобы предотвратить столкновение поездов: кошка, обнаружившая на своей охот-

ничьей тропе сигнал другой кошки, может очень точно определить время подачи этого сигнала; если он свежий, то она останавливается или сворачивает в сторону, если же ему уже несколько часов – спокойно продолжает свой путь” (245).

Этнические запахи у людей

Зафиксировано, что обонятельный импульс доходит до мозга быстрее, чем болевой. Обонятельная сенсорика руководит нами в сфере бессознательного, и механизмы обонятельной регуляции действуют столь же эффективно, хотя осознаются нами очень мало или не осознаются вовсе. Но часть запахов фиксируется вполне точно и осознанно.

Так, можно говорить о запахах этносов, который формируется в теле особым составом кожи, гормональных секретов, доминантным составом пищи и другими факторами. Регулярное употребление в рационе питания баранины, чеснока, редьки, горьких специй (перец и т.д.) придают телу специфический запах, который не спутаешь ни с каким другим. Человек пахнет тем, что он ест и пьет. Возможны комбинации. Пьяница пахнет водкой.

Папуасские племена, живущие у моря, находят, что папуасы-горцы пахнут плохо, не так, как соплеменники. Запахи своих и чужих может различить даже современный горожанин. В эксперименте люди безошибочно выбирали из нескольких одинаковых рубашек те, которые носили их кровные родственники. Запах своего ребенка матери предпочитают, что совершенно справедливо, запаху чужих детей. Детям же запах мамы не просто нравится – он обладает четко выраженным успокаивающим действием. Запахи влюбленных сексуальных партнеров кажутся им более приятными, чем запахи незнакомых людей... Выходит, не случайно во многих языках до сих пор сохранилось страшное оскорбление, с особым вкусом произносимое по адресу чуждых элементов, – “вонючий”. Вонючий – значит крайне неприятный, вызывающий брезгливость и антипатию, то есть антифасциативный. Именно поэтому расисты и националисты всех мастей, унижая какую-либо нацию или народность, непременно снабжают их “вонючестью”, непотребным запахом. Свои, разумеется, пахнут хорошо (сладко).

Австралиец из племени гиджингали, провожая друга в дальний путь, проводит рукой у себя под мышкой и потом – по голой груди друга: дескать, расстаемся, но дух мой останется с тобой. Бушмены Калахари производят подобные действия во время магических обрядов лечения, аборигены Папуа Новой Гвинеи – при родовспоможении. Значение символического действия очевидно: запах человека воспринимается как часть его самого, и люди стремятся передать частицу себя тем, кому хотят помочь.

Сыны степей половцы и кипчаки перед дальней дорогой вешали себе на шею кожаный мешочек с щепотью сухой полыни – на счастье. Для степняка не было роднее запаха, чем запах емшан-травы, – безмолвного зова родины. Полынь обладает действительно запоминающимся, очень крепким и своеобразным запахом.

Когда-то из Великой Степи посылали своему соплеменнику в далекие края пучок сухой полыни – сигнал о памяти Родины. Поэт Майков в поэме “Емшан” вложил в уста хана Сырчана, который звал брата Отрока вернуться домой, в родные степи, такие слова:

Ему ты песен наших спой,
Когда ж на песнь не отзовется,
Свяжи в пучок емшан сухой
И дай ему – и он вернется.

Замечательный образ кипчака Бейбарса, в младенчестве увезенного из родных степей, превращенного в Египте в мамелюка, ставшего затем султаном, но внезапно затосковавшего, учуяв призывный запах родной полыни от пришедших с войной монгольских полчищ, создал писатель М. Симашко в повести, которую как и Майков свою поэму, нахвал “Емшан” (391, с.221–250).

Лет уже двадцать пять назад это было. Меня пригласила в гости аспирантка, казашка. Войдя в ее комнату в общежитии, я тут же уловил терпкий запах и узнал его. На столе в вазе стоял пучок полыни. Каждый раз, когда она ездила к родным в Казахстан, возвращалась оттуда с полынью. Роднее и вкуснее запаха для нее не было. “С этим запахом я оживаю”, – сказала она, показывая на полынь. Истинная дочь степей...

Сексуальные феромоны и запахи

Человек способен обнаружить наличие мускуса, даже если его разбавить в соотношении 1 на 8 000 000 частей воздуха. Для того, чтобы почувствовать запах пахучих веществ, нам часто вполне достаточно иметь в одном кубическом метре воздуха всего несколько (!) молекул этих веществ. И. Кон одним из самых перспективных направлений изучения сексуальности назвал исследование ольфакторной (обонятельной) коммуникации

Особенно сильны сексуальные запахи, исходящие от женщин. Эрогенные зоны, прежде всего ложбинка на груди, ключицы и половые органы источают запахи, многими воспринимаемые подсознательно. Многим женщинам нравится запах мужских потных подмышек. Это максимально биологично и сексуально. Но только наедине! В трамвае или в присутственном месте такой запах коробит. И его убивают дезодорантами. Но можно бороться и по-другому. Рафинированно чистоплотные японцы недавно разработали хирургическую методику: в подмышки пересаживают кожу с другой части тела, лишённую апокринных желез, вырабатывающих резкий запах пота. А потом на пересаженную кожу подсаживают волосы. И запаха как не бывало, и мужской вид сохранен.

И. Кон пишет: “Наши далекие предки уже знали, например, о стимулирующей роли запаха пота, который они использовали в качестве элемента любовной магии и соответствующих ритуалов. В некоторых странах Средиземноморья молодые мужчины во время танца размахивают перед лицом партнерши носовым платком, предварительно проведя им у себя под мышками. А в русской любовной магии мужчина должен хорошенько вспотеть, а затем обтереть свой рот платком и утереть им любимую женщину, приговаривая про себя: “Как у меня, раба Божьего, пот кипит и горит, так же бы и у рабы Божьей кипело и горело сердце обо мне, рабе Божьем”. Химическое вещество андростенон, присутствующее в поте мужчины, выделяет резкий мускусный запах, который и привлекает женщин.

В состав женской вагинальной секреции входят вещества, именуемые копулинами. В результате контрольных экспериментов, в ходе которых мужчины вдыхали эту субстанцию, было обнаружено, что копулины повышают в глазах мужчины сексуальную привлекательность женщины. Кроме того, выяснилось, что мужчины более позитивно реагируют на запах женщины в то время, когда у нее происходит овуляция. Эта реакция проявляется в том, что в крови мужчин повышается уровень содержания тестостерона. На стадии привлечения, которая соответствует стадии увлечения или влюбленности, стимулирующее воздействие на мозг оказывают фенилэтиламин, а также, возможно, дофамин и норэпинефрин. Эти вещества стоят в одном ряду с эндорфином, под воздействием которого возникает приподнятое настроение и эйфория.

Запах может свести с ума

Насколько аромат может обладать свойством фасцинативного воздействия, замечательно изобразил П. Зюскинд в романе “Парфюмер” (“de Parfum”). Гренуй, главный герой романа, сконструировал аромат, который использовал в день своей казни, на эшафоте. Это стоит того, чтобы процитировать, так как образно вскрывает саму суть фасцинации: “И десять тысяч собравшихся мужчин, и женщин, и детей, и стариков испытали то же самое: они стали слабыми, как маленькие девочки, не способные устоять перед обаянием совратителя. Их захлестнуло мощное чувство влечения, нежности, безумной детской влюбленности, да, видит Бог, любви к маленькому злодею, и они не могли, не хотели ему сопротивляться. Это было как плач, от которого нет защиты, который поднимается из нутра, из живота и чудесным образом разлагает, разжижает, уносит прочь все, что ему сопротивляется. Люди, казалось, расплавились, их разум и душа растворились, превратились в аморфную, жидкую стихию и ощущали только комок сердца, безудержно колотящийся внутри, и они – каждый, каждая из них – вложили его на веки вечные в руки маленького человека в голубой куртке: они любили его.

Гренуй вот уже несколько минут стоял у открытой дверцы кареты и не двигался. Лакей, оказавшийся рядом с ним, опустил на колени и продолжал опускаться, пока не принял той распластанной позы, какую на Востоке принимают перед султаном или Аллахом. И даже в этом положении он еще дрожал, и раскачивался, и стремился опуститься еще ниже, растечься по земле, под землей. Ему хотелось уйти под землю, просочиться в нее до другого конца света, из чистой преданности. Офицер охраны и лейтенант полиции, двое здоровенных мужчин, чьей задачей было отвести осужденного на эшафот и передать в руки палачу, потеряли координацию движений. Они заплакали и сняли шляпы, снова их надели, бросили их на землю, кинулись друг другу в объятия, расцепились, бессмысленно замахали руками, начали судорожно держаться и гримасничать, как одержимые пляской святого Витта.

Находившиеся на некотором расстоянии почетные граждане предавались своему умилению еще более нескромно. Каждый дал полную волю своему сердцу. Были дамы, которые при виде Гренуя застонали от блаженства, засунув кулаки между колен; и другие, которые от страстного влечения к царственному юноше – ибо таким он им казался, – не издав ни звука, попадали в обморок... народ по ту сторону барьера предавался чувственному опьянению, которое охватило всех при появлении Гренуя. Тот,

кто при виде его испытал лишь сострадание и умиление, теперь преисполнился вожделения, тот, кто испытал изумление и влечение, дошел до экстаза. Человек в голубой куртке предстал перед всеми самым прекрасным, самым привлекательным и самым совершенным существом, какое они могли только вообразить; монахиням он казался Спасителем во плоти, поклонникам сатаны – сияющим князем тьмы, людям просвещенным – Высшим Существом, девицам – сказочным принцем, мужчинам – идеальным образом их самих. Все чувствовали себя так, словно он угадал и нащупал у них самое чувствительное место, поразил их прямо в эротический центр. Как будто у этого человека было сто тысяч невидимых рук и как будто каждому из десяти тысяч окружающих его людей он возложил руку на половой орган и ласкал его именно тем способом, которого сильнее всего жаждал каждый в отдельности, мужчина или женщина, в своих самых сокровенных фантазиях. В результате запланированная казнь омерзительнейшего преступника своего времени превратилась в величайшую вакханалию, какую видел мир со второго века от Рождества Христова: благонравные женщины раздирали на себе блузы, с истерическими криками обнажали грудь, высоко задрав юбки, кидались на землю. Мужчины с безумными взглядами, спотыкаясь, блуждали по этому полю сладострастно распостертой плоти, дрожащими пальцами вынимали из штанов отвердевшие как от невыносимого озноба члены, падали с хрипом куда придется, совокуплялись в самых немыслимых положениях и сочетаниях: старец с невинной девушкой, поденщик с супругой адвоката, мальчишка-подмастерье с монахиней, иезуит с франкмасонкой – все вперемешку, кому с кем придется. Воздух отяжелел от сладкого потного запаха похоти и наполнился криками, хрюканьем и стонами десяти тысяч бестий. Это был ад.

Гренуй стоял и улыбался. Более того, людям, которые его видели, казалось, что он улыбается самой невинной, самой ласковой, самой очаровательной и одновременно самой неотразимой улыбкой в мире. Но в действительности не улыбка, а гадкая, циничная ухмылка змеилась на его губах, отражая весь его триумф и все его презрение. Он, Жан-Батист Гренуй, рожденный без запаха в зловоннейшем месте мира, вышедший из отбросов, грязи и гнили, выросший без любви, выживший без душевной человеческой теплоты из одного упрямства и в силу отвращения, маленький, горбатый, хромой, уродливый, отринутый, физический и нравственный калека – он достиг того, что понравился миру! Мало того! Он любим! Почитаем! Обожаем!” (151, с.368–369).

Такова суть фансиации, и П. Зюскинд замечательно ее поймал и создал ее Образ.

Запахи больных отпугивают

Запахи больниц, амбулаторий, стоматологических клиник, госпиталей...

Все больные пахнут. В зависимости от болезни. Яркий пример – запах зубов, пораженных кариесом. Неприятный запах из носа при носоглоточных болезнях. Дурной запах жирной, прыщавой кожи. Индивидуальность запаху придает работа бактерий, живущих на коже, а значит, многое зависит от индивидуальности кожи и ее состояний. Почти все заболевания кожи придают ей дурной запах, иногда до отвратительности – “хоть нос зажимай”. Наиболее часто встречающееся из этих нежелательных индивидуализаций запаха кожи исходит от прыщей, повышенной сальности, фу-

рункулов, корост. Многие болезни носоглотки также придают дурной запах дыханию.

Запахи больной соматики служит эволюционно-предупредительным сигналом для здоровых – “поберегись!”. Животные вычисляют больных и инфицированных сородичей по запаху и либо сторонятся их, либо изгоняют и даже убивают. Способность здоровых животных избегать прямых контактов с зараженными сородичами является важным фактором, лимитирующим распространение паразитов в популяциях хозяев. Институтом систематики и экологии животных СО РАН получены результаты по расшифровке иммунофизиологических механизмов популяционной защиты от инфекций. В экспериментах на лабораторных мышах и джунгарских хомячках показано, что замена инфекционных агентов нереплицируемыми антигенами (эритроциты барана) воспроизводит изменения запаха и поведения подопытных животных, которые обычно наблюдаются при реальном заражении. Эти изменения воспринимаются контрольными особями как сигнал к ограничению контактов с антигенстимулированными животными. Таким образом, получены прямые доказательства участия иммунной системы в формировании поведенческих барьеров, снижающих вероятность заражения здоровых животных в их сообществах.

Сильно и неприятно пахнут каннибалы. Врачи, которые осматривали Чикатило, отмечали его резкий запах. Тот же запах исходил от петербургского людоеда Ильшата Кузикова. Этот запах вообще присущ психопатам, – козлий запах едкого пота, появляющийся в результате нарушенного баланса гормонов и катехоламинов.

Важно отметить, что пахнут и болезни глубинные, казалось бы не выходящие никак наружу. Эволюционное предназначение подобной запаховой чуткости понятно. Разговоры о способности собак носом чують недуги своих хозяев ходили и раньше. Но строго контролируемый научный эксперимент, проведенный британскими учеными, показал, что собаки по запаху мочи действительно могут определять рак мочевого пузыря с точностью, в три раза превышающей случайное совпадение. Ученые из больницы Amersham в графстве Бэкинге в течение семи месяцев обучали шесть собак разных пород различать мочу больных раком мочевого пузыря и мочу здоровых людей и пациентов с другими заболеваниями. Затем был проведен контрольный тест: каждой собаке необходимо было выбрать из семи образцов мочи один, принадлежащий больному раком. Опыт был повторен с каждой собакой девять раз. Результаты оказались следующими: собаки правильно определили заболевание в 22 случаях из 54, то есть точность их диагноза составила 41 %. Вероятность случайного угадывания составляет 14 %. Наибольшую точность (56 % правильных выборов) продемонстрировали спаниели, а наименьшую – дворняга. Это похоже уже на легенду, но ученых озадачил еще один результат эксперимента. Все собаки на протяжении эксперимента “ошибочно” диагностировали рак у пациента, обследованного врачами и признанного здоровым. По окончании эксперимента пациента обследовали еще раз: оказалось, что в первый раз врачи “проглядели” довольно крупную раковую опухоль в правой почке.

В любом случае предпочтительное состояние организма для продуцирования фасцинативного, приятно возбуждающего запаха – это здоровье плюс культура тела, включающая культуру его биологической и искусственной ароматизации. Запах должен стать аксиомой для формирования фасцинативного имиджа личности. Можно быть

во всех отношениях симпатичным человеком... кроме неприятного запаха. И дурной запах перечеркнет любое обаяние! Например, запах чеснока во время свидания. Запах воспринимается раньше всех других сигналов личности и действует на самые древние структуры мозга, его восприятие почти не касается коры больших полушарий.

Прекрасным примером и доказательством фасцинативного отношения к запахам природы служит использование человеком природных ароматических веществ в ритуальных формах общения, в техниках сексуального обольщения и в создании комфортной среды обитания. В древнеегипетских папирусах, написанных 2 тыс. лет до н. э., упоминаются “прекрасные масла, отборные ароматы и фимиамы для храмов, доставляющих радость любому божеству”. Для культовых воскурений применялись смолы кедра, ладан и мирра, наряду с другими продуктами они использовались и при бальзамировании. Жрецы и знатные персоны пользовались благовонными маслами для умашения и мазями на основе оливкового, миндального или кунжутного масел. Первые свидетельства того, что люди научились выделять душистые, биологически активные вещества из растительного сырья, относятся ко времени около 5 тыс. лет до н. э. В Вавилоне масла добавлялись в строительные материалы, из которых воздвигались храмы.

То, что было открыто людьми древности, ценно и сейчас. Несмотря на изобретение синтетических аналогов ароматических веществ, в элитной парфюмерии и в настоящее время продолжается использование дорогих природных эфирных масел как наиболее чарующих обоняние. Это справедливо для особо фасцинативных ароматических благовоний и тонко чувствующих индивидуумов.

Возникла и аромаиндустрия. На Западе дизайнеры в буквальном смысле проектируют запахи ресторанов, отелей, аэропортов, торговых кварталов. Достигло это новшество и России. Правда, в одном из банков Екатеринбурга я чуть с ума не сошел от насыщенного аромата в помещении. Очевидно, он очень уж нравился банкиру.

Ароматерапия

Не имей ароматические раздражители-Образы фасцинативного качества, возбуждающего – и причем помимо сознания! – радостное настроение, жажду жизни и любви, вряд ли их можно было использовать при лечении многих неврозов и депрессий, как это делалось веками и получило особенно интенсивное развитие в современной психиатрии.

Ароматерапия – это отдельная большая проблема в рамках фасцинотерапии.

Существуют ли запахи универсального действия? Аромаалфавит, который всегда и всеми читался бы одинаково? Эксперименты показали, что ароматы лаванды, ромашки, лимона и сандалового дерева ослабляют активность головного мозга быстрее, чем любой депрессант. А жасмин, роза, мята и гвоздика возбуждают клетки серого вещества мощнее, чем крепкий кофе. Сегодня это открытие широко используют, например, японские фирмы. В определенные часы по системе кондиционирования в служебные помещения закачиваются строго выверенные комбинации ароматических веществ. Это позволяет снижать количество ошибок. Творческие процессы, в

частности, хорошо стимулирует запах японской вишни. Запах гвоздик восстанавливает силы после нервного и физического переутомления, увеличивает объем и активность памяти. Корица веселит, согревает, избавляет от астенодепрессивных состояний. Майоран снимает синдром неврастении, беспокойство, усталость, бессоницу. Эти эфирные масла, чтобы поддержать нервную систему, применяют для ароматизации помещений, для обогащения кремов, тоников, шампуней, масок, горячих и холодных ингаляций, ванн, массажа, растираний и компрессов.

Фасцинация цвета

Человек живет в мире цвета и имеет цветовое зрение. Влияние цветовых характеристик Образа-Мира и отдельных его объектов на пространственно-объектную ориентацию, психическое состояние, настроение огромно. Наука о цвете зародилась еще в древности. Замечательный вклад в ее развитие сделал Гете, предложив гармонический цветовой круг (99). Все, что изобретает и производит человек, он делает по законам цветовой гармонии, образцом и учителем которой служит, по словам С. Эйзенштейна, природа. Природа – первый и самый умелый учитель всех живописцев.

Этнограф В. Тэрнер высказал идею о врожденном предпочтении человеком красного, черного и белого цветов как определяющих его цветовое символическое существование: “Я хочу отбросить всякую осторожность, чтобы, заострив проблему, отважно заявить, что: 1) к числу древнейших символов, созданных человеком, принадлежат три цвета, ассоциирующиеся с продуктами человеческого тела, выделение которых сопровождается повышенным эмоциональным напряжением; иными словами, культура как понятие “надфизиологическое” на ранних стадиях своего развития оказывается тесно связанной с физиологией человеческого тела, с осознанием сильных физиологических переживаний... Поскольку опыт, представленный тремя цветами, является общим для всего человечества, объяснение его распространенности вовсе не требует привлечения гипотезы о культурной диффузии, как это необходимо, например, для объяснения роли других цветов (желтого, шафранного, золотого, синего, зеленого, пурпурного и т. п.) в ритуалах отдельных культур” (430, с. 101–103).

Психологи Германии и Великобритании провели серию экспериментов по исследованию влияния цвета на запоминание образа. Группе добровольцев предложили внимательно рассмотреть 48 цветных и черно-белых пейзажных снимков. Затем фотографии смешали с другими 48 снимками и предложили испытуемым их узнать. В результате выяснилось, что добровольцы опознали цветные картинки гораздо быстрее и точнее, чем черно-белые. Экспериментаторы также предложили испытуемым посмотреть, а затем найти в толстой пачке фотокарточек черно-белые снимки, раскрашенные в цвета естественных оттенков. Выяснилось, что их, как и обычные черно-белые фотографии, участники эксперимента запомнили плохо. В связи с этим исследователи предполагают, что запечатлению образа в человеческом мозге способствуют “точные” оттенки, свойственные природным объектам или живым организмам. Вероятно, в процессе эволюции наши глаза настроились преимущественно на восприятие существующих в природе цветовых тонов.

Человек видит цветной мир. В генетике именно цветовой мир и заложен. Поэто-

му память работает лучше с цветными изображениями – они сразу полифонично узнаются, тогда как монохромное изображение требует дополнительного анализа, узнавания-наделения (предположим, на изображении разрезанный арбуз выглядит серым. Тогда мозг дополняет восприятие красным).

Разноцветье не только радует глаз. Цвет определенным образом влияет на наше самочувствие, физическое состояние и здоровье, в том числе на нашу психику. Цвета влияют на наше мышление и чувства. Они становятся символами, служат сигналами, предостерегающими нас от опасностей, они радуют, печалят, формируют наш менталитет и влияют на нашу речь.

Возможно, по этой причине с такой радостью люди приняли появление цветного кинематографа: экранные изображения и реальный мир совпадали по краскам и это придавало увиденному особую привлекательность – как в жизни.

Фасцинация красного цвета

Бесспорным можно признать фасциативное действие в живом мире красного цвета. Красный – самый страстный и неистовый из цветов, ассоциирующийся с кровью и огнем. Его эффект – самый мощный. Волна адреналина и тестостерона, напор, действие, сексуальность, “буря и натиск” – а затем усталость, сонливость, апатия. Это цвет силы и угрозы одновременно. Высокое давление часто бывает показателем избытка красного цвета. Красный цвет усиливает эмоции, делает человека возбужденным и разговорчивым.

Люди с древности проявляли особый интерес к красному цвету. Во многих языках одно и то же слово обозначает красный цвет и вообще все красивое, прекрасное. У полинезийцев слово “красный” является синонимом слова “возлюбленный”. В Китае об искреннем, откровенном человеке говорят “красное сердце”, тогда как сердце дурного, коварного человека – черное.

Символические значения красного очень многообразны и порой противоречивы. С одной стороны красное символизирует радость, красоту, любовь и полноту жизни, а с другой стороны – вражду, месть, войну. Красный цвет издревле связывается с агрессивностью.

Красный является также основным геральдическим цветом. На знамени он символизирует бунт, революцию, борьбу. У многих племен Африки, Америки и Австралии воины, готовясь к схватке, раскрашивали тело и лицо в красный цвет. Любит красный цвет воинственная африканская народность масаи. Карфагенцы и спартанцы носили во время войны красную одежду. В древнем Китае повстанцы называли себя “красные воины”, “красные копья”, “красные брови”. Римские легионеры имели своей военной формой туники пурпурно-красного цвета.

Красное обозначает также власть, величие. В Византии только императрица имела право носить красные сапожки. Император подписывался пурпурными чернилами, восседал на пурпурном троне. У многих народов красный цвет символизирует также юг, пламя и жару.

Красный цвет любят в Мексике, Норвегии, Ираке и не любят в Ирландии; в Китае это цвет праздника, знак удачи, счастья, достоинства, благородства, долголетия,.

именно из красной ткани в Китае шили свадебные платья для невест. В Индии означает жизнь, действие, энтузиазм.

Художник В. Кандинский писал о красном цвете: "Например, красный цвет может вызвать душевную вибрацию, подобную той, какую вызывает огонь, так как красный цвет есть в то же время цвет огня. Теплый красный цвет действует возбуждающим образом; такой цвет может усилиться до болезненной, мучительной степени, может быть, также и вследствие его сходства с текущей кровью. Красный цвет в этом случае пробуждает воспоминание о другом физическом факторе, который, безусловно, болезненным образом действует на душу" (167, с. 42).

Вполне вероятно, что широкое применение красного цвета как сигнала одним из побудительных факторов имело подражание растениям и животным, которые красный цвет используют очень широко. Именно заметность, четкость и возбуждающая энергия делают красное коммуникативным сигналом фасциативного значения. Одно только перечисление сигнального использования красного в оформлении тела и выделения в нем специальных точек-мазков-пятен-линий красного цвета заняло бы не одну страницу. Примеры: красное брюшко колюшек, красные грудки у многих пернатых, красные гребни у петухов, краснеющие во время сексуального возбуждения гениталии и лица у обезьян, броская окраска божьих коровок и т. д.

Человек также не лишен в определенной мере влияния природной красной окраски в тех или иных ситуациях. Так, когда женщина сексуально возбуждается, ее губы, грудь и гениталии становятся больше и краснеют. Этологи истоки использования губной помады относят к усилению сексуальной привлекательности как имитационный сигнал древнего сексуального привлечения самками приматов самцов.

Цветотерапия

Цветотерапия родилась в древности. Применение цвета и цветного света в психотерапии с каждым годом совершенствуется. Так, индийские целители считали, что семь основных цветов радуги напрямую связаны с определенными тканями и органами нашего тела. Сегодня доказано, что каждый цвет испускает свойственную только ему определенную вибрацию. Вибрации чистых цветов оказывают восстанавливающее действие на те или иные функции организма, нормализуя их деятельность.

Чтобы правильно применять цвета как лекарство, необходимо знать их характеристики, понимать, что это такое и в каких случаях применяется. Общеизвестно, что цвета делятся на теплые и холодные. К теплым относятся красный, оранжевый и желтый, к холодным – голубой, синий, фиолетовый. Зеленый занимает промежуточное положение. В. Кандинский отмечал также психотерапевтическое влияние цветосветовой символики: "Цветной свет совершенно особенным образом влияет на тело человека. Неоднократно делались попытки использовать и применять силу цвета при различных нервных заболеваниях, причем снова замечено было, что красный цвет живоительно, возбуждающе действовал на сердце и что, напротив того, синий цвет может привести к временному параличу. Если подобного рода влияние можно наблюдать и на животных и даже на растениях – что практически и происходит, то объяснение путем ассоциации отпадает совершенно. Во всяком случае, эти факты

доказывают, что краски таят в себе мало исследованную, но огромную силу, которая может влиять на все тело, на весь физический организм человека” (167, с. 44).

Красный цвет, оказывая возбуждающее, стимулирующее действие на нервную систему, ускоряет обменные процессы. Активность красного приводит к тому, что улучшается кровообращение, сердечная деятельность, устраняются застойные явления во внутренних органах. Но его передозировка опасна, особенно для людей с психическими аномалиями, так как это может приводить к перевозбуждению нервной системы, головной боли, усталости глаз. Только когда противопоказаний нет, красный цвет может повышать работоспособность и выносливость. Это цвет воинов.

ГЛАВА IV. ФИЛОСОФИЯ ФАСЦИНАЦИИ

Жизнь как высшая фасцинация

Оптимист утверждает, что мы
живем в лучшем из миров,
а пессимист боится того,
что это правда.
Д. Б. Кэйбелл

Тейяр де Шарден писал: “Без вкуса к жизни человечество вскоре перестало бы создавать и творить для дела, которое оно заранее считало бы обреченными. И пораженное в самом источнике поддерживающего его порыва, почувствовав отвращение или взбунтовавшись, оно распалось бы и рассыпалось бы в прах” (427). Высшей фасцинацией для всех без исключения живых существ является сама жизнь. За жизнь борются, сражаются из последних сил на максимальном напряжении, за жизнь цепляются до самой последней секунды. Надеждой на жизнь жив человек даже за минуту до смерти, говорил Л. Толстой. И если жизнью жертвуют, то во имя жизни. Даже на субклеточном уровне, где смерть клеток дает другим клеткам продолжить их жизнь и жизнь организма, которому они имманентны. Как пишет В. И. Агол, существует клеточный механизм, “по-настоящему привлечший внимание ученых лишь в последние годы: наряду с программой, регулирующей клеточное деление, есть особая генетическая программа, которая при определенных условиях приводит клетку к гибели. Гибнет клетка не от какого-нибудь постороннего убийцы – она сама приносит себя в жертву во благо организма” (3).

Пробуждение к жизни с солнечным светом, весной, теплом – высшая радость всего живого. Такие сигналы-Образы, как восход солнца, являются базовой фасцинацией для всех светоориентированных живых организмов: они распускаются, наливаются соками, сладко потягиваются, радостно взбрыкивают, обнимаются, издают радостные трели и крики. Восход солнца – сигнал жизни.

И подобного рода сигналов-Образов-фасцинаций достаточно много, и от одного биологического вида к другому они могут меняться, дополняться и трансформироваться. Так, в период изматывающей засухи в африканской саванне все живое томительно ждет дождя, и потому уже появившиеся далеко-далеко на горизонте тучки всех взбадривают, а первые капли дождя приводят в состояние чуть ли не молитвенное. После чего начинается буйство жизни во всех ее энергичных и экстремальных проявлениях.

Такие общевидовые и межвидовые фасцинации жизни действуют в первую очередь как стимуляторы настроения особи и групп особей (радуется и отдельный мотылек и все мотыльки популяции). Настроение есть базовое состояние и психики, которое напрямую завязано на базовые фасцинации (и антифасцинации) жизни. О.Ф. Больнов говорит: “...настроения живут в ... совершенно неразделенном единстве самости и мира...” (543, с. 39).

Настрой на жизнь можно назвать волей к жизни. Без воли к жизни жизнь, только

зародившись, тут же и впадала бы в состояние самоумирания. Не умереть же по своей воле несмотря на самые невыносимые условия существования живое существо способно только тогда, когда его пронизывает тяга к жизни, стремление жить. Так я охарактеризовал бы понятие “настрой на жизнь”. Несколько иначе выглядит “настрой на выживание”. Это настрой на противоборство с любыми силами, которые посягают на существование живого существа. Этими силами могут быть враждебные животные (лев для антилопы или зебры, паразиты-бактерии для любого существа), другие существа собственного биологического вида (другой самец в борьбе за обладание самкой), катастрофические изменения внешней среды и др.

Здесь же важно отметить фундаментальную связь воли к жизни (через настрой и настроение) с сенсорной драматургией жизни. Настрой на жизнь и настрой на выживание столь активны, что проявляют себя ежесекундно и прежде всего через метаболизм и механизмы организменного гомеостаза. Жизненный мир любого живого существа – это мир постоянных изменений внешних и внутренних сред, которые провоцируют борьбу за выживание.

Одни из самых значимых и желанных сигналов-Образов для любого живого существа, а особенно для человека, – это Образы Мира и своего родного Тела. Есть люди, которые, проснувшись, ощупывают и гладят себя, убеждаясь, что они ЕСТЬ. Лев Толстой в старости радовался каждому восходу солнца, возвещающему о еще одном дне жизни, подаренном ему судьбой. Можно высказать предположение, что в иерархии удовольствий жизни высшую строчку занимает не оргазм и вкусовые улады, а удовольствие от жизни как таковой, от самости бытия. Пока это сознают только философы, мудрецы, дожившие до старости, и многие больные мигренями или глубокими депрессивными расстройствами, мечтающие вернуть любыми способами ощущение радости жизни.

Переживание света и появления солнца является базовым для живых существ. Оно создает то, что можно назвать базовой эмоцией-настроением, которая до сих пор рассматривается в теоретической и экспериментальной науке о человеке лишь вскользь. Вместе с тем не составляет труда вычислить огромное влияние настроения на жизнь каждого человека, и, как мне представляется, на жизнь любого организма, даже отдельной живой клетки. Настроение можно поднять или испортить, можно проснуться в плохом или радостном настроении, наконец, можно весь день иметь дурное расположение духа оттого, что в холодильнике не оказалось утром кефира, к питью которого привык. Или “не с той ноги встал”, что говорит о загадочности феномена “настроение”.

И он, этот загадочный феномен целиком, или почти целиком, базируется на сенсорике и значимых сигналах-Образах. Взошло солнце – радость. Небо закрыто тучами – огорчение. Фасцинация подстегивает все живое к выбору жизнеутверждающей оптимистической стратегии. Быть может, она заложена в “эгоистичном гене” как его воля к оптимальному продолжению жизни.

В самом деле, вычеркните мысленно из жизни весь необъятный системный комплекс фасциативных сигналов, оставив только информационные. Что мы получим? Серое, безвкусное, монотонное бытие, нагоняющее скуку и мысли о бессмысленности жизни и суициде, как точке в конце монотонной безысходности. Ведь даже речь превратится в монотонное занудное вещание об информационных смыслах и знаниях. Не

каждый способен выдержать подобную коммуникацию без того, чтобы не впасть в сон. Исчезнет почти целиком массовая фасцинация зрелищ, музыки, празднеств и величественных церемоний.

Фасцинация организует, мобилизует живое существо на жизнь, создавая то, что называют “настроение”.

Настроение – базовая фасцинация жизни

Еще менее понятны механизмы чувств,
которые мы обычно объединяем
под рубрикой “настроение”.

К. Прибрам

И. Шкуратов совершенно справедливо, на мой взгляд, выделяет настроение как “фундаментальный феномен субъективности” (460). В самом деле, настроением обладает только субъект, живая субстанция. М. Хайдеггер и особенно О. Больнов (в работе “Сущность настроений”) определили настроение как экзистенциал бытия, но бытия именно человеческого. Закономерен вопрос о том, не является ли это состояние базовым для всего живого, начиная от живой клетки. С какой грани живого начинается существовать феномен настроения? Или, по существу, грани этой нет и не может быть, поскольку живо-существовать значит быть в некоем настроении.

Хозяин всегда мгновенно и точно определяет настроение своих любимцев: собаки, кошки или любого другого животного, которого сделал своим другом. “Он у меня сегодня не в настроении”, – говорит он знакомым о попугае. “Нет настроения” – значит оно “плохое”, дискомфортное. Отчего же оно плохое? Первое, что всегда приходит на ум, – может быть, погода скверная, такая, про которую говорят, что добрый хозяин и собаку во двор не выпустит. Влияние погоды на настроение – это клише, не требующее доказательств, поскольку эти доказательства в каждом человеке с детства. Но может возникнуть и другая ассоциация – а может, он заболел? От болезненного состояния хорошего настроения тоже быть не может. Уже обозначились некие границы источников настроения: от погоды до болезни. Но ведь в погоде (в изменении состояний атмосферы) и тех или иных болезненных недомоганиях пребывает и живая клетка, и вирус, и амеба, а не только приматы и человек. Логично предположить, что всему живому присуще это фундаментальное субъективное состояние, называемое настроением, состояние, на которое обращает ежедневно свое субъективное внимание каждый человек, но которому в науке отводится пока что очень незначительное место, хотя состояние – фундаментальное, судьбоносное.

Настроение распознается, как это убедительно показал К. Лоренц (в книге “Круг царя Соломона”), не только человеком, но и всеми живыми существами, более того, распознается тонко и мгновенно, буквально по каким-то едва заметным нюансам в поведении, в позах тела и других сигналах. Как я предположил, это распознавание обеспечивается зеркальными нейроструктурами мозга.

Настроение – это еще и настрой на определенный способ поведения живого существа, на его активность или пассивность. Другими словами, настроение представ-

ляет собой не просто стимул, а энергетическое состояние организма, реализуемое через его психику и связь с жизнью. В состоянии угнетенного настроения, апатии организм теряет энергию, становится вялым и пассивным, тогда как радостное настроение взрывает его избытком энергии и активности. С.Л. Рубинштейн писал: “Две основные черты характеризуют настроение в отличие от других эмоциональных образований. Эмоции, чувства связаны с каким-нибудь объектом и направлены на него: мы радуемся чему-то, огорчаемся чем-то, тревожимся из-за чего-то; но когда у человека радостное настроение, он не просто рад чему-то, а ему радостно – иногда, особенно в молодости, так что все на свете представляется радостным и прекрасным. Настроение не предметно, а лично – это, во-первых, и, во-вторых, оно не специальное переживание, приуроченное к какому-то частному событию, а разлитое общее состояние” (376, с. 176). Общее не в смысле группового состояния, а как инвариант соматического.

И. Шкуратов пишет: “Настроение, утверждаем мы вслед за Хайдеггером, – это основоспособ человеческого бытия. Поскольку сущность этого сущего состоит в его бытии, настроение образует существо человека. ...настроения обыкновенно понимают как мимолетные и изменчивые состояния. Однако тот факт, что настроения могут меняться, “улучшаться” и “ухудшаться”, говорит как раз о том, что человек всегда как-то настроен” – и приводит цитаты из Хайдеггера: “Поскольку настроение есть изначальное Как, в котором каждое Dasein есть, как оно есть, настроение – не самое непостоянное, а то, что коренным образом дает Dasein постоянство (Bestand) и возможность”, “Способ, каким обнаруживается и всегда уже обнаружилась захваченность миром, мы называем настроением. Захваченность – исходный образ единения самости и мира – показывает себя в настроении, есть <как> настроение” и далее “...основной способ бытия самости состоит в настроении, бытие самости есть как настроение. Следовательно, настроение есть первичный опыт и фундаментальный феномен субъективности” (460). Таким образом, можно утверждать, что настроение может “подняться”, может “испортиться”, но оно есть всегда и оно представляет собой фундаментальный, заложенный в самом живом организме, в его гомеостазе способ активной связи с миром.

Плохое настроение как антифасцинация

Плевать на все!
Принцип пофигизма

Жизнь – не прогулка, каждое живое существо, погруженное в Мир, встречает трудности и в борьбе за выживание часто терпит огромный ущерб, в том числе и, быть может, прежде всего на метаболическом уровне. Это порождает вялость, снижает энергию жизни, что, в свою очередь, находит отражение в снижении оптимистического настроения, угасании психических функций в сторону их слабости. Это и можно назвать плохим настроением. Плохое настроение гасит волю к жизни, рождает безволие, апатию и даже суицидные мысли, провоцирует депрессию.

Депрессия стара как мир. Еще жрецы Древнего Египта в 4 тысячелетии до н.э.

лечили людей, у которых наблюдалось патологическое состояние тоски. Жрецы Древней Индии считали, что уныние, впрочем, как и другие душевные заболевания, вызвано одержимостью, в связи с чем специально обученные жрецы занимались изгнанием злых духов.

В США, согласно данным Американской психиатрической ассоциации, депрессией страдает 15 млн. человек. Другие исследования оценивают распространенность депрессивных расстройств гораздо выше – более 26% среди женщин и 12% среди мужчин. В России, по некоторым данным, до 70% взрослого населения “дружат” с депрессией довольно тесно. По некоторым оценкам, количество больных депрессией в России увеличивается на 3–5% ежегодно (337, с. 98-99). Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) сравнивает депрессию с эпидемией, охватившей все человечество. На 51-й сессии ВОЗ было объявлено: депрессия уже вышла на первое место в мире среди причин неявки на работу, на второе – среди болезней, приводящих к потере трудоспособности. Если не будет принято соответствующих мер, то к 2020 г. депрессия может парализовать экономическую жизнь как развитых, так и развивающихся стран.

Есть тип людей, предрасположенных к плохому настроению и настрою жизни. Это в первую очередь дистимики, которых в психиатрии определяют как субдепрессивные личности, а в бытовой сфере зовут пессимистами. У таких людей “всегда все плохо”. Если какое-то событие можно трактовать двояко, и с хорошей и с плохой стороны, пессимист обязательно найдет в нем только негативную окраску. Он выберет вариант о наполненном наполовину стакане “наполовину пуст”. Дистимик находится в постоянном ощущении и ожидания несчастья и трактовка всего, что происходит, отталкивается от этого ожидания. Это очень тяжелые люди для окружающих, особенно для близких родственников, вынужденных терпеть черную энергию депрессии. Такого человека в чем-либо переубедить практически невозможно.

Как подчеркивает П. Б. Ганнушкин, “картина мира для этих лиц как бы покрыта траурным флером – всякое радостное событие сейчас же отравляется мыслью о непрочности радости и грядущих несчастьях”. Вечно угрюмые, с потухшим взглядом и выражением скуки на лице, мрачные, недовольные и малоразговорчивые, они невольно отталкивают от себя даже сочувствующих им друзей и знакомых. С годами формируется депрессивное мировоззрение, в центре которого “комплекс неудачника” – недовольство собственной судьбой, представления о своей неуспешности, обреченности на страдания. Постоянное чувство безысходности приписывается “сверхчувствительности”, неспособности противостоять угнетающим обстоятельствам. В структуре дисфорического аффекта преобладают брюзжание, сварливость с недовольством и придиричивость. Мрачный пессимизм неотделим от саркастической и даже нигилистической оценки действительности и происходящих событий. Внешние проявления депрессии явно гиперболизируются. Преувеличенные жалобы на подавленность (характерны высказывания типа “Я – самое несчастное существо на свете”, и т. п.) подкрепляются нарочито скорбной мимикой, стонами, рыданиями, вспышками эксплозивности и сочетаются с грубыми притязаниями, гневными упреками в адрес друзей, повышенной требовательностью к родственникам. Вся ответственность

за неблагоприятные жизненные события, предшествовавшие возникновению депрессии, возлагается на окружающих” (97).

Надо ли говорить, что люди с подобным настроением психики страдают и для них их собственное плохое настроение представляет собой некий непривлекательный, отталкивающий Образ мира. Отсюда и убеждение их в своей несчастье. Но не менее антифасциативна и другая сторона плохого настроения – оно передается окружающим, действует как антифасциативный сигнал-Образ.

Фасцинация и энтропия

... веселость духа и еще есть,
чем жив человек на Земле: очарование.
Без очарования – только труд и печаль.

А. М. Ремизов

Депрессия, дистимия, агедония и другие расстройства психики “плохого настроения” ведут человека к безволию, “экзистенциальному вакууму” (утере смысла жизни), по В. Франклу, и часто к суициду. Можно считать плохое настроение и все психические и нейрофизиологические процессы, с ним связанные, психосоматической разрушающей жизнь энтропией.

К. Шеннон в 1948 году открыл связь между энтропией и информацией. Информация достигает максимума, когда энтропия имеет минимум, энтропия оказывается величиной, изменяющейся противоположно информации. Дискуссия вокруг понимания энтропии, в которой принял активное участие Бриллион, привела к современному пониманию энтропии как фундаментального свойства материи.

Особое назначение фасцин и фасцинации заключается, на мой взгляд, в том, что они противостоят энтропии, т. е. выравниванию и затуханию психосоматических процессов в организме (примером может служить длительный летаргический сон), и являются эволюционно-функциональным феноменом организации и управления поведением по вектору переходов настроения к оптимизму и упоению жизнью. Все живое уже в процессе своего первоначального вычленения-рождения из неживого впитало в себя антиэнтропию (негэнтропию), организующие тенденции и механизмы, вошедшие в метаболизм. “Тяга к жизни” или “воля к жизни” – имманентное качество всего живого. Стремление это заложено уже в передвижении в пространстве в поисках пищи и оптимально комфортной среды. Этим заняты уже одноклеточные. Стремление связано с другим состоянием, которое можно назвать вслед за Хайдеггером “беспокойством”. Неуспокоенность-беспокойство – одна из важных сторон поведения всего живого, а это негэнтропийное качество самоорганизации.

Для реализации этих состояний необходимы два класса энергии, побуждающей действие и деятельности: энергия физико-химическая и психическая. Первая выполняет действие, вторая заряжает волю к действию. Можно сказать, что “волевое” психическое состояние должно иметь в своей сердцевине нечто вроде “тяги к жизни”, или “жизнеутверждение”. Беспокойство, стремление, действие-поиск, жизненастро-

енность – вот биопсихическая цепочка, которая обеспечивает и метаболизм, и продолжение жизни, и ее воспроизведение.

В этой цепочке не хватает еще одного состояния, которое с неизбежностью вытекает из всех ее составляющих, но особенно связано с волей и тягой к жизнеутверждению в действии. Я имею в виду оптимизм, понимаемый буквально как жизнелюбие и жизне-радость.

Оптимизм и радость – первые свойства этого качества, помогающие и оптимальности метаболизма, и психическому настрою на жизнеутверждение и выживание. Не будь этих изначальных негэнтропийных механизмов и соответствующих обеспечивающих их работу структур в организме, живое было бы обречено на гибель в жерновах энтропии, неумолимого выравнивания и усреднения. Психика и ее оптимистические состояния явились очередным, более организованным этапом самоутверждения живого. Радость поэтому можно рассматривать как экзистенциал психической жизни, как пружину воли к выживанию и активного самоутверждения живого существа. Любая пассивность, покой, ипохондрия, уныние и скука могут рассматриваться как энтропия, умирание, затухание жизни. Живые субстанции и их нервные структуры не способны без смертного ущерба находиться подолгу в состоянии покоя, однообразия и скуки. Им нужны драматургия, даже если она и содержит в себе опасность и риск, новизна впечатлений, пугающие и радующие неожиданности, приятные и неприятные сюрпризы, волнение и потрясения, стимулы и желания. Только это ведет к радости жизни и оптимизму бытия.

Очевидно, всему этому и призвана служить (и обслуживать!) фасцинация, мгновенные выстрелы-взрывы влияний, реакций и эмоций, управляющих поведением и выбором точных вариантов выживания. Многие из этой фасцинативной драматургии закрепились в форме базовых инстинктов, многое добывается и процеживается опытом популяции и каждой живой особи. В человеческом обществе фасцинация пронизывает все биологическое и социальное поведение людей как в виде глубинных животных инстинктов, так и рафинированной социальной культуры. Реакция на сексуальное кокетство и романтическая поэтизация красоты в живописи и поэзии одинаково имманентны для человека и создают симбиоз человеческого поведения, сочетающего информационную серьезность с фасцинативным безумием. Холодный информационный расчет и страсть, продуманная до мельчайших подробностей “умная” хитрость и всплеск неосознаваемых импульсивных поступков – такова человеческая участь. Фасцинация наполняет жизнь и поведение человека этими драматическими импульсами и влечениями, волнениями и страстями, через которые жизнеутверждающим мотивом проходят радость и оптимизм. Можно утверждать, что фасцинация – это созданная эволюцией сигнальная энергетика стремления к жизни и борьбы с энтропией и скукой. Фейерверк, вожделение от вида фасцинативной телесности, смакование удовольствия и взрывы оргастических наслаждений, каждодневное и ежеминутное погружение в “приятности” и “опасности” от страстного утоления жажды до потрясающего ощущения оргазма, этого изобретенного природой “позитивного подкрепления” семяизвержения и эякуляции, – все это порождает, стимулирует и поощряют фасцинация и фасцинативные сигналы, вершину которых для всех свето-

ориентированных существ озаряет сигнал-Образ восхода солнца. В этом, очевидно, и заключается их эволюционное предназначение и роль в развитии всего живого – от вируса до человека.

Сказанное выше приводит к мысли, что фасцинация является организующим социальную коммуникацию средством, тогда как афасцинация в этом аспекте малопродуктивна, а антифасцинация – разрушительна.

Я затронул проблему скуки. Но дело обстоит куда сложнее, ведь скука не первична для здесь-и-сейчас-бытия, хотя и является одним из состояний его развертывания во времени. Скука подготовлена или “поджаривается” на костре плохого настроения.

Фасцинация уничтожает на корню скуку бытия, она делает коммуникацию драматичной (трагикомичной), выдергивает психику в состояние обостренного внимания, интереса и взволнованности, пусть даже и вынужденных, как это бывает при сигналах, бросающих человека в испуг, страх и ужас. Такова даже драматургия театра, не говоря о самой жизни, и если на сцене нет того, что приводит зрителя в содрогание и экстаз, зритель зевает.

Скука как энтропия психики

Скука – это одно из названий энтропии психики.

Я определил бы скуку как бездействие тех 35 % нейронов головного мозга, о которых Дж. Олдз сказал, что они ждут и хотят деятельности и только деятельности, они всегда нацелены на получение позитивного раздражения, как и еще 5% нейронов такой же активности, но нацеленных на восприятие негативных раздражителей и подкрепление-наказание.

Но надо подчеркнуть еще одно существенное состояние этих нейронных структур: они ждут не просто раздражений, но особенно “жаждут” раздражителей с новизной, интересных, увлекających, радующих, взбадривающих. Поэтому-то особенно интенсивно работают эти структуры в младенческие годы, когда на ребенка обрушивается лавина все новых и новых стимулов и сигналов-Образов Мира. Любое новое хорошо, но предпочтительно оригинальное, неожиданное, даже, возможно, пугающее и экстремальное. В этом случае мозг уж точно не скучает и 40% нейронов (35+5) упиваются активной жизнью, продуцируя приподнятое настроение, как это часто бывает у творцов-интеллектуалов или игроков, а также следят за опасностями.

Нечто похожее происходит и с животными, исследования этологов и нейрофизиологов последних лет дают тому одно подтверждение за другим. На одном из них я хотел бы остановить особое внимание, поскольку речь пойдет о “толстокожем” животном, о черепахе, у которой трудно предположить какие-то настроения. Гете писал, что обезьян, пожалуй, можно было бы рассматривать как людей, если бы они могли испытывать чувство скуки. Во времена Гете еще не знали, что скучать и сходить с ума могут даже черепахи. С феноменом депрессии, переходящей в саморазрушительное поведение, столкнулись сотрудники зоопарка Смитсоновского института (США). В ходе наблюдений за черепахой – нильским триониксом (*Trionyx triunguis*) возникла острая необходимость понять, что происходит с крупной черепахой малоизученного вида, со-

державшейся в зоопарке уже 40 лет. Через 40 лет у этого уникального экземпляра стала проявляться редкая у животных форма поведения – самотравмирование: огромная черепаха раздирала себе шею когтями и кусала собственные лапы. При этом сильно повреждалась кожа и мускулатура, возникали опасные раны. Чтобы переключить внимание Пигфейса, к нему в вольер положили различные предметы: резиновое кольцо, мячик, палки. Отметили, что количество нанесенных самому себе травм у Пигфейса уменьшилось. Но если игрушки долго находились в вольере, стремление к самотравматизму возобновлялось. Эти предварительные наблюдения и подтолкнули ученых провести обстоятельное исследование. За черепахой наблюдали круглосуточно, снимали видеокамерой, регистрировали все формы поведения с каждой конкретной игрушкой. Оказалось, что и в воде, и на суше она контактирует с предметами (укусы, толкание мордой, лапами). Это полностью соответствует понятию “игра”; более того, выяснилось, что игровое поведение занимает у нее 20 % времени, что намного выше показателей, известных у млекопитающих (у разных их представителей – от 1 до 10% времени). Результаты исследования позволили сделать два серьезных заключения. Первое, своего рода прикладное: искусственное обогащение среды обитания в условиях неволи позволяет изменить поведение пресмыкающихся, снизить уровень стресса, вызываемый длительным пребыванием в унылой, однообразной обстановке, улучшить их физическое и психическое здоровье. Второе заключение касается фундаментальных проблем эволюции: поскольку черепахи представляют собой наиболее древнюю и примитивную группу пресмыкающихся, сближаемую с общими предками млекопитающих, выраженность у них игрового поведения свидетельствует о его филогенетической древности и позволяет предполагать, что склонность к такому поведению была унаследована всеми млекопитающими от их общего предка (а не развивалась в отдельных группах независимо). Я сделал бы к этим выводам еще один: нервная система всех живых существ сориентирована эволюцией на некий объем обязательных новых и вызывающих активный интерес стимулов-раздражителей, часть из которых превращается ими в объект игрового-исследовательского манипулирования. Так младенец крутит в еще неумелых руках новый предмет. По сути, и для человека, и для черепахи энтропийное однообразие изнурительно.

Еще ранее К. Прибрам, проводя опыты с обезьянами, констатировал негативное влияние скуки на их поведение в экспериментальной работе – они слабо откликались на монотонные стимулы (350, с. 356).

Потеря соматической энергетики в состоянии энтропийной скуки приводит к быстрой утомляемости людей на работе. Это подтвердилось в опытах, которые провел на студентах Д. Вармак. Он провел на группе студентов серию тестов, которые явно не могли вызвать интерес. Студенты чувствовали усталость, сонливость, жаловались на головную боль и резь в глазах, у них возникло раздражение, в некоторых случаях даже наблюдалось расстройство желудка. Это подтвердили анализы обмена веществ. Они показали, что кровяное давление и потребление кислорода уменьшаются, когда человек выполняет скучное дело. Обмен веществ немедленно увеличивается, как только появляется интерес к работе.

Порождение плохого настроения в состоянии скуки отражено в языке и речи всех народов. В. Даль зафиксировал: “Скука – тягостное чувство, от косного, праздного,

недеятельного состояния души; томление бездействия. Праздность скуку любит. Прогнать скуку, взяться за дело, либо за безделье. Скука смертная, бешеная. Удавлось от скуки. От скуки одуреешь. Со скуки пропадешь. Со скуки хоть меледу в руки! Забота не съела, так скука одолела”.

Л. Свендсен в очень своевременной и оригинальной книге “Философия скуки” не затронул проблемы энтропии, которая, как мне представляется, пронизывает феноменологию скуки во всех ее разновидностях – от экзистенциально-тотальной до сиюминутной. М. Хайдеггер писал: “Я всё-таки склонен полагать, что все эти понятия – *boredom*, *Langweile* и *kjedsomhet* возникли почти одновременно и что они более или менее синонимичны. Они принадлежат к целому понятийному комплексу, который имеет глубокие исторические корни. “Скучно” – одно из наиболее популярных выражений в языке”.

Б. Рассел сказал о скуке, что ее значение недооценивается, а “скука – мощная движущая сила во все времена”. Один из героев “Записок из подполья” Достоевского утверждал: “Все от скуки, господа, все от скуки...”

Многие описания скуки в истории литературы очень похожи друг на друга. В основном это жалобы на то, что ничто не интересно, что это невыносимо. С. Кьеркегор описывал это так: “Я лежу пластом, ничего не делаю. Куда ни погляжу – везде пустота: живу в пустоте, дышу пустотой. И даже боли не ощущаю”.

Всегда опасным для сознания человека было обнаружить дефицит смысла существования. Расцвет скуки связан с расцветом нигилизма и в XX в. породил новую болезнь, которую В. Франкл назвал логоневрозами, болезнью “экзистенциального вакуума”, утери смысла жизни.

Оптимизм и радость как фасцинативные сигналы

Веселое сердце благотворно, как врачество,
унылый дух сушит кости
(Библия, Притча Соломона, 17, 22)

Так ешь же в радости хлеб твой
и с легким сердцем пей вино...
Наслаждайся жизнью с
женщиной, которую любишь...
Книга Экклезиаст

Мозг, можно сказать, потенциально оптимистичен: ведь целых 35% постоянно активных нейронов нацелены на удовольствия и только 5% готовы к реагированию на неприятности. Даже отправление физиологических нужд содержит как неотъемлемую составляющую удовольствие: уринация, фекализация, выделение слюны при голоде и т. д. Это и позволило З. Фрейду отнести их к разряду предсексуальных.

Радость, удовольствие, страх – составляющие драматургии и торжества жизни в противоположность замиранию, покою и уничтожающей тоске и скуке. Радость и оптимизм можно рассматривать как организующее, управляющее жизнестойкостью и жизнелюбием состоя-

ние психики, а также как управляющую поведением фасциативную коммуникацию.

В ряду удовольствий, фиксируемых мозгом, еще раз это подчеркну, особое фасциативное значение принадлежит самой жизни как таковой, ощущению жизни как высшей радости. Жизнь должна доставлять удовольствие своими радостями, она должна быть удовольствием. Только в этом случае можно говорить об оптимизме личности. Я-концепция личности всегда и у всех включает в себя “ядро счастья” (или “ядро комфорта”, “ядро радостей и наслаждений”), которое с возрастом, опытом и изменением философии жизни может меняться, но также и содержать базовые неизменные константы, созвучные полученному организму от природы и наследственности. В известном смысле, сказать о том, что радость фасциативна, а чарующая фасцинация радостна, то же самое, что сказать “масло масляное”. Как средство управления человеческим поведением фасцинация в ее чарующих формах тем и замечательна, что стимулирует деятельность дофаминово-серотонино-эндорфинной системы организма, порождая в человеке эмоции радости и удовольствия.

Но радость можно рассматривать не только как внутреннее состояние индивидуума, но также и как социально-коммуникативный сигнал, наблюдаемый и переживаемый другими индивидуумами. Этот аспект феномена радости заслуживает особого внимания. И непременно в связке с такими экзистенциальными человеческими состояниями, какими являются оптимизм и оптимистическое настроение, жизнелюбивая установка личности, которой без радости, конечно же, быть не может.

Вряд ли необходимо кого-либо убеждать в справедливости того, что людям в большинстве своем нравятся не угрюмые и язвительно-скептические представители рода человеческого, а личности уверенного и ненавязчиво бодрого, оптимистического склада (но не бодрячки и экзальтанты). Даже эски страшно не любят угрюмых и унылых, навевающих скуку сокамерников, отметила в своем исследовании “Субкультура тюрьмы и криминальных кланов” Е. Ефимова (145). Христианство с первых же веков своего самоутверждения, выведя формулу так называемых смертных, т. е. приближающих смерть человека, грехов, на первые места не случайно поставило гордыню и уныние: уныние, как и любые другие эмоции и чувства, способно вызывать отзеркаливание, индуцировать повтор в другом человеке, заражать, как позевота. И понятно, что заражение унынием и тоской губительно для социума, для выживания любого человеческого сообщества. Унылые, пессимистичные люди легче заболевают, среди них легче вспыхивают эпидемии, они не способны стойко сопротивляться бедам. Вывод однозначен – уныние действительно должно было быть осуждено как смертный грех. Так оно и было у всех народов и религий, христианство выразило отношение к унынию, быть может, наиболее эксплицитно.

Антипод унынию и пессимизму – радость и оптимизм. Видеть неунывающего, веселого, оптимистичного человека приятно, с ним хочется быть рядом, он не опасен и уже этим хорош. А если он еще и силен, уверен, благороден, то к нему возникает подсознательная тяга, как к опоре и защите. Такое стремление вызывали во все времена харизматические лидеры, народные вожди, Учителя и Пророки. Все они содержали в своем облике, поведении, голосе и речи оптимистическую фасцинацию. Можно сказать без преувеличения, что радость и оптимизм накладывают на облик и внешнее поведение чело-

века печать fascinации, создают образ, сигнализирующий радость, которая нейрофизиологически отзеркаливается и индуцируется в воспринимающем: доброжелательная искренняя улыбка неизбежно, физиологично вызывает ответную улыбку.

Подобный феномен заражения прекрасно проявляет себя в детях. Здоровый ребенок весел, жизнерадостен, подвижен, непосредствен, на него невозможно смотреть без симпатии, он стимулирует взрослых, и не только родителей и родственников, на ответную радость, он представляет собой яркий фасциативный сигнал-Образ. Фасцинация детей самая могучая, древняя и стимулирующая в людях радость бытия и любви. Метафора “дети – цветы жизни” при всей ее банальности вечна.

Совершенно объяснимо, почему при социально поощряемом альтуризме люди все равно избегают общения не только с угрюмыми и унылыми людьми, но даже с больными и калеками, вызывающими сострадание и желание помочь. В общении с ними чаще вступает в силу долг, а не удовольствие от сострадательного общения. Пушкинское “Боже мой, какая скука... когда же черт возьмет тебя” при всем цинизме было встречено читающей публикой тогдашней России с горьким пониманием и редко у кого вызывало осуждение. Увы, законы fascinации и антиfascinации сильнее разума, они завязаны на инстинкте жизни. Как fascinация, радость и оптимизм в облике человека действуют на других людей на глубинном подсознательном уровне, они заложены в нейрофизиологические матрицы восприятия миллионы лет назад как эволюционная целесообразность, способствующая выживанию в борьбе за существование. Таким образом, я прихожу к заключению, что радость и оптимизм являются не только психологическими состояниями человека, но также и коммуникативными фасциативными сигналами-Образами. При прочих равных условиях оптимистический человек является более предпочтительным сигналом-Образом, чем унылый и пессимистичный. Яркое проявление оптимизма и радостного настроения всегда фасциативно.

В. Лефевр в книге “Алгебра совести” приводит результат исследований по оценке объектов (в том числе людей) при отсутствии какого-либо объективного критерия оценки-выбора: “В семидесятые годы Адамс-Веббер и Бенжафелд обнаружили, что испытуемые оценивают своих знакомых позитивно, используя пары полярных прилагательных типа сильный-слабый с частотой 0,62. Они же выдвинули предположение, что точное значение этой величины равно золотому сечению. Теоретического обоснования этот феномен в то время не получил. В 80-е годы, используя ранний вариант квадратичной модели, автор этой книги предположил, что константа 0,62 не связана специфически с оценкой людей. Она должна появляться при оценках любых объектов, если у испытуемых нет какого-либо объективного критерия. В экспериментах с людьми эта константа появляется потому, что испытуемые лишены объективного критерия, позволяющего им установить, является данный человек сильным или слабым, решительным или нерешительным и т. д. Чтобы проверить предположение, что константа 0,62 не связана специфически с оценкой людей, Викторина Лефевр провела следующий эксперимент. Большое число фасолин, похожих друг на друга, были помещены по две в прозрачные конвертики. Каждому испытуемому предлагалось оценить каждую пару как “хорошую” или “плохую”. Доля позитивных оценок оказалась равной 0,62” (235, с. 290–291). 0,62 – это золотое сечение. В. Лефевр делает вывод, что “в случае, когда существуют депрессирующие факторы, вероят-

ность должна снижаться, но не опускаться ниже 0,5. В случае же, когда есть факторы, увеличивающие оптимизм субъекта, вероятность должна увеличиваться, но не превосходить 0,75” (там же).

Результат экспериментальной проверки о влиянии “настроения” испытуемых на частоты позитивных выборов подтвердил выдвинутое предположение: “Соответствующие эксперименты были проведены Адамсом-Веббером и Родни (Adams-Webber & Rodney, 1983). Испытуемые, оценивающие своих знакомых, были разбиты на три группы. В инструкции, даваемой первой группе, испытуемым предлагалось представить себя успешными и удачливыми. Вторая группа получила нейтральную инструкцию. Наконец, в третьей группе испытуемым давалась депрессирующая инструкция, их просили представить себя неудачниками. В соответствии с квадратичной моделью, для испытуемых первой группы $os \geq 1/2$, поэтому они должны оценивать своих знакомых с частотой, большей 0,634. Для испытуемых второй группы $os = 1/2$, поэтому частота позитивных оценок должна быть 0,62 – 0,63. Наконец для испытуемых третьей группы $os < 1/2$ и частота позитивных оценок должна быть меньше, чем 0,62. Этот эксперимент был проведен дважды, и были получены следующие частоты позитивных оценок:

первая группа	вторая группа	третья группа
0,66	0,63	0,60
0,67	0,62	0,55

Мы видим, что эти данные соответствуют предсказанию модели” (с. 292).

Оказалось достаточно “тепло”: почти на две трети психика человека сориентирована на предпочтительную оценку Добра, а не Зла, т. е. она ориентированно оптимистична. Налицо и позитивное влияние на оценки “хорошего настроения” и негативное – “плохого”.

К знаково-символическим признакам радости и оптимизма относятся порывистые уверенные движения, выразительная энергетика тела, живой блеск глаз, доброжелательность мимики. Все это успокаивает относительно агрессивности и опасности, настраивает на уверенность, заражает хорошим настроением, стимулирует эндорфинные всплески и активность в центре удовольствия. Но, быть может, наиболее ярко и точно проявляют радость и оптимизм личности улыбка и смех, о чем я уже говорил.

В семье двое детей – один пессимист, а другой оптимист. Приближается Новый год. Решили их родители “уровнять”, ну чтобы не такие крайности были, и приготовили подарки: пессимисту лошадку, а оптимисту кучу конского навоза. Утром дети просыпаются...

Пессимист:

– Нууу, лошадкааа... Маленькая, а я хотел большую... коричневая, а я хотел серую в яблоках... Деревяннаааяяя, а я хотел живууюуюуюю...

Оптимист:

– А у меня – живая! Только вот убежала...

Фасцинация как способ выхода из скуки

Из плохого настроения и скуки психика ищет и находит выход в фасцинации.

Голландский философ Ф.Р. Анкерсмит (F.R. Ankersmit) справедливо считает, что “банальная скука не является такой уж необязательной и безобидной, какой она может показаться на первый взгляд. Подвешивая или даже вовсе оставляя не у дел те адаптивные инструменты, которые до сих пор обеспечивали контакт с внешней реальностью, она высвобождает силы воображения, создающие новую конфигурацию действительности. Поэтому скука оказывается необходимым партнером фасцинации” (Sublime Historical Experience. Stanford/Cambridge: Stanford University Press, 2004 (forthcoming)). Поскольку фасцинация – мобилизатор негэнтропии, воли к жизни и эмоций, от энтропии в первую очередь спасает психику именно она.

Не зная о существовании фасцинации, это интуитивно понял еще Пифагор, который советовал в часы печали и уныния уединяться от суеты и слушать музыку. Нашему современнику великому физика Стивену Хокингу в трудные годы борьбы с неизлечимой болезнью помогала выстоять музыка Вагнера, которую он слушал сутками. Музыка, эта чистая фасцинация, для того и родилась в человеческом обществе, чтобы усмирять регрессии и умиротворять печали.

С формированием человека возникла еще одна громаднейшая проблема, на которую до сих пор обращается мало внимания и о которой я говорил выше: чем занять, или точнее, чем заниматься тем 35% нейронов мозга, которые жаждут активности, которые не могут находиться в состоянии покоя и “ничего неделания”? Эти клетки и мозговые модули наряду с прочими функциями приобрели такие нагрузки, как образная память, прогнозирование и планирование будущего. У них образовались периоды незагрузки или недогрузки. И тогда, как мне представляется, эволюция предоставила им возможность упражняться, еще и еще раз проигрывать ситуации удач и особенно неудач, создавать в воображении альтернативные образы поведения в ситуациях проигрыша и печального опыта, давать подробную и разнокартинную развертку ситуаций типа “если бы...”, ситуаций возможного. Замечательное занятие, одновременно адаптационное и... игровое. Мозг стал играть образами, ситуациями, планами, связями в воображении. Понятно, что к этому должны были добавляться и добавились мечты, грезы, фантазии, – вплоть до иллюзий и наваждений. И фантастические, сюжетные, вещие сны.

Одним словом, **мозг научил сам себя игре в воображении с окружающим миром и... самим собой, он научился занимать себя в минуты своего внутримозгового свободного времени.** И эту способность следует, на мой взгляд, рассматривать как огромной важности эволюционно-адаптационное приобретение негэнтропийного свойства. Другими словами, мозг с приобретением способности “выдумки” обрел антиэнтропийное средство в виде аутофасцинации. Уверен, что количество нейронов, нацеленных на активное восприятие, у человека значительно больше, чем у крыс, не 40 %, а все 50%, а то и больше (поэтому так томительно безделье). Об этом пока можно говорить только как о гипотезе, поскольку такого рода исследований не проводилось, но именно более высокая активность человеческого мозга в гораздо более активной среде обитания позволяет сделать такое предположение. Аутокомму-

никация и аутофасцинация и есть те состояния психики, которые должны обеспечиваться более интенсивной нейронной активностью.

Таким образом, первым негэнтропийным выходом из разрушительного влияния плохого настроения и скуки я назвал бы фантазию, воображение, аутофасцинацию. То, что всегда с собой и при себе. Эти 40, а возможно и все 50 % вечно активных нейронов мозга, которые не могли себе позволить киснуть и атрофироваться, изобрели для себя свою нейроигру – фантазирование и грезы. Замечательно фасцинирующую, красочно-образную, увлекательную игру, где сам себе хозяин. Эта фантазмическая игра не спасала в полной мере, скорее, она спасала на какое-то время, пока жизнь не переменится в лучшую сторону, но все же помогала. Но она была и опасной, поскольку могла увести в такие фасцинирующие миры, откуда уже либо не хотелось бы возвращаться, либо не было сил. Так, возможно, и появились аутизм и шизофрения.

Но к аутофасцинирующей игре, поскольку модель выдумки могла охватывать все что угодно и превращать все в игровые образы, человек добавил игру групповую, игру соревнование и игру-хитрость-проделку. Теперь уже можно было не просто убить скуку, но увлечься игрой, не замечая времени, и войти в азартное состояние, в котором не то что о скуке, о самом себе забудешь. Вместе с игровым интересом и волнением возникла опасность доминантной игровой страсти. В деревнях дети могли играть в городки или футбол днями напролет. Добавив к игре вещный (денежный) стимул-выигрыш, человек превратил игру в двойной азарт – от процесса игры и удовольствия получения богатства, грозящий уже опасной психологической игроманной зависимостью (гемблингом).

В рамках аутофасцинации родился такой феномен страстного ожидания и сенсорного дефицита как галлюцинации. Отшельникам грезились женщины до галлюцинирующих наваждений с оргиями и перверсиями, искушения-фантазии о радостях жизни, как фантазируется еда при голоде и оазис с водой при жажде в раскаленной пустыне. Не все выдерживали, нередко фантазии и галлюцинации побеждали.

Еще одним механизмом преодоления социальной или структурной энтропии стала социальная аффилиация, тяга к себе подобным, стремление сбиться в кучку, потеться друг о друга, а у людей еще и просто поговорить, поболтать ни о чем. Врожденное влечение к себе подобным, особенно к дружески настроенным. Э. Берн назвал это состояние структурным голодом и связал его наряду с прочим с необходимостью избегать скуки. Если скука, тоска длится достаточно долгое время, то они становятся синонимом эмоционального голода и могут иметь те же последствия. Структурный голод столь же важен для жизни, как и сенсорный голод. Потребность в общении и признании связаны с необходимостью избегать острого дефицита эмоциональных стимулов, так как такой дефицит ведет к социальной апатии и в конечном счете к биологическому вырождению. У животных снимает напряжение структурного дефицита эффект группы. У человека на его активность при выполнении того или иного задания благоприятно влияет присутствие других людей, вовлеченных в ту же деятельность. Людям больше нравится посещать театры, когда они полны, обедать, когда другие тоже едят, и бегать, соревнуясь с другими, а не в одиночестве. В основе данного феномена лежит тот факт, что поведение одного человека влияет на поведе-

ние другого. Но, разумеется, лучше, чтобы это было влияние фасцинативных, а не антифасцинативных людей.

В массовом взаимодействии аффилиация тесно связана с феноменом выравнивания настроения толпы по высшей амплитуде как в сторону экстаза, так и в сторону крайнего отчаяния, что подтверждается фактами плясок Витта или массового суицида. Заражение и эмоциональный резонанс являются психофизиологическими механизмами выравнивания. Но тот пусковой механизм, который нацеливает на восприятие высшей точки-парадигмы для подражания и резонирования, должен быть очень заметным, сильнодействующим, эффективным. Им и является сигнал настроения, исходящий от ключевых фигур: их мимики, пластики, голоса и харизмы. Этими фигурами, как правило, являются харизматические лидеры, сигналы-Образы которых усиливаются и подкрепляются их ближайшим окружением (апостолами), а иногда и наянтыми для этой цели клакерами.

Самыми законченно целесообразными с негэнтропийной точки зрения в рассматриваемом мною дискурсе оптимизма и хорошего благотворного настроения являются в человеческом обществе процессы, названные В. Гэрнером “коммунитас”, к которым относятся этнические праздники, уходящие своими корнями в глубь тысячелетий. Массовые ритуалы коммунитас всех времен и этносов создавались по этому закону фасцинативной фасилитации и выравниванию настроения. Праздничные ритуалы позднее трансформировались также в замечательно фасцинативные, негэнтропийные, снимающие скуку народные карнавалы.

Но не все так хорошо и целесообразно в развитии социальных способов поднятия настроения и выходы из атак скуки. Наряду с весьма позитивными формами человек приобрел и весьма негативные. В первую очередь, к последним необходимо отнести наркотики и галлюциногены.

Наркоманная фасцинация была изобретена и стала широко использоваться многими народами древности также из противостояния плохому настроению и скуке. И до сих пор в перечне причин пробоования и пристрастия к наркотикам молодые люди называют прежде всего две: плохое настроение и восхитительную фасцинацию от “дозы”. Племена Америки жевали с этой же целью коку. И продолжают жевать уже много тысяч лет. “На покури, – предлагают тоскующему пареньку папироску с гашишем опытные курильщики, – как рукой снимет”.

В 2004 г. американо-китайская группа археологов обнаружила самое древнее свидетельство употребления человеком алкоголя. Раньше полагали, что первооткрывателями алкогольных напитков – вина и пива – были древние жители Ближнего Востока. Однако открытие, сделанное учеными Университета пенсильванского музея археологии и антропологии, показало, что китайцам удалось приобщиться к алкоголю значительно раньше других. Ученым удалось собрать черепки шестнадцати глиняных сосудов на месте древней деревни Цзяху (Jiahu) в провинции Хэнань. Химический анализ фрагментов глиняной посуды, найденной на раскопках неолитической деревни в Китае, выявил, что в сосудах хранился алкогольный напиток. Возраст сосудов – приблизительно 9 тыс. лет. Прежний рекорд принадлежал иранской находке, возраст которой составляет около 7 400 лет.

Марлин Добкин де Риос, изучившая проблему применения галлюциногенов, при-

шла к выводу, что галлюциногенные растения человек начал употреблять в эпоху палеолита, по крайней мере, сорок тысяч лет назад (132).

Наиболее популярным “антидепрессантом” с древности был опиум и различные опиаты. Об использовании опиума при лечении депрессий упоминается еще в трактатах древнеримского врача Галена (130 – 200 г. н.э.)

Галлюциногены часто определяют как “наркотики, изменяющие сознание”, так как зачастую они не вызывают галлюцинаций, а искажают самоощущение наркомана. В группу галлюциногенов входят очень разные по химическому составу продукты, некоторые из них натурального происхождения. У наркоманов большинство галлюциногенов носят объединяющее название “кислота” (по-английски *Lacid*). Произошло оно от химического названия LSD – “диэтиламид лизергиновой кислоты”. Помимо основного эффекта галлюциногенов – искажения восприятия окружающего мира и самоощущения – практически все они вызывают сдвиг настроения в сторону улучшения (иначе бы их никто и не принимал). Чаще всего их принимают на вечеринках и танцплощадках. Они способны вызвать иллюзию необыкновенной легкости. Поэт Теофил Готье вспоминал об употреблении гашиша: «...вдруг, внезапно красная вспышка пронзила мои веки, бесчисленные свечи взорвали темноту и я погрузился в теплый, чистый жар. Я точно знаю, что находился в том же месте, но оно казалось таким, каким бывает набросок по сравнению с картиной: все было больше, богаче, более пышно. Реальность служила только отправной точкой великолепия галлюцинаций... Под действием гашиша я чувствовал себя счастливым. Я больше не чувствовал своего тела; причинные связи и дух были сильны; с помощью совершенной силы я поместил себя в неустойчивое состояние. Так, мне представилось движение душ в райском мире, куда мы все должны отправиться после смерти. Голубоватая дымка, свет Ильзиана, отблески лазурного грота формировали атмосферу в помещении, где я смутно видел трепещущие, непонятные очертания; атмосфера была одновременно и жаркой и прохладной, влажной и сухой, она окутывала меня подобно сладкому желе. Когда я попытался двинуться прочь, ласкающий воздух создал тысячи роскошных волн вокруг меня; восхитительное томление пронизало мои чувства и отбросило меня назад на софу, где я “прилип” и расслабился подобно сброшенной одежде. Тогда я понял степень совершенства удовольствия, испытываемого духами и ангелами, парящими в эфире и на небесах, и как хороша вечность в раю...”

Какой бы способ борьбы со скукой и поднятия настроения ни взять, пусть это будут даже и наркотики и алкоголь, сердцевиной их является фасцинаторное действие сигналов-Образов и связанных с ними удовольствий от совместного праздничного восторга до кайфа от коки.

При этом следует особо подчеркнуть, что фасцинация эта в большинстве случаев еще и массовая. Именно массовая фасцинация лежит в основе всех первобытных ритуалов и празднеств. И по всей вероятности, именно способность поднимать индивидуальное и общественно-групповое настроение превращало фасцинативные сигналы-Образы в вид особого рода социальной коммуникации, которая, с одной стороны, выполняла роль оптимистического стимулятора, а с другой – цементировала социум в спаянную радостно-оптимистическую, горделивую структуру. Понятно, что фасцинации и ее сигналам уделялось огромное внимание и изощренное изобрета-

тельство, что привело к появлению музыкальных инструментов, хореографии, пения и театрального искусства. Эмоциональный радостный подъем становился результатом fascinативной деятельности, в которой постепенно стали выделяться наиболее искусные исполнители и режиссеры, превратившиеся в профессионалов-фасцинаторов: певцы, ораторы, музыканты, колдуны, шаманы. Их профессиональной ролью, наряду с прочим, было спасать соплеменников от дурного настроения и скуки. Можно сказать, что в самом начале истории они вычленились в социальной структуре как сценаристы и режиссеры волнующего настроения: шаманы, колдуны, акыны, певцы гимнов, музыканты, затем к ним добавились мимы и пантомимы, скоморохи, шуты, а еще позднее шоумены, массовики-затейники и т. д.

Таким образом, глубинными основами возникновения всех искусств необходимо признать спасение от дурного настроения через изобретение многообразных форм массовой fascinации – до создания грандиозных массовых зрелищ, ярким историческим примером которых могут служить зрелища, устраиваемые в римском Колизее. С тех времен мир все более и более обретал форму массового Колизея.

Нельзя не сказать о еще одной уникальной и чисто человеческой форме ухода психики в радость бытия, какой является творческая увлеченность или то, что Чиксентмихали (M. Csikszentmihalyi) в своей работе, озаглавленной “По ту сторону скуки и тревоги”, назвал “радостью от активности”. Чиксентмихали попросил шахматистов, хирургов, танцоров и альпинистов описать свои профессиональную и осуществляемую на досуге деятельность и прошкалировать то радостное ощущение, которое они испытывают при этом. Выявившееся при опросе центральное описательное понятие он обозначил как “поток” (flow). “Поток” представляет собой радостное чувство активности, когда индивид как бы полностью растворяется в предмете, с которым имеет дело, когда внимание всецело сосредоточено на занятии, что заставляет забывать о собственном “Я”; “поток” есть “целостное ощущение, испытываемое людьми, когда они полностью отдаются своей деятельности”. Если возможности резко превышают сложность задания, то возникает скука, в противном случае появляется тревожность. Если же сложность задания превышает возможности субъекта лишь незначительно, то налицо условие для переживания “потока”. Это условие соответствует предпочитаемому уровню притязаний ориентированных на успех людей, оно максимизирует внутреннюю локализацию причин достигнутого результата действия. Оно приводит также, если следовать логике Чиксентмихали, к размыванию различий между игрой и работой. Переживание “потока” не есть какое-либо исключительное событие, оно появляется также в форме “микротока”, в различных мелких и незначительных повседневных эпизодах, таких как мечтания (или фантазии), напевание, посвистывание и т. п. Чиксентмихали просил испытуемых в течение дня подавлять такого рода эпизодические активности и обнаружил, что депривация “потока” делала людей усталыми и утомленными, усиливала головные боли и раздражительность, мешала расслаблению и сосредоточению. Повседневная рутинная деятельность становилась человеку в тягость, а спонтанная творческая активность уменьшалась (по 516).

Важнейшим видом fascinации, эволюционно призванной повышать негэнтропию поведения живых существ и переводить его в режим максимальной активности и удовлетворенности бытием, является экстремальная fascinация и коммуникация.

Экстремальная фасцинация

Extremus – крайний. Крайняя, экстремальная или экстремобилизующая фасцинация является, как я полагаю, ключевой в жизни животных и человека. Мир экстремального поведения – это мир острых ощущений, таких ощущений, которые продуцируют эмоции и аффекты волнения, испуга, эмоционального шока, бурной радости. Сигналы об экстремальной ситуации и экстремальном волнении-наслаждении фасциновы всегда.

Экстремальная фасцинация – это импрессионизм и экстатический всплеск волнующих эмоций, часто на грани возможного, когда холодеет и замирает сердце, охватывает столбняк и округляются глаза от шокового удивления, а то и страха. Так, в частности, действует на зрителей фильмы ужасов, захватывающие экстримтриллеры, экстремальные зрелища скоростных автомобильных гонок, боев без правил, затяжных прыжков парашютистов, фиксированных канатом прыжков с мостов и скал.

Сразу приходят на ум ситуации, вызывающие испуг и страх. Сигналы опасности всегда экстремальны и по их продуцированию (сигнальный крик, резкие движения телом, раздувание тела и т.п.), и по двигательным реакциям на них (стремглав наутек или яростная защита), и по аффектам (крики паники, ярость, ужас с оцепенением и т.п.). Негативные эмоции почти всегда аффективны, особенно при регрессии, и потому театрально-экспрессивны. Обнаженные в яростном крике зубы так похожи на клыки тигра! А истерический показной хохот истерички бросит в дрожь кого угодно.

Можно сказать, что если фасцинация обычного плана чарует и пугает, то экстремальная – оглушительно чарует и шокирующе пугает.

Азартное волнение, состояние, сравнимое с оргазмом, – вот пружина тяги людей к экстремальности. Миллионы лет надо быть добивавшимся успеха охотником и спасающейся-спасшейся жертвой, чтобы подобное волнение засело внутри клеток организма на веки вечные. Находиться на грани смерти и выжить – вот истоки экстримазарта-наслаждения. На краю пропасти. Прыжок через ущелье или ров. Прыжок в пропасть или бездну океана. Все эти ситуации обычны для большинства животных. Даже медведю или льву попасть на рога лося или буйвола – малоприятная процедура. Сломанная нога гепарда – это гибель для него. Газели Томпсона молодецествуют перед львами, подпрыгивая повыше. Они играют со смертью, привлекая внимание к себе и спасая, возможно, тем самым более слабых собратьев. Гиене, решившей занять место вожака стаи, нужно непременно разозлить льва и спастись. Или погибнуть с переломленным хребтом.

Вряд ли жизнь первобытного охотника была менее экстремальной, чем жизнь животных, на которых он охотился. За ним тоже охотились. Или могли напасть по недоразумению – тех же гадов ползучих и жалящих было пруд пруди. Удивительно ли, что человек с младенчества боится змей, а разинутая пасть хищника ввергает в ужас? Не оттого ли страсть детская играть в догонялки-страшилки? С восторгом до визга, горящими от волнения глазами и лихорадочным стуком сердца. Ребенку страшно нравится, если папа или кто-то из братьев или сестер постарше делает страшно-зверское лицо, рычит и неожиданно бросается догонять. Восторгу от такой игры нет предела. А ведь эта игра – повторение усвоенного миллионами лет урока экстремальной опасности от нападения хищника, затаившегося в зарослях, и радости спасения.

Ушла опасность охоты и спасения, но инстинкт остался. И он находит компенсацию в экстремальных играх и искусственно создаваемых ситуациях экстремальной опасности. Кто-то прыгает с самолета в затыжном прыжке, другой играет в карты с опасностью потерять все имущество (дворяне проигрывали поместья) или жизнь (так бывает в блатном мире), а есть и такие, страсть к экстриму которых может умирить только “русская рулетка”.

Общее правило нейрогормональной реакции на экстремальные раздражители, в первую очередь опасные или предположительно опасные (пистолет-зажигалка так же пугает, как и настоящий), – стресс, волнение, любопытство. В целом в организме человека первым и наиболее интенсивно реагирует на любое внешнее раздражение гипоталамус. Он посылает сигналы в гипофиз, который выделяет гормоны, чутко улавливаемые многими тканями и органами, в первую очередь надпочечниками. Те в ответ “выпускают” (секретируют) в организм адреналин. В результате стенки сосудов резко сужаются, повышается артериальное давление, учащаются пульс, дыхание, нарастает мышечное напряжение, увеличивается содержание сахара в крови. Но есть люди (и животные), у которых в острострессовой ситуации выделяется норадреналин, гормон храбрости. Норадреналиновые люди в стрессовых ситуациях быстро мобилизуются и готовы, как говорится, встать грудью. Надпочечники кролика – очень тревожного существа вырабатывают в основном адреналин, а надпочечники хищных животных, например, льва, – норадреналин.

Соединение волнения и страха в единый комплекс создает то, что можно назвать экстремально-сладким волнением, и обеспечивается сигналами-Образами экстремальной фасцинации, которые применяются в человеческом общении с первобытных времен и по нарастающей, но природа которых почти не изучена. Потребность человеческой психики в экстремальных удовольствиях и встряшках, удовлетворяемая на американских горках, в комнатах ужасов и в прыжках с высотных зданий, замечательно эксплуатирует индустрия досуга и экстремальных развлечений.

Попытаюсь раскрыть некоторые особенности экстремального поведения и наслаждений в дискурсе феномена фасцинации.

Экстремальная фасцинация и потребностно-сенсорный дефицит

Вид куска хлеба для изголодавшегося равносильно воздействию яркой вспышки света или оглушающего выстрела. По сути, вся разница в том, что включается пищевой рефлекс со слюноотделением и прочими соответствующими пищеварительными процессами. Эмоциональная же встряска в целом, по всей видимости, идентична.

Мучения от метаболического дефицита столь сильны, что при сигнале о возможном удовлетворении угнетенной базовой потребности в мозгу создается мгновенно доминанта на овладение предметом дефицита, сопровождаемая регрессивными аффектами: яростное, резкое схватывание пищи, хватание и разрывание ее руками и зубами и т.п., вплоть до издаваемого при этом некоего комплекса звуков, похожего на рычание и урчание. На этой мучительности дефицита удовлетворения вырос в чело-

веческих отношениях садизм сатрапов, дознавателей и палачей. Один из образов-клише литературы и кино – дознаватель, с наслаждением смакующий пищу и питье на глазах доведенного до иступления голодного подследственного. Во времена ГУЛАГа в поездах, везущих заключенных в лагерь, им, голодным, раздавали соленую селедку, а потом не давали пить. Некоторые от жажды сходили с ума. Рассказы об этом садизме я слышал от бывших политических эзков. Вид куска хлеба или кружки воды сводил их с ума. В дискурсе теории фасцинации это были экстрафасциативные сигналы и фасциаторное их действие, перечеркивающее, “стирающее” в мозгу абсолютно все и освобождающее место для доминанты насыщения.

О том, что происходит в организме при неутоленной базовой потребности, проведены тысячи исследований и написаны тысячи книг. Значительно меньше исследований и описаний эмоциональной стороны метаболического дефицита. Чаще всего этот аспект изучался как разновидность сенсорного голода в экстремальной психологии. И совсем почти нет исследований о действии сигналов-Образов метаболического дефицита, т. е. того, что происходит в мозгу и в гормональных системах при воздействии сигнала о возможном приведении его в комфортное состояние. Эксперименты И. П. Павлова дали лишь некоторое представление о таких реакциях на сигнал в виде интенсивного выделения слюны, выработки веществ для пищеварения и др., об образовании условного рефлекса на базе этих безусловных реакций, но мало коснулись тех нейрофизиологических и нейропсихологических процессов, которые происходят при такой сигнализации. Кроме представления о том, что в мозге образуется некое генерализованное возбуждение. Открытие доминанты А. Ухтомским и центров удовольствия и наказания Дж. Олдзом приоткрыли занавес, но далеко не полностью. Магнитно-резонансные сканирования дали бы в этом плане очень много, но пока исследователей больше интересует то, что происходит при воздействии “чарующих” сигналов, связанных с симпатией, любовью, наркотиками и пищевыми удовольствиями. Здесь уже накоплен огромный материал, данные которого подтверждают гипотезу о базовом подключении в такого рода “предвкушающей сигнализации” системы подкрепления и эндорфино-серотонино-дофаминовой гормональной системы. Там зарыта собака улаждающих аффектов. Можно предполагать, что при мучительном дефиците питья и предъявлении питья как сигнала в мозгу должен создаваться оглушительный всплеск активности всех структур, связанных с подкреплением. Но при этом всплеске возможны и какие-то иные гормональные и нейронные реакции, прежде всего агрессивного и регрессивного плана. Страстно набрасываясь на пищу, голодный пес при этом рычит, скалится, боится, что удовлетворение голода кто-нибудь прервет. В глазах его сверкает затаенная ярость, готовность мгновенно броситься на возможное препятствие. Можно предположить, что в мозгу в этот момент складываются доминанта на насыщение с поддоминантой на защиту насыщения от возможных посягательств. Подобную картину можно видеть на кадрах съемок львов или леопардов, которые начинают питаться только что убитым животным и их откуда ни возьмись окружает стая голодных и яростных гиен.

Повторюсь: в рамках теории фасцинации очень важно отметить в связи с ситуациями резкого дефицита удовлетворения базовых потребностей, что абсолютно все, что

пробуждает надежду на удовлетворение, становится экстремальным фасциативным сигналом, мгновенно приводящим к образованию доминанты, “стиранию” и эмоциональным аффектам максимального энергетического наполнения. Животное и человек становятся на время насыщения яростными фанатиками. Садизм, дрессировка, приманки – все эти явления опираются на такого рода экстремальную фасцинацию.

Другим видом дефицита, рождающего экстремальную фасцинацию, является так называемый “сенсорный голод”, “сенсорная депривация”, дефицит сенсорных ощущений о мире. Сенсорика создана, чтобы жить под постоянным напором ощущений. Недостаток сенсорных впечатлений от реальной действительности для первой сигнальной системы может принимать катастрофические формы.

На последствия сенсорной депривации в свое время обратил внимание еще И. П. Павлов: “...у профессора Штрюмпеля случайно оказался в больнице больной, у которого была настолько повреждена нервная система, что из всех воспринимающих поверхностей остались только два глаза и ухо. И вот, как только эти последние уцелевшие окна из внешнего мира закрывались, больной тотчас же впадал в сон. Таким образом, получалось полное подтверждение того, что для бодрствования, деятельного состояния больших полушарий необходим известный минимальный приток раздражений...” Сто с лишним лет назад в своей классической работе “Рефлексы головного мозга” И. М. Сеченов писал о том, что одним из необходимых условий нормальной психической деятельности является известный минимум раздражителей, поступающих в мозг от органов чувств.

Дефицит солнечного света при полярной ночи болезненно отражается на психике северян. Исследователи жизни полярников отмечают, что на Севере метеорологические факторы способствуют однообразию, монотонности образа жизни, так как ограничивают возможность бывать вне помещения. Особенно резко эта монотонность проявляется в зимние месяцы, поэтому-то именно в это время года чаще регистрируются случаи общего ухудшения самочувствия, заторможенность, замкнутость, вспыльчивость, повышенная раздражительность. В резкой форме может проявляться психическая несовместимость, изменения в состоянии здоровья полярников, вызванные длительной сенсорной недостаточностью. Нервные срывы могут проявляться как неадекватные реакции на вполне безобидные замечания. В крайних случаях нарушение деятельности центральной нервной системы ведет к психозам и проявлению симптомов фобий, навязчивого состояния страха, развивающегося при некоторых психических заболеваниях.

В данном контексте необходимо говорить уже не о фасцинации, а об афасцинации среды, о ее монотонности, серости, исключении из ее состава целых сфер раздражителей, как происходит в экспериментах в сурдобарокамере или при погружении в подземные лабиринты. Исключение раздражителей способно вызывать галлюцинации, головокружение, психозы. Превратить среду в афасциативную – значит в известной мере свести человека с ума. При конструировании среды обитания, особенно в крупных городах, с неумолимостью закона вступают в действие фасциативные и афасциативные факторы. Безликие, монотонные, серые города и кварталы настолько угнетают сенсорнику, что приводят их жителей к депрессиям и психозам. Этот процесс давно отмечен психологами и психиатрами. Проблема создания фасци-

но-экологических технологий организации городской среды становится для человечества актуальнейшей задачей (подробнее об этом в разделе “Фасциноэкология”).

Экстремальная фасцинация и социально-структурный дефицит

– Не хочу жить на обочине!
Возглас провинциальной
девушки

Не менее актуальное значение для существования всего живого имеет социально-структурная депривация (я ухожу здесь от термина “структурный голод”, хотя речь идет о близких состояниях). Социально-структурная депривация – это дефицит социальных и групповых эмоциональных связей и отношений. Все живые существа, живущие стаями, семьями, стадами, испытывают угнетенность, доходящую до смерти, от одиночества. Как отмечает Р. Шовен, пчелы, муравьи при их изоляции от родного сообщества умирают через 1–3 суток. И напротив, как только к муравью подсаживают двух-трех собратьев, он оживает (461). Многие этнографы отмечали такую особенность психологии примитивных народов, как невозможность их продолжать жить вне племени. Часто изолированные по тем или иным обстоятельствам туземцы ложились и умирали. При полном сохранении соматики в норме.

Наиболее известным и знакомым почти всем людям является феномен угнетенности психики при дефиците общения, особенно резко действующем в детском и подростковом возрасте. Жажда пообщаться – одна из страстных потребностей юного возраста. И не только юного, с той только добавкой, что она с возрастом становится менее угнетающей, а есть даже люди любящие одиночество.

Другой формой гнетущего воздействия структурного дефицита является социально организованное наказание в виде лишения свободы и особенно заключение в одиночные камеры в тюрьмах. Об эмоционально-психологическом состоянии заключенных существует огромная литература, особенно художественная. Требование реализма изображаемых состояний побуждали некоторых писателей мечтать о камере-одиночке, как описал эту свою “мечту” Л. Толстой в своих дневниках. Ф.М. Достоевскому судьба “подарила” опыт дефицита, и он использовал его в своих произведениях, особенно в “Записках из сумасшедшего дома”. А. Камю, правда, отметил и такой ракурс одиночного заключения, как наслаждение от одиночества для творческого человека: “Смерть в одиночной камере приговоренного к пожизненному заключению и... невиновного. Что может быть ужаснее? А он, быть может, как раз и счастлив – он творил нечто, захватившее всю его душу сполна”.

В любом случае состояние человека в условиях структурного дефицита иное, чем при нормальной структурной включенности, и отличие идет в сторону именно угнетенности, сужения сознания в депрессивность и психозы. Сигналы о возможной включенности или даже напоминание о прошлой включенности действуют на человека экстремально. Поэтому один из опять же садистских приемов дознания заклю-

чается в игре с подследственным в обещание свободы или избавления от несвободы. Вид структурного изобилия – праздника, зрелищ, массовых увеселений и т.п. – является мощным фасциативным рекламным трюком, поскольку возбуждает доминантность врожденных структурных удовольствий, так важных для наслаждения жизнью для любого человека. Как разрушительно влияет дефицит наслаждающей эмоциональной структуры, ярче всего видно на конфликтах любви и дружбы.

“Не хочу жить на обочине!” Такой возглас я услышал однажды из уст провинциальной уральской 19-летней девушки. Этот вопль как каинова печать присутствует на лицах молодых существ всех веков человеческой цивилизации. Исход деревни в столицы – это исход в мир фасциации из мира угнетающей афасциации. И он неустойчив и неостановим. Жить на обочине полнокровной, искрометной, пышущей весельем и фасциациями жизни невыносимо больно. Смертельно невыносимо. Крупный город в этом отношении выглядит и приманивает как фасциация социально-структурного изобилия. Тоска жизни на обочине во все века толкала молодые, жаждущие полнокровности существа в столицы и крупные города. В провинции жить было скучно. Это знали все правители. Удалить от двора и столицы ссылкой в провинцию было сильнейшим наказанием. Уже в Древнем Риме неугодных императорам поэтов ссылали в далекую провинцию. Эта пытка была им хуже смерти. Ее испытал Овидий.

Пушкина ссылали в Одессу и Молдавию. Если бы не амурные похождения, он сошел бы там с ума. Он и в Михайловском сходил с ума, рвался в Петербург. Сказка о перебежавшем дорогу зайце хороша не только как пример оберегавшей поэта судьбы, но и как индикатор его невроза, требовавшего столицы, интеллектуального общения, друзей-декабристов, светских красавиц.

А кто рвется в провинцию? Помнится, в предперестроечные времена в деревни поехали писатели-“деревенщики”, некоторые и обосновались там, как Василий Белов. Мечтал о жизни в Сrostках Василий Шукшин. Вернулся к деревенским истокам Виктор Астафьев. А еще раньше переселился в деревню М. Пришвин и замечательно там жил. Правда, имел квартиру и в Москве, куда наведывался частенько... Вот это – жить в деревне, но чтобы и квартира в Москве (Екатеринбурге, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и т. д.), – очень характерная черта многих, кого потянуло к истокам, к той нежной провинции, из которой они вышли когда-то в “столицы”.

Но главное: возвращаются те, кто осознал великую красоту природы и жития в небольшом селении, кто почувствовал потребность отрешения от суеты столиц, кто стал жить наслаждением глубокого философского размышления. Как Виктор Астафьев. К концу жизни уединился в деревню философ М. Хайдеггер (но тоже имел квартиру в крупном городе). Правда, “уединиться в деревню” в маленькой Европе – это вовсе не то же самое, что в необъятной России. Да и деревня там и тут – совсем уж разная. Тем не менее – деревня, провинция, отрыв от столичной цивилизации, деревья, крики петухов, покой.

Ждать, а тем более требовать, подобного состояния души от юного растущего существа, живущего где-нибудь в “тьмутаракани”, было бы в высшей степени неприлично, и уж совсем неумно. Провинциальная неторопливость, размеренность, однотонность и покой для него хуже петли. Душа его жаждет как раз непокоя, веселья,

шума. Юное существо жаждет не глубоких силлогизмов о смысле жизни, оно всеми своими биологическими и физиологическими, дарованными природой структурами насыщения нацелено на яркие радостные впечатления от жизни, оно поворачивается к ним, как шляпка подсолнуха к солнцу.

Жить на обочине для молодого человека, значит жить вне той лавины ярких праздников, эффектных “тусовок” и сумасшедшей свободы выбора острых ощущений, в которой пребывают ежедневно те, кого он видит на экране телевизора в своей провинциальной квартирке или домишке. Есть от чего с ума сойти. Они – там, а ты – тут, на обочине. Мечта вырваться и закрепиться там, в этом круговороте праздников и свободы, – мечта почти любого юного существа всех стран и народов земного шара на протяжении вот уже нескольких тысячелетий.

Юное существо готовится или бунтует. Готовится к тому, чтобы перескочить разделяющее его и столицу пространство. Девушки готовятся стать невестами столичных принцев. Они учатся красить ресницы и выщипывать брови. Те, что посмекалистее, учатся танцевать и правильным манерам. Юноши стараются что-нибудь постигнуть (хотя бы те же компьютеры), но надеются больше на свою молодую энергию и готовность к непрестижным работам. Для начала. Многие из них четко уловили, что все американские миллиардеры начинали с чистки сапог и продажи газет.

Многие разжигают мечту, съездив в столицы, понюхав их атмосферу. Но одно дело прогуляться по столице и совсем другое – закрепиться в ней. Столица никого не ждет с распростертыми объятиями. Москва слезам не верит. Более того – столица враждебна любому натиску провинциальных юных существ, она их “перемальвает” в муку, как мельница пшеничные красивые зерна. Она предоставляет только два выбора: либо быть затянутым на дно столичной жизни, либо вернуться домой в глубоком разочаровании и со следами изрядной помятости. И тот и другой выходы, по сути, и не выходы вовсе, а человеческая беда.

Но для тех, кто прикрепился каким-нибудь способом к столице, приходит беда другого сорта – беда прозябания в статусе человека второго сорта. Миллионы так называемых лимитчиков Москвы из советского прошлого – это молодые провинциалы России, напрягающие все свои силенки, чтобы зацепиться, прижиться, остаться в столице. Феномен лимитства – грандиозное унижающее человеческое достоинство изобретение коммунистов, трубивших о “свободе и равенстве” и создававших рядом, под боком, у самого Кремля многомиллионный слой людишек второго сорта для использования их на стройках, в заводских цехах, на подсобных работах. Класс лимитчиков в теперешней России заменен классом мигрантов-артбайтеров, вынужденных чаще всего влачить существование в полуживотных условиях.

Прорваться на верхние ступеньки социальной стратификации в столицах удается немногим, в основном в чем-то талантливым.

Михаил Жванецкий, по его собственному признанию, жил три года в Ленинграде “при Аркадии Райкине”, не имея возможности даже распечатать на машинке свои тексты, а передвигался по столице в основном пешком – из-за отсутствия денег. И в конце концов вынужден был вернуться в Одессу. Удачным, в смысле завоевания столиц, был уже второй заход – через выступления

в Киеве и по стране, обретение популярности и приличных заработков.

Многие народные артисты, приехавшие в Москву из провинции, десятилетиями мыкались по арендованным комнатам, общежитиям и коммуналкам, воспетым еще Булгаковым с его сакраментальным афоризмом, который он вложил в уста Воланда (дьявола!): люди как люди, только испортил их квартирный вопрос. Я бывал в этих коммуналках в начале семидесятых в районе метро “Красная Пресня”: двадцать комнат по длинному коридору, по которому ребятишки гоняли на велосипедах, с общей кухней о пяти плитах и туалетом о десяти разделенных друг от друга кабин.

С девушками хуже. Большинство из них так или иначе попадают в зависимость от столичных плотоядных, жаждущих молодой провинциальной плоти. Комментарии излишни.

Ну а что с теми, кто не смог зацепиться и вернулся в провинциальную свою осточертевшую тьмутаракань? В них столица оставляет страшный след не только разочарования, но и той “второсортности”, что вот уже несколько десятилетий повторяется из фильма в фильм в американском кино, – “неудачник”. Страшное клеймо, которое для юного существа равносильно уничтожению, которое вызывает истерику разума и плоти. Так оно и происходит: провинциальные существа начинают нелепо бунтовать, превращаться в деревенских нигилистов, которые в чем-то дадут фору любому нигилисту столичному своим цинизмом и беспределом. Ясное дело, в соединении с алко-голем и наркотиками. Так, в Свердловской области последние годы при всеобщем скачке в употреблении наркотиков особый всплеск дали именно провинциальные городки. В Центральной России есть городки и села, расположенные вдоль автомобильных трасс, в которых почти все юное поколение занято ни от кого не скрывае-мой, даже афишируемой проституцией, что не раз выплескивалось проблемными передачами на телевидении.

Безысходность провинциальной структурной скуки, во все века тягостная для юных существ, во сто крат усиливается контрастом, который дало всеохватное и оглушающее соблазнами разного рода шоу-телевидение. Наблюдать роскошь, тусовки, яркую пошлость разбитных столичных телешоу “За стеклом” и “Фабрика звезд”, длинноногих фотомоделей, сопровождающих вальяжных “авторитетов” и сильных мира сего, сопровождаемых ими же, – все это психологическое ядерное оружие для провинциального юного сознания, особенно если оно выброшено столицей в тьмутаракань. Тут-то и приходит на помощь все, что снимает стресс структурного дефицита и накрывает его спасительными эндорфинными галлюцинациями.

Социально-структурная депривация по своим разрушительным последствиям несколько не менее опасна, чем сенсорная и потребностная. Страстно желаемое удовлетворение угнетенной потребности всегда создает для живого существа экстремальную ситуацию столь высокого напряжения, что оно готово идти на жертвы и риск, только бы выйти из состояния дефицита. Это касается всех перечисленных мной форм деприваций. Сигналы о выходе из депривации поэтому всегда и фaszинативны, и экстремальны одновременно. Как кусок хлеба для голодного, стакан воды для истомленного жаждой или открытые ворота тюрьмы для освобожденного заключенного.

Фасцинация соперничества и борьбы

Экстремальное поведение – это эффектное, даже театрализованное поведение, оно всегда публично и коммуникативно. Экстремальность показывается другим людям, себе ее не демонстрируют, даже если в регрессивной досаде обращают нелицеприятную критику в свой адрес, что помогает. Экстремальность в поведении не только привлекает внимание и разжигает страсти, но, по-видимому, является в филогенезе необходимым этапом своеобразной тренировки живых существ в молодом возрасте, освоения ими форм дерзости, авантюризма, телесной “эквилибристики” на этой самой грани возможного. А часть такого поведения закрепляется в системе демонстрационного поведения вида в межполовых отношениях, защите территории и “рода-племени” и т. д.

Возможно, именно этот филогенетический механизм экстремальности движет поведением детей, подростков и юношей, когда они проделывают “телесные подвиги”, трюкачество, разного рода “демонстрационный героизм” (кто прыгнет с самой высокой точки в воду, кто залезет на самое высокое дерево, кто дальше всех нырнет, дольше продержится под водой и т. п.), часто опасные для здоровья и жизни.

Адаптационная польза такого экстремально-демонстрационного поведения несомненна. Более того, в человеческом обществе оно закрепляется в формах игр-соревнований и публичной демонстрации силы, ловкости, гибкости, выносливости – всего того, что так ценно в борьбе за существование индивида и рода.

Рисковое поведение всегда содержит в себе элемент опасности и страха, зато преодоление опасности и победа продуцируют восторг и радость такой высокой энергии, что с лихвой перекрывают страхи риска, просят повторения и усиления. Поэтому так распространены у этносов кулачные бои, джигитство, рыцарские поединки, национальные виды борьбы на национальных праздниках. Все эти и многие другие формы экстремального “молодечества” вошли в этнические праздники всех народов планеты. Нет нужды обосновывать фасцинацию их экспрессии, яркости, эмоционального накала и азарта. К ним готовятся, их ждут, ими упиваются и как состязаниями, и как зрелищем. По сути, из этих этнических экстремальных противоборств и демонстраций выросли и развились все виды современных спортивно-зрелищных игр и состязаний.

Сексуально-половая экстремальность

Можно предположить, что для актуализации “сексуального сближения” живая природа специально создала драматический режим поиска и выбора лучшего из некоторого количества участников драмы. В основе драматизации лежит конфликт, соперничество, переведенные в план актуального демонстрирования. Выходом из драмы является победа над соперником более оптимального для продолжения рода партнера или возбуждение, подготовка для спаривания и образования “семьи” (у многих моногамных птиц и животных).

Такой эффективнейший механизм адаптации и приспособленности вида, каким является размножение, осуществляется через механизмы половой активности и

половых контактов. И эти механизмы, наряду с прочим, должны обладать не просто избыточностью, но сверхизбыточностью, чтобы не подвергаться опасности разрушения под воздействием тех или иных, в том числе новых, факторов окружающей среды. И в первую очередь сверхизбыточность должна распространяться на половую активность, на энергию, затрачиваемую на реализацию полового контакта. Не касаясь проблемы избыточности гормональной и физиологической активности, лежащей в фундаменте полового влечения и производства семенной жидкости и яйцеклеток, рассмотрим сверхизбыточность всего того, что обеспечивает поиск полового партнера (партнеров), возбуждение влечения и подготовку к половому контакту, каким бы разным способом он не реализовался. Энергия, затрачиваемая на реализацию поиска, увлечения и непосредственного контакта, у живых существ огромна, а у некоторых видов просто поразительна (у видов, практикующих так называемый “гон”, или преодоление преград у рыб при продвижении к месту нереста и т. д.). Эта избыточность не случайна – побеждает та особь, которая наиболее активна в ее стремлении к половому контакту и размножению. И следовательно, не случайно знаковое отражение этой энергетики во внешнем облике животного. Именно высокая половая активность у самцов и самок выражается в высокой внешней энергетике их тела и всего внешнего облика: в гладкости шерсти или кожи, в порывистости телодвижений, в более искусных пируэтах, в большей скорости и т. д. У многих видов животных и птиц демонстрация высокой телесной энергетики является своеобразным сексуальным сигналом. Так, у ястребиных некоторых видов самцы совершают перед самкой демонстрационные полеты и побеждает лучший летун. У других животных демонстрируется высота прыжков, скорость гона и другие качества телесно-физического свойства. Разумеется, в эту категорию следует отнести и любое физическое противоборство за право обладания особью противоположного пола, даже ритуальное, так как и в прямом, и в ритуальном победу одерживает особь, наделенная более высокой энергетикой (силой, напором, агрессивностью). Таким образом, телесная энергетика является знаком сексуальности и служит в конечном счете выбору лучшего сексуального партнера.

Дополнительными сексуальными сигналами, а точнее – сопряженными с телом и телесной энергетикой, являются такие признаки внешнего облика, как окраска, объемные признаки и их демонстрация (зоб, ошейник, гребень, клюв, хвост и т. д.). При этом некоторые из этих сигналов-признаков могут показаться нецелесообразными и даже опасными с точки зрения выживания вида, как, к примеру, яркие пятна или громадное яркое оперение, как у райских птиц, которые привлекают внимание врагов вида. И если все-таки такие сигналы прижились и существуют, это как нельзя лучше доказывает их необходимость для реализации могучего зова продолжения рода и осуществления сексуальных контактов. Кстати сказать, у многих видов найдена гармония между опасностью яркого пятна и его функциональной привязкой к обслуживанию сексуального контакта: пятно демонстрируется ровно столько времени, чтобы не успеть привлечь внимание врага и в то же время успеть быть зафиксированным самкой (самцом) своего вида. По-видимому, в этом и заключается смысл его сигнально-фасциаторной избыточности.

У людей экстремальна любовь своей интенсивностью чувств, острой драматур-

гией отношений, конфликтами и бурными восторгами. Экстремален процесс ухаживания: поиска предмета любви, свиданий, волнений недовысказанности или риска быть отвергнутым, длительных выяснений “любит–не любит” и “как на самом деле любит”. Экстремальны признание в любви и первый поцелуй – сердце колотится, вот-вот выскочит из груди.

От любви сохнут и худеют. Тело влюбленного – это мобилизованная на любовь и оргазм пружина с максимальным напряжением организма (давление под 200, пульс за 100 и т. д.), от которого иногда даже умирают. И конечно же, крайне экстремально бурное, часто неконтролируемое проявление аффектов при оргазме (двигательные пароксизмы, крики, стоны, агрессивные паттерны и т. п.), почему, вполне вероятно, человечество и перешло еще в древности к интимному, изолированному сексуальному контакту: не всегда приятно созерцать подобные спектакли посторонним. На эту тему у всех народов существует богатый фольклор и одновременно табу на вауэризм.

Можно предположить, что межполовая экстремальность является одной из основ человеческого экстрим-поведения, создавая или провоцируя все остальные формы экстремальности в человеческом обществе. Межполовая драматургия невозможна без некоторой агрессии и экстремальной энергетики. Кульминации любовных драм происходят на пределах трансгрессии и суицида (редкий влюбленный прошел скржиали любви без этих наваждений).

Одним из механизмов межполовой драматизации является “задираание”, провокация на конфликт, показная конфликтность. У человека в сексуальном задираании в ход идут яркие “обидные” сигналы: едкие словечки с сексуальным подтекстом и намеками, некоторая скабрзность в общении молодых (“не можешь?”), ехидные намеки на якобы сексуальную недостаточность, оскорбительные жесты, откровенное сексуальное кокетство и т. п. – приемы, большая часть которых заложена в социокультуре этноса (социума), в фольклоре. В. Тэрнер описывает кроссексуальное вышучивание у племен ндембу в форме антагонистического межполового театрализованного поведения: “Песни в обеих фазах идут сериально. Вначале представители каждого пола хулят половые органы и достоинства противоположного пола, превознося свои собственные. Женщины глумливо сообщают своим мужьям, что у них есть тайные любовники, а мужчины парируют, что все, получаемое ими от женщин, — это венерические болезни, следствие женской неверности. После этого представители обоих полов в лирических выражениях славят удовольствие соития, как такового. Вся атмосфера исполнена жизнерадостности и напористого веселья; мужчины и женщины стремятся перекричать друг друга” (430, с. 157). Подобные скабрзные вышучивания и сексуально-откровенные поддразнивания в той или иной степени откровенности существуют в межполовом общении у всех народов мира до сих пор и используются для “разжигания страстей”.

Победителями в сексуальной игре знакомства при прочих равных условиях оказываются мужчины и женщины, которые лучше владеют приемами драматизации, так как их результатом является сексуальное возбуждение и вождление, причем приходящее из пластов подсознания. Не является ли эта техника биологическим механизмом, вроде танцев птиц, перешедшим к человеку от длительного его совершенствования в биологическом мире? Ведь человек, еще даже не достигнув

полового созревания, уже применяет эти “животные” приемы соблазнения. Особенно это характерно для девочек. Возбуждение интереса, сексуальное возбуждение проходит через механизмы драмы, стресса, волнения. Происходит как бы “разогрев” партнера. Именно в этом искусстве драматизации состоит основная техника обольстителей, как мужчин, так и женщин. Дон Жуан – мастер сексуальной драмы обольщения, потому-то он подсознательно, генетически и желанен для женщин. Не удержусь привести в данном контексте афоризм на эту тему: “Если дама упала, кавалер всегда поможет ей подняться, дуралей пройдет мимо, а Дон Жуан упадет рядом”.

Подыграть – великое мастерство в искусстве обольщения. Одним из инструментов драматизации является кокетство в формах вызова, эпатажа, игры-борьбы. Кокетство по сути представляет собой сексуальный вызов, провокацию на сближение с явно прочитываемым сексуальным подтекстом. Даже если это кокетство ради кокетства, флирт, игра. Суть его как техники от установки не меняется – это именно игра на сексуальное сближение, обольщение, выбор конкретного адресата, даже если в качестве адресата и выступает целая группа потенциальных партнеров: скажем, женщина в кругу нескольких мужчин, когда она кокетничает со всеми сразу, не выделяя кого-то из них специально.

Пока человек испытывает сексуальную потребность он живет в сексуально-экстремальном мире драматургии сексуальных взлетов и поражений. И реализовать их помогает фaszинаторная сигнализация.

Экстремальная фaszинация новизны

В современном обществе почти все проходят через чарующие жернова удовольствий и становятся рабами новых фaszинативных наслаждений и жажды новых удовольствий. К. Лоренц назвал этот разрастающийся год от года социальный процесс одним из восьми грехов современного человечества. Он пишет: “... возникает нетерпеливая потребность в немедленном удовлетворении всех едва зародившихся желаний. Эту потребность в немедленном удовлетворении (instant gratification), к сожалению, всячески поощряют производители и коммерческие предприятия, а потребители удивительным образом не видят, как их порабощают “идушие им навстречу” фирмы, торгующие в рассрочку. По легко понятным причинам принудительная потребность в немедленном удовлетворении приводит к особенно вредным последствиям в области полового поведения. Вместе с потерей способности преследовать отдаленную цель исчезают все более тонко дифференцированные формы поведения при ухаживании и образовании пар – как инстинктивные, так и культурно запрограммированные, т. е. не только формы, возникшие в истории вида с целью сохранения парного союза, но и специфически человеческие нормы поведения, выполняющие аналогичные функции в рамках культуры. Вытекающее отсюда поведение – восхваляемое и возводимое в норму во множестве современных фильмов немедленное спаривание – было бы неправильно называть “животным”, поскольку у высших животных нечто подобное встречается лишь в виде редчайшего исключения; вернее уж было бы назвать такое поведение “скотским”, понимая под “скотом” домашних животных, у которых для удобства их разведения все высокодифференцированные способы поведе-

ния при образовании пар устранены человеком в ходе искусственного отбора” (246) .

Но грех этот совсем не случаен, он, можно сказать, запрограммирован в человеке самой эволюцией: она, как я уже отметил выше, не установила ограничителей на разрастание наслаждений. Более того, она заложила в живое механизмы предпочтения к восприятию новых раздражителей, обладающих новизной, и особенно услаждающей новизной. Что-то всегда происходит, и потому организм в первую очередь нацелен на оценку новизны раздражителей, так как они являются актуальными, тогда как уже известное, знакомое, привычное отложилось в соответствующих нейроструктурах стабильными сигналами-Образами и не тревожит, является основой приобретенного опыта, не столь желанно. Новое всегда тревожит своей неопределенностью, прогнозом как наслаждений, так и опасностей. К. Прибрам отмечает, что переживания “интересов”, мотивов (потребностей) и эмоций (аффектов) являются результатом состояний, возникающих, когда организм сталкивается с новизной — новизной, которая создается вследствие того, что непрерывно меняющийся “мир внутри нас” приходит в соприкосновение со всегда изменяющимся “миром вне нас” (350, с. 226)

Те 40 % нейронов мозга, на которых акцентировал внимание открывший их Дж. Олдз и о которых я неоднократно упоминаю, вызывают не просто к активным раздражителям, но особенно к раздражителям, обладающим свойствами новизны, а еще лучше – неожиданной новизны. Это подтверждено уже и экспериментально. Добавка некоторой новизны, как показали эксперименты Е. Н. Соколова, ведет к созданию каждый раз воспринимаемого живым организмом Образа заново с добавкой этой новизны. К. Прибрам специально акцентировал на этом внимание, говоря, что Соколов “показал, что всякий раз, когда изменяется конфигурация стимула, повторно воздействующего на сенсорный вход, по какому-либо из его параметров, происходит растормаживание и возникает ориентировочная реакция” (там же)

Открытый И. Павловым ориентировочный рефлекс – форма безусловного рефлекса, который представляет собой комплекс реакций организма в ответ на новизну раздражителя. К этим реакциям относятся: движение головы и глаз в направлении источника раздражения, расширение сосудов мозга при одновременном сужении периферических сосудов, изменение дыхания и электрического сопротивления кожи, возрастание тонуса мышц, повышение физиологической активности коры больших полушарий головного мозга (уменьшения амплитуды альфа-ритма), повышение чувствительности анализаторов и возрастание критической частоты слияния ощущений. Ориентировочная реакция в настоящее время определяется как комплексная подготовка организма к новому действию в ответ на внешний раздражитель.

П. В. Симонов и П. М. Ершов провели такой эксперимент: “В левый рукав лабиринта помещают пищу или воду. В правом нет ничего, кроме постоянно изменяющегося освещения, цвета пола, раскраски стен, рычагов и кнопок, нажим на которые никогда не ведет к появлению пищи и воды. Оказалось, что новизна служит не менее привлекательным стимулом, чем пища. Только очень голодные или жаждущие начинают явно предпочитать рукав с кормушкой и поилкой рукаву с “новизной”. Опыты с выращиванием животных в “обедненной” (изоляция, неизменная обстановка) и в “обогашенной” (другие особи, предметы для исследования и игры) средах показали, что вес мозга, его строение и химизм существенно различны у этих групп животных... В

самое последнее время появились данные, в известной мере объясняющие внутренний механизм привлекательности новизны. Было установлено, что новизна повышает содержание в мозгу эндоргенных эндорфинов” (393).

При новизне всегда возникает то состояние, которое можно обозначить как “удивление”. Это хорошо прослеживается в поведении животных, встретивших на своем пути какой-нибудь необычный новый для них объект: они настроенно, но внимательно его рассматривают и видно, что “удивляются”. Они готовы его “изучить”. П. Фресс, опираясь на исследования Томкинса, заключает: “Реакция удивления представляет собой первичную эмоциональную реакцию, которая соответствует просто возбуждению ретикулярной формации... удивление выполняет функцию вывода нервной системы из того состояния, в котором она в данный момент находится, и приспособления ее к внезапным изменениям в нашем окружении. Томкинс удачно назвал удивление “эмоцией, очищающей каналы”. Удивление очищает нервные пути для новой активности, отличающейся от предыдущей” (493). Очевидно, к пусковым механизмам “стирания” следует добавлять и удивление.

Многочисленные эксперименты последних лет показали, что центр удовольствия мозга не реагирует одинаковым образом на любое радостное проявление, он реагирует более избирательно, особенно сильно на те получаемые удовольствия, которые неожиданны. Это означает, что мозг находит неожиданные удовольствия более полезными, чем ожидаемые. Быть может, в этом заключена особая радость людей от сюрпризов, неожиданных подарков, ситуаций, предложений. Сюрприз - организованная новизна. Сюрприз может использоваться как средство в педагогике и сексуальной драматургии взаимоотношений мужчин и женщин. Политические сюрпризы являются способами обновления затухающего интереса к политикам и власти. Возможно искусство сюрприза.

Новое взбадривает психику и освежает ее корни, как вода, политая на цветок. Новизна – это всегда тревога, которая неизбежна как фактор выхода из стабильности привычного. Новое, следовательно, всегда несколько опасно, его следует “обнюхать”, попробовать на зуб, поразмыслить о его плюсах и минусах. Это всегда интересно. И тревожно. Даже в науке, когда появляются новые идеи и гипотезы, особенно если они рушат старые. Гипотеза об относительности пространства-времени оказалась шоком для многих физиков, возвращенных на концепции физического мира по Ньютону.

Раскрытие книги жизни происходит через фасциативные сигналы-стимулы-Образы. Вхождение ребенка в окружающий мир и освоение его – это каждодневное, если не ежеминутное, образование и разрастание все новых и новых фасциаций – всего того, что ударило в его воображение и понимание и вызвало озарение, удовольствие и наслаждение: игрушки, прогулка в новом месте, ласковое слово, симпатичный человек, новый ритм и т. д. Фасциация возбуждает интерес, волнует, создает притяжение, жажду обладания и вожделения. Так ребенок включается в мир и прирастает к нему, одновременно обретает энергию и волю к жизни.

Новое, таким образом, всегда в той или иной степени экстремально и уже поэтому фасциативно. Беспризорный “дипломат” или сумка могут вызвать любопытство, но как только оно переросло в “исследовательский рефлекс” и принято решение “посмотреть, что там”, так сразу возникает волнение ожидания, в котором свою долю

имеет ожидание опасного. На этом поле прекрасно реализуются розыгрыши: в сумке может оказаться кошка или кирпич с изображенной на нем фигой.

Кайнэрастия – наука о новом, создаваемая А. Сосландом, адекватно схватывает фундаментальную потребность человека в новизне: “Среди существующих на сегодня мотивационных теорий, на наш взгляд, не хватает теории, адекватно объясняющей всем известные обстоятельства, а именно – форсированного стремления к перемене объектов влечений, смене родов деятельности, занятий, впечатлений. Мы полагаем, что необходимо ввести в обиход новый мотивационный концепт. Именно за ним должно быть закреплено это самое стремление к новизне, которое, на самом деле, находится внутри любого другого желания. Кайнэрастия (*kainos* др.-греч. – новый, *erastes* др.-греч. – любящий, почитатель) составляет коренную сущность любого влечения. Она присуща всем сферам человеческих интересов и всем областям деятельности. Трудно представить себе власть, не стремящуюся к своему расширению, к завоеванию нового, ограничивающуюся достигнутым безо всякого к тому принуждения. Подобно либидо и стремлению к власти, кайнэрастия является безусловно коренным влечением, несводимым более ни к чему” (415). Это воистину так. С одной, как мне кажется, существенной добавкой, которая аргументирована мной выше: новизна является фундированной мотивацией поведения всего живого, функционирования сенсорных систем всех живых существ, а не только человека. Все живое имеет страсть к новизне сигналов-Образов.

Фасцинация интереса

Определив сигнал-Образ как содержащий новизну, организм мгновенно, тут же оценивает уже саму новизну по параметрам: “актуально-не актуально”, каков уровень ценности – и чем более ценным оказывается новизна, тем сильнее будет и ее подкрепление, согласно К. Прибраму, “интересно–неинтересно”. В зависимости от произведенной мгновенной оценки происходит выбор поведенческой реакции: игнорировать, исследовать, использовать с последующим подкреплением по уровню ценности, проявить агрессивность, отпугнуть и т. д.

Особое внимание стоит обратить в этой связи на категорию “интересное”, главным образом актуальную для человеческого поведения. Все интересное тотчас же обретает свойство фасцинирования, разжигая любопытство и исследовательский рефлекс-азарт. Мимо интересного не проходят, интересным увлекаются почти так же, как красотой. При этом интересным может быть все что угодно: идея, теория, гипотеза, новый товар, манера речения, новинка моды и, конечно же, человек, если он необычен, содержит в себе тайну и непредсказуем в поведении. Или по каким-нибудь иным параметрам, скажем, уникальному умению шевелить ушами...

Э. Фромм подчеркивал, что в психоаналитической практике очень важно вызвать у больного интерес к чему бы то ни было, который всегда связан с удивлением, как одним из важных важных терапевтических эффектов в психоанализе, при котором пациент изумляется, открывая в себе вещи, о существовании которых и не подозревал (495). Новое и интересное – это стимул для исследования и изучения. Но главное – это стимул для разжигания любопытства.

Фасцинация и трансгрессия любопытства

Любопытство – это волнующее заглядывание за грань, в опасное и недозволенное, неведомое и сулящее новые ощущения. Из любопытства затягиваются первой сигаретой, пробуют марихуану, часто вступают в первый половой контакт. Любопытство – это тяга к неизвестному. Даже смерть становится для человека предметом жгучего любопытства и известны случаи попыток умерщвления себя ради познания того, что там, за гранью жизни. Представление человека об аде и рае истоками своими имеет мысли и фантазии о загробном мире. Древний философ Эмпедокл прыгнул в жерло вулкана, настолько велик был его интерес к тайне феномена огнедышащей бездны его кратера.

Люди забывают о нравственных нормах и приличиях, бросаются посмотреть на терроризм вживую, как было в трагедии с захватом “Норд-Оста”. Если случился пожар или автомобильная катастрофа, всегда сбегается толпа любопытствующих. Широко распространено подглядывание за чужой жизнью, на чужие тела в окна и щели. Вауэризм представляет вообще врожденное качество, свойственное человеку, а оно целиком сливается именно с любопытством, с подсматриванием-изучением чужого поведения. Подглядывание очень широко распространено в детском и подростковом возрасте и свидетельствует о тяге детей к “сексуальному познанию” (56). Волнение вауэриста сродни волнению спортивного экстремала, если только вауэризм в данном социуме под запретом. “От любопытства у меня аж сердце защемило – так хотелось подглядеть”, – признавалась одна девушка, решившая подсмотреть половой акт своей подружки. Папарацци как феномен журналистики вырос из вауэризма.

Заглядывание “за черту” – общий паттерн для всего живого и выражает себя в “пробовании”. В любопытстве впяны сразу и волнение риска, и страх перед неведомым, и магия опасности “обжечься”, и магнетизм экстремального поступка, и даже притяжение боли. Дети касаются языком железа на морозе, хотя знают об опасности приклеивания языка, тянутся к огню, любят прыжки через костер, и им так хотелось бы пройти босыми ногами по раскаленным углям. Попробовать...

В последнее время появился новый вид экстремального туризма – заглядывание в жерла начинающего извержение вулкана с видеокамерой в руках. Миф об Эмпедокле эвристичен.

Испуг и удивление физиологически очень близки и часто слиты воедино при умеренном и легком испуге. Поэтому-то легкий испуг легко переходит в рисковое возбуждение и даже экстремальное веселье. Начинается игра с опасностью. На этом сплетении страха, любопытства, игры с опасностью выстроена коррида и особенно массовое состязание с выпущенными на улицы города быками, как это делают в Испании.

Есть люди с навязчивым влечением к новому, непривычному. Их назвали неофилами. Своеобразные наркоманы новизны. Им не просто скучно без “чего-нибудь новенького”, они без новых впечатлений впадают в депрессию. В этих акцентуированных на новое лицах наиболее ярко проявляет себя великая пружина всего живого – фанатизм любопытства и тяги к неведомому. У неофилов эта тяга становится навязчивой, приобретает качество аддикции. Неофилами движет стресс радости от новизны и необычности. В эустрессе они черпают энергию жизни, волнующие пережи-

вания экстремальности нового их вдохновляют и заряжают энтузиазмом. Таковы, в частности, путешественники, странники, бродяги, пилигримы.

Но Хайдеггер видел в любопытстве, как и в стремлении людей поболтать, разновидность профанного бытия: “Любопытство, для которого нет ничего закрытого, болтовня, для которой нет ничего непонятного, дают друг другу, а, следовательно, здесь бытию, существу таким образом, гарантию некоей будто бы подлинной “живой жизни” (511, с. 37). Скорее всего такое любопытство сопряжено с магией тайны и секрета, пронизывающих профанное существование человека.

Фасцинация тайны и секрета

Самое прекрасное и глубокое переживание,
выпадающее на долю человека, – это
ощущение таинственности.

А. Эйнштейн

На пересечении семантической фасцинации внешнего и внутреннего общения занимают свое место тайна и секрет. Знаменитый фасциативный сигнал тайны и секрета – доверительный шепот на ухо “Только чур никому...”, сигнал обжигающий, бросающий в дрожь, волнующий до мурашек по коже. Разгораются глаза и сохнет во рту. И так хочется еще кому-нибудь рассказать, поделиться. На этом, по сути, и попался Билл Клинтон, не предполагая, что его стандартная поза в момент орального прелюбодеяния со знойной практиканткой на рабочем президентском месте будет темой обсуждения всей Америки.

Ф. Е. Василюк пишет: “Индивидуальная тайна – это язва, изнутри разлагающая общение. Полнокровное человеческое общение предполагает стремление к максимальной открытости сознания. В нем – постоянная борьба за предельное самовыражение, включение в общение всего человека, всей полноты его души. Нити ассоциаций, проявляющихся в общении, как бы пронизывают человека, просвечивают его для самого себя и для другого. Они должны в идеале охватить всю временную полноту его жизни, все ряды причин и мотивов поступков, планов и перспектив, должны очертить его жизненную позицию, высветить содержание его внутреннего мира. Тайна одного из общающихся – это некоторая дыра, точнее, непрозрачная инородная капсула в теле общения, место, в котором прерываются ходы беседы, взаимных объяснений поступков, воспоминаний, планов и т. д. В результате с развитием общения тайна вольно или невольно “пеленгуется” с разных сторон...”

Превращаясь таким образом в секрет (тайна типологически отличается от секрета тем, что в ней скрывается и некоторое содержание, и сам факт его сокрытия, в то время как при секрете известно (или даже нарочито извещается), что нечто скрывается, но неизвестно, что именно). Если происходит дальнейшее углубление общения, оно ведет к полному выталкиванию тайны на поверхность. Можно сказать, что в стихии общения тайна тяготеет к постепенному обнаружению, которое в конце концов отливается в различные культурные формы явленности тайны – от интимного признания вплоть до полной публикации, когда она органически входит во все поле

общения человека, не требуя больше специальных усилий по ее сокрытию, постоянно заслону от света общения. Катарсис исповеди и признания и заключается отчасти в этом очищающем тело общения превращении чужеродных ему ингредиентов в сродственные ему. Сохранить тайну в душевой замкнутости изолированного индивидуального сознания можно только ценой отказа от подлинного, проникновенного человеческого общения” (74, с. 167–168).

Долгое удержание тайны в душе приводит к сумасшествию: тайна рвется из засенков памяти и души наружу – к людям, к современникам. Отсюда же и страсть посторонних, согладаясь вывести тайну на всеобщее обозрение. “Страсть как хочется узнать!” Подслушать... подсмотреть... Тайна прелюбодеяния и взятка быть может самые массовые и жгущие душу тайны. Первая разоблачается сплошь и рядом, вторая – лишь изредка. Всегда при этом поднимается экстремальный шум. В. Лефевр считает, что “человек может быть свободным, предопределяя судьбы других людей, но у него нет возможности избежать суда своей совести после того, как выбор сделан. Этот суд совершается автоматически и безжалостно” (235, с. 311). Неужто и на взяточника распространяется этот мучительный принцип?!

На раскрытии тайны неудавшихся умерщвлений младенцев выстроены замысловатые выдающиеся сюжеты в литературе (вспомним “Графа Монте-Кристо”). Но их выдумка – всего лишь повторение реальных человеческих тайн, и множество их ушли под землю вместе с невинными душами. Что по сравнению с этой жутью выгащенная на публичное обозрение давняя любовница принца Чарльза, делившая его с Дианой! Сплошное массовое веселье, впрочем, как и любое прелюбодеяние. Ведь при всех талантах А. Чехова курортный роман “дамы с собачкой” забавен, не более того.

А знаменитый феномен советской поры – анонимки? Не прорывалась ли и в них жгучая тяга к разоблачению чужих тайн?

Но тайна может приобретать форму игры – в сокрытие лица, в незнание. При этом вскрытие тайны либо допускается и превращается в веселье, либо тщательно скрывается, как и полагается в настоящей тайне (так переодевались и ускользали из дворцов в бордели некоторые любвеобильные жены императоров). Известна в этой двойной семантике роль маски на карнавалах или для походов по значным местам кавалеров и дам высшего света. Э. Фукс описывает эти функции маски в галантном веке: “В некоторых странах и городах, в особенности в Венеции, аристократы — и только они одни — имели право ходить в маске по улицам или посещать театр не только в дни карнавала, но и в течение всего года. Эта привилегия имущих и господствующих классов служила везде, где она существовала, если не исключительно, то во всяком случае преимущественно целям галантности. Из сообщений Казановы мы узнаем, что маска всегда употреблялась, когда нужно было набросить покров на галантное приключение. Поскольку в Венеции нельзя было никуда поехать иначе как на гондоле, то без маски люди легко становились к тому же предметом чужого контроля или же постоянных вымогательств. Ношение маски было настолько распространенным явлением, что оно вошло в поговорки, анекдоты и афоризмы. Одна из максим Вовенарга гласила: “Иногда мы обхаживаем людей, поразивших нас своим внушительным видом, как те молодые люди, что не сводят влюбленных глаз с маски, которая мнится им прекраснейшей из женщин, и не отстанут до тех пор, пока не зас-

тавят ее открыть лицо и не убедятся, что это смуглый и бородатый недомерок”.

Порядочные дамы, надевая маску, получали возможность посещать пьесы и спектакли настолько непристойные, что, казалось бы, в театре не должно было быть места женщинам. Обычай посещать театр в маске господствовал поэтому не только в Венеции, но и во многих других городах эпохи старого режима, например в Париже и Лондоне. До нас дошло немало описаний Лондона, в которых говорится, что пресловутые английские комедии эпохи Реставрации, переполненные циническими островами и непристойными жестами клоунов, посещались в большом количестве светскими дамами, защищавшимися от дерзостей черни при помощи маски. Другими словами: маска... служила для “порядочных” людей практическим средством свободно участвовать в оргии непристойностей” (503, с. 331).

Быть на виду у всех, но чтобы тебя никто не узнал – верх экстремального блаженства участника маскарада. Из приведенного Э. Фуксом описания социально-бытовых функций маски можно сделать эстраполяцию в глубинные истоки тайны: ею окутывается чаще всего “запретное”, нарушающее нормы нравственности и приличия, т. е. измены, преступления, проделки, галантные приключения, непристойности и т. д. Но именно поэтому раскрытие тайны становится событием экстремального значения и конфликта. Разоблачение – вот фасцинирующая пружина взрывания тайны. Получается удивительная картина: с внутриличностных позиций, согласно Ф. Василюку, тайна рвется наружу, на публичную выявленность, так как душа не выдерживает ее ноши, а с социально-коммуникативной – социум, со своей стороны, тоже в буквальном смысле горит страстью вывести тайну на свет публичной оценки. Тайна находится под ударом и опасностью выявления сразу с двух сторон. За ней охотятся посторонние и ее рвутся высказать сами авторы тайны.

Охотники за тайнами известны: сыщики, исследователи архивов, писатели и... соседи. Подозрительный массовый пригляд за чужой жизнью – дань любопытства к возможной тайне современника. И если бы не было волнующе-страстного очарования тайны, экстремальных форм ее разоблачения, жизнь некоторой части населения планеты была бы скучнее. Специалисты по выведыванию исторических тайн, раскрывающие в архивах фамильные и государственные события, о которых никто не знал, очень похожи на сыщиков-детективов. Крайне интересна в этом плане книга “Теория заговора: тайны и сенсации”, – сборник самых таинственных происшествий прошлого и настоящего, истинная разгадка которых скрыта и по сей день. Убийства известных людей: Авраама Линкольна, Джона Кеннеди, Джона Леннона; смерть принцессы Дианы и Мерилин Монро; такие таинственные явления, как “люди в черном”, НЛО, 51-й квадрат в Неваде, – все это до сих пор будоражит воображение современников (428).

Но не все так уж негативно с этим всепоглощающим экстримом разоблачения тайны. Ведь существуют же и разведка, и контрразведка как институты контроля за человеческими тайными и секретными непристойностями. Весьма полезное занятие, помогающее сдерживать слишком экстремальных манипуляторов.

Тайна группы представляет собой часто индоктринационное средство: мы – это те, кто обладает тайной. Тайна сцепляла в элитное единство членов масонских лож и участников тайных мистерий.

Обряды инициации юношей и девушек у примитивных народов включают таин-

ства, которые другому полу и другим племенам запрещено знать. За проникновение в тайну клубов и возрастных групп у многих народов полагалась смерть. Тайные общества без строгого удержания их участниками тайны распались бы на следующий же день. Из чувства экстремальности секрета и тайны многие молодые люди шли в революционеры. При этом имея в голове еще и вполне практическую цель – чтобы девушкам понравиться.

И нет ничего тайного, что не стало бы со временем явным. Иуда, должно быть, этого не знал.

Парадоксальна тайна дневников: их пишут для своей памяти, но всегда есть те, кому страстно хочется заглянуть в ваш дневник и разузнать все сокровенные тайны и думы еще живого автора. Маниакальной была тяга Софьи Андреевны прочитать дневник мужа. Распаленное воображение, тем, что она уже читала, – сам Толстой давал почитать и тем самым распаял ее манию, – превратило ее буквально в сыщика, и Лев Николаевич вынужден был дневники прятать. Утаивание дневника еще более распаяло ее страсть – до психоза.

Публичное выплескивание тайных мыслей и побуждений у некоторых народов имело, по-видимому, двойную детерминацию: очищение от тягости загнанного внутрь тайного воображения и выявление опасных для сообщества лиц. У многих народов древности такое устремление души поощрялось и существовали ритуалы публично-покаяния о замышляемом зле. Исповеди в поездах и на курортах – одна из тем литературы. Тайна гложет душу. “Крейцера соната” написана Толстым как поездная исповедь. Стук колес и анонимность собеседников располагают к раскрытию зашедших в глубинах психики тайн, рвущихся наружу.

Жажда (именно жажда) узнать тайну порождает сплетню и слух (кто от кого родил, кто кому и с кем изменил – вечные сплетни вокруг личных тайн). Тайная любовь – столь же распространенный сюжет жизни и литературы.

Именно потому, что ложь чаще всего одета в одежды притворства “под правду”, мимикрична или попросту упрятана в тайну, она будит интерес и воображение. Вернее – ее разоблачение. Более того, существование лжи на поле правды и желания правды создает в человеческой психике “разведывательный отдел” или “отдел контрразведки”: кто, где и как солгал? Не лжет ли любимый, когда говорит, что любит? Ведь так много на свете донжуанов-соблазнительцев. Не лжет ли любимая, что она никогда и ни с кем – ведь так много псевдодевственниц и откровенных шлюх, притворяющихся девственницами. А не лжет ли дипломат государства N., сообщая, будто завтра будет совершено коварное нападение со стороны дружественной державы? Подозревающий всех в лживости Сталин верил Гитлеру и был занят суггестивным самообманом о чистоте помыслов другого диктатора.

Ложь вызывает к разоблачению и разоблачение становится увлекательным драматическим действием, кульминацией которого является обнародование лжи. Поэтому разоблачение лжи во все времена обставлялось в орнамент ярких знаков, в театр истязания и позора. Лгущих секли на площадях плетями. Им отрезали язык. Ставили позорное клеймо.

Развитие электронных видео-аудиотехнологий затронуло и всегда интимно нежную и волнующую процедуру подглядывания. Кажется, наступает эра, когда ничего не удастся утаить – везде торчит или мерещится скрытая камера и “жучок”. Мужья и

жены покупают их в спецмагазинах и настраивают друг против друга. Появился и новый вид производственного шпионажа: директор сидит в кабинете и просматривает-прослушивает, что делается во всех подразделениях его епархии. Мне рассказали анекдотичный случай, когда директор увидел в одном из кабинетов столь чудовищную сексуальную сцену между сотрудниками, что позабыл о собственном разоблачении и ринулся их разъединять.

Тайные думы порою тягостно длятся всю жизнь. У В. Шукшина в одном из рассказов к умирающему старику в палату через окно пробирается другой старик и просит открыть ему перед смертью тайну, зачем он в 29-м его семью по миру пустил, в кулаки записал. Старику казалось это столь нелепым поступком, что он всю жизнь мучился, какая же за этим стоит тайна.

Верно ли, что каждый человек уносит с собой в могилу хотя бы одну какую-нибудь жгучую тайну? Кто бы смог разгадать этот секрет...

Удовольствия от участия и созерцания экстремальности

Всем известно сладостно-обжигающее волнение риска. Лев Толстой прекрасно описал экстрим-развлечения дворян-офицеров своей эпохи в знаменитой сцене в “Войне и мире”, когда дуэлянт и повеса Долохов встал на подоконник и, не держась ни за что, осушил бутылку шампанского. Большая часть дуэлей совершалась из этой же потребности экстремально покрасоваться, очаровать всех своей храбростью и дерзостью. Подпал под влияние этой массовой тяги к дуэлянтскому экстриму и Пушкин, в молодости буквально искавший повода “кого бы вызвать на дуэль”.

В. Шаламов в эссе “Жульническая кровь” так передал рассказы воров-карманников об их волнующем ремесле: “Блатари говорят, что испытывают в момент кражи волнение особого рода, ту вибрацию нервов, которая роднит акт кражи с творческим актом, с вдохновением, испытывают своеобразное психологическое состояние нервного волнения и подъема, которое ни с чем нельзя сравнить по своей заманчивости, полноте, глубине и силе.

Говорят, что ворующий живет в этот момент неизмеримо более полной жизнью, чем картежник за зеленым столом, или, вернее, подушкой – традиционным ломберным столиком блатного мира.

“Лезешь в лепёху, – рассказывает один карманник, – а сердце стучит, стучит... тысячу раз умрешь и воскреснешь, пока вытащишь этот проклятый бумажник, в котором и денег-то, может быть, два рубля”.

Бывают кражи вовсе безопасные, но “творческое” волнение, воровское “вдохновение” все равно налицо. Ощущение риска, азарта, жизни”.

Волнуется и опытный карточный шулер, как это красочно описал в своей книге “Я – шулер” А. Барбакару (23).

Не только участие в экстремальном действии, но и созерцание его как зрелища возбуждают аффекторные механизмы. Поэтому у таких зрелищ всегда аншлаг, а часть зрителей становятся аддикторами как фанаты футбола и хоккея.

Л. Свендсен, автор “Философия скуки” , признается: “Например, если я имею обыкновение смотреть “Формулу -1”, то в глубине души надеюсь увидеть автокатастрофу, иначе зрелище не представляло бы интереса. Когда я проезжаю мимо места, где случилось дорожно-транспортное происшествие, я сбавляю скорость в надежде разглядеть пострадавших. Вряд ли я отличаюсь от остальных. В самой сущности автокатастрофы есть нечто притягательное” (383).

Экстремальные зрелища стимулируют экстрафасциативное волнение у зрителей до такой степени, что случаются поллюции и оргазм – таков выплеск адреналина и эндорфинов. Как у меломанок при восприятии чарующих голосов. Как при созерцании женской обнаженной конторсии у некоторых мужчин. И очарование, и экстремальное волнение приводят в движение одни и те же психофизиологические механизмы подкрепления.

Борьба, соревнование на пределе человеческих возможностей, да если еще с риском для жизни, захватывает, завораживает, бросает в дрожь и оцепенение, забрасывает в кровь адреналин и норадреналин, восхищает, волнует, отбрасывает прочь критику и разум, запоминается надолго, а победители становятся любимыми, чарующими лицами – героями. Подобная включенность экстремального волнения пронизывает всю историю развития экстремальных зрелищ от Олимпийских игр Древней Греции и гладиаторских боев на арене Колизея до современных “боев без правил” и той же “Формулы-1”.

Разжигание азарта – вот основа экстрим-психологии. А азарт – брат фанатизма. Фанаты любого вида экстремальных зрелищ, будь то игра в хоккей с шайбой или бой тяжеловесов, представляют собой не что иное, как законченную форму такой эмоционально-фанатичной аддикции.

В эту категорию можно отнести и заядлых участников разного рода азартных телеигр, лотерей, шоу, в буквальном смысле слова захлестнувших современное телевидение благодаря все той же безумной и часто бездумной, а значит, наркотической, “жажде зрелищ”, а точнее – жажде зашкаливающего волнения и острых ощущений.

Массово-праздничная культура у всех этносов содержит экстрим-соревнования, которые являются сценарно-сценической сердцевиной празднеств.

Развитие скоростной техники, воздухоплавания и подводного плавания привело к резкому скачку демонстрационной экстремальности, ставшей во многих случаях профессией. Такой повальной и сценической экстремальности не могло бы быть, если бы экстремальное поведение не было фасциативным, ярким, приводящим в движение физиолого-психологические эмоциональные структуры, создающие настроение восторга, жуты, “мурашек по коже”, экстаза, суггестии. Очевидно, именно здесь необходимо искать истинные причины массового распространения во все века своеобразной этнической “культуры экстремальности”, кич-экстрима, экстремального эпатажа и прочей экстремальной публичной демонстрационности.

Вот выдержка из письма одного из экстремалов, который перепробовал все и наконец пришел к парашютизму: “Я даже не предполагал, что, единожды прыгнув с парашютом, потом уже не смогу без этого жить... Я забыл, кто я, где нахожусь, как меня зовут и вообще все на свете. Возможно, я вопил от счастья, ибо то, что я увидел и испытал, потрясло меня до глубины души. ...ощущение свободного полета лишило

меня последнего рассудка. Таким сумасшедше-счастливым я не чувствовал себя никогда в жизни. Я вообще никогда не чувствовал ничего подобного. ... Кто прыгал, тот меня поймет, кто не прыгал – тот много потерял”.

В самом деле, если это так прекрасно, то ради этого стоит стать экстремалом. Но ведь желательно помнить и о том, что иногда парашют не раскрывается. ...

Процесс погони за fascinацией экстремальности бесконечен и неудержим – эволюция не поставила ограничителей для наслаждения. С развитием техники и технологий он будет лишь разрастаться.

Фасцинация игры

Игра объемлет все.

Э. Финк

Из всех страстей страсть
к игре - самая сильная.

А. Пушкин

Я уже отметил, что игру можно рассматривать также и как негэнтропийную самоорганизующую активность мозга. Эволюция дала психике инструмент самоактивности в виде игры и азарта игры.

К. Прибрам, рассматривая парадокс системы “средства – цели”, приводит аргументы Дж. Мейса: “Что происходит, когда у человека или у животного нет необходимости работать, чтобы поддерживать свою жизнь?.. Простейший случай – жизнь домашнего кота – является ярким примером изобильной жизни, более обеспеченной, чем жизнь лошади или коровы. Все основные жизненные потребности домашнего кота полностью удовлетворяются прежде, чем они проявятся. Он защищен от опасностей и непогоды. Пища и питье даются ему прежде, чем он проголодается или захочет пить. Что же ему остается делать? Чем заполнить свое время? Мы могли бы ожидать, что получив пищу, не приложив к этому ни малейшего труда, кот свернется в клубок на своей подушке и будет спать до тех пор, пока неотчетливые внутренние ощущения не дадут ему информацию о потребности в следующей порции даровой пищи. Однако он вовсе не спит. Он бродит по саду и лесу, ловит птенцов и мышей. Он наслаждается жизнью на свой собственный лад. Тот факт, что жизнь может доставлять удовольствие – и даже большое – многим живым существам при наличии в изобилии домашней пищи, указывает на радикальные изменения, происходящие в работе аппаратов жизнедеятельности на определенной стадии эволюционного процесса. Это и есть изменение отношений между средствами и целями в поведении. В природных условиях кот должен охотиться, чтобы жить. В состоянии изобилия он живет для того, чтобы охотиться. То же происходит и с людьми. Когда у людей нет необходимости работать, чтобы жить, у них в общем остается только два дела. Они могут “играть” и они могут заниматься искусством. Таковы два способа получать удовольствие от жизни. Правда, многие люди работают потому, что они очень любят

работать, однако в этом случае слово “работа” меняет свое значение. Работа становится формой “игры”. “Игра” – это деятельность, в которой доставляет удовольствие сам процесс – безотносительно к пользе или какому-либо результату. “Работа” же – это деятельность, при которой усилия направлены на производство чего-то полезного самым простым и легким способом. Отсюда и вытекает значение эргономики и изучения труда с целью уменьшения затрат и сбережения времени. В игре деятельность часто направлена на достижение бессмысленной цели трудным путем. Так, например, игрок в гольф, используя особые приспособления, направляет маленький мяч в небольшое отверстие с далекого расстояния, преодолевая умышленно созданные препятствия для того, чтобы как можно больше усложнить операцию. Это и создает обратные отношения в системе “средства – цели”. “Цель” – загнать мяч в отверстие — является средством для новой цели, реальной цели – получения удовольствия от самого процесса преодоления трудностей” (350, с. 324). Психосоматический комфорт, таким образом, стимулирует хорошее настроение и переключение гомеостатических механизмов животного или человека на увлекательную, доставляющую удовольствие деятельность-игру и переживание радости жизни. Суть любой игры, будь то детские догонялки или рулетка в казино, бег наперегонки или шахматы – радость, страсть и азартное волнение.

Й. Хайзинга категоричен и, как мне кажется, справедливо говорит, что “игра старше культуры, ибо понятие культуры, сколь не удовлетворительно его ни описывали бы, в любом случае предполагает человеческое сообщество, тогда как животные вовсе не дожидались появления человека, чтобы он научил их играть. Да, можно со всей решительностью заявить, что человеческая цивилизация не добавила никакого сколько-нибудь существенного признака в понятие игры вообще. Животные играют – точно так же, как люди. Все основные черты игры уже воплощены в играх животных. Стоит лишь понаблюдать, как резвятся щенята, чтобы в их веселой возне приметить все эти особенности. Они побуждают друг друга к игре посредством особого рода церемониала поз и движений. Они соблюдают правило не прокусить друг другу ухо. Они притворяются, что до крайности обозлены. И самое главное: все это они явно воспринимают как в высшей степени шуточное занятие и испытывают при этом огромное удовольствие. Щенячья игра и шалости – лишь один из самых простых видов тех игр, которые бытуют среди животных. Есть у них игры и гораздо более высокие и изощренные по своему содержанию: подлинные состязания и великолепные представления для окружающих.

Здесь нам сразу же придется сделать одно очень важное замечание. Уже в своих наипростейших формах, в том числе и в жизни животных, игра есть нечто большее, чем чисто физиологическое явление либо физиологически обусловленная психическая реакция. И как таковая игра переходит границы чисто биологической или, по крайней мере, чисто физической деятельности. Игра – это функция, которая исполнена смысла. В игре вместе с тем играет нечто, выходящее за пределы непосредственного стремления к поддержанию жизни, нечто, вносящее смысл в происходящее действие. Всякая игра что-то значит. Назвать активное начало, которое придает игре ее сущность, духом – было бы слишком, назвать же его инстинктом – было бы

пустым звуком. Как бы мы его ни рассматривали, в любом случае эта целенаправленность игры являет на свет **некую нематериальную стихию** (выделено мной. – В.С.), включенную в самое существование игры” (515).

Игра как музыка представляет собой чистую фасцинацию, взбадривание-успокоение психики, только не гармонией звуков и мелодий, а сюрпризами эмоциональных мини-встрясок, сплетающихся в сокрушительную вероятностно-игровую (орел–решка) либо интеллектуально-игровую (шахматы) развязку (финал симфонии!). Игра потому супер-фасцинирует, что каждый миг сулит сюрприз, будь то прятки, преферанс, футбол или шахматы. Драматическая музыкальная динамика новизны – вот что такое игра.

Э. Финк, рассматривающий игру как фундаментальное свойство человеческого бытия, пишет: “Если свести воедино все указанные характеристики игры — магическое созидание видимости игрового мира, замороженность игрового сообщества, идентификацию зрителей с игроками, самосозерцание человеческого бытия в игре как “зерцале жизни”, дорациональную осмысленность игры, ее символическую силу, парадигматическую функцию и освобождение времени ввиду обратимости всех решений в игре, игровое облегчение бытия и способность игры охватывать в себе все другие основные феномены человеческого существования, включая самое себя, то есть способность играть не только в труд, борьбу, любовь и смерть, но и в игру, – если мы сведем это воедино, то раскроется праздничный характер игры как общий ее строй. Человек играет тогда, когда он празднует бытие” (481, с. 400).

Есть игры азартные, бросающие игроков в состояние острого стресса, но нет грустных игр, даже если это игра интеллекта в соревновании идей и гипотез. Х. Ортега-и-Гассет в статье “Что такое философия?” указывает: “В сущности философия является игрой идей, поэтому в Греции, где она родилась, как только досократики оправились от травмы, причиненной ее открытием, в философских высказываниях прочно установился радостный стиль поединков и спортивных состязаний. Философия стала такой же игрой, как метание диска или борьба”. К этой мысли испанский философ возвращается несколько раз, все более подчеркивая, что познание и есть игра человеческого мышления с миром вне себя и в самом себе и что эта игра рождает само знание. В “Диалогах” Сократа, как они записаны Платоном, остро чувствуется дух состязания-игры участников диалога. Философские диспуты, устраиваемые в Древней Греции, были интеллектуальным аналогом спортивных состязаний или состязаний поэтов Востока. Но широкой публике нравились состязания софистов, а не глубоких мудрецов, поскольку софизмы показывали парадоксальную изощренность, переворачивая логику ловкой подтасовкой языковых синонимов и созвучий.

Удовольствия от игры и азарта

Игра всегда оптимистична и неожиданна своими зигзагами, часто совершенно ошеломляющими, как бывает в шахматах или хоккее. В радости игры лежат основы ее развития до фанатизма и наркоманности. Нравится! Еще, еще, еще! Трудность выхода из такого азартного состояния сродни тому, что наблюдал Дж. Олдз и другие нейрофизиологи на крысах, когда животное только и могло что нажимать на рычаг, посылая себе в мозг новый импульс удовольствия и не обращая внимания даже

на пищу, хотя было уже истощено манипуляциями с рычажком. Возможно, у азартного игрока в центре удовольствия происходит аналогичный процесс радостного доминантного возбуждения, а рычажком служит продумывание очередного рискованного хода или даже в буквальном смысле нажимание на рычаг, как при играх в игровых автоматах или компьютерных играх.

Драма эмоций игры: удовольствие при успехе решения проблемы до экстатического восторга; удовольствие от активности и волнения процесса-риска (адреналин и норадреналин); страх-волнение проигрыша; волнение от процесса заглядывания в будущее (прорасчетывание ходов, предчувствие или иллюзия выигрыша с волнением-предмыслием успеха); волнение-стресс от краха и жажда реванша. И так – до истощения (как у крыс в опытах Д. Олдза). Заядлые игроки в преферанс играют по несколько суток подряд. Дети заигрываются до такой степени, что не отрываются сходить “по-маленькому”. В казино игроки с сожалением реагируют на сигнал к закрытию заведения. **Мозг почти неистощим в игре, стимулируя сам себя, превращаясь в замкнутую, суженную систему, стимулирующую себя волнением и сладостью азарта.** Заядлым игрокам стоит показать карты и их начинает трясти, как наркомана при виде шприца. Как любой маньяк, в том числе и сексуальный, и наркоман, игрок любит лишь свою любовь, свою страсть, свое радостное адреналиново-эндорфиновое волнение. И как любой влюбленный, он часов не наблюдает.

Есть гипотеза, что на предрасположенность к азарту и страсти к удовольствиям влияет также низкое содержание в организме дофамина, гормона психофизиологического комфорта и радости. Когда его мало, люди склонны идти на рискованные действия, с тем чтобы получить удовлетворение.

Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриева пишут: “Согласно американскому диагностическому и статистическому руководству по классификации психических расстройств DSM – III – R (1987), основной чертой патологического гэмблинга является “хроническая и прогрессирующая неспособность сопротивляться желанию участвовать в азартных играх и участие в азартных играх, которое компрометирует, разрушает или повреждает личные, семейные или профессиональные интересы” (207). Fascination игры и азарта разрастается у таких людей до невозможности остановиться. Вот что писал Ф. М. Достоевский своей жене Анне Григорьевне в письме от 6 октября 1867 г. из Саксон-ле-Бейн: “Аня, милая, я хуже, чем скот! Вчера к десяти часам вечера был в чистом выигрыше 1 300 франков. Сегодня – ни копейки. Все! Все проиграл! И все оттого, что подлец лакей Hotel de Vains не разбудил, как я приказал, чтоб ехать в одиннадцать часов в Женеву. Я проспал до половины двенадцатого. Нечего было делать, надо было отправляться в 5 часов вечера, я пошел в два часа на рулетку и – все, все проиграл”.

Азартные игроки способны ставить на кон даже своих близких. Были случаи, когда дворяне (!) проигрывали в карты своих жен.

Шок в искусстве как фaszинативный прием

Без “Нравится!”, “Еще! Еще!” и очарования нет искусства. Поэтому искусство, особенно сценическое, живущее в непосредственном контакте с сенсорикой зрителя, всегда использовало экстремальные воздействия, способные вызвать эмоциональный

шок. Шок становился стимулом для “еще, еще, еще раз”. На шоковые сцены в кинофильмах люди ходили смотреть десятки раз. Иногда из-за одного-единственного эпизода. С. Эйзенштейн, создатель многих замечательных кинообразов-фасцинаций (знаменитая сцена лестницы и ребенка, червей в протухшем мясе в “Броненосце “Потемкин”, и др.) и искавший закономерности построения кадра и увлекающего кинозрителя монтажа, привел такие примеры эффекта неожиданности: “Крупный план злодея, ударяющего прямо в объектив кулаком, вооруженным медным кастетом, “заставляет аудиторию вскакивать с мест...”. Так же невольно вскакивали с кресел и мы сами, когда впервые в дни юности испытывали на себе эффект наезда на кинозал поезда, снятого из-под колес! И так же, вероятно, на заре зарождающегося кино, в 1903 году вскакивали со своих мест зрители первого в истории “сюжетного” фильма – “Ограбление поезда” Портера, – когда в финале снятый по пояс Джордж Барнс из пистолета стрелял прямо в объектив – в аппарат – в публику” (522, т. 3, с. 476). Потом к этим шокирующим трюкам попривыкли, зато появились все новые и новые. Появились фильмы ужасов, в которых шок является главным приемом.

На спектакль “Авось” с участием В. Высоцкого на Таганку валом валила вся Москва, чтобы еще раз услышать рифму “... и холуя. Он сказал: “А на х... я” там, где по тексту полагалось произносить “А на фига”. Потом так же с аншлагом шел спектакль “Мастер и Маргарита” со сценами обнаженной Геллы и Маргариты, что по тем временам граничило с революцией. Шли косяками даже партийные функционеры!

А. Солженицын о червях в мясе сказал: “Неправда, такого в жизни не было”, потому что в мясе таких червей не бывает. Конечно, не бывает! Они бывают в кино! Магический реализм Габриэля Маркеса в “Сто лет одиночества”, а еще замечательнее в “Осени патриарха” оглушил столь потрясающими фантазмагориями вполне реалистического содержания, что ими зачитывался весь читающий мир. Приведенная мной в разделе о фасцинации запаха в качестве примера сцена из “Парфюмера” Зюскинда и шокирует, и потрясает точностью созданной писателем метафоры.

В 1917 г. экстравагантный французский художник Марсель Дюшан водрузил писсуар из белого фарфора на выставке в Нью-Йорке и заявил, что это и есть искусство. Одно из самых ранних произведений концептуального искусства стало шоком для публики начала XX столетия. Спустя почти 90 лет в декабре 2004 г. этот мужской писсуар признан произведением, оказавшим наибольшее влияние на искусство XX в. Результат голосования, в котором писсуар занял первое место, “слегка шокировал”, так как он опередил произведения Матисса и Пикассо. Опрос, о котором идет речь, был проведен накануне вручения премии Тернера и не среди случайного набора людей: было опрошено более 500 самых влиятельных фигур в мире британского искусства – художники, дилеры, критики, хранители музеев и владельцы художественных галерей. Среди опрошенных – Дэмиен Хирст, Трэйси Эмин, Дэвид Хокни, Чарльз Саатчи и директор Национальной галереи Чарльз Саумарез-Смит.

На театральных сценах всего мира шествуют одна за другой шокирующие постановки с полным обнажением действующих лиц. Но этого уже мало. Началось включение в действие пьес, балета и даже оперных спектаклей сцен совокупления. По планете шествует эротический шокирующий стиль “экзгиби”. Возможно, тот шоумен, который предсказал, что XXI век будет веком сплошного оргазма, и прав. Тогда что будет шоком?

Пресыщение, утомление – и снова маячит... скука

Фасцинация засасывает. Но есть все же и физиологическая защита от чрезмерности фасцинации – пресыщение, утомление и переход в антифасцинацию.

Есть ненасыщаемая фасцинация: базовые удовольствия как отметил К. Прибрам вызывают к повторению. Ее эволюционное назначение понятно – постоянно стимулировать поведение, ведущее к жизни и ее продолжению.

Есть фасцинация, которая проходит пик и переходит в приятные привычки-зависимости.

Есть азартная фасцинация, которая засасывает, как воронка, и доводит организм и психику до изнеможения. Такова фасцинация азартных игр.

Есть доминантно-смысловая фасцинация, или фасцинация идей и смыслов (по А. Ухтомскому).

Но есть временные – я бы назвал их фасцинации-всплески – фасцинации-увлечения. Они столь же сильны по наслаждению, но не столь трудны к вытеснению и потому захватывают до насыщения, до оскомины или вытеснения другой фасцинацией, как бывает с появлением нового популярного шлагера или моды.

В этом отношении очень показательны поведение детей, их реакции на фасциативные сигналы (особенно новизны и красочности). Они хотят чего-нибудь нового “еще-еще-еще” и вдруг у них наступает почти безразличие, переход к другому “еще-еще-еще” – до очередного безразличия. Пресыщение дает возможность вытеснить фасцинацию и ловить новые, переключаться на новые впечатления. Происходит угасание доминанты, но не полное ее стирание – фасциативные образы переходят в долговременную эмоциональную память и могут в любое время вспыхнуть с новой силой.

Если бы не было пресыщения, фасцинация, вращаясь по кругу (еще-еще, как у крысы в опытах Олдза), переводила бы психику и нейроструктуры мозга в клинч нескончаемого повторения, в “дурную бесконечность”. Пресыщение выводит из клинча и в этом его адаптационное назначение. Оно также переводит психику в режим усталости и отдыха, готовя для следующего фасциативного всплеска (устав от бала, молодые люди отдыхали, чтобы быть готовыми к очередному). Поэтому даже в таком экстрафасциативном отношении, как любовь, случаи, порождающие легенды, подобные легенде о Тадж-Махале, представляют собой все же исключение, а не правило.

Следующие одна за другой разного вида фасцинации гасят предыдущие, но при их избытке происходит, по-видимому, эффект наложения и эмоциональное состояние фасциативного хаоса, который приводит психику к ступору. И сонливости как защитной реакции на переизбыток волнующих ощущений и эмоций. Животные начинают метаться и зевать.

Пресыщение фасцинацией часто рождает скуку такого масштаба, как описал ее А. Пушкин у Евгения Онегина. Пресытившись всеми наслаждениями, какие только мог предоставить юному дворянину высший свет, Онегина охватила смертная хандра и маята, от которых он не находил места. Требовалось что-нибудь новенькое, этакое, например, дуэль. Или русская рулетка...

В погоне за экстримом

В жизни стремление к экстремальным волнениям несколько не меньше, чем в искусстве. Крайним выражением страсти к экстремальному риску и азартности является, конечно же, русская рулетка. Это столь трансгрессивный паттерн поведения с заглядыванием в смерть, с игрой в смерть, что граничит с мгновенным умопомрачением, фантасмагорическим сужением сознания до “орел – решка”, где аналогом становится “жизнь – смерть”.

Время от времени в СМИ появляются сообщения о трагических результатах игры в русскую рулетку. Так, в 2002 г. на территории ботанического сада в Киеве, демонстрируя собственный револьвер своей девушке, погиб 23-летний парень. Девушка общалась с кавалером в салоне его автомобиля. Зарядив в револьвер один патрон и прокрутив барабан, парень решил испытать фортуна, приставив ствол к виску. После того как он нажал на курок, раздался выстрел и парень сразу погиб. Игра двух жителей Женева также закончилась гибелью одного из них. Изрядно подкрепившись спиртным и, постреляв в воздух с балкона, они затеяли игру в русскую рулетку. Первая же попытка закончилась трагически для инициатора, 28-летнего хозяина квартиры. Пораженный в голову пулей единственного патрона, заложенного в револьвер, он скончался на месте.

Я избегаю оценок, а только констатирую факты. Прочитав Апулея, каждый может представить спектр экстремальных увеселений древности. Как и тысячи лет назад люди от скуки и жажды волнующих экстремальных удовольствий готовы на все.

Оригинальные способы ухода от богатой, но монотонной жизни придумали “новые русские” и спецфирмы, обслуживающие их антискучное существование. Андрей Скробот описал их в статье “Жена политика выходит на панель за 2000 долларов. Экстремальные игры для истеблишмента балансируют на грани закона” (“Независимая газета” от 17.01.2003): “Российская политическая и бизнес-элита скучает. Охота на львов, экстремальный туризм, воскресные прогулки по Парижу и Женеве – в прошлом. Современному российскому истеблишменту хочется изведать чего-то экстраординарного. И такие развлечения, оказывается, существуют. Например, скучающий бизнесмен или политик может выйти на дорогу с милицейским жезлом или совершить кражу в супермаркете, а его супруга – постоять на панели, поджидая клиентов...” Существует и закрытый клуб необыкновенных развлечений. Членов клуба около восьмидесяти: сорок мужчин и столько же женщин – “люди хорошо узнаваемые, известные политики и крупные предприниматели. Большинство участников игры – это семейные пары от 35 до 50 лет. Это люди, которые достигли в бизнесе немалых высот, многие имеют по два высших образования. А политики или дипломаты в игре соперничают так, что бизнесменам и не снилось”. Стать членом клуба непросто, и одних денег тут недостаточно: любой посторонний человек – реальная опасность разоблачения.

Суммы, которые выкладывают члены корпоративного клуба за необычные развлечения, весьма солидны. Чтобы превратиться в натертого редькой загримированного бомжа и на два часа отправиться на Комсомольскую площадь, члены клуба платят 500 долл. В несколько большую сумму – 2000 долл. – обходится чудесное превращение жены политика в уличную девку... Во всех играх есть победитель: “Тот, кто первым без денег доберется по ночной Москве в драной одежде от Таганки

до “Речного вокзала” или тот, кто насобирает больше, срывает весь куш”.

В романе А. Бушкова “Охота на Пиранью” изображены уже забавы иного рода – не больше и не меньше как охота на людей. Так экстремально забавляется некий “новый русский”, устраивающий для прессы иностранных с помощью специально обученных головорезов тотальную охоту на людей, не подозревающих, что для “сумасшедшего” охотника они всего лишь дичь и их судьба предрешена. Если появился на прилавках такой роман, стало быть, и в жизни есть нечто подобное.

А вот новое спортивное экстремальное увлечение – Le Parkour, которое переводится с французского как “полоса препятствий”. Приверженцы стиля le parkour покоряют здания, совершая прыжки с крыши на крышу, выполняя различные акробатические трюки над городом. Их главный философский принцип гласит: “Границ не существует, а есть лишь препятствия”. Сколько апологетов этой экстремальной философии стало инвалидами, статистики пока нет, но по аналогии с другими видами спортивного экстрима, вряд ли они отсутствуют и у le parkour. Но фасцинация столь потрясает, что о le parkour снято уже несколько эффектных фильмов.

Сколько еще невероятных демонстрирований придумает человечество в погоне за экстремальными наслаждениями! И все они будут пронизаны сигналами-Образами яркой экстремальной фасцинации, захватывающей дыхание. Или останавливающей сердце. И затормозить этот процесс невозможно, так как он заложен в самую суть фасцинаторной негэнтропии жизни, а ограничений на разрастание экстремальных удовольствий, как и удовольствий вообще, эволюция предусмотрительно не стала создавать. “Наслаждайтесь на благо продолжения жизни!” – вот лозунг эволюции для всего живущего. Человек этим отсутствием ограничений изобретательно пользуется.

ГЛАВА V. ФАСЦИНАЦИЯ ПРИРОДЫ

И сладок свет, и благо очам – видеть солнце.

Экклесиаст

Чистые природные цвета,
высокая музыка и нежные ароматы –
замечательнейшие радости
из дарованных человеку,
которыми люди почти всегда
забывают насладиться.

А. Кунджи

Сигналы-Образы Природы и фасцинация

Точка зрения К. Прибрама, рассматривающего ощущения и восприятия как стимулы-Образы, кажется мне продуктивной также и для анализа фасцинации Природы.

Природа не аморфна, она представляет собой расчлененное единство, Образ-Мир, составленный из тысяч объектов, красок, объемов, линий, пересечений, звуков, запахов, свечения, наполненных не прекращающейся ни на миг драматургией изменений от чуть заметных (дуновение ветерка) до экстремальных (гроза с молнией и громом) и даже катастрофических (пожары, землетрясения, цунами, извержение вулканов, падение метеоритов и т. п.). Эта космическая драматургия дополняется драматургией живой природы, взаимоотношений живых видов в процессе борьбы за выживание и продолжение рода: охотники и жертвы, полезные симбиозы животных и растений, радость выживания, стрессы, соперничество и борьба, агрессия и альтруизм – все это окружает и обрушивается на любое живое существо ежедневно.

У человека фасцинация базируется главным образом на зрительной, визуальной сенсорике. “Я одинок, как последний глаз, у идущего к слепым человека”, – эта поэтическая метафора молодого Маяковского потрясла когда-то столь же юного Корнея Чуковского. Быть слепым – значит не видеть мира.

Образы-сигналы-раздражители мира у человека таковы, каковы его глаза. Что-то человек может не увидеть вовсе, если близорук, тогда как другой увидит больше и детальнее, если он дальновзорок. Для дальтоника мир лишен переливов цвета. Вероятно его “миро-возрение” в любом случае отличается от такового у нормально видящих. Концепция активного сознательного зрения, перечеркивающая представления о глазе как совершенном фотоаппарате, является, кажется, уже банальностью. Р. Каплан убедительно показал, что видеть – значит выделять, активировать направление взгляда и разглядывание деталей, синтезировать образы и переключаться на актуальное в данный момент (170). В человеческой психофизиологии заложены, как считает Г. Баумгартнер (Gunter Baumgartner), врожденные образы красоты и гармонии и можно говорить о физиологических клише “зрительного эстетического отклика” (25).

Визуальная фасцинация – это сигналы-Образы красоты, соразмерности конструкций, визуального пространства, цветовой текстурной и цветосветовой гармонии, “золо-

того сечения” пространственных форм и объемов, ритмов и орнаментов покрова растений и животных.

В ряду этих многочисленных сигналов визуальной fascinации Природы на первое место следует по значимости поставить свет. И тьму, как антипод свету.

Для всех светоориентированных живых существ свет – это сигнал-Образ самой жизни, ее пробуждения, стимулирования и продолжения. Этот сигнал слит с другим столь же fascinативно значимым сигналом-Образом – восходом солнца. С восходом солнца начинают петь птицы, расправляются цветы, все живое начинает звучать и двигаться. Естественно, то же происходит и с человеком, его наблюдательность не могла не зафиксировать этого всеобщего движения природы к жизни с восходом солнца. Именно поэтому я утверждаю, что не только сам Мир является для живого существ и человека fascinативным сигналом жизни, но он содержит в себе еще и отдельные сигналы-Образы fascinативного чарующего воздействия, из которых в первом ряду стоят свет и солнце. Вычлененность света и солнца именно как сигналов, а не только явлений природы, произошло у человечества по всей видимости очень рано, с появлением способности воображения-наделения смыслами. А от этого рукой подать к наделению света и солнца сверхестественными потенциями магического и обожествляющего качества.

“И сладок свет, и благо очам – видеть солнце” – очень точно зафиксировано в книге Экклесиаст 3 тыс. лет назад. И наверняка страшно было очам видеть сверкающее молниями грозное небо или сметающий все на своем пути смерч, а показавшийся на горизонте после изнурительной засухи сигнал-Образ грозного облака приводил первобытного человека, как приводит современного бушмена пустыни Калахари, в радостный экстаз.

Птицы встречают восход солнца трелями. Пение петухов в деревнях возвещает начало дня и служит сигналом нового дня и жизни.

Свет стимулирует жизненные процессы в организме и пробуждает к действию психику. Этим свет радостен, побудителен к подъему настроения, к зарядке всего организма на жизнь. Темнота снижает активность, депрессирует, рождает тревожность – во тьме можно не увидеть опасность.

Серотонин, гормон хорошего настроения, вырабатывается наряду с прочим и под воздействием ультрафиолетовых лучей солнечного света. Угнетенное состояние многих жителей Севера зависит от недостатка солнца. Северяне меланхоличнее. Острый недостаток серотонина ведет к плохому настроению и вялости. Больше всего от дефицита серотонина страдают дети.

Сегодня ориентируются на то, что возможность все видеть в цвете дает нам не столько окружающий мир, сколько непосредственно мозг. Это имеет значение не только для зрительной переработки внешнего раздражителя, но и для продуцирования наших образов, таких, как идеи, мысли, воспоминания. Будущее мы рисуем в “радужных красках” или носим “розовые” очки. Кто-то для нас “светлая голова”, ибо он способен на многие “блестящие идеи”. Люди бывают “восходящими звездами” и “маяками”. Субъективные переживания позитивных перемен в настроении постоянно связываются с усиливающимся внутренним светом, даже если речь идет всего лишь о “проблеске надежды”.

Но также мы говорим: “Будущее видится мне в черном цвете” или “Какая серость”. Пессимистам свойственны мрачные мысли, черный цвет является во многих культурах цветом траура.

Связь между реальной темнотой и депрессиями представляет собой научный факт. Большое количество дневного света способно по-настоящему “осветить” мрачное настроение меланхолически или депрессивно настроенных людей. Для современного человека, привыкшего к электрическому освещению, аварии на электросетях вызываются в панику. Долгое пребывание в темноте относят к разновидности сенсорной депривации и оно равносильно медленной пытке.

В последнее время получила широкое распространение гипотеза, согласно которой базовые эстетические чувства и восприятия, такие, как гармония форм, “золотое сечение”, цветовая гармония, являются врожденными и на их основе развивается с социальным и художественным опытом более сложное индивидуальное эстетическое видение мира. Этнограф и этолог И. Эйбл-Эйбесфельдт пишет в своей работе “Биологические основы эстетики”: “... восприятие определенного звука или, скажем, красного цвета с необходимостью и напрямую связано с активностью определенных клеток мозговой коры. Стало ясно, что возможности восприятия находят прямое отражение в особенностях реагирования таких клеток (например, в спектральной чувствительности или разрешающей способности). Этот вывод подтверждают и клинические наблюдения: способность воспринимать определенное качество ощущения утрачивается, если соответствующие клетки разрушены. Но почему возбуждение изучаемых нервных клеток может сопровождаться таким богатством чувственных впечатлений? Ведь мы улавливаем и цветовые оттенки, и тонкие различия звуков, и многое другое. На этот вопрос ответа пока нет, но никуда не уйти от неизбежного вывода, что наш психический опыт поддается расчленению и так же ограничен, как и сам мозг” (521, с. 175).

Д. и Л. Палмер приводят данные исследования Нэнси Эйкен (Aiken, 1998), которая “изучила эстетическую реакцию как часть нашей эволюционирующей психологии. На эстетическую реакцию частично влияет научение, но она также подвержена влиянию врожденного набора инициированных реакций. Определенные конфигурации линий, формы, цвета и звука в произведениях искусства вызывают у наблюдателей эмоциональные реакции. Это происходит не только в силу ассоциаций с этими конфигурациями, усвоенными наблюдателем, но и в силу безусловных рефлексов... Некоторые инициирующие стимулы – такие как открытые ландшафты наподобие саванн – вызывают приятные подкрепляющие реакции. Другие инициирующие стимулы продуцируют отвращающие или оборонительные реакции. Например, пятна-глазки, выделяемые, когда они контрастируют с кривыми линиями, и красный цвет являются потенциально отвращающими раздражителями” (328).

Первобытный человек, имманентно слитый с окружающей его природой, не мог не испытывать восторга и трепета от могучих природных явлений: молнии, северного сияния, всполохов на ночном небе, причудливости облаков, величия горных вершин и скал. Обожествляя природу, фетишизируя ее, наделяя ее душой и духами, он воспринимал, отражал и включал в этот процесс преклонения и поклонения прежде всего fascination Природы, т. е. ее яркие чарующие явления и явления, наводящие

страх. В зависимости от этого импрессионизма восприятия он наделял явления природы смыслом, и этот смысл, закрепленный в мифах и сказаниях, был уже не только физиологически, но и семантически фасцинативен. Из этой фасцинативности родилось чувство художественности и красоты. А природа, как первоисточник фасцинации, всегда была и останется навсегда нескончаемым арсеналом фасцинативных образов, метафор, сюжетов, используемых человечеством в своем повседневном и художественно-эстетическом общении.

В самом деле, если живописцы-профессионалы один за другим признавали, что лучший пейзажист и мастер композиции – Природа, то не мог не чувствовать этого уже первобытный человек. Природа для воспринимающего ее человека – это определенное сочетание образов, причем во многом качество этих образов определяется состоянием органов чувств, рецепторов, а также опытом-памятью, актуальными установками и вытекающим из них уровнем внимания индивидуума, состоянием эндокринно-гормональной системы воспринимающего и т. д. Близорукий видит мир иначе, чем дальнорукый, а слепой и вовсе его не видит, хотя и тоньше ощущает его кожными, слуховыми и обонятельными рецепторами. Для каждого человека мир разный и образное восприятие его зависит даже от настроения психики.

Острая наблюдательность охотников и скотоводов, совершенно необходимая вовсе не для художественности, а для выживания, поражала этнографов, которые вели полевые наблюдения за производственной жизнью туземных племен. Но столь же закономерной является другая сторона этой наблюдательности, лежащей в основе познания повадок и поведения животных, – выделение гармонии, красоты, оригинальности телесного вида и функциональных проявлений живых существ. Б. Малиновский замечательно точно отметил эту сторону восприятия туземным человеком животного мира: “Тот, кому довелось жить с дикарями в джунглях, кто принимал участие в их собирательстве или охотничьих рейдах, тот, кто плывал под их парусами в лагунах или проводил лунные ночи на песчаных отмелях в ожидании рыбного косяка или черепашого выводка, – тот знает насколько обострено и избирательно внимание дикаря, как оно концентрируется лишь на признаках присутствия желанной добычи, ее следах, повадках и других особенностях, оставаясь при этом совершенно нечувствительным к любым иным раздражителям. Каждый природный вид, являющийся обычным объектом добывания, становится как бы ядром, вокруг которого “кристаллизуются” все интересы, стремления и эмоции племени. Каждый такой вид обростает чувствами социального характера, чувствами, которые, естественно, находят отражение в фольклоре, вере и ритуале.

Необходимо также помнить, что тот же естественный импульс, который вселяет в детей восхищение птицами, живой интерес к животным и отвращение к рептилиям, – тот же импульс выдвигает животных на передний план природного мира и в восприятии человека примитивной культуры. Благодаря своему фундаментальному сходству с человеком – подобно ему они движутся, издают звуки, способны чувствовать, имеют тела и “лица” – а также благодаря своим превосходящим человеческие способностям – птицы летают в небе, рыбы плавают под водой, рептилии, сменяя кожу, обновляют тело и к тому же могут уползать под землю – благодаря всему этому животное, промежуточное звено между природой и человеком, часто более сильное, подвижное и лов-

кое, чем человек, и в то же время обычно служащее ему добычей, занимает исключительное место в мировоззрении дикаря” (265).

В это обостренно-утонченное восприятие первобытного человека, отображающее каждый нюанс природы и животного мира, закладывалось восхищение и удивление, переходящее в иногда странное подражание. Так, австралийские аборигены ввели обычай рассекать penis надвое, имитируя penis животного эму и полагая, что поскольку эму наделен громадной потенцией, то подражание животному перенесет эту потенцию и на подражателя. При этом мужчина терял способность нормально мочиться и при мочеиспускании вынужден был присесть, как женщина.

К. Ясперс, исследуя проблему происхождения символов, отметил наличие в человечестве неких общих символических паттернов противопоставления самого общего характера: мужское – женское, становление – угасание, ритмичность и периодичность стихийных явлений природы, которые “повсюду встречаются в виде символов; благодаря этому мы получаем возможность выделить фундаментальные символы рода человеческого, изначально, вне какой бы то ни было связи с историей и традициями, существующие в бессознательном” (541).

Наконец, необходимо учесть и то, что окружающая первобытного человека природа содержала в себе все то, что современный человек осознал, “вычислил” как красоту и гармонию. Я имею в виду заложенные в природе ритмы, орнаменты, формы “золотого сечения” в лучших его образцах, гармоничные объемы, линии, контуры, игру красок и то, что во все времена восхищало художников – удивительные, чарующие или наводящие жуть и страх природные композиции.

А. Кауэлл, предпринявший в 1957 г. путешествие в глубь Амазонки на плато Мату-Гросу, куда тогда еще не ступала нога исследователей-этнографов и попав в девственную величественную природу, был потрясен тем, какие необыкновенные картины открывались взору и выразил свое впечатление (а это впечатление человека цивилизации XX в.!) словами: “Мы взобрались по скалам на самое высокое место. Рораима казалась отсюда высшей точкой всей Амазонии... “Мы словно в межпланетном путешествии какого-нибудь фантаста”, – сказал Джон. Мы обозревали окружавший нас “лунный” ландшафт, напоминавший гигантское блюдце, изборожденное безобразными, судорожно скрюченными черными грядами. На много миль вокруг простиралось нагромождение изрезанных и иссеченных скал, будто миллионы злобных каменотесов соорудили камеру пыток, предназначенную для одного из титанов. Громадные скалы были искрошены ветрами, которые свирепствовали вокруг горы. Один утес напоминал орудие пыток – железный сапог, другой – искалеченного верблюда, там виднелась черепаха без головы, а дальше – свинья, и в спину ей вцепилась пиявка. В скале образовалась галерея с покатой крышей и колоннами, как в боковом приделе готической церкви, и подобием горгулий, еще более уродливых, чем на соборе Парижской Богоматери. В Средние века в таком месте вполне могли бы служить черную мессу. “Окажись все это в Англии, – заметил Стенли, – можно было бы брать по шестипенсовику за вход и нажать уйму денег”. И в самом деле, сама природа создала здесь комнату ужасов. Громадные скалы, весь злобный черный пейзаж словно обнажали душу Амазонии” (175, с. 12). Но ведь подобные картины восприятия происходили и с первобытными людьми по всему миру.

На восприятие накладывает отпечаток и имманентная для этноса форма труда: взгляд со скалы на долину пастуха, земледельца и охотника существенно отличался – они выделяли в пейзаже разные доминанты. И эти доминанты, сотни и тысячи раз повторенные, непременно закреплялись в психике пралюдей своими “красотами”, становясь Образами-сигналами-фасцинами.

Имманентная для практической деятельности активность восприятия природы включала у первобытного человека не только восприятие ее внешних проявлений, но и проникновение в ее тайны. И в этом человеку “помогали” животные и растения. Познание пищевых свойств растений с неизбежностью привело к пробам растений-галлюциногенов, употребление которых вызывало галлюцинации и изменение сознания, что вело к формированию мистического и магического сознания и соответствующих форм магического поведения, так широко распространенного у всех примитивных народностей планеты на всех континентах. Происходил этот процесс у каждого этноса по-своему, и порой довольно забавно.

Марлин Добкин де Риос описывает один из таких способов освоения действия мухомора (*Amanita muscaria*) в симбиозе с мочей человека: “Коряки опытным путем обнаружили, что галлюциногенные свойства грибов проявляются в мужской урине. Мужчина, выходя из жилища, “облегчался” в специально подготовленную деревянную емкость, в которой находились грибы. Процесс повторялся пять раз, пока грибы не приобретали необходимые свойства. Возможно, что сибирские пастухи заметили связь между свойствами грибов и их выдержкой в урине, пройдя обучение у своих оленей. Когда животные ели лишайник, ими овладевало страстное желание, проявлявшееся в интересе к моче пастухов-мужчин, и они часто подходили к жилищам, чтобы напиться ею. Каждый корякский мужчина носил с собой сосуд из тюленьей кожи, который он использовал для хранения урины. Этот сосуд служил средством для усмирения непокорных оленей. Иногда, чтобы поесть политого уриной снега, который, по-видимому, являлся для оленей деликатесом, они возвращались к чумам с самых отдаленных пастбищ...” (132). И еще: “Другой пример связи людей и животных, относящийся к употреблению галлюциногенов, можно обнаружить у североамериканских индейцев. Известно, что индейские племена находили в желудках убитых во время охоты оленей бобы мескаля, и это могло послужить начальным толчком к использованию ими этого растения. Можно только догадываться, что должно было произойти с несчастным животным, проглотившим красные бобы, о силе воздействия которых ходят легенды. Вероятно, потеря бдительности привела его в западню вездесущего охотника. Несмотря на отсутствие полной ясности в этом вопросе, все же можно сделать предположение относительно роли животных в той части человеческой истории, которая связана с употреблением галлюциногенов. Человек, для которого успешная охота являлась важнейшим фактором выживания, мог уделять особое внимание окружающим его животным, изучая их повадки и ритм жизни. В то же время этнографические сведения раскрывают эту связь между людьми и животным миром: они со всей очевидностью показывают, что растительные галлюциногены, если они были доступны, являлись еще одним средством, укреплявшим подобную связь” (там же).

Наскальная живопись, обнаруженная на юге Алжира, в местности, именуемой Тассилин-Аджер, датируется периодом позднего неолита. Сохранившиеся фрески

изображают танцующие человеческие фигуры, покрытые грибами; в руках они держат те же грибы.

Не могли не войти в обостренную сенсорику первобытного человека, так метко подмеченную Б. Малиновским, и запахи природы, которые и до сих пор играют свою роль чарующих и отпугивающих сигналов в поведении людей.

Фасцинация природных рисунков-симметрий и орнаментов также не могла остаться незамеченной зорким глазом прачеловека. Г. Земпер по этому поводу пишет: “В природе имеются бесчисленные примеры, могущие при соответствующем орнаментально-стилизованном воспроизведении в каком-либо материале служить наиболее подходящими и уместными аналогами и символами. Примерами этого можно назвать сетчатый узор на дынях, цепляющиеся усики виноградной лозы, когти и лапы животных, звериные пасти, обвивающие змеиные кольца, ветви деревьев и многое другое” (153).

Природа пульсирует в человеке огромным арсеналом сигналов-Образов, управляющих его поведением и поэтическим воображением. Замечательно выразил это Кавабата Янусари в своей нобелевской речи: “Профессор Ясиро Юкио... сказал однажды, что “особенность японского искусства можно передать одной поэтической фразой: “Никогда так не думаешь о близком друге, как глядя на снег, луну или цветы”. Когда любишь красоту снега или красотой луны, когда бываешь очарован красотой четырех времен года, когда пробуждается сознание и испытываешь благодать от встречи с прекрасным, тогда особенно тоскуешь о друге: хочется разделить с ним радость. Словом, созерцание красоты пробуждает сильнейшее чувство сострадания и любви, и тогда слово “человек” звучит как слово “друг”.

Слова “снег, луна, цветы” – о красоте сменяющихся друг друга четырех времен года – по японской традиции олицетворяют красоту вообще: гор, рек, трав, деревьев, бесконечных явлений природы и красоту человеческих чувств.

Цветы – весной.
Кукушка – летом.
Осенью – луна.
Чистый и холодный снег –
Зимой.”

У каждого своя Фудзияма

В. Дольник дал убедительное этологическое обоснование “застревающего” влияния на человеческую память первых детских впечатлений и складывания сладостного образа “родного места”: “Каким был наш обезьяний и полуобезьяний предок? Как всякий собиратель, он должен был бродить. Но небольшое стадо существ, похожих на австралопитеков, брело не куда попало — оно бродило по своей традиционной территории. Это была их родина. <...> Есть в детстве каждого территориального животного особый момент – период закрепления территории. В это время происходит импринтинг – запечатление в мозгу облика окружающего мира. Запечатление

навсегда. Став взрослым, животное стремится не потерять этой территории, возвращается на нее. Если период запечатления короткий, а животное в это время малоподвижное, оно запомнит маленький участок. Если период длинный, как у человека, и животное много перемещается, оно запечатлеет обширную территорию. Наша маленькая индивидуальная родина всегда дорога сердцу, где бы ни вырос человек – в тундре или в тайге, в пустыне или на берегу моря, на островке или в городе, – ибо она запечатлевается в нашем мозгу и окрашивается положительными эмоциями. Но многие виды животных имеют и еще один, уже врожденный образ – образ подходящей для вида экологической среды. При возможности выбора выросший в изоляции олень предпочтет лес, а сайгак – открытые пространства. Исходная среда человека – это саванна. И для нас до сих пор самый приятный ландшафт – чередование групп деревьев и кустарников с открытыми пространствами, вблизи реки или озера” (128).

В музее Фудзиямы представлены окаменевшие деревья со склонов вулкана. “Эти выковыранные из-под земли окаменевшие деревья, – свидетельствует один из туристов, – стоят просто бешеные деньги”. Дело, видимо, в том, что любой японец, живущий далеко от Фуджи-сан, готов заплатить немаленькие деньги даже за малюсенький кусочек такого дерева, поскольку оно напоминает о Родине и должно приносить в дом японца счастье.

Образы природы родных мест являются одной из главных доминант в страданиях больных ностальгией, и это служит еще одним доказательством в пользу высказанного мной тезиса о существовании в человеческой коммуникации фасцинации сигналов-образов Природы. У каждого человека в подсознании и воображении-памяти сияет своя Фудзияма.

К. Ясперс в работе “Ностальгия и преступления” привел мнения и свидетельства авторов публикаций о ностальгии и ее последствиях, в частности Блуменбаха, считавшего, что северяне и швейцарцы более подвержены ностальгии и в качестве причины рассматривавшего их “привычку к великолепным впечатлениям природы”, и известного врача Наполеона Ларрея, описавшего ностальгию у французских солдат в походе на Россию и констатировавшего, что “на пике психического помешательства больные видят на чужбине восхитительные картины родины, какими бы суровыми они на самом деле ни были” (540, т. 1, с.16–17).

Наполеон на острове Святой Елены писал: “С закрытыми глазами я узнал бы мою Корсику по запаху”.

М. Цветаева оставила такую запись-пожелание: “Я хотела бы лежать на тарусском хлыстовском кладбище, под кустом бузины, в одной из тех могил с серебряным голубем, где растет самая красная и крупная в тех местах земляника.

Но если это несбыточно, если не только мне там не лежать, но и кладбища того уже нет, я бы хотела, чтобы на одном из тех холмов... поставили с тарусской каменоломни камень: “Здесь хотела бы лежать МАРИНА ЦВЕТАЕВА” (364).

То, что все привыкли называть “малой родиной”, и есть эта удивительная почти врожденная фасцинация, сигнал-Образ тех мест, среди деревьев, трав, цветов и запахов которых человек родился и делал первые шаги. И это вовсе не информация, это чувственный ностальгический Образ.

Фасцинация культурного ландшафта и архитектуры

М. Хайдеггер говорит о пространстве как месте обитания: “Но как мы сумеем отыскать собственное существо пространства? На случай крайней нужды есть спасательный мостик, правда ветхий и шаткий. Попробуем прислушаться к языку. О чем он говорит в слове “пространство”? В этом слове говорит простираание. Это значит: нечто просторное, свободное от преград. Простор несет с собой свободу, открытость для человеческого поселения и обитания. <...> Простираание простора несет с собой местность, готовую для того или иного обитания. <...> Простор есть высвобождение мест. Нам следовало бы научиться сознать, что вещи сами суть места, а не только принадлежат определенному месту”.

Ф. Разумовский пишет о том, что академик Д. Лихачев особенно выделял понятие “ландшафтное зрение”, которым, по его мнению, “русские люди обладали уже во времена Киевской Руси. Ландшафтное зрение – способ созерцания и вчувствования в окружающий мир. На его основе воздвигался национальный пейзаж, формировалась вся русская пространственная культура, в том числе и градостроительство, отличающееся стройной, продуманной системой зрительного восприятия” (364).

У Гоголя синонимом Руси была беспредельность ее простора: “... онемела мысль перед твоим пространством. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!...”.

Из естественной фасцинации Образов Природы выросли такие формы эстетического конструирования среды обитания, как культурный ландшафт, создаваемый в виде комбинаций-композиций парков, искусственных водоемов, садов и палисадников, цветников и лужаек.

Д. Лихачев пишет в книге “Поэзия садов”: “Реальный пейзаж учит созданию пейзажа искусственного – сада и парка” (238). Природный ландшафт может быть повторен в какой-то особо фасцинативной своей части и сконструирован искусственно. Так возникли искусственные сады и парки, некоторые из них достигали такого эстетического совершенства, что потрясали воображение и были занесены в категорию чудес света, как знаменитые сады Семирамиды. В архитектурном плане эти висячие сады представляли собой пирамиду, состоявшую из четырех ярусов-платформ, их поддерживали колонны высотой до 25 м. Нижний ярус имел форму неправильного четырехугольника, наибольшая сторона которого составляла 42 м, наименьшая – 34 м. Чтобы предотвратить просачивание поливной воды, поверхность каждой платформы сначала покрывали слоем тростника, смешанного с асфальтом, затем двумя слоями кирпича, скрепленного гипсовым раствором, поверх всего укладывались свинцовые плиты. На них толстым ковром лежала плодородная земля, куда были высажены семена различных трав, цветов, кустарников, деревьев. Пирамида напоминала вечно цветущий зеленый холм. В полости одной из колонн помещались трубы, по ним вода из Евфрата насосами день и ночь подавалась на верхний ярус садов, откуда

она, стекая ручейками и небольшими водопадами, орошала растения нижних ярусов. Чудом казались журчание воды, тень и прохлада среди деревьев, вывезенных из далекой Мидии.

С. Эйзенштейн подчеркивал: “Неоднократно отмечался исследователями и знатоками этого дела тот факт, что удивительная гармоничность китайского пейзажа достигается еще и тем, что канонические принципы своего построения он вырабатывал и воспитывал, перелагая в живопись в первую очередь хотя и реальные пейзажи, но такие, которые сами были искусственно построены по не менее строгим канонам, да к тому же еще по тем же самым канонам, которые в дальнейшем управляют принципами живописи!

Первичными объектами живописи служили парки и окрестности дворцов и храмов, где умелой рукой мастеров искусственно компоновался, казалось бы, вольный пейзаж; и умелые руки, глазом улавливая бег контура и силуэты далекой горной цепи, знали, куда бросить нагромождение диких камней, где запрудить речку и дать ей вырваться водопадом, где оставить изогнутый ствол сосны, освободив его от сбивчивого окружения случайного кустарника, и где оставить нарочитую густоту разрастающихся зарослей камыша.

Здесь в самих элементах реальной природы совершенно так же последовательно komponуются, чередуясь, все те же противоположные элементы текучего и твердого, материального и воздушного, близкого и того, что раскрывается далью.

Здесь, с одной стороны, кажущаяся близость с романтическими принципами неожиданностей английского парка, опрокинувшего своей садовой эстетикой ригористическую эстетику традиций Версаля и парков Ле Нотра.

Но кто же учил этих мастеров древности изыску искусственно создаваемых садовых и парковых ландшафтов?

Кто же в конечном счете всегдашний и неизменный великий учитель даже в области самых замысловатых композиционных и даже стилизационных ходов?

Конечно, всегда и прежде всего — сама природа” (522, т. 3, с. 93–94).

Я в 1964 г. был потрясен видом возносящихся к небу заснеженных вершин Кыргызского Алатау, увидев их впервые и внезапно – посмотрев в окно автобуса, на котором я ехал в г. Фрунзе от железнодорожной степной станции Чу. Зрелище было из ряда ошеломляющих и прекрасных.

Возносящееся к небу место земного пространства или, как отметил М. Хайдеггер, “место-вещь”, обладает, по-видимому, fascinирующим свойством, что и нашло свое отражение в ландшафтной и архитектурной эстетике всех народов с фиксацией особого значения высокого места: горы, скалы, холма. Именно на таком месте происходили кульминационные события в жизни этносов, именно на такие места стремились и власть, и толпа.

Вожак шимпанзе занимает самое высокое место, позволяющее обозреть стадо. То же наблюдается у стайных птиц: голуби, галки борются за самое высокое и удобное место.

Человек старался возводить селения на высоких местах. Потом ставил на возвышениях церкви и соборы.

В культурном ландшафте особая роль принадлежит также камню как объекту природы и как сконструированному руками человека предмету для самых разных нужд:

от зубила и молотка до величественных замков и соборов. Поэзия камня в истории человеческой культуры, кажется, еще не отражена в науке. Я имею в виду простой камень, обломок или часть скалы, валун, а не драгоценный камень ювелиров. Тот камень, из которого строили крепостные стены, крепости, пирамиды, замки, Каппиеву дорогу, Великую Китайскую стену.

Красота и Fascинация камня. Скалы.

Камень природный и камень ювелирный

Камни с узорами и цветовой гаммой.

Функциональные камни. Жернова.

Камень как элемент быта.

Камень как амулет.

Камень как защита и охрана.

Каменные ограды.

Каменные стены вокруг городов.

Крепости.

Общая теория Fascинации камня также ждет своего автора. И одной из основ ее эстетической семантики могла бы стать философия и поэзия японского каменного сада.

“Музыка в камне” – такой метафорой определил архитектуру Гете и она очень точна. Но музыка – это максимальная Fascинации, свободная от информации. Ее выделение в особую сферу производства Fascинативного звучания как нельзя лучше свидетельствует о том, что уже в древности человек начал осознавать специфическое воздействие на психику организованного звучания. Музыка в камне тоже максимально свободна от информации и только тогда она становится чарующей и удивляющей. Архитектура – это поиск гармоничных пространственных форм, складывающихся из кубиков и кирпичиков.

Восторг от величественности и гармонии великих творений архитектуры каждый испытал на себе. Великая китайская стена, Тадж-Махал, собор Василия Блаженного, египетские пирамиды, древнегреческий Парфенон. Все эти архитектурные творения человеческого художественного гения давно стали не просто объектами для восприятия, но сигналами-Образами восхищающей глаз музыки камня, символами-метафорами красоты и Fascинации.

ГЛАВА VI. ФАСЦИНОЭКОЛОГИЯ

В одиночке при ходьбе плечо
следует менять при повороте,
чтоб не зарябило, и еще
чтобы свет от лампочки в пролете
падал перемененно на виски,
чтобы зрачок не чувствовал суженья.
Это не избавит от тоски,
но спасет от головокруженья.
И. Бродский

Сенсорная настройка и депривация в городской среде

В ходе работы на проблемой фасцинации природы я тщательно изучил проблему визуального восприятия природных объектов, в том числе замечательные по основательности и современному подходу к экологии зрительного восприятия труды Дж. Гибсона (101) и В. Филина (480).

Но не только зрительное восприятие наделено врожденными и приобретаемыми индивидом в экотнотсистемах сигналами-Образами, но также и все другие перцептивные структуры человека. Вдобавок к этому у каждого человека формируется еще и оценочное эстетическое чутье, которое разные авторы называют врожденными чувствами гармонии и красоты форм, звучаний, красок. Таким образом, существует и формируется у каждого этноса и индивида система фасцинативных сигналов-Образов Природы, которые создают психофизиологический, душевный и эстетический комфорт, а отсутствие их (или тем более разрушение) формируют дискомфорт и провоцируют психические и психосоматические недуги.

До последнего времени борьба за экологически безопасную среду человеческого обитания разворачивалась во всем мире, в том числе и в России, вокруг вредной загрязненности и радиоактивности атмосферы, загрязнения водной среды, оголения ландшафтов. Это закономерно и абсолютно верно.

Но общественность упускала и продолжает упускать из виду экологические опасности иного рода, которые, окружая людей повседневно, наносят вред психике и подчас вред непоправимый. Я имею в виду такие психические последствия от подобной экологической опасности, как стойкую утомляемость и депрессивность, импульсивную необъяснимую агрессивность и даже психопатии, выливающиеся в апатию и истерии, а то и социальную агрессивность. Так называемые трущобы (а они есть до сих пор почти во всех крупных городах планеты) всегда давали и дают львиную долю агрессивно-импульсивных толп при социальных катаклизмах и массовых беспорядках. Среда обитания во всех ее сенсорно воспринимаемых компонентах формирует настроение человека, его душевный комфорт или дискомфорт, психо-соматическое состояние организма.

Первый поучительный опыт психоэкологической организации среды обитания был приобретен мною в 1987 г. в ходе разработки одной из свердловских фирм проекта

поселка для газовиков в районе городов Карпинска и Краснотурьинска Свердловской области. Проект был заказан одной из “дочек” Газпрома и должен был вылиться в строительство поселка нового типа с учетом современных экологических и эстетико-дизайнерских требований. Руководимая мной социологическая группа должна была провести опрос среди потенциальных жителей нового поселка, а ими должны были стать в основном жители названных городов и близлежащих поселков. Архитекторы-разработчики фирмы с некоторым скепсисом ждали итогов нашего исследования и были обескуражены, когда им предстала картина ожиданий населения, значительно отличавшаяся от той, какую нарисовало их творческое воображение. Я провел опрос по парадигме: чего люди ждут, чего хотят реально и о чем мечтают. Общая картина получилась достаточно ожидаемой для этой местности Урала с небольшими лесистыми горами, речками, небольшими долинами. Люди хотели бы жить в благоустроенных домах-усадебках двухуровневого исполнения, с собственным огородом и придворовыми постройками для скота и птицы. Небольшой городок сельского типа и со всеми удобствами. Напомню – это был 1987 г. В наши дни подобного рода застройки (разве что без пристроек для скота) стали аксиомой, приблизительно по такому типу застраиваются пригородные престижные пространства по всей России. Тогда этого хотели поселяне предсеверного Урала. Начальству газовиков итоги опроса пришлось по душе, они прекрасно знали и те места, и возможных поселенцев. Зато фирма ждала другого и осерчала на меня. Ей хотелось, чтобы народ хотел двух-трехэтажного поселка городского типа с небольшим включением усадеб. Конечно же, народ был прав: наши респонденты знали свои потребности, окружающую природу, оптимальную связь с ней и эстетические каноны ландшафта. Другими словами, опрос выявил экологические и социально-психологические fascinации. И... газовики разорвали договор с фирмой, поскольку та не прорабатывала вариант, выявленный социологическим опросом. А я получил первый социологический опыт исследования экологической fascinации поселения. Опыт, который показал, что люди наделены интуитивным чутьем психоэкологической оптимальности среды обитания и конструирования поселений.

Правда, эта общая интуитивность в конкретных случаях может давать сбои. В г. Александровске Пермской области я был свидетелем такой потери чутья. Хороший мастер построил двухъярусный добротный дом (бревенчатый) на высоком месте с возможностью замечательного ландшафтного обзора, но именно на той стороне, с которой открывался особенно красивый вид на живописный пруд и лесные дали, он не сделал ни одного окна, если не считать небольшого оконца в нижнем полуподвальном этаже, которое открывало вид на огород. Очевидно, домовладелец не имел ландшафтного зрения (по Д. Лихачеву) и ему вид ландшафтного простора не был нужен. А вид был просто изумительный, сравнимый с альпийскими курортными ландшафтами! И нужно было для того, чтобы этим ежедневно услаждать, а может, и успокаивать душу, всего лишь окно.

Великий архитектор Л. Корбюзье писал: “В наиболее благоприятных зонах обычно размещаются роскошные дома богатых. Это доказывает, что, располагая материальными возможностями, люди инстинктивно стремятся поселиться в хороших местах, устраивая свое жилище в наилучших природных условиях... Добротное жилище, омываемое воздухом, располагается в лучших районах, защищенных от небла-

гоприятных ветров, в местах с великолепными видами на окружающий ландшафт — озеро, море, горы и т. д. Эти районы щедро освещаются солнцем” (205, с. 98). При такой организации среды обитания сенсорика поет, наслаждается богатством всех необходимых организму сенсорных раздражителей, ни о каком сенсорном дефиците и речи не может быть.

Одним из детерминирующих факторов настроения и эмоционального состояния человека в условиях городской среды является активность его сенсорики. Все эти опасности и вредные влияния на психоэмоциональное, а значит, и психосоматическое состояние человека порождаются сенсорной депривацией, созданием среды, ограничивающей нормальный объем для организма полезных и нужных ему как воздух и чистая вода сенсорных раздражителей и впечатлений. Человек, лишенный нормального акустического шума, помещенный в замкнутое пространство серых стен и аммиачных запахов, непременно попадает в психоневрологический диспансер, а то и на хирургический стол.

К сенсорной депривации, широко распространенной в современных городах, следует отнести:

1. **Недостаточность озеленения** (есть почти “голые” города), плохое использование “зеленой” архитектуры и организации озелененного пространства: садов, парков, зеленых дворов.

2. **Недостаточность света**, чаще всего имеющее место в застройках многоэтажными домами, стоящими близко друг от друга и загораживающими путь свету и солнечным лучам в окна квартир и офисов.

3. **Применение для окраски или строительства стен домов и производственных зданий серых и грязноцветных материалов и текстур.**

В первую очередь, это повседневно окружающие человека агрессивные, угнетающие зрение плоскости и “пейзажи”. Ежедневный на протяжении многих лет взгляд из окна своей квартиры, упирающийся в серую стену противоположного здания, может вывести из эмоционального равновесия кого угодно. А если к тому же, выйдя из такой квартиры, человек встречает серые коробки жилого квартала, грязь во дворе, циничные граффити на заборе и дымящую трубу котельной, можно только удивляться, что он всего лишь ругается по каждому поводу и без повода, а не бросается с кулаками. Психика этого человека запрограммирована средой его обитания на эмоциональную регрессивность, хотя сам он об этом может не догадываться. Он просто легко срывается. В больших городах до сих пор есть настолько визуально опасные зоны, что неудивительно повышенная социальная депрессивность и агрессивность их жителей. Прежде всего, как я уже сказал, это трущобы. Одной из первоочередных социальных задач градостроительства замечательный дизайнер Дж. Нельсон еще в 1980 г. назвал избавление крупных городов от трущобных кварталов и зон: “Их снос и замена приличными жилыми домами должны быть первым шагом при всякой реконструкции больших и малых городов” (307, с.179).

Вредоносность визуальной депривации убедительно показал В. Филин на материале антифасцинации зрительного восприятия в городах с искаженными визуальными средами. На базе огромного научно выверенного материала он создал видеоэкологию – науку о взаимодействии человека с окружающей видимой средой, теоре-

тической основой которой является теория автоматии саккад, т. е. автоматии быстрых движений глаз. В. Филин характеризует этот принцип так: “Саккадой (от французского слова, означающего “хлопок паруса”) называется быстрое движение глаза, которое совершается произвольно, то есть в автоматическом режиме. В физиологии известны различные автоматические процессы, например автоматия работы сердца и автоматия дыхания. Таковой же является и автоматия саккад. Глаза непрерывно сканируют видимое окружающее пространство, совершая примерно 2 саккады в секунду. После каждой саккады глаз фиксирует какой-либо зрительный элемент и в мозг поступает информация об увиденном”.

Это означает, что при создании искусственной среды обитания человека, наряду с другими требованиями, мы должны учитывать насыщенность ее видимыми элементами. К сожалению, как показали исследования, эти требования повсеместно нарушаются, в результате чего в большинстве случаев создается противоестественная визуальная среда, в частности гомогенные и агрессивные видимые поля.

Гомогенным называется поле, на котором либо отсутствуют видимые элементы, либо их число резко снижено. Примерами гомогенных полей в городской среде являются глухие заборы, гладкие двери, панели большого размера, монолитное стекло, подземные переходы, асфальтовое покрытие и крыши домов. В квартирах гомогенные поля начинаются с гладкой входной двери, продолжают полированными стенками и шкафами и заканчиваются гладким пластиком на кухне.

Агрессивным называется видимое поле, на котором равномерно рассредоточено множество одинаковых элементов. Агрессивную среду создают многоэтажные здания с большим числом одинаковых окон на стене; стены, облицованные кафельной плитой; кирпичная кладка с потайным швом; двери, обитые вагонкой; а также всевозможные решетки, сетки, дырчатые плиты, гофрированный алюминий и т. д. В городских условиях нередко одно агрессивное поле налагается на другое, к примеру, стена дома с навесными рустами, за металлической решеткой.

В агрессивной и гомогенной среде не могут полноценно работать фундаментальные механизмы зрения (480).

Очень опасны для психики огромные зеркальные плоскости как в оформлении стен домов, так и внутри больших помещений. Возможны феномены раздвоения личности и эпилептические реакции. О такие поверхности часто разбиваются птицы, оставляя на них малоэстетичные следы.

Не менее неприятны для зрения загаженные пустыри, ямы и лужи, места свалки мусора во дворах. К антифасцинации визуальной добавляется отвращение от гнилостных и прочих неэстетичных запахов.

Фривольного или скабрёзного исполнения граффити на барьерах, стенах домов и подземных переходов также у многих людей могут вызвать не только раздражение. Граффити в подъездах порой достигают такого исполнения, что нужно зажмурить глаза и пробираться на ощупь к двери своей квартиры. Но быть может, эта изобразительно-скабрёзная агрессивность спровоцирована нелюбовью к кварталу, району, городу? Холодному и бездушному, грязному, серому и вонючему? Экологически опасная среда провоцирует девиантное настроение и выплески агрессии: бьют бутылки, выбрасывают в окно пакеты с отходами, рисуют на стенах домов и подъездов пакос-

ти, плюют, бросают, гадят. Выгуливают собак на детских площадках.

4. Перегруженная антифасциативными звучаниями и шумами акустическая среда.

Психофизиолог Л. А. Китаев-Смык пишет: “Монотонный звук дождя усыпляет. А если его усилить до уровня гула станков в цехе или вереницы несущихся самосвалов? Это уже может стать причиной стресса и заболевания. Громкий постоянный шум неминуемо вызывает нежелательные физиологические и психологические реакции. Среди первых наиболее неприятно ускорение старения организма. Людям среднего и старшего возраста хорошо знакомы чувства утомления, душевного опустошения, разбитости, довольно скоро возникающие в шумной обстановке. Эти чувства не только результат утомления, невротизации, но и предвестники дряхления. Исследователи обнаружили, что длительный шум – одна из основных причин равнодушия, ослабления сопереживания в беде. Внезапный громкий, как выстрел, выхлоп или скрежет тормозов автомобиля, громopodobные звуки от самолетов в момент превышения ими скорости звука особенно опасны для детей. Неожиданный сильный звук может на многие годы вызвать заикание, эпилепсию, нарушить интеллектуальное развитие. “Звуковой удар” у всякого человека вызывает испуг. Одни в страхе напрягаются, бегут, не понимая куда, другие, напротив, обмякают, ощущая слабость в ногах и руках, покрываются испариной. И чем сильнее звуковой удар, тем больше “обмякших” (188).

5. Дискомфортно пахнущая городская атмосфера, преобладание в ней неприятных запахов затхлости, гниения, дурно пахнущих химических соединений. Есть города, приехав в которые, гости зажимают нос, настолько атмосфера пронизана неприятным запахом профилирующего опасного для здоровья производства – металлургического, коксохимического, аммиачного и т. д.

Помню, много лет подряд, подъезжая по железной дороге к станции “Губаха” в Пермской области, надо было затыкать носы от жуткого запаха, похожего на запах тухлых яиц – дымил старый, ржаво-желтый коксохимический завод, стоявший у самой железной дороги. Сейчас его, кажется, убрали.

Иногда можно наблюдать поразительную картину: ветераны ездят на родной металлургический завод, источающий жуткие запахи и дым, “подышать”, настолько за десятилетия работы их легкие сроднились с вредоносной атмосферой и запахами своего предприятия. Подобные факты, в частности, я узнал в г. Ревде от ветеранов Среднеуральского медно-металлургического комбината, славившегося много лет вредоносными выбросами в атмосферу, которые достигали Первоуральска и даже Екатеринбурга.

6. Монотонность планировки с преобладанием кварталов одинаковой по этажности, цвету и типу застройки. В этом отношении печально известны так называемые спальные районы с застройкой “хрущевками” и “брежневками”. Инкубаторный серый вид этих районов провоцировал массовую депрессивность их жителей. Одинаковость, шаблонность – еще один фактор сенсорной депривации. Десятилетиями жители таких микрорайонов чувствовали себя дискомфортно и мечтали о перемене места. Погоня за массовостью квадратных метров оборачивалась при таких городских застройках массовостью психических расстройств. Не случайно во всем мире от подобного опыта решения жилищной проблемы отказались.

7. **Отсутствие в городе красивого центра и точек фасцинативной организации пространства** – соборов, колоколен, зданий, особо отличающихся своей гармонией и архитектурой, что приводит к размытию взгляда, поиску “за что бы зацепиться”, к безликости городского пространства (409).

8. **Присутствие большого числа “замков” и тупиков**, перекрывающих простор улиц или стескивающих площади.

9. **Уродливые архитектурные комплексы**, вызывающие своим видом иронию и брезгливость. Есть города, в которых рядом с жилыми кварталами расположена тюрьма с обрамляющими ее стенами с колючей проволокой. Или по соседству с милой маленькой церковью размещено подавляющее ее огромное уродливое бетонное здание какого-нибудь центра массовых зрелищ.

В разделе об экстремальной фасциации я уже отметил, что превратить среду обитания в сенсорную афасцинативность, – значит в известной мере свести человека с ума. При конструировании среды обитания, особенно в крупных городах, с неумолимостью закона вступают в действие афасцинативные и антифасцинативные факторы. Безликие, монотонные, серые города и кварталы настолько угнетают сенсорнику, что приводят их жителей к депрессиям и психозам. Этот процесс давно отмечен психологами и психиатрами.

Визуальные, обонятельные и акустические антифасциации чаще всего встречаются в комбинациях и усиливают опасный для психики эффект. Опасность эта, как правило, реализует себя через механизмы длительных стрессов, которые в отличие от эустрессов действительно крайне нежелательны для организма. С мнением Л. А. Китаева-Смыка о негативном влиянии стрессов невозможно не согласиться: “В наше время эмоциональный стресс все чаще становится причиной тягостных переживаний, нарушений общения людей и заболеваний, получивших название “болезни стресса”. Много сил и средств тратится на защиту природы от неблагоприятных влияний со стороны человека, неизбежных в ходе научно-технического прогресса. Но и сам человек должен рассматриваться как важнейший элемент природы, который надо защищать. В прошлые тысячелетия люди боролись с дикой природой - хищниками, стихийными бедствиями, эпидемиями. Для защиты от нее человечество окружило себя искусственной средой с городами и заводами, университетами и больницами, автомобилями и телевидением, зонами отдыха и многим другим. И тут обнаружилось, казалось бы, странное явление. Искусственная среда сама стала наносить удары по людям. Особенно болезненные удары, приводящие людей к стрессу, наносит нерационально организованная психологическая среда... Эмоциональный стресс проявляется в двух облициях. Как кратковременная вспышка эмоций, под внешним проявлением которых скрываются сложные физиологические, биохимические процессы. И как длительное напряжение со сложными изменениями поведения, мышления, взглядов на жизнь и т. п. Сейчас уже говорят об “эпидемии болезни стресса”. Какие это болезни? Наиболее часты инсульт, инфаркт, язвенная болезнь. Стресс нередко становится причиной диабета, глаукомы, геморроя, пародонтоза. При стрессе легче возникает простуда, хуже заживают раны. Стресс бывает важной причиной психических болезней” (188).

Таким образом, вывод неутешителен: афасцинативная и антифасцинативная сенсор-

ная депривация и, соответственно, подобная “организация” городской среды не менее опасны для здоровья человека, чем традиционно рассматриваемые в экологии опасности в виде загрязненной атмосферы или воды, непригодной для пищевого употребления.

Фасцинирующие формы в конструировании городской среды

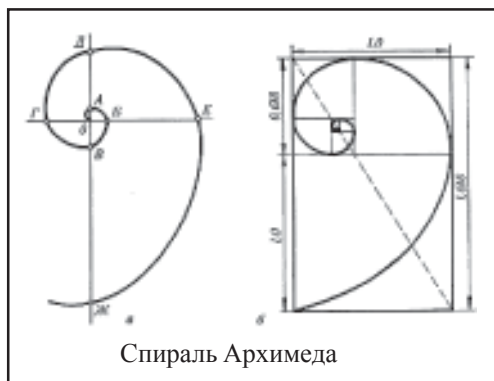
Констатация безусловного наличия потенциала фасцинации в природе и наделения фасцинацией при восприятии явлений и объектов природы ставит проблему конструкций и процессов, оказывающих фасцинирующее воздействие на человеческую психику, т. е. вызывающих очарование, восторг, восхищение, экстремально-эмоциональный шок, экстаз. Другими словами: что именно, какие формы и процессы способны оказывать подобное фасцинирующее воздействие?

Наблюдения человека за процессами очарования и устрашения вычленили еще в древности некоторые закономерности, используемые с тех времен достаточно широко архитекторами, скульпторами, дизайнерами, в том числе, возможно, в первую очередь дизайнерами легковых автомобилей и конструкторами летательных аппаратов всех видов. Бионика дала в этом отношении громадный материал для осмысления с точки зрения принципов врожденной и эволюционной целесообразности и красоты форм.

Назову две основные, на мой взгляд, фасцинирующие человеческое восприятие формы, непосредственно касающиеся оптимизации городской среды обитания.

1. **Золотое сечение** – “Sectio aurea” назвал это сечение Леонардо да Винчи.

Согласно В. Лефевру, “принцип золотого сечения” может рассматриваться вообще как закон мироздания, поскольку он охватывает все формы организации: от музыки до этических систем Добра – Зла, оптимизма – пессимизма.

Видимо, первыми обратили внимание на гармонию и чарующее воздействие пространственных форм с золотым сечением архитектуры. Пирамиды Хеопса, Парфенон и другие архитектурные сооружения древности построены по принципам золотого сечения. Математическое выражение золотому сечению дал Пифагор. Леонардо да Винчи совершенно осознанно применял принцип золотого сечения в своем творчестве, как и многие другие художники и скульпторы.

Проф. Гримм в труде “Пропорциональность в архитектуре” пишет:

“...золотое сечение из всех делений целого дает постоянное отношение между целым и его частями; только в нем от основной величины, от целого находятся в пол-

ной зависимости оба предыдущих члена, причем отношение их между собой и с целым не случайное, а постоянное отношение, равное $0,618\dots$ при всяком значении целого” (108, с. 33). Другими словами, золотое сечение состоит в разделении целой линии на два таких составляющих отрезка, из которых меньший так относится к большему, как больший к целому, а это выражается бесконечной дробью $0,618\dots$ для большего отрезка, считая целое за единицу.

Конструирование объектов согласно пропорциям золотого сечения, как показали исследования, предпринятые математиками, архитекторами, художниками, дизайнерами на протяжении тысячелетий, оптимально организует зрительное восприятие и создает ощущение гармоничности и привлекательности. Поэтому принцип золотого сечения обладает в искусстве совершенно исключительной силой воздействия, создает ощущение предельной органичности. Согласно этому принципу, стихийно найденному, а затем исчисленному математической формулой, построены лучшие памятники Греции и Ренессанса. Им же пропитана композиция многих произведений живописи. В области пластических искусств золотое сечение и композиционное использование его более чем популярны. Плоскости и объемы, создаваемые с учетом золотого сечения, воспринимаются зрением как комфортные, привлекательные.

2. Принцип изгиба и сплетения линий

С. Эйзенштейн, искавший истоки и закономерности построения увлекательного и завораживающего кадра и монтажа, указал свой источник, который помог ему в понимании привлекательности форм, – живописца и теоретика Уильяма Хогарда, автора книги “Анатомия красоты”. У. Хогард считал, что одним из качеств, задающих предметам красоту и привлекательность, возбуждающих интерес, внимание и увлеченность, является сцепление, понимаемое широко (цитирую по С. Эйзенштейну. – В. С.): “Глаз находит такое же удовольствие в преследовании взором выходящих дорожек, змеящихся речек и очертаний всяких иных явлений природы, чьи формы следуют, как мы покажем ниже, тому, что я обозначаю названием волнистой или змеящейся линии. Intricacy – “хитросплетенность” формы – я, таким образом, определил бы как особую способность составляющих ее линий вести глаз в безудержно игривом беге преследования (“A want on kind of Chase”)” (522).

Архитектор О. Нимейер “инстинктивную любовь к изгибу” считал одной из основ архитектуры (312, с. 12).

Выдающийся дизайнер Дж. Нельсон, раскрывая дизайн-поэтику японского сада, пишет: “Поскольку человек ходит по прямой линии, только если его вымуштровали в армии, дорожки в саду не прямые. Виды и перемена направления считаются более важными, чем кратчайший путь к дому. Даже структура почвы выбирается с большой тщательностью, чтобы, проходя по песку, валунам, плитам, гравию и булыжнику, человек мог получать удовольствие от изменения не только ландшафта, но и физических ощущений” (307, с. 162).

Создатель видеозкологии В. Филлин отмечает, что глаз не любит прямых линий. Клеточки, полосочки – это сильнейший зрительный раздражитель. Прямые углы – за них трудно зацепиться. (Вот за острый угол зацепиться легче, если он еще и обращен вверх – то совсем легко. То есть башенки в архитектуре имеют огромный смысл.) Вредны большие плоскости. Если поверхность большая и голая, равномерно освещенная,

щенная или окрашенная, совсем плохо. Если глаз делает саккаду на голой стене – это бедствие. Огромный дискомфорт, похожий на ощущение, когда идешь по улице и нога вдруг куда-то проваливается (480).

По-видимому, вычленение в пейзажном и в любом пространственном сочетании объемов и линий “изгиба и сплетения” как фасцинирующей восприятие формы происходило аналогично вычленению золотого сечения, т. е. путем стихийного, закрепляемого опытом отражения, подтверждаемого тысячелетними наблюдениями и конструированием, как мы видим это на примере японского сада. Забавным подтверждением предпочтения человеком извилистости явилась подсказка архитекторам со стороны жителей новых жилых застроек в больших городах: вместо того, чтобы идти по строго вычерченным линиям тротуаров-дорожек внутри микрорайонов, люди протаптывали извилистые тропинки. По принципу извилистости и стали впоследствии проводить укладку тротуаров из плиток или асфальта. Еще одним подтверждением любви глаза к изгибу явился опыт строительства автострад в Германии времен гитлеровского рейха: на прямых как стрела автострадах стали фиксировать возросшее число автокатастроф. Водители под воздействием монотонной дороги засыпали. Пришлось от прямолинейных автострад отказаться и перейти к изгибам, мобилизующим зрительное внимание.

Я подробнее остановился на двух основных, на мой взгляд, фасцинирующих формах, формирующих чарующее восприятие, но они далеко не единственные. Необходимо иметь всегда в виду и такие формы, как ряды Фибоначчи, звуковую гармонию, цветовую гармонию, отраженную в известном круге гармонии цветов И. Гете, контрапункт при конструировании пространства восприятия (по С. Эйзенштейну), принцип композиционности, веками развивавшийся художниками и архитекторами, принцип симметрии и особенно “асимметричной симметрии” (пример ее – фасцинация родинки на лице), принцип драмы, создающей легкое волнующее напряжение при восприятии сложных ландшафтных и дизайнерских конструкций, эффект края, помогающий выделять наиболее значимые элементы конструкций для приоритетного восприятия, символического подчеркивания.

Игровые элементы городской среды

В образно-символическом дизайне города особая поднимающая настроение роль принадлежит игровым скульптурам и изображениям. Их любят, к ним водят туристов, их отмечают в разного рода изданиях как достопримечательность города, о них даже слагают легенды и стихи. Другими словами, они представляют собой архитектурно-художественные фасцины-символы города. Их фасцинация разрушает скуку однообразия или монотонности урбанистической среды, вносит в нее элементы задушевности, иронии и веселой – иногда даже комедийной, как “Маннекен-пис” в Брюсселе – драматургии.

В известной мере пространство города должно представлять собой сцену с героями, от трагических до комедийных и даже карнавальных. Тогда получится и музыка

в камне, и сцена окаменевшего музыкального театра. Как Рим, вобравший в свои площади и перекрестки и монументальных императоров древности, и подчас ироничные фигуры современности. Все крупные старые города Европы представляют собой такие увлекательные для взора и фантазии театры в камне и бронзе. Возле застывших в камне и бронзе сигналов-Образов фотографируются, назначают свидания, отдыхают на скамеечках или ступеньках, возлагают к их подножиям цветы, приходят просто посмотреть и подпитать себя хорошим настроением. Они – застывшие каждый в своей позе фасцинаторы, организующие общение людей, говорящие с ними на своем ярком запоминающемся и волнующем языке, укрепляющие волю и настроение жизни и жизнелюбия. Жалок город, не имеющий таких фасцинаторов жизни.

В 2002 г. через издаваемый мной сатирический еженедельник "Хам в натуре" (2002, №5, август) я спросил жителей г. Екатеринбург, как бы они отнеслись к знаменитому Брюссельскому "Маннекен-пис" ("писающему мальчику"), повись такая скульптурка на какой-нибудь из площадей города. Поместил фотографию, чтобы напомнить всем этого забавного мальчугана, стоящего в Брюсселе уже много столетий и любимого всей Европой. Ответы пришли в редакцию разные, в том числе и диаметрально противоположные. Что характерно, молодые жители все как один ответили "за" да еще и с восклицательным знаком. А одна девушка предположила, что это место стало бы сразу излюбленным местом свиданий молодых екатеринбуржцев.

В каждом поселении просто в силу законов фасцинации среды обитания обязаны быть и красиво расписанные стены, и живописные фонтаны, и свои оригинальные, непохожие "писающие мальчики", русалки или чижики-пыжики. Настроение будет лучше, жить будет веселее. Унылые города утомляют, наводят скуку.

Антифасцинативные курьезы градостроительного воображения

Рабочий класс, как передовой, призванный к переустройству старого общества, в деле сжигания умерших также будет в числе первых клиентов крематория и потащит за собой остальных.

И. В. Дрожжин, председатель профсоюза коммунальников, 1927 г.

Г. Я. Мокеев приводит любопытные курьезы градостроительного воображения в России эпохи социализма. Вот два из них.

1. После 1917 г. "в новой советской Москве крематорий требовался спешно, его не стали строить внове. Богоборческая власть в лице Наркомпроса (!) и его архитектурного отдела (А.В. Луначарский, И.В. Жолтовский) пошла мыслью по линии кощунства, предложив еще в феврале 1919 года приспособить под крематорий ...один из христианских храмов Москвы. ...на Донском кладбище подыскали прекрасную, недавно выстроенную и в 1914 году освященную церковь во имя только что канонизированных рус-

ских святых Серафима Саровского и Анны Кашинской... с верха уже частью ограбленной святыни сбросили главу и кресты, а вместо них вывели прямо-угольную башню-фонарь. В центре храма устроили провал под пол. В эту "преисподнюю" и стали торжественно опускать "в адский огонь" гробы с атеистами-покойниками. С 1927 года новоявленный Молох заработал бесперебойно, на полную мощность. Изощренно устроенная таким образом архитектурная химера до сих пор угрожающе красуется на Донском, поросшем деревьями монастырском кладбище" (291, с. 357).

2. Посреди Кремля стоит Успенский собор XV в. – святыня православной Руси. С севера от него функционирует огромный общественный туалет. Рассчитан он на обслуживание никогда не прекращающегося потока посетителей-туристов, а расположен буквально напротив северных дверей собора. В некоторых церковных службах обязателен крестный ход вокруг храма: сначала выход из северных врат всего священства (даже Патриарха), затем обход церкви с востока, юга и вход в западные врата. Торжественное и красочное шествие с хоругвями, крестами, иконами, райским пением и молитвами движется сначала из собора прямо на туалет, упирается в него, потом только отворачивает в сторону. Устройство таким образом огромного туалета возле Успенского собора, да еще на таком месте (дверь в дверь) – бесспорно умышленное, а не случайное действие: что-что, а туалет можно было вообще поместить на задворках Кремля, и народ всегда бы его там нашел (там же).

Я никогда не оценивал монументы вождей эпохи социализма с точки зрения того, куда они указывают рукой. Но однажды меня просветили. Оказывается, по всему СССР во многих городах рука показывала по направлению к общественному туалету "М и Ж". С симбиозом, в котором непременно место было отведено общественному нужнику, в СССР была чуть ли не мания: то в одном, то в другом городе, там, куда рукой указывал монумент вождя, близко или чуть подальше, часто по прямой дорожке или аллее, действительно размещался общественный туалет на две половины. При этом кое-где рядом с монументом висел и какой-нибудь лозунг вроде "Вперед, к победе коммунизма!" или того показательнее – "Правильной дорогой идем, товарищи!".

В замечательной французской кинокомедии "Скандал в Крошмерле" сюжет раскручивается вокруг публичного праздничного открытия общественного туалета в самом центре городка. Увы, это не совсем фасцинирующее место необходимо всем землянам. Почему бы не показать, как его отыскать поскорее, посредством жеста вождя. Все какая-то польза.

Мир образов-картинок и картинная городская среда

В дополнение к зрелищности природы человек создал громадную искусственную зрелищную среду, охватывающую изобразительный спектр от небольших рисунков и картинок на теле до грандиозных монументов и цветосветовых феерий в небе.

Шквальное увлечение "картинностью" в человеческой жизни и психике можно считать фактом, подтвержденным всей историей человеческого общества. Возникает вопрос об истоках этого увлечения. Очевидно первичным, базовым истоком следует счи-

тать саму Природу, сам окружающий человека образ-Мир, расчлененный на миллионы образов-картин и картинок, цветовых и цветосветовых эффектов. Мир как совокупность образов, как театр впечатляющих визуально-звуковых картин. Первые картинки человечества на скалах, на стенах пещер, на теле, на предметах труда, быта и ритуалов подтверждают побудительное воздействие этого базового первоисточника.

Второй детерминантой я назвал бы то, что прекрасно было поймано при изобретении фотографии – “Остановись, мгновенье!”. Человеческая память не мирилась с ускользанием бытия, ей хотелось всегда если не повторить его восхитительные или особо значимые минуты, то хотя бы оставить знак, причем знак по возможности воспроизводящий исчезнувшее “мгновение”, то, что и позволили позже делать фотографирование и видеосъемка. Наскальные рисунки, барельефы, скульптура, пейзажная и особенно портретная живопись – все это формы такого воспроизводства памяти.

Развитие технологий привело к более широким масштабам формирования искусственной картинно-образной среды. Цивилизация превратилась постепенно в цивилизацию картин и картинок. Фотоальбомы, фототеки, фотовыставки, видео-, кинотеки, кино, любительские видеофильмы сопровождают жизнь каждого человека и всей человеческой цивилизации. Стало возможным ушедшее мгновение воспроизводить.

И не только воспроизводить. Картинно-движущийся мир вошел в мир живой жизни настолько, что занял в нем чуть ли не программирующее место. Р. Харрис справедливо отметил, что без показываемого в средствах массовой коммуникации мира люди уже не мыслят сегодняшний реальный мир. Он приводит замечательный пример слияния мира реального и картинно-образного, во многом виртуального: “В 1969 году молодой журналист Британской телерадиовещательной корпорации был послан во Вьетнам освещать военные действия. Будучи не слишком опытным или же не разбираясь в том, что он наблюдает, он начал свой первый телерепортаж об атаке американцами вьетконговских позиций такими словами: **“О господи! Такое впечатление, что смотришь телепередачу”** (выделено мной. – В.С.)... Вместо того чтобы более или менее точно отражать какие-то внешние события, телевидение превратилось в реальность, с которой сравнивают окружающий мир. Мир, как его видят СМИ, стал для многих людей более реальным, чем сама жизнь” (514).

Есть еще один аспект расширения картинной цивилизации, который необходимо специально выделить в дискурсе фасциозологии и оптимального градоустройства. Я имею в виду превращение городских пространств в картинно-рекламные галереи. Технологии воспроизводства изображений позволяют делать замечательного исполнения картины величиной со стену многоэтажного дома, а рекламные щиты площадью по 100 кв. м стали общим местом в уличной рекламе. Проходя по городу, человек постоянно фиксирует крупные рекламные изображения. Одной из особенностей современной уличной рекламы стало включение в рекламные полотна прекрасно выполненных полноцветных изображений фотомоделей и актеров, часто эротизированного вида. Эти эротические элементы уличной рекламы представляют собой еще одну серьезную опасность городской среды, которая выявлена психологами буквально в последние годы.

Переплетение сенсорной и структурной депривации в крупном городе

Современный большой город представляет собой одновременно и систему удовлетворения широчайшего спектра человеческих потребностей и переплетение сенсорных и структурных деприваций, крайне неблагоприятно сказывающихся на здоровье и психике людей.

В большие города, как я отметил в разделе об экстремальной fascinации, стремятся для снятия структурной депривации, для удовлетворения социально-коммуникативных потребностей в общении и аффилиации. При этом очень часто человек приносит в жертву или отодвигает в сторону потребности сенсорного комфорта, которые в большом городе по сравнению с сельской местностью и небольшими городами зачастую угнетаются. Это происходит по простой в общем-то причине – структурный дефицит переживается людьми гораздо тяжелее, чем сенсорный, если только последний не принимает мучительных форм. Одиночество страшнее отсутствия хорошего вида из окна или неприятного запаха от близлежащего завода. Тем не менее и в больших городах возможна структурная депривация, иногда довольно значительная, угнетающая психику.

Структурную депривацию создают следующие городские факторы, сужающие удовлетворение потребности в общении, эстетическом чувстве и полифонических связях с социальными продуктами духовного и художественного восприятия.

1. **Отсутствие в городе яркого места массового общения-показа**, что всегда было отведено “Бродвеям”: Елисейским Полям, Тверской в старой Москве, Невскому проспекту в Санкт-Петербурге, бульварам и паркам в других городах. В подобных точках городской структуры люди удовлетворяют свою потребность публичного общения. Это также зоны “приподнятого настроения”: набережные, бульвары, городские сады и парки, коих предназначение было не только fascinативно-эстетическое, но также и fascinативно-коммуникативное: именно здесь люди собирались для радостного демонстрирования, показа себя друг другу и новых знакомств. Homo demonstrativus реализовал себя именно здесь.

2. **Недостаточность или плохая структурированность мест досуга и организованных массовых увеселений.**

3. **Отсутствие или недостаточность больших помещений для массовых зрелищ:** театральных постановок, танцев, концертов, проведения торжеств, юбилеев, массовых диспутов, и т.д.

4. **Отсутствие или недостаточность в городе мест и строений символического значения**, у которых удобно собираться, прогуливаться, назначать свидания. Я имею в виду вызывающие симпатию памятники, знаково-символические сооружения (колонны, стелы и т. п.), скульптуры, фонтаны.

5. **Транспортные неудобства**, приводящие к пробкам, неритмичности движения автобусов, трамваев, троллейбусов, что ведет к срыву контактов, нервозности, стрессам ожиданий и опозданий.

Сочетание-переплетение сенсорной и структурной деприваций может быть самым

разным. Главное, что необходимо отметить – чем большее число дискомфортных факторов имеет город, тем он менее привлекателен как эстетический объект и более опасен с точки зрения негативного влияния на психику, а через психику и на соматику. Напротив, гармоничное сочетание позитивных составляющих, которые исключают сенсорную и структурную депривации, делают образ города приятным, комфортным, а возможно, и восхитительным, а психику – испытывающей хорошее настроение и приятные чувства. В таком городе родители желают жить детям и внукам.

Принципы фасцино-экологической оптимизации городской среды

В детские годы большая лужа или яма, заполненная водой, разрастается с помощью наделения-воображения чуть ли не до размеров озера или моря, особенно если в ней ребенок пускает кораблики. А небольшой пригорок представляется холмом или горой.

Как показали этологи, генетически в человеке заложена фасцинация африканской саванны, т. е. тех мест, где сотни тысяч лет назад зародился человек. На этот врожденный генетический образ накладывается образ этнического ландшафта, образ географических мест, где этнос живет веками, а возможно, и тысячелетиями. Тоска чукчи по снежным просторам сродни тоске бедуина по барханам Сахары.

Конечно же, запоминались на всю жизнь родные церкви и церквушки, соборы и часовни. Их пространственно-организующая роль уникальна, так как выбиралось оптимальное для ландшафтного прозора место и вокруг него подстраивалось все остальное так, чтобы акцент церкви или собора был явный и впечатляющий. В степных и лесостепных деревнях церкви и колокольни служили еще и пространственным ориентиром и узнавались издали, километров за двадцать, вселяя уверенность, радость и приумножая силы путника и лошади.

Все в совокупности названные выше позитивные и негативные факторы формируют образ города, который может быть либо уютным, комфортным, ярко запоминающимся, либо “никаким”, т. е. афасцинативным, посредственно-серым, либо даже антифасцинативным, т. е. таким, что в сознании постоянно торчит гвоздем мечта “куда бы из этого города сбежать?” Есть города-психотерапевты и города-убийцы, из которых сбегают подальше. А в мегаполисах есть такие районы-зоны, из которых жители готовы уехать даже в районы с воздухом похуже, но визуально богаче. Так, социологи в одном из исследований в Москве открыли неожиданную тенденцию: из вполне экологически благополучных в общепринятом экологическом понимании окраинных районов Москвы, но с уныло-однообразной планировкой жилых массивов жители готовы ехать ближе к центру с его повышенной загазованностью только потому, что там красивее. А красиво – это когда много разнообразия в пространственно-объектных формах, цветовых решениях и присутствует богатый зеленый дизайн.

Радость жизни может зародиться и длиться только в гармонично-разноплановой фасцинативной городской среде. Антифасцинативная среда провоцирует и формирует стойкие сенсорные депривации и тем самым провоцирует не только дурное настроение, но и вполне ощутимые психические аномалии. В антифасцинативной

среде так и хочется что-то от досады пнуть, что-нибудь поломать и как-нибудь яростно выругаться, написав об этом на стене. Что с успехом и делается почти во многих крупных городах.

Таким образом, **при оптимизации городской среды к общепринятой экологической проблематике необходимо добавлять не менее актуальную фасцино-экологическую, напрямую затрагивающую базисные факторы человеческой психики во всех формах ее проявления, от настроения до сознания.** При конструировании комфортной фасцинативной городской среды необходимо, на мой взгляд, учитывать следующие факторы:

1. Создание визуального простора при виде из окон жилых домов и офисов.

Д. Лихачев пишет в книге “Поэзия садов” о бережном отношении на Руси к садам внутри городов: “Важно отметить... что древнерусским строительным законодательством предусматривались вослед византийскому разрывы между зданиями, достаточные для устройства садов, и, самое главное, **запрещалось кому бы то ни было загораживать вид на окружающую природу** (выделено мной. – В.С.)” (238, с. 37).

Принцип “не загораживать вид” является основным принципом любого гуманистического градостроительства. Об этом говорят все знаменитые архитекторы и дизайнеры. Архитектор Ле Корбюзье пишет: “Здоровье каждого человека зависит от того, насколько он обеспечен удовлетворительными природными условиями... Дома должны свободно размещаться в пространстве. Не следует забывать, что размещение многоэтажных зданий на значительном расстоянии друг от друга освобождает землю для создания больших зеленых массивов... Ощущение пространства является важным психофизиологическим фактором, а затесненные улицы и дворы оказывают пагубное влияние на здоровье и отрицательно влияют на общее состояние людей” (205, с. 97). Дж. Нельсон считает, что “лучше всего выглядят те населенные пункты, в которых каждое здание считается со своим соседом” (307).

2. **Обязательный учет света и солнца, попадающего в жилые и производственные помещения.** Ультрафиолетовое солнечное излучение является одним из основных источников стимуляции серотониновой системы, а серотонин – гормон хорошего настроения, его недостаток ведет к депрессивности. Л. Корбюзье: “Солнце, управляющее ростом и развитием всего живого, должно свободно проникать в каждое жилище, пронизывать его своими лучами, столь благотворно влияющими на жизнь людей” (205, с. 102). Дж. Нельсон специально подчеркивал, что при конструировании города необходимо “открыть город для солнца и свежего воздуха” (307).

3. **Из окон квартир должен открываться эстетически привлекательный вид, желательно с ландшафтным обзором.** Это требование опирается на врожденное чувство природного ландшафта, которое в большом городе угнетается, быть может, в первую очередь, особенно при высоких многоэтажных зданиях, стоящих близко друг к другу. Не случайно многие города Европы отказались от возведения небоскребов, в сегодняшнем мире наблюдается движение отказа от такого типа городской застройки как угнетающей психику человека. Лучший вид из окна – это, конечно же, пейзаж с зелеными насаждениями, видом на море, озеро, пруд или реку. Но если такой возможности нет, то по крайней мере должно быть обеспечено достаточно большое пространство, которое может быть эстетически окультурено. Можно вспомнить,

что даже небольшие монастырские внутренние сады при их ухоженности и эстетике обеспечивали комфорт и для зрения, и для умиротворения души.

4. Зелень – одно из главных условий визуального и душевного комфорта города. Корбюзье пишет по этому поводу: “Зеленое окружение должно наполнить жилище воздухом, очищенным от пыли и вредных газов” (205, с. 93–98). Два разных, контрастно противоположных города в одном – многие города Урала после войны. В этом отношении показателен городок Александровск в Пермской области, построенный еще в начале XIX века. В годы войны его машиностроительный завод расширили и в город эвакуировали много рабочих. Под застройку жилого массива отвели пологую гору по другую сторону от завода. На более высоком месте, называемом в народе “Гора”, был расположен старый город с бревенчатыми домами, церковью (перестроенной под школу), с садами и деревьями. Новый город являл собой контрастную противоположность: бараки, абсолютное отсутствие зелени, раскисшие от глины дороги при дождях. Довольно мрачное зрелище: два противоположных по виду города в одном. Но как только взялись за переустройство – а это произошло уже в конце 50-х гг., – город стал на глазах преображаться и постепенно место бараков заняли хоть и непритязательные, но все же вполне приличные из белого кирпича пятиэтажки, поставленные не тесно, грязные улицы и деревянные тротуары уступили место асфальту и мощенным покрытиям. И все пространство покрылось деревьями, палисадниками, небольшими садами. Теперь это один из самых уютных городов Урала, уже не разделенный на две контрастные половины, а представляющий собой единое целое.

5. Дж. Нельсон считает, что “современный город должен иметь свободные пространства – парки, спортивные площадки, открытые площади вдали от опасностей и шума автомобильного движения” (307). Главное, чтобы эта структура распределялась по всей городской площади равномерно, а не скученностью в каком-то одном районе, тогда как другие районы лишены этих элементов среды.

6. Продуманная структура зон отдыха и досуга, помогающая избежать структурного дефицита.

7. Разработка фасцинативной цветовой гаммы городских плоскостей и объемов с исключением грязно-серых антифасцинативных расцветок и цветовых сочетаний.

8. Создание системной архитектурно-скульптурной символики города как основы образа малой Родины.

9. Иронические игровые включения в архитектурно-ландшафтную среду.

10. Организующие городские пространства пиковые, особо выделяющиеся архитектурные сооружения, как Эйфелева башня в Париже.

11. Особо заботливое выделение в городском пространстве исторических уголков и зон.

12. Создание благоприятной городской ароматмосферы. Оптимизировать аромасреду, возможно, труднее всего. Тем не менее исторический опыт существует и достаточно вспомнить, что в Древнем Египте и на Востоке в фундаменты храмовых сооружений закладывались сосуды с ароматическими веществами, кроме этого их дабавляли в связующие каменные блоки растворы. Благовонные запахи сохранялись в этих сооружениях столетиями.

В развитых цивилизованных странах начинают нащупывать пути к массовой ин-

дустрии ароматов, которые могли бы создавать комфортную атмосферу в общественных помещениях и офисах.

Но, как и во всем, лучший путь – это все-таки сама Природа, ее громаднейший потенциал фасцинации, еще недостаточно используемый, а в городах почти забываемый. Можно только устранить вредные запаховые факторы и уже сама природа сбалансирует аромасреду. А если ей помочь, то легкие жителей города будут свободно дышать, наполняя душу хорошим настроением.

Фасцино-экологический аспект оптимизации городской среды настолько важен для современного подхода к здоровью и настроению людей, что не учитывать его в городской политике становится явным недостатком деятельности муниципальных властей. Население заслуживает того, чтобы о его здоровье заботились также и на уровне устранения сенсорного и структурного дефицита.

ГЛАВА VII. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ФАСЦИНАЦИЯ

Определение семантической фиксации

Ю. Кнорозов выдвинул идею о существовании семантической фиксации, обозначив такие ее важные свойства, как “неясность, многозначность описания”, действующие как сильнейшее фиксирующее средство, и отметив, что “искусство собственно и начинается с семантической фиксации, с того момента, когда человек сделал великое открытие возможности выдумки. В качестве средства семантической фиксации выступают выдуманные события и мнимые личности” (см. с. 8).

Необходимость изучения проблемы семантической фиксации поддержал А. Брудный: “Существует и “семантическая фиксация”. Поступление информации, вообще говоря, обязательно связано с тем, что она снимает неопределенность ситуации; это, однако, не исключает элемента неопределенности в самом содержании поступившего сообщения, допускающего ряд прагматически неравнозначных интерпретаций. Такая неопределенность в семантике сообщения (или, точнее, в семантике некоторого данного отрезка текста) может играть фиксирующую роль” (60, с.79).

Любопытно, что сходное понимание семантической фиксации присутствовало в интеллектуально-речевом обиходе еще XIX столетия. Так, А. И. Герцен, характеризуя энциклопедический ум и необыкновенно привлекательный стиль общения известного просветителя и славянофила Алексея Хомякова, говорил, что тот был наделен “удивительным даром логической фиксации”. Очевидно, замечательный ум обладает качеством фиксации, т. е. может завораживать, действовать магически.

Семантическая фиксация – исключительное эволюционное приобретение коммуникации человека и опирается на абстрактно-образное качество сознания (“выдумку”, как определил Ю. Кнорозов), порождающее сигналы-Образы, смысловые и образные ассоциации, воображаемые образы-фантомы, сюжетные домысливания. У животных в ходу только естественно-сигнальная фиксация, человек же в процессе своей эволюции добавил к ней необъятную по широте, полифонии и возможностям образно-смысловую, или семантическую, фиксацию.

В самом деле, в коммуникативно-образных воздействиях людей широко используются самые разные яркие, приковывающие внимание, логически и семантически значимые чарующие конструкты, имеющие своей природой игру ума, фантазии, воображения, выдумки. Сфера семантической фиксации беспредельна, без нее общение людей было бы не только малопродуктивно, но также серо и скучно.

Семантическую фиксацию можно, на мой взгляд, определить как возбуждающее воздействие символического, драматического и “недосказанного” смысла (проблемного смысла), вызывающего острое внимание и провоцирующего активную работу ассоциативно-эмоциональной составляющей человеческой психики с быстрым или мгновенным образованием доминант внимания, интереса, азарта разгадки и дешифровки.

Фантомный мир человечества

В реальном мире не бывает кентавров, русалочек, сатиров и нимф. Зато они населяют мир человеческого воображения и настолько убедительно, что кажутся или воспринимаются реальными существами. Возможно, в генезисе их внедрения в сознание человечества сыграли свою роль сны с их невероятной фантастической комбинаторикой и галлюцинации. Оставляю этот предмет в стороне и подчеркну главное в дискурсе семантической fascinации – фантастические существа появились благодаря “выдумке” и феномену “наделения” смыслами.

Предложение Д. Данина о создании кентавристики, науки о “сочетании несочетаемого” (121; 82), представляется мне идеей и замечательной, и красивой. Кентавр – это действительно символ “сочетания несочетаемого”, фантазмической комбинаторики человечества. Результат такой “выдумки” – фантом, существующее несуществующее, некий наделенный реальностью смыслового существования призрак.

Фантом – это fascinативный, будоражащий воображение и мысль сигнал-Образ, вселившийся в массовое сознание человечества и ставший реальностью общения, страхов, надежд, ожиданий, снов... Шерлоку Холмсу, созданному воображением Конан Дойля и полюбившемуся миллионом читателей, пишут письма, настолько он стал реален для некоторых людей. В древности человечество жило в мире ирреальности, которая была для него реальностью несколько не меньшей, чем собственная плоть. Это был мир духов, мифических героев, богов. Все они встраивались в общение людей, образуя некий духовно-коммуникативный скелет и символическую ауру, помогая людям понимать мир и друг друга. Поэтому в Древней Греции на протяжении многих веков каждый знал наизусть Гомера и ориентировался в мифологии как в своих десяти пальцах. Геракл, Афродита, Зевс, Амур – все они были тут, рядом, участвовали в жизни и судьбе каждого грека, говорили с ним своим языком, подсказывая (дельфийский оракул), помогая, участвуя в судьбе.

Этот мир фантомов человеческого воображения fascinативен, т. е. чарующ и магичен. Можно не знать конкретного человека по имени Ксандр или Пилон, но не знать о Геракле и Ахилле – больше чем позор. Так было в Древней Греции, так во многом остается и по сей день.

Среди многочисленных образов-фантомов человечества особое место занимают “фантомы-складушки”, собранные из разных субстанций. Причудливое соединение облика человека и козла создало полубога Пана, похотливого и похабного гуляку и хулигана лугов и полей. Другим не менее причудливым и более для нас известным является древнегреческий кентавр – конь с человеческим торсом, головой и руками. Легенда о печальном кентавре Хироне, влюбленном в Данаю, вошла в литературу многих народов Запада и изображена на полотнах великих живописцев.

Есть среди фантомов и весьма симпатичные, тревожащие воображение существа, такие, как русалка... Коврики-клеенки с изображением полногрудой девицы с рыбьим хвостом на протяжении многих десятилетий висели на стенах деревенских домов по всей России – и в годы советской власти! – ничуть не реже ковриков с лебедями. Русалка в народном исполнении (а рисовали ее в сотнях экземпляров провинциаль-

ные самодельные мастера кисти, и спрос на них был неиссякаем вплоть до 70-х гг. прошлого века), кажется, исчезла вовсе. На смену русалкам пришел новый кич – матрешки с изображением президентов.

Внешний облик фантома – проблема не только для воображения, но и для науки. Как выглядят кентавр, русалка, минотавр, черт, ведьма? Изобразительное искусство с этой точки зрения было всегда иллюстратором и “фотографом” фантомов. Тициан создал изумительную Венеру Урбинскую, срисовав ее со своей прелестной дочери...

Быть может, самым глобально известным фантомом, наделенным громадным спектром семантических значений, является для человеческой цивилизации на протяжении последних двух тысячелетий Люцифер, Дьявол, Сатана.

Фасцинация Дьявола и бесовщины

... у нас ведь своя арифметика.
Победа-то драгоценна!
Дьявол Ивану Карамазову

Как выглядит Бес?

Страшен как черт... Альбомы репродукций Иеронима Босха с изображением Дьявола и Ада всегда раскупались.

Ренэ Клер назвал свой знаменитый фильм парадоксально – “Красота Дьявола”. Самый жуткий фантом, созданный воображением человечества, всегда таит в себе очарование. Не говоря уже о сказочных Змеях Горынычах, Кощеях Бессмертных и ведьмах. Ну а Баба-яга в этом ряду и вообще прелесть! Фантом, будь то кентавр, минотавр, сирена с русалкой или домовая – всегда драматургичен. Он для этого и возникает из глубин человеческих фантазий. Дьявол в этом отношении превосходит всех – ведь он призван для искушения человеческой души! Поэтому он лукав, хитер, соблазнитель и коварен как... черт. Он суперфасцинативен: красив и ужасен одновременно. Дьявольски красив и обольстителен, – говорят о сердцеде подружки, дьявольски хороша, – делятся впечатлением мужчины, встретив соблазнительную красавицу.

Искушая, Дьявол применяет самые разные уловки, это ему доставляет удовольствие. Ивану Карамазову Дьявол признается, что соблазнить вот такую душу – это и есть мечта Сатаны. То же самое признание делает Черт и Леккеркюну у Томаса Манна. Р. Клер избрал для своего Дьявола прием, почти похожий на тот, какой применил Гете к Мефистофелю с Фаустом: замену старого тела на новое, молодое. Мефистофель явился Фаусту вначале молодым пышущим здоровьем студентом, а потом, в контраст, копией самого Фауста. Приблизившись к Фаусту и показывая на свое телокпию, он смущает Фауста: “Посмотри, Фауст, посмотри на свое старое истощенное тело. Оно трещит по швам. Оно чувствует приближение смерти... Кстати, ты знаешь, сколько тебе еще осталось жить?” Но прием не удается, Фауст не жалеет, что тело его “трещит по швам”. Его пугает “мысль о бесполезно прожитой жизни”. Дьявол тут же хватается за эту возможность смутить ум старого профессора и придумы-

вает блестящий ход – предоставляет профессору молодое здоровое тело и не требует взамен души, как полагалось бы Дьяволу. В этом-то и заключается его подвох, ибо замысел его направлен на то, чтобы молодой Фауст сам предложил ему душу, пройдя через катастрофические разочарования. И это ему удается. (191, с.33)

Христианский миф о Дьяволе вплетен в сознание и подсознание значительной части человечества. Этот религиозно-идеологический миф, будучи пропущен через народное многовековое общение, приобрел множество “живых” деталей и вычленил уникальный образ Дьявола как Образ-фантома человеческих отношений, участия его в событиях реальной человеческой жизни. Дьявол стал фактом языка и фольклора, а это значит, что он сросся с реальной жизнью. От него, как говорится, никуда не денешься: надо выругаться – на язык лезет черт (“чтоб тебя черт побрал!”), надо сделать сочное сравнение – опять черт (“красив как черт”), согрешил – черт виноват (“черт попутал”).

Облик Дьявола был задуман идеологами христианства шокирующее страшным, вызывающим содрогание и ужас. А как иначе ввести верующих в страх перед грехом? Все знаменитые богословы, начиная с Иринея, занимались проблемой Дьявола. Созданный ими образ великого искусителя олицетворяет Зло. Дьявол, как его рисуют идеологи церкви, он же Сатана, он же царь тьмы, князь ада и великий искуситель – главный враг Бога, его соперник и хулитель. Дьявол – падший ангел, низвергнутый с небес Богом за свои низменные пороки – зависть и гордыню, и с тех пор, вместе с ему подобными ангелами-изгоями, составляющими его многочисленное сатанинское воинство, неустанно и повсеместно стремится переманить на свою сторону верующих, завладеть их душами. Дьявол коварен, жесток, беспощаден, похотлив, безобразен, он, по словам св. Августина, “божья обезьяна” (109, с. 162)

Дьявол всегда мужского пола. Будучи мужчиной, он в то же время от природы, по божественному определению обладает омерзительной внешностью, так как князь тьмы не имеет права быть хоть сколько-нибудь привлекательным. Он обязан вызывать и страх, и брезгливость, отвращать от себя одним только обликом. С особенной тщательностью слепили образ Сатаны инквизиторы, наделив его как можно более омерзительной внешностью. Христианские идеологи-имиджмейкеры изобразили главного Беса – Люцифера громадным козлом с крыльями летучей мыши, которому дали клятву новоиспеченные ведьмы, целуя его в бесовский зад. Чтобы сделать облик Сатаны омерзительным, инквизиторы наделили Сатану еще звериной волосатостью, опять же козлиной. Таков Дьявол у апологетов святой инквизиции Я. Шпренгера и Г. Инститориса. Этот расхожий образ просуществовал в сознании человечества до XX в., и в упомянутом фильме Р. Клера “Красота Дьявола” профессор Фауст восклицает на голос Мефисто: “Я не боюсь твоих рогов, твоей щетины, твоих копыт, твоих крыльев летучей мыши. Неужели ты думаешь, бедняга дьявол, что ты меня испугаешь?” (191, с.32). Здесь уместно вспомнить замечание Э. Тайлора: “Как только в народном сознании установился образ дьявола с рогами, копытами и хвостом, он, разумеется стал всегда являться людям именно в этой традиционной форме” (422, с. 76). Этому христианские идеологи добились.

С картин Босха, изображающих Ад, смотрят на нас чудища, от созерцания которых действительно можно содрогнуться, если представить их “вживе”. Каково было

смотреть на эти “фотографии” Ада верующим христианам XVI в.? Быть может, в этом и заключалась художественно-идеологическая задача Босха – привести людей в состояние ужаса перед Грехом и Дьяволом, чтобы укрепиться в вере и необходимости пути к Богу? У заказчиков такая цель была наверняка. Ниже я попытаюсь показать, что цели своей ни они, ни сам Иероним Босх, если он ее имел, вряд ли могли добиться – народ пуглив, но не настолько, чтобы бояться того, к чему привык в реальной и мистической жизни на протяжении тысячелетий. А потом и вовсе картина изменилась: пришли другие поколения, другие истины и пороки, возникла мода на Босха, и за альбомами с репродукциями его картин ринулся народно-массовый читатель, чтобы поупражняться в остроумии по поводу адских забав. Страху уже никто не испытывал, только порнографический интерес.

Знаки Сатаны

По этим знакам в эпоху инквизиции отыскивали в народе ведьм, колдунов. Инквизиторы Я. Шпренгер и Г. Инститорис выпустили в 1497 г. руководство по изобличению бесовщины, где знакам отведено почетное место как вещественным доказательствам. Руководство это выдержало десятки изданий во всех странах Европы (465).

До сих пор просвещенный народ уже XXI в. (!) неприятно волнуется при цифрах 666, 999 и 13, если они касаются его жизни. “Лучше не надо” говорит он смущенно, а вдруг это правда... дьявольские знаки. “Дьявольские” дни - пятница, 29 февраля...

Казалось бы, забавно, не более того. Но это такая реальность, от которой пострадали тысячи невинных. Следует, правда, сказать, что человек еще в древности, когда не было и слуху о христианстве, в рамках первобытной магии, анимализма и анимизма пристально приглядывался к телу и имел множество самых разных, иной раз совершенно диких поверий о том, как злые демоны и духи входят в людей и оставляют отметины, по которым и следует распознавать их злые замыслы. Иной раз наблюдения заканчивалось и смертью жертвы. Так что христианство, измыслив преследование колдунов, ведьм, чертей, принципиально не отличается от человеческой религиозной практики сотен тысяч лет.

И тем не менее изуверства религиозных фанатиков остаются изуверствами. Особенно изощрялись инквизиторы, которые усердно искали именно ведьм, ненависть их к женщинам была, по-видимому, патологической. По инквизиторскому разумению (впрочем, оно было ненамного суровее ортодоксального взгляда католической церкви) женщина от природы склонна к неверию и являет собой исчадие Ада, побуждение к блуду, “красиво окрашенное естественное зло” (465, с.52). Это и служило в их глазах основанием для жестоких преследований женщин, заподозренных в сношениях с нечистой силой. Первое, что делали инквизиторы и рекомендовали делать в своем руководстве, это поиск на теле женщины знаков Дьявола: пигментных пятен, родинок, наростов, зеленых глаз и, разумеется, рыжих и жгуче черных волос, которые являлась первыми знаками, по которым женщины попадали под подозрение инквизиторов.

Дьявол многолик

Дьявол “в натуре” страшен, его знаки-отметины наводят страх, но гораздо более страшен он своей многоликостью, своими перевоплощениями и лицедейством.

Бог имеет три лика, Дьявол же многолик и несть числа его преступным воплощениям. Потому что цель его – человеческая душа, а брать ее насильно ему запрещено Богом. Он соперник Бога – величайший маг, волшебник и чародей, может перевоплощаться, принимать человеческое обличье, испаряться, преодолевать мгновенно огромные пространства, предоставлять “запродавшим ему душу” грешникам всевозможные земные блага и наделять их “вредительными” способностями. Он читает мысли людей, перемещает их тела с места на место, производит на свет монстров и занимается многими другими преступными и отвратительными делами. (109, с. 162).

Люди разные, поэтому в зависимости от того, с кем Дьявол имеет дело (а он великий психолог и умеет сразу определять, с кем имеет дело!), он принимает тот или иной облик. По Сеньке и шапка, по грешнику и черт. Не будет же Дьявол являться перед шлюхой в облике философа, а перед философом – похотливой самкой. Если жертву надо припугнуть, парализовав ее волю, Дьявол не долго думая появляется в натуральном своем рогато-козлином обличье или принимает облик какого-нибудь жуткого животного. В “Вечерах на хуторе близ Диканьки” черти являлись казакам в виде свиных рыл и приводили их в состояние переполоха. Если жертва учено-философского или художественного склада, дьявол непритязателен, “случаен”, как выразился сам Дьявол на недоумение Адриана Левверкюна по поводу его непритязательного внешнего вида: “Мой вид – это чистая случайность, вернее, он зависит от обстоятельств... маскарадное фиглярство матери-природы...” У Гете Фаусту он явился в облике странствующего франтоватого студента.

М е ф и с т о т е л ь:

Вот ты меня и лице зришь.

Я убежден, поладить мы сумеем

И сообща твою тоску рассеем.

Смотри, как расфрантился я пестро.

Из кармазина с золотою ниткой

Камзол в обтяжку, на плечах накидка,

На шляпе петушиное перо.

А сбоку шпага с выгнутым эфесом.

И – хочешь знать? – вот мнение мое:

Сам облекись в такое же шитье,

Чтобы в одежде, свойственной повесам,

Изведать после долгого поста,

Что означает жизни полнота.

Фаусту в “Красоте Дьявола” Дьявол тоже явился сначала студентом, но спустя буквально мгновение – копией самого Фауста, демонстрируя тому дряхлость старческого тела. Томас Манн изобразил приход Дьявола Адриану Левверкюну в доволь-

но простоватом виде: “Мужчина довольно хлипкий, далеко не такого высокого роста, как Ш., даже ниже меня, на ухо нахлобучена кепка, с другой стороны из-под нее выбиваются у виска рыжеватые волосы; ресницы тоже рыжеватые, глаза с краснотой, лицо несвежее, кончик носа немного скошен; поверх триковой, в поперечную полоску рубахи – клетчатая куртка со слишком длинными рукавами, из которых торчат толстопалые руки; отвратительные штаны в обтяжку и желтые стоптанные башмаки, уже не поддающиеся чистке. Голос и выговор – актерские”. (268, с.238). В ходе долгого разговора Дьявол меняется, к концу “он стал как бы совсем другим: уже не босяк, не проститутка в штанах, а, поди ж ты, что-то такое почище – белый воротничок, галстук бантиком, на изогнутом носу роговые очки, а из-под них мерцают влажные, темные, с краснотой глазки; в лице какая-то строгость и мягкость: нос строгий, губы строгие, а подбородок мягкий, с ямочкой, и еще ямочка на щеке; бледный покаты́й лоб, волосенки на темени, правда, жиденькие, но зато по бокам густая, черная, пушистая шевелюра – этаким интеллигентик, пописывающий в газетах средней руки об искусстве...”

Нечто похожее предстало и перед Иваном Карамазовым: “Это был какой-то господин или, лучше сказать, известного сорта русский джентльмен, лет уже немолодых... с очень сильною просе́дь в темных, довольно длинных и густых еще волосах и в стриженной бороде клином. Одет он был в какой-то коричневый пиджак, очевидно от лучшего портного, но уже поношенный, сшитый примерно еще третьего года и совершенно уже вышедший из моды, так что из светских достаточных людей таких уже два года никто не носил. Белье, длинный галстук в виде шарфа, все было так, как у всех шиковатых джентльменов, но белье, если взглядеться ближе, было грязновато, а широкий шарф потерт. Клетчатые панталоны гостя сидели превосходно, но были опять-таки слишком светлы и как-то слишком узки, как теперь уже перестали носить... Физиономия неожиданного гостя была не то чтобы добродушная, а опять-таки складная и готовая, судя по обстоятельствам, на всякое любезное выражение. Часов на нем не было, но был черепаховый лорнет на черной ленте. На среднем пальце правой руки красовался массивный золотой перстень с недорогим опалом” (139, т. с.71). Впрочем, Дьявол мог бы явиться Ивану Карамазову и в другом облики: “Я вот думал давеча, собираясь к тебе, – говорит он Карамазову, – для шутки предстать в виде отставного действительного статского советника, служившего на Кавказе, со звездой Льва и Солнца во фраке, но решительно побоялся, потому ты избил бы меня только за то, что я смел нацепить на фрак Льва и Солнце, не прицепил по крайней мере Полярную звезду али Сириуса” (там же, с.82).

Сексуально озабоченным женщинам и склонным к кутежу мужчинам Дьявол является франтом с демоническими чертами, всем своим видом предлагая всевозможные страсти, утехи и наслаждения. Ну а появляется в поле зрения сексуальный маньяк или маньячка, Дьявола прорывает откровенной пошлостью и эксгибиционизмом, возбуждающими похоть и побуждающими к немедленному разврату, как на шабаше на Лысой горе. Спрашивается, почему бы Дьяволу не вести себя с подобными женщинами подобным образом – напрямую? Он знает это и, согласно фольклорным данным и “данным” инквизиции, проделывал и проделывает регулярно.

Одна из самых каверзных и распространенных “забав” Дьявола, по свидетельству народных преданий, – сделать мужчину импотентом. Это же утверждают, возбуждая

народную ненависть и страх перед Дьяволом и ведьмами, и инквизиторы Я. Шпренгер и Г. Инститорис. Дьявол насылает для лишения мужчин их мужской силы, как правило, ведьм и колдунов, а они насылают на мужчин порчу, снять которую под силу только знахарю-мастеру. Может показаться удивительным, но до сих пор множество людей верят в порчу, и импотенты, чтобы избавиться от мучительного бессилия, ходят (или их водят жены!) не к сексопатологам, а к старухам-знахаркам. И в самом деле, трудно придумать для мужчины что-либо более мучительное и трагическое, чем импотентность. Для многих из них с потерей мужской силы теряется смысл существования. Почему бы не свалить это мучение на козни сатанинских сил?

Дьявол применяет и еще один способ, более изощренный и болезненный для мужской гордости. Он знает, что самой распространенной дорогой к импотенции является раздражительная, ехидная, осыпающая мужчину насмешками и укулами женщина. Поэтому одно из перевоплощений Дьявола – вот такая женщина, предельно сексапильная женщина-вамп, дьяволица, ведьма, сжигающая сердце и низводящая мужчину до положения ползающего у ее ног раба. Мужчина, попавший в сети подобной женщины, обречен на импотенцию, как только она его бросает. А она оставляет мужчину всегда и доводит разрыв до высшей степени драматизма – это входит в ее роль. Многие мужчины интуитивно остерегаются таких женщин, хотя втайне и мечтают об их обжигających дьявольских объятиях. Ну разве не искушение, если такая женщина появляется и добровольно сдается на милость мужчины-победителя, не понимающего, что он попал в сети к самому Дьяволу? Преображение в женщину происходит именно с этой целью и это только одно из тысяч воплощений Дьявола. “Дьяволица! Ведьма!” – говорят про таких женщин со страхом и... восторгом.

Повеса и лицедей

Дьявол, конечно же, франт и повеса. Говорят: “вертляв как черт”. Франтом он просто обязан выглядеть, иначе дисквалифицируется, перестанет быть профессионалом, ловцом человеческих душ. Господь, изгнав Люцифера из своего ангельского окружения и сделав его ангелом Зла, дал ему задачу и силу искушать человеческие души, но ни в коем случае не насилием, а исключительно средствами обольщения и обмана, торга и мошенничества. По сути, качество франта заложил в него сам Всевышний, отправляя с небес на землю.

Предписав Люциферу запрет на применение насилия, Бог наделил его могучей силой, но совсем иного толка. Не в насилии должно проявляться Зло, а в искушении человеческих душ всеми хитрыми способами притворства, мошенничества и мимикрии. Человек на пути к Богу должен быть стоек, бдителен и умен, чтобы устоять перед натисками Зла, а это Зло действует на человеческую душу соблазнами, очарованием блестящего оформления низких инстинктов, искушением богатством, властью, сексуальными победами, сладкими наслаждениями Порока, ложью, заблуждениями, рабством низких истин и инстинктов. Вот он, могущественный и многоликий арсенал Дьявола: лгать, мошенничать, хитрить, морочить голову, быть софистом и лжепророком, заманивать обещаниями власти и золота, рисовать химеры, создавать иллюзии, вести по скользкой дороге заблуждений и пороков. К этому только следует добавить еще одно

оружие громадной силы искушения – красоту, а вернее – способность перевоплощений, мимикрии, приобретения блестящих, очаровательных оболочек. Другими словами, Бог наделил Дьявола не просто артистизмом, он дал ему в руки способность принимать облик не только страшного рогатого козла, но, быть может, в первую очередь пленительного красавца-щеголя и даже соблазнительной женщины. “Чертовски красив”, “дьявольски хорош” – говорят в народе, когда видят оболстительного сексуального красавца. Получается, что Дьявол уже приучил людей к восприятию себя именно в этом оболстительном качестве: красив – значит дьявол.

Если козел нужен, чтобы наводить страх, то фант – чтобы очаровывать неокрепшие души всеми мыслимыми и немыслимыми соблазнами сладкой жизни. Это правило поняли и приняли кинорежиссеры, так как оно очень сценично и позволяет разыгрывать любую драматургию самого фантастического свойства. Р. Клер, создавая Дьявола, наделил носителя вселенского Зла красотой, щегольством, остроумием и удалью. И незлобностью. Впрочем, таким же создал своего Мефистофеля и Гете, явив его старому Фаусту. Молодостью и красотой он и смутил душу мудреца.

В самом деле, а как еще мог бы Дьявол смущать души, особенно молодые, неокрепшие, мало знакомые с происками и силой Зла? Для женщины первый соблазнитель – это фант Дон Жуан. Пожалуйте в его объятия и пути сладких комплиментов – Сатана превращается в мужчину, но не простого какого-нибудь мужика, а ловкого, изящного, искрометного и упакованного по последнему крику моды. Надо – он становится великолепным любовником, ибо и в этом знает толк. Так, Сатана затягивает женщин в блуд, на панель, и даже на Лысую гору на групповой шабаш. А мужчину чем затянуть в пропасти Зла? Дьявол является в облики настоящего мужчины, т. е. опять же фанта, повесы, кутилы, предлагая азартную игру, звон золота, умопомрачительных куртизанок, музыку, свечи, головокружение от наслаждений, вплоть до дуэлей и амурных побед. Если понадобится, он превращается в великолепного любовника и с женщиной – хоть пассивной, хоть активной ориентации, ему все равно, он знает толк и в этом лучше, чем кто-либо. Протрезвев, молодой человек смутно понимает, что душа уже не та, скорее всего она уже в лапах того блестящего повесы мира игр и забав. Сладко, но надо платить по счету, и плата опять все та же – человеческая душа.

Страшно, опасно придумал Господь, наделяя Черта такими способностями. Пострашнее нелепой черноты насилия. Покорность человека перед насилием всегда можно оправдать тем, что оно непреодолимо. Ты становишься жертвой неодолимой силы. Поэтому-то Господь и наложил запрет на насилие, чтобы у человека не оставалось уловки самооправдания. Но всему иному человек в силах противостоять, и если не удалось, стало быть, он не просто слаб, а недостоин своей потенциально божественной природы, Разума, данного ему Богом. Тогда торжествует Дьявол. И поделом!

Но каковы трудности и преграды! Преодолевающий их воистину достоин любви Бога.

Похабник, хам и блудник

Эксгибиционизм, богохульство, похабные телодвижения и позы, пьянство, кутежи, шлюхи – вот арсенал Дьявола.

В первую очередь Дьявол разворачивает свои козни на всеобщей для всех людей ниве – сексуальной похоти. Идеологи христианства подчеркивают это до сих пор. Блуд – вот тот грех, к которому побуждает Дьявол. Это, можно сказать, одно из главных орудий дьявола с массовыми душами – разбудить в человеке похоть, сделать его сексуально озабоченным – до маниакальности, поманить возбуждающей до одури приманкой в виде какой-то прелестницы или демонического щеголя. Другими словами, Дьявол использует в своих целях основной инстинкт, заложенный в человека Природой. А сексуальное желание движет поведением каждого человека все годы формирования и реализации его сексуально-гормональной системы, от железных тисков этой биологической завкасы не свободен ни один человек, пока жив. Не случайно Фрейд метко сравнил либидо с голодом. А голод не тетка.

Но сексуально голодный человек стремится утолить голод все-таки не абы как, а наилучшим образом, т. е. соединением с партнером нужного ему пола и по возможности красивым, породистым, соблазнительным. В душе каждый мужчина и каждая женщина – сексуальные сибариты. Это только по великой нужде человек “полюбит и козла”, что опять же только подчеркивает неумолимость и неодолимость сексуального голода. И этого подсознательного и вполне осознанного желания обладать телесной сексуально возбуждающей красотой не лишены самые умные, самые гениальные экземпляры рода человеческого. Быть может, они-то как раз наделены этим стремлением в высшей степени, поскольку талант часто гиперсексуален, что подчеркнул еще Фрейд, раскрывая сублимационную природу творчества. Не потому ли творцы так легко оказываются в объятиях самых развратных шлюх, единственным достоинством которых является их прелестные формы? Вот тут-то и появляется на сцене Дьявол! “Знаешь русалочку Андерсена? Вот для тебя лакомый кусочек! Скажи только слово, и я положу ее к тебе в постель”, – ерничая, предлагает Дьявол гениальному композитору Адриану Левверкюну, уже успевшему заразиться “нехорошей болезнью” (268, с. 245).

Дьявол сулит сексуальные наслаждения высшего класса – вернее, того класса, к какому предрасположена и о каких мечтает жертва. Разумеется, в обмен на душу: за супержеланный блуд в супержеланных формах нужно хорошо хорошо заплатить – запродать душу. Зато какие будут наслаждения, какая фасцинация!!!

Не так страшен черт, как его малюют

В создании богатого и многоликого образа Дьявола на протяжении двух тысячелетий участвовало все человечество, а не только идеологи христианской церкви. В первую очередь прямой адресат воздействий Дьявола – народ. Тот самый, который еще недавно был язычником, верил во множество богов, духов и таинственных сил. Ему надо было не только всей душой принять Бога, но и претерпеть пакости Дьявола. Впрочем, наученный тысячелетиями терпеть происки разного рода темных и злых духов и сил, выстраивать против них защиту с помощью магии и колдунов, к Дьяволу он отнесся достаточно терпимо и даже с пониманием.

Народ, принимая внутрь своей души христианство, принял и Сатану, как отрицание Бога, как Антихриста, но и как Божье наказание. Надо сказать, идея Сатаны не только гениальна, но и ужасна, так как в нее заложена реальная возможность страшных реп-

рессий против верующих, как оно и случилось, особенно с изобретением инквизиции. Жить под страхом козней Дьявола и наказания со стороны церкви за грехи, спровоцированные им, было непереносимо. Народ трансформировал Дьявола в гораздо более сложную и многомерную ипостась, чем было задумано идеологами христианства.

Сложилась парадоксальная психология страха и уживчивости. В эту сторону и пошла трансформация образа Дьявола. Он был задуман катастрофически страшным, вводящим в ужас и содрогание, получился же вполне приемлемым для психики человека, т. е. в меру пугающим, но одновременно и понятным, и даже привлекательным, с которым можно иметь дело и даже обхитрить, как делает Балда у Пушкина. Другими словами, черт оказался для народа не “таким страшным, как его малюют”.

Жуткий, разрисованный апологетами христианства Черт похож не очень пугал народные массы даже в лютые годы инквизиции – иначе бы инквизиторы а-ля Шпренгер-Инститорис не бросились бы вытравливать бесовщину и ведьмовство по всей Европе. Ужасы внешнего облика и мерзостного срамного поведения беса как-то уживались с народной тягой к пороку, идущей еще с языческих времен, с тесными отношениями человека с природой и животными. Анимализм тому прямое подтверждение. Черт похож на козла? Что ж тут страшного? В Древнем Египте козел Мандесского храма был назначен лишать невинности молодых египтянок, приносивших свою девственность в жертву Богу. Народ с юмором отметил такое его качество как сладострастие (“похотлив как козел!”).

Козла считали животным вещим и колдовским. Его кровь употреблялась в специальных составах для производства некоторых ужасающих видений. Это животное играло иногда роль инкуба. Так, в Библии указывается, что некоторые израильские женщины распутничали с козлом. У некоторых народов Востока козел был даже богом! Азаел (Азazel) – козлообразный бог пустыни у древних иудеев. Ему, как и богу Яхве, первосвященник в праздник Иом-кипур приносил в жертву козла. Последний, нагруженный грехами верующих, как бы изгонялся в пустыню и тем самым освобождал верующих от грехов. Так родилось выражение “козел отпущения”. Подобный обряд существовал у многих народов древности (496, с. 599–639)

Дьявол-козел очень похож на мифологического древнегреческого Пана, “которого греческие скульпторы и художники неизменно изображали с мордой и ногами козла” (496, с. 515). И тоже искушает на всякие шалости, кружит голову. Правда, он скорее добрый хулиганишка и плут, чем злой искушитель человеческих душ. Козлоподобны и сатиры-развратники у древних римлян и греков. Опять же и шерсть козла не такая уж страшная, отнюдь не щетина, козлиная шерсть и вообще вещь полезная...

В связи с темой козла можно вспомнить еще одну достаточно порнографическую тему древности, великолепно и с юмором отображенную Лукианом в его сочинении “Лукий или Осел” и Апулеем в “Метаморфозах”. Это тема добровольного совокупления женщин с ослом. Лукиан и Апулей вывели осла даже на публичное совокупление на арене, стало быть, для древности подобная тема не была столь уж ужасной, напротив, она могла стать сценой в театре. В римском “Колизее” публике показывали зоофилию в невероятном количестве и разнообразии. Женщинами-жертвами становились в этих демонстрациях преступницы и провинившиеся рабыни. Апулей, кстати, изображая Луция-осла, проводит ассоциацию с мифологическим страстным совокуплением жены критского царя Миноса Пасифии с быком, от чего был рожден

человекобык Минотавр. Содомия в древности, по-видимому, была в гораздо большей степени распространена, чем в христианские столетия, когда она была объявлена одним из ужасных грехов. Дохристианское языческое человечество было к этому греху терпимо. За римскими легионами часто вели и стадо коз. Впрочем, тяга к содомии и терпимость к ней, кажется, возобновляются, и для современных молодых мужчин и женщин сношение, скажем, с догом является всего лишь расширением сексуального опыта. Как-то в одном из первых телешоу “Про это” весьма юная, телесно сексуальная, стройная особа на всю страну призналась, что “спала с догом, но все-таки это хуже, чем с мужчиной”. А спровоцировал ее на признание столь же юный бисексуал, который тоже пробовал с догом, но и ему с мужчиной слаще...

Зоофилия не была столь уж предосудительным поведением в древних и первобытных обществах. Наскальные рисунки первобытных людей яркое тому подтверждение, одна из тем первобытной “порнографии” – изображение совокупления с животными. Другое свидетельство, доказывающее тесную связь человека и животного вплоть до половых контактов с животным-тотемом, сохранившиеся до начала XX в. включения в так называемые медвежьи (и другие тотемистические) праздники ритуального элемента имитации совокупления с убитым животным как мужчин, так и женщин (496).

Тяга части женщин к волосатым мужчинам (т. е. как бы звероподобным) известна, а в наши дни получила массовое подтверждение через объявления о знакомствах в газетах: “Хочу встретить мужчину высокого роста и волосатого”, а в одном из объявлений я прочитал: “чем больше волос, тем лучше”. Так что волосатость и козлоподобность Дьявола не такой уж великий и страшный недостаток, вполне для женщин терпимый, а для некоторых даже желанный. Удивительно ли, что народная психология была полна содомского фольклорного материала во все времена, во всяком случае, расчет на омерзение и страх оказался явно преувеличенным – женщин волосатый и козлоподобный черт никогда не пугал. Мужчин, часть которых, оказывается, похожа волосатостью на козлов – и их такими именно хотят видеть, – не пугал тем более. Черт становился в чем-то своим, сексуально вполне приемлемым, а для некоторых и возбуждающе привлекательным, фасцинативным символом.

По-животному откровенный эксгибиционизм вообще был долгие тысячелетия, по-видимому, одной из форм массового поведения, сатурналии и вакханалии были широко распространены и не случайно в “серьезные” Средние века почти у всех народов сохранялись празднества-карнавалы, когда позволялось абсолютно все, т. е. люди как бы возвращались к своим древним животным истокам. Это состояние первобытного сексуального коммунитас, по-видимому настолько имманентно человеческой психике, что переживается и в современном обществе. Хотя бы на время, как разрядка от сексуальной структуры и табу. Моногамный брак, мораль верности и осуждение “блуда” как бы взрывались изнутри накопленной энергией всеобщности рода и откровенности либидо, сметая на пути все запреты христианства и накопленной строгости морали, одновременно показывая и доказывая, как могущественно в человеке животное, биологическая первооснова жизни, для которой сексуально-животная актуализация, подстегиваемая гормонами, до неприличия и неотвратимо первична. Л. Толстой, обличая эту животную похотливость в человеке, не мог советовать ничего иного, кроме любви к Богу.

Даже описания сатанинского шабаша, вообще говоря, не представляли для чело-

века начала тысячелетия и Средних веков, т. е. эпохи расцвета христианства, чего-то страшно пугающего. Ибо народные массы были продолжением языческого человечества, а язычество укоренилось в психологии сотнями тысяч лет ритуальной и социально-коммуникативной практики и содержало сексуальные элементы похлеще тех, которые описывались в ведьмовских шабашах. Примеров тому множество и прежде всего в этнографических описаниях. Приведем лишь два-три. О промискуитетных оргиях с инцестом и прочими “мерзостями” (в глазах, естественно, моногамных христиан) говорить не приходится – они были просто-напросто ритуальной, т. е. освященной социумом, практикой. Так, у славян дохристианского периода, до 900 г., существовал обычай коллективного “познания” невесты, с которой совокуплялись в бане все мужчины общины. Некоторые ритуалы жертвоприношения молодой девушки-девственницы также сопровождалась дефлорацией несколькими мужчинами рода у многих народов. До последнего времени у некоторых народностей и религиозных сект существует обычай массового полового контакта в определенное время в году. Как это происходит, изобразил Андрей Тарковский в “Андрее Рублеве”. Еще более интересной в рассматриваемом аспекте является феномен маскарада с эротическим куреном, относимый В. Тэрнером к обрядам “коммунитас”. Я имею в виду ритуал рода или народности (а иногда и национальный!), проводимый в каком-то определенном месяце раз в году, когда устраивается всеобщее гуляние, на котором стираются социальные, сословные и иные различия и практикуется унижение богатых и знатных, разрешается всем вступать в половую связь всех со всеми. В раннехристианскую эпоху в том же Древнем Риме такой ритуал обязывал патрицианок вступать в эротическую связь с рабами, и потому оргии, устраиваемые Нероном и Калигулой, в которых патрицианки сгонялись в дома терпимости и укладывались под рабов, не казались современникам таким уж из ряда вон выходящими унижениями. Оскорбляло только то, что практика одной разрешенной недели (недели сатурний) переносилась на каждодневность. Это было нарушением обычаев предков и осуждалось, а не сама по себе эротическая разгульность. К сексуальной верности народы были весьма терпимы, если только соблюдались правила игры, обычай. Добавьте к этому многовековую терпимость народа к проституции. Долгие века проституция вообще не считалась пороком. Она была анахронизмом группового брака предков, когда класс мужчин и класс женщин соседних племен (родов) считались общими мужьями и женами и имели право вступать в половые отношения, запрещенные под страхом смерти внутри экзогамного рода. Этот обычай принимал самые разные свободные формы: обмена женами, предоставления одной из жен гостю и т. д. Позже появился обычай ритуальной, священной храмовой проституции, широко известной на примере храмовой проституции Древней Греции. У храма Аполлона в Афинах ежедневно находились сотни женщин, готовых отдаться любому чужому мужчине, в том числе рабу, чужестранцу, бродяге.

Дома терпимости, притоны были одной из составляющих быта любого города времен раннего христианства и получили полномасштабное сатирическое изображение в сатирах Ювенала, Петрония и других римских авторов (374).

Можно ли после всего сказанного выше говорить о каком-либо трансформации от описаний шабаша и поведения Дьявола? По сути, Дьявол вел себя вполне как человек,

быть может чуточку пересаливал, отдавая предпочтение языческим формам перед христианско-пуританскими. Народ это вполне понимал и не очень осуждал.

Лучше, чем что-либо, доказывает существующий даже в христианских веках скрытый промискуитет отражение его в широко распространенных анекдотах о неверности мужей и жен. В жанре анекдота сюжет о “блуде” развивается как один из стержневых. Близка такого рода анекдоту и художественная литература: элегии римских поэтов Катулла, Проперция, Тибулла, сатиры Ювенала, средневековые фацетии, знаменитый “Декамерон” Боккаччо. То, что идеологам христианства в облике и поведении Дьявола казалось гнусным и жутким, в народе было достаточно привычным еще с языческих времен и не пугало.

Юмор в восприятии Дьявола

Фольклор (а вслед за ним и писатели) изображает черта не только великим мистификатором и актером, который может принять любую личину. Он отражает эту способность Черта с юмором, показывая, что Черт всегда что-нибудь да напутает, у него все наоборот: то предстанет в одежде, одетой шиворот-навыворот, то какую-нибудь нелепую штучку в одеяние и повадки подпустит. У Булгаковского черта-Коровьева торчит из кармашка пиджака куриная ножка, а Кот-Бегемот хвастается нелепым моноклем.

То, что черт – пострел и пройдоха, народ усвоил давно, смирился с этим, понял, простил ему его проделки и даже иронически полюбил (“черт попутал”). Даже сочинил для себя или поверил с удовольствием тысячу раз обманутых, что черта можно и надуть – вот сумел же Балда объегорить черта.

Л.В. де Гевара в забавном “Хромом бесе” приводит пример заговорного стишка против бесов:

Сатана – зобатый,
Люцифер – горбатый,
А Хромого Беса
Мучит геморрой.
Только зоб, чесотку,
Геморрой, сухотку
Выгонит бабенка
Длинной кочергой.

И это в XVII в. в Европе! Уже тогда народ не только побаивался Дьявола, но и посмеивался над ним.

Дьяволизм во внешнем облике и поведении человека

Посмеиваться-то посмеивался, но, быть может, еще и поэтому, т. е. от отсутствия страха, брал с него пример, подражал его жуткой чарующей fascinácii.

Я совсем не случайно уделил столько места внешнему облику фантома-Дьявола. Фантом этот особого рода. Во-первых, он соотнесен с Богом и сотворен Богом. Во-вторых, в его сотворении приняло участие народное массовое сознание: мифы,

прибаутки, сказки, “былинки” и “бывальщины” про черта. В-третьих, Дьяволу посвящена огромная светская литература. Важно подчеркнуть, что Дьявол многолик, он реализует почти все формы актуализации и демонстрирования и этим тождествен человеку. При этом необходимо отметить и еще одну важную черту: актуализации и демонстрирования Дьявола – актерские, сценические. Его актуализация одна-единственная, запрограммированная Богом – ловля душ, соблазнение человека на грех и продажу души Дьяволу. А вот средства, которые он использует, человеческие, во всяком случае выглядят таковыми и иными не могут быть, так как не будут восприняты и поняты живыми людьми с их радостями, страстями и страданиями. Дьявол играет свою игру, но по человеческим меркам и правилам. Он не может провоцировать женщину на похотливость и бросаться в блуд, кроме как притворившись мужчиной-франтом с демоническим взглядом и порывистостью Дон Жуана. Он играет роли, которые играют сами люди, он перевоплощается в такие персонажи, которые создает собой и своим воображением сам человек. Единственное отличие – он играет все это дьявольски хорошо, без проигрыша, как великий актер. И не случайно Дьявол – покровитель сценических искусств, которые церковь долгие годы не любила и причисляла к дьявольским.

Таким образом, анализ внешнего облика и “манер” Дьявола, как он дан человечеству в фольклоре, художественном творчестве народов земного шара, помогает увидеть самого человека в многообразии его воплощений и увидеть воплощения “дьявольские”, “сатанинские”, “бесовские”. Возникает не просто проблема пошлости, безвкусицы и бескультурия в оформлении людьми своего внешнего облика и в их внешнем поведении, но проблема экзистенциального сатанизма, дьяволизма и бесовщины, как это изображено Ф. Достоевским в “Бесах”.

Бог прекрасен, спокоен в трех ликах. Дьявол уродлив, беспокоен и многолик. Полем борьбы между Богом и Сатаной является не только человеческая душа, но и тело человека, и его внешний облик в целом. Тут тоже и Бог, и Сатана. Если мы знаем, каков Сатана, мы будем знать, каким может быть человек в минуты притворства, греха, падения, срама и мерзости. Бог допускает эту игру и даже дает фору Дьяволу только потому, что верит в человека и его способность устоять, преодолеть и выйти к Богу. Он дает человеку труд преодоления греха и срама, без чего не может быть истинного восхождения к чистоте и совершенству. Сатана и создан для нравственного труда человека. Но труден этот путь, и на нем Сатана устраивает происки и соблазны, фасцинируя в человеке подобие себе, а не Богу.

Быть может “утонченная чувствительность жаждет скотских страстей”, предполагал А.Камю.. Сочетание несочетаемого... кентавр... Возможно, человек и есть кентавр, Бого-Дьявол или Дьволо-Бог. То, что ниже пояса, козлоподобно, а выше – божественно. Когда Сократ беседовал с учениками, мимо со смехом прошли проститутки и одна из них уколола Сократа: “Стоит мне сделать пару движений и все они – она показала на учеников, – побегут за мной, как кобельки”. На это Сократ ответил: “Конечно, ведь ты говоришь языком, что ниже пояса, а у меня язык, устремленный к небу”.

Фасцинация Идеи

... люди сильны до тех пор, пока
они отстаивают сильную идею.

З. Фрейд

Идея – это некая абстракция, что выдумана одним или несколькими людьми для воздействия на других людей и приобщения их к этой своей выдумке. И как выдумка она может достигать потрясения личности, т. е. высшей степени фасцинации. “Все люди – братья”, “Коммунизм – светлое будущее человечества”, “Люди от рождения равны”. Любая самая нелепая и дикая идея может иметь и сторонников, и противников. Это аксиома, подтвержденная всей человеческой историей. Славянофилы и западники сражаются между собой в России до сих пор.

Среди существ, названных *homo sapiens* и наделенных сознанием, мышлением и воображением, самая страшная власть – это власть Идеи, завораживающих умы масс. История человечества – это история материализации, реализации в массовые действия Идеи-парадигм, в которых заключены массовые ожидания того или иного способа и образа жизни.

Направить возбужденную недовольством и утомленную материальными лишениями и психологическими страданиями массу на “великие деяния” во все исторические эпохи крайних социальных напряжений было легче всего с помощью “Благородных Идеи” или “Идеи Служения Благородным Целям”. Массу надо только зарядить Идеей, как бомбу взрывчаткой. Это делают партии и идеологи. Взрывателями являются фасцинативные, харизматические лидеры.

Особого рода семантической фасцинацией – массовой – обладают Идеи-парадигмы социального, религиозного и политического содержания, такие как Свобода, Равенство, Коммунизм, Отечество и др. Удивительна фасцинация Идеи Бога (142).

В. Райх в 1933 г., когда писал “Фашизм”, поставил вопрос следующим образом: “Когда “идеология в свою очередь начинает оказывать воздействие на экономический процесс”, это означает, что она превратилась в материальную силу. Когда идеология превратится в материальную силу, т. е. как только она приобретет способность приводить в действие массы, тогда мы должны задать вопрос: каким образом это произошло? Каким образом идеологический фактор может привести к материалистическому результату? Другими словами, каким образом теория может оказывать революционное воздействие? Ответ на этот вопрос также должен быть ответом на вопрос реакционной массовой психологии, т. е. этот ответ должен внести ясность в проблему “психоза Гитлера” (360).

Идея, чтобы стать “материальной силой” (К. Маркс), должна сама обладать фасцинативностью, обаянием и быть внедрена в массовое сознание фасцинативными техниками. Г. Лебон еще в XIX в. отнес к этим техникам утверждение, частое систематическое повторение (“вдалбливание”) и заражение. Он писал в своей знаменитой “Психологии народов и масс”: “Идеи, распространяемые путем утверждения, повторения и заразы, обязаны своим могуществом главным образом таинственной силе, которую они приобретают, – обаянию”, определяя обаяние как “род господства ка-

кой-нибудь идеи или какого-нибудь дела над умом индивида. Это господство парализует все критические способности индивида и наполняет его душу удивлением и почтением. Вызванное чувство необъяснимо, как и все чувства, но, вероятно, оно принадлежит к тому же порядку, к какому принадлежит **очарование, овладевающее замантизированным субъектом** (выделено мной. – В. С.). Обаяние составляет самую могущественную причину всякого господства; боги, короли и женщины не могли бы никогда властвовать без него” (224, с.250-251). При этом Лебон совершенно справедливо, на мой взгляд, отмечал, что “могущество слов находится в тесной связи с вызываемыми ими образами и совершенно не зависит от их реального смысла. Очень часто слова, имеющие самый неопределенный смысл, оказывают самое большое влияние на толпу. Таковы, например, термины: демократия, социализм, равенство, свобода и т. д., до такой степени неопределенные, что даже в толстых томах не удается с точностью разъяснить их смысл. Между тем в них, несомненно, заключается магическая сила, как будто на самом деле в них скрыто разрешение всех проблем. Они образуют синтез всех бессознательных разнообразных стремлений и надежд на их реализацию”. И далее: “Ни рассудок, ни убеждение не в состоянии бороться против известных слов и известных формул. Они произносятся перед толпой с благоговением, и тотчас же выражение лиц становится почтительным, и головы склоняются. Многие смотрят на них как на силы природы или сверхъестественные силы. Они вызывают в душе грандиозные и смутные образы, и окружающая их неопределенность только увеличивает их таинственное могущество. Они являются таинственными божествами, скрытыми позади скинии, к которым верующие приближаются с благоговейной дрожью”(224, с. 228).

В качестве примера высочайшего обаяния Г. Лебон не без горечи приводил Идею равенства: “Очень обольстительная для масс, эта идея вскоре прочно укрепилась в их душе и не замедлила принести свои плоды. Она потрясла основы старых обществ, произвела одну из страшнейших революций и бросила западный мир в целый ряд сильных конвульсий, которым невозможно предвидеть конца... Как вышедшая из берегов река, которую не в состоянии удержать никакая плотина, идея продолжает свой опустошительный, величественный и страшный поток” (224, с.30-31).

Другим историческим примером потрясения Идеей может служить фанатичное движение крестоносцев за освобождение Гроба Господня. В середине XI столетия весь христианский мир Западной Европы охватило небывалое религиозное возбуждение, вызванное продолжительными гражданскими войнами, глубоким нравственным падением правящих классов, неурожаями, голодом, моровой язвой. Религиозное рвение побуждало все большие и большие толпы благочестивых паломников к великому подвигу – с посохом в руках и с особой формы шляпой на голове они отправились далеко за море в обетованную землю, Палестину. Когда же паломники наконец достигали своих стремлений, они испытывали не один только блаженный восторг – их религиозное чувство глубоко возмущалось: ведь святыми местами владели злейшие враги их религии. “И потому, когда во всеуслышание раздался клич об освобождении Гроба Господня, он ворвался, как яркий луч надежды, в скучную жизнь тревог и лишений и открыл всем труждающимся и обремененным ту высшую цель, где всякое заслуженное или незаслуженное страдание, всякая земная скорбь получили

разрешение, где всякое преступление находило себе наиболее достойную форму искупления, а вера – все то святое, все то божественное, к чему стремились. Таково было религиозное настроение той эпохи. Аскетизм и воинственный пыл сливались воедино. Нужен был лишь толчок, чтобы западные страны наводнили Восток своими полчищами, исполненными религиозного и воинственного пыла” (469, т. 1, с. 220).

Папа Урбан II созвал в ноябре 1095 г. в Клермоне в Оверни тот знаменитый собор, воспоминание о котором никогда не изгладится из памяти людей. Сюда стеклись бесчисленные толпы народа. 26 ноября под открытым небом Урбан II обратился к ним с речью о том, что наполнило все сердца мистическим энтузиазмом. В самых горячих выражениях он говорил о позорном осквернении христианских церквей в Иерусалиме, о жестоких страданиях живущих там христиан и благочестивых паломников, об ужасных опасностях, угрожающих всему Западу вследствие победоносного шествия Ислама; как глашатай Божий, он призывал к священной войне и закончил увещанием, “чтобы каждый, отрехшись от личного блага, нес крест свой, дабы отстоять христианство”. Когда он окончил, из бесчисленного множества грудей раздался крик: “Так угодно Богу!” (Deus lo volt!) – крик, сделавшийся затем лозунгом священной войны. Толпами верующие шли, чтобы получить знак воинственного паломничества – красный крест, прикрепленный к правому рукаву. Таким образом, с каким-то сказочным величием был объявлен великий средневековый поход Запада на Восток.

Поразительное решение Клермонского собора, объявленное по всем церквам, облетело в течение зимы все страны до отдаленнейших берегов океана, и сердца всех народов преисполнились блаженным восторгом... Блага, обещанные церковью всем участникам похода – отпущение грехов, отмена церковных наказаний, несомненное блаженство в будущей жизни – влекли в неведомые края с бесчисленными толпами верующих также и дикие ватаги всевозможных искателей приключений, мошенников, кочующих торговцев с женами и детьми. Снова разгорелась исконная вражда между Азией и Европой, но еще ожесточеннее и свирепее, чем когда-либо прежде, и вражда эта в продолжении двух столетий поддерживала лихорадочное брожение среди индоевропейцев и семитов.

Без всякого плана и без опытных предводителей, руководимые лишь фанатиком Петром-пустынником и рыцарями-авантюристами вроде Гийома Плотника, умудрившегося ограбить перед походом церкви в своих землях, взбаламученные народные волны хлынули потоком на Восток, предшествуя первому регулярному войску крестоносцев. Разбои и пожары, религиозное изуверство и анархия сопровождали каждый шаг разнuzданных банд. Обитатели тех стран, по которым проходили крестоносцы, были вынуждены защищаться с оружием в руках от нашествия ужасных полчищ; и справедливо испытали эти заблудившиеся люди ту же участь, какую они, в своей жажде крови, предуготовили стольким невинным людям.

Вслед за ними отправилось огромное войско крестоносцев, состоявшее из опытных в военном деле франков, провансальцев, лотарингцев, норманнов, немцев, под предводительством надменными князьями и сеньорами – самое сильное ополчение, какое когда-либо видели Средние века. Неудержимо стремились они вперед. Однако целых три года продолжалась жестокая борьба крестоносцев с народами ислама, прежде чем им удалось проникнуть в святой город.

С тех пор в продолжение двух столетий громадные полчища непрерывным потоком двигались одно за другим из Западных стран на Восток. (469, т. 1, с. 220–221; 149, с. 36–52). Так религиозная Идея спасения гроба Господня привела в движение десятки миллионов людей и изменила во многом ход истории.

Не могли пройти мимо понимания магического воздействия на массы “спасительных” социальных идей классики марксизма, справедливо утверждая, что, “овладевая массами, идеи становятся могучей материальной силой”, и, стало быть, первейшая задача революционной партии – любыми способами внедрять в массы идеи революции. И это удалось методом сведения идей социальной справедливости, свободы и равенства к упрощенным, понятным и одновременно ярко фасциновым агитформулам, вызывающим к активному материальному действию: “экспроприация экспроприаторов”, “бей богачей и буржуев”, “отбирай награбленное”, “вся власть бедным!”, “кто был ничем, тот станет всем” и т. п. Точь-в-точь по технологии фасциновое “одурманивающего внушения”, описанной Лебоном. Как в XI в. тысячи измученных верующих, направленные идеологами католической церкви, ринулись освободить Гроб Христа, так в России в 1917 г. истерзанные войной и лишениями массы пошли за большевиками сбрасывать ярмо эксплуатации ради Великой Идеи справедливого общества Равенства и Братства. По пути... “грабя награбленное”. И. Бунин вспоминал об истории, рассказанной ему одним солдатом, который дезертировал с фронта, был в крайне бедственном положении и не нашел ничего лучшего, как зайти в Совет солдатских депутатов. Там ему выдали ордер на обыск в квартире одной из “буржуйских” семей, посоветовав как можно крепче ее обчистить и приодеться. Что он и выполнил. Таков оказался человек с ружьем.

Фасцинация автора и лидера Идеи

Как правило, фасцинация Идеи сливается с фасцинацией автора Идеи. Так было со всеми мировыми религиями, в которых великая религиозная моноидея высказывалась ее харизматичным Автором-Лидером. Самым ярким примером такого слияния является Идея ислама и пророк Мухаммед (329). Он был не только пророком, провозгласившим Идею ислама, но и основателем, организатором религии, строителем новой Церкви и основателем исламского государства.

В христианстве автор несколько размыт, им является сам Бог, вложивший заповеди Моисею, а затем пославший людям Христа. Фасциновыми харизматичными лидерами христианской Идеи стали апостолы-мученики и в первую очередь апостол Павел.

Пророк Мухаммед, принц Гаутама, ставший Буддой, апостол Павел – все это яркие пассионарии в том понимании, которое вложил в эту категорию людей Л. Гумилев (предложивший для них термин “пассионарий”), то есть яркие, неумно деятельные, социально ориентированные и реформаторские личности. Такие личности заряжены энергией одержимости и способностью вызывать своей харизматичностью пассионарную индукцию, охватывающую массы.

Есть люди, не заметить которых невозможно, от них исходит сила притяжения и энергия магического воздействия. М. Вебер назвал это их качество харизмой. По

Веберу, харизмой следует называть качество личности, признаваемое необычайным, благодаря которому она оценивается как одаренная сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по меньшей мере, специфически особыми силами и свойствами, недоступными другим людям. До М. Вебера свойство личности притягивать и увлекать людей называли “магнетизмом”. Ван Тайль Даниэльс предложил публике руководство по развитию магнетизма, определив его как качество, или свойство человека, которое привлекает к нему интерес, доверие, дружбу и любовь других людей.

А. Сосланд отмечает такую черту харизматичности, как готовность и способность человека “демонстрировать свое намерение пойти до конца за интересы своей паствы. Такая экстремальная интенция, безусловно, необходима для закрепления на иерархической вершине. Дать обогнать себя в готовности вступить в бой с каждым, кто перейдет дорогу пастве, делегировавшей лидерство определенному персонажу, – значит порушить такую иерархию” (414). Это и делает человека привлекательным для масс, жаждущих социальных перемен.

Н. Б. Мечковская представляет харизматического религиозного лидера как человека, наделенного даром внушать людям озарившие его божественные откровения, видения, идеи и свою богоизбранность (285).

Б. Данэм так характеризует идейную целеустремленность основателя протестантизма Мартина Лютера: “Лютер был действительно опьянен, но не вином, а тем, что казалось ему велением святого духа, а в действительности было требованием его совести. Это опьянение у него постепенно усиливалось, вплоть до самой смерти, и оказало влияние на его посмертную славу”. И добавляет верное, на мой взгляд, замечание: “Пожалуй, лишь немногие революционные деятели XX века были склонны демонстрировать свою одержимость идеями так открыто, как Лютер, но в той или иной степени она наблюдалась у всех.” (123, с. 303–304)

Опьянение, внезапное озарение, просветление, – вот те состояния авторов Великих Идей, которые делали их харизматичными. Что в этом фасциативном слиянии первично, трудно определить: фасцинация Идеи нуждается в харизматичной личности, но личность обретает харизму в полной мере только в социальном пассионарном действии благодаря фасцинации великой Идеи.

Суггестивное настроение масс

Замечательный манипулятор общественным сознанием В. Ленин постоянно нацеливал своих соратников “знать настроение масс”. Точно вычислить доминантное настроение народных масс означает высокую возможность и вероятность свести их с ума ударом фасцинирующей, выражающей это настроение Идеи.

Материализация Идеи нуждается в массовом ожидании социальной новизны, накале страсти такого ожидания, способном вызывать психозы толпы. Пассионарной индукции как механизму волнообразного захвата общим настроением большого числа людей подчинена в первую очередь психология толпы. Часто, если не всегда, воздей-

ствие пассионарной индукции усиливают соответствующие ей фасцинативные, впечатляющие и завораживающие ритуалы: костры, горящие факелы, дробь барабанов, горящие глаза и гортанные страстные возгласы пассионариев-апостолов. Эти приемы очень эффективно и сознательно использовали, в частности, Муссолини и Гитлер.

В. Райх писал о магическом воздействии на обыденное сознание эротизированных ритуальных форм так: “Сексуальное воздействие военного мундира, эротически провоцирующее воздействие ритмического “гусиного шага” и эксгибиционистский характер военных распорядков оказались более доступными пониманию молодых продавщиц и секретарш, чем речи всесторонне образованных политиков. С другой стороны, политическая реакция сознательно использует в своих интересах сексуальные влечения. Она не только создает для мужчин модели бросающихся в глаза мундиров, но и поручает привлекательным женщинам вести вербовку добровольцев. В заключение напомним тиражируемые воинственными властями вербовочные плакаты, на которых были примерно такие надписи: “Хочешь побывать в других странах? Поступай на службу в королевский флот!” При этом другие страны изображались в виде экзотических женщин. Почему эти плакаты эффективны? Потому что в силу сексуального подавления наша молодежь испытывает сексуальный голод” (360).

Еще одним фасцинативным зомбирующим приемом является ритуальное возбуждение идентификации массовых индивидов с “фюрером”. Райх по этому поводу пишет: “Чем беспомощней становится “массовый индивид” (благодаря своему воспитанию), тем отчетливей проступает его идентификация с фюрером и тем глубже детская потребность в защите прячется в чувстве его единства с фюрером. Эта склонность к идентификации составляет психологическую основу национального нарциссизма, т. е. уверенности отдельного человека в себе, которая ассоциируется с “величием нации”. Мелкобуржуазный индивид ощущает себя в фюрере, в авторитарном государстве. Благодаря такой идентификации он ощущает себя защитником “национального наследия” и “нации”. Это ощущение не позволяет ему презирать “массы” и противопоставлять себя им в качестве индивидуума. Ужас его материального и сексуального положения настолько затмевается возвышающей идеей принадлежности к расе господ и существования выдающегося фюрера, что со временем он полностью утрачивает понимание всей ничтожности своей слепой преданности” (там же).

“Наших быют!” – дико кричал какой-нибудь ошалевший от водки сумасшедший, и десятки, а то и сотни мужчин бросали все и как безумные, хватая в руки по пути что придется, кидались выручать “наших” туда, куда показал сумасшедший. На это качество психологии перевозбуждения при массовом психозном сигнале у русского народа указывал И. Павлов. Толпа, как об этом сказал еще Г. Лебон, обладает регрессивным качеством эмоционального резонанса возбужденного настроения.

Таким образом, при материализации Идеи действует комплекс фасцинаторных механизмов, образующих фасцинаторный удар по массовой психике: фасцинация мощной ярко выраженной Идеи (Равенство, Братство), фасцинаторная харизма Лидера, поднимающего знамя Идеи, повышено суггестивное настроение масс, готовых заглотить Идею и полюбить ее Лидера-знаменосца, фасцинаторные техники внедрения Идеи в психику суженного сознания масс (иногда до состояния массовой шизофреничности и фанатичности).

Так делались все великие революции и не очень великие восстания. В. Шукшин замечательно точно показал кульминационную точку такого процесса слияния харизмы лидера и настроения масс в романе о восстании Стеньки Разина, когда атаман впервые выкрикнул свою идею освободить народ от бояр, и в глазах ошеломленных таким внезапным поворотом казаков увидел искры готовности следовать за ним, как будто они давно этого ждали (467, т.2, с. 415).

Национальная Идея

Самые широкие слои населения любой страны всегда воодушевляет Национальная Идея. В истории чаще всего такой идеей становилась Национально-освободительная Идея. Идентификация этноса всегда связана с идеей свободы и независимости, и потому угнетение влечет за собой национальную депрессивность, национальный комплекс неполноценности. Любое подавление ужасно депрессивными последствиями. Один венгр в беседе со мной в 1988 г. совершенно убежденно объяснял мне, почему венгры так склонны к суициду. По его мнению, Венгрию несколько столетий назад покорили другие народы (турки, итальянцы, австрийцы), триста лет венгры не выигрывали сражений, а только проигрывали. Отсюда у них развились депрессивность и суицид. Биологически такой вывод оправдан. У побежденных в схватках или ритуальных турнирах самцов у многих биологических видов атрофируется половое влечение, а у некоторых даже развивается евнухизм. Это проявляется и в снижении жизненной энергии. Зато победители прибавляют и в настроении, и в гормональном потенциале. Гаремы принадлежат только победителям. Угнетенные народы были всегда поставщиками своих самых красивых женщин в гаремы победителей. А кому это по душе? Поэтому объединение всего народа без различия на классы и особые группы легко достигалось огнем национальной освободительной Идеи. Нужна была только своя Жанна д'Арк.

Модель Национальной Идеи “Освобождай свой народ от Ига – Делай все, чтобы обрести Свободу”, а после освобождения “Делай все, чтобы Свобода была вечной!” повторялась у всех народов, выбравших путь суверенитета. “По словам самой Жанны, ей было тринадцать лет, когда она стала разбираться в том, что необходимо предпринять для спасения страны и в чем должна состоять ее собственная миссия: “Голос приказывал мне идти во Францию, и я не могла больше оставаться там, где была! Голос велел мне снять осаду с Орлеана”. Шел 1425 год, война длилась уже около ста лет. Территория Франции была почти целиком захвачена англичанами и их союзниками бургундцами. Крестьяне засевали свои поля, не будучи уверены, соберут ли урожай: могли нагрянуть солдаты, разорить их и уничтожить посевы... Эта угроза материальному благополучию крестьян и служит объяснением, почему простой народ собирался вокруг Жанны: крестьяне, как и Жанна, понимали, что ни они сами, ни их урожай и скот никогда не будут в безопасности до тех пор, пока французы не вернут себе Францию и не превратят ее в национальное государство. Но в отличие от них Жанна интуитивно чувствовала, что уже наступило время, когда это может быть выполнено.

Чтобы создать нацию, ее следует строить вокруг какого-то центра, а в конце Средних веков таким центром мог быть только король. Здравый смысл Жанны быстро и

безошибочно подсказал ей нужный вывод. Если должен быть во Франции трон, а на нем сидеть король, то этим королем должен быть именно дофин Карл... Она сделала его королем, и он дожил до того времени, когда англичане были изгнаны со всей французской земли, за исключением Кале”, – пишет Б. Данэм (123, с. 285)

Когда Яну Гусу предложили отречься от своего учения, он возразил, что не может отречься от того, чего не утверждал. Тогда его, как неисправимого еретика, приговорили к сожжению заживо на костре. Его сожгли в Констанце 6 июля 1415 г. Известие о его казни и о предательстве императора вызвали в Чехии взрыв возмущения и новый подъем национальных чувств. В начале сентября 1415 г. представители чешской высшей знати, собравшиеся в Праге, подписали протест, который был направлен собору. Так начались Гуситские войны и продолжавшееся столетия борьба Чехии за религиозную и политическую свободу. Чехов объединила Идея национальной религиозной свободы.

Л. Аннинский, анализируя ситуацию в России в 1914 г. пришел к выводу, что первая мировая война отодвинула революционный взрыв, а не приблизила его. Как только был объявлен манифест о войне, словно по волшебству, революционные выступления превратились в “патриотические” манифестации. Улицы загромодил народ, но вместо красных флагов над толпами развевались национальные, вместо революционных песен звучало “Боже, царя храни!”, а с балконов и с возвышений раздавались пламенные речи, но не “долой самодержавие!”, а – в защиту “братьев-славян”. Председатель Думы Родзянко, смешавшись с толпой, с изумлением узнает, что она состоит в основном из тех самых рабочих, которые только что “ломали телеграфные столбы, переворачивали трамваи и строили баррикады”. Родзянко писал: “Как велик был подъем национального чувства — красноречиво свидетельствуют цифры: к мобилизации явилось 90 % всех призываемых, явились без отказа... Настроение было... чисто патриотическое и воодушевленное”.

Попытки российских политиков, идеологов и политтехнологов последних 15 лет сформулировать Национальную Идею для России постсоветского периода пока не увенчались успехом и выглядят откровенно тщедушными. Каждое ведомство в бессмысленных потугах и раже государственности выдвигает нечто узковедомственное, вплоть до того, что спортивные чиновники на волне государственной актуализации физкультуры и спорта предлагали присвоить ранг национальной Идеи развитию физкультуры и спорта.

Идея может стать национальной только в одном случае – если она будет fascinaцией и захватит (и очарует!) психику народа. До тех пор пока этого не произойдет, любая самая красиво-государственно-идеологично оформленная идея (часто – идея-ка!) обречена на роль привокзальной девушки, красящей губы ярчайшей влажной помадой и при этом думающей, что она выглядит не хуже аристократки.

Во времена духовного разброда и душевного смятения, охвативших нацию, национальная Идея конечно же и желательна, и необходима. Но вся трудность заключается не в ее вербальном выражении (на это мастеров всегда хватает), а в поиске fascinations, того почти неизъяснимого словами общенационального чувства и чутья, которое вдруг становится всеобщим. Но ведь возможно и то социально-психологическое состояние, о котором мне с горячей убежденностью говорил подвыпивший венгр,

– апатия. Стараться превратить в национальную идею занятия спортом или борьбу с наркоманией при невозможности массы людей достойно прокормить себя – занятие абсолютно невозможное из-за заложенной в нее антифасцинации. Скорее такую массу легче взорвать фасцинацией какой-нибудь протестной Идеи.

Чарующие Идеи-мимы

Р. Докинз в 1976 г. придумал слово “мим” для обозначения саморазмножающихся частиц культуры, которые в какой-то момент начинают жить собственной жизнью. “С тех пор, – пишет он, – как и положено хорошему миму, мой “мим” постепенно проник в культуру. Недавно, набрав в окошке поисковой машины слово “memetic”, я нашел 5042 упоминания. Как оказалось, существуют даже отдельные сайты, посвященные “теории мимов”. Да что там – порывшись в результатах поиска, я обнаружил целую религию под названием “Церковь Вируса”, с полным набором пороков и добродетелей и со своими собственными святыми, среди которых я, к своему ужасу, заметил и св. Докинса.

Мимы путешествуют как вертикально, переходя от поколения к поколению, так и горизонтально – как вирусы во время эпидемии. Когда мы изучаем распространенность того или иного мима в Сети – это уже чисто горизонтальная эпидемиология. Хорошим примером могут служить разные школьные шутки и увлечения. Когда мне было девять лет, отец научил меня делать из квадратного листка бумаги китайскую джонку – что-то вроде оригами. На моих глазах листок претерпевал удивительные метаморфозы, превращаясь то в катамаран, то в шкаф с двумя дверками, то в картину в раме, пока, наконец, не становился полноценным кораблем – хоть сейчас спускай на воду.

Придя в школу, я быстро заразил своих одноклассников манией складывания китайских джонок, и вскоре вся школа уже была охвачена “лодочной” эпидемией. Интересно, что мой отец научился делать бумажную лодку во время такой же точно эпидемии в той же самой школе. Только 25 лет назад”.

Примеры мимов, аналогичных генам: “мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок”, а также религии со всеми их молитвами и обрядами. Представление человечества о Боге – очень старая идея, которая передается из поколения в поколение с помощью устного и письменного слова, подкрепляемого великой музыкой и изобразительным искусством. Логично задать вопрос – почему эта идея так живуча уже на протяжении тысячелетий? В чем причина ее стабильности и долголетия, тогда как песни римских легионеров уже давно всеми забыты?” На взгляд Р. Докинза, выживаемость хорошего мима обуславливается его большой психологической привлекательностью. “Идея Бога дает на первый взгляд приемлемый ответ на глубокие и волнующие вопросы о смысле существования. Она позволяет надеяться, что несправедливость на этом свете может быть вознаграждена на том свете, что в минуту слабости нас всегда поддержат... Вот некоторые из причин, по которым идея Бога с такой готовностью копируется последовательными поколениями индивидуальных мозгов”

Идеи, приводящие в движение массы, Идеи красивые, мистические, заразные, завораживающие, берущие в плен своей пленительностью, составляют неотъем-

лемые элементы человеческой жизни. Они-то и становятся благодаря своей завораживающей красоте Идеями-мимами, переходящими из поколения в поколение или охватывающими современников. Равенство. Свобода. Коммунизм. Вечные Идеимы человечества.

Фасцинация научной Истины и Идеи-теории

Интерес вызывают идеи необычные, экзотические, неожиданные и, конечно же, безумные, как трактовал таковые Нильс Бор. Идея красива, когда она интересна и содержит неожиданную новизну, ведущую очень часто к перетряхиванию гардероба привычных идей. Так в свое время подействовала идея об относительности пространства-времени, ошеломившая современников, даже физиков-профессионалов, возвращенных на физику Ньютона.

Шок сделал гипотезу З. Фрейда об огромном, определяющем значении бессознательного сексуального для человеческой жизни фактом общественного сознания. В 1909 г. никому еще не известной австрийский психиатр Зигмунд Фрейд получил приглашение прочитать в Гарвардском университете цикл лекций по психоанализу. Психоанализ своей шоковой неожиданностью, новизной и интересностью завоевал всю Америку, а вскоре и весь мир. Л. А. Радзиховский пишет по поводу мгновенно взлетевшей популярности Идеи Фрейда: "... если бы специально заняться поисками чего-то самого кощунственного, оскорбительного для пуритански-ханжеской морали среднеинтеллигентского общества конца XIX века, то едва ли можно было бы найти нечто более подходящее, чем идея, что в глубине психики человека скрыто неосознанное сексуальное влечение к своим родителям. Эта идея великого Фрейда ошеломляет куда сильнее, чем, скажем, очевидно противоречащая здравому смыслу гипотеза, согласно которой Земля не плоская и неподвижная, а круглая и вертится!.. Теория Фрейда завоевала признание не вопреки, а благодаря своей, мягко говоря, парадоксальности. Во-первых, чисто логически. По Фрейду, в глубине психики "таится" нечто такое, что человек "вытесняет", ибо хочет скрыть от себя неприемлемое – с точки зрения социальных норм – для его сознания. Следовательно, чем более "ужасное", непереносимое для человека и общества Фрейд "обнаружит" в глубине подсознания (или, как утверждают его критики, искусственно "вложит" туда), тем убедительнее будет сама гипотеза о "вытеснении". Во-вторых, собственно психологически, эмоционально. Нужно, чтобы клиент был потрясен открывшейся картиной. Конечно, заявление о скрытом сексуальном влечении к своей матери способно было (особенно в начале XX века) вызвать подлинный шок. Однако в принципе важен не только и не столько конкретный повод для такой реакции ..., сколько то, что ее так или иначе удавалось вызвать" (359). Парадоксальная и красивая, шокирующая и оригинальная Идея З. Фрейда стала на многие десятилетия темой даже самых обыденных разговоров за чашкой кофе.

Таким же взрывом, но скорее все же приятным для уставшей Европы, стала теория относительности А. Эйнштейна. Л. Повель и Ж. Бержье пишут: "Исходя из миллионной доли грамма плутония, физик-ядерщик проектирует гигантский завод, который будет функционировать именно так, как предусмотрено. Исходя из несколь-

ких снов, Фрейд осветил человеческую душу так, как ее еще никогда не освещали. Это потому, что Фрейд и Эйнштейн совершили вначале колоссальное усилие воображения. Они силой мысли создали действительность, совершенно отличную от общепринятой” (342). Сознание обывателя было взорвано парадоксальной fascinацией и приобщило его к этим великим и красивым Идеям.

В древности потрясла и вызвала массовое восхищение Идея Пифагора о законе числа, лежащего в основе всего сущего. В простых числах, которые составляют основу всех фигур и тел, он нашел закон, управлявший всеми отношениями и формами вещей, уяснявший единство и разнообразие. Они представлялись ему чем-то вроде магического ключа ко всем физическим и моральным явлениям. Точка соответствовала у него единице, ибо она неделима, прямая линия – 2, ибо она определяется двумя точками; площадь, ограниченная не менее чем тремя прямыми, соответствовала 3, тело – 4, так как самое простое правильное тело ограничено 4 плоскостями. И не только фигуры и формы, но также и тела представлялись математическому мирозерцанию Пифагора в виде вечных, неизменных чисел. Так, элементы воды сводились к форме двадцатиугольника, элементы огня – к форме пирамиды, элементы воздуха – к восьмиугольнику. Чудесная сила чисел являлась причиной таинственного явления музыки. Пифагор находил, что гармонические интервалы соответствовали соотношению между числами. Основной тон относился к октаве, как 1 к 2, к квинте – как 2 к 3, к кварте – как 3 к 4. Таким образом, в звуках слышались числа; числа звучали. Когда Пифагор установил соотношение тонов и чисел, он вообразил, что открыл сокровеннейшую тайну жизни Вселенной. Таким образом, он построил все мировоззрение на соотношении между числами. В них он видел высший закон и сущность явлений. Это было неожиданно, парадоксально, красиво. Не случайно магия учения и личная харизматичность привели к такому массовому преклонению перед Пифагором, что ему удалось создать влиятельную политическую силу, основать мистическо-религиозный орден – “Союз пифагорейцев”, в который вступили знатнейшие и достойнейшие люди всех городов Греции, и только чрезмерное увлечение культом учения и личности Пифагора привели потом эту политическую структуру к краху.

Но и в наши дни Идея универсального кода для коммуникации существует и вновь ее находят в гармонии самых fascinативных образов – в музыке. Я имею в виду гипотезу В. Лефевра о плазмалоиде. Искал коды всеобщей универсальности и гармонии мироздания и А. Эйнштейн. Ему понравилась музыка терменвокса, которую привез из России в Америку гениальный инженер Термен, и они вместе пытались найти цветозвуковой код Вселенной.

Модные Идеи

Идея относительности пространства-времени была, безусловно, и красивой, и безумной. Но она стала еще и модной, что удивляло ее создателя! По мнению Поля Дирака, “до конца 1918 года, пока не кончилась Первая мировая война, эйнштейновская теория относительности была известна только немногим специалистам. А затем произвела сенсацию... Случилось это тогда, когда войной были сыты по горло все – и

победители, и побежденные. Люди жаждали чего-то нового, и в теории относительности они нашли то, что искали. Широкая публика подхватила эту тему; о ней говорили повсюду.” (131, с. 21)

Красивые идеи часто становятся модными. Некрасивые или нудно представленные – никогда. Эволюционная теория Ч. Дарвина была привыкшего к “ богоизбранности” человечество под дых. И стала модной темой разговоров и горячих дискуссий. Идея – это повестка дня для всех, кто ищет о чем бы этаким поговорить. Посудачить. Проявить остроумие и жажду нигилистической критики-разноса. То же произошло полвека спустя с психоанализом З. Фрейда. Либи́до, комплекс Эдипа – все это удивляло и щекотало нервы. Оказывается человек живет подсознанием, а там властвует сексуальное влечение, сексуальные комплексы и Эдип! Какой бред! Какой ужас! И... как интересно!

Мода на идеи и темы для рассуждений типична для элиты – аристократической и интеллектуальной. Это неотъемлемая составляющая салонов и клубов. Появляются модные авторы, модные термины и фразы, почерпнутые из модных книг и исследований, содержащих модные Идеи и Гипотезы.

Всегда были в моде мистические идеи.

Купался в лучах славы О. Уайльд, поразивший европейские элиты своей теорией Прекрасного и внешним оригинальным снобизмом: вся Европа ринулась походить на Уайльда, вдевая хризантему или лилию в бамборьетку фрака *a la Wald*.

Но, как известно, мода приходит и уходит. Остается истина и связи созданной ученым Идеи со всем последующим развитием сознания человечества. Прав, мне кажется, Е. Гильбо, говоря, что “фрейдизм – наука XXI века”, так многое из того, что открыл ум З. Фрейда, перестав быть модой, становится понятным только сейчас, в третьем тысячелетии (102, с. 60). Волны модных дискуссий вокруг Идеи относительности поутихли, а физики все еще не разобрались в теории, созданной гением Эйнштейна. Давно отшумели дискуссии о судьбоносности чисел, а Идея Пифагора вдруг вновь оживает в поиске универсального кода коммуникации во Вселенной.

Оглушающие безумные Идеи и Идеи творческих безумцев

Чтобы стать истинной идеей
должна быть безумной
Нильс Бор

Не было еще гения без
некоторой доли безумия
Сенека

Нильс Бор оставил знаменитую метафору о том, что, только находясь на грани безумия, можно открыть нечто принципиально новое. Он говорил В. Гейзенбергу, что его теория недостаточно безумна, чтобы быть истинной.

“На космическом уровне вся современная физика учит нас тому, что только фантастическое имеет шансы быть истинным”, – прозорливо сказал Тейяр де Шарден.

Безумие как трансгрессия сознания, выход за пределы привычного и не различаемого в привычном скрытого смысла, часто с подключением мистического, фантазмического и интуитивного состояний психики, представляет собой один из путей сознания к раскрытию тайн мироздания. А. Эйнштейн не раз подчеркивал, как важно для мышления ученого дружить с таинственным и фантастичным и быть “немножко маньяком”. Чтобы открыть теорию относительности, недостаточно одного только интеллекта, нужно еще быть достаточно “сумасшедшим”, чтобы избрать новые исходные положения, несмотря на всю их парадоксальность, отметил П. Тьюйе (443, с. 27).

Едва ли не полвека пробивался Н. Лобачевский к общественному признанию новой, неевклидовой геометрии. Н. И. Лобачевский изложил принципы новой геометрии в феврале 1826 г. Однако лишь более сорока лет спустя эти идеи стали признаваться и распространяться. В течение четырех лет, Лобачевский публиковал свои идеи в журнале Казанского университета, но они не были замечены широким научным миром. Тогда Лобачевский приступил к публикации своих работ на французском и немецком для того, чтобы они были доступны ученым в Западной Европе. Но лишь к концу 50-х гг. XIX в. ему удается опубликовать свою “Пангеометрию” в Казани на французском и немецком языках. И лишь к 1870 г. математический мир широко познакомился с неевклидовой геометрией и геометриями n -мерных пространств (282).

Идеи Коперника и Галилея были безумными, взрывавшими порядок, установленный религией и ортодоксальной наукой в мозгах их современников. Галилея, как известно, вынудили даже отказаться от своей Идеи гелиоцентризма мироздания.

Цеппелин попытался заинтересовать промышленников идеей управления воздушными шарами. “Бедолага! – отвечали ему, – Разве вы не знаете, что есть три темы, по которым Французская академия наук больше не принимает заявок: квадратура круга, туннель под Ла-Маншем и управление воздушными шарами?” (342)

Но раз есть “безумные Идеи” и “Идеи безумцев”, должны быть и “безумные Идеи безумцев”. Не по этой ли причине многие народы преклонялись перед блаженными и юродивыми, ожидая от них истинных пророчеств и реформаторских идей? Редко, но такое происходило. Именно редкость попадания и нужна, иначе фасцинации не возникло бы. “Редко да метко”, – очень точно отразилось подобное попадание в народной психологии. Неточности забываются, точное попадание на устах у всех и передается как чарующий миф и легенда.

Но где та грань, которая четко отсекает безумные новаторские идеи от сверхценных идей безумцев? И где критерий? Экспертизы ученых? Но еще Маркс очень точно определил одно из качеств профессионализма в интеллектуальной сфере как “профессиональный идиотизм”. Традиционализм и консерватизм мышления профессионала, взращенного на определенной сумме аксиом и традициях определенной “уважаемой научной школы”, часто бывает неодолимой преградой оценки новых безумных идей. Пуанкаре, который был необыкновенно близок к Идее относительности пространства-времени, не смог тем не менее перешагнуть барьер влияния консерватизма, это сделал безумец Эйнштейн. Находится всегда доктор наук, который бежит по коридорам научных учреждений, власти и средств массовой коммуникации, громя новую идею и ее автора как лжеученого и фальсификатора, призывая на его голову все громы и молнии, вплоть до физического уничтожения. А нередко таких докторов оказывается много и

они организуют кампанию “Ату его!”. Еще страшнее, когда эти лица с элементами “профессионального идиотизма” наделены властью “карать и отлучать”. Тогда запрещают генетику и кибернетику, с плеч авторов безумных идей летят головы.

Эйнштейна однажды спросили, как, по его мнению, появляются открытия, которые переделывают мир. “Очень просто, – ответил он, – все знают, что сделать это невозможно. Случайно находится один невежда, который этого не знает. Он то и делает изобретение.”

Идеи-глупости, Идеи-заблуждения, Идеи-гипотезы

Прогресс состоит не в замене
неверной теории на верную,
а в замене одной неверной теории
на другую неверную, но уточненную.

С. Хокинг

Глупость можно победить
только еще большей глупостью

А. Франц

Почему нет цензуры против глупости,
подобно тому как есть меры защиты
против торговли наркотиками?

Р. Клер

Утверждаю без всякого сомнения: **глупость наделена fascиацией**. Она ею пронизана. Более того, без fascиации глупости не могло бы быть легкого радостного романтического общения людей. Глупые метафоры – соль человеческого общения. Чаще всего глупость и есть fascиация в чистом виде, как музыка. Глупость – это легкая музыка, легкий жанр разума. О, как прекрасны глуповатые красавицы! А умные нагоняют на мужчин страх, как утка-пеганка на лисицу. Глупость украшает и мужчину в известные моменты. “Хочешь звездочку с неба достану и на память тебе подарю?” – говорит юноша девушке. Глуповато конечно, зато как чарует.

По версии И. Бунина, которую ему, в свою очередь, пересказал А. Чехов, Лев Толстой на вопрос, почему мир так нелепо устроен и человечество чаще всего идет не туда, куда надо, ответил: “Все от глупости”. И рассказал, как один крестьянин в Ясной Поляне копил пять лет деньги на лошадь, накопив, поехал на ярмарку, но вернулся оттуда не с лошадью, а с музыкальной канарейкой, которая пиликала мелодию. Крестьяне изумлялись такому немислимому для серьезного человека поступку и объясняли его только невероятной глупостью. А крестьянин был очарован необыкновенной штуковиной, заворожившей его воображение.

Л. Толстому вторит Ф. Достоевский: “Знай, послушник, – говорит Иван Карамазов брату Алеше, – что нелепости слишком нужны на земле. На нелепостях мир стоит, и без них, может быть, в нем совсем ничего бы и не произошло”.

Есть две бесконечности: вселенная и глупость, заметил И. Кант. Вольтер говорил, что для осознания математической бесконечности достаточно вспомнить о размерах человеческой глупости. Вопрос остается открытым, на что он намекал: на глупость человека или на математическую глупость... Правда, генерал А. Лебедь по своему реабилитировал глупость, дав ей замечательное определение: “Глупость – это не отсутствие ума. Это такой ум”.

Глупость человеческая в своем фасцинирующе-безумном выражении стала в наши дни предметом особой науки – мориалогии. Новый материал для мориалогии поступает исправно. Вот несколько ярких примеров в качестве пищи для размышления.

Два бразильских пилота потерпели катастрофу на самолете “Цессна”, после того как прижали свои обнаженные зады к иллюминаторам кабины. Так они выражали недовольство другим самолетом, летящим параллельным курсом...

Трусы жителя Японии Катуго Катугори вдруг начали раздуваться в давке токийского метро – сначала разошлись по швам его брюки, затем была сломана пара ребер окружавших его пассажиров... Катугори вежливо, как и положено воспитанному японцу, сообщил людям, что это ошибочно сработало его изобретение, защищающее от... цунами.

Житель Йоркшира решил смягчить боли от геморроя, сев в ванну, наполненную спиртом. А для полного удовольствия... закурил. Еще один любитель табака из Саксонии залез на опору линии электропередач напряжением в 100 тыс. вольт, чтобы прикурить сигарету.

А особенно жестоко судьба обошлась со следующими безумцами:

– с канадцем Тори Хьютбайсом, который после испытаний на практике своего “защитного антимедвежьего костюма” четырежды попадал в больницу с тяжелыми травмами, полученными от медведей;

– с мужественными японцами, которые во время африканских сафари ради красивого кадра выходили из автомобилей возле львов и тигров и пытались пинками пробудить фотогеничность у мирно спящих животных;

– с британцем, поспорившим с приятелем на 12 кружек пива, что в сети нет напряжения, если поезд стоит на вокзале. Для доказательства своей правоты он помогился с моста на контактную сеть. “Ему остается лишь одно утешение, – с черным юмором было отмечено в полицейском отчете, – он не будет оплачивать свое пари”;

– с Майклом Гертнером из Бостона. Зачем он сунул руку в свой аквариум, остается загадкой. Когда малайзийская бойцовская рыбка цапнула его за палец, хозяин разозлился настолько, что решил отплатить своей чешуйчатой приятельнице той же монетой. Перед прибывшими спасателями предстали недвижимые Гертнер и торчащая из его рта рыбка, которой он и подавился. Реанимировать их не удалось.

Не оспаривая совершенно справедливую мысль Льва Толстого о преобладании в человеческом поведении глупости, добавлю только, что мир нелеп не из-за глупости как таковой, а из-за фасцинации, т. е. наивного очарования и легкой индуктивной заразительности глупости. Глуповатый смех идиота легко превращает массу людей в хохочущую толпу. Этот эффект давно эксплуатирует кинематограф и им мастерски пользовался Ч. Чаплин. Глупость часто бывает столь невообразимо нелепой, что... завораживает. Играющая канарейка, какой он и представить себе не мог, так очарова-

ла музыкального крестьянина, что тот забыл обо всем на свете и в голове у него вспыхнуло глупое, а на самом деле фaszинативное, мгновенно стершее из памяти все другие мечты, в том числе и столь нужную в крестьянском хозяйстве лошадь, желание заполучить канарейку. Возможно, что кто-нибудь отговаривал его и тянул к лошадям. А он на своем: “Нравится! Хочу!” Но пусть бросит в этого оставшегося безымянным крестьянина камень тот, кто не попадал в плен какой-нибудь чарующей глупости, даже сам Лев Николаевич. Ведь все “лохи” земного шара ловятся именно на очарование очевидной “завлекушки”, понять которую совсем не составляет труда: на асфальте валяется пачка долларов, ну зачем же к ней тянуться?! Ведь ясно же, что так просто долларовые пачки на дороге не валяются. И уж совсем глупо идти и делить эту пачку с откуда-то появившимся “компаньоном”. Но “застилает глаза и ум”. Так хочется стать богатым и сразу! А если глупость не что иное, как собственная мысль-мечта о чем-нибудь замечательном? Это часто провоцирует бурную деятельность: сорваться с насиженного места и рвануть куда-нибудь “за счастьем” (так красивые девушки России и СНГ сексуально осваивают просторы Европы, Америки и Восточной Азии). Или продать все, что имеешь, и... издать книгу своих замечательных стихов, или... поджечь соседа, потому что богато живет, “не как все”. Бывает, что чарующая Идея приснится или пригрезится. Один из психоделиков после приема LSD “понял”, что запросто может полетать и прыгнул с балкона шестнадцатого этажа. Но подобная мысль может придти и без LSD! И приходит. Так, нас энергетически чаруют пришедшие в голову “авторские проекты”, которые при чуточку трезвом размышлении представляют собой очевиднейшие банальности. Невежество, как часто аргументируют появление в мозгах глупости, вовсе ни при чем – грандиознейшие глупости рождаются как раз в головах “умников”, даже академиков. Фaszинация и энергия заблуждения – вот их причина, от действия которой никто не застрахован. Когда фaszинация проходит, бывает грустно. И даже стыдно. Иногда бывает поздно. Из суммы фaszинативных глупостей складывается совершенно непредсказуемый вектор развития жизни индивидуума, семьи, социума.

Но значительно опаснее по своему фaszинативному воздействию не внезапно возникшее очарование и вытекающая из него идея купить музыкальную канарейку вместо лошади, а великие Идеи-зablуждения, которые, не будь попыток их энергичного воплощения в жизнь, остались бы всего-навсего Идеями-гипотезами, ведь гипотеза – это всего лишь оригинальная мысль об устройстве чего-нибудь еще неведомого или проекты преобразования общества к лучшему, которые могут оказаться как истинными, так и ложными.

Замечательный пример такого перевода Идеи-гипотезы в разряд Идеи-зablуждения представляет собой Идея-теория К. Маркса о построении коммунизма посредством диктатуры пролетариата. При первой же своей презентации миру в виде “Манифеста коммунистической партии” Идея эта была подвергнута убедительной критике как теоретическое зablуждение автора. На ложность Идеи указывали многие выдающиеся умы, критика в основном была по кровавому ядру теории Маркса: коммунистическое счастье людей через диктатуру невозможно, поскольку любая диктатура в развитии трансформируется в жестокость, доходящую до массового садизма. Революция в России воочию показала, что такое “красный террор” и массовый чи-

новниче-бюрократический садизм, который во все более изощренных формах продолжает властвовать в России до сих пор. Садизм как демонстрационная форма публичного властвования проявлял себя все семьдесят с лишним лет советской власти: от разносов при так называемых персональных делах на профсоюзных, комсомольских и партийных собраниях, доходивших порой до изуверского неприличия (я слышал рассказ очевидца, как на партсобрании по поводу супружеской измены интересовались, каким способом совершал половой акт коммунист-изменщик со своей любовницей-секретаршей), до публичной травли граждан собственного государства с использованием самых низменных приемов, как это делалось с Пастернаком, Солженициным, Сахаровым и др., когда в иезуитском раболепии подданные режима кричали: “Я говенную книгу Пастернака не читал, потому что она говенная, но скажу!” – и призывали к расстрелу. Маркиз де Сад все годы властвования подобного режима мог спокойно отдыхать.

Почему Идеи-гипотезы и особенно социальные идеи-гипотезы авторы стремятся как можно скорее реализовать? По простой сермяжной причине – жизнь человеческая быстротечна и есть огромная опасность, что автор не увидит окончания пьесы. На это указал замечательный писатель Ю. Трифонов в повести о народовольцах “Нетерпение” (440). К. Маркс заканчивал жизнь в глубокой депрессии: реализация его Идеи диктатуры пролетариата пошла наперекосяк в сравнении с тем, как они с Энгельсом планировали, лидеры пролетариата основоположников не слушали, делая все наоборот. Руки у вождя опустились, и он впал в апатию. А так хотелось увидеть торжество собственной Идеи еще при жизни!

Торжество Идеи Маркса увидел В. Ленин. Но это, как я уже сказал выше, оказалось кровавое торжество, в конечном счете показавшее, что Идея была Великим Заблуждением.

А. Ухтомский очень едко высказывался о роли русских умников-интеллигентов в событиях 1917 г. Охарактеризовав Февральскую революцию как безумную, Ухтомский утверждал, что она “почти с первого дня” предопределила все последующее: “Дальнейшие глупости разных “большевиков” и прочих убогих людей не подлежат уже такому суду и осуждению, как то, что в самом деле было понаделано умниками: Гучковыми, Родзянками, Милоковыми...” (449).

Поскольку нелепые идеи обладают чарующе-магической силой, спасения иного от них нет, кроме как их пережить. В народе по этому поводу желают, показывая при этом пальцем у виска: “Мозги бы тебе проветрить!” Или... выбить клин клином, т. е. вытеснить застрявшую идею другой идеей-парадоксом. Против глупости есть только одно оружие – еще большая глупость.

Но это сделать сложно, так как одурманившая идея родилась в собственной голове, тогда как идею-глушитель-переключатель надо вводить извне. Точь в точь как при наркомании, когда вроде бы понятно, что зависимость образована фасцинацией наркоманного бреда-наслаждения, но попробуй выведи эту фасцинацию из закрепленного в центре удовольствия подкрепления, которому сознание найдет по принципу рационализации любое оправдание. Разум в случаях фасцинаторной зависимости всегда становится служанкой для оправдания наслаждения. Труднейшая и неразгаданная проблема! При этом путь критики и словесного убеждения (т. е. путь информации

онного влияния) бесполезен, так как фасцинация потому и существует, чтобы исключить критику и сомнения. “Нравится!” – и все тут. Хоть у несмышленного подростка, хоть у академика РАН или вождя какой-либо революции. Причем “нравится!” кричит не только личность, отравленная фасцинацией, но и весь организм с центром подкрепления во главе.

А при внедрении в сознание масс Идеи-заблуждения обладают фасцинацией даже большей, чем Идеи-гипотезы, так как ко всему прочему еще и оформляются избыточно фасцинативно. Так поступал Лысенко, создавая фасцинацию идеи конструирования новых сортов, минуя законы генетики. Так поступил Н. Хрущев, внедряя Идею произрастания кукурузы чуть ли не на Северном полюсе.

Любопытно, по какому разряду записали бы авторы борьбы с лжеидеями, создавшими в российской Академии наук даже специальную Комиссию (!!!) по борьбе с лженаукой, “безумную” и красивую гипотезу доктора исторических и философских наук Б. Поршнева о возникновении рода человеческого искусственным путем – селекцией ее другими гоминидами (палеоантропами) как породы “на мясо” для собственного питания? Редактор пишет, представляя книгу Б. Поршнева “О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)”: “Поршневу провед гигантскую работу по сбору фактов о параллельном существовании ближайшей предковой формы (палеоантропа) рядом с человеком (неоантропом) не только в доисторическое время, но и в современную эпоху вплоть до наших дней... Приведенные выдержки отчасти дают ответ на вопрос о причинах гигантского, но почти безотчетного сопротивления коллег-ученых и вообще “общественности”, с которым Поршневу приходилось сталкиваться всю жизнь. Внедрение этой концепции в научный оборот, в сферу широкого публичного обсуждения способно вызвать культурный шок невиданных масштабов и глубины. Все общечеловеческие ценности, как религиозные, так и светские, как “западные”, так и “восточные”, потребуют глубокого пересмотра, переосмысления, “переобоснования”. Ведь, с одной стороны, все культурное “самосознание” человека сформировалось в силу необходимости “дистанцироваться” от своего прошлого, от своего предка ...но, с другой стороны, реально достигнутое “дистанцирование” надежно обеспечено лишь одним: наивной верой в то, что “мы” по определению с “самого начала” являемся “их” (реальных предков) противоположностью.

И вот тут появляется “умник” Поршневу и пытается открыть “нам” глаза на то, что в эту самую противоположность “мы” еще только превращаемся (и еще долго будем превращаться), тогда как своим появлением на земле “мы” обязаны некоему отвратительному животному, которое специально вывело “нас” искусственным отбором для выполнения единственной функции служить ему кормовой базой! Что-то вроде “мыслящей” коровы мясной породы...”

Рассказывают, что один из весьма остепененных антропологов бегал по кабинету МГУ, добываясь запрета на опубликование книги Б. Поршнева.

Комиссия, созданная в Российской академии наук для борьбы с лженаукой, в своем замысле содержит, как мне представляется, червоточину, поскольку борьба с ложными идеями вроде теории вечного двигателя вряд ли возможна на серьезном уровне, следовательно, борьба выльется в борьбу с идеями-гипотезами, а это уже есть не что иное, как мракобесие в науке. Кажется, туда некоторых членов уважаемой комис-

сии и повело. А выход мне видится в другом: если уж говорить непременно о “комиссиях”, то не “Комиссия по борьбе с лженаукой” нужна в обществе, а “Комиссия критики”. Аргументированная критика – вот единственный способ выявления (не фанатичной борьбы!) истины и заблуждений. А практика в развитии своем в конечном счете отсеивает и ложь, и заблуждения, и преступления на ниве “рынка идей и ученых”. Критика и может стать составляющей-помощницей практики, которая, как известно, высший критерий истины. Вряд ли есть иной путь. Насилие же в мире идей и мыслей всегда порочно. “Комиссия по борьбе” – это завуалированное насилие, как его не прикрывай благими намерениями, которые, как тоже известно, ведут в ад. При такой комиссии вполне возможно появление очередного Лысенко. Так бывало в истории науки не раз. Вся эта “борьба” с лженаукой очень напоминает мне развернутую в “Литературной газете” в советское время воинственную борьбу признанных критиков, поэтов, писателей и особенно так называемых “рецензентов” с графоманами. Потом оказалось, что некоторые из графоманов гениальны, а борцы – худшие из графоманов. Слава богу, с графоманами перестали бороться – пусть себе пишут, ибо, как сказал мудрый Булат Окуджава, “каждый пишет, как он дышит, как он дышит, так и пишет”. Перефразирую: “Как он дышит, так и мыслит”. Борец с лженаукой тоже...

Но есть еще один нюанс в проблеме борьбы с лжеидеями – и немаловажный! Он другим концом коромысла бьет по “безумным” идеям. Его можно выразить фразой “Ну и что?”. Убийственная по своему энтропийному значению фраза – символ безразличия и пофигизма, пожирательница любых идей и теорий, гипотез и учений. Сколько их умерло при столкновении с этим “Ну и что?”.

Замечательный пример метаморфозы идей преподал недавно С. Хокинг – создатель теории космических “черных дыр”, заявив, что выдвинутая им теория ложна и не может рассматриваться даже как научная гипотеза.

Сверхценные идеи и энергия заблуждения

Ничто так не искажает человека,
как маниакальные идеи...

Н. Бердяев

Лев Толстой ждал энергии заблуждения как лучшего стимула к творчеству. Он пишет в письме к Н. Н. Страхову: “Все как будто готово для того, чтобы писать — исполнять свою земную обязанность, а недостает толчка веры в себя, в важность дела, недостает энергии заблуждения...” (459, с.13).

Энергия заблуждения бывает у всех мыслящих людей именно потому, что они мыслят, а мышление имеет одним из своих имманентных свойств увлекаться собственным продуктом творчества, самоочаровываться.

При этом можно еще и восхищаться своим “Я”, превратиться в нарцисса. Можно восхищаться собой и ненавидеть мир за то, что он не участвует в процессе самовосхищения. Психиатры называют это паранойей.

“Я” всегда единственное и неповторимое. Это правда. Но это вовсе не значит, что

оно замечательное. В этом вся трагедия непризнанных гениев-параноиков и гениальных актеров-истериков. Все это терпимо и забавно до тех пор, пока человеку не начинают очень нравиться собственные незначительные мысли и идеи, и неприятно, когда человек упивается и восхищается своими идеями, считая их великими.

Энергия заблуждения часто соседствует с одержимостью-иступлением, а то и перерастает в это состояние. Психиатр П. Ганнушкин пишет о параноиках в книге “Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика”: “Самым характерным свойством параноиков является их склонность к образованию так называемых сверхценных идей, во власти которых они потом и оказываются. Эти идеи заполняют психику параноика и оказывают доминирующее влияние на все его поведение. Самой важной такой сверхценной идеей параноика является мысль об особом значении его собственной личности. Соответственно этому основными чертами психики людей с параноическим характером являются очень большой эгоизм, постоянное самодовольство и чрезмерное самомнение. <...> Всех людей, с которыми ему приходится входить в соприкосновение, он оценивает исключительно по тому отношению, которое они обнаруживают к его деятельности, к его словам. Он не прощает ни равнодушия, ни несогласия. Будучи обычно людьми очень узкими, параноики не отличаются богатством идей. Обыкновенно они, ухватившись за несколько понравившихся им мыслей, не могут уже от них освободиться и только пережевывают их дальше на все лады” (97).

Внести кого-либо из умничающих резонеров или просто умных людей с ригидной составляющей характера в категорию параноиков не только не составляет труда, но само собой напрашивается, когда к ним возникает неприязнь и уж тем более при конфликте с ними, что и происходит сплошь и рядом в общении интеллектуалов, знакомых хотя бы понаслышке с проблемой паранойи. В известном смысле все творчески мыслящие, т. е. продуцирующие идеи, люди в некоторой степени паранойяльны, поскольку, во-первых, собственные идеи завораживают, а во-вторых, могут соединиться с этой стимулирующей “энергией заблуждения”. Энергия заблуждения очень часто выливается в отношениях с окружающими в фанатическую настойчивость и односторонность, что и может оцениваться ими как паранойя. С этой точки зрения очень продуктивным для психологии отношений представляется мне выделение в особые типажи-категории акцентуированных качеств личности, предложенное К. Леонгардом, в том числе паранойяльной акцентуации. Паранойяльно акцентуированный человек находится как бы на грани патологии, но он не болен, он всего лишь “зациклен”, при этом имеет в себе и критические возможности, и силу воли, чтобы остановиться, не перейти грань и не стать паранойяльно целеустремленным сутягой, добивающимся признания себя изобретателем вечного двигателя или патологическим ревнивцем. К. Леонгард пишет: “Для человека, который поставил перед собой большую цель и которого постоянно “шатает” между успехом и фиаско, уже сама цель начинает таить в себе магическую привлекательность, не терпящую объективной критической оценки. В ходе развития такого психоза человек, например, может возомнить себя крупным изобретателем, хотя объективно об этом ничто не свидетельствует. Так как подобные радужные ощущения обнаруживают тенденцию к стойкости, ибо человек вообще охотно погружается в оптимистические грезы, то экспансивного пути развития акцентуации следовало бы ожидать чаще, чем персекуторного (брёда преследования). Од-

нако при перевесе радужных чувств резко снижается активность, необходимая для постоянного поддержания описанных падений и взлетов, а их смена и есть основной механизм патологического развития. Идеи, возникающие в результате параноического развития, часто не носят бредового характера, однако они должны быть отнесены к сверхценным, т. е. всецело овладевающим мышлением человека” (231, с. 77).

Если фасцинативные социальные Идеи завоевывают сознание широких масс, то фасцинация сверхценных Идеей параноидной личности властвует в индивидуальном сознании и там замыкается в доминату, заботливо и часто агрессивно оберегаемую автором от критики. Свехценные идеи – цветы на лужайках аутофасцинации. Можно лишь благодарить эволюцию, которая замыкает параноика на аутофасцинацию и редко выплескивает его энергию на поле психологии масс.

Новые идеи, околонаучные или околорелигиозные, появляются постоянно в силу вариативности человеческого сознания, ищущего выплеска в продуктах своего творчества, и каким-то образом препятствовать этому абсолютно невозможно, а в демократическом обществе к тому же и преступно. Р. Клер по этому поводу высказался очень точно: в демократическом обществе право на самовыражение имеет даже идиот (192, с. 313). Человеку дан разум, это удивительное качество абстрагирования, фантазии и выдумки. Следовательно, в этой истинно человеческой сфере бытия каждый свободен и себе хозяин, даже если и никудышный. Очевидно есть только два пути преодоления сверхценных идей сверхценных лиц: а) терпимо и спокойно прожить период фасцинации сверхценной идеи, дождавшись ее благополучной кончины; б) критика.

Идея-опора

Как я уже подчеркивал, человеку как социальному существу филогенетически присущи “эффект группы” и аффилиация, понимаемая как невозможность одиночества, стремление быть с людьми, ощущать единение с группой, прижаться к плечу другого, вселяющего уверенность человека. Особенно эти феномены проявляют себя в поведении людей суггестивных, слабовольных, онтологически неуверенных (по Р. Лэнгу). Близость других приводит к снижению тревожности, смягчению последствий как физиологических, так и психологических стрессов. Эти люди ищут, во-первых, человека и группу опоры, а во-вторых, Идею-опору, т. е. мировоззрение, теорию, идею, которые встроились бы в их Я-концепцию, придав ей психологическую стабильность, уверенность и стойкость. Найдя группу-опору и Идею-опору, такие люди становятся верными сторонниками, адептами, поскольку отверженность от группы и Идеи равносильны для них жизненному краху.

В этой связи крайне интересной представляется мне теория Н. Лумана о структурной включенности-исключенности, согласно которой на смену традиционной социальной стратификации на классы и социальные группы с их онтологическими страданиями, в современном обществе приходит включение-исключение в социальные структуры и коммуникации, при этом исключение из структур переживается людьми крайне тяжело, тяжелее, чем в прошлом статус пролетария или бедняка-крестьянина.

Люди испытывают оглушенность и опустошенность, как только выключены из

группы-опоры (трудового коллектива, профессиональной команды, в которой имели определенное надежное место, общины и т. д.) или систем коммуникации. Это особенно ярко проявляется при уходе на пенсию и при потере работы. Синдром безработного относится именно к этой категории острой социально-структурной антифасцинации. И напротив, включенность в группу-опору приносит успокоение и подъем сил. Психологическая “ломка” при выключенности бывает катастрофична – до утери смысла существования, болезней и суицида. У первобытных племен выключенность была равносильна смерти, и почти повсеместно наблюдался феномен добровольного ухода из жизни как реакция на выключенность из племенной группы-опоры. Изгнание из общины и остракизм, применяемый древними греками, были суровейшими карами.

Э. Фромм подчеркивал, что для многих людей, чтобы избавиться себя от ощущения безнадежности, проще всего вообще бессознательно отказаться от своей личности и усвоить тот образец поведения и мышления, который навязывает общество. В этом случае Я такого человека заменяется на псевдо-Я, а его мысли – на псевдомысли. Таких людей, по мнению Фромма, большинство, хотя никто из нас добровольно не согласится признать, что Он это не Он, а “псевдо-Он”. Феномен социального конформизма превращает часто человека в такого, каким его ожидают видеть другие. Или заставляет притворяться таким, что всегда в конечном счете приводит к бессознательному принятию притворной роли либо к психическим срывам.

Таким образом, механизмы эффекта группы, аффилиации, конформизма и стремления к структурной включенности в совокупности приводят огромные массы людей к снижению своей индивидуальности, своего Я порой до уровня социальных автоматизмов стандартного массового поведения. При этом ощущение, что я “такой как все”, предательски успокаивает и создается парадоксально настроение уверенности. Опора соблазнительна, потому что спасает от паники бессмысленности существования.

Названными выше особенностями психологии слабого человека (а то, что “человек слаб”, не случайно отмечено как один из постулатов христианства) широко пользуются все социальные структуры, вовлекающие людей в ряды своих adeptов, от небольших сектантского характера групп до политических партий. Все без исключения технологии и техники индоктринации в первую очередь нацелены именно на такой тип человека – ищущего Опору.

Как порой безотказно действует магизм Идеи-опоры, доказали Муссолини и Гитлер. Они изобрели для немцев и итальянцев народную Идею исключительности, превращенную во власть и реально обещающую благосостояние и духовную силу. Муссолини заморочил радостно самообманывающихся итальянцев даже софизмами радостей войны (!) для настоящего человека: “Только война напрягает до высшей степени все человеческие силы и налагает печать благородства на народы, имеющие смелость предпринять таковую. Все другие испытания являются второстепенными, так как не ставят человека перед самим собой в выборе жизни или смерти. Поэтому доктрина, исходящая из предпосылки мира, чужда фашизму... Этот антипацифистский дух фашизм переносит и в жизнь отдельных индивидов. Гордое слово дружинника “Меня не запугать” (me ne frego), начертанное на повязке раны, есть не только акт стоической философии, не только вывод из политической доктрины; это есть воспитание к борьбе, принятие риска, с ней соединенного; это есть новый стиль итальянской жизни. Таким образом

фашист принимает и любит жизнь; он отрицает и считает трусостью самоубийство; он понимает жизнь, как долг совершенствования, завоевания. Жизнь должна быть возвышенной и наполненной, переживаемой для себя самого, но главное для других, близких и далеких, настоящих и будущих” (297). Нужны ли комментарии?

В поисках духовной опоры многие проходят причудливый путь, о чем свидетельствует популярность восточных религий и оккультизма, идей переселения душ и опытов гуру, практика гаданий по кристаллам и медиумических сеансов. Но эти суррогаты только усиливают у людей чувство растерянности. Как отмечают многие социальные психологи, учениками эзотерических мастеров 70-х и постоянными пациентами целителей и колдунов 90-х становилась одна и та же категория людей. На лекции об НЛО и беседы экстрасенсов, выступления эстрадных гипнотизеров и сеансы Джуны и Кашпировского, на проповеди “Белого братства” и выступления психоаналитиков ходили люди, которые легко узнавались по какому-то особенному выражению глаз. Один из известных в 80-х годах эстрадных “телепатов” определял это выражение как “смесь огонька любопытства с ощущением затравленности и неуверенности”. Этот феномен упоминается и в работах В. Райха. “Хорошо известно, — писал он, — что можно диагностировать наличие шизофрении, осторожно наблюдая за выражением глаз. Шизофренические личности имеют типичный мечтательно-отрешенный взгляд”. Телеаудиторией Кашпировского и Чумака были миллионы людей, жаждущих и ждущих опоры.

На психологические факультеты поступают часто юноши и девушки слабого типа, испытывающие трудности общения, неуверенность, а иногда и с явными психическими отклонениями. В психологическом знании они ждут спасения от своих трудностей, но часто только их увеличивают и находят опору в увлечении разного рода мистическими и оккультными идеями и школами, открывают сами мистические направления, а некоторые превращаются в эзотериков, экстрасенсов и даже магов.

Люди с “мечтательно отрешенным взглядом” кормят огромную армию современных целителей, магов, колдунов. Они же являются первыми читателями разного рода популярных руководств по практической психологии, магии и мистицизму. Но социально опаснее все же другая тенденция – индоктринация таких людей в секты и партии социально-экстремистского характера, которые особенно тонко отработали техники придания своим структурам образа группы-опоры и Идеи-опоры.

В постоянном стоянии онтологической неуверенности и беспокойства, поиске Идеи-опоры всегда находятся миллионы людей.

Магическая притягательность мистических Идей

Непонятное, неясное, темное обладает, как это не кажется странным, огромной притягательностью. Ю. Кнорозов отметил, что “неясность, многозначность описания действует как сильнейшее фасцинирующее средство”. Магия подобного рода сигналов-сообщений провоцирует механизмы суггестии, настраивает на готовность верить вариантам расшифровок непонятных или иносказательных смыслов. Поэтому с таким волнением и интересом воспринимается речь гадалок, предсказательниц,

ясновидцев и колдунов. Как когда-то все племя с затаенным дыханием и волнением вслушивалось в гортанные выкрики и напевы шаманов, так в современном обществе люди с замиранием сердца внимают экстрасенсам и телегипнотизерам.

Любовь к непонятным речам шутов, юродивых, блаженных была многие века всенародной, а в их речи вслушивались, пытаясь понять тайный смысл, даже цари. Попытки расшифровать потаенный смысл их неясных, часто еще и косноязычных речений, становились видом социальной коммуникации. Искусство расшифровки зашифрованных пророчеств оракула в Древней Греции было всенародным. Расшифровка поведения, жестов, поз и фраз Василия Блаженного занимала умы всей Москвы. Блаженный, “скитаясь по улицам Москвы, задерживался у домов, “в них же живущий людие живут благоверно и праведно и пекутся о душах своих... и ту блаженный останавливаясь, и собираше каменеие, и по углам того дома меташе, и бияше, и велик звук творяше”. Напротив, как заметили изумленные зрители, “егда же минуяше мимо некоего дому, в нем же пьянство и плясание и кощуны содевахуся, и прочия мерзкая и скаредная дела творяху, тут святой останавливаясь и тому дому углы целоваше и аки с некими беседоваше яже человеком непонятным разговором”. Значение этих загадочных для наблюдателя жестов, оказывается, вот в чем: в дома праведников и благочестивых постников бесовская сила проникнуть никак не может, “бесове внеуду онаго дому по углам вешаються, а внутрь впити не могут”, и юродивый, которому дано видеть утаенное от простых очей, их-то и побивает каменьями, “да не запинаят стопы праведных”. В домах пьяниц, блудников, зернщиков и кощунников бесы ликуют и радуются, “аггели же божий хранители, приставленнии от святаго крещения на соблюдение души человечестей, в том дому во оскверненном быти не могут”. Этких-то ангелов, уныло плачущих вне дома, и лобызал Василий Блаженный, с ними он и беседовал “непонятным разговором” (330).

Вспоминается анекдот о студенте, поступившем в университет. После первого дня занятий родители спрашивают его, доволен ли он. “О, было интересно, и все так понятно”, – отвечает сын. На другой день на вопрос родителей отвечает: “Было еще интереснее, правда мы не все поняли”. А на третий день отвечает с горящими от волнения глазами: “Бесподобно! Никто ничего не понял, но было жутко интересно!”

Не представлялся ли язык природы с ее fascinацией сигналов-Образов первобытному человеку таким “жутко интересным и непонятным” миром сигналов-Образов, который страстно хотелось расшифровать и понять его тайные смыслы? Не в этом ли оглушающем влиянии непонятого и заключена тяга людей к мистическому знанию, к вере, к надежде на чудо? Громадная литература и практика эзотерики, эзотерических теорий и обществ, насыщенных мистической символикой и толкованиями, кажется подтверждает это предположение.

Ганс Гербигер сочинил для фашистов мистическое обоснование величия арийской расы – теорию вечного льда, от которой Гитлер пришел в восторг. Но удивительно другое – не без воодушевления принял эту мистику рядовой немецкий обыватель! “Наши северные предки обрели силу в снегу и во льдах, – провозглашала популярная листовка Веда (“Веде” – “Вельтайсларе” - доктрина вечного льда), – вот почему вера в мировой лед – естественное наследство нордического человека. Авст-

риец Гитлер выгнал еврейских политиков; другой австриец, Гербигер, выгонит еврейских ученых. Своей собственной жизнью фюрер показал, что дилетант выше профессионала. Потребовался другой дилетант, чтобы дать нам полное представление о Вселенной” (342). И дело было не только в том, что теория вечного льда вдалбливалась народу всеми способами, включая насилие: деловые люди, промышленники, прежде чем нанять служащего, заставляли его подписать заявление: “Клянусь, что верю в теорию вечного льда”, а Гербигер писал крупным инженерам: “Либо вы научитесь верить в меня, либо с вами будут обращаться как с врагами”. Мистика понравилась обывателю, он ее, что называется, заглотив вместе с крючком. Теория вечного льда объявляла немцев арийской расой и учила новоиспеченных арийцев, что “цыгане, негры и евреи – не люди в действительном смысле слова. Родившиеся после падения третьей луны в результате неожиданной мутации, как и в связи со злосчастными “перебоями” жизненной силы, в порядке наказания, эти “новые” создания (в особенности, евреи) подражают человеку и ревнуют его, но не принадлежат к его породе”, говорил Гербигер. “Они так же далеки от нас, как породы животных от подлинной человеческой породы”, – так буквально сказал Гитлер ужаснувшемуся Раушнингу, обнаружившему внезапно у фюрера еще более безумное видение, чем у Розенберга и всех теоретиков расизма. “Это не значит, – уточнил Гитлер, – что я называю еврея животным. Евреи гораздо дальше от животного, чем мы”. Поэтому уничтожить еврея – вовсе не значит совершить преступление против человечества: евреи не являются частью человечества. “Это – существо, чуждое естественному порядку” (342). Фашизм и мистика прекрасно уживались, более того, составили удобный и фасцинирующий симбиоз, помогавший зомбировать нацию.

Все люди чуточку мистики, у всех есть свои индивидуальные поверья и символы – своеобразный родной, семейный и личный мистический фетишизм, разного рода мистические истории, сны, вера в какие-нибудь особые камушки, сочетания цветов, амулеты, сочетания цифр. Фасцинация Мистической Тайны...

Идеи-провокации

Блоха не становится
домашним животным только
оттого, что живет в доме
Й. Геббельс

Посредством чарующей и шокирующей фасцинации можно свести с ума весь мир. Это в какой-то мере уже происходит и психологи все чаще говорят о “шизофренизации общественного сознания”. А то, что можно свести с ума целую нацию, доказано историей уже не раз. Информация на это не способна, это происходит с помощью фасцинации.

Под Идеи-провокацией я имею в виду умышленный и специально спланированный запуск в массы ложной мотивации с целью достигнуть определенных мошеннических политических или финансовых целей: захвата и удержания

жания власти, достижения более высокого социального и политического статуса, получения разного рода привилегий, извлечения сверхприбылей и т. п.

Идеи финансовых пирамид с их призывами несказанно обогатить и чарующей рекламой тому яркий пример. “У МММ нет проблем”. Ленья Голубков и его крупногабаритная роскошная жена были обворожительны. Так хотелось на их добром просто-душно-комичном фоне верить в 500 % и даже 1000 % годовых. Фасцинация легкого обогащения отшибает практический разум (так называемый “здравый смысл”, чаще невежественный, чем действительно практический) и провоцирует воображение на прекрасные картины грядущего благополучия и роскоши. Когда финансовые пирамиды рухнули, как это произошло в России, все ахнули от удивления – гипнозу поддались миллионы людей! Боги мои, даже Алла Пугачева! Их стенания, обращения к разуму и справедливости, а иногда даже самоубийства разорившихся до нитки стариков лишь дополнили картину разрушающего влияния фасциативных Идеи-провокаций. Разочарование, а точнее сказать, отрезвление наступает всегда, и оно ужасно по последствиям. Но это отрезвление пьяниц. После тяжелого похмелья они вновь идут к водочному магазину или пивной. Такова фасцинация чуда легкого счастья, будь то игла, водка или мерцающая в воображении пачка крупных купюр.

С. Дацок метко назвал марксистскую идею провокацией: “Провокация Маркса – шанс равенства для нищих”.

Страшным историческим примером магического очарования и последовавшего за ним массового душевного расстройств является, конечно же, арийская Идея, внедренная идеологами фашизма в Италии и гитлеровской Германии фасциативными по сути своей техниками: демонстрацией арийского могущества и превосходства, темно-философскими мистическими обоснованиями арийства германцев, оглушающими парадами с ритмикой и огнями, музыкой Вагнера, сопровождавшей речи Гитлера, эзотерическими фасциативными символами ариев (свастика, приветствие “Хайль!” и др.). Это была чудовищная по цинизму провокация против сознания нации, которая, к великому сожалению, удалась.

Гитлер в “Майн кампф” написал: “Грехи против крови и расы являются самыми страшными грехами на этом свете. Нация, которая предается этим грехам, обречена на гибель” (104, с. 249). Поэтому уничтожить еврея – вовсе не значит совершить преступление против человечества: евреи не являются частью человечества, это – существа, чуждые естественному порядку.

Геббельс, который был обязан евреям и своим образованием, и достаточно хорошим материальным положением в годы трудной молодости, тем не менее вторил Гитлеру, ослепнув в своей вере Идее расизма: “В нынешней исторической схватке каждый еврей является нашим врагом независимо от того, прозябает ли он в польском гетто, влачит ли существование в Берлине или Гамбурге или призывает к войне в Нью-Йорке. Разве евреи – тоже люди? Тогда то же самое можно сказать и о грабителях-убийцах, о растлителях детей, сутенерах. Евреи – паразитическая раса, произрастающая, как гнилотная плесень, на культуре здоровых народов. Против нее существует только одно средство – отсечь ее и выбросить... Уместна только не знающая жалости холодная жестокость! То, что еврей еще живет среди нас, не служит доказательством, что он тоже относится к нам. Точно так же блоха не становится домашним животным только оттого, что живет в доме”.

В любой депрессивной социальной среде, в том числе и общенационального масштаба, легко приживаются и циркулируют, отравляя сознание, Идеи исключительности, превосходства и непонятой другими исторической миссии. По сути, это психопатологические настроения, призванные защитить от депрессивности и неуверенности. Слабые, ослабевшие, биологически неуверенные в себе люди тянутся к великим, сильным Идеям и Лидерам. Элементы мистицизма и сложности только усиливают эффект массовой фaszинации и суггестии. Таким способом слабые и особенно нищие духом люди обретают устойчивость, мнимую уверенность и значительность – ОПОРУ. Арийская Идея поднимала немцев, униженных поражением в войне и Версальским соглашением на уровень не понятого другими особого народа, который изначально, по расово-арийскому своему происхождению выше всех других народов, часть из которых и вообще недочеловеки, как евреи, цыгане и славяне. Простому, не защищенному образованностью немецкому обывателю (хотя и весьма образованных немцев среди нацистов и сочувствующих оказалось предостаточно!), мелкому буржуа, крестьянину и пресытившемуся коммунистическим социализмом рабочему сознавать себя арийцем было сладко и упоительно. Фaszинация Идеи гордого превосходства и исторической миссии отвоевания жизненного пространства у не заслуживающих его рас и наций действовала как опиум. Многие немцы после 1945 г. искренне признавались, что погрузились в некий одурманивающий сознание туман. Когда пелена спала с глаз, многим стало стыдно. Но часть нации так и ушла в мир иной с запущенным в их мозг геббельсовско-гиммлеровским дурманом социального уопомрачения.

Идея арийского превосходства оказалась столь остро фaszинативной по простоте, в общем-то, причине. Человек как биологический вид носит в своей психофизиологической архитектуре неприятие “непохожих на него”. Эта биологическая по своей природе программа заложена во всех биологических видах, помогая близким видам и подвидам не смешиваться, легко распознавать “своих” и отвергать “чужих”. У человека эта программа приводит к тому, что мы, с одной стороны, “не хотим быть похожими на обезьян” и отвергаем учение Ч. Дарвина, легко и с готовностью принимая какую-либо “приятную во всех отношениях” теорию своего высокого происхождения, а с другой стороны, с той же готовностью и легкостью объясняем себе, что МЫ лучше, чем “всякие там ОНИ”, которые нелепо выглядят, не умеют держать вилку в руке, произносят смешно звуки речи и едят гадкую пищу (к примеру, свинину или лягушек), да еще и отвратительно пахнут.

Провокационный перевод энергии масс с помощью фaszинативной идеи-настроения возможен везде, где есть некое множество людей и блуждающее в умах социальное неудовольствие. Сублимативная по своей сути техника перевода заключается в провозглашении социального неудовольствия той или иной социальной группы Высокой Справедливостью и в приманке ее в виде заоблачных обещаний “исправить” допущенную несправедливость по известному принципу Геббельса: “Ложь должна быть грандиозной, чтобы ее приняли за правду”. Я знаю одного депутата Государственной думы России, который подобным приемом каждые выборы “социально программирует” десятки тысяч пенсионеров своего избирательного округа и они прилежно за него голосуют, несмотря даже на то, что почти на весь срок очередного депутатства (т. е. на 4 года) он о них попросту забывает. За полгода до дня выборов он

раскручивает среди пожилых людей технологию “поглаживания”, сила воздействия которой опирается на психологический феномен удовольствия от демонстрируемой в отношении адресата заботы (Э. Берн), столь эффективную, что ее давно взяли на вооружение карточные шулера, вводящие своих жертв в состояние азарта тем, что дают им вначале выиграть. Так же действуют и все так называемые “лохотронщики”. Депутат, о котором я говорю, за полгода до дня выборов начинает активные встречи с избирателями, организуя с ними разного рода чаепития-посиделки, юбилеи с призами, грамотами, подарками, раздачу во дворах небольших продуктовых наборов “для поддержки в трудную минуту” и т. д. К этому добавляются ловко организованные пиар-акции “борьбы депутата за права и интересы народа” (за освобождение детской площадки от несанкционированной автостоянки, за повышение пенсий, за экологическую чистоту района, за бесплатный проезд в общественном транспорте и т. д). Когда депутата упрекнули за этот выпирающий наружу цинизм, он запустил в своей газете (у него есть и такое пиар-средство, которое он также возобновляет за полгода до выборов) не менее циничный аргумент: “А кто еще подает протягивающему ноги бедному пенсионеру? Я хоть немного, но помогаю в их обездоленном существовании: где чай с пирожным, где продуктовый набор с тушенкой и сахаром, а где небольшой праздник с частушками и танцами. Старикам негде повеселиться, вот я их и веселю”. И можно бы закрыть глаза и поверить в его искренность. Но вот ироничный рассказ знакомого профессора. Для заработка он предложил депутату поработать на него в молодежных общежитиях. Смету представил совсем небольшую. Депутат с явной насмешкой повертел смету, скомкал ее и бросил в корзину. Потом смачно выругался и добавил: “На кой мне ваша молодежь, она же не ходит голосовать. Я эти деньги со стопроцентной отдачей потрачу на моих любимых старушек. Они меня любят”. И он оказался прав – старушки его в очередной раз выбрали. А дайте такому депутату вместо избирательного округа с 400 тыс. избирателей всю Россию. Можно себе представить, что бы мы имели. Впрочем, применяемый им “пенсионерский охлоpiar” стал в России уже широко распространенным азбучным пиар-приемом.

Фасцинация метафоры

К самому распространенному виду семантической фасцинации, лежащему в основе человеческого интеллектуально-смыслового общения, следует отнести метафору, понимаемую в самом широком смысле как яркое, образное иносказание, включающее многосмысленность и пробуждающее ассоциации.

Секрет фасциативности метафоры (как и любого другого вида семантической фасцинации) состоит в ее дешифровке, причем дешифровку должен осуществить исключительно сам адресат, но никак не автор-адресант (со стороны автора или комментатора возможны лишь мягкие подсказки и намеки – не более того, так как попытка разъяснить метафору разрушает ее очарование). Как знать, какая дешифровка происходит в головах слушателей Михаила Жванецкого, услышавших его фразу “котлета отдельно, мухи отдельно”, но факт остается фактом: она никого не оставляет равнодушной, вызывает улыбку или хохот в зависимости от интеллектуально-эмоци-

онального уровня и здесь-и-сейчас-состояния “дешифровщика”. Фасцинация как раз и заключается в неопределенности, расплывчатости смысла иносказания, которые и возбуждают мозг слушателя/читателя/зрителя на срочную активную дешифровку. Стресс от метафоры – это волнение понимания-расшифровки, опасность неудачи расшифровки. Удачная дешифровка вызывает радость, и это радость творчества, решения проблемы, восторг победы ума. Люди, лишённые чувства юмора, по-видимому, обделены этим свойством ума дешифровывать неопределённые смыслы и радоваться своей удаче (26; 106; 429).

Некоторые метафоры становятся метафорами-символами, средствами объединительно-коммуникативного поля общения всего человечества, превращаясь в общие, помогающие взаимопониманию образы-цитаты. “Каинова печать”, “стрелы Амура”, “поцелуй Иуды”, “тридцать сребренников” – общечеловеческие метафоры и остаются ими навеки, так как несут в своем содержании великие Образы, фиксирующие базовые аспекты человеческих отношений.

Метафоры живописи – это визуальные метафоры. Георгий Победоносец, повергающий дракона, Мадонна с младенцем, полная символизма “Герника” Пикассо.

Метафорой может стать жест. Так, до сих пор ходит легенда о снятом с ноги ботинке, которым Никита Хрущев якобы стучал по трибуне в ООН, хотя на самом деле он стучал кулаками по столу и ногами по полу.

Метафора высекает искру в монотонном или скучном повествовании (речи, диалоге, лекции и т. д.), мгновенно завладевая вниманием, пробуждая смысловые и, что еще важнее, образные ассоциации (уже сравнение кого-нибудь с животным, все равно – возвышенное это будет сравнение или обидное, предположим, “Ты как бык упрям!”), фасциативно). На физиологическом же уровне “искра” означает включение в активность сразу и более обширного поля активных нейронов и, главное, – функционально взаимосвязанных структур, обеспечивающих сразу и смысловое понимание, и образное воображение, и сравнение, и эмоции удивления и радости (или огорчения!), и творческий порыв к переводу собственного мышления-речи на столь же метафоричный ответ: в диалоге метафора провоцирует на ответную метафору. Общение становится живее, интереснее, эмоциональнее и, как следствие, более актуализованнее и глубже (правда, и регрессивнее в ситуациях обидных метафор по принципу “А сам-то ты кто!”). Именно поэтому поэтический язык, т. е. язык утонченных и оригинальных метафор в соединении с фасцинацией рифмы и ритма вечен и чарующе сладок для сознания.

Самым сильным импульсом к постижению психотерапевтических ресурсов метафоры послужили, по-видимому, работы З. Фрейда, показавшего метафоричность языка психических образов. А затем появились концепции К.-Г. Юнга и Э. Берна, раскрывших роль сказочных метафор в человеческой жизни и предложивших психотерапевтические технологии с использованием метафор. Великий психотерапевт М. Эриксон не только общался с пациентами с помощью метафор, сама метафора являлась для него неким смысловым полем, внутри которого он “работает, чтобы вызвать нужные изменения”. Таким образом, область применения метафор в плане психологического воздействия удивительно широка.

Метафора лежит в основе всех видов семантической фасцинации она является фасциаторным стимулом ассоциативного мышления, усилий мышления по разгадыванию ребуса метафоры (63).

Красота и сила цитаты

Цитата – универсальное средство приобщения к культуре группы через культуру цитируемого общечеловеческого авторского и фольклорного разума.

С классических времен до наших дней интеллектуальная мода включала в себя искусство модной цитаты. Интеллектуальная мода обожает цитаты, она рассчитана на цитирование, она умирает без цитат. Цитаты обязаны быть яркими, легко воспроизводимыми, звучными и чуточку циничными, чтобы врезаться в ум и будить ассоциации. А. Войскунский пишет: “Эпоха Гэнроку (конец XVII – начало XVIII в.) – одна из самых славных в истории японского искусства. Так вот, известнейшая переводчица Вера Маркова отмечала: “В литературном стиле эпохи Гэнроку ценилось “искусство цитаты”. Ткань произведения, будь то роман, пьеса или даже лирические стихи, словно золотой нитью прошивалась цитатами из знаменитых классиков без упоминания имени автора. Это не было литературной кражей. Читатель испытывал радость узнавания знакомых образов” (86, с.124).

В научных текстах наряду с неизбежным и необходимым цитированием первоисточников и параллельных взглядов достаточно широко распространена и мода, игра в цитирование, солью которой является эксплицировать какую-нибудь давно забытую или редкостную книгу и автора и тем самым продемонстрировать свою “ученость” и “основательность”. Очень часто такая цитата малого стоит, но выглядит в тексте эффектно...

Пословицы и поговорки представляют собой базис цитирования, связывающий людей в семантически-речевую культуру. К ним добавляется еще один замечательный культурный слой всеобщего цитирования – знаменитые афоризмы и цитаты из всенародно известных художественных и мемуарных источников, особенно юмористических. Чем больше в речи пословиц, поговорок, афоризмов, тем она богаче и фасциативнее.

Искусство цитирования в интеллектуально-элитных кругах общества всегда высоко ценилось и могло стать обязательным требованием общения и письменных текстов. Так, Н. Бекус-Гончарова подчеркивает, что в Средневековье “знание оказывалось мозаикой цитат – “цветов”, – именовавшихся в XII в. сентенциями”. Отсылка к прошлому – традициям и авторитетам – служила путем в современность. Главным способом обращения с этим прошлым вновь оказывалась интерпретация и комментирование, которым было необходимо долго и добросовестно учиться”.

Цитата сродни метафоре: чаще всего цитируют меткие метафоры, метафоры часто опираются на скрытое цитирование.

Фасцинация парадокса

Близка, а часто неотделима от метафоричности семантическая фасцинация парадокса. Парадокс в речевом общении (от греч. *paradoxos* – неожиданный, стран-

ный) – это неожиданное, непривычное, расходящееся с традицией утверждение, рассуждение или вывод. Остроумные парадоксы-афоризмы Оскара Уайльда в буквальном смысле заворочили в свое время Европу. Как и афоризмы-парадоксы Паскаля, Ларошфуко, Бернарда Шоу, они принадлежат вечности благодаря своей абсолютной fascinácii: их точность сопряжена с обобщающей воображение недосказанностью. “Эгоизм – это не значит жить так, как хочешь, это требование к другим жить так, как вы этого хотите” – говорит О. Уайльд, открывая простор для иронии и ассоциаций, домысливания и поиска подтверждений.

Я провел эксперимент: предъявлял самым разным людям, не знающим афористическое творчество Уайльда, его афоризм “Когда на руках выигранные карты, следует играть честно”, но без слова “честно”, предлагая дописать фразу. Из более чем ста испытуемых слово “честно” вписали только три человека. Но все увлеченно “трудились”, пытались разгадать точность фразы, а когда слышали уайльдовский финал парадокса, реагировали на него радостно. В самом деле, очарование заключено в парадоксальном “честно”! Все испытуемые заметно волновались, разгадывая этот парадокс.

Вот другие примеры великолепных фраз-парадоксов: “Самый быстрый способ закончить войну – это потерпеть поражение” (Джордж Оруэлл), “Репутация державы точнее всего определяется той суммой, какую она способна взять в долг”, “По миру распространяется огромное число лживых историй, и хуже всего то, что добрая половина из них – правда” (Уинстон Черчилль).

Человек, умеющий парадоксально мыслить и говорить парадоксами, – всегда fascinativен. Общения с ним ищут и ждут, чтобы насладиться fascinაციией парадокса.

Притчи, загадки

Аристотель определил загадку как “хорошо составленную метафору”. Разгадка в загадке немедленно вызывает образное представление не названного прямо предмета, и это оставляет глубокое эмоциональное впечатление.

Гуджиев приводил такой пример загадки-притчи: “Интересно отметить, что среди множества пословиц, загадок и притч, существующих у азиатских племен, есть одна загадка, в которой фигурируют волк и коза... Перед нами ставится задача: как перевезти через реку волка, козу и капусту если в лодку можно посадить только одного “пассажира”, и при этом необходимо учитывать, что волка не следует оставлять “в обществе” козы, а козу “в обществе” капусты, иначе последствия будут плачевными. Чтобы найти правильное решение этой задачи, одной сообразительности мало, необходимо также быть деятельным человеком, ведь придется лишний раз пересечь реку”. Если читатель не знает отгадки, пусть попробует отгадать, и он сам не заметит, как его увлечет процесс перебора вариантов, возможно и надолго. Он окажется во власти fascinაციии загадочного неразгаданного смысла.

М. Эриксон приводил такой пример-притчу: индейцы Тарахумара с юго-запада Чихуаха могут пробежать сотню миль - при этом у них не повышается давление и не меняется пульс. Один предприниматель взял несколько таких бегунов на сотню миль в Амстердам, на Олимпийские игры 1928 г. Они даже не заняли никакого места. И все потому, что они считали, что двадцать пять миль – это не расстояние, а состояние, когда вы начинаете разогреться. Никто не объяснил им, что нужно пробежать именно

расстояние в двадцать пять миль. Я иногда вспоминаю эту историю, когда сталкиваюсь с трудной задачей, когда пишу, когда мастерю что-нибудь по дому, когда трудности ставят меня в тупик или когда я самым натуральным образом задыхаюсь от тряски в пути. Тогда ко мне на ум приходит фраза: “Сейчас я только начинаю разогреваться”. Обычно после этого во мне появляются новые силы (530).

Притчи – один из лучших философско-фасцинативных приемов воздействия на размышления о смысле бытия.

Комплимент и лесть

Можно защититься от нападения,
но от похвалы защиты нет
З. Фрейд

Похвала как изощренный вид “поглаживания” подобно тактильной ласке мгновенно и волнующе бьет по “центру удовольствия”. Женщины-обольстительницы виртуозно владеют этим безотказным оружием смущения мужского сознания с его нарциссическими наклонностями величия. Защиты и в самом деле нет, поскольку включаются древние, безусловные структуры мозга. Лестцы это чувствуют и потому неистребимы: через посредство похвалы-лести они добиваются собственных целей преуспевания, которых другими способами достигнуть не могут из-за своей интеллектуальной и профессиональной примитивности или обстоятельств ущербной для них социальной иерархии.

Быть может, самым распространенным в человеческом общении видом семантической фасцинации является комплимент. Как утонченная похвала, комплимент, требует искусства. Но даже и грубоватый, если только не пошлый, вызывает радость, причем неподконтрольно, безотчетно – такова фасцинирующая сила любой похвалы, а тем более одетой в наряд утонченности и эстетической ассоциативной изощренности.

Комплимент, похвала – это также и лесть. Мастера комплимента и лести – это лирические поэты человеческого общения. Красивый изящный комплимент – это неожиданный и метафорический комплимент.

Комплимент оглушает, отключая критику, и завораживает, включая радость восхищения собой. Не будь у комплимента этого оглушающего свойства, не было бы и искусства комплимента – ведь главное его назначение служить средством обольщения и “поглаживания”, в которых так нуждаются все люди, даже притворяющиеся, что не любят комплиментов.

Ж. Ренар советовал: “Не говорите женщине, что она прелестна, скажите ей, что другой такой женщины в мире нет, и вам откроются все двери”.

Юмор

Муж говорит жене:
“Если один из нас
умрет, то я уеду в Париж”.

Самое простое и очевидное определение юмора – это все то, что смешит и весе-

лит и этим радуется. Прimitивно-прямолинейный “лошадиный” юмор – тоже вызывает смех, а это главный показатель действия юмора на психофизиологическом уровне. Это юмор коммунитас – простецкие сигналы общей радости. Тотальное понимание примитива гениально использовал Ч. Чаплин: пинки и оплеухи, подножки, проваливание в открытые люки, мороженое в декольте дам, – этот каскад карнавального юмора взрывал кинозалы хохотом.

Как подтвердили эксперименты с использованием магнитно-резонансного томографа, при предъявлении испытуемым карикатур или смешных рисунков регистрируется возбуждение центра удовольствия и других мозговых структур, ответственных за положительные эмоции.

Юмор сублимирует агрессивность в забаву, в смех. Даже грубый юмор лучше любой агрессивности, как глупый анекдот лучше неуместной заумной говорильни. Л. Толстой в “Войне и мире” дал развернутую картину ситуации, когда и зачем рассказывают анекдоты. В самом начале романа, в салоне у Анны Павловны Шерер, описывается эпизод, когда Пьер Безухов и Андрей Волконский своими не в меру умными и оттого бестактными разговорами чуть было не сорвали “веретена” светской беседы, и тогда выскочил, как бы мы сейчас сказали, “придурок” молодой князь Ипполит Курагин и со словами “А кстати...” начал совершенно некстати рассказывать глупый анекдот про даму, которая вместо лакея поставила на запятках кареты горничную высокого роста, и как из-за сильного ветра волосы у нее растрепались “и весь свет узнал...”. Этот действительно очень глупый анекдот, тем не менее, выполнил свою функцию разрядки напряженности в разговоре; все были благодарны шутов князю Ипполиту, как, вероятно, бывали благодарны в Средние века придворные, сказавшие что-то некстати, шутам, которые дерзкой или абсурдной шуткой сглаживали возникшую неловкость.

В женских объявлениях о знакомствах часто встречается приписка “ч/ю”, т. е. желательно, чтобы предлагающий себя мужчина обладал чувством юмора. Женщины ценят в мужчинах юмор по двум основаниям: а) юмор свидетельствует об уме и гибкости интеллекта, выводит из состояния скуки, в котором женской психике совершенно невозможно долго находиться. Угрюмые мужчины навевают тоску и скуку и женщине не нужны; б) возможно, самое главное – ироничный веселый мужчина неагрессивен, а это для физически слабого пола очень важно во всех смыслах..

З. Фрейд считал, что остроумие и юмор – уникальные проявления человеческой психики, а шутка – эффективное средство лечения. Иногда он рассказывал для веселья такую шутку: “Как приготовить куропатку? Ответ: сначала закопайте ее в землю. Через неделю достаньте из земли. – А что потом? – Потом выбросьте”.

А вот более утонченный пример юмора, приводимый Фрейдом: “В одном американском анекдоте говорится: “Двум не слишком щепетильным дельцам удалось благодаря ряду весьма рискованных предприятий сколотить большое состояние и после этого направить свои усилия на проникновение в высшее общество. Кроме всего прочего, им показалось целесообразным заказать свои портреты самому известному и дорогому художнику города. [...] На большом рауте были впервые показаны эти картины. Хозяева дома подвели наиболее влиятельного критика к стене, на которой оба портрета были повешены рядом, в надежде выудить восторженную оценку. Тот долго

рассматривал портреты, потом покачал головой, словно ему чего-то не доставало, и лишь спросил, указывая на свободное пространство между двумя портретами: “And where is the Savior?” (А где же Спаситель?) Вопрос позволяет нам догадаться, что вид двух портретов напомнил критику такой же знакомый ему и нам вид, на котором был, однако, изображен недостающий здесь элемент – образ Спасителя посередине двух других портретов. Существует один-единственный вариант: Христос, висящий между двумя разбойниками. На недостающее и обращает внимание острога. Оно может заключаться только в том, что повешенные в салоне портреты – это портреты преступников. Критик хотел и не мог сказать следующее: “Вы – два мерзавца, в этом я уверен”. Этот любимый Фрейдом анекдот вполне актуален для современной России с ее множеством новых портретов...

А вот и совсем тонкий юмор, примененный для осмеяния инквизиции маркизом Энрико де Вильена Арагонским в XV инквизиторском веке. Он придумал и издал книгу “Искусство резать”. Поскольку рассказы об Энрико Арагонском помещают, как правило, в историю испанской инквизиции, то уместно вспомнить, что именно в Арагоне судебные трибуналы приговаривали людей к казням, среди которых выделялась казнь путем разрезания тела на куски. Причем тело могло быть как живым, так и мертвым. Но для подобных казней нужны профессиональные палачи. Разрезать тело не так-то просто. Это хирургическая операция. Нужны определенные знания анатомии. В Древнем Китае для подобных казней разрезания тела на тысячу кусочков был разработан целый арсенал специальных инструментов для каждой части тела. Не содержала ли книга маркиза Энрико Арагонского, в ее первоначальном виде, руководство для палачей инквизиции – как грамотно и быстро расчленить человеческое тело? В тонком юмористическом ключе. Надо полагать, палачей готовили в специальных школах, где преподавали и основы медицины, хирургии. Книга Энрико де Вильена могла быть одним из учебников для подобных школ. Конечно, автор мог включить в качестве приложения и рекомендации, как резать фрукты. Для отвода глаз, как дымовую завесу. Энрико де Вильена явно наносил удар по инквизиции, за что она его невзлюбила, и книги его после смерти были по настоянию церкви сожжены.

Юмор всегда суперфасцинативен и людей с юмором любят, а профессиональные юмористы становятся любимцами публики и нелюбимцами власть предержащих, поскольку всегда их довольно больно задевают. Афасцинативных же людей отличает такое непривлекательное качество как отсутствие чувства юмора, юмористическая глухота, как правило соединенная в них и с фасцинаторной глухотой. Не случайно все-таки женщины, как существа более тонкие к фасцинации общения, просят мужчин быть с ч/ю...

Дезфасцинация

По аналогии с дезинформацией можно говорить, как мне кажется, и о **дезфасцинации – обманной фасцинации, достижением живым существом тех или иных актуальных для себя целей обманно-чарующим воздействием**. Так, во все века невзрачные женщины пускали в ход разного рода фасцинирующие средства и приемы: “подкладки-накладки”, особые сексуально-возбуждающие ароматические средства, румяна и пр., превращаясь в “мечту для мужчины”.

Я уже цитировал Р. Докинза, но повторю его мысль еще раз в несколько ином аспекте: "... большая часть используемых животными сигналов лучше считать не информативными и не вводящими в заблуждение, но **манипулятивными**". Термин, предложенный Р. Докинзом, представляется мне не совсем точным в рассматриваемом контексте. Манипулирование достигается и средствами информации, принимающей форму дезинформации. На мой взгляд, "обманное очарование" и мимикрию точнее было бы назвать дезфасцинацией.

В категорию дезфасцинации попадает прежде всего "чарующая" мимикрия. Так, некоторые насекомоядные растения используют для "чарующего обмана" такую фасцинацию, как яркая, привлекающая визуальное внимание насекомых окраска и "чарующие" запахи, вызывающие у насекомых удовольствие. Есть яркие цветы, продуцирующие запах гнилого мяса, на который слетаются мухи и откладывают внутри цветка свои яйца, служащие пищей для "коварного" цветка-обольстителя.

Но не всякая мимикрия дезфасциативна. Широко используемая многими растениями, рыбами, птицами, насекомыми, рептилиями мимикрия в виде маскировки совершенно лишена даже намека на фасцинацию – обман заключается в "исчезновении с глаз", растворении в среде. Это есть способ дезинформации, игра в отсутствие информации: живое существо мимикрирует под "невидимку" и тем самым как бы уничтожает информацию о себе – оно на самом деле здесь, но для всех своих недругов и жертв его нет.

Совершенно иное дело, когда живое существо становится ярким, сверкающим всеми цветами радуги, праздничным и привлекающим всеобщее внимание. Оно всем своим видом "говорит": "попробуй, но запомни – это будет первый и последний раз в твоей жизни". Так действуют многие ядовитые бабочки яркой раскраски и все божьи коровки.

Другой вид дезфасцинации – это мимикрия слабых видов под хищных или ядовитых. Многие неядовитые, вполне съедобные для птиц бабочки "рядятся" в одежды своих ярких ядовитых соседей и этим фасциативным театром спасают свои жизни. Р. Докинз: "Вполне возможно, что все коммуникации между животными с самого начала содержат в себе элемент обмана, ибо любые взаимодействия между животными всегда сопряжены с некоторым столкновением интересов". Закон актуального демонстрирования тела и внешнего облика полностью совпадает в этом с идеей Р. Докинза: все живое занято не только демонстрированием в актуальных ситуациях своих истинных качеств, но еще и "притворством", "пусканием пыли в глаза", разыгрыванием ложных спектаклей-дезфасцинаций, как чайка, которая притворяется раненой и волочит якобы подбитое крыло по земле, чтобы увести от своего гнезда лисицу.

Совершенно уникальны в живой природе формы групповой мимикрии. Так, морские сомики, которые всегда плавают стайками, при виде приближающейся акулы мгновенно группируются так, что создают образ морского ежа, для акулы не только несъедобного, но и опасного. Акула проплывает мимо или даже быстро уплывает прочь от испуга. Сомики распадаются и вновь образуют стайку. Пример подобной дезфасцинации поразителен, так как мимикрию проделывает не отдельная особь, а целая стая, да еще со столь высокой быстротой и точностью, что остается тайной, каким способом сомики владеют пространственным образом ежа и создают его.

В человеческом обществе дезфасцинация применяется наряду с дезинформаци-

ей (ложными и провокаторскими информационными сообщениями) и выступает чаще всего в форме семантической дезфасциации. Дезинформация и дезфасциация образуют сигнально-коммуникативный симбиоз, обрушиваемый людьми и человеческими сообществами друг на друга в эффектном обманном устремлении. Так ведет себя недобросовестный рекламодатель, включающий в красочную рекламу яркие фасцинативные средства (например, знаменитых, любимых всеми актеров театра и кино, певцов, ученых) и лживую информацию о якобы великолепных товарах и их свойствах, которыми они на самом деле не обладают. Некоторые образцы в общем-то безобидны, настолько на поверхности лежит неправда и выглядит она в соединении с фасцинативной картинкой скорее иронией, чем злонамеренной дезинформацией. Всякому понятно, что за десять дней невозможно укрепить волосы на голове в три раза. Но выглядит реклама столь эффектно, что не устоишь и попробуешь. Особенно если волосы полезли.

Такова же природа так называемых “пиар-мифов” о кандидатах на выборные должности, ведущих недобросовестную избирательную кампанию: вор и мошенник вдруг превращается приемами дезфасциации в ангела, не избрать которого было бы со стороны избирателей чуть ли не преступлением.

Стремление множества людей выглядеть лучше, чем они являются на самом деле, есть не что иное, как естественная, вытекающая из действия закона актуального демонстрирования, дезфасциация, давно известная людям как феномен “по одежке встречают” и “казаться”. К этому же ряду коммуникативной семиотики следует отнести такие явления, как франтизм, дендизм (24; 248; 267) и снобизм.

Все приемы профессиональных мошенников и шулеров суперфасцинативны, но используются они исключительно как дезфасциация. Прежде всего это приемы “вызывания полного доверия” у жертвы (у “лоха”, на языке мошенников): мягкая улыбка, доверительный взгляд, тактильные прикосновения-“поглаживания”, ряжение под “уважаемого” или “солидного, серьезного” человека (форма офицера, ордена, удостоверения и дипломы и т. п.), вызывающая симпатию голосовая модуляция и т. д.

К дезфасциации можно отнести и манипулирование сексуально-возбуждающими приемами в ситуациях обманного сексуального обольщения.

А вот дезфасциация в игре: дружеская пирушка, на человека с угрожающим видом направляют пистолет. Испуг. Весельчак нажимает на курок – раскрывается... зажигалка. Хохот. Пистолет-обманка как прием дезфасциации столь эффективен, что с его помощью... грабили банки, а не только пугливых обывателей. Это вошло в сюжеты многих фильмов.

Сенсация и семантическая дезфасциация

Еще одним весьма распространенным и вечным видом семантической фасциации является сенсация, неожиданное, часто ошеломляющее сообщение о чем-либо, все равно правдивое или ложное. Пример правдивой сенсации – всколыхнувшее всю планету сообщение о полете Юрия Гагарина в космос.

Принцип редакторов газет, радио и телевидения “Сенсация, сенсация и еще раз сенсация!” с точки зрения привлечения внимания и интереса вполне оправдан – сенса-

ция повышает рейтинг, так как экстремальная часть человеческой психики жаждет известий ошеломляющих, разрывающих скуку обыденности. “Если сенсации нет, придумайте ее” давно стало журналистским принципом. Так рождаются псевдосенсации.

Хрестоматийный пример сенсационной семантической фасцинации – “феномен 30 октября 1938 г.”, когда радиоинсценировка “Борьбы миров” Г. Уэллса внезапно вызвала в США массовую панику, охватившую свыше миллиона человек. Радиослушатели приняли инсценировку за сенсационное сообщение о реальном вторжении на Землю марсиан.

С. Эйзенштейн описал прием производства псевдосенсации с целью увеличения тиража газет, имевшей вполне реальные исторические последствия. Он описывает способ, каким воспользовался в начале своей карьеры известнейший впоследствии журналист и газетный магнат Рандольф Хэрст: “Эта история... начинается с двух пресловутых телеграмм.

Репортер Хэрста -- Ремингтон – отправлен на Кубу вместе с другими ловкачами из клики Хэрста. Цель их деятельности – разворошить сенсационные данные о возможных политических скандалах и международных столкновениях.

Ремингтон скучает. Ему хочется домой.

Он телеграфирует “боссу”: “Все спокойно. Нет никаких волнений. Войны не будет. Я бы хотел вернуться. Ремингтон”.

“Босс” отвечает коротко, внушительно и определенно:

“Ремингтону. Гавана. Прошу остаться. **Позаботьтесь об иллюстрациях, я позабочусь о войне** (выделено мной. – В. С.). У. Р. Хэрст”.

Сторонники Хэрста всячески стараются убедить всех и вся, что телеграммы эти апокрифические, но они в двух строчках так точно излагают суть его усилий и устремлений, что, подобно многим апокрифам, которые знает история, они более правдивы в качестве “человеческих” документов, чем многие и многие исторические документы.

Дальше следует потрясающая фантазмагория роли Хэрста в кубинской войне и грандиозный рост королевства прессы этого некоронованного короля печати” (522, т. 3, с. 346).

Это почти один к одному повторяет сюжет известного фильма “Хвост виляет собакой” (в России он шел под названием “Плутовство”), в котором для спасения репутации президента пиарщики Белого Дома сконструировали псевдovouну с Албанией.

В современной журналистике широко используется прием создания видимости сенсационности для того, чтобы привлечь внимание и расширить аудиторию воздействия распространяемой информации. Сведения и сообщения, на которые акцентирует внимание аудитории средство массовой коммуникации, превращаются манипулятором в сенсационные путем выделения ее с помощью интонации, мимики, жестикюляции, внешнего антуража, других невербальных компонентов общения и паралингвистических средств. Создается ощущение необычайной важности передаваемого сообщения.

При этом эксплуатируются базовые потребности человека, и в первую очередь врожденная потребность в безопасности. Сообщения о катастрофах, террористических актах, убийствах и насилии переносятся в разряд первостепенной важности. Так,

один из руководителей ТВ в интервью, отвечая на вопрос о причинах обилия негативных и трагических материалов на телевидении, без тени смущения отметил: “Если самолет взлетел и сел – это не событие, событием становится то, если он не приземлился”. Увы, такова психология современной журналистики: если самолеты все время приземляются, то почему бы не придумать и не показать... катастрофу? Описанный Эйзенштейном трюк У. Р. Хэрста и фильм “Хвост виляет собакой” показывают, как это делается. Такая журналистика в конце концов извращает личность журналиста до шизоидности и виртуальности, в которой находят свое место и подтасовки, и подставки, и откровенные предательства. Предположим, журналист в частном разговоре с приятелем узнает от него некую тайную и сенсационную информацию. Он тут же выплескивает ее на своем информационном сайте или в газете. То, что он при этом предает приятеля и становится негодяем, его мало волнует. Так извращенно понимаемая сенсационность, погоня за сенсационностью превращает журналиста в жуликовато-циничное существо.

Эксплуатация вауэризма, любопытства и тяги к разгадке скандальных тайн, т. е. феноменов экстремальной фиксации – потому и притягательной, что она экстремальна! – будит острые волнения и будоражит воображение. Поэтому средства массовой коммуникации буквально гонятся за тайнами личной жизни политиков, бизнесменов, актеров, актрис, шоуменов, певцов и певиц, выуживая малейший повод для создания скандальной псевдосенсации.

Дезинформация и дезфасцинация формируют психологию недоверия и неверия.

ГЛАВА VIII. ФАСЦИНАЦИЯ И СУБФАСЦИНАЦИЯ

Какой бы ни была изысканной публика
при слове “задница” в речи оратора
она услышит только это слово
Жюль Ренар

Определение субфасцинации

А. Эйнштейн свою первую жену любил и давал ей ласкательные прозвища: “Docherl” (которое ближе всего переводится как маленькая кукла или Долли), “милая Долли”, “милая малышка”, “милая возлюбленная малютка”, “маленькая колдунья”, “мой лягушонок”, “мой котенок”, “мой уличный мальчишка”, “мой ангел”, “мой бесценный ребенок”, “моя маленькая чернушка”, и придумывал множество вариаций упомянутых имен.

У Л. Толстого в “Воскресении” графиня Екатерина Ивановна говорит Нехлюдову: “...Евангелие – Евангелием, а что противно, то противно. Хуже будет, если я буду притворяться, что люблю нигилистов и, главное, стриженных нигилистов, когда я их терпеть не могу... это бог знает кто: Халтюпкина какая-то хочет всех учить”. В кличке, которую приклеила нигилисткам, графиня прекрасно и точно выразила свое отношение к русской революции – Халтюпкина! Слышится и халда и халтура и многое еще похожее и все уничижительное. (522, т. 4, с. 251).

Т. Б. Щепанская приводит изобретение клички из другой сферы: “Московский юноша, которого я знала по прозвищу Майкл Какаду, вовсе не принадлежал к особо агрессивным молодежным сообществам; в описываемое время (конец 1980-х) он был битломан, и ему было 18 лет. Вот как он описывает получение своего прозвища в метровской тусовке: “После драки у меня был синяк под глазом. Я прихожу на тусовку. Мы сели на кольцевую линию метро и стали кататься по кругу: метровская тусовка, это придумали битломаны. Какая-то герла меня спросила: – Как тебя зовут? – Миша, можно Майкл”. Майклов много, и стали придумывать прозвище, причем в первую очередь обратили внимание на синяк: “Одноглазый? Кот?” – но высунулся Кот и сказал: Я уже есть. Пират? – Я ж Пиратом быть не могу, потому что я пацифист... Ну, с Пирата перекинулись на Какаду. Я подумал: пусть, как бы чего хуже не придумали”. Примечательно, что рассказчик возводит свое прозвище (т. е. символ идентичности) к синяку, который в тот день был у него под глазом. Рассказ про этот синяк составляет, по сути, ядро интерпретации, которую он дает своему прозвищу” (472).

Дети, которых в семье любят, имеют десятки самых разных кличек-прозвищ, и все яркие, ласкательные. Как бы иногда не злился ребенок, особенно на уменьшительные словечки (он же взрослый уже!), тем не менее он уверен, что его любят. Дети, которых не любят, ласкательных прозвищ не имеют. Только обидные. Или вовсе никаких. И такой ребенок тоже знает – его не любят.

Кличка, прозвище – это всегда яркий и точный знак отношения к человеку, чего лишены имя и фамилия. Именно поэтому клички имеют такое широкое хождение в социальной коммуникации. Они представляют собой фасцинативные семантически значимые сигналы-Образы. И все же в сфере кличек существуют резкие отличия: от “мой ангел” до “козел”, а то и еще похуже.

Яркие, эффектные, будоражащие сознание и вызывающие бурные эмоциональные отклики сигналы-фасцины эпатажного, негативного, часто обидного значения я предлагаю обозначать термином “субфасцинация”.

Назвав пассионариями энергичных, социально ориентированных людей-преобразователей, Л. Гумилев выделил также в отдельную категорию тех членов общества, которые, быть может, не менее энергичны и целеустремленны, но в негативном выражении (разбойники, атаманы, сектанты-еретики и т. п.), назвав их субпассионариями (117). Подобное разделение можно применить, как мне представляется, и к фасцинации: если фасцинация ошеломительно чарует, то субфасцинация ошеломительно шокирует.

Субфасцинация неотделима от фасцинации. Это та же фасцинация только эпатажного, экстравагантного, вызывающего, несколько циничного характера, на грани приличий и вульгарности. За этими пределами начинается уже антифасцинация. Остап Бендер, явный субпассионарий, советовал Кисе Воробьянинову: “Побольше цинизма, Киса. Люди это любят”. Так же считал и Жюль Ренар, говоря о том, что слово “задница” в речи оратора люди уж точно слышат.

В фасцинации преобладает магия очарования, в субфасцинации – сила аффектированной экстремальности, часто регрессивной. Ж. Малори, наблюдавший жизнь эскимосов Гренландии, пишет: “Так мне довелось видеть в Иглулике (Гудзонов залив) в 1961 году, как во время борьбы противник был повержен на землю. Чтобы окончательно подтвердить свое могущество и превосходство, победитель помочился на побежденного (266, с. 85). Этот знак был принят у эскимосов и против него никто не возражал – так положено, хотя и не очень приятно. В подростковом возрасте до сих пор часто можно наблюдать возню-полудраку, когда более сильные заскакивают на спину слабым, демонстрируя свое превосходство и утверждая статус.

Фасцинация и субфасцинация – две стороны одной медали, т. е. богатого нюансами коммуникативного процесса, в котором уживаются и переплетаются “высокое” и “низкое”, изумительная красота и пугающее уродство, чарующие арии и скабрзные частушки. Субфасцинация – не приложение-дополнение фасцинации, она и есть фасцинация в той ее необходимой и эволюционно закономерной форме, которая, с одной стороны, теснее и имманентнее завязана на эмоциях и лимбической (наиболее древней!) системе связи с миром, а с другой – позволяет человеку сбрасывать напряжение, особенно в конфликтно-досадных ситуациях (а их всегда было и будет хоть отбавляй), регрессировать в острую экстремальность эмоций, а с третьей – энергетизировать, контрастировать общение, что невероятно важно для его фасцинаторной драматургии. Уже крепкое соленое словцо на грани двусмысленности является прекрасным примером эффективной мобилизации общения посредством субфасцинации. Без некоей доли субфасцинации общение вяло, нудно, скучно. Субфасцинация в этом смысле сливается с экстремальной фасцинацией и в их симбиозе заложены мощнейшие средства и приемы экспрессивной коммуникации в любых ее сферах – от обыденно-бытовых до политических и социально-управленческих. Об этом в первую очередь свидетельствуют возрастные и профессиональные сленги, а также широкое употребление к месту “крепкого словца”, вроде “мочить в сортире”. Фасцинация и субфасцинация – сообщающиеся, переливающиеся сосуды яркой коммуникации. Каждая эпоха выбирает приоритетный сосуд: высокую эстетику и поэзию либо массовую грубоватость и скабрзность.

Когда В. Маяковский создавал оригинальные стихи и блестяще их декламировал, он творил фасцинацию в чистом виде. Но когда он натягивал на себя желтую кофту и в “Бродячей собаке” эпатировал публику, вскакивая на столы и употребляя чуть ли не матерные слова, он являл своим поведением образец эпатажа и показного оригинальничания, т. е. субфасциативности. Поведение множества современных поп-звезд с их сценическим эксгибиционизмом, ”украшиванием” оголяемого на эстраде тела шокирующими татуировками и пирсингом, с их смачными сленговыми фразами в песнях, имитацией коитусных движений тела и т. п. – подчеркнуто субфасциативно. В этом смысле субфасцинация во многих своих проявлениях представляет собой “шоковую фасцинацию” (термин А. Войсунского), т. е. нацеленную, главным образом, на создание “удивления-шока” в психике адресата.

К субфасциации можно отнести символическую экстремальность (экстремальный пирсинг, деформации различных частей тела, и т. п.), имидж-акцентуации (вычурную экстравагантность, показную стероидную экзальтацию, демонстрирование демонизма, вампиризма и т.п. коммуникативных имиджей), субфасциативные акцентуации личности (нарциссизм, нимфомания, эксгибиционизм и др.). Обаятельная улыбка всегда фасциативна. Но привлечь внимание, запомниться надолго можно и “скорчив рожу”.

Нигде пожалуй не проявляет себя субфасцинация так определенно, как в речевом использовании сленга. Практического коммуникативного применения речи не может быть без включения паралингвистических и сленговых составляющих. Правильная литературная речь возможна разве что в официальных бумагах и инструкциях. И тогда она неинтересна, скучна своим однообразием и монотонностью. Даже очень правильная речь, какой всегда любили щеголять очень культурные люди. Зато как привлекательна, а при высоком мастерстве обворожительна речь художественных произведений! Но в ней есть все, вплоть до крепких соленых словечек и фраз. Такова живая народная речь, насыщенная метафорами, кличками, пословицами и поговорками, афоризмами, невероятными неологизмами и, конечно, сленгом. Так, в живой речи к информативному ее слою добавляется во всей палитре возможностей фасциативный слой: интонации, голосовая тембральность, паралингвистические “охи-вздохи”, сочные метафоры, всякого рода “феня”, прозвища и сиюминутные рекламные слоганы. Огромная часть этого слоя и представляет собой субфасцинацию. И без нее общение было бы довольно пресным и гораздо менее выразительным.

А. М. Панченко пишет о коммуникативном стиле русских юродивых: “Активная сторона юродства заключается в обязанности “ругаться миру”, т. е. жить в миру, среди людей, обличая пороки и грехи сильных и слабых и не обращая внимания на общественные приличия. Более того, презрение к общественным приличиям составляет нечто вроде привилегии и неременного условия юродства, причем юродивый не считается с условиями места и времени, “ругаясь миру” даже в божьем храме, во время церковной службы” (330). Юродивый пускал в ход оголение, ругательства, насмешки, неприличные жесты, постоянно провоцируя публику на ответные действия, на диспут.

Шутовство в Европе и в России также соединялось с насмешками, язвительными кличками, а то и скабрзностью. Это было, так сказать, профессиональной шутовской нормой коммуникативной демонстрационности.

Где грань между субфасциативной крепостью выражений и похабностью, анти-

фасцинацией? Граница эта подвижна, но она есть, и коммуникативная интуиция всегда подсказывает, где к месту нужно крепкое словечко, а где это уже ненужный вульгарный срам.

Крепкое словцо

Слово “задница”, как и вообще почти любое ненормативное слово, потому запоминается в речи оратора, что взрывает речевой ряд правильной или, как ее принято называть, литературной речи. Взрывая ее привычное течение, “задница” обретает качество мгновенного привлечения внимания слушателей с мгновенной же эмоционально-регрессивной реакцией, вплоть до оторопи, почему врезается в память и запоминается. А вместе с “задницей”, вполне вероятно, запоминается и то главное, что хотел донести до публики оратор: это внезапное крепкое словцо, как паровоз, потянет за собой “вагоны” ораторской речи. Соленое, крепкое слово никогда и никого не оставляет равнодушным, представляет собой вид символической или сленговой метафоры.

М. Бейлькин в интересной работе “Секс в искусстве и в фантастике” привел пример того, как крепкое слово, сказанное в нужный момент, спасло человека в годы культа Сталина: “Дело было в конце недобрых тридцатых годов. Шло собрание, на котором прорабатывали одного врача. Это был хороший врач, и несколькими годами раньше его выдвинули на работу в министерство здравоохранения. Во время же очередной чистки партии, он, по приказу сверху, подлежал разжалованию из начальников в рядовые врачи. Для этого и собрали медиков, которые в соответствии с известным ритуалом беззлобно, одними и теми же словесными штампами отчитывали его за всевозможные промахи в работе.

Вдруг во время очередного выступления сидевшая в президиуме женщина резко и демонстративно встала и, указывая на врача обвиняющим жестом, убежденно и зловеще произнесла на весь зал:

– Товарищи! Мое классовое чутье говорит мне: он вредитель и враг!

Наступила жуткая тишина. Выступавший испуганно замолчал: он ругал врача чересчур мягко, а вдруг его за это обвинят в политической близорукости или, того хуже, в укрывательстве врага?! Поступок мегеры из президиума был психопатическим, но свою авантюру она рассчитала точно. Время было страшное. А в толпе всегда найдутся нелюди, этакие кровожадные рыбы – пираньи, готовые поддержать любую смертельно опасную подлость. Вот они почуяли кровь и возбужденно зашевелились в зале. Им оставалось организовать всего два-три выступления, чтобы гибель человека стала неизбежной.

Врача спасло присутствие духа. Он встал и мощно прогудел в зал, указывая на даму в президиуме:

– Товарищи! Мое классовое чутье подсказывает мне, что эта женщина – б... ь!

Зал потонул в хохоте. Люди, смеясь, утирали слезы...”.

А вот другой пример находчивого применения крепкого словца. Фаворитка английского короля спаслась от гнева толпы католиков, которая уже бросилась ее растерзать, крикнув: “Я протестантская шляха!”

Замечательный психофизиолог Л.А. Китаев-Смык, долгие годы работавший с космонавтами, свидетельствует, что при стрессах многие космонавты употребляли весьма

крепкие выражения и это отлично помогало снять стресс и выкрутить психику в активное рабочее состояние. Он рекомендует не отказываться от такой обиходной психотерапии. Досада на самого себя знакома всем людям. В этом случае вступает в силу закон эмоциональной регрессии, хочется ругнуться или пнуть ногой стул. Многие так и делают. Помогает. Главное, чтобы не переадресовывать агрессию на близких.

Грань между крепким сленговым словом и сквернословием, таким образом, достаточно размыта, контролируется общественными приличиями и культурой. Какой вид фасцинации-субфасцинации-антифасцинации выберет человек для своей демонстрационности – на его совести. Общество же всегда и разберется, и постарается образумить, если грань нарушена.

В детсады собирались отчислять трехлетнего мальчугана, который ругался самыми изощренными матерными словами. Пригласили отца, чтобы разобраться. Отец молча выслушал заведующую детским садом, а в конце побагровел и выпалил: “Ну...е...м...я ему...сегодня покажу ...!” В семье царил весьма сочный сленг, который мальчуган прекрасно освоил. Случай этот я слышал в 1974 г. из уст заведующей детсадом, в который ходила моя старшая дочь.

Субфасцинация и антифасцинация

Но хамство, сквернословие с целью обидеть, унижить или еще хуже – выразить обществу свой бунтарский (на самом деле хулиганский) вызов, конечно же, попадают в круг антифасцинации, мерзости, похабности, особенно расцветающих в революционные эпохи и эпохи резких социальных перемен. А. Бунин в подтверждение того, что в эпохи революций на сцену выходит обезьяна (очевидно, по ассоциации с определением Дьявола как “божьей обезьяны”, которое дал святой Августин), привел множество примеров, в том числе такой: “Случается, что выходит из ворот бывшей Крымской гостиницы (против чрезвычайки) отряд солдат, а по мосту идут женщины: тогда весь отряд вдруг останавливается – и с хохотом мочится, оборотясь к ним” (68, с. 110). И это еще можно сказать “безобидный” жест, поскольку основная демонстрационная похабность таких эпох сливается с невообразимым садистским насилием, как характерно это было для эпохи Великой французской революции, по описанию О. Кабанеса и Л. Насса (162).

Развитие человеческой культуры в области коммуникативной фасцинации очень похоже на развитие гигиены и санитарии. Там борьба шла веками с вонью и грязью. От короля Людовика XIV несло, как из сточной ямы. Сейчас и рядовые путаны иногда пахнут лучшими французскими духами и сверкают белоснежной улыбкой. Было время фаллического культа и на каждом углу торчал каменный или деревянный фаллос, а в Индии женщины подбегали к жрецам и прижимались к их обнаженным гениталиям прямо на улице, среди бела дня и при всем честном народе. Вряд ли современные цивилизованные индусы культивируют этот древний обычай. П. Киньяр пишет о времени римского императора Тиберия: “Весталки, хранительницы пенатов и фетишей римского народа, почитали напряженный мужской член. На Велиевом холме стоял Тутун Мутун – камень в виде фаллоса, на который сажали невесту. Каждый год, 17 марта, все *pueri*, впервые надевшие мужскую тогу и вступившие в сословие *Patres*, везли по городу колесницу Фасцинуса. В ритуал входила и словесная непристойность в виде фесценнинских сти-

хов. Римская непристойность вообще может быть определена как свадебный язык-заклинание. Сдержанность выражений была запрещена, ибо вела к бесплодию. Ритуальная словесная распущенность и ритуальная оргия – это две составляющие той активной силы, что оплодотворяла женское чрево и несла победу народу. Ее воплощали в непристойных статуэтках, которые можно было видеть в каждом доме, на каждой крыше, на каждом перекрестке, в каждом поле и над каждым морским маяком” (181). Так был фаллический Древний Рим, как и множество других древних обществ.

Обнаженный пенис люди друг другу очень давно не показывают публично, как это делают обезьяны в ситуации гнева или управления иерархией, заменив этот когда-то экстрафасциативный биологический жест символами, воспринимаемыми как верх неприличия. То же произошло и с речью: многие ругательства были когда-то не чем иным как речевыми магическими формулами древних людей против злых сил (все клише типа “пошел в...” или “пошел на...” оттуда), теперь это сквернословие, мат. Веками происходит борьба двух ипостасей в поведении человека: атавизмов древних форм фасциативных выплесков эмоциональной энергии и паттернов культуры доброжелательства и интеллигентности, эмоциональной выдержки и сдержанности, заботы о состоянии ближнего. Грубоватая и сочная субфасциативность совершенно необходима в союзе с чарующей фасциацией, дело заключается лишь в том, чтобы не переводить ее в качество антифасциации, т. е. похабности, сквернословия и хамства.

Эпатаж, экстравагантность

Передразнивание, пародия, показной бунт, фиглярствующий нигилизм, демонстрационный экстремизм, юродство, клоунада – все это В. Тэрнер относил к приемам коммунистас, призванных будоражить общество и, проходя через лиминальность упорядоченного хаоса, достигать эффективности социальной структуры и иерархии. Он писал: “...ничто так не подчеркивает норму, как абсурдность или парадокс. С точки зрения эмоций ничто не доставляет такого удовольствия, как экстравагантное поведение или временно снятый запрет... Заставляя низы пародировать (часто до карикатурности) поведение верхов и сдерживая проявления гордости, они подчеркивают разумность повседневного культурно предсказуемого поведения различных слоев общества” (430, с. 240).

Творческие личности, как правило, принадлежат к низам или во всяком случае всегда тяготеют быть близкими по духу с низами. Отсюда, по В. Тэрнеру, и следует их эпатажное и парадоксальное поведение. Многие из великих, начиная свой творческий путь, баловались эпатажем, бунтарством в демонстрационных проявлениях своего Я и в первую очередь во внешнем облике. Эпатаж, по-видимому, является неотъемлемой чертой творческо-непокойных личностей, в первую очередь художественных, одаренных выдающимся воображением и стремящихся ко всему новому, неведомому, прогрессивному, преобразующему окружающую серую действительность к новому. Это заложенное в самой природе Творческого Духа и Интеллекта восстание и стремление к совершенству толкает юные творческие личности к конфронтации с консервативными устоями общества, а она облекается в формы молодежного эпатажа, противопоставления серости, бунта во внешнем поведении, вызова приличиям и нарушения нормативов.

Нечто подобное, т. е. пародийно-бунтарское, эпатажное выказывали своим поведе-

нием знаменитости древнекитайского культурного движения “Ветер и поток”, стилем которых было нечто противоположное регламентированному до деталей конфуцианству: публичное оголение, неприличные позы, пьянство и, при всей этой подчеркнута демонстрируемой экстравагантности, – философская и поэтическая утонченность, доходящая до рафинированности (32).

О молодом Пушкине современники вспоминают, что весь Петербург только и говорил о его дуэлях, оргиях и вакханалиях, экстравагантных, порою буквально клоунских нарядах, о его странностях и выходках.

Во Франции эпатаж для творческой молодежи стал еще со времен Ларошфуко чуть ли не национальной чертой, в чем особенно преуспел поэт “Цветов зла” Ш. Бодлер.

В Англии конца XIX–начала XX в. эпатировал высший свет непревзойденный эстет-мистификатор Оскар Уайльд, своим внешним видом и манерами он взбудоражил английское чопорное общество, сумел создать особый эстетский модный стиль, очаровавший светскую и творческую молодежь почти всех стран Европы и США: “Он изящен и необычен во всем, на нем бриджи до колен и шелковые чулки, а это вызывает всеобщее изумление. Он носит в петлице василек, фиалку или золотистую лилию” (221, с. 10), но “бывало, над ним откровенно потешались. Студенты Гарварда явились на его лекцию в костюмах, пародирующих лектора: в коротких бриджах, при зеленых галстуках, с подсолнухами в петлицах” (там же).

Под Оскара Уайльда играли во многих странах творцы и поэты. У нас пытался это по-своему экстравагантно сделать Сергей Есенин. Поэт Городецкий вспоминал: “Он терпеть не мог... когда делали из него исключительно крестьянского поэта... Он хотел быть европейцем... Быт имажинизма нужен был Есенину больше, чем желтая кофта молодому Маяковскому... Это была его революция... была своеобразная уайльдовщина. Этим своим цилиндром, своим озорством, своей ненавистью к деревенским кудрям Есенин поднимал себя... над всеми остальными поэтами деревни”.

Другой образец эпатажа, скорее хулиганствующе-дерзкого, давал в это же время В. Маяковский, рядившийся в желтую кофту, ставшую частью его образа эпохи молодости и футуризма. А. Бунин так описывает стиль поведения Маяковского той поры: “...был еще на одном торжестве в честь финнов после открытия выставки. И, Бог мой, до чего ладно и многозначительно связалось все то, что я видел в Петербурге, с тем гомерическим безобразием, в которое вылился банкет! Собрались на него все те же — весь “цвет русской интеллигенции”, то есть знаменитые художники, артисты, писатели, общественные деятели, новые министры и один высокий иностранный представитель, именно посол Франции. Но надо всеми возобладал — поэт Маяковский. Я сидел с Горьким и финским художником Галленом. И начал Маяковский с того, что без всякого приглашения подошел к нам, вдвинул стул между нами и стал есть с наших тарелок и пить из наших бокалов. Галлен глядел на него во все глаза — так, как глядел бы он, вероятно, на лошадь, если бы ее, например, ввели в эту банкетную залу. Горький хохотал. Я отодвинулся. Маяковский это заметил... но тут поднялся для официального госта министр иностранных дел, и Маяковский кинулся к нему, к середине стола. А там он вскочил на стул и так похабно заорал что-то, что министр оцепенел. Через секунду, оправившись, он снова провозгласил: “Господа!” Но Маяковский заорал пуще прежне-

го. И министр, сделав еще одну и столь же бесплодную попытку, развел руками и сел. Но только что он сел, как встал французский посол. Маяковский мгновенно заглушил его еще более зычным ревом. Но мало того: к безмерному изумлению посла вдруг пришла в дикое и бессмысленное неистовство и вся зала: зараженные Маяковским, все ни с того ни с сего заорали и стали бить сапогами в пол, кулаками по столу, стали хохотать, выть, визжать, хрюкать и – тушить электричество” (68, с. 101-102).

Займствовав у эпатажных футуристов их методы публичного эпатажа, имажинисты во главе с поэтом Мариенгофом также проводили шумные и скандальные “акции”: под покровом ночи “переименовывались” несколько центральных московских улиц; им давали имена самих имажинистов, стены Страстного монастыря расписывались богохульными стихотворными цитатами, на шее у памятника Пушкина появлялась табличка: “Я с имажинистами”. Кроме того, все “*imago*” становились участниками и организаторами многих литературных чтений, которые, следуя все той же футуристской традиции, перерастали каждый раз в яростные диспуты, сопровождались взаимными оскорбительными выпадами выступающих и зала, шумом в прессе. Среди широкой публики выступления имажинистов были очень популярны и собирали аншлаги.

Эпатажное сознание – это по сути своей озорное сознание и поэтому типично для молодого возраста с его бунтарством и жадной эффекта. Эпатаж – это всегда вызов, бунт, выходки, оскорбляющие общественные нормы: оголение, доходящая до неприличия экстравагантность, непристойные телодвижения и жесты, оскорбляющие приличия знаки и символы. Почти все, если не все, художники слова и кисти так называемых модернистских направлений баловались сознательным эпатажем, а в некоторых клубах и художественных кружках как-нибудь особенным образом соригинальничать на ниве эпатажа было обычным делом.

Яркий образец эпатажного и экстравагантного оформления внешнего облика и такого же показного поведения дала молодежная субкультура хиппи, а вслед за хиппи демонстрируют и все современные молодежные субкультуры как левого, так и правого толка (от скинхедов до “нацболов”).

ГЛАВА IX. МАССОВАЯ ФАСЦИНАЦИЯ

Категория “массовая фасцинация”

Мир можно воспринимать как некое зрелище, не участвуя в нем. На берег чукотского лимана выходят люди и сидят, устремив мечтательный взор к воде и дальям. Сидят часами, часто в состоянии алкогольного опьянения. Рядом сидят другие – сотни. И все смотрят молча. Каждый одинок в своем созерцании. Не буду оценивать феномен с точки зрения психологии. Важно представить себе эту картину массового выхода одиночек к лиману и созерцания.

Но вот другой не менее реальный пример созерцания, но уже с активным массовым включением в зрелище. На площади перед собором Св. Петра в Ватикане появляется папа и осеняет крестом огромную толпу верующих. Все благоговейно, некоторые даже со слезами, ликут и внемлют папе. И именно потому, что видят его все сразу по механизмам эмоциональной индукции и заражения переживание усиливается, обретает качество эмоциональной волны и общего настроения. Налицо массовая фасцинация.

Массовую фасцинацию можно определить как аффектированное воздействие сигнала-Образа, вызывающее очарование (восхищение, благоговение, восторг, экстаз) или испуг-страх (до панического ужаса,) одновременно у большой группы людей. Фейерверки и салюты в одиночку не смотрят – теряется смысл ликования вместе со всеми.

Примерами массового фасциаторного действия сигнала-Образа и фасциаторной аффектированной реакции могут служить праздничные парады и торжества, театральные, игровые, ритуальные, национально-праздничные массовые зрелища, шоу-концерты, карнавалы. Массовые эмоции всегда фасциативны, доминантны и глубоки, так как к их механизмам подключается эмоциональный резонанс и заражение. Пример, ставший банальным и кочующим, – средневековые пляски Витта.

Массовая фасцинация может воздействовать на некое множество людей, как объединенных местом и действием (зрители на стадионе, в театре и кинозале, участники массового стихийного митинга или массового организованного шествия), так и разобщенных в пространстве, если у них есть сознание одномоментности восприятия некоторого чарующего или шокирующего воздействия (трансляции по ТВ или радио). При трансляции шоу на телевидении для фиксации эффекта массовости служит группа зрителей в помещении, откуда ведется трансляция.

Массовость восприятия есть по сути своей реализация закона слияния в единство телесной дискретности (дисперстности) живого. Потребность единения заложена уже в разделении полов и необходимости воспроизводить потомство и ухаживать за ним. Там, где есть переживающая единение диада, зарождается общее настроение и аффект. В группе это свойство диадного симпатического воздействия усиливается во много крат и достигает иногда уровня массового автоматизма, как у стада овец, бросающегося за вожаком в пропасть. Фасциаторный в своей основе эффект группы наблюдается уже у одноклеточных. Массовая фасцинация пронизывает все стадно-стайные рефлекс-ы и действия и в этом качестве является одним из фундаментальных врожденных паттернов, способствующих процессу выживания популяции.

У людей массовая фасцинация служит функциональным механизмом родового единения и групповой защиты и пронизывает собой любые процессы социальной идентификации и индоктринации. Идентификация с группой всегда проходит через массовую фасцинацию коллективного ритуала, зомбирования речевыми и ударными нагнетающими ритмами, ритмическими коллективными движениями, доводящими психику участников до изнеможения и транса, болевыми общими истязаниями и унижениями и такими же, но контрастными поглаживаниями и ободрениями и т. д., что создает невыразимое состояние экстатического единства с группой.

Эффективно использовали это свойство массовой фасцинации устроители массовых шествий, парадов и зрелищных партийных собраний фашисты Италии и Германии. Так проходили и празднества-триумфы в древнем Риме.

Пространство массовой фасцинации: холмы, стадионы, площади, форумы, радио- и телеэфир, само небо (когда его используют как фон для цветосветовых эффектов) – это социально организованное пространство. Замечательно организованные пространства для массового общения и массовой фасцинации изобрели древние греки и римляне. Я имею в виду древнегреческий театр и римский Колизей.

Охота стада пралюдей и защита его от окружающих хищников были тяжелы. Но если поохотились удачно, наступал праздник, ликование, благодарение тайным духам природы и тому, что были все вместе и заодно. Это были праздники, содержанием которых была не только радость бытия, но и ритуал единения, солидарности, укрепления социальности. Готтентоты после удачной охоты устраивают праздничное ликование и танцуют до состояний экстаза и транса.

Общая радость и общая печаль необходимы человеку в первую очередь для сцепления в общность и подкрепления принадлежности к этой родной общности. Чувство локтя придает уверенности, надежности, энергии продуктивного действия, будь то охота или война. Зрелище увеличивает силы и вдохновляет, нацеливает в одну точку индивидуальные энергии и создает общее настроение. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что фасцинация зрелища является могучим управляющим феноменом, заложенным в эволюцию общества с самого его зарождения, поскольку возникавшее тысячи лет назад общество было не суммой разрозненных особей, а структурно и функционально организованным единством особей, которое необходимо было постоянно поддерживать в состоянии структурного стабильного единства. Без радости единства и любви этого было бы невозможно достигнуть. Жизненная необходимость единения функционально обеспечивалась групповой суггестией и массовой фасцинацией, и в первую очередь в массово-ритуальных зрелищных формах, т. е. по существу своему формам театрализованных, игровых, ритмических и музыкальных, речитативных и стиховых, ряженных и раскрашенных.

Б. Малиновский отмечал, что “в примитивных обществах публичный характер поклонения, взаимоподдержка религиозной веры и социальной организации, по крайней мере, настолько же выражены, как и в более высоко развитых культурах... ритуалы, связанные с рождением человека, обряды инициации, дань почестей умершему во время оплакивания, похорон и поминовений, обряды жертвоприношения и тотемические ритуалы – все до единого предполагают публичность и коллективность, зачастую объединяя все племя в целом и требуя на определенное время мобилизации всей его энер-

гии. Этот публичный характер, единение большого числа людей особенно выражены в ежегодных или периодических празднествах, проводимых в ознаменование благоденствия, во время сбора урожая или в разгар охотничьего или рыболовного сезона. Такие празднества позволяют людям дать выход веселью, порадоваться обилию урожая и добычи, встретиться со своими друзьями и родственниками, собрать общество в полном составе – и все это в атмосфере счастья и гармонии. Иногда предполагается, что во время таких празднеств являются те, кто ушли в мир иной: духи предков и умерших родственников возвращаются, чтобы принять подношения и жертвенные воздаяния, слиться с живыми в культовых действиях и разделить с ними радость праздника. <...> Соплеменники собираются вместе, и рамки дозволенного смещаются, особенно часто снимаются привычные барьеры, привносящие сдержанность в социальное общение и половые отношения. Желаниям дается удовлетворение, их даже стимулируют, и все участвуют в наслаждениях, всем и каждому показывают, как это хорошо, каждый делит радость жизни с остальными в атмосфере всеобщего благодушия. К потребности в обилии материальном здесь добавляется потребность в обилии людей, в единении с соплеменниками” (265).

Таким образом, можно сделать заключение о том, что массовая фасцинация есть самое эффективное средство реализации врожденной аффилиации в человеческом обществе.

Фасцинация массовых праздников

Доскучались до праздника.
Из словаря В. Даля

Основополагающей формой массового общения, невозможной без массовой фасцинации, и по сути, представляющей собой ее реализацию, является праздник. Праздник – это всеобщая радость и изгнание скуки бытия.

Праздник – неотъемлемая составляющая человеческого группового взаимодействия со времен появления *homo sapiens*. Человек нуждался не только в единении, в солидарности, в круговороте стрессово-экстремального бытия, он, как в воздухе, нуждался в хорошем оптимистическом настроении. Праздник изгонял стрессы и скуку, люди тосковали без эмоциональной подпитки друг друга. Уже у обезьян наблюдается эффект слияния, когда в стрессовой ситуации они бросаются друг к другу и обнимаются, прижимаются. Это часто видела Дж. Гудолл у шимпанзе (115, с. 87, 176–177) В первую очередь, конечно же, этот паттерн типичен для матери и детенышей, но в круг такой взаимной подпитки включаются также сестры-братья и груминговые партнеры.

Э. Финк пишет: “Праздник прерывает череду отягченных заботами дней, он отграничен от серого однообразия будней, отделен и возвышен как нечто необычное, особенное, редкое. Но совершенно недостаточно определять праздник только через противопоставление его будням, ибо праздник имеет значение и для будней, которым необходимы возвеселение, радость и прояснение. Праздник извлечен из потока будничных событий, чтобы служить им маяком, чтобы озарять их. Он обладает репрезентативной, замещающей функцией. В архаическом обществе яснее видна сущность праз-

дника, нежели в нивелированной временной последовательности нашей действительности... Там, где дни и годы все еще измеряются по ходу солнца и звезд, там празднуют солнцевороты, времена года, различные космические события, от которых зависит земная жизнь, там празднуют также урожай, который принесло обработанное поле, победу над врагом отчизны, брачные торжества и роды, даже смерть празднично справляется как поминовение предков. В праздничном хороводе переплетаются музыка и танец, в хороводе, который есть нечто большее, нежели непосредственное выражение радости... На заре истории праздник украшался боевыми играми воинов, благодарением за урожай земледельцев, жертвой, приносимой мертвым, танцевальной игрой юношей и девушек и маскарадом, который ставил все бытие в зримое присутствие сценического представления” (481, с. 400).

Можно сказать, что человек отличается от животных тем, что он выдумал праздник как способ оптимизации единства и стал празднующим существом, скачающим без праздника.

Роль сексуальных оргий в единении рода

Очень важно, как мне кажется, подчеркнуть то, что первобытный праздник радости-единения людей включал в себя две неперенные составляющие, которые дошли и до наших дней. Первая – это разгул страстей, раскрепощающий сексуальный инстинкт и стимулирующий сексуальное возбуждение. Наиболее законченное проявление эта составляющая первобытного праздника проявляет себя в коллективных сексуальных оргиях, отмечаемых всеми этнологами и этнографами. В. Тэрнер, объясняя оргиастический характер празднеств у примитивных племен аргументирует его тем, что у отдельных членов социума накапливается негативная энергия будней, она должна быть снята, выключена обществом, так как опасна для его структурной стабильности. К этому он добавляет еще и то, что нигде, как в слиянии тел, не проявляет себя с особой животной силой единство. Таким образом, общество не только выпускает пар негативных настроений, но даже специально, подчеркнуто стимулирует оргиастичность, чтобы достигнуть почти биологического слияния в социум. Неотъемлемость сексуальной групповой свободы в праздниках древних народов и так называемых примитивных племен отмечена во всех исследованиях их жизни. В какой-то мере эта составляющая массовых праздников дошла и до наших дней. Достаточно большая сексуальная свобода отмечается в современных карнавальных праздниках, лавпарадах, праздниках молодежных субкультур. Когда прошел знаменитый Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве, через год появилось на свет множество смуглых новорожденных, которых в народе остроумно окрестили “дети фестиваля”.

Дж. Фрэйзер на основе анализа обширнейшего этнографического материала также пришел к выводу, что в первобытных социумах сексуальные оргии представляли собой символизацию единства рода. Он пишет в знаменитой своей книге “Золотая ветвь”: “Во все времена во всех культурах перед человеком стоит один и тот же вопрос: как преодолеть отделенность, как достичь единства, как выйти за пределы своей собственной индивидуальной жизни и обрести единение... чем больше человеческий род... отделялся от природного мира, тем более напряженной ста-

новилась потребность находить новые пути преодоления отделенности.

Один путь достижения этой цели составляет все виды оргиастических состояний. Они могут иметь форму транса, в который человек вводит себя сам или с помощью наркотиков. Многие ритуалы примитивных племен представляют живую картину такого типа решения проблемы. В трансовом состоянии экзальтации исчезает внешний мир, а вместе с ним и чувство отделенности от него. Ввиду того, что эти ритуалы практиковались сообща, сюда прибавлялось переживание слиянности с группой, которое делало это решение еще более эффективным. Близко связано и часто смешивается с этим оргиастическим решением проблемы сексуальное переживание. Сексуальное удовлетворение может вызвать состояние, подобное производственному или действием определенных наркотиков. Обряды коллективных сексуальных оргий были частью многих примитивных ритуалов. Кажется, что после оргиастического переживания человек может на некоторое время расстаться со страданием, которое во многом проистекает из его отделенности. Постепенно тревожное напряжение опять нарастает и снова спадает благодаря повторному исполнению ритуала.

Пока эти оргиастические состояния входят в общую практику племени, они не порождают чувства тревоги и вины. Поступать так – правильно и даже добродетельно, потому что это путь, которым идут все, одобренный и поощряемый врачевателями и жрецами; следовательно, нет причины чувствовать вину или стыд” (496).

Суммируя данные о сексуальных групповых оргиях, Дж. Фрэзер пришел к выводу, что все эти формы оргиастических празднеств характеризуются тем, что они “сильны и даже бурны и захватывают всего человека целиком – и ум, и тело” (там же). Известно также, что после подобной “повальной сексуальности” всегда наступала фаза общего повального отдыха, восстановления сил.

Массовая оргиастичность сопровождалась также межполовым поддразниваем, подзадориванием, своеобразной драматургией разжигания половых страстей и включала субфасцинацию в виде массовой театрализованной непристойности с распеванием скабрзных песен и куплетов, межполовым сексуальным вышучиванием, как это показал В. Тэрнер.

Общее ироническо-насмешливое веселье

Вторая составляющая массовых празднеств – ироническо-насмешливое веселье, подчеркивающее смешные и требующие осмеяния стороны социального бытия. Это проявляется особенно отчетливо в пародийных смеховых празднествах, ритуалах и карнавалах.

Рене Генон, рассуждая о смысле “карнавальных” праздников, отмечает, что в Средние века были широко распространены “некоторые поистине диковинные праздники: “праздник осла”, во время которого это животное, чья чисто “сатанинская” символика хорошо известна во всех традициях, вводилось внутрь церкви, где занимало почетное место и окружалось поразительными знаками внимания, и “праздник дураков”, в ходе которого низшее духовенство предавалось гнуснейшему непотребству, пародируя одновременно на церковную иерархию и саму литургию. Чем объяснить, что подобные действия, носящие пародийный и даже “кошунственный” характер, не только допуска-

лись, но в какой-то мере официально поощрялись в такую эпоху, как Средневековье? Назовем также древнеримские сатурналии, к которым, скорее всего, непосредственно восходит современный карнавал: во время этих празднеств рабы помыкали господами, а те им прислуживали, мир как бы опрокидывался тогда “вверх тормашками”, все делалось вопреки установленному порядку... В этом и состоит истинный смысл рассматриваемых нами праздников: он заключается в том, чтобы каким-то образом “канализировать” эти влечения и сделать их, насколько это возможно, безопасными, дав им возможность проявиться лишь на краткое время и при строго определенных обстоятельствах, заключив их тем самым в тесные рамки, которых они не в силах переступить. В противном случае эти склонности, не получая минимального удовлетворения, требуемого современным состоянием человечества, могли бы вызвать своего рода взрыв, чьи последствия сказались бы на всей совокупности как индивидуального, так и коллективного бытия, послужив причиной куда худшего беспорядка, чем тот, который допускается всего на несколько дней, специально отведенных для этой цели, и который, кроме того, куда менее страшен, поскольку он отчасти “регулируется” этими ограничениями, ибо, с одной стороны, карнавалы дни как бы выпадают из обычного распорядка вещей, не оказывая на него сколько-нибудь значительного влияния, а с другой — тот факт, что в них нет ничего непредвиденного, в некотором роде “нормализует” сам разлад и включает его во всеобщий порядок).

Праздник — это торжество коммунистас, смещения иерархических и нормативных структур в сторону регрессивного хаоса, освобождающего от напряжения строго структурированной повседневности и накопленных конфликтов. Праздник — это групповой, всеобщий “улет” социума в состояние почти анархической свободы и телесно-биологической раскрепощенности, необходимых для последующей организованности и сплоченности. Поэтому сексуальность и пародийность — неотъемлемые составляющие любого истинно этнического народного празднества, особенно проявляющие себя в таких праздниках, как сатурналии и вакханалии, карнавалы и маскарады.

Игра-зрелище

Но есть еще одно существенное для любого празднества качество, которого всегда ждут и которое так любимо людьми. Это — игра. Праздник можно рассматривать как сложную, сценарно и театрално организованную игру.

М. М. Бахтин писал: “Для понимания сущности праздника важно понятие игры как особой смыслообразующей формы общения людей”, праздник — “это сама жизнь, оформленная игровым способом” (30). Праздники включали в себя и специально изобретенные игры, которые могли даже затем вычлениваться из праздника и становиться самобытным ритуалом или мини-праздником. К таким отдельным игровым включениям и праздникам-играм можно отнести русские кулачные бои, просуществовавшие в некоторых регионах России до середины XX в. (я, будучи подростком, видел их еще в 1952-1953 гг. в с. Елошное Курганской области), и корриду San Fermin в испанском городе Памплоне.

В. Савчук так описывает русские кулачные праздники: “Они устраивались на Масле-

ницу, на Святки, на Илью Пророка. Это были поистине всенародно любимые праздники. Вот как повествует о них Г. И. Фомин, который, начав с осуждения этих “пережитков”, как нецивилизованных, противных общественной морали, и религиозным представлениям, мало-помалу, словно втягиваясь и подчиняясь логике праздника, сглаживает в своем повествовании суждения и вкрапляет нотки одобрения по поводу честных правил боя, восторга его участников, комичного выхода на лед (бои обычно проводились на реке) древнего деда, который и с печи-то слезал изредка, но возбудившись и получив пару крепких ударов, отдыхал, а затем вновь с радостным возбуждением бросался в толпу бьющихся, говоря в итоге, что вот де дожил еще до одного праздника. <...> После боя “только что отчаянно дравшиеся, как заклятые враги, люди стояли теперь рядом друг с другом, мирно закуривали и оживленно беседовали о бое... Жалоб, злобы, стонов не слышно нигде. Настроение у всех совершенно мирное. В некоторых местах толпы слышен дружный смех. Смеются и победители, и смеются с окровавленными лицами побежденные”. Каждый после боя “рассказывал, кого он ударил, кто его ударил и как ударил. Рассказывал страстно, с увлечением, как охотник о том или ином интересном случае на охоте, как спортсмен. И опять, ни тени злобы и затаенной мести в этих рассказах, – пишет Г. И. Фомин, – я не заметил”. Попытки милиции разогнать дерущихся, тогда, в начале 20-х годов, так ни к чему и не привели. “Последнюю радость у нас отнимаете”, – протестовали сами кулачники. Но ведь за радость, за праздник необходимо было платить: “По окончании боя многие из гостей разъезжались по домам с поломанными ребрами, с выбитыми и подбитыми глазами, оглушенными на одно или оба уха от разрыва барабанных перепонок, и чем больше таких искалеченных людей дает бой, тем больше он возбуждает разговоров, тем большую славу имеет это село и тем больше любителей привлекает оно на свои бои, а если в результате боя бывает даже одно или два убийства, особенно укрепляет славу его кулачных боев”. Как видим, плата не малая, но ведь темперамент и силу какую обуздывали сии народные “потехи”! (379)

“Плата немалая” имеет место и в корриде праздника San Fermin у испанцев, который каждый год проходит с 6 по 14 июля в испанском городе Памплоне. Коррида выходит с закрытых арен прямо на улицы города. В 8 утра по сигналу открываются двери загонов, и обезумевшие от внезапной свободы быки бросаются по городским улицам в направлении стадиона. А перед быками несутся люди. Традиция проведения гонок с быками берет свое начало в 1591 г. В то время состязание носило практический характер – быков просто загоняли на арену корриды. Сейчас же это экстремальный спорт, забава, тест на смелость. Сами же испанцы San Fermin рассматривают еще и как праздник посвящения юноши в мужчину, не случайно в “эньсерро” участвуют в основном юноши. “Именно в тот момент, когда испанец бежит впереди быка, проявляя смелость и отвагу, он побеждает в себе труса, становится мужчиной” – говорят памплонцы. А струсить есть от чего. Ведь единственное “оружие”, которое позволено “cofredores”, бегущим, – это свернутая газета.

И смельчаки находятся. На старых фотографиях, где запечатлена “encierro” времен Хемингуэя, можно видеть приблизительно сотню бегунов. Сейчас по тем же улицам за те же 2–3 минуты гонки бегут уже по 15 тыс. смельчаков. Большая часть из них – жадные до адреналина туристы. Рекордным по количеству жертв стал 1924 г., когда быки растерза-

ли 13 и ранили 200 человек. И, что удивительно, большая часть тех, кто был ранен в этой сумасшедшей гонке, приезжают на San Fermin снова.

Такого рода экстремальные праздничные игры существуют у всех народов планеты.

Фасцинация массовых зрелищ

Массовая фасцинация – лучший способ управления массами посредством формирования наркотически блаженного состояния психики, массового удовлетворенного настроения, каким бывает настроение болельщиков после успешного для их команды футбольного матча или после массовых гуляний с пивом, салютами и фейерверками...

Массовая фасцинация невозможна без экстремальности сигналов-Образов (зрелищ) и аффектов. На стадионах от накалившихся страстей иногда умирают.

В. М. Литвинский справедливо, на мой взгляд, полагает, что “феномен зрелища представляет, без сомнения, универсальную константу человеческою существования, имеющую кросскультурный характер. Священный ритуал, шествие, танец, театр, карнавал, публичная казнь, спортивное состязание, эротическое шоу, наконец, массовое спортивное представление или спортивный театр образуют сложное явление культуры со своей структурой и динамикой. ... Очевидно, что само зрелище предстает как нечто происходящее в перцептивном поле наблюдателя, как нечто, обладающее статусом событийности, которая придает зрелищу яркий, впечатляющий характер, делает его предметом незабываемого переживания” (237, с.45–54).

Зрелище – то, что опирается на зрение и без зрения невозможно. Человеческая цивилизация – это зрелищная цивилизация. Массовое со-зрение необходимо для массовой суггестии-объединения в единое настроение. Зрелище, объединяя некое множество людей срежиссированной и срететированной картиной, поднимает участников до смысла этой картины. В этом великое социальное значение ритуала как формы массового активного зрелища-действия и заложенной в нем фасцинации символов и смысла. Но зрелище, суггестируя единство, с таким же успехом может и опускать его участников до уровня разъяренной толпы, которой режиссер задал доминантную эмоцию и направление разрушительного действия.

Зрелище-театр рассчитано на массовую радость и в этом смысле тоже имеет в своих глубинах социальное назначение. Жажда зрелищ должна учитываться любой властью, это знал уже Перикл и римские императоры. Нерон устраивал зрелища небывалого масштаба и смысла: он поджег Рим, а затем устроил массовую казнь христиан на арене Колизея с распятыми на крестах и львами, разрывающими тела христиан. Так он перевел гнев на невинных, да еще и укрепил римлян соучастием в зрелищной расправе, придав ей смысл справедливого наказания.

Не зрелище как таковое создает единство социума, но оно является имманентной функциональной единицей режиссуры формирования этого единства и этносов. Этнос скрепляется ритуалами-зрелищами. Невозможна без зрелищного ритуала и религия этноса. С возникновением общества возникает и группа людей – руководителей, режиссеров и лидеров зрелищ. Прежде всего это вожди, колдуны и шаманы, а позже – касты жрецов и церимониемастеры.

В. Пиккуль приводит в романе “Фаворит” такой забавный пример срежиссирован-

ного зрелища: “Поезд императрицы, выехав из Петербурга, растянулся на 14 верст, дорога до Царского Села была обставлена красочными транспарантами, дачи богачев-вельмож соперничали меж собою в искусстве иллюминации, горящие пирамиды освещали путь. Неожиданно впереди поезда раздался ужасающий грохот, из вечерней тьмы возник конус гигантской горы, кратер которой с гулом выплескивал бурную лаву. Екатерина любезно объяснила Генриху:

– Я давно хотела посмотреть на извержение Везувия...

Это “заговорила” Пулковская гора, которую русские пиротехники за одну ночь превратили в итальянский вулкан, выбрасывающий к небу потоки суматошного огня. Было уже совсем темно, когда двор прибыл в Царское Село, где сразу же начался маскарад. Екатерина явилась в костюме голландской кофейницы, с маскою на лице”.

Древние греки настолько наркотически любили зрелища, что в зрелище превращали даже войну, во всяком случае подготовку к войне и проводы своих воинов в военные походы. Исторические события, связанные с походом на Сицилию в 416–414 гг до н.э., показывают это во всей красе. Страстное увлечение большинства народа сицилийским походом было настолько велико, что даже тот, кому эта затея была не по душе, молчал из опасения прослыть неблагонамеренным гражданином. Выделяя этот штрих в огромной истории Древней Греции, хочу обратить внимание на эту любопытную особенность психологии афинян (а возможно и всех греков той поры): на их стремление покрасоваться, продемонстрировать и мощь, и великолепие одновременно. Фукидид пишет по этому поводу в своей знаменитой “Истории”, что на проводы эскадры в поход “в Пирей спустилось, можно сказать, все население города – граждане и иностранцы... В этот момент разлуки и предвидения опасностей афинян охватила куда более сильная тревога за исход экспедиции, чем во время решающего голосования в народном собрании. Но все же созерцание всех мощных приготовлений, находящихся перед их глазами, внушало гражданам и некоторую бодрость. Чужеземцы же и остальной народ собрались ради этого величественного зрелища, понимая, что дело идет о предприятии замечательном и превосходящем всякое воображение. Действительно, столь дорогостоящий и великолепный флот никогда еще до того времени не снаряжало и не спускало на воду ни одно эллинское государство... Триерархи (капитаны триер. – В. С.)... снабдили корабли разрисованными носовыми значками и украсили дорогой внутренней отделкой, причем каждый триерарх стремился сделать свой корабль самым красивым и быстроходным. Сухопутное войско состояло из отборных людей, которые всячески старались превзойти друг друга своим снаряжением и доспехами... все это казалось скорее демонстрацией мощи и богатства афинян, чем сборами в поход на врага... Этот поход стал знаменитым и возбуждал не меньше удивления смелостью предприятия и великолепием являемого зрелища, чем превосходством боевой мощи над врагом, против которого он шел.” (498, с. 273-275) Зрелища, театральность представляли собой одну из частей души древнего грека. Военный поход для них наряду с прочим должен был быть обставлен, оформлен по законам красоты, он обязан был быть красивым походом. Мысли о тяготах, опасностях, жертвах и крови отступали перед желанием видеть величественное зрелище грандиозности предприятия. Что ж, и в этом греки преуспели. Кстати, поход на Сиракузы закончился более чем плачевно, по сути поражение в Сицилии приблизило крах и закат Афин. Такова оказалась цена необузданного

влияния массовой фасцинации величия и гордости Афин, которая отключила на время рациональный разум афинян.

Не так ли собирались и отправлялись в авантюрные военные походы в гораздо более поздние времена крестоносцы, являя собой тоже по-своему грандиозные по величелию и театральности зрелища?

Внешний вид, облик военных приготовлений всегда, видимо, очаровывал человека и помогал ему обрести эйфорию победоносности, столь важную для настроя на победу. Позже страшный лик военной мясорубки приводил людей в чувство и отрезвление, но было уже поздно – машина была запущена и обязана была совершить свое убийственное действие. До следующей человеческой бойни с дьявольским красочно-возбуждающим зрелищем приготовлений.

Древнегреческий театр как форма массовой фасцинации

Но греки изобрели и то пространство-место, которое с тех пор стало типичным местом массового общения и массовой фасцинации человечества. Они изобрели амфитеатр и театр.

Пойти в театр – это означало для древнего грека испытать радостное волнение уже от одной мысли “пойти”. Собраться вместе, чтобы стать зрителями общего для всех театрального представления и предлагаемого драматургами смысла, испытать синэргические чувства – такова древняя функция театра и массового фасцинативного общения посредством театра.

Праздников у афинян было много, более 200 в году, и обходились они недешево. Перикла, который увеличил число праздников, противники обвиняли в том, что он таким способом покупает симпатии демоса. Но он прекрасно понимал, что пышные торжества – это тоже политика. Во-первых, престиж. Пусть все приезжающие в Афины убеждаются в том, сколь богата и сильна афинская держава. А во-вторых, в Афинах, где ведут споры философы, где знаменитые художники, скульпторы, архитекторы создают произведения, отмеченные высочайшим вкусом, где на каждом шагу люди соприкасаются с прекрасным, где даже самый бедный ремесленник знает грамоту, — народ достоин зрелищ, которые устраиваются для него. Он умеет отдыхать и веселиться, охотно участвует в процессиях во время празднеств и искренне переживает во время представлений.

Перикл предложил учредить особую театральную кассу – феорикон. Все желающие (прежде всего малосостоятельные афиняне) могли получать из нее во время праздников по два обола ежедневно – специально для посещения спектаклей.

Театральные дни были событием, которого ждали целый год. Театр позволял вырваться из повседневности, окунуться в торжественную, праздничную атмосферу. Он вызывал слезы и улыбки, задавал вопросы, заставлял размышлять, давать оценки. Мифологические сюжеты не мешали драматургам говорить о том, что волновало современников. Комедия же носила в ту эпоху откровенно политический характер. Она высмеивала конкретных деятелей, критиковала различные стороны государственной жизни. Она не щадила никого, даже сам демос, изображая его немощным старцем, падким на лесть, легко становящимся игрушкой в руках демагогов (именно она окончательно

скомпрометировала это слово, сделав его синонимом развязного болтуна, обманщика и корыстолюбца, заигрывающего с народом).

Доставалось и Периклу. Поэт Крагин выводил его в своих комедиях, называя его “сыном Зевса и Смуты”. Он издевался над сооружением им Длинных стен. Насмешки вызвало и предпринятое по инициативе Перикла строительство Одеона — специального здания для соревнований певцов и танцоров.

Древнегреческий театр был той формой массовой фасцинации, которая захватывала сразу и художественно-эстетические, и политические, и социализаторские чувства. Великое фасцинирующее изобретение! К нему следует добавить еще и столь же великое изобретение греков – Олимпийские игры, ставшие в современном мире общечеловеческим зрелищем.

Колизей как символ массовой фасцинации и нескучного места

Другим местом для массовой фасцинации, изобретенным в древности, был Колизей. В отличие от греческого театра, Колизей был специализирован именно на массовых зрелищах, к которым древние римляне имели буквально наркотическое пристрастие.

Одно только перечисление того, что показывали народу в Колизее, кроме известных всему образованному миру гладиаторских схваток, может привести в изумление и содрогание. Тут и морские сражения, и схватки с хищными животными, и растерзание львами и тиграми преступников (так были “наказаны” Нероном христиане), и даже зоофилия во всех мыслимых видах, до совокупления женщин с гепардами, шимпанзе, жеребцами и ослиами. Надо отметить, что римляне очень любили представления на мифологические сюжеты. Зевс, царь богов, часто насиловал молодых девушек, принимая облик различных животных, поэтому такие сцены часто разыгрывались на арене Колизея, в их режиссуре особенно преуспел некий Карпофор, который создавал сцены изнасилования быком молодой девушки, изображавшей Европу. Зрители были от таких сцен в восторге и неистово аплодировали.

Если древнегреческий театр был местом политического просвещения и политической драматургии масс, то Колизей являл собой символ вырвавшегося на авансцену популизма массового желания: “Зрелищ!” Точнее, конечно же, – “Хлеба и зрелищ!” – на голодный желудок не до гладиаторов. Отметим главное отличие массовой фасцинации у греков эпохи Перикла и римлян эпохи императоров. Если греки любили зрелища для пользы духа, то римлянам нужны были зрелища ради услаждения низменных инстинктов кровожадности и экстремальности ощущений. Сравнение показывает, насколько отличаются друг от друга массовая фасцинация (у греков) и массовая субфасцинация (у римлян).

Колизей – символ величия и могущества Рима, на протяжении многих веков являлся местом, равного которому по накалу кипевших там страстей просто не было: проходившие на арене Колизея гладиаторские бои не на жизнь, а на смерть держали в напряжении десятки тысяч зрителей. В честь открытия амфитеатра в 80 г. н. э. были объявлены стодневные игры, в ходе которых римляне смогли увидеть бои многих сотен гладиаторов, а в боях гладиаторов с хищниками было убито огромное количество львов, тигров и других зверей. По размаху празднеств с открытием амфитеатра мог лишь срав-

ниться тысячелетний юбилей Рима в 246 г., когда, по преданиям, на арене Колизея было убито 32 слона, 60 львов, 40 диких лошадей и десятки других животных – лоси, зебры, тигры, жирафы и гиппопотамы. Тогда же в смертельном бою состязались около 2 тыс. гладиаторов. Проведение боев между гладиаторами было прекращено только в 404 г., однако схватки гладиаторов с хищниками продолжались до конца VI в.

Колизей мог вместить до 70 тыс. зрителей, для которых были предусмотрены места согласно их социальному статусу.

Можно сказать, что Колизей является символом социально-управленческой философии “зрелищ!”, философии, которая царствует и до сегодняшнего дня. Зрелища, дарящие массе людей экстремальные ощущения, – лучшее и эффективнейшее средство вытесняющей фасцинации, позволяющей отвлечь человека от праздных размышлений и не очень праздных намерений. Возможно поэтому зрелища, наряду с перманентными войнами, советовал государю и Макиавелли.

Фасцинация массовых ритуальных жертвоприношений

Если веселый и торжественный праздник с общим весельем и сексуальной вольностью объединял род оптимистическим настроением, то к нему первобытный ум присоединил не менее фасциативный контраст в виде коллективных ритуалов человеческих жертвоприношений. Причем у всех народов жертвоприношения начинались исторически с принесения в жертву членов собственного социума, а затем пленных.

Кровожадность и тяга к сценической зрелищности умерщвления себе подобных у человека как биологического и социального вида труднообъяснимы. В самом деле, как можно разумно объяснить умерщвление своего соплеменника при немногочисленности рода и огромной ценности каждой человеческой жизни в условиях крайней нестабильности численного состава. Тем не менее факт остается фактом, и все народы прошли через эпоху ритуальных человеческих жертвоприношений. Сам ритуал облекался в торжественные, исполненные детализацией приготовления и стройно отлаженные церемонии жертвенного убийства, которое затем очень часто переходило в разнузданно-экстремальные сексуальные оргии, цель которых в данном случае состояла, по-видимому, в разрядке напряжения от кровавого зрелища.

Акт жертвоприношения всегда экстремален. Трансгрессия жертвоприношения для всех его участников – это заглядывание за предел жизни, в смерть, своеобразная конвенция со смертью и смертоносными силами. Не исключено, что жертвоприношения создавались первобытными социумами стихийно, как антитеза оптимистическим праздникам, как способ формирования у членов социума страха и напряжения, которые запоминаются гораздо сильнее радости (вспомним функцию амигдалы!) и способны держать социум в состоянии дисциплины. Таким образом, формы массовой чарующей и массовой устрашающей фасцинации создавали хорошо отлаженный механизм напряженной спаянности социума.

Несколько иную и весьма оригинальную гипотезу об истоках массовых ритуалов человеческих жертвоприношений представил Б. Поршнев. Парадоксальная гипотеза Б. Поршнева, возможно, нащупывает путь к пониманию глубинных нейропсихологи-

ческих механизмов гиперкровожадности человека и его устойчивой неугасающей агрессивности. Б. Поршневу представляет свой взгляд, основывая его анализом паттерна инициации у примитивных племен: “Подростков, достигших половой зрелости (преимущественно мальчиков и в меньшей степени – девочек), выращенных в значительной изоляции от взрослого состава племени, подвергают довольно мучительным процедурам и даже частичному калечению, символизирующим умерщвление. Этот обряд совершается где-нибудь в лесу и выражает как бы принесение этих подростков в жертву и на съедение лесным чудовищам. Последние являются фантастическими замещениями некогда совсем не фантастических, а реальных пожирателей – палеоантропов, как и само действие являлось не спектаклем, а подлинным умерщвлением. О том, сколь великую роль у истоков человечества играло это явление, пережиточно сохранившееся в форме инициаций, наука узнала из замечательной книги В. Я. Проппа, показавшего, что огромная часть сказочно-мифологического фольклора представляет собою позднее преобразование и переосмысление одного и того же исходного ядра: принесения в жертву чудовищу юношей и девушек или, точнее, этого акта, преобразованного уже в разные варианты обряда инициации”. Длительное сохранение человеческих жертвоприношений, уже обособившихся от функции служить кормовой базой палеоантропам, Б. Поршневу объясняет следующими причинами: в Центральной и Южной Америке крупный домашний скот почти отсутствовал и первобытный обряд сохранился до времени сложных культов, тогда как древние греки уже с незапамятных времен заменили человеческие жертвы подносимыми всякого ранга божествам жертвы умерщвляемого скота. Вполне “бессознательным” и стихийным интенсивным отбором палеоантропы и выделили из своих рядов особые популяции, ставшие затем особым видом. Обособляемая от скрещивания форма, видимо, отвечала прежде всего требованию податливости на интердикцию. Это были “большелобые”. У них вполне удавалось подавлять импульс убивать палеоантропов. Но последние могли поедать часть их приплода. “Большелобых” можно было побудить также пересилить инстинкт “не убивать”, т. е. побудить убивать для палеоантропов – как “выкуп” – разных животных, поначалу хотя бы больных и ослабевших, вдобавок к прежним источникам мясной пищи. Одним из симптомов для стихийного отбора служила, вероятно, безволосость их тела, вследствие чего весь окрестный животный мир мог зримо дифференцировать их от волосатых безвредных и безопасных – палеоантропов.

Весь огромный комплекс явлений, относящихся к разновидностям погребальных культов, т. е. бесконечно многообразного обращения с трупами собратьев и соплеменников, можно рассматривать как отрицание и запрещение повадок палеоантропов. Люди разных исторических эпох и культур всячески “хоронили”, то есть уберегали, прятали покойников, что делало невозможным их съедение. Исключением, которое, может быть, как раз восходит к интересующему нас перелому, является оставление покойников специально на поедание “дэвам” в древней дозораострийской религии иранцев и в парсизме. Не выступают ли тут “дэвы” как преемники ископаемых палеоантропов? Пожалуй, то же можно подозревать и в обряде спуска покойника на плоту вниз по течению реки, в обряде оставления его на ветвях дерева, высоко в горах и т. п. Следы использования специально выращенной части популяции неолитов в качестве кормовой базы палеоантропов и сохранились, как отмечает Поршневу, в обрядах инициации. Проана-

лизировав многочисленные данные об эволюции жертвоприношений, Поршневу резюмирует: “Таким образом, в наших глазах восстанавливается сначала кривая восходящего биологического значения этих жертвоприношений, т. е. увеличение объема жертвовой пищи для нелюдей (вернее, антилюдей), а позже начинается и затем круто заменяет эту реальную биологическую функцию символическая функция. Последняя может идти как прямо от человеческих жертвоприношений (религиозное самоубийство, самоуродование, самоограничение в форме поста и аскетизма, заточение), так и от жертв скотом и продуктами (посвящение животных, жертва первинков, кормление фетиша, сжигание, брызганье, возлияние)” (347).

Ж. Деррида приводит пример парадоксальной веселой реакции на смерть человека в подтверждение взгляда о том, что человечество изобретало не только трагические смертоносные сценарии и печальный траур. Он пишет о малоизвестном ирландском и валлийском обычай “wake”. В нем открытый гроб с покойником ставился на торец на почетном месте дома. Покойника одевали в его самый лучший наряд, на голове у него красовался цилиндр. Его семья приглашала всех его друзей, которые имели возможность оказать тем большую честь тому, кто их покинул, чем дольше они танцевали и чем крепче выпивали за его здоровье. Речь идет о смерти другого, но в подобных случаях смерть другого всегда есть образ собственной смерти. Наслаждаться и веселиться таким образом можно лишь при одном условии: считается, что мертвец, который есть кто-то другой, вполне это одобряет, и тот мертвец, каковым в свою очередь станет сегодняшний кутила, в этом смысле ничем не будет отличаться от первого. Эта веселость не входит в экономию жизни, она не соответствует “страстному желанию отрицать существование смерти”, хотя и близка к ней так, как это вообще возможно. Она не является судорогой, следующей за страхом, тем низким смехом, который затихает в момент, когда человек “оказался на волосок”, и соотносится со страхом согласно схеме взаимоотношений позитива и негатива... Напротив, веселость, связанная с делом смерти, наполняет меня страхом, она акцентируется моим страхом и взамен сама обостряет этот страх: под конец, веселый страх, утраченная веселость подают мне как какое-нибудь заливное блюдо ту “абсолютную разорванность”, в которой именно моя радость в конечном счете разрывает меня, но в которой за радостью последовало бы изнеможение, если бы я не разрывался до конца, безо всякой меры.

Разгадка “выдумки” человеческих жертвоприношений еще ждет своего автора.

Казнь как массовый экстремальный спектакль

Драма родилась на площади и
составляла увеселение народное...
Народ требует сильных ощущений,
для него и казни — зрелище
А. Пушкин

Публичная ритуальная игра человека со смертью в виде жертвоприношения трансформировалась со временем в театрализацию публичной смертной казни. Палач при-

нял на себя функцию жреца, умерщвляющего жертвенного человека. Физиологичность жертвоприношения стала физиологичностью публичной казни. Возможно, соучастие в умерщвлении является генетически заложенным паттерном, сохранившимся в человеческой биологии до наших дней, чему подтверждением служит страсть смотреть кровавые живые драмы драк, захвата террористов, расстрела бунтовщиков.

И жизнь, и смерть, и проводы в мир иной члена массового социума принадлежали обществу. “Театр” пыток и казней стал неотъемлемым компонентом зрелищно-воспитательной среды человечества на протяжении тысячелетий. Казни неизменно носили публичный характер, их производили на площадях, при большом стечении народа.

Так, традиционным местом для публичных казней над преступившими закон в России, в Санкт-Петербурге была Троицкая площадь напротив Сената. Как правило, казни собирали огромные толпы зевак. Нередко при казнях присутствовали сам царь, вельможа и сановники, генералитет, иностранные дипломаты, президенты коллегий и чиновники. Петр I публичным наказаниям придавал устрашающе-воспитательное значение. Отрубленные головы на высоких металлических шестах и скелеты, посаженные на деревянные колья, болтающиеся на виселицах, навязанные на горизонтальные колеса и т. д. “украшали” людные места в городах России долгие годы. Рекорд здесь принадлежит, пожалуй, останкам участников заговора 1697 г. – Цыклера, Соковнина, Пушкина и их сообщников. Головы казненных демонстрировались народу у Спасских ворот Кремля 30 лет (!).

На казни стрельцов, пошедших за Софьей, Петр, неистовствуя от ненависти, сам отрубил головы пяти стрельцам. Князь Меншиков похвалялся, что отрубил двадцать. Все это происходило на глазах у толпы. Гришку Талицкого и его сообщника Савина за распространение критических тетрадей о царской особе Петр I приказал подвергнуть копчению заживо: их окуривали едким дымом в течение восьми часов, так что у них вылезли все волосы, а тела истаяли, как воск (527).

В Европе нередко казнь совершалась перед домом потерпевшего, так что тот мог испытывать удовлетворение от созерцания трупа обидчика. Был обычай устраивать шествия для демонстрации преступника, влекомого из тюрьмы на место казни; при этом стремились обойти разные части города, делая остановки на перекрестках улиц, где преступник должен был громогласно каяться в содеянном и просить прощения у Бога и людей. Казни предшествовала процедура социальной деградации осужденного: с него срывали одежды, соответствовавшие его сословному статусу. Публичная казнь нередко растягивалась на ряд этапов: приведению приговора в окончательное исполнение предшествовали пытки и истязания. В крупных городах голова и тело казненного надолго выставлялись на центральной площади, в то время как отсеченные у него руки и ноги прибывали к воротам, расположенным в разных частях города. Эта процедура символизировала стремление городского сообщества наглядно исторгнуть из себя осужденного им преступника, тело которого не предавали погребению, но выставляли на всеобщее обозрение (там же).

Страдающее тело как центральный сигнал-Образ в спектакле казни

Эмоциональная память на экстремальную фасцинацию учитывалась интуитивно правящими структурами во все века, начиная с первобытного общества. Устрашение зрелищем пытаемого и казнимого тела было поэтому возведено в статус воспитательного, политического и юридического показа. Публично страдающее тело приобретало в этом социальном ритуале качество экстремального фасцинативного знака-Образа.

В изобретении способов и процедур, создающих немислимые физические страдания и муки человеческому телу, человечество проявило чудеса изобретательности, которые ужасают. Как еще можно объяснить те фантастические выдумки истязаний, если не болезненной фантазией суженного ненавистью сознания? Вот что пишет Сюй Инцю (XIV в. Китай) о прекрасной и жестокой Гаосинь, фаворитке принца Цюя. “Диной и Чаопин (наложниц принца) вывели на городскую площадь, раздели донага, поставили на колени и в таком положении привязали к вбитым в землю кольям. Затем начали случать с ними баранов, козлов и даже кобелей, к немалому удовольствию Гаосинь. Потом наложницы были разрублены пополам” (527). И все это смотрел, ужасаясь и возбуждаясь народ.

М. Фуко не случайно отвел анализу тела осужденного как страдательного жертвенного знака в главе “Казнь” книги “Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы” и показал этапы движения человечества к отрицанию публичной казни как массового зрелища. Он пишет: “Возьмем знаменитую казнь Массолы, впервые примененную в Авиньоне и одной из первых вызвавшую негодование современников. Она кажется парадоксальной, поскольку осуществляется почти исключительно после смерти приговоренного и поскольку правосудие просто развешивает на трупе свой великолепный театр, ритуально восхваляя собственную силу. Осужденному завязывают глаза и привязывают к столбу; эшафот окружен кольями с железными крюками... Пациент шепотом исповедуется священнику, и, едва он получает благословение, палач железной дубиной, какими орудуют на бойнях, что есть силы ударяет по виску несчастного, который падает замертво. Затем *mortis exactor* большим ножом перерезает ему горло, хлещет кровь. Зрелище ужасное. Палач перерезает жилы около обеих пяток, вспарывает живот, вырывает сердце, печень, селезенку и легкие и нанизывает их на железный крюк. Потом рассекает и разрубает тело на куски, которые развешивает по крюкам по мере отрубания, будто разделяет мясную тушу. Смотрят только те, кто способен выдержать”. Напоминая ремесло мясника, предельное измельчение тела связывается здесь со зрелищем: “каждый кусок словно выставляется в витрине мясной лавки” (499).

В церемониях публичной казни главным персонажем, отмечает М. Фуко, является народ, чье реальное и непосредственное присутствие требуется для ее проведения. Казнь, о которой все знают, но которая вершится втайне, едва ли имеет смысл. Цель состоит в том, чтобы преподать урок, не только доводя до сознания людей, что малейшее правонарушение, скорее всего, будет наказано, но и внушая ужас видом властью, обрушивающей свой гнев на преступника. Люди должны быть свидетелями, гарантами и в какой-то мере участниками наказания. Они имеют право быть свидетелями и требуют соблюдения своего права. Осужденного долго водят, показывают, унижают, всячески напо-

минают о чудовищности совершенного преступления, он подвергается оскорблениям, а иногда нападению толпы. Даже в XVIII в. наблюдаются сцены вроде той, что сопровождала казнь Монтини: пока палач казнил осужденного, рыночные торговки рыбой носили над толпой куклу осужденного, которой потом сами отрубили голову. Народ толпится у эшафота не просто для того, чтобы увидеть страдания осужденного или разжечь ярость палача, но и для того, чтобы услышать человека, которому больше нечего терять и который проклинает судей, законы, власть, религию. Публичная казнь допускает миг разгула осужденного, когда для него нет более запретного и наказуемого. Под защитой неминуемой смерти преступник может сказать все что угодно, а зрители приветствуют его.

Публичные казни для созерцающей их толпы превращались в род спортивного состязания: аплодисментами встречали и выходки осужденного, говорящие о презрении к смерти (неприличный жест, адресованный девушкам, просьба священнику вместо креста поднести выпивку, заявления типа “для меня смерть не страшнее клизмы” и т. п.), и мастерство палача – удачный удар есть удачный удар и на стадионе, и на эшафоте.

В начале XIX в. в большинстве стран исчезает грандиозное зрелище физического наказания; избегают казнимого тела; из наказания исключается театрализация страдания. Исчезновение публичных казней и пыток означает исчезновение особого экстремального зрелища.

Но все это возродили фашисты. Речь идет не только о публичных казнях в концлагерях и на завоеванных территориях. В Райх приводит такие факты: “В лондонской газете “Таймс” от 23 августа 1933 года появилось следующее сообщение: “Сын и дочь посла Соединенных Штатов в Берлине были в числе иностранцев, которые находились в Нюрнберге в воскресенье 13 августа и видели, как по улицам водили девушку с бритой головой. Ее обрезанные косы были прикреплены к плакату на ее плечах, на котором было написано: “Я предложила себя еврею”.

Свидетелями этого зрелища были и другие иностранцы. Поскольку в Нюрнберге всегда находились иностранные туристы, девушку водили так, чтобы в центре города на нее смогли все посмотреть. По описанию одного из иностранных туристов, девушка была невысокой, хрупкой и миловидной, несмотря на бритую голову и ужасное состояние. Ее водили возле международных гостиниц и по главным улицам, от одного кабачка к другому. Ее сопровождали штурмовики и, по словам заслуживающего доверия свидетеля, толпа из приблизительно 2000 человек. Когда она падала, рослые коричневорубашечники поднимали ее на ноги. Иногда они приподнимали девушку над землей, чтобы стоявшие подальше зрители могли ее рассмотреть. Толпа освистывала и издевалась над ней, предлагая в насмешку произнести речь.

В Ное-Руппине, неподалеку от Берлина, девушка не встала во время исполнения песни о Хорсте Весселе. За этот проступок штурмовики водили ее по улицам города, повесив ей на шею два плаката с надписью: “Я – бессовестная тварь – осмелилась сидеть во время исполнения песни о Хорсте Весселе, издеваясь таким образом над жертвами национал-социалистической революции”. В тот же день эту девушку еще раз водили по улицам. Для того чтобы собрать большие толпы народа, в местной газете было помещено объявление о времени “спектакля”.

Все это так напоминает демонстрацию унижения приговоренного к смерти в Англии далеких уже веков Томаса Мора: влачить по земле через все лондонское Сити в Тайберн, там повесить его так, чтобы замучился до полусмерти, снять с петли, пока он еще не умер, отрезать половые органы, вспороть живот, вырвать и сжечь внутренности, затем четвертовать его и прибить по одной четверти тела над четырьмя воротами Сити, а голову выставить на лондонском мосту (527).

Казнь – это семантический жест, а жест не может не быть театральным – он для того и создается, чтобы выносить чувства напоказ. И главными действующими лицами этого жеста-зрелища были многие века тело жертвы, палач и зритель-народ, “требующий острых ощущений”, по словам А. Пушкина.

Телевидение и массовая фасцинация зрелищ

Свято место пусто не бывает. Место театра публичной казни в современном обществе заняли театры террористических актов и войн, с кровавыми подробностями крупным планом показываемые телевидением. Пространство площадей публичных казней сменило пространство телевидения.

Телевидение с точки зрения подачи зрелищ массам – это виртуально растиражированный Колизей, Колизей, растянутый до размеров земного шара, современный симулякр Колизея: то, что могли видеть в древние века “вживе”, воочию 70 тыс. лиц, разместившихся на ярусах Колизея, теперь могут видеть на телевизионном экране миллионы и миллиарды при сознании, что смотрят все вместе (и перезваниваться по телефону, чтобы убедиться, что и другие видели то, что видел ты). Подобное массовое “смотрение” посредством ТВ достигло вселенского масштаба: олимпийские состязания или матчи чемпионатов по хоккею и футболу, бои боксеров и “без правил” смотрят теперь сотни миллионов и миллиарды.

В этот просмотр как зрелища включены с недавнего времени уже и военные действия. Так, в марте–апреле 2003 г. впервые весь земной шар смог увидеть войну с реальными бомбежками, танками, атаками, перестрелками. Спутниковые съемки в принципе могли бы обеспечить просмотр всей военной операции в Ираке вплоть до подробностей уличных боев. Война стала театральным действием в “натуре”, как когда-то бои гладиаторов на арене Колизея. Война стала зрелищем, каким угодно страшным и безобразным, но нескудным, разгоняющим кровь в жилах как у апологетов военной расправы над ненавистным Хусейном, так и у яростных противников войны и насилия: все прилипали к экрану и удовлетворяли потребность в зрелищах. Фасцинация зрелища была сильнее разума. Как во все времена. Как изначально заложено природой в механизмы психики, противящейся однообразию и скуке, т. е. энтропии.

Война стала зрелищем-картинкой, воистину симулякром, в отличие от тех же древнеримских зрелищ схваток гладиаторов, на кровь которых можно было смотреть с расстояния 10–30 метров и слышать их дыхание, выкрики и стоны.

11 сентября 2001 г., Нью-Йорк, взрывы небоскребов террористами с помощью самолетов. Один из знакомых рассказывал мне, что включил телевизор как раз в тот момент, когда первый самолет врезался в небоскреб и он, не услышав текста, поскольку не включил громкость, подумал: “Ну, еще один фильм”. В самом деле, на экране теракт смотрел-

ся как жуткое, но зрелище. Таков эффект телеэкрана и сформированная привычка.

“Наиболее удачную характеристику обществу 80-х дал, по мнению И. Ильина, Ги Дебор в книге, вышедшей еще в 1967 г., назвавший современное общество “обществом спектакля”, где истина, подлинность и реальность больше не существуют, а вместо них господствуют шоу-политика и шоу-правосудие” (157).

Ирина Петровская писала в “Известиях” после трагедии в “Норд-Осте”: “Между тем один знакомый подросток, ухмыляясь, заметил: “А у нас в классе все ребята называют то, что происходило на “Норд-Осте”, шоу “За стеклом-3”. Другой юный циник, увидев выразительный, но постановочный, как потом выяснилось, кадр с бутылкой “Hennessy” возле руки убитого террориста, тут же придумал к нему рекламный слоган: “Алкоголь убивает”. В дни трагедии на Дубровке мы наблюдали по ТВ, как группы молодых людей весело тусовались рядом с местом события, маяча за спиной корреспондентов, выходявших в прямой эфир, пытаясь попасть в кадр и помахать рукой родственникам и знакомым: типа “пользуясь несчастным случаем, хочу передать привет...”. Другие молодые люди, студенты, доставшие билеты на мюзикл “Нотр Дам де Пари” через день после захвата “Норд-Оста”, признавались репортеру одного из телеканалов: “Нет, нам совсем не страшно. Было бы даже прикольно, если бы нас тоже захватили террористы”.

Приведу в качестве подтверждения тяги людей к “веселому” созерцанию ужасного свидетельство Чарльза Диккенса. В 1849 г. ранним ноябрьским утром он увидел вдруг на одной из лондонских площадей толпу, ожидавшую бесплатного развлечения - зрелища казни через повешение. Ни тени скорби не было ни на одном лице. Напротив, люди отпускали насмешки в адрес осужденного, припевали, хохотали, строили гримасы... “Картина была немислимо чудовищна, – описывал свои ощущения Диккенс, – поскольку ум попросту не в состоянии вообразить это сочетание злобы и вместе с тем непринужденной веселости огромного скопления людей... Когда вдруг выглянуло солнце, оно словно бы позолотило тысячи и тысячи задранных вверх лиц, столь неопишимо отвратительных в своей жестокой радости или бесчувственности, что человеку невозможно было не устыдиться, что он человек”.

После теракта на Дубровке взяли интервью в толпе. Выглядят они в пересказе журналистов так: Иван К., учащийся ПТУ: “Я специально приехал из Подольска... Я че, дурак, что ли, дома сидеть? Посмотреть-то охота... И на ночь останусь, ларьки-то работают!” – прерывается, чтобы помахать в камеру фанатским шарфиком. Сергей М., безработный: “Я не с праздным интересом пришел, а чтоб пострадать и помолиться, меня Бог послал”. И на вопрос, мол, нельзя ли пострадать дома, а помолиться – в церкви, отреагировал моментально: “Ну, вы что, совсем не понимаете? Здесь же столько людей, и все меня слушают!”

Ужасы реальной жизни бледнеют перед экранными. Телеканалы в конкурентной борьбе за рейтинг ужесточают правила игр и шоу, чтобы вызвать у зрителя запредельные эмоции, поразить, ошеломить, шокировать.

Собственно, все террористы мира в эпоху абсолютной власти массмедиа над умами и душами людей, захватывая заложников, угоняя самолеты и взрывая дома, рассчитывают... попасть на ТВ. Поразить народ.

В октябре 1993 г. при штурме Верховного Совета правительственными войсками весь мир обошли телекадры с танками, размеренно и методично бьющими по зданию

парламента, в котором забаррикадировались избранные российским народом депутаты. А буквально в сотне метров стоит толпа москвичей, лениво попивающих пиво, пощелкивающих семечками и с интересом наблюдающих за разворачивающейся кровавой драмой. Некоторые пришли даже с детьми. Не испугали и снайперы, периодически стреляющие по празднующимся...

Мир посредством телевидения превращается уже не в спектакль, а в экстремальное шоу. И это огромная проблема.

М. Эпштейн пишет о теракте в Нью-Йорке: “Показательно, что 11 сентября террористы ничего своего в материальном смысле не вложили в акт массового убийства. Они так искусно сложили элементы высокоразвитой цивилизации – самолеты с небоскребами, – что те взаимовычленились и уничтожились. В промежутке была только готовность самих террористов к смерти, т. е. к самовычитанию.

Отсюда такое изящество террористического акта, его предельные экономность, элегантность и эффективность, которые дали композитору Штокгаузену повод эпатажно воскликнуть: “То, что там произошло, — величайшее произведение искусства. Эти люди одним актом смогли сделать то, о чем мы в музыке даже не можем мечтать. Они тренировались, как сумасшедшие, лет десять, фанатично, ради только одного концерта, и умерли. Это самое великое произведение искусства во всем космосе. Я бы не смог этого сделать. Против этого мы, композиторы, — полный ноль”. Такая эстетизация ужаса, конечно, может вызвать только ужас перед самой эстетикой. За свое эстетское высказывание великий маэстро был подвергнут остракизму, его концерты в Гамбурге отменены, репутации нанесен непоправимый ущерб.

...Нынешняя цивилизация становится хорридной (horrid — жуткий, ужасный). “Хоррор” в отличие от “террора” — это не метод государственного управления посредством устрашения и не средство достижения политических целей, а нагнетание ужаса как такового: повседневного, физического, метафизического, религиозного, эстетического...” (529).

Театр террора всегда был эффектен сочетанием драматических поз, цветовых комбинаций черного-красного-белого, наводящими жуть масками и потенциально заложенной в театральное поведение смертью. “Красота Дьявола” давно выделена в особый фасцинирующий ряд социальной публичной коммуникации и опирается на экстремальные психические механизмы и потребности человека. Но современность отличается тем, что на службу этих механизмов и потребностей поставлена грандиозная по своим масштабам и сценично-режиссерским возможностям “театральная площадка” — телевидение, а также цинизм смакования шокирующих подробностей ужаса, обеспечиваемых выхватыванием деталей и техникой наезда, создающей так называемый “крупный план”: показанная крупным планом разможенная пулями голова или хлещущая из только что перерезанного горла кровь создают гипервпечатление-аффект. Несколько таких крупных планов и для слабонервного человека психоз обеспечен. Или психологическая... зависимость по типу “хочется аварии!”.

Особенности массовой субфасцинации

В массовой фасцинации особое место принадлежит некоторой регрессии эмоций и соответствующая ей неустойчивость, которая не является только стихийной, а чаще

всего предписывается обществом как обязательная форма поведения. Так, в Древнем Риме все массовые фаллические праздники, а тем более сатурналии, проходили при разгуле скабрёзных гимнов, песен, “словесной непристойности в виде фесценнинских стихов” (181). В. Тэрнер подчеркивает широкое распространение в ритуалах примитивных племен Африки предписанной непристойности, проявляемой в скабрёзных песнях, межполовом вышучивании и похабной кинесике. Сексуальные оргии массовых праздников также сплетались с разного рода непристойными нормативными патернами. И все это не было оскорблением или унижением, каким бы непотребным ни выглядело со стороны. Это был своеобразный похабный ритуал разжигания страстей, возбуждения, выпускания накопившегося эмоционального пара будней. Эта черта первобытных массовых празднеств перешла позже в карнавальные и разного рода “потешные” праздники, которые в различных модификациях дошли до наших дней.

С этой стороной тесно сплетена другая, которую можно назвать “эротическим весельем” и которое выражало себя не только в эротическом стихотворчестве и песнях, но главным образом в эротических массовых танцах и пантомимах.

Стимулируемое эротическое веселье открывает ворота в ад субфасцинации и экстремальной фасцинации, распаивает похотливые и агрессивные страсти. Если в публичной казни центральное место спектаклю и зрелищу придает страдающее тело, без которого зрелища просто нет, то в массовом сексуальном спектакле центральное место отведено эротично веселящемуся телу с тем еще отличием, что тело это – всеобщее, а как символическое представлено роскошными обнаженными девушками и юношами, танцующими “для всех” в качестве артистов, как это происходит на движущихся платформах в знаменитых бразильских карнавалах.

Наиболее распространенной формой массовой субфасцинации является карнавал как истинно народная форма коммунитас. М. Бахтин о карнавале писал: “В противоположность официальному празднику карнавал торжествовал как временное освобождение от господствующей правды и существующего строя, временная отмена всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов”, “Карнавал не созерцают – в нем живут, и живут все, потому что по идее своей он всенароден. Пока карнавал совершается, ни для кого нет другой жизни, кроме карнавальной. От него некуда уйти, ибо карнавал не знает пространственных границ. Во время карнавала можно жить только по его законам, то есть по законам карнавальной свободы. Карнавал носит вселенский характер, это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, которому все причастны” (30).

М. Фрейденберг показала взбадривающую субфасцинацию ритуального эпажа, существовавшего тысячелетиями и в современности вылившегося в формы народных карнавалов, на примерах средневековой религиозной пародии. Древняя и средневековая пародия предполагала публичность и разыгрывалась как массовый спектакль с всеобщим весельем и хохотом. К такого рода массовым пародийным представлениям-праздникам относятся удивительные по разгулу и скабрёзности пародии на церковные службы в Средние века. Средневековая театрализованная массовая пародия разворачивалась как народный карнавал богохульства: “... что скажем мы про церковную пародию бегства Девы Марии в Египет, в которой принимало участие опять-таки все духо-

венство? Про триумфальный въезд в храм веселой девицы на осле? Сопровождаемая огромной толпой и всем духовенством, она торжественно продвигалась по городу, пока не доходила до церкви, где ее и осла триумфально вводили в храм и ставили у алтаря. Происходило пышное богослужение (в интервалах певцы и вся публика утоляли свою жажду, кормили и поили осла). После литургии все смешивались, танцевали вокруг осла, и вскоре бурное веселье переходило в разгул. Один из участников, переодетый и названный епископом, садился на осла, лицом к хвосту, и при веселых шутках толпы ездил по городу, принимая хлеб и пиво. Конец — веселая и буйная процессия с факелами и импровизация непристойных фарсов. Создается празднество *La mere folle*, во время которого на осле едет по городу мужчина, лицом назад, среди маскированной, фантастически одетой толпы, — а жена дает ему пощечины и бьет его. Рядом создаются и *sotties*, комедии-фарсы, уже изгнанные из церкви, все с тем же характером веселой сатиры, маскарада и бесчинства. Избирается *prince des sots*, которому привешиваются ослиные уши, и он триумфально шествует на осле. Что мы скажем на все это? Чем объясним выступление осла в роли господина, литургию, переведенную на язык буффонады и фарса, храмовую обстановку для гуляк и грязного животного? Перед нами пародия не столько на литургию, сколько на самого бога. И кто же пародирует его, при соучастии всего высшего духовенства? — Осел. Положительно, это такого рода шутка, каких не перенес бы ни один современный смертный! И, однако же, их охотно и благоговейно выносили именно высшие представители церкви и власти. Мало того: глумление над божеством происходило во дни больших религиозных праздников и было приурочено преимущественно к Рождеству, к Богородицыным дням, к Пасхе: кому оно предназначалось, понятно. Но есть и целый ряд других обрядов, где мы встречаемся с пародией на высших иерархов церкви, как своего рода пародией на то же божество в лице его служителей. Безнаказанно мальчишка имитирует епископа, облачаясь в епископское одеяние и в его митру, служит за епископа мессу и в компании себе подобных дефилирует по городу, пародируя и церковную процессию” (492, с. 493-496).

Традиция подобного рода массовых потех продолжается и в наши дни.

Ежегодно в ночь с 31 октября на 1 ноября оборотни, мертвецы, черти и всякие другие страшные существа выходят на улицы разных городов мира на свою ночную охоту. Криками “Заплатите или мы пошутим над вами” они будут останавливать всех встречных выполняя старинный обряд “Trick or Trick” (“Пакость или подарок”). В России к Halloween относятся больше как к развлечению, а в США он празднуется всем народом как один из самых веселых ритуалов. В Америку этот праздник привезли в XIX в. иммигранты из Ирландии. Корни же его уходят в VII век. Сохранив древний антураж в виде дьявольских масок и тыкв, Halloween утратил его важность и сейчас во всем мире это просто веселый праздник чертовщины. В этот праздник наряжаются в мертвецов и скелетов, пугают друг друга и даже бросаются тухлыми яйцами (в США это непременный атрибут праздника).

Показательна с точки зрения развития современных форм массовой субфасцинации история лавпарада, парада любви, зародившегося в 1989 г. в Западном Берлине и быстро ставшего всемирным празднично-зрелищным явлением. В 1989 г. примерно 150 фанатов техномузыки организовали на Курфюрстендамм, берлинском “Бродвее”,

демонстрацию под лозунгом: “Friede, Freude, Eierkuchen” (“Мир и согласие, радость, (жирные) блины”). Успех первой демонстрации вызвал к жизни вторую, на следующий год, с этого времени начинается перманентный рост движения – от нескольких сотен до тысяч, затем десятков, сотен тысяч участников. Начиная с 1997 г. лавпарад проходит в парке Тиргартен перед рейхстагом. Первый лавпарад в Тиргартене под лозунгом “Let The Sun Shine In Your Heart” собрал 750 тыс. человек, уже в следующем году число участников впервые перевалило за миллион, и с тех пор их становится каждый год больше и больше. Лавпарад перешагнул национальные границы Германии, с конца 90-х гг. лавпарады проходят в Великобритании, Австрии, Израиле, Южной Африке. Один из известных афоризмов лавпарадов гласит: “Музыка не знает ни границ, ни национальностей”.

Проходит лавпарад как массовый карнавал. С двух сторон с востока, от Бранденбургских ворот, и с запада, от Эрнст-Ройтер-Платц, друг другу навстречу движутся колонны мощных грузовиков, несущих многоярусные платформы с десятками go-go-танцоров, одетых, полуодетых и неодетых. Примерно 300 диск-жокеев работают одновременно. Экстремальные эмоции, двусмысленности, зашкаливающее веселье и сделавшие лавпарады столь популярными. Точь-в-точь, как древние шутовские и пародийные праздники, с тем только отличием, что посвящен музыке и любви. Парад продолжается до глубокой ночи, заканчиваясь общей тусовкой у колонны Победы. Для большинства он продолжается еще пару ночей в дискотеках Берлина.

Публичный сценический эксгибиционизм – еще одна разновидность массовой субфасцинации в современном обществе. Процесс сценического обнажения тела в массовых зрелищах начался уже в 20-е годы прошлого века, что зафиксировал, побывав в Германии, драматург Николай Эрдман: “Берлин утопает в пиве и зелени. Занимается Берлин тем, что танцует. Танцует Берлин всего два па. Первое па: правая нога на земле, левая – выше головы. Второе па: левая нога на земле, правая – выше головы. Для третьего па у них не хватает ног. То положение, что у женщины ноги выше головы, известно всякому, но для этого их вовсе не следует задираť. Но немец любит поставить точку даже над “i” с точкой. Имеется здесь в виду обозрение “Тысяча сладких ножек”. Сотни раздетых баб в продолжение трех часов демонстрируют свои конечности. Пахнет на этом обозрении, как в цирке. Во всех других театрах, кафе и кабаках идет то же самое обозрение, только под другими названиями и с меньшим количеством ног и запаха... После танца я разговорился с девушкой, которая перед тем задирала ноги перед моим столиком. Она получает за танец 30 Pf, по-нашему 15 копеек. Танцует она их в вечер штук десять. Таким образом, они платят за пару прекрасных ног полтора рубля. Во сколько же у них ценятся головы?”. Клаус Манн выразился еще четче: “Girls нового театра-ревю возбуждающе трясут задом. Танцуют фокстрот, шимми, танго, старомодный вальс и шикарный танец черта. Танцуют голод и истерию, страх и жадность, панику и ужас... Анита Бербер танцует коитус”.

Публичное обсуждение сексуальности во всех мыслимых и немыслимых ее формах открыло шлюзы подсознания и выплеснулось во всеобщую эротизацию индивидуального и общественного сознания. Традиционная субфасциативная праздничная веселость все более превращается в довольно скабрзный массовый эксгибиционизм.

Опасности для человеческой цивилизации, заложенные в массовой субфасцинации

Одним из побудителей подобной тенденции стали тотальная угнетенность и скука как феномены современного социального бытия. Это, кажется, уже признают все.

Субфасцинация в этом контексте представляет собой форму социального наркотизма азарта массовых зрелищ, выводящих человека массовой культуры из состояний скуки и депрессии. Экстремальная субфасцинация представляет собой своеобразный коммуникативно-эмоциональный стимулятор, способный затянуть в свою воронку миллионы людей, приводить их в состояние возбужденно-агрессивного психоза. Известно психотическое влияние на психику молодых людей так называемого тяжелого рока и других разновидностей музыкальной поп-культуры.

Эмоциональная приподнятость и возбужденность являются, вообще говоря, потребностью психики и общения. В этом смысле праздничные и эстрадные формы массовой фасцинации, в том числе и “легкой” субфасцинации, необходимы человеку и полезны для его эмоциональной, полнокровной, радующей жизни. Иначе не существовали бы тысячи лет праздники, театр во всех его формах, массовые фасцинативные зрелища от фейерверков до кулачных потешных боев. Но совсем другое дело, когда потребление фасцинации переходит на уровень нагнетания остроты ощущений и безумия психотической стадности, часто подстегиваемой еще и химическими наркотиками (эстрадно-завывающий, ритмический и эротизированный эксгибиционизм). Тут начинается уже опасное наркотическое заражение искусственно нагнетаемыми шоковыми эмоциями, пребывание в которых разрушительно и для психики, и для соматики. Подобная потребительская ориентация на острую субфасцинацию и экстремальность, подстегиваемая и культивируемая индустрией досуга, приводит молодежную психику в состояние перманентного праздника и безделья, сопровождаемого разного рода девиантностью. А это для будущего человеческой цивилизации путь в никуда, а, быть может, точнее – в массовое психотическое состояние и самоуничтожение (через вырождение, уход в нетрудовые формы бытия и увеличение количества суицидности и ноогенных тяжелых неврозов с потерей смысла жизни и тягой к некрофилии). Всегда в истории человечества, когда нарушался равновесный баланс между фасцинацией и субфасцинацией в преобладание субфасцинативного потребления и общения, общество приходило в состояние нравственного упадка, деградации и вымирания. Изнеженно-деградирующее, пресытившееся, усталое от оргий общество, как правило, исчезало, уступая место пассионарным формациям. Так было с Римом эпохи упадка, легко завоеванным варварами Атиллы. Субфасцинативная массовая коммуникация становится всемирной, распространяется быстро и тотально мощнейшими средствами массовой фасцинации (телешоу, эстрадная и экстрим-индустрия, всемирные конкурсы, зомбирование субфасцинативной эротизированной рекламой), каких раньше у человечества не было, и дополняется столь же тотальным нашествием химических наркотиков с сопровождением СПИДа и прочих истребительных недугов. Фасцинация высокого искусства и прелестных этнических празднеств, которые веками сплачивали человеческие сообщества, катастрофически сужает свое пространство, уступая место массовой поп- и субкультуре экстремально-вульгарного (скачущие нетрезвые стада на площадях и ста-

диомах) и симулятивно-эротизированного содержания (“порно” всех форм, культивирование эксгибиционистской внешней сексуальности, широкое использование секс-симулякров и т. п.). А это и есть наркотическая отравка интеллекта и духа, т. е. путь в тотальную Скуку. Или в ином дискурсе – к Сатане.

Мечта почти каждого школьника – стать коммуникабельным, не быть исключенным из коммуникации, попасть в кадр, стать субъектом публичного обсуждения и восторга в подростковых “тусовках”, даже если для этого надо “взорвать школу”. Это прямой результат наркотического воздействия на молодую неокрепшую психику мощно-чарующей массовой субфасцинации.

Несколько слов о терминологии

Закончить раздел о массовой фасцинации хотелось бы уточнением терминологии. Долгие годы используется словосочетание “средства массовой информации” (СМИ), причем не только для радио, газет и информационных журналов, но также для телевидения и электронных носителей. Учитывая, что телевидение в гораздо большей степени ориентировано на транслирование зрелищ, шоу, концертов, мюзиклов и т. д., т. е. стопроцентно или почти стопроцентно фасцинативных сигналов-Образов, совершенно не информационных, было бы корректным, на мой взгляд, называть все эти средства “средствами массовой коммуникации” (что часто уже и делается), имея в виду, что любая коммуникация вообще содержит в себе два кодовых канала: информационный и фасцинаторный. Массовая коммуникация – это дополнительное единство массовой информации и массовой фасцинации. Думаю, что такая коррекция названий была бы вполне уместной.

ГЛАВА X. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФАСЦИНОЛОГИИ

Развитие фасцинологии предполагает, на мой взгляд, выделение, в первую очередь, тех направлений человеческой практики, где феномен фасцинации проявляет себя эксплицитно и полномасштабно. Среди них я выделил бы сферу политики, воспитания и образования, этнических отношений и широкого распространения магии и мистики. В тезисном варианте постараюсь раскрыть некоторые аспекты развития фасцинологических исследований по названным направлениям.

Политическая фасцинология

Престиж и привилегии – это унижение.
Ф. Ницше

... Был В. Катаев... Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен. Говорил:
“За 100 тысяч убью кого угодно.
Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки...”
И. Бунин, 1919 г. Одесса

Включенность-исключенность – новая социальная парадигма человечества

Один из крупнейших современных социологов Никлас Луман еще лет двадцать назад предсказал, что в XXI столетии на смену отношениям иерархии придут отношения включения и исключения. Проблемой станет не “эксплуатация”, о которой привыкли говорить, а пренебрежение. А это значит, что некоторые люди будут личностями, а другие – только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра... (253) Кажется, этот процесс в полной развертке наблюдается в современной России.

Включенность в коммуникативно-организационные социальные структуры всегда выделялась и особым образом оформлялась в человеческом обществе. Достаточно вспомнить тайные союзы, клубы, ложи, общества, члены которых оформляли свой статус как “посвященные” и дорожили им как высшей меткой своей жизни. Тайные клубы и союзы есть уже у примитивных племен. С развитием массовых средств коммуникации общество вступило в новую фазу оформления и демонстраирования особо значимой включенности, символом которой стало участие в разного рода демонстрационных показах на телевидении. Человека, который явно “включен” в престижные коммуникативные структуры и которого долго не показывали, обычно спрашивают: “Что-то случилось?”, “Куда ты выпал?”.

Еще одним массовым видом включенности является включенность в структуры

социальных организаций: трудовых, общественных, политических, элитных. Выключенность из организации в современном обществе переживается как выброшенность на обочину жизни, ненужность, невостребованность. В первую очередь, таким синдромом страдают, конечно же, люди, потерявшие престижную работу и ушедшие “на заслуженный отдых”.

В. Франкл полвека назад зафиксировал новую психотическую массовую аномалию в современном человечестве, которую назвал логоневрозами, т. е. неврозами смысла существования, которым оказались подвержены и молодые, и старики (482). Логоневрозы ведут к снижению жизненного тонуса, потере своего Я и даже к суициду. Выключенность, исключенность из структур и коммуникаций является чуть ли не главной причиной логоневрозов. И уж абсолютной детерминантой депрессий и аутизма.

Проблематика включения-исключения, поднятая Н. Луманом, имеет актуальнейшее, на мой взгляд, значение для понимания современных социальных процессов во всем мире. Во внешних формах включение-исключение проявляет себя в первую очередь, как я уже сказал, в сфере коммуникации и прежде всего в массовой коммуникации. В этом направлении она реализуется главным образом фасциативными средствами подчеркивания включенности и не менее эксплицитного подчеркивания исключенности из структур, чему в огромной степени способствует институт публичной критики и пиар-деятельности. Исключенного шельмуют и в хвост и в гриву. Особенно того, кто был ранее в явном статусе знакового включения.

В связи со сказанным понятно, почему основными социальными настроениями и метками в современном цивилизованном обществе все больше становятся престиж и зависть.

Остановлюсь на этих феноменах чуть подробнее, сознавая, что они требуют более тщательного и крупномасштабного анализа.

Включенность-исключенность и фасцинация зависти

Зависть - сестра соревнования
А. Пушкин

“Я, Вань, такую же хочу...”
Из песни В. Высоцкого

От зависти не то что в голове зашумит – в обморок модницы падают. То есть в буквальном смысле слова теряют на время рассудок. Такова сила зависти. А. Пушкин говорит “зависть – сестра соревнования”. Вполне даже можно сомневаться в истинности оного. Скорее – сестра злобы и ненависти. Потому и зовется за-висть.

“Я, Вань, такую же хочу...” – поется в язвительной песне В. Высоцкого. Какое уж тут соревнование! То, что рядом живет такой же, как и ты человек, но разодетый в богатые стильные одежды, тогда как тебе приходится довольствоваться среднеарифметическим ширпотребом, для многих стало невыносимым знаком ущербности, особенно для молодых и привлекательных мужчин и женщин.

Психологическая защита спасает, когда речь идет о сословном обществе – выс-

шее сословие находится всегда и привычно высоко. Неприкасаемые в кастовых обществах не очень-то депрессировали от сравнения с брахманами. В старые добрые времена можно было просто считать одеяния высокородных ненашенскими, как это сделали русские крестьяне, объявив дворян немцами и французами. Но рядом были богатые купцы, промышленники и сравнение с ними было уже невыносимо. Не случайно так легко удалось большевикам расправиться с кулаками.

Низы всегда зорко смотрели на верхи, подражали им и стремились к знакам выделенности. Так, в Древнем Египте как только запрет на пирсинг пупка был снят (до этого колечко в пупок можно было продевать только женам и дочерям фараона и высшей знати), бросились прокалывать пупки все простолюдники.

Первое, что сделали когда-то большевики – они прилично приоделись в награбленное у буржуев. Л. Троцкий, как наиболее решительный и последовательный революционер, придумал даже реквизировать по всей России кожаные вещи. И реквизировали. А откуда же появились на комиссарах знаменитые кожаные курки и плащи? Фасцинация одеяния всегда была сносшибательным знаком включенности и выделенности. Императрица Елизавета Петровна даже издала указ, четко ранжировавший, кому какое платье носить и какую драгоценность выставлять. В советские времена в азиатских республиках придерживались столь же четкого правила, кому какая одежда, шапка, ботинки и сапоги положены: то, что распределялось через спецбазы для высшей номенклатуры, имело особую для каждого метку. И упаси бог нарушить правило и жене второго секретаря надеть то, что положено жене первого. Особенно забавной была дифференциация шапок. Не без иронии об этой статусном распределении престижного одеяния среди номенклатуры рассказывала мне в 1974 г. в Киргизии уже пожилая жена одного из бывших секретарей ЦК.

Так рождается зависть.

Доступность удобной, красивой, элегантно одежды – одно из безусловных завоеваний открытого демократического общества, дающего каждому проявить свои изыски в оформлении внешнего облика. И только аристократизм и бриллианты, быть может, еще будоражат воображение некоторых молодых умов, но это уже несколько иная зависть.

Зато появился новый вид зависти – зависть престижа. Собственно он существовал всегда, его осмеивали уже сатирические поэты Рима, но в наши дни он стал массовым и обострился до истерии.

Иметь эксклюзив и “прикид” от лучших домов моды и мастеров стало высшим знаком включенности. Этим замечательно ловко пользуются современные аферисты и мошенники, рядящиеся под полковников, депутатов и богатых женихов.

Зависть в основе своей, даже та, что провоцирует соревнование, злобна. Отравление психики завистью – это такая же фасцинация, как паранойяльная мания. Она захлестывает мозг, провоцируя злобствующую психологию и злобные поступки. Хорошо, если уровень зависти и завидующего – это Эллочка Людоедка с ее шубкой из псевдоамериканского тушкана (хотя ведь и Эллочка постоянно требовала у мужа по принципу “Я, Вань, такую же хочу!”). Значительно хуже, когда зависть начинает разъедать своей фасцинацией психику Раскольниковца или разночинца, влюбившегося в княжну. Тут уже прямая дорога к преступным фантазиям по типу “отобрать”. За по-

добного рода фантазиями очень часто следуют действия-поступки. Так в России сложился слой “организованной преступности” из бывших спортсменов и служащих отделов снабжения с примесью сотрудников правоохранительных органов, всегда недовольных низкой зарплатой и невеликими служебными привилегиями. Предмет зависти расцвел у них на глазах пышным цветом фазенд и автопарков “новых русских”– олигархов. Завидно. А чем я хуже? Отчего же не пограбить!

Но есть еще одна часть общества, которой не дает покоя чужая неправедная роскошь. Я имею в виду все тот же “пролетариат”. В 1917 г. пролетариат легко поддался на идейную провокацию большевиков “грабить награбленное”, хотя то, что большевики назвали “награбленным”, было веками потомственной частной собственностью семей и родов. Разграбили. Теперь ожидание “грабить награбленное” значительно легче исполнить, потому что то, что можно отобрать, присвоено знакомым Сидоровым у “народа”, да еще самым свинским образом – на глазах у всех и почти бесплатно и по сговору с чиновниками, которые тоже ухватили себе жирные куски. Таким образом, сложились два слоя завистников: один перешел к “практическим действиям” (организованная преступность), а другой – к озлобляющему и разрывающему душу ожиданию: “Когда же наконец разрешат “грабить награбленное?” Совсем не случаен мощный и масштабный увод “награбленного” за пределы любимой Родины – от греха подальше. Поэтому-то Макс Фриш, назвавший социализм – идеологией зависти, недалек от истины. Все дело в том, сколько в населении страны завистников и есть ли те, кто поднесет зажженную спичку к пороху зависти, взорвав субфасцинацию.

К. Лоренц назвал восемь смертных грехов, угрожающих цивилизованному человечеству (246). Я добавил бы еще один грех, рожденный процессами включения-исключения, – безудержную манифестацию включенности с примесью зависти. Или Зависть с примесью псевдовключенности в историю. То, что Ж. Бодрийяр обозначил как жажду смотрения на телевидении. Все бросились в процесс включенности в престижные структуры и коммуникации, а еще больше – в игру во включенность, в имитации включенности. Что лучше всего, повторюсь, получалось всегда у профессиональных аферистов.

Зависть и политика сдерживания-выживания

У проблемы фасцинации зависти и фасцинирования престижем есть еще одна ипостась. После революции 1917 г. в России поумневшие правительства и богатые классы Запада поняли, что шутки с бедностью народонаселения плохи – запросто могут взять и поделить. Масла в огонь подлили революции в Германии и Венгрии. Срочно и масштабно стала распространяться философия и политика благосостояния: высвобождение от излишне длинного рабочего времени, поощрение профсоюзов, увеличение заработной платы, создание многочисленных благотворительных фондов, пособий, грантов, стипендий и т. д. При том, что западный трудящийся человек и так был намного лучше обеспечен, чем российский. Льва Толстого удивляло, что норвежский наемный работник обязан был быть при найме обеспечен наймодателем обильным обедом с бифштексами и часовым перерывом, в противном случае он имел право отказаться от работы и обратиться за защитой его прав к государству, что неоднократно и делалось, принося плоды окультуривания наймодателей. Россий-

скому трудящемуся в начале XX в. о таком положении можно было только мечтать. Ясно, что после урока 1917 г. Запад еще более поумнел. Другими словами, единственный надежный и гуманный уход от “идеологии зависти” – сытый желудок, равные возможности и “приличный прикид”. А “игра с огнем” – это неспособность жадного поделиться с бедным и стягивание с бедного последней рубашки. Вот уж где провокация на злобную зависть и мечту о спичке! Кажется, именно по такому пути идет современная российская буржуазия и обслуживающий ее и кормящийся от нее класс бюрократии.

Зависть и престиж. Фасцинация зависти

Потенциальное унижение выключения особенно проявляет себя в “престижности”. Погоня за престижными вещами и аксессуарами в низкокультурной среде приобретает анекдотично гротескные формы. Один из известных актеров (не помню кто именно, кажется, С. Юрский) в беседе с ним на ТВ рассказал как о примере диковатой престижности о своей встрече с давним знакомым, который в годы реформ сказочно разбогател на спекуляциях. В ходе беседы знакомый постоянно крутил ручкой с надетыми на нее золотыми часами, наконец не выдержал и прямо спросил: “Не заметил, какие у меня часы?” – и назвал какую-то престижную заморскую марку, добавив: “У меня таких двадцать штук”. Ему так хотелось поразить, но, не увидев на лице актера никакого удивления или восторга, он как-то сник, заскучал.

Эразм Роттердамский отметил эту черту в его современниках так: “...я нередко развлекаюсь, глядя на этих долгохвостых (на придворных. – В. С.): вот юная дама, что таскает за собой длиннейший шлейф, вот здоровенный детина... счастливый тем, что на шее у него красуется тяжелейшая цепь, выставляющая напоказ не только богатство, но и телесную силу своего владельца” (373, с. 193).

Итак, если ты “включен”, но у тебя нет какого-нибудь “этакого” знака престижности, в душе разливается неудовольствие. Но что такое “неудовольствие”? С психологической точки зрения это то, что вызывает стресс и фрустрацию. А фрустрация – это негативное угнетенное состояние, находиться в котором мучительно, а то и унижительно. Это не просто плохое настроение, это именно агрессивное, т. е. эмоциональное и умственное состояние, зывающее к адекватному ответному действию. Затяжная фрустрация, возникающая в ситуациях подавления агрессивного действия, приводит к депрессии и более глубоким психическим негативным состояниям, вплоть до апатии и суицидных влечений. Одним словом, агрессивное состояние крайне опасно, будь это действие или подавленная реакция. В первом случае ты агрессор, пусть и справедливо ответивший на агрессию другого, во втором – депрессант. То и другое разрушительно. И быть может, более разрушительно для самой личности второе состояние. Поэтому-то так опасно унижение человека, доведение его до уровня “пресмыкающегося”, до человека перманентно и постоянно недовольного. Сравнением, разумеется, в первую очередь.

“Престиж” оказался явлением настолько психологически желанным и удобным для включенной в знаковые структуры и коммуникации части членов общества, что во внешнем облике стал демонстрироваться не только статус как таковой, но и его

специальное подчеркивание, акцентировка выделенности как особой породы, заслуженного богатства, физической красоты и т. д. Одним словом, человеческое общество посетило низменное стремление демонстрировать возвышение, которое неизменно сочетается с унижением тех, кому это возвышение демонстрируется.

Кстати сказать, все аргументы противников коммунистического равенства, убеждающие в изначальном природном человеческом неравенстве, малоубедительны для тех, кто на ступеньку “ниже”. Я встретил лет тридцать назад неожиданное тому подтверждение в лице подвыпившего приятеля, который вдруг высказался в том смысле, что “гений – это оскорбление”. Соль заключается в том, что автор этого афоризма был вполне успешным тридцатилетним кандидатом физико-математических наук и доцентом кафедры одного из престижных московских вузов. Я тогда не стал допытываться, имел ли он в виду Эйнштейна или заведующего своей кафедры. Но афоризм запомнил и цитирую его как пример заложенных в человеке интенций зависти и озлобленности на свою неудачливость или ущербность. А если неудачливость и ущербность зависят не от вас, а от кого-то другого? А если они к тому же еще и подчеркиваются кем-то? Напрашивается сходный афоризм: “Бедность – это провокация”. Бомж почти всегда вор. Богатый может быть разве что клептоманом.

Фасцинация сильнее рассудка. Она обращена к сильным эмоциям, часто первобытнейшим. Фасцинация зависти ослепляет. Фасцинация ущербности оглушает.

Зависть, конечно же, не Идея, а сложное параноидальное чувство. Чувство, особенностью которого является “эффект застревания”, долговременного эмоционального кружения до явления навязчивости. Говорят, “зависть душу точит”. Но, как показано было в разделе о нейрофизиологических механизмах фасцинации, любое стойкое застревание образуется доминантой и в этом-то доминантно-перманентном качестве фасциативно.

Фасциативные сигналы престижа

К. Лоренц приводит ироничный пример действия зависти: “Как могут припомнить старые знатоки автомобилей, у машин фирмы “Бьюик” были раньше по обе стороны капота лишённые каких бы то ни было функций отверстия с хромированным краем, напоминавшие по форме бычий глаз; у восьмицилиндровой машины было с каждой стороны по три таких дыры, а у более дешевой шестицилиндровой – лишь по две. Когда фирма в один прекрасный день стала делать по три бычьих глаза также и на шестицилиндровых машинах, эта мера возымела желаемое действие, продажа машин этого типа резко увеличилась, фирма нуждалась в таком утешении, поскольку получала бесчисленные жалобы от владельцев восьмицилиндровых машин, горько сокрушавшихся, что им придется делиться подобающим лишь их машинам символом статуса с владельцами машин низшего ранга” (246). Всего лишь маленький штришок в оформлении автомобиля, а какие страсти!

Именно поэтому сто раз прав Ф. Ницше, сказавший: “Престиж и привилегии – это унижение”. И они провоцируют агрессию.

Нет ничего унижительнее в поведении людей, чем подчеркивание своей высоты в

сравнении с окружающими. Такой человек, стремясь самовыразиться и подавить окружающих, вызывает в них злобу. Социальная ненависть не выдумка марксистов, а вполне реальная психика, которую марксисты лишь объяснили по-своему и вывели из нее необходимость ответной реакции – диктатуры пролетариата.

Имитация и манифестация включенности

Как я уже отметил выше, Жан Бодрийяр назвал нашу эпоху веком манифестации – все рвется на экран ТВ, но чтобы это произошло, совершают какой-нибудь эффектный поступок и объявляют об этом, чтобы привлечь внимание, или “подсоединяются” к кому-нибудь, кто “включен”. Артур Кестлер назвал это “комплексом Крийона”. Комплекс этот “можно приблизительно определить как стремление участвовать в историческом событии или хотя бы при нем присутствовать. На первый взгляд может показаться, что эта слабость свойственна немногим: одним лишь честолюбцам и завистникам; но, по-моему, это недуг более серьезный, чем думают, и поражает он, в той или иной степени, великое множество людей.

Мария Б. являет собой крайний случай этого заболевания, у нее “комплекс Крийона” вылился в желание “переспать с историей” – она знакомится и спит со всеми знаменитостями. Более умеренная его разновидность – это широко распространенное желание свести знакомство со знаменитостями и “историческими” личностями... Толпой людей, которые готовы на все, лишь бы хоть краем глаза поглядеть на коронацию, на заезжего государственного мужа или на извержение вулкана, руководит, хотя бы отчасти, желание “присутствовать при рождении истории”, участвовать, пускай пассивно, косвенно, в важнейших событиях своего времени.

Комплекс Крийона порождает весьма трогательную разновидность социального сноба – “соглядатая истории”, одержимого желанием состоять при важных лицах, дружить с теми, кто в той или иной сфере влияет на свое время. <...> Мы тяготеем к тем, кто отличился на каком-то поприще; к тем, кто приобрел “вес” в своем профессиональном кругу и чьи достижения, пусть даже совершенно нам неинтересные, возможно, определяют лицо нашего времени. Не важно, будет ли то политика, китаеведение или коллекционирование табакерок; не важно, каковы человеческие качества этих персон. Ценность человека на рынке социальных отношений определяется не тем, что он есть, а тем, что он собою, в буквальном смысле, представляет. Мало быть самим собой – необходимо быть с “кем-то” (180).

Похоже на то, что проблема фасцинации зависти и престижа может стать одной из важных тем политико-фасцинологического анализа.

Другими важными проблемами политической фасцинологии я назвал бы фасцинаторные аспекты политической критики, политической PR-деятельности и политической рекламы.

Фасцинация политического поступка и политическая репутация

Власть нравственности в человеческом общежитии – это власть поступков и репутации. Можно иметь лицо и потерять лицо. Честь берегут смолodu, чтобы иметь добрую репутацию.

Н. Устинова в диссертационном исследовании “Политическая репутация: сущность, особенности, технологии формирования” показала, насколько репутация стала в современном обществе не только нравственной, но и политической категорией. Борьба в сфере политики во все большей степени разворачивается вокруг репутаций политиков. Формирование “нужной репутации” стало заботой политтехнологий. Н. Устинова пишет: “Создаваемые российскими политтехнологами имиджи имеют мало общего с личностными качествами политиков. Имидж становится не отражением внутреннего мира человека, его Я-концепции, а представляет собой “маску”, “политический макияж”, виртуальный образ, за которым скрываются нежелательные факты биографии политика...” (447). Практика политической борьбы в России последних лет как нельзя лучше подтверждает это. И конечно же, можно полностью согласиться с Н. Устиновой в том, что последние годы ознаменовались в российской политической науке появлением так называемого “репутационного менеджмента”, включаемого в технологии формирования имиджа политика. Развитие идей в этой сфере научного анализа может пролить свет на многие аспекты потаенной политической борьбы в российском обществе.

В свое время на зависимость репутации личности от ее социальных поступков обратил внимание М. Бахтин в его замечательной работе “Философия поступка” (31). Человек не просто деятельное существо, он всегда совершает те или иные действия по отношению к другим людям как поступки. В этом аспекте поступок-действие человека, а тем более политика, всегда семантически наполнен, содержит в себе смысловую составляющую, а значит, и оценочную – вплоть до символической. Именно семантико-символические ресурсы поступка и делают его репутационным. Римлянин Муций Сцевола мог бы не рисковать своей рукой, но он это сделал, совершив поступок, оцененный современниками как героический и вошедший в историю человечества как поступок-символ жертвенности ради Отечества. Таковы все поступки геройского семантического наполнения – они символичны, и потому фасциативны (173). А вот другой пример символизма поступка, влияющего на репутацию политика, но уже не геройского в абсолютном значении, а двусмысленного: то ли героизм, то ли предательство. Я имею в виду поступок политика-сенатора Брута, ознаменовавшийся репликой-метафорой Юлия Цезаря: “И ты, Брут?!” На мой взгляд, именно поступки представляют собой главную детерминанту политической репутации, ибо политика нет вне социального поступка. Таким образом, репутационный менеджмент неизбежно включает в себя менеджмент поступков. Возможно даже “индустрии политических поступков”, как сейчас это складывается в “репутационном менеджменте”. На практике этот постулат обретает самые разные формы. Есть политики социально значимых для общества реальных поступков, есть другие – играющие “в поступки”, т. е. продуцирующие их от случая к случаю, к ситуации, часто только в

момент предвыборной суеты. Наконец, есть и такие, которые сочиняют мифы о героических поступках, призванных создать им привлекательный имидж. Так, в одной из предвыборных баталий политтехнологи сочинили своему клиенту-соискателю на депутатское место спасение в бытность его учеником десятого класса утопающей в речке девочки. Соперники проверили, поспрашивав у знакомых, учителей, даже родственников. Оказалось, что, во-первых, кандидат в депутаты в те годы не умел плавать, во-вторых, был заметно трусоват и, наконец, такого поступка в его биографии попросту не было. Превращение выдуманного поступка в факт репутации является иногда делом техники пиар-технологий и используется в ходе политического соперничества все чаще. Сказанное показывает, насколько интересной для исследователя может быть проблема фасцинации политической репутации в ее связи с социальными поступками политика.

Черный пиар. Черная психика. Шизофренизация электората

Еще одна актуальнейшая проблема политического коммуникативного взаимодействия в современном обществе – политическая реклама и политическая PR-деятельность, особенно в процессах демократических выборов в парламенты и на высокие государственные должности.

Демократию можно определить как соревнование пиар-презентаций. В этом процессе все более значительно место отвоевывает театр “черного пиара”, т. е. деятельность по разрушению добрых репутаций, созданию политических зомбирующих скандалов, очернению поступков и личностей, включенных в политические структуры и коммуникации. Я назвал бы этот театр черной мошеннической драматургией в борьбе за власть.

История подобной драматургии уходит в глубь веков. Известны своим разрушительным влиянием так называемые “прелестные письма” вожаков народных бунтов всех времен и народов, представлявшие собой набор ярко фасцинативных призывов с посулами богатства и свободы. Популизм был всегда главным оружием завоевания симпатии толпы для жаждущих попасть во власть.

Во время противоборства царевны Софьи и Петра за престол Софья использовала такой “черный театр”: она попыталась убедить народ в своей способности творить чудеса. Для этого уговорили одну “знатного отца дочь вклепать в себя беснование”, т. е. стать “кликушей”. Явление кликушества в те времена было очень широко распространено. Когда же девушка “закликала” во время службы в Успенском соборе Кремля, Софья стала усердно молиться перед Владимирской Божьей Матерью и тем “исцелила ее”. На другой день весь город только об этом и говорил. С той же целью сторонники Софьи содержали на жалованье женщин, имитировавших кликушество. Когда царевна ехала в Новодевичий монастырь, она останавливалась на пути и на глазах у всех исцеляла их.

Игры эти значительно подняли авторитет Софьи в глазах москвичей, однако не смотря на это акции ее держались недолго. Петр I, разгадав нехитрый маневр царев-

ны, приказал принародно высечь плетью мнимых кликуш и их как ветром сдуло.

Широко известен исторический факт технологии расправы над православной церковью, которую сконструировал великолепный “черный пиарщик” В. Ленин. Он срежиссировал и запустил в общество по всем существовавшим тогда каналам слух о том, что в то время как народ голодает и умирает, попы набивают церкви золотом и жиреют. Дождавшись народного негодования, затем приступили к разгрому церкви, экспроприации церковного имущества, главным образом, конечно же, золота и драгоценностей, разрушению церковных храмов, арестам и расстрелам священнослужителей.

По сути, весь так называемый “черный пиар”, широко в России применяемый в избирательных кампаниях, а в последнее время и в конкурентной борьбе корпораций, есть в основе своей не что иное, как конструирование эффективной дезфасцинации, возбуждающей в избирателях или потребителях неприязнь и недоверие к оппонентам. Современная реклама буквально пронизана дезфасцинацией – демонстрированием эффективных картинок о несуществующих качествах товаров и услуг. В еще большей степени свойственна дезфасцинация рекламе магов и целителей с их обещаниями излечить все болезни сразу, снять порчу и сглаз, а заодно настроить тело и душу на сплошное счастье и удачу.

Не случайно некоторые авторы применяют одно из определений фасцинации как технологии “зомбирующе-чарующего массового воздействия” (270).

Я уже показал выше, что возможна дезинформация, осуществляемая методом шоковой фасцинации. Так, метод “психологического шока” удачно применяли еще в Первую мировую войну. Пресса буквально “бомбила” массовое сознание статьями о жестокости солдат кайзера. Изуверские картины должны были вызвать ненависть ко всем немцам. Вот несколько примеров, почерпнутых из статьи Р. Зульцмана “Пропаганда как оружие в войне”. Всю мировую прессу обошла ложь об отрубленных солдатами детских руках. Для католиков была придумана легенда о распятии католических священников: их якобы подвешивали к колоколам. Самой “гнусной и одновременно самой действенной ложью” стало сообщение о том, что немцы перерабатывают трупы солдат, своих и чужих, на стеарин и на корм для свиней. Общественность негодовала. Для Китая это сообщение стало формальным поводом для вступления в войну на стороне Антанты. Заметка о том, как кайзер добывает жир из трупов солдат, раздула пламя ненависти среди американских граждан и среди народов других цивилизованных стран. Совершенно нормальные люди, узнав об этом, сжали кулаки и бросились к ближайшим бюро по вербовке в армию.

Вот другой исторический пример манипуляции общественным мнением, который привел Томас Карлейль: “В мае 1750 года полиция, проводя очередную чистку, решила заодно забрать и детей некоторых уважаемых лиц, надеясь получить за них выкуп. На площади стали собираться возбужденные толпы народа, слышались дикие крики обезумевших матерей. Многие тогда поверили отвратительной и нелепой басне, будто доктора прописали одной важной особе принимать ванны из детской крови, чтобы восстановить собственную, испорченную развратом” (172).

Геббельс – всего лишь эпигон, применивший “давно забытое старое”, когда постулировал для германской пропагандистской машины принцип “грандиозности лжи”

Робер Эскарпи в романе “Литератрон” придумал для своего героя-шлута “лите-

ратрон” – красивую и звучную пустышку, с которой тот оболванивал избирателей. После краха литератрона, плут начал придумывать новую игрушку – позиохлотрон. Плут Робера Эскарпи знает, что он плут и находит себе оправдание: такие, как мы, нужны, чтобы людям не было... скучно.

Позиохлотрон – замечательно! М. Г. Ярошевский применил сходный термин, описывая особенности зомбирования на российском телевидении, – “охлотелесуггестия” (538). К. Лоренц, опираясь на М. Эриксона, предполагал существование особого человеческого типа, которого можно назвать “охлотроп”, настолько он суггестивен (246). А охлопиар по зомбированию пенсионеров в России в ходе избирательных кампаний всех уровней стал уже давно азбучной технологией.

Многие политтехнологи России, занимаясь гораздо более откровенным, чем герой Р. Эскарпи, плутовством, притворяются, что они не какие-то там плутишки, а профессионалы-политологи (!) и политтехнологи (!!). И учат – даже и не замечая, что учат, – плутовству. Как это выглядит, можно подробно прочитать в популярных руководствах по политическому манипулированию и так называемому социальному программированию (аналог – НЛП, нейролингвистическое программирование).

В одном руководстве по практике PR в политике и предвыборных кампаниях, которое я вначале принял за сатиру, но при чтении выяснилось, что это труд вполне серьезный и с серьезными намерениями, черным по белому напечатано под заголовком “Нагнетание ужаса” вот такое: “Есть такой прием – японская слезка. Это когда на перекрестке рядом с вами тормозит автомобиль, а в нем сидят три рослых парня в черных очках и внимательно на вас смотрят. А если вы еще вечером обнаружите за собой хвост, а у подъезда странную машину, а еще и окажется, что в замке кто-то покопался, то тремор будет полный. В этой ситуации и при частых жалобах руководители кампании, отвечающие за своих людей, предпринимает дополнительные меры безопасности. Живут в куче, тратят бабки на сопровождение и охрану и думают только о безопасности, ходят тройками и проч. А всего-то надо закрепить за их штабными пару десятков студентов-ходунков да пару-тройку машин, пусть три дня потреплют нервы, а им шухер будет на месяц.

Можно еще повеселиться, используя всякую мистическую чепуху, например, возле квартир, где живут штабные, пролить лужу бычьей крови или просто кровавую дорожку, обновляемую каждый день, чертить. Можно подбрасывать дохлых кошек и крыс, просто тухлое мясо и проч. – все это есть на рынке. Очень действует на нервы (последний абзац – шутка)” (279, с. 68). Если последний абзац и шутка, то какая-то, мягко говоря, болезненно-странная, тем более один к одному повторяющая суть предыдущего нешуточного абзаца. Или вот еще один совет под заголовком “Подрыв инфраструктуры”: “Если периодически отключается электричество, если постоянно виснут компы, если заняты или отключены телефоны – работать невозможно. Тут можно и диверсии соответствующие устраивать. Например, с компьютерной сетью. Существует масса способов. Например, зашел человек в штаб, оставил секретарю дискетку, дескать, передайте вашему начальнику, Петров просил занести. Тот, недоумевая, почему Петров не предупредил заранее, вставляет ее в комп, и всей сети кранты. Есть и обычные хакерские способы уничтожения сетей. И не верьте тем, кто говорит, что все защищено надежно. Пентагоновские сети по несколько раз в день

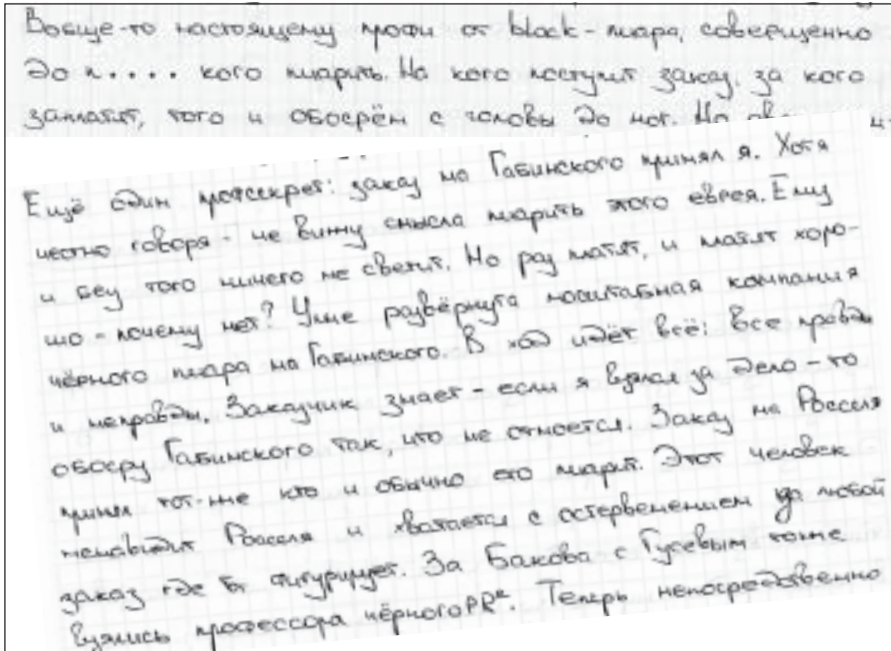
хакают, что уж говорить о наших штабных сетях. Хорошие специалисты за пару тысяч долларов (и столько же премиальных) сделают все в лучшем виде” (там же).

Авторов, по всей очевидности, уже давно засосала субфасцинация великой роли политтехнологов-гуру в избирательных кампаниях, о чем свидетельствует форма книги-поучения и языковой стиль с “бабками”, “крантами” и “шухером”. Вспоминается остроумное замечание Фазиля Искандера: “...Нравственно здоровый человек сам никогда мысленно не вторгается в область аморальных комбинаций. Поэтому он крайне наивен в этой области. Такой человек, узнав, что некий политический деятель при помощи такой-то сложной манипуляции человеческими страстями добился власти, хотя и осуждает аморальность этих манипуляций, одновременно может испытывать и некоторое уважительное восхищение:

– Мне бы такое никогда в голову не пришло!

Тем самым как бы частично признавая недоразвитость своей головы” (161). Недоразвитость недоразвитостью, но при феномене “готовности верить”, о котором я говорил выше, создается база для массовой шизофренизации.

Другой политтехнолог из Екатеринбурга (так он себя представил), пожелавший остаться анонимным и очевидно из-за анонимности разоткровенничавшийся, написал мне по поводу моих критических выступлений в прессе письмо каллиграфическим почерком на шести листах формата А4 в клеточку (возможно у него не было своего ПК). Наряду с выпадами в мой адрес, он выразил и такие максимы (см. фото), которые я и привожу здесь только для того, чтобы показать, насколько засасывает экстремальная фасцинация в политконсалтинге, насколько близки эти “профессионалы black-пиа-

Вобщем-то настоящему мочи от black-маря, совершенно
до и... кого маришь. Но кого мстит заказ, за кого
замалывает, того и обворён с головы до ног. На п... 4

Ещё один секрет: заказ на Габинского у меня я. Хотя
целого говора - не вижу смысла маришь этого еврея. Ему
и реу того ничего не светит. Но реу мают, и мают хоро-
шо - почему нет? Уже развёрнуто масштабная кампания
чёрного маря на Габинского. В ад идёт всё: все права
и неправды. Заказчик знает - если я врал за дело - то
обвору Габинского так, что не отмоется. Заказ на Россия
у меня тот же кто и обычно от маря. Этот человек
маришь Россия и маришь с остервенением за любой
заказ где бы фигурирует. За Бакова с Гусевым тоже
визит профессора чёрного PR. Теперь непосредственно

ра” к “нагнетанию ужаса” и более опасным проделкам с общественным сознанием. Точно так же, как глупость не есть отсутствие ума, а только такой ум, погружение в “black-PR” не есть отсутствие нравственности, это такая соединенная с психопатическим воображением и анонимностью нравственность (“черный” пиар всегда анонимен, неанонимный, открытый пиар – это критика).

30 августа 2005 г. на столбах, стенах и заборах Екатеринбурга по ул. Малышева появились объявления такого содержания: “**Дискредитация. Устранение конкурентов.** Телефон *(указан телефон)*”, “**Стратегический шпионаж** *(телефон тот же)*”, “**Выполним любой PR** *(телефон тот же)*”. Все три объявления выполнены изящно в небольшом формате и с фирменной эмблемой. Понятно, что объявления эти представляют собой спланированную акцию-провокацию по дискредитации этой самой фирмы. Я привожу их как живое свидетельство не только изобретательности “профессоров черного пиара”, но и тех клише, которые распространены в их среде: “шпионаж”, “устранение конкурентов методом дискредитации”... Точно по цитированному выше популярному руководству.

Б. Малиновский, анализирувавший досконально процессы магии у примитивных племен, пришел к выводу, что “на всякую магию существует своя противомагия. Если, как мы показали, магия рождается из сочетания упорного желания человека со своей прихотью случая, то каждое желание, положительное или отрицательное – каждое “хочу” и каждое “не хочу” – должно иметь свою магию. Во всех своих социальных и вселенских амбициях, во всех своих стремлениях добиться счастья и завоевать благосклонность судьбы человек действует в атмосфере противодействия, соперничества, зависти и недоброежелательства. Ибо удача, собственность и даже здоровье – вещи соизмеримые и сопоставимые, и если ваш сосед имеет больше скота, больше жен, больше здоровья и больше власти, чем вы, то вы чувствуете себя превзойденным и униженным. И такова уж натура человека, что он испытывает от чужих неудач столь же острое удовлетворение, как и от своих успехов. Этой социологической игре желания и “противожелания”, амбиций и враждебности, успеха и зависти соответствует игра магии и “контрмагии”, или же магии белой и магии черной” (265).

Черную пиар-магию можно рассматривать как снежный ком, несущийся под гору в политической борьбе амбиций, маний и престижа. Любой черный ход специалиста по black-пиару с неизбежностью рождает ответный ход такого же наполнения. Увы, таковы особенности страстной и во многом экстремальной политической борьбы. Итогом черных технологий становится то, что многие социальные психологи называют массовой шизофренизацией электората. Кажется, наступила пора говорить уже и о массовой шизофренизации общественного сознания в целом.

Разум слаб, чтобы противостоять массовой фасцинации и субфасцинации. И это становится одной из острейших проблем общества, социальной психологии и политологии.

Педагогическая фасцинология

Идеалы—это основа выживания.

Дж. Гленн

Ограничусь небольшим очерком проблем, которые могут стать основой педагогической фасцинологии. Дело не в том, чтобы, как делают некоторые исследователи, выявить фасцинативные элементы в педагогической деятельности и личности педагога. Гораздо более серьезной и, как мне кажется, насущной задачей является включение фасцинации в само содержание педагогического и воспитательного процесса в качестве системобразующей составляющей. И педагог, и его труд, и методики преподавания, и воспитательный процесс всегда тяготеют к фасцинации и дело заключается в том, чтобы фасцинация стала не только педагогическим приемом, но и педагогическим содержанием.

1. В первую очередь, следует отметить огромную актуальность для современной системы воспитания и образования развитие у детей полноценной и богато дифференцированной сенсорики как основы активного восприятия мира и формирования развитого “ориентировочного рефлекса” (по И. Павлову), т. е. развитой и хорошо сенсорно обеспеченной тяги к познанию всего нового, непознанного, интересного, любопытного. А это и есть основа формирования познания и знания, т. е. того, что закладывается в детские годы в детских садах и школах.

Педагогика детского возраста обязана, как мне кажется, не только знать, но и тонко учитывать и использовать эту закономерность формирования фасцинативной чувственно-эмоциональной системы у человека.

Я бы сказал, что в современной школе желательно иметь еще и **школу развития сенсорики**: тонкого слуха, гармоничного цветового зрения, тонкого осязания, вкуса и нюха. Возможна даже школа тактильности как особого значения сенсорной чувствительности, необходимой каждому человеку для полноты радостного отношения к жизни. В США уже применяется, если так можно выразиться, “педагогика” щекотки младенцев для развития базовой тактильности.

В. А. Ширшов совершенно справедливо отметил, что “фасцинационные свойства такесических знаков (в переводе с греч. “прикоснуться”) слабо изучены в теории педагогики. Такесические знаки связаны с различными прикосновениями (поглаживания, отталкивания, обнимания, рукопожатия, поцелуи, похлопывания, удары, почесывания, танец как комплекс невербальных знаков и т.д.). Можно утверждать, что любая такесика содержит элементы фасцинации. Это происходит в результате мгновенной обратной связи (реакции) на прикосновение. ... такесика может будоражить, радовать, умирять, успокаивать, пробуждать воспоминания, давать надежду и т. д. Учителя младших классов, воспитатели интернатов и детских садов отмечают сильное фасцинационное воздействие поглаживаний, поцелуев, обниманий детей. Дети буквально ждут этих воздействий и стараются при случае продлить их действие по времени” (457).

Чем более совершенна сенсорика, тем увереннее соматика и психика, тем полнее

фасцинирующий мир личности, тем труднее совершиться зацепке на какую-либо аддикцию и перверсию. Психика становится многомернее, полифоничнее, богаче ассоциативно и оптимистично-здоровее в самом позитивном смысле радости бытия. А это и есть гармоничная личность, то, к чему обязана стремиться любая гуманная педагогика, избавляющаяся от индоктринационных постулатов прошлого.

В этом отношении крайне интересен опыт московской “школы эйдетики”, где по методике профессора И. Матюгина у детей совершенствуют сенсорные способности и эйдетическую память. И. Матюгин убедительно показал, что при зубрежке человек напрягает в основном зрительную память и немного слуховую, а остальные клапаны восприятия перекрыты. Но однобокая информация не облегчает, а осложняет работу мозга. Собрав большой материал, позволяющий изучить не только основные виды памяти, он проанализировал и то, как сказывается выдающаяся память на основных сторонах личности – на мышлении, воображении, поведении, чертах характера и т. д. И убедившись, что личность становится намного гармоничнее и внутренне богаче и что не возникает никаких отрицательных последствий для здоровья, он запатентовал методику. И. Матюгин рассказывает: “Например, до нас никто серьезно не занимался тренировкой тактильной памяти, хотя все прекрасно знают о ее существовании. Мы стали заниматься развитием тактильной и обонятельной памяти фактуры поверхности. Набрали “двоечников” из разных классов и обследовали их на энцефалографе. Примечательно то, что почти у всех были выявлены те или иные отклонения от нормы. Оказалось, что дети плохо учились не из-за лени, а по причинам более серьезным... Затем мы провели серию занятий. Через месяц эту группу снова обследовали — у всех в какой-то мере поменялась “картина мозга”. Причем если по нашим тестам у некоторых учеников память улучшилась незначительно, то, по словам родителей и учителей, дети очень изменились: стали заниматься с удовольствием, у многих выросла самооценка. А у двоих больных диабетом — вообще чудо! — сахар нормализовался”.

Школы сенсорики могли бы стать той базой личностного развития, которая формирует социальную и психологическую уверенность и полифонизм у детей и подростков.

2. Следует, как мне кажется, обратить внимание современной педагогики на **фасцинирующую коммуникативность человека**. Лучше осваивать технику коммуникативности в детстве, так как потом ее корректировать очень трудно, поскольку она реализуется как коммуникативные автоматизмы и клише.

Мастерское владение голосовой фасцинацией создает очарование личностью и стоит того, чтобы не только “ставить” голос, но и постоянно совершенствовать тембрально-интонационные его характеристики. Одним из старых испытанных методов такого совершенствования всегда были упражнения в пении, декламации стихов и школьный театр. К сожалению, такая практика почти исчезла из педагогики российских школ. Очарование голосом является одним из базовых очарований человечества. Голос в его интонационных составляющих имеет магические характеристики. Такова его фасцинация.

Вторым пластом коммуникативности являются **симпатические техники обще-**

ния. Умение легко и непринужденно вступить в коммуникативный контакт, избегать агрессивных и антифасцинативных паттернов, применять средства привлечения внимания, управлять диалогом – все это редко дает природа, как правило, здесь оказывает влияние пример и подражание. Но не менее важно и учиться этому. Во всяком случае, переход от царствующей в России стрессово-конфликтной коммуникативности второй этической системы (по В. Лефевру) к мягкой и пластичной, комфортной для психики коммуникативности первой этической системы возможен с помощью специалистов по коммуникативным фасцинаторным техникам. Мой почти 20-летний опыт проведения коммуникативных тренингов такого рода показывает, что, во-первых, успех в этой сфере совершенствования личности возможен, а во-вторых, что в юном возрасте тяга к такому усвоению техник общения огромна. По-моему, их следовало бы включать в воспитательные процессы как можно раньше, до образования у личности стойких антифасцинативных автоматизмов.

3. Нельзя обойти вниманием также и то, что я называю **“фасцинацией-драматургией страстей”**: поглаживания и встряски. Детям нужно отношение, а не сусальное поглаживание по головке, хотя и оно очень ценно, особенно тогда, когда ребенок лишен ласки и внимания, как в интернатах и детских домах. И все же детям нужно заинтересованное взросло-серьезное отношение к ним как самостоятельным и самобытным личностям, и, значит, педагог должен уметь вести **игру в отношение**. Игра эта может быть только эмоционально напряженной и в ней должна в полной мере проявляться страстность педагога. Бесстрастных учителей дети не любят. Уж лучше пускай прикрикнет, чем будет безучастно-безразличным. Фасцинация заинтересованного внимания, даже негативного, сильнее безразличия.

Ребенку как воздух нужна страсть взрослого. Ребенок ее ищет и ждет. С первых дней жизни. Страсть любви и заботы с дозами гнева и осуждения. Фасцинация резкого оценочного отношения для ребенка очень важна, хотя, само собой разумеется, что абсолютна грань, за которую переходить ни в коей мере нельзя, за которой начинаются унижения и экзекуции – самое антифасцинаторное и антипедагогическое средство.

Педагог обязан быть драматургом эмоций и нравственных оценок.

4. Развитие креативного, творческого мышления ребенка невозможно без тренировки ума. Новизна должна стать не подарком, а приемом педагогики. Это означает, что педагог должен обладать драматургией новизны, уметь создавать ситуации ожидания и предвкушения новизны в каждом шаге на пути ко все более сложному и глубокому знанию. В этом большую роль играет **методика посильной новизны**, т. е. таких шагов в решении проблемных задач и ситуаций, которые мозгу в настоящий момент по силам. А поскольку у каждого ребенка всегда свой уровень “посильности”, необходима тонкая нюансировка развивающих проблемных заданий и игр. Непосильное не только усыпляет, но и создает фрустрацию, а это путь к потере интереса к учению.

Необходима, следовательно, **педагогика развития креативности мышления** через решение фасцинаторных, увлекательных, проблемных тематических и открытых заданий. Развитие мышления через преодоление посильных барьеров – самое лучшее, на мой взгляд, средство для развития креативности.

Мой учитель математики давал задания дифференцированно: особо продвину-

тым в математике ученикам – более сложные задачи, штук по пять. И никто в классе не обижался, поскольку все знали свой математический уровень. У других был более высокий уровень по другим предметам.

5. Очень важна для развития личности **педагогика напряжения** (по В. Франклу).

Чем младше человек, тем более он подвержен индоктринирующим влияниям, ибо воспринимает окружение как обучающую среду. В. Франкл отмечает: “В юношеском возрасте очень сильна мотивация к формированию образа “Я” через отрицание отвергаемых моделей поведения. Самоопределение и самоутверждение осуществляется посредством контрастного и резкого разграничения собственной идентичности с наблюдаемыми ввне примерами судеб и моделей жизни. Именно на этом строится психополитика индоктринации, ориентирующаяся на предложение незрелому индивидууму ролевых моделей, заведомо отличающихся от общепринятых. Личностная зрелость проявляется в адекватном восприятии того образа жизни, который не созревшему индивидууму представляется как формальный, банальный, пыльный (то есть отживший), скучный и серый, отыгравший, исчерпавший себя, неперспективный, безжизненный. Одна из задач психопрофилактики насильственной индоктринации заключается в предложении на самых ранних этапах становления личности жизнеспособных, пробуждающих любопытство и стимулирующих естественное стремление к подражанию жизненных образцов” (482, с. 54–69)

Поиск смысла жизни начинается в подростковом возрасте. Синдром эмоционально-физиологического напряжения, характерный для психологического состояния подростка, требует от педагогики корректных технологий перевода подростковой экстремальности и конфликтности, бунта и нигилизма в позитивные, социально полезные формы действий и поступков. Дети любят взрослые дела, а не игрушечки и фантики. Они жаждут общественно-полезной деятельности. Скаутизм именно потому и привлекателен для детей, что дает им радость от экстремальности достижений. Отторжение детей от серьезной жизни ведет к философии пофигизма, а от нее рукой подать до тепловой смерти чувств, по К. Лоренцу, к инфантильности и суггестивности. Для детей очень важно получить кайф или встряску.

В. Франкл приводит пример, как “в Осло с вандализмом успешно борются бывшие вандалы. Каждую ночь дюжина добровольцев в возрасте от четырнадцати до восемнадцати охраняют бассейн во Фрогнер-парке и ездят на городских трамваях, чтобы предотвратить порезы сидений. Больше половины из них – это бывшие хулиганы. “Быть на стороне закона, — говорится в соответствующем отчете, — оказывается для них таким же захватывающим делом, как и быть против него”. Иными словами, они искали возбуждения и напряжения, того напряжения, которого лишило их общество”.

Идеалы—это основа выживания, и дети инстинктивно тянутся к идеалу. Но им нужно уметь их дать в увлекающей их экстремальности форме. Иначе перед их глазами начинают фасцинировать псевдоидеалы, легко завораживающие их психику. В. Франкл замечает: “Психологическое напряжение не является чем-то, чего нужно безусловно избегать, а внутренняя гармония, душевный покой не является чем-то, что нужно безоговорочно признавать. Здоровая доза напряжения, такого, например, которое

порождается смыслом, который необходимо осуществить, является неотъемлемым атрибутом человечности и необходима для душевного благополучия. Прежде всего человеку нужно то напряжение, которое создается его направленностью. Фрейд сказал однажды, что “люди сильны до тех пор, пока они отстаивают сильную идею”. Сильную идею обрести можно с помощью педагогики напряжения и мудрого педагога, обладающего fascinations.

6. Не могу не отметить огромное влияние на детей fascinations праздника и праздничности. **Педагогика fascinations праздника очень желательна в школе.**

Праздник формирует коллективистские чувства, в этом было и остается истинное эволюционное предназначение праздника, открытое еще первобытным человеком. Сотвори праздник в душе своей, но сотвори его с друзьями, с близкими, с одноклассниками, и тогда он пройдет по жизни всегда с тобой.

Возможны особые и особенно оформленные семейные праздники, школьные праздники, праздники класса, праздники группы друзей, праздники групп по интересам. Главное, чтобы они не выливались в противопоставление и игру в престижи.

Игра и праздник существуют для оптимизма, общей радости и хорошего жизнеутверждающего настроения. Праздники с первобытных времен являются средством формирования в человеке духа оптимизма и радости жизни. Почему бы не культивировать в педагогическом процессе праздник как fascinationsно-воспитательное средство?

7. Нет, мне кажется, нужды особо доказывать желательность обретения каждым педагогом качеств fascinationsора-чародея.

Почти всякая коммуникативная профессия требует от профессионала артистизма, эстетически оформленной демонстрационности, коммуникативных умений и навыков от голосовой богато интонированной модуляции голоса до актерской драматизации и игры ролей.

Если коммуникатор быстро, мягко, удобно налаживает контакт, то fascinationsора чарует, очаровывает. Еще вне контакта, часто издали, он уже кружит голову и вызывает могучее, необъяснимое словами притяжение, мгновенную к себе симпатию. Установить контакт для него раз плюнуть, так как контакта с ним жаждут, ждут, мечтают о нем.

Учитель литературы со скрипучим или металлическим голосом вряд ли вызывает особую симпатию. Ему срочно следовало бы идти на непедagogическую работу. Постановка голоса может стать обязательным компонентом обучения в педагогическом вузе.

Умения массовика-затейника особенно ценились в пионерской работе и в таких пионервожатых дети души не чаяли. Они умели организовать и увлекательно проводить коллективные игры, затеи, розыгрыши, праздники.

Говорить о пользе **fascinationsного имиджа педагога** не приходится – это стало уже педагогической азбукой. Тем не менее в реальности дела с этим качеством педагога обстоят еще далеко неблагоприятно. По-видимому, причиной отставания от идеала является отсутствие хорошей тренинговой и консультационной fascinationsорной школы в системе образования. А она, как мне представляется, крайне необходима. Дети хотят быть учениками у педагогов-fascinationsоров, а не у афascinationsативных, блеклых и нудных “футляров”.

К проблеме этнической фасцинации

Имидж единства – одна из главных составляющих реального единства социальных групп и этнических общностей. Особенно характерны в этом отношении этнические имиджи, включающие в себя буквально все проявления тела и внешнего облика: особую этническую мимику, прически, раскраску тела, жестовую экспрессию, походку, позу, одежду. Весь этот знаковый комплекс у каждой этнической группы, народа и нации уникален и неповторим. Копирование его заканчивается, как правило, разоблачением и иронией. А унижительные удары по нему, нанесенные специально или по невежеству, будят агрессию и обиду.

Это подтвердили трагические события в Нигерии 22–23 ноября 2002 г., развернувшиеся вокруг конкурса красоты “Мисс Мира”. Они еще раз показали, насколько опасным может быть невежественное отношение к феноменам этнической массовой фасцинации. Там, где царствуют законы фасцинации (а не только информации!), необходимо быть особенно деликатным и чутким.

Я отметил в самом начале книги, что фасцинация в самом общем определении – это все, что вызывает удивление, очарование, радостный подъем в душе, восхищение, восторженность, умиление, любовь, но также и испуг, страх, эмоциональный шок. Могучая сила фасцинации заключается в том, что она отодвигает в сторону цензуру разума, и, образуя мгновенную нейрофизиологическую и психологическую доминанту, действует напрямую на глубинные эмоциональные структуры организма и личности.

Среди множества фасцин и фасцинаций особое место занимают фасцинации этнические и религиозные: образ “истинного человека своего народа”, идеалы мужчины и женщины, идеалы достойного социального поведения, символы племени и веры. Все это вплетено в психику каждого члена этнического социума и вызывает прилив фасцинативных чувств, создавая теплую психологическую атмосферу единения, сплоченности, радости. Удары по системе этнических и религиозных фасцин воспринимаются как самое низменное оскорбление, вызывают массовый гнев. Так и произошло в Нигерии. Уже решение о проведении в стране с более чем 200 племенами и преобладанием населения с мусульманским вероисповеданием конкурса “Мисс Мира” содержало огромный риск. И как только население Нигерии узнало об этом, оно отреагировало возмущением. Это был явный сигнал предостережения, и следовало сразу отказаться от проведения конкурса в Нигерии, даже если именно ее представительница завоевала звание “Мисс Мира” в предыдущем году.

У нигерийцев были по крайней мере две веские причины вспылать гневом. Во-первых, им навязывали чуждое их фасцинативной системе американо-европейское представление о женской красоте. У большинства нигерийских племен фасцинативной, то есть сексуально-очаровательной, девушкой считается девушка полная, достигшая внушительных габаритов. Девочек даже очень хорошо кормят, чтобы они к возрасту невест достигали “очаровательной полноты”. Так сложилось столетиями и стало этнической фасцинативной этих племен. А им навязчиво внушают, что обворожительны девушки под 180 см худосочного вида! Ну не надругательство над фасцинативным этническим чувством?

Второе, не менее сильное оскорбление – навязывание в качестве идеала сексуально-демонстрационного женского поведения, то есть выставленной напоказ кокетливой пла-

стики движений, эксгибиционистского оголения на сцене перед мужскими взорами. А идеал поведения женщины для правоверного мусульманина Нигерии диаметрально противоположен!

А когда последовал совершенно некорректный удар по психике нигерийцев, они не выдержали и превратились в яростную толпу, крушащую все подряд. Я имею в виду опус журналистки И. Даниэл, в котором она, восхищаясь прелестными (с точки зрения европейцев!) конкурсантками, провозгласила на всю Нигерию, что сам пророк Мухаммед с удовольствием выбрал бы любую из них в жены. Подобное надругательство над этнической и религиозной fascinaцией нигерийцев мог бы придумать только провокатор, которому поручили “взорвать” Нигерию. Журналистка, конечно же, не провокатор, а просто невежественный в социальной психологии и этнологии человек, но это не меняет положения вещей – взрыв народного возмущения произошел

Итог его печален: более 250 человек убиты, тысячи покалечены, разрушено множество христианских церквей, тысячи домов. Одним словом, произошло национальное бедствие, последствия которого будут залечиваться десятилетиями. При этом надо сказать и о правительстве Нигерии, которое также оказалось не на высоте: конкурсом “Мисс Мира” оно хотело, по-видимому, привлечь внимание к своей стране и заработать на туристах. А “заработало” проблемы и огромный материальный ущерб.

Когда речь идет о социальных решениях, которые касаются наций и религиозных конфессий, следует тысячу раз отмерить, в том числе с учетом знаний о религиозной и этнической fascinaции, прежде чем принимать политическое или даже экономическое решение. Ибо fascinaция не прощает циничного или хотя бы неумышленно-неосторожного, но “грязноватого”, вторжения в свою глубинную “сферу очарования”. Какими бы благими целями такие “вторжения” ни прикрывались.

Горе-журналистку нигерийцы-мусульмане приговорили к казни и она, сбежав из Нигерии, где-то скрывалась. Конкурс срочно перенесли в Лондон и прошел он без обычного блеска и фанфар. А в Нигерии – сотни убитых и тысячи искалеченных. Такова цена современного “цивилизованного невежества”. К. Лоренц справедливо считает, что чем дольше две этнические группы развивались независимо друг от друга, тем значительнее различия между ними, и из этих различий, аналогично сравнению признаков у видов животных, можно реконструировать код развития. И в том, и в другом случае можно с уверенностью принять, что шире распространенные признаки, принадлежащие более крупным сообществам, старше других. И это крайне желательно учитывать в политике (246).

Именно потому, что fascinaция – это тот эмоционально-чарующий цемент, который скрепляет любое человеческое сообщество от государств и политических партий до подростковых девиантно-экстремистских групп, ее следует учитывать в организации любых социальных воздействий. Во всяком случае, знание закономерностей fascinaции может значительно помочь в профилактике любых видов и форм этнического экстремистского поведения.

В рамках этнической fascинологии на первый план выступают такие проблемы, как этническая fascинативная семиотика, коммуникативный арсенал жестов и поз этноса, особенности fascinaции этнического тела с этническими канонами телесной красоты, fascинативная этническая символика и др.

Заключение

Суммируя все, что мне удалось сказать в этой книге, я предложил бы такую формулу: “Что бы ни случилось в вашей жизни встряхивающего, замечательного или чарующего – ищите фасцинацию!”

Часто приводят пример самца-шимпанзе, который воспользовался гремящей пустой канистрой из-под керосина для захвата статуса вожака в иерархии стада. Описавшая это наблюдение Дж. Гудолл дала такой комментарий: “Майкл и так был лидером и настойчивым самцом, канистра лишь облегчила ему путь на вершушку обезьяньей иерархии”. Но ведь это произошло с помощью именно неожиданного устрашающего для стада сигнала-Образа, его фасцинации! Не самый сильный, но смысленный и целеустремленный самец Майкл сумел воспользоваться шансом, превратив в фасцинативный сигнал-Образ канистру...

Проблема фасцинации огромна. Книгу, которую я представил публике, необходимо рассматривать лишь как первый опыт обзора тех вопросов, которые возникают в связи с осмыслением феномена фасцинации. За пределами опубликованного текста осталось еще столько же.

Фасцинологическая проблематика разрастается вширь и вглубь. Возникают все новые вопросы, обнаруживаются все новые и новые аспекты. Кажутся мне вполне корректными такие направления исследований феномена фасцинации, как эротическая фасцинология, фасциотерапия, этологическая фасцинология, эстетическая фасцинология, теория аутофасцинации, фасцинаторная теория фанатизма и аддикций. Представляется актуальным создание фасцинетики, т. е. практической фасцинологии, которая могла бы анализировать процессы создания практических фасцинаторных технологий и средств, а возможно и изобретать их.

Разум человеческий – что может быть полезнее и прекраснее в плане эволюционно-го приспособления к среде обитания, какой является планета Земля! Но уже давно ни для кого не секрет, что это прекрасное создание эволюции таит в себе разрушающие тенденции: злобу, агрессивное безумие, способность создавать средства, которые соизмеримы с космическими катаклизмами и опасны для планеты.

Фасцинация как коммуникативная составляющая всего живого на планете приобретает у человека качество не только средства управления индивидуальным и групповым поведением, но самодостаточного чарующе-ужасного средства, которое способно действовать и вне управляющих процессов, причем действовать разрушительно, даже антиэволюционно, как происходит с формированием вкусовых аддикций на сладкое и жирное, приводящих к массовому ожирению человечества. Страшны фасцинаторные воздействия в технологиях тоталитарной индоктринации и эпидемий субкультурной шизофренизации. С одной стороны, громадная сила очарования и нарциссизма, развивающая в человечестве чувства красоты, гармонии и совершенства, а с другой – не менее актуальная мощь промывки мозгов и заражения аддикциями самого низкого свойства, какими являются фанатическая погоня за плотскими удовольствиями, массовая игромания, азартное участие в разного рода массовых низкопробных шоу-лотерей и шоу-зрелищ, разжигание страстей легкой наживы,

а значит, как следствие, презрение к труду, провоцирование на массовую наркоманию и сексуальную вседозволенность. В основе погони современного человека за разного рода “уладами” и наслаждениями, азартом и “крутым экстримом” лежит чарующая экстремальная фасцинация, вызывающая доминанты удовольствий и сужение сознания до психофизиологических зависимостей и фанатизма. Прослеживается историческая тенденция: массовая фасцинация все более и более приобретает форму массовой субфасцинации, а это неизбежно ведет к снижению культурного уровня масс, заражению массовой субфасцинацией и антифасцинацией вульгарности, легкомыслия, тяги к наркотическим удовольствиям и легкодоступной услаждающей сексуальности порнографического исполнения, названных Ж. Бодрийером порносимулякрами.

Еще одной негативной тенденцией является очарование экстремистскими формами группового поведения, вплоть до героизации терроризма.

Расцвет деятельности целителей, знахарей, астрологов, гадалок, колдунов, широчайшая практика мошенничества во всех мыслимых и постоянно изобретаемых фасцинаторных формах обольщения, насыщение общества паттернами сексуально-эротического соблазна, прельстительные посулы политиков, массовый эксгибиционизм, захлестывающая молодое поколение скука со смертельными способами выхода из нее – вот тот далеко не полный ворох проблем современности, которые в огромной степени имеют своим подкреплением фасцинацию и решение которых может быть осуществлено только на основе исследований феномена фасцинации.

Но параллельно этому несмотря ни на что живет и не дает людям покоя активная, чарующая, возвышающая фасцинация красоты. Фасцинология призвана усилить ее могущество, потому что подлинной человеческой красоты без фасцинации не существует.

Не так давно на сайте одной из фирм, публикующих в Интернете объявления о поиске работы, вдруг увидел: “ищу работу специалиста по фасцинологии, факторингу, по контракту”. Это меня удивило и развеселило: еще нет ни специальности такой, ни тем более специальной подготовки, а уже есть люди, которые хотели бы работать фасцинологами. Но, может быть, я отстал от созданной мною науки и уже всюю в какой-нибудь тьмутаракани готовят фасцинологов? Это было бы отрадно, если учесть, что все более рьяно проявляют себя появившиеся противники фасцинологии и фасцинологического просвещения. Не является ли это объявление стихийным выплеском интереса или интуицией нового поколения, которое не будет ждать, когда вымрет старое, чтобы, как говорил Макс Планк, утвердилась истина.

Екатеринбург, 11 декабря 2005 г.

Литература

1. *Абрамова З. А.* Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии. М., Л.: 1966.
2. *Августин Аврелий.* Исповедь. М.: Ренессанс, 1991.
3. *Агол В.И.* Самопожертвование клетки. - <http://evolution.atheism.ru/>
4. *Адлер А.* Воспитание детей. Взаимодействие полов. Ростов-н/Д.: Феникс, 1998.
5. *Адлер А.* Мотив власти. // Адлер А. Наука жить. Киев: Port-Royal, 1997.
6. *Адлер А.* Комплекс неполноценности и комплекс превосходства. /Адлер А. Наука жить. Киев: Port-Royal, 1997.
7. *Адольф Э.* Развитие физиологических регуляций. М.: Мир, 1971.
8. *Аксенов В.* Затоваренная бочкотара. / Юность, 1964, № 4.
9. *Акимушкин И.* Первопоселенцы суши. М.: Мысль, 1972 .
10. *Албертс Б., Брей Д., Льюис Дж. и др.* Молекулярная биология клетки, 2-е изд. М.: Мир, 1994.
11. *Андерхилл Э.* Мистицизм. Опыт исследования природы и законов развития духовного сознания человека. К: София, 2000.
12. Аномальное сексуальное поведение. Под ред. А. А. Ткаченко. М.: 1997.
13. *Антипова А.М.* Тембр (качество голоса) как лингвистическая категория.// Ритмическая и интонационная организация текста. М.: 1982.
14. *Апулей.* Апология. Метаморфозы. Флориды. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.
15. *Аристотель.* Собр. соч. в 4 тт., т.4. М.: Мысль, 1983.
16. *Арнхейм Р.* Искусство и визуальное восприятие. М.: Прогресс, 1974.
17. *Аронсон Э., Праткинс Э.* Эпоха пропаганды. СПб.: 2002.
18. *Артамонов И.Д.* Иллюзии зрения. М.: 1961.
19. Арт-терапия. Хрестоматия. СПб.: ПИТЕР, 2001.
20. *Асафьев Б. В.* Речевая интонация. М.: 1925.
21. *Ашкинази Л.* Анатомия вкуса. // Наука и жизнь. 2003. № 8.
22. *Багиров Б. Б.* Фасцинология нужна всем! // Фасцинология. 2003. № 1.
23. *Барбакару А.* Я – шулер. М.: Феникс, 1997.
24. *Барбе д'Оревильты Ж.* О дендизме и Джордже Браммелле. М.: Независимая газета, 2000.
25. *Баумгартиер Г.* Физиологические рамки зрительного эстетического отклика.// Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики. М.: Мир, 1995.
26. *Баркер Ф.* Использование метафор в психотерапии. / НПО “МОДЭК”. Воронеж, 1996.
27. *Барнетт А.* Род человеческий. М.: Мир, 1968.
28. *Батай Ж.* Танатография эроса. СПб: МИФРИЛ, 1994.
29. *Батай Ж.* Запрет и трансгрессия. http://home.germany.net/web_master/1999/batai.htm
30. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1990.
31. *Бахтин М. М.* К философии поступка. // Философия и социология науки и техники. Ежегодник, 1984-1985. М.: Наука, 1986..
32. *Бежин Л.Е.* Под знаком “ветра и потока”. М.: Наука, 1982.
33. *Белкин А.А.* Русские скоморохи. М.: Наука, 1975.
34. *Беллман Р., Заде Л.* Принятие решений в расплывчатых условиях // Вопросы анализа и процедуры принятия решений. М., 1976.
35. *Белый А.* Проблемы творчества. М.: Советский писатель, 1988.
36. *Беляева-Экземплярская С.* Заметки о психологии восприятия времени в музыке. //

Проблемы музыкального мышления. М.: Музыка, 1974.

37. Бенетон Ф. Введение в политическую науку. М.: Весь мир, 2002.
38. Бергсон А. Смех. М., 1992.
39. Бердяев Н. Судьба России (Опыты по психологии войны и национальности). М.: Мысль, 1990.
40. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2001.
41. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. СПб.: Лениздат, 1992.
42. Берн Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных. СПб.: 1991.
43. Бертон Р. Чувства животных. М.: Мир, 1972.
44. Бессер-Зигмунд К. Магические слова. СПб.: Питер Пресс, 1996.
45. Беттельгейм Б. Просвещенное сердце. // Человек. 1992. №2–6.
46. Беттельгейм Б. О психологической привлекательности тоталитаризма. // Знание-сила. 1997. № 8.
47. Бехтерева Н. Н. Здоровый и больной мозг. Л.: 1980.
48. Бимель В. Мартин Хайдеггер. Изд-во “Урал LTD”, 1998.
49. Бионика вчера и сегодня. М.: Знание, 1969.
50. Блаженный Августин. О граде Божьем. Т.3. М.: Изд-во Спасо-Преображен. Валаамского монастыря, 1994. 14-17 XIV:16
51. Блейлер Э. Аффективность, внушение, паранойя: метод. рекомендации к учебному курсу “Психотерапия”. М.: Центр психологической культуры, 2001.
52. Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000.
53. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: 1995.
54. Бодрийяр Ж. Эстетика иллюзий, эстетика утраты иллюзий.// Элементы. 2000. № 9.
55. Бор Н. Причинность и дополнительность. / Избранные научные труды. Т.П. М.: Наука, 1971.
56. Борисов С. Культурантропология девичества. Морфология и генезис девичьей составляющей современной неофициальной детско- подростковой культуры
<http://proekt-psi.narod.ru/biblio/borisov.htm>
57. Браун Д. В. Ароматерапия. М.: Гранд, 2000.
58. Бриллиэн Л. Научная неопределенность и информация. М.: Сов. радио, 1970.
59. Бринке Й. Окно в каменный век. М.: Мысль, 1975.
60. Брудный А. А. Семантика языка и психология человека. Фрунзе: Илим, 1972.
61. Брудный А.А. Психологическая герменевтика: учеб. пособие. М.: Лабиринт, 1998.
62. Брудный А. А. Магия как феномен индивидуального и массового сознания // Околдованная реальность. М.: 1994.
63. Брудный А.А. Пространство возможностей. Введение в исследование реальности. Бишкек: 1999.
64. Брук П. Пустое пространство. М.: Прогресс, 1976.
65. Брун В., Тильке М. История костюма от древности до Нового времени. М.: ЭКСМО, 1995.
66. Брусенцев А.Е. Понимание загадко-пословиц в познавательном и коммуникативном контекстах // Понимание в коммуникации: Тезисы докладов Междунар. научн. конф. (28 февр. - 1 марта 2005 г., Москва). МГУ, 2005.
67. Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1977.
68. Бунин И. Окаянные дни. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1999.
69. Бутовская М. Л. Язык тела: природа и культура. М.: 2004.
70. Бэррон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: 1997.
71. Бьерре Й. Затерянный мир Калахари. М.: Мысль, 1964.

72. *Вайсбах Х., Дакс У.* Эмоциональный интеллект. М.: Лик Пресс, 1998.
73. *Вандерхилл Э.* Мистики XX века: энциклопедия. М.: АСТРЕЛЬ-МИФ, 2001
74. *Василюк Ф. Е.* Психология переживания. М.: МГУ. 1984.
75. *Валджи Х.* Ароматерапия. Ростов-на/Д.: Феникс, 1997.
76. *Валери П.* Об искусстве. М.: Искусство, 1976.
77. *Вартбург М.* Зеркальные нейроны. // Знание – сила. 2002. №3.
78. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
79. *Веккер Л.М.* Психика и реальность. Единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998.
80. *Вепрева И.Т.* Понимание в семье: миф или реальность? // Понимание в коммуникации: Тезисы докладов Межд. научн. конф. (28 февр. – 1 марта 2005 г., Москва). МГУ, 2005.
81. *Вернадский В. И.* Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988.
82. Вестник РГГУ / Кентавростика. 1996. №1.
83. *Визбор Ю.* “Я сердце оставил в синих горах”. М.: Физк. и спорт, 1986.
84. *Вилли К.* Биология. М.: Мир, 1968.
85. *Во И.* Незабвенная. (Серия "Мастера современной прозы", Ивлин Во). М.: Прогресс, 1974.
86. *Войсунский А.* Я говорю, мы говорим... М.: Знание, 1990.
87. *Войсунский А. Е.* Групповая игровая деятельность в Интернете. // Психологический журнал. 1999. №1.
88. *Вольф К.-Ф.* Предметы размышлений в связи с теорией уродов. Л.: Наука, 1973.
89. Вопросы оптимизации естественных коммуникативных систем. М.: МГУ, 1971.
90. *Вундт В.* Фантазия как основа искусства. Издание т-ва М.О. Вольфа. 1914.
91. *Вундт В.* Введение в психологию. СПб.: Питер, 2002.
92. *Гагарин Ю., Лебедев В.* Психология и космос. М.: Молодая гвардия, 1976.
93. *Гадамер Г. Г.* О праздничности театра. // Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М.: 1991.
94. *Гадамер Г. Г.* Истина и метод. М.: 1988.
95. *Галантер Ю., Миллер Дж., Прибрам К.* Планы и структуры поведения. М.: Прогресс, 1965.
96. *Ганнушкин П. Б.* Сладострастие, религия, жестокость. // Избр. тр. по психиатрии. Ростов-н/Д.: Феникс, 1998.
97. *Ганнушкин П. Б.* Клиника психопатий. Их статика, динамика, систематика. М.: 1933.
98. *Геббельс Й.* Последние записи. Смоленск: РУСИЧ, 1993.
99. *Гете И. В.* К учению о цвете. Хроматика. Очерк учения о цвете (отрывки). // Избр. соч. по естествознанию. М.: 1957.
100. *Гете И. В.* Избирательное сродство: Собр. соч. в 10 т. - М.: Худ. лит., 1978.
101. *Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.
102. *Гильбо Е.* Апология доктора Фрейда. // Знание – сила. 1989, август.
103. *Гиляровский В.А.* Учение о галлюцинациях. М.: 1949.
104. *Гитлер А.* Моя борьба. М.: 1998.
105. *Гоголь Н. В.* Собр. соч. в 6 томах. Т. 3. Повести. М.: Худ. лит., 1954.
106. *Гордон Д.* Терапевтические метафоры. СПб.: Белый кролик, 1995.
107. *Грегори Р.* Разумный глаз. Как мы узнаем то, что нам не дано в ощущениях. 2 изд. М.: Едиториал УРСС, 2003.
108. *Гримм А.* Пропорциональность в архитектуре. М.: 1935.
109. *Григулевич И.Р.* Инквизиция. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1976.
110. *Гробстайн К.* Стратегия жизни. М.: Мир, 1968.

111. *Гроф С.* За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М.: 1992.
112. *Гроф С., Хэлифакс Д.* Человек перед лицом смерти. М.- AlrLand, - Киев: Изд. Трансперсонального ин-та, 1996.
113. *Гуггенбуоль-Крейг А.* Благо Сатаны. Парадоксы психологии. СПб.: 1997.
114. *Гудолл Дж.* В тени человека. М.: Мир, 1974.
115. *Гуддол Дж.* Шимпанзе в природе: поведение. М.: 1982.
116. *Гумилев Л.* Старобурятская живопись. М.: Искусство, 1975.
117. *Гумилев Л.* Этногенез и биосфера Земли. М.: Рольф, 2001.
118. *Гуревич З. Б.* О жанрах советского цирка. М.: Искусство, 1984.
119. *Гутнов А., Глазычев В.* Мир архитектуры. М.: Мол. гвардия, 1980.
120. *Даниельссон Б.* Позабытые острова. М.: Наука, 1965.
121. *Данин Д.* Старт кентавристики. <http://science.rsuh.ru/danin-art.htm>
122. *Данкелл С.* Ночной Язык Тела. Арника, 1994.
123. *Данэм Б.* Герои и еретики. Политическая история западной мысли. М.: Прогресс, 1967.
124. *Дебор Ги-Эрнест.* Общество спектакля. Перевод с фр. С. Офертаса и М. Якубович. (электронная версия)
125. *Декер-Фойгт Г.* Введение в музыкотерапию. 2003.
126. *Делез Ж.* Логика смысла. М.: 1995.
127. *Дельгадо Х.* Мозг и сознание. М.: Мир, 1971.
128. *Дерябин В. С.* Чувства. Влечения. Эмоции. Л.: Наука, 1974.
129. *Джекобсон М.* Половые феромоны насекомых. М.: Мир, 1976.
130. *Дземидок Б.* О комическом. М.: Прогресс, 1974.
131. *Дирак П.* Подтверждено временем. // Курьер ЮНЕСКО. 1979. июнь.
132. *Добкин де Риос М.* Растительные галлюциногены. 1990.
133. *Добрин К.Ю.* Социология девиантного поведения подростков. 1999.
134. *Докинз Р.* Эгонистичный ген. М.: Мир, 1993.
135. *Дольник В. Р.* Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев. // Природа. 1993. № 1-3.
136. *Дольник В. Р.* Пол – разгадка жизни или жизнь – разгадка пола? // Химия и жизнь. 1995. № 9.
137. *Дольник В.* Естественная история власти. // Знание-сила. 1994. № 10–11.
138. *Дольник В.* Археология человеческих пристрастий. // Знание сила, 1979. № 4.
139. *Достоевский Ф. М.* Полное собр. соч. в 30 т. М.: Наука, 1976. тт. 14–15.
140. *Достоевская А.Г.* Воспоминания. М.: Худ. лит–ра, 1981.
141. *Дугин А.Г.* Философия Традиционализма. М.: 2002.
142. *Дулуман Е. Н.* Идея Бога. М.: Наука, 1970.
143. *Дюррель К.* Философия мистики, или двойственность человеческого существа. СПб.: Изд. А.Н.Аксакова, 1895.
144. *Дяттерев Н.* Есть ли у вас двойник?: Истории и мифы о двойниках. СПб: Невский проспект, 2002.
145. *Ефимова Е.С.* Субкультура тюрьмы и криминальных кланов. <http://www.ruthenia.ru/folklore/efimova5.htm>
146. *Жарарден Л.* Бионика. М.: Мир, 1971.
147. *Жикульский К.* Праздник и культура. М.: Прогресс, 1985.
148. *Жинкин Н. Н.* Механизмы речи. М.: 1958.
149. *Заборов М.А.* Крестоносцы на Востоке. М.: Наука, 1980.

150. *Зейгарник Б.В.* Патопсихология. М.: МГУ, 1986.
151. *Зюскинд П.* Парфюмер. История одного убийцы. М.: Радуга, 1992.
152. *Земан И.* Познание и информация. М.: Прогресс, 1966.
153. *Земпер Г.* Практическая эстетика. М.: Искусство, 1970.
154. *Златоустова Л.В.* Интонация и просодия в организации текста. Звучащий текст. М.: 1983.
155. *Иванов В. В.* Чёт и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: 1978.
156. *Изард К.* Эмоции человека. МГУ, 1980.
157. *Ильин И. П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада. 1998.
158. *Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев. М.: Панорама, 1995.
159. *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок. М.: Панорама, 1995.
160. *Исаев И. А.* *Politica hermetica*: скрытые аспекты власти. М.: Юристь, 2003.
161. *Искандер Ф.* Стоянка человека. 1979.
162. *Кабанес О., Насс Л.* Революционный невроз. М.: Изд-во КСП, 1998.
163. *Калина Н.* Основы психотерапии. М.: 1997.
164. *Кальвайт Х.* Шаманы, целители, знахари. Древнейшие учения, дарованные самой жизнью. М.: Совершенство, 1998.
165. *Камю А.* Бунтующий человек. М.: Изд-во полит. лит., 1990.
166. *Кандинский В.Х.* О псевдогаллюцинациях. М.: 1952.
167. *Кандинский В.* О духовном в искусстве. М.: 1992.
168. *Канторович Н. В.* Психогении. Ташкент: Медицина, 1967.
169. *Каплан Г. И., Сэдок Б. Дж.* Клиническая психиатрия (в 2-х т.). М.: 1994
170. *Каплан Р.* Сознательное зрение. М.: ИД “София”, 2003.
171. *Каппуччинелли П.* Подвижность живых клеток. М.: Мир, 1982.
172. *Карлейль Т.* Французская революция. История. М.: Мысль, 1991.
173. *Карлейль Т.* Герои, культ героев и героическое в истории./ Психология толпы. М.: Эксмо-СПг: TERRA FANTASTICA, 2005.
174. *Касаткина В.Н.* Теория сновидений. 1983.
175. *Кауэлл А.* В сердце леса. М.: Мысль, 1964.
176. *Кейдель В.Д.* Физиология органов чувств. Часть I. Общая физиология органов чувств и зрительная система. М.: Медицина, 1975.
177. *Кеннет Р.* Горная долина. М.: Наука, 1970.
178. Кентавристика: Опыт сочетания несочетаемого. Под ред. Д.С. Данина, Д.Н. Хубовой. // Вестник РГГУ. Вып.1. М.: РГГУ, 1996.
179. *Кербигов О. В., Коркина М. А., Наджаров Р. А., Снежневский А. В.* Психиатрия. М.: 1968.
180. *Кестлер А.* Анатомия снобизма. // ИЛ. 2001. № 4.
181. *Киньяр П.* Секс и страх. Перевод с французского И. Волевич. М.: Текст, 2000.
182. *Киппер Д.* Клинические ролевые игры и психодрама. М.: 1993.
183. *Киришаум Э., Еремеева А.* Психологическая защита. М.: Смысл, 2000.
184. *Киришенблат Я.Д.* Телергоны – химические средства воздействия животных. М.: 1968.
185. *Киселев Л. Л.* Геном человека и биология XXI века. // Вестн. Росс. академии наук. 2000. Т. 70, № 5.
186. *Киселева Ю. М.* Магия и поверья в московском медучилище // Живая старина. 1995. № 1.
187. *Кислинг Б.* Целительные свойства секса. СПб.: “Питер”, 1997.
188. *Китаев-Смык Л. А.* Стресс и психологическая экология. // Природа. 1989. № 7.

189. *Клименкова Т. А.* Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. М.: Преображение, 1996.
190. *Клевенская Т. М., Панкратов В. П.* Цветочная аранжировка. М.: 1988.
191. *Клер Р.* Сценарии и комментарии. М.: Искусство, 1969.
192. *Клер Р.* Кино вчера, кино сегодня. М.: Прогресс, 1981.
193. *Кнорозов Ю. В.* К вопросу о классификации сигнализации // Семиотика. Хрестоматия. М.: РГГУ, 2004.
194. *Ковалев Ф. В.* Золотое сечение в живописи. К.: Выща школа, 1989.
195. *Козинцев А. Г.* Об истоках антиповедения, смеха и юмора (этюды о щекотке) // Смех: истоки и функции. СПб., 2002.
196. *Колианский Г. В.* Паралингвистика. М.: Наука, 1974.
197. *Корсакова Н. К., Московичюте Л. И.* Клиническая нейропсихология. М.: 1988.
198. Клиническая психиатрия. Под ред. Г. Груле, Р. Юнга, В. Майер-Гросса, М. Мюллера. М.: Медицина, 1967.
199. *Коменский Я.* Избранные педагогические сочинения. Т 2. М.: 1939.
200. *Кон И. С.* Введение в сексологию. М.: Медицина, 1990.
201. *Кон И.* Мужское тело в истории культуры. М.: Слово, 2003.
202. *Кон И.* Лики и маски однополой любви. М.: Олимп, 2003.
203. *Кондратов А. А.* Звуки и знаки. М.: 1978.
204. *Конфисахор А. Г.* Психология власти. Питер, 2004.
205. *Корбюзье Л.* Три формы расселения. Афинская хартия. М.: Стройиздат, 1976.
206. *Корнблат Д.* Зовите меня мадам... // За рубежом. 1990. № 13 (1550)..
207. *Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В.* Социодинамическая психиатрия. М.- Ек-г: 2000.
208. *Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. М.: Прогресс, 1977.
209. Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики. Под ред. И. Ренглера, Б. Херцбергер, Д. Эпстайна. М.: 1995.
210. *Крафт-Эбинг Р.* Половая психопатия. М.: Республика, 1996.
211. *Кругляков Э. П.* Наука, антинаука и паранормальные верования. // Наука и жизнь. 2001. № 12.
212. *Кузнецов Б. Г.* Принцип дополнительности. М.: Наука, 1968.
213. *Кузнецов Б. Г.* Эйнштейн. Жизнь. Смерть. Бессмертие. М.: Наука, 1972.
214. *Кузьмин А. Ю.* Эндорфинная система организма. Теория и возможности практического использования. М.: 2001.
215. *Куттер П.* Целительная сила страстей. СПб: АВК, 2002.
216. *Кьеркегор С.* Страх и трепет. М.: "Республика", 1993.
217. *Кьеркегор С.* Дневник обольстителя. М.: 1994.
218. *Кьеркегор С.* Наслаждение и долг. Ростов-н/Д.: Феникс, 1998.
219. *Лазарус Р.* Теория стресса и психофизиологические исследования / Эмоциональный стресс. Л.: 1970.
220. *Лаку-Лабарт Ф., Нанси Ж.-Л.* Нацистский миф. СПб.: 2002.
221. *Ланглад де Ж.* Оскар Уайльд, или правда масок. М.: 1999.
222. Латинско-русский словарь. М.: 1961.
223. *Лебедева К.В., Миняйло В.А., Пятнова Ю.Б.* Феромоны насекомых. М.: Наука.1984.
224. *Лебон Г.* Психология народов и масс. / Психология толпы. Социальные и политические механизмы воздействия на массы. М.: 2003.

225. *Левы Э.* Учение и ритуал высшей магии. Том первый – учение. СПб, 1910.
226. *Левы-Брюль Л.* Первобытное мышление. М.: 1930.
227. *Левы-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: 1999.
228. *Левы Стросс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1985.
229. *Левы-Стросс К.* Путь масок. М.: Республика, 2000.
230. *Леле Ж.* Трактат о ласках. М.: 1994
231. *Леонгард К.* Акцентуированные личности. Киев: Выща школа. 1989.
232. *Леонтьев А. А.* Психоллингвистика. Л.: 1967.
233. *Лермонтов М. Ю.* Герой нашего времени. Соч. в 4-х томах. Т. 4. М.: Наука, 1959.
234. *Лефевр В. А.* Конфликтующие структуры. М.: Сов. радио, 1973.
235. *Лефевр В. А.* Алгебра совести. М.: Когито-Центр, 2003.
236. *Лисовский С.Ф.* Политическая реклама. М.: ИВЦ “Маркетинг”, 2000.
237. *Литвинский В. М.* Ускользящая красота зрелища. / Науч.иссл. и разработки в спорте. Вест. Санкт-Петербургской гос. академии физ. культуры им. П.Ф. Лесгафа. СПб.: 1999.
238. *Лихачев Д. С.* Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Л.: Наука, 1982.
239. *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984.
240. *Лихтенберг Г. К.* Афоризмы. М.: Наука, 1964.
241. *Логинов К. К.* Элементы “порно” в народной культуре русских Калерии. // Эрос и порнография в русской культуре. М.: ЛАДОМИР, 1999.
242. *Локвуд Д.* Я - абориген. М.: Наука, 1970.
243. *Ломброзо П.* Женщина, ее физическая и духовная природа и культурная роль. Мн.: 1991.
244. *Ломброзо Ч.* Гениальность и помешательство. Ростов-н/Д.: Феникс, 1997.
245. *Лоренц К.* Агрессия (так называемое “зло”). СПб.: Амфора, 2001.
246. *Лоренц К.* Восемь смертных грехов цивилизованного человечества. М.: Республика, 1998.
247. *Лоренц К.* Человек находит друга. М.: Мир, 1971.
248. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века), глава “Русский дендизм”. СПб.: 1994.
249. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975.
250. *Лосев А. Ф.* Эстетика возрождения. М.: Мысль, 1978.
251. *Лукиан.* Избранное. М.: Идея-пресс, 1989.
252. *Лукий или осел.* / Поздняя греческая проза. М.: Худ. лит., 1960
253. *Луман Н.* Социальные системы: очерк общей теории // Западная теоретическая социология 80-х гг. М.: 1989.
254. *Луман Н.* Власть. М.: Практикс, 2001.
255. *Луман Н.* Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.
256. *Луман Н.* Реальность массмедиа. М.: Практикс, 2005.
257. *Лурия А. Р.* Основы нейропсихологии. МГУ, 1973.
258. *Люшер М.* Сигналы личности. Рольевые игры и их мотивы. Воронеж: 1993.
259. *Мазаев А. И.* Праздник как социально-художественное явление. М.: Наука, 1978.
260. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: 1997.
261. *Майр Э.* Популяции, виды и эволюция. М.: Мир, 1974.
262. *Макиавелли.* Избранные сочинения. М.: 1982.
263. *Мак-Фарленд Д.* Поведение животных. Психобиология, этология и эволюция. М.:1988.
264. *Маленков А., Сарбаиш П.* В чем секрет зомби? Наука и жизнь. 1989. № 7.

265. *Малиновский Б.* Магия, наука и религия. М.: 1998.
266. *Малори Ж.* Загадочный Туле. М.: Мысль, 1973.
267. *Манн О.* Дендизм как консервативная форма жизни. // Волшебная гора. 1998. № 7.
268. *Манн Т.* Доктор Фаустус. Ташкент: 1986.
269. *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. Сухуми: Алашара, 1990.
270. *Маркова Н. Е.* Культуринтервенция. М.: Квадрат-С, 2001.
271. *Маркес Г. Г.* Осень патриарха. М.: 1978.
272. *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2002.
273. *Мартека В.* Бионика. М.: Мир, 1967.
274. *Маслоу А.* Психология бытия. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997.
275. *Маслоу А. Г.* Дальние пределы человеческой психики. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 1997.
276. *Маслоу А. Г.* Мотивация и личность. СПб.: 1999.
277. *Маслоу А.Г.* Новые рубежи человеческой природы. М.: 1999
278. *Мастерс У., Джонсон В., Колодни Р.* Основы сексологии. М.: Мир, 1998.
279. *Матвейчев О., Новиков В.* Предвыборная кампания: практика против теории. Екатеринбург: Изд. УрГУ, 2003.
280. *Мелетинский Е. М.* Первобытные истоки словесного искусства. <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky6.htm>
281. *Меннингер К.* Война с самим собой. М.: Эксмо-Пресс, 2000.
282. *Меркулов И. П.* Эволюционная эпистемология: история и современные подходы./ Эволюция, культура, познание. М.: 1996.
283. *Мерло-Понти М.* Око и дух. М.: 1992.
284. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука, 1999.
285. *Мечковская Н. Б.* Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий. М.: Агентство "ФАИР", 1998.
286. *Мид М.* Культура и мир детства. М.: Главная ред. вост. лит., 1988.
287. *Милнер П.* Физиологическая психология. М.: Мир, 1973.
288. *Мингал А. Б.* От идеи до истины. // Курьер ЮНЕСКО. Эйнштейн. 1979. Июнь.
289. *Минин П. М.* Мистицизм и его природа. Киев: Пролог, 2003.
290. *Мифы народов мира.* Энциклопедия в 2-х томах. М.: ОЛИМП, 2000.
291. *Мокеев Г. Я.* Архитектурные химеры Москвы.// Семиотика пространства. Екатеринбург: Архитектон, 1999.
292. *Молдовану И. В.* Культурологические модели «регуляции» функции дыхания и некоторые перспективы психосоматики. <http://www.inventors.ru>
293. *Мордовцева Т. В.* Идея смерти в культурфилософской ретроспективе. Таганрог: 2001.
294. *Морозов В. П.* Тайны вокальной речи. Л.: 1967.
295. *Морозов В.П.* Язык понятный всем на Земле. // Наука и жизнь. 1986. № 10.
296. *Музыкальная энциклопедия.* Т.1. М.: Сов. энциклопедия, 1973.
297. *Муссолини Б.* Доктрина фашизма. gZipLib.ru
298. *Набоков В.* Лолита. М.: 1989.
299. *Нажин М.* Мой народ сиу. М.: Молодая гвардия, 1964.
300. *Назаров М. М.* Массовые коммуникации и виртуализация социального пространства в современном обществе. // BUSINESS. 2001. №11.
301. *Нанси Ж.-Л.* Corpus. М.: AD MARGINEM, 1999.

302. Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А.Н. Афанасьевым. 1857–1862. М.: Ладомир, 1997.
303. *Неверман Г.* Сыны Дехея. Предания о демонах и рассказы охотников за головами. М.: 1960.
304. Нейрохимия. Под редакцией И. П. Ашмарина. М.: 1996.
305. Нейроэндокринология. Под ред. А. Л. Поленова. СПб.: 1993.
306. *Нейхардт А. А., Шишова И. А.* Семь чудес Древнего мира. М.-Л.: Наука, 1966.
307. *Нельсон Дж.* Проблемы дизайна. М.: Искусство, 1971.
308. *Непомнящий Н. Н.* Люди–феномены. М.: АиФ-Принт, 2003.
309. *Нестлер Э. Маленка Р.* Мозг наркомана. // В мире науки. 2004. № 6 июнь.
310. *Никитины Л. и Б.* Мы и наши дети. М.: Молодая гвардия, 1979.
311. *Никонов А.* Апгрейд обезьяны. Большая история маленькой сингулярности. М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2004.
312. *Нимейер О.* Архитектура и общество. М.: Прогресс, 1975.
313. *Ницше Ф.* Утренняя заря. Мысли о моральных предрассудках. Свердловск: Воля, 1991.
314. *Ницше Ф.* Соч. в 2-х томах. М.: Мысль, 1990.
315. *Новак В.* Социабильность или ассоциации индивидуумов одного вида как один из законов эволюции организмов. // Журнал общей биологии, 28, № 4.
316. *Нозль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996.
317. *Ньюсом Д., Терк Д.В., Крукеберг Д.* Все о PR. Теория и практика паблик рилейшнз. 7-е изд. М.: КГ Имидж-Контакт, ИНФРА-М, 2001.
318. *Нюттен Ж.* Мотивация. / Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресса, Ж. Пиаже. М.: Прогресс, 1975.
319. *Олдз Дж.* Выявление подкрепляющих систем головного мозга методом самораздражения. / Механизмы целого мозга. Природа электрических явлений в коре головного мозга. Сб. статей. Перевод с англ. М.: Изд-во ин. лит., 1963.
320. *Ольшанский Д. В.* Психология террора. М.-Екатеринбург: ОППЛ – Деловая книга, 2002.
321. *Оля Б.* Боги тропической Африки. М.: Наука, 1976.
322. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 1992. .
323. *Оруэлл Дж.* 1984. - “1984” и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989.
324. *Осоргин М.* Времена. Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд., 1992.
325. *Оуэн Н.* Магические метафоры. 77 историй для учителей, терапевтов и думающих людей. М.: Эксмо, 2002.
326. *Павлов И. П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. М.: Наука, 1973.
327. *Павлов И. П.* О русском уме. // Литературная газета. № 30 (5356) 31 июля 1991.
328. *Палмер, Д., Палмер Л.* Эволюционная психология. Секреты поведения homo sapiens. СПб.: ЕВРОЗНАК, 2003.
329. *Панова В.Ф., Вахтин Ю.Б.* Жизнь Мухаммеда. М.: Политиздат, 1991.
330. *Панченко А. М.* Смех как зрелище / Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.
331. *Пастернак Б.* Доктор Живаго. М.: Книжная палата, 1989.
332. *Пауль Г.* Философские теории прекрасного и научное исследование мозга. / Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики. М.: Мир, 1995.
333. *Паценков С. З.* Ипохондрия (клинический аспект проблемы). Ташкент: 1974.

334. *Пелевин В.* "Generition П." М.: 1999.
335. *Пелевин В.* Зомбификация. <http://pelevin.nov.ru/pov/pe-zombi/1.html>
336. *Пеппиг Э.* Через Анды к Амазонке. М.: 1960.
337. *Петраков Б. Д.* Основные закономерности распространения психических болезней в современном мире и в Российской Федерации // XII съезд психиатров России. М.: 1995.
338. *Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. М., 1994.
339. *Пиз А.* Язык жестов. Воронеж: НПО "МОДЭК", 1992.
340. *Пелед А., Гева А. Б.* Мозговая организация и психическая динамика // Журнал практической психологии и психоанализа. 2001. № 4, декабрь.
341. *Платон.* Сочинения в трех томах. Т.2. М.: Мысль. 1970.
342. *Повель Л., Бержье Ж.* Утро магов. К.: София, 1994.
343. *Подорога В.* Феноменология тела. М.: Ad Marginem, 1995.
344. *Понугаева А. Г.* Импринтинг (запечатление). Л.: Наука, 1973.
345. *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М.: Наука, 1966.
346. *Поршнев Б. Ф.* Конрсуггестия и история. / История и психология. М.: Наука, 1971.
347. *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М.: 1974.
348. *Почепцов Г.* Паблик рилейшинз для профессионалов. М.-К.: 1999.
349. Проблемы бионики. М.: Наука, 1973.
350. *Прибрам К.* Языки мозга. М.: Прогресс, 1975.
351. Прodelки хитрецов. Мифы, сказки, анекдоты о прославленных хитрецах, мудрецах и шутниках мирового фольклора. М.: 1972.
352. *Пропт В. Я.* Морфология сказки. М.: Наука, 1969.
353. *Пропт В. Я.* Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976.
354. Психология. Словарь. Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд. М.: 1990.
355. Психотерапевтическая энциклопедия. СПб.: 1998.
356. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин: Собр. соч. в 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 5.
357. *Пьерон А.* Потребности. / Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Выпуск III. М.: Прогресс, 1970.
358. *Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: Правда, 1981.
359. *Радзиховский Л. А.* Милый лжец. // Человек. 1990. № 1.
360. *Райх В.* Психология масс и фашизм. СПб.-М.: 1997.
361. *Райх В.* Сексуальная революция. СПб.-М.: 1997.
362. *Райх В.* Функция оргазма. СПб.-М.: 1997.
363. *Райцес В. И.* Жанна д'Арк. Факты, легенды, гипотезы. Л.: Наука, 1982.
364. *Разумовский Ф.* Большое пространство малого города. // Наше наследие. 1989. VI.
365. *Расмуссен К.* Великий санний путь. М.: 1958.
366. *Рафси Д.* Луна и радуга. М.: Наука, 1978.
367. *Рейнин Г. Р.* Контрапункт восприятия. / Реальность и субъект. 1998, т. 2.
368. *Ренар Ж.* Дневник. М.: Худ. лит., 1965.
369. *Рид П.* Дочь профессора. М.: Прогресс, 1974.
370. Римская сатира. М.: Худ. лит., 1957.
371. *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск, изд-во НГУ, 1995.
372. *Романов С. А.* Мошенничество в России. 1000 способов, как уберечься от аферистов. М.: 1996.
373. *Роттердамский Э.* Похвала глупости. М.: 1961
374. *Роуз Ф.* Аборигены, кенгуру и реактивные лайнеры. М.: Наука, 1972.

375. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
376. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Т.2. М.: 1989.
377. Рудестам К. Групповая психотерапия. М.: Универс, 1993.
378. Савчук В. В. Язык чести, или судьба пощечины. // Философский журнал. 1994. № 1.
379. Савчук В. В. Пульс праздника. -<http://anthropology.ru/ru/texts/savchuk/feast.html>
380. Саган К. Драконы Эдема. Рассуждения об эволюции человеческого разума. М.: 1987.
381. Садохин А. П. Этнология. М.: Гардарики, 2000
382. Сантаяна Дж. Скептицизм и животная вера. М.: Владимир Даль, 2001.
383. Свендсен Л. Философия скуки. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
384. Светоний Г. Т. Жизнь двенадцати цезарей. М.: 1992.
385. Свядоц А. М. Женская сексопатология. М.: Медицина, 1974.
386. Седлецкий И. Преднерестовое поведение цихлид: факты и предположения. // Аквариум. 1994. № 1–2.
387. Селье Г. Стресс без дистресса. М.: 1982.
388. Семенов Ю. И. Как возникло человечество. М.: Наука, 1966.
389. Семиотика и искусствометрия. М.: 1974.
390. Семиотика пространства. Екатеринбург: Архитектон, 1999.
391. Симашико М. Маздак. М.: Сов. писатель, 1975.
392. Симонов П. В. Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981.
393. Симонов П. В. Мотивированный мозг. М.: Наука, 1987.
394. Сидоренко В. Н., Гомон Е. С. Музыкаотерапия (<http://sitherapia.narod.ru/all.htm>)
395. Скиржавичус А. В. Феромонная коммуникация насекомых. Вильнюс. 1986.
396. Слобин Д., Грин Дж. Психоллингвистика. М.: Прогресс, 1976.
397. Слотердайк П. Критика цинического разума. Ек-бург: Изд-во УрГУ, 2001.
398. Смех: истоки и функции./ Под ред. А.Г. Козинцева. СПб.: Наука, 2002.
399. Собеседование по общей теории сигнализации с Ю. В. Кнорозовым // Структурно-типологи ческие исследования: сб. статей. / Отв. ред. Т. Н. Молошная. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
400. Соковнин В. М. О природе человеческого общения (опыт философского анализа). 2-е изд. Фрунзе: Мектеп, 1974.
401. Соковнин В. М. Социализация, общение, педагогика. / Вопросы педагогики и психологии общения. Фрунзе: Мектеп, 1975
402. Соковнин В. М. Стереотипы в восприятии внешнего облика человека и герои театра и кино. // Проблемы использования экспертных методов в социологическом изучении театральной жизни. Л.: 1977.
403. Соковнин В. М. Фасцинология как наука. // Фасцинология. 2003 . № 1.
404. Соковнин В. М. Закон актуального демонстрирования тела и внешнего облика. // Фасцинология. 2003 . № 1
405. Соковнин В. М. Тело нации. // ТЕЛЮ. 2004. № 1.
406. Соколова Э. П. Культ животных в религиях. М.: Наука, 1972.
407. Соколов Д. Сказки и сказкотерапия. М.: 1997.
408. Соколов Е. Н. Нейронные механизмы памяти и обучения. М.: Наука, 1981
409. Соколов С. И. Психологические аспекты восприятия города. / Художественное восприятие. I. Л.: Наука, 1971.
410. Соловьева А. И. Основы психологии слуха. ЛГУ, 1972.

411. *Соломзес Дж., Чебурсон В., Соколовский Г.* Наркотики и общество. OCR Палек, 1998.
412. *Сорокин П.* Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар: 1991.
413. *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
414. *Сосланд А.* Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или как создать свою школу в психотерапии. М.: Логос, 1999.
415. *Сосланд А.* Кайнерастия – <http://kogni.narod.ru/kaineras.htm>
416. *Станиславский К. С.* Моя жизнь в искусстве. М.: Искусство, 1962.
417. *Суворова В. В.* Психофизиология стресса. М.: Педагогика, 1975.
418. *Суини Ли.* Генный допинг.// В мире науки. 2004. № 10 октябрь.
419. *Сукиасян С. Г.* Стрессология – наука о страдании. Ереван: 1996.
420. *Сухотин А.* Парадоксы науки. М.: Молодая гвардия, 1978.
421. *Сэндидж Ч., Фрайбургер В., Ротцолл К.* Реклама. Теория и практика. М.: 1989.
422. *Тайлор Э. Б.* Миф и обряд в первобытной культуре. Смоленск: РУСИЧ, 2000.
423. *Танги Ф.* Чтение пейзажа./ Семиотика пространства. Екатеринбург: 1999.
424. *Тахо-Годи А. А.* Греческая мифология. М.: Искусство, 1989.
425. *Твардовский К.* Образы.// Воображение как познавательная способность. М.: 2001.
426. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М.: Наука, 1987.
427. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. Вселенская месса. М.: 2002.
428. Теория заговора: Тайны и сенсации. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999.
429. Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М.: 1990.
430. *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М.: Наука, 1983.
431. *Тиммеринг Г. Е.* Золотое сечение. СПб.: 1924.
432. *Тинберген Н.* Поведение животных. М.: Мир, 1969.
433. *Тинберген Н.* Осы, птицы, люди. М.: Мир, 1970.
434. *Тинберген Н.* Записки любознательного натуралиста. М.: Мир, 1970.
435. *Тинберген Н.* Социальное поведение животных.: Пер. с англ. М.: Мир, 1993.
436. *Ткаченко А.А.* Эволюционно-биологическая концепция парафилий. // Журнал неврологии и психиатрии. 1998. № 5.
437. *Тонкова-Ямпольская Р.* Развитие речевой интонации у детей первых двух лет жизни. // Вопросы психологии. 1968. № 3.
438. *Толстой Л. Н.* Собр. соч. в 12-ти томах. Т. 10. – М.: Худ. лит-ра, 1975.
439. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М.: ООО “Издательство АСТ”, 2002.
440. *Трифонов Ю.* Нетерпение. Повесть об Андрее Желябове. М.: Политиздат, 1973.
441. *Трофимчук Н. А., Свищев М. П.* Экспансия. М.: 2000.
442. *Тхостов А. Ш.* Психология телесности. М.: Смысл, 2002.
443. *Тюйе П.* Крот и мотылек. Заметки об Эйнштейне, науке и субъективности. // Курьер философии. М.: 1988.
444. *Уилсон Р.* Квантовая психология. Как работа Вашего мозга программирует Вас и Ваш мир. К.: ЯНУС, 1998.
445. *Уилсон Р.* Новая инквизиция. М.: Янус, 2001.
446. *Уилсон Р. А.* Психология эволюции. К.: 1998.
447. *Устинова Н. В.* Политическая репутация: сущность, особенности, технологии формирования (автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. политологических наук). Екатеринбург: 2005.

448. *Ухтомский А. А.* Учение о Доминанте. Л.: 1937.
449. *Ухтомский А.* Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Петербургский писатель, 1996.
450. *Ухтомский А.* Доминанта. СПб.: Питер, 2002.
451. *Чалдини Р.* Психология влияния. 4-е междунар. изд. СПб.; М.; Харьков; Минск, 2001.
452. *Чередникова М. П.* Индивидуальные галлюцинации как факт этнопсихологии. <http://www.ruthenia.ru/folklore/cherednikova1.htm>
453. *Черняк Е.Б.* Приговор веков (Из истории политических процессов на Западе). М: Мысль, 1971.
454. *Шаллер Дж.* Год под знаком гориллы. М.: Мысль, 1971.
455. *Шелер М.* Избранные произведения. М.: 1994.
456. *Ширишов В. Д.* Знаки фасцинации в педагогической коммуникации. // Жур. теоретических и прикладных исслед.. 2004. №1 (25).
457. *Ширишов В. Д.* Педагогическая фасцинация.// Материалы региональной научно-практической конференции “Моделирование социально-педагогических систем”. http://www.pspu.ru/sci_model_shirsh.shtml
458. *Шиффман Х. Р.* Ощущение и восприятие. 5-е изд. 2002.
459. *Шкловский В.* Энергия заблуждения. М.: Сов. писатель, 1981.
460. *Шкуратов С.* Настроение как фундаментальный феномен жизни. (<http://lebenswelt.narod.ru/shkuratov.htm>)
461. *Шовен Р.* Мир насекомых. М.: Мир, 1970.
462. *Шовен Р.* Поведение животных. М.: Мир, 1972.
463. *Шопенгауэр А.* Афоризмы и максимы. Изд-во ЛГУ: 1991.
464. *Шостром Э.* Анти-Карнеги, или человек-манипулятор. Минск: ТПЦ «Полифакт», 1992.
465. *Шпренгер Я., Инститорис Г.* Молот ведьм. М.: 1932.
466. *Шрейдер Ю. А.* Логика знаковых систем (элементы семиотики). М.: 1974.
467. *Шукиин В.* Беспалый: Избр. произв. в 2 томах. Т.1. М.: Молодая гвардия, 1975.
468. *Шульговский В.В.* Основы нейрофизиологии. М.: Аспент Пресс, 2000.
469. *Шустер Г.* История тайных союзов в 2 томах. Изд-ва REFL-book и Ваклер, 1996.
470. *Шушарджан С. В.* Музыкаотерапия: история и перспективы. // Клиническая медицина. 2000. № 3.
471. *Щепанская Т. Б.* Антропология молодежного активизма // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга. СПб.: 1999.
472. *Щепанская Т. Б.* Субкультуры // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003.
473. *Шербатых Ю.В.* Психология страха. М.: “Эксмо”. 2002.
474. *Фант Г.* Акустическая теория речеобразования. М.: 1964.
475. *Фабри К. Э.* Игра у животных. М.: 1985.
476. *Фабри К. Э.* Основы зоопсихологии. М.: 1993.
477. *Феофраст.* Характеры. Л.: Наука, 1974.
478. *Феррис П.* Зигмунд Фрейд. Минск: Попурри, 2001.
479. *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента, 1999.
480. *Филин В. А.* Видеоэкология. Что для глаза хорошо, а что плохо. М.: МЦ Видеоэкология, 1997.
481. *Финк Э.* Основные феномены человеческого бытия. / Проблема человека в

- западной философии. М.: 1988.
482. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990 .
483. *Франкл В.* Доктор и душа. СПб.: Ювента, 1997.
484. *Франк С. Л.* Этика нигилизма. / Вехи. Интеллигенция в России. М.: 1991.
485. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1989.
486. *Фрейд З.* Очерки по психологии сексуальности. М.: МЦ "Система" при МК ВЛКСМ, 1989.
487. *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого "Я". Глава VIII "Влюбленность и гипноз?": Психология толпы. М.: Эксмо-СПб: TERRA FANTASTICA, 2005.
488. *Фрейд З.* Остроумие и его отношение к бессознательному // Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995.
489. *Фрейд З.* Влечения и их судьба. М.: 1999
490. *Фрейд З.* По ту сторону принципа наслаждения; Я и оно; Неудовлетворенность культурой. СПб.: 1998.
491. *Фрейд З.* Тотем и табу. М.: Олимп, 1997.
492. *Фрейденоберг О. М.* Происхождение пародии. // Труды по знаковым системам. VI. Тарту, 1973.
493. *Фресс П.* Эмоциогенные ситуации. / Экспериментальная психология. / Ред.-сост. П. Фресс, Ж. Пиаже. М.: Прогресс, 1975.
494. *Фромм Э.* Психоанализ и религия. // Сумерки богов. М.: 1989
495. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М.: 1994.
496. *Фрззер Дж.* Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1980.
497. *Фрумкина Р. М.* Психолингвистика. М: 2000.
498. *Фукидид.* История. М.: Наука, 1981.
499. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: "Ad Marginem", 1999.
500. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Кастань, 1996.
501. *Фуко М.* О трансгрессии. / Танатография Эроса. СПб.: Мифрил, 1994.
502. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб.: Универс.книга, 1997.
503. *Фукс Э.* Egotica. Галантный век: пиршество страсти. М.: Диадема-Пресс, 2001.
504. *Фукс Э.* Egotica. Ренессанс. Буйство плоти. М.: Диадема-Пресс, 2001.
505. *Фукс Э.* Egotica. Буржуазный век. Конвейер удовольствий. М.: Диадема-Пресс, 2001.
506. *Фукуяма Ф.* Конец истории? // ВФ. 1990. № 3.
507. *Хазен А. М.* О лженауке, ее последствиях и об ошибках в науке.
<http://nauka.relis.ru/01/0210/01210103.htm>
508. *Хайдеггер М.* Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993.
509. *Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа. 1991.
510. *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм. / Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988.
511. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.
512. *Хайек Ф. А.* Дорога к рабству. // Вопр. философии, 1990. № 11-12.
513. *Хайнд Р.* Поведение животных. Синтез этологии и сравнительной психологии. М.: 1975.
514. *Харрис Р.* Психология массовых коммуникаций. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК и Издательский дом НЕВА, М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
515. *Хейзинга Й.* Homo Ludens; Статьи по истории культуры. М.: 1997.
516. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. Т. 1. М.: Педагогика, 1986.
517. *Хесле В.* Кризис индивидуальной и коллективной идентичности. // ВФ, 1994, №10.

518. *Хогарт У.* Анализ красоты. Л.: Искусство, 1987.
519. *Хренников О.В.* Типология и структура невербальных проявлений агрессивного поведения в различных этнических группах. // Таврический журнал психиатрии. v.1. 1997. № 3.
520. *Хэнзел Ч.* Парапсихология. М.: Мир, 1970.
521. *Эйбл-Эйбесфельдт И.* Биологические основы эстетики. /: Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики. М.: Мир, 1995.
522. *Эйзенштейн С.* Избранные произведения в 6-ти томах. Т. 3–4. М.: Искусство, 1964.
523. *Эйштейн А.* Собрание научных трудов. Т. IV. М.: Наука, 1967.
524. *Элькин А.* Коренное население Австралии. М.: Иностранная литература, 1952.
525. *Энтиген Л. Е.* Как же вы устроены, господин тело? М.: ЛИНКА-ПРЕСС, 1997.
526. *Энтин Дж.* Теории заговоров и конспиративистский менталитет.// Новая и новейшая история. 2000. № 1.
527. Энциклопедия пыток и наказаний. М.: 1997.
528. *Эшштейн М.* Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре. СПб.: Алтейя, 2001.
529. *Эшштейн М.* Ужас как высшая ступень цивилизации. // Новая газета. 1 ноября 2001.
530. *Эрикссон М.* Мой голос останется с вами. СПб.: 1995.
531. *Эскарпи Р.* Литератрон. М.: Молодая гвардия, 1966.
532. *Эткинд Е.* Сила эпитагмы. // Испанская классическая эпитагма. М.: 1970.
533. *Эшби У. Росс.* Конструкция мозга. М.: Мир, 1964.
534. *Эфроимсон В. П.* Родословная альтруизма. // Новый мир. 1961. № 10.
535. *Юнг К.* Аналитическая психология. М.: 1995.
536. *Юнг К.-Г.* Архетип и символ. М.: 1991.
537. *Юнг К.Г.* Психологические типы. М.– СПб.: 1996.
538. *Ярошевский М. Г.* Охлотелесуггестия. // Вопросы психологии. 1994. № 3.
539. *Ярхо В. Н.* Семь дней в афинском театре Диониса. М.: Лабиринт, 2004.
540. *Ясперс К.* Собрание сочинений по психопатологии в 2 т. М.-СПб.: 1996.
541. *Ясперс К.* Общая психопатология. М.: Практика, 1997.
542. *Ясперс К.* Философская вера. / Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.
543. *Bollnow O.F.* Das Wesen der Stimmungen. Frankfurt a. M., 1968.
544. *Freedman D.G.* Human sociobiology: A holistic approach. New York; London: Free Press, Collier Macmillan, 1979.
545. *Lumsden C.J., Gushurst A.C.* Gene-Culture Coevolution: Humankind in The Making // Sociobiology and Epistemology. Boston, 1985.
546. *Smillie D.* Sociobiology and Human Culture // Sociobiology and Epistemology. Dordrecht, 1985.
547. *Scott J. P.* Animal behavior. The University of Chicago Press, 1958.

научное издание

Владимир Михайлович Соковнин

ФАСЦИНОЛОГИЯ. Прологомены к науке о чарующей,
доминантной и устрашающей коммуникации животных и
человека

Верстка: *автор*

Оформление обложки: *автор*

корректоры: *В. И. Первухина, Н.В. Чапаева*

Ответственный за выпуск: *Н. А. Юдина*

Подписано в печать 21. 12. 2005 г. Формат 64 х 90 / 16
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Уч.–изд. 35, 0 л. Тираж 500 экз. Заказ 1479

Издательство Уральского государственного университета
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Отпечатано в ИПЦ “Издательство УрГУ”
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Приложение

проект издания книги «**ФАСЦИНАЦИЯ и ДУША**»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Памяти Энрико де Вильена	8
Предисловие	9
Глава I ФАСЦИНАЦИЯ, ФАНАТИЗМ, БЕЗУМИЕ	
Психиатрия и антипсихиатрия о безумии	10
Фасцинация и сужение сознания	13
Виды сужения сознания	16
Увлеченность, азарт, одержимость	20
Регрессии	23
Моноидеизм и фанатизм	28
Фасцинация экстремизма	34
Паранойальные акцентуации личности	36
Творческая одержимость	40
Скука, депрессии и агедония	44
Шизофрения	47
Глава II ФАСЦИНАЦИЯ, АДДИКЦИИ, ФЕТИШИЗМ	
Наслаждения и физиологические замки	50
«Синдром крысы» и тяга к повторению наслаждения	54
Индивидуальные фасцины и фетишизм	58
Гитлер в партбилете коммуниста	58
Оргазмическая аддикция, перверсии, сексуальный фетишизм	60
Вкусовая фасцинация и ожирение	62
Экстремальные аддикции	65
Мании и фобии	67
Игромания	65
Компьютерная аддикция	70
Фетишизм привычек	74
Глава III ФАСЦИНАЦИЯ И НАРКОМАНИЯ	
Мучения социальной депривации и скуки	80
Наслаждение от наркотика и «синдром крысы»	88
Настроение	92
Галлюцинации	95
Разрушенная физиология и муки ломки	100
Проблема вытесняющей фасцинации в избавлении от наркомании	105
Глава IV АУТОФАСЦИНАЦИЯ	
Рефлексия и воображение	110
Фантазии и грезы	112
Галлюцинации	114
Транс	116
Сумеречные состояния	119
В фасцинаторном мире Идеалов и возможного	121
Фантазмы сновидений	123
Фантазии и сны как вытесняющая фасцинация и регрессия	125
Аутизм	129
Фантоматика	130
Глава V ФАСЦИНАТИВНЫЙ АССОНАНС (гипотеза)	
Приятные соответствия и созвучия	132
Фасцинативный ассонанс и феномен идентификации	135
Счастливые и несчастливые двойники	139
Искусственные ассонансы	144
Семейно-родовые ассонансы	148
Глава VI ФАСЦИНАЦИЯ и АДДИКЦИЯ КРИТИКИ	
Филогенетическая изначальность критической психики	152
Фасцинация критики	154

Критика профанная и интеллектуальная	159
Критика как поза и критик в позе	163
Анонимная критика	169
Критика как стрессор и стимулятор	172
Жестокость критики	175
Осмеяние и насмешка	177
Критика в двух социально-этических системах (по В. Лефевру)	180
Критика и политика	185
Глава VII ФАСЦИНАЦИЯ В ТЕХНОЛОГИЯХ ИНДОКТРИНАЦИИ	
Аффилиация и индоктринация	187
Коммунитас, лиминальность и индоктринация	190
Идеологическая индоктринация	192
Тоталитарная индоктринация	196
Педагогическая индоктринация	198
Индоктринация экстремизма	201
Технологии и техники контриндоктринации	208
Глава VIII ФАСЦИНАЦИЯ МАГИИ И ВЕРЫ	
Тайна, страх, опора, вера	211
Пралогическое магическое сознание	215
А. Эйнштейн об иррациональности и вере	219
Магические фасцинативные сигналы	223
Фасцинативные техники и приемы современной магии	227
Глава IX ФАСЦИНАЦИЯ В ПЛУТОВСКИХ ТЕХНИКАХ	
Гипотеза Р. Докинза о плутовстве эгоистичного гена	230
Феномен «казаться»	233
Магия плутовства	237
Фасцины плутовства	239
Мошенники как искусные фасцинаторы	241
Способы противодействия плутовству	245
Глава X СЕКСУАЛЬНАЯ ФАСЦИНАЦИЯ	
Эксперимент	248
Тактильная сексуальная фасцинация	250
Оргазм, сладострастие, вождление	253
Сексуально-фасцинативная сигнализация	257
Сексуальная сигнализация геев и лесбиянок	260
Сексуальная депривация и перверсии	262
Сексуальный фетишизм	265
Пухлые женские губы	268
Искусственные сексуальные приспособления и техники	270
Донжуан и кокетка – сексуальные фасцинаторы	273
Секреты куртизанок и гейш	275
Влюбленность	278
Любовь как аддикция	280
Глава XI СУБФАСЦИНАЦИЯ СТИЛЯ «ЭКСГИБИ»	
Обнаженное тело как фасцинативный сигнал-Образ	283
Вауэризм и эксгибиционизм – близнецы эротики	286
Сексуальные интенции конторсии	290
Эротический танец как ритуал и искусство	292
Нудизм: философия, эпатаж, аддикция	296
Субфасцинативный эротизм эксгиби	301
Фасцинирующий эротизм стриптиза	305
Сексуальная оргия и карнавал	309
Сценический эксгиби	313
Эксгиби в рекламе	318
Уличный эксгиби (стрикинг)	322
Эксгиби как форма сексуальных контактов	328
Опасен ли эксгиби?	332
Заключение	384
Литература	386